This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

K/66/1278

125

125

СПБ. Университетъ
БИБЛІОТЕКА ИСТОРИЧЕСКАГО СЕМИНАРІЯ
Шкафъ.....Полка.....№.....
Е II 2

ОПЫТЫ

ИЗУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

и

ИСТОРІИ.

Ленингр. Государств. Университет
Историческій Кабинет

Zabelin, I. E. 125
11

ОПЫТЫ ИЗУЧЕНІЯ

РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

И

ИСТОРІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОПИСАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ КАБИНЕТ
№ 11077
Шкаф

ИВ. ЗАБѢЛИНА.

ЧАСТЬ II.

Изданіе К. Солдатенкова.

Цѣна 2 руб.

СПБ. Университетъ
БИБЛІОТЕКА ИСТОРИЧЕСКАГО СЕМИНАРІЯ
Шкафъ 4 Полка II № 2

МОСКВА.
Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.
1873.

DK5
Z34
v.2

РАЗМЫШЛЕНІЯ О СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Въ послѣднее время (писано въ 1861 г.) все чаще и чаще повторяются выраженія: «государственное тѣло», «государственный организмъ», «народный организмъ», «общественный организмъ», чаще и чаще мы слышимъ толки и разсужденія о народѣ, какъ живомъ цѣломъ, которое само въ себѣ носитъ стихіи своего существованія, законы своего развитія. Мы, однимъ словомъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствуемъ вѣяніе какой-то новой идеи, которая неудержимо растетъ и ширится въ нашемъ сознаніи, проникаетъ всюду, высказывается и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ дипломатическихъ нотахъ, и въ журнальныхъ фельетонахъ, и въ простыхъ толкахъ о политикѣ. Не успѣвъ еще порядочно укорениться на нашей ученой почвѣ, идея эта заслуживаетъ уже нареканіе со стороны нѣкоторыхъ философовъ, не разобравшихъ, къ сожалѣнію, что идея организма вовсе не то, что̀ идея прогресса. Нужно, однакожь, замѣтить, что идея организма не новость, не вчерашнее нѣмецкое изобрѣтеніе, противъ котораго слѣдовало бы ратовать, какъ противъ иноплеменной напасти; она сознавалась уже свѣтлыми умами древности; она развивалась, вырастала вслѣдъ за развитіемъ, возрастаніемъ человѣческаго сознанія, вслѣдъ за развитіемъ наукъ *о жизни* природы и человѣка. Идея организма есть идея самой жизни, и тамъ, гдѣ только наблюдалъ

человѣкъ *жизнь*, предъ нимъ самъ-собою возникалъ образъ стройнаго, цѣльнаго ея проявленія. Идея организма не есть какая-либо система, построенная логическими опредѣленіями, которую можно, какъ аршинъ, прикидывать и прикладывать къ любой области знанія, и по ней распредѣлять изучаемый матеріалъ. Идея организма есть сама сущность всего живаго, подлежащаго нашему разумѣнію; по этому она сама-собою является вездѣ, гдѣ только мы имѣемъ дѣло съ жизнію, а не съ мертвыми формами, отчего и нельзя трактовать ее какъ нѣчто такое, что̀ можетъ быть и не быть въ нашемъ сознаніи, когда оно стремится выяснить какую-либо сторону человѣческаго духа, найдти законъ его развитія—что̀ можетъ по нашей волѣ прилагаться или не прилагаться къ изслѣдованію жизни, какъ готовая система, какъ школьная указка. Въ наше время эта идея стала яснѣе, очевиднѣе, проникла и постоянно не удержимо проникаетъ всюду, во всѣ сферы вѣдѣнія, потому именно, что̀ только въ наше время жизнь, какъ она есть въ своей дѣйствительности, сдѣлалась исходною точкою, непосредственнымъ источникомъ всякаго знанія. Теперь все проситъ жизни, движенія и дѣйствія; все хочетъ уяснить законъ жизни; все требуетъ, чтобъ жизнь была освобождена отъ всяческой схоластики и рутины, политической, домашней, воспитательной, учебной и ученой. Раскрытіе, обнаженіе жизни, гдѣ бы ни было: въ литературѣ, искусствѣ, въ наукѣ, въ дѣлахъ дня, приводитъ общество въ восторгъ; оно, какъ ребенокъ, радуется каждому признаку жизни, каждому, хотя бы и не совсѣмъ складному и удачному ея проявленію и воспроизведенію. Въ наукѣ изученіе жизни сдѣлалось общею мыслью нашего времени; оттого такой широкій разливъ естествознанія и неменѣе широкій интересъ къ наукамъ историческимъ. Естественно, что въ этомъ направленіи человѣческаго сознанія и идея организма, какъ идея сущности жизни, пріобрѣтаетъ съ

каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкое значеніе и бо̀льшій просторъ въ своихъ приложеніяхъ. Можно сказать, что въ настоящее время эта идея вступила въ новый періодъ развитія и потому, по всей справедливости, можетъ признаваться за идею совершенно новую. Въ настоящее время подъ именемъ «народности» она становится дѣйствующимъ началомъ исторической жизни. Очень естественно, что исторія, какъ наука о явленіяхъ человѣческой общественной жизни, столько же нуждается въ разъясненіи и усвоеніи этой идеи, сколько и науки естественныя, въ которыхъ, само-собою разумѣется, она, эта идея, гораздо прежде была почувствована и сознана. Исторія, вопреки мнѣнію упомянутыхъ философовъ, не беретъ эту идею у естествознанія, какъ готовую, цѣльную систему, а находитъ ее сама въ себѣ, потому-что исторія—такая же естественная наука, какъ и другія. Ея предметъ—живой организмъ человѣческаго духа, какъ явленіе, высшая ступень животнаго организма природы, надъ изслѣдованіемъ котораго и работаютъ естественныя науки. Изученіе и изображеніе человѣческой *жизни* въ формѣ общества, народа, государства — какъ хотите — вотъ задача исторіи. А гдѣ изучается жизнь, какъ же вы отрѣшитесь тамъ отъ идеи организма, отъ идеи самой жизни? Только своеобычное доморощеное мышленіе, самоуміе и самомнѣніе, можетъ натолкнуть на сомнѣніе въ удобоприложимости этой идеи къ изученію исторіи, на разсужденіе о ней, какъ о какой-то готовой формулѣ, лежащей внѣ самого предмета исторіи, и даже на добродушный совѣтъ «отогнать отъ себя этотъ призракъ знанія и упорно и терпѣливо добиваться отъ изучаемаго дѣла знанія, хотя и болѣе скромнаго, но положительнаго *). Но

*) Г. Эдельсонъ въ статьѣ: „Идея организма". „Библ. для Чтенія". 1860. № 3. Т. CXXXIII, Отд. I.

въ чемъ же положительность знанія? Конечно въ самой жизни; а гдѣ жизнь, тамъ и идея организма. Мы говоримъ и пишемъ: «жизнь общества», «жизнь народа», «общество живетъ», «народъ живетъ». Что̀ мы желаемъ выразить этими словами? Что̀ это? Аналогическое опредѣленіе, метафора или сама дѣйствительность, которую иначе и выразить нельзя, какъ словомъ, вполнѣ ей принадлежащимъ? Что̀ такое общество, народъ? Механическая совокупность живыхъ единицъ, уличная толпа, или въ самомъ дѣлѣ это особое существо, живущее цѣльно, какъ и всякій животный организмъ? Отрицать жизнь общества нельзя: она слишкомъ очевидна для каждаго мыслящаго человѣка. Но въ чемъ же заключается эта жизнь?... Не въ матеріальномъ же *благосостояніи*, какъ говорится. Жизнь общества заключается въ организаціи идей и дѣлъ, совершаемыхъ человѣкомъ, которыя, т.-е. дѣла, суть только воплощенныя идеи, рожденныя такимъ же органическимъ процесомъ, силы котораго скрыты отъ насъ даже и въ животной природѣ, и который являетъ только свои дѣла. Жизнь въ человѣческомъ смыслѣ есть именно духовная дѣятельность человѣка, а не животныя только отправленія его физическаго организма. Біографія — жизнеописаніе отдѣльнаго человѣка имѣетъ предметомъ не жизнь живота со всѣми процесами, какіе въ немъ совершаются, а жизнь головы со всѣми дѣлами, которыя ею созданы. Если человѣкъ есть животный организмъ, если духовная его дѣятельность вполнѣ зависитъ отъ животной дѣятельности его организма и есть въ сущности дѣятельность органическихъ отправленій, то почему же человѣкъ, разсматриваемый въ обществѣ, будетъ существовать иначе, по другимъ какимъ-то законамъ, а не прямо по тѣмъ же законамъ живаго организма, по общему закону всей живой природы? Общество человѣческое есть только высшій порядокъ, высшая связь духовныхъ отправле-

ній человѣческаго организма, есть *общая жизнь* той же индивидуальной жизни, какою живетъ каждый отдѣльный человѣкъ; потому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ измѣнить своей сущности, то есть жить какъ нибудь иначе, не органически, ибо центръ его жизни, исходная точка и конечная цѣль—полное развитіе живой, а не отвлеченной человѣческой личности, которая прежде всего обыкновенный животный организмъ, индивидуальная нравственная, духовная личность. Какъ *личность* отдѣльнаго человѣка есть духовное цѣлое, духовный организмъ, живущій и развивающійся, такъ и народъ—высшая *личность* есть такой же духовный организмъ, по тѣмъ же законамъ живущій и развивающійся.

Человѣкъ принадлежитъ обществу не физическимъ своимъ существомъ, а духовными отправленіями своей природы. Онъ можетъ жить за тридевять земель, но сознаніе его, выраженное словомъ, направляетъ общественную среду, дѣлается живымъ началомъ общественнаго развитія, составляетъ элементъ жизни общества. Онъ можетъ жить за тридевять земель и все-таки оставаться сыномъ своей земли по своимъ понятіямъ, привычкамъ, взглядамъ, стремленіямъ. Онъ можетъ завтра умереть, но сознаніе его можетъ жить и дѣйствительно живетъ цѣлые вѣка и даже тысячелѣтія. Природа общества есть природа идей, и мы пока еще не знаемъ, гдѣ еще, кромѣ общества, возникаютъ, рождаются идеи, будетъ ли состоять это общество изъ двухъ лицъ, или изъ многихъ, изъ цѣлаго народа. «Не добро быть человѣку одному» потому-что въ такомъ случаѣ, онъ не будетъ и человѣкомъ; а какъ явилось два человѣка, такъ явилось взаимнодѣйствіе, органическая связь, химизмъ ихъ духовныхъ отправленій. Этотъ-то химизмъ духовныхъ отправленій, эта организація идей и есть жизнь общества. Каждая идея, какъ явленіе органической жизни, по своему происхожденію, по зачатію и рожденію,

есть чистѣйшій, хотя и идеальный, организмъ; она носитъ въ себѣ всѣ элементы той же органической природы, изъ которой рождается и ничѣмъ другимъ быть не можетъ, какъ цѣльнымъ и живымъ развивающимся организмомъ, потому-что возникаетъ какъ отправленіе живаго организма и развивается, какъ процесъ тѣхъ же самыхъ отправленій, при постоянномъ воздѣйствіи животныхъ органическихъ силъ. Идеи развиваются органически, потому-что развиваетъ-то ихъ почва животнаго организма, потому что сами онѣ есть только отправленія живыхъ организмовъ. Въ гражданскомъ обществѣ идеи организуются точно такъ же, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, т. е. неиначе, какъ по общему закону органической жизни, который составляетъ сущность самого творца идей—человѣка. Сознаніе общества созидается точно такъ же, какъ и сознаніе отдѣльнаго человѣка, именно, какъ живая связь идей, взаимнодѣйствующихъ одна на другую и составляющихъ вмѣстѣ одно нераздѣльное цѣлое, которое называется обыкновенно въ отдѣльномъ человѣкѣ убѣжденіемъ. Гражданское общество, народъ, есть живая совокупность умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя, какъ органическія силы природы, находятся въ постоянномъ неуловимомъ взаимнодѣйствіи между собою, въ постоянномъ неуловимомъ движеніи, какъ все органическое въ природѣ. Въ этомъ никто не сомнѣвается, кто сколько-нибудь вникалъ въ природу общества. Послѣ того имѣетъ ли право исторія разсматривать народъ какъ живое цѣлое, живое единство въ разнообразіи, живой организмъ? Имѣетъ ли она право выразить на самомъ дѣлѣ истину, которая составляетъ сущность самой жизни, а слѣдственно и жизни народа. Неужели идея организма можетъ быть прикладываема къ ней какъ внѣшняя готовая система, лишь для того только, чтобъ легче освоиться съ историческимъ матеріаломъ и слѣдственно можетъ быть замѣнена любою новою

системою, какая будетъ признана наиболѣе удобною. Нѣтъ, не о томъ мы должны хлопотать, чтобъ отогнать эту идею, какъ пустой и даже вредный призракъ знанія, а о томъ, чтобъ она болѣе и болѣе водворялась въ сознаніи изслѣдователей, болѣе и болѣе усвоялась ихъ трудами и разысканіями. Оттого-то и вся путаница въ нашихъ мысляхъ и историческихъ работахъ, что гражданское общество разсматривается нами какъ автоматъ, какъ механика, построенная разными случайностями, а не какъ живой духъ, живое цѣлое, въ себѣ самомъ носящее сущность своей жизни.

Нѣтъ ничего легче осудить современное состояніе исторической работы, особенно у насъ. Теперь каждый школьникъ чувствуетъ и понимаетъ всѣ недостатки исторіи, особенно сухость и неурядицу изложенія, съ которыми такъ трудно ему бороться. Дѣйствительно, какъ наука, исторія еще покоится въ первобытныхъ своихъ пеленкахъ и въ немногихъ только случаяхъ обнаруживаетъ пробужденіе къ новой жизни. Характеръ историческаго изслѣдованія и изложенія, за немногими исключеніями, до сихъ поръ напоминаетъ еще или первоначальную лѣтопись, или исторію естественную, т. е. простое *описаніе* фактовъ и явленій человѣческихъ дѣлъ, распредѣленныхъ иногда по родамъ и видамъ, напр. дѣла военныя, дѣла гражданскія, дѣла церковныя, домашнія и т. д. Единственная связь, на которой держится повѣствованіе, это — хронологія, послѣдовательность годовъ, связь, слѣдственно, чисто внѣшняя, механическая, способная скорѣе затемнить дѣло, чѣмъ дать живое представленіе о народной жизни. Послѣдовательность годовъ почитается неизмѣннымъ условіемъ потому, что еще сильно преданіе лѣтописи, что исторія еще недалеко ушла отъ немудрыхъ трудовъ почтенныхъ своею древностью Несторовъ. Подобно Несторамъ, она до сихъ еще поръ занимается описаніемъ громкихъ и казистыхъ дѣлъ, событій и лицъ; слѣ-

дитъ не за передовыми людьми общественнаго развитія, а за полководцами въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Съ этимъ смысломъ исторія, какъ описаніе чрезвычайныхъ приключеній и происшествій, вошла у насъ въ общее пониманіе и сдѣлалась синонимомъ всякаго приключенія на улицѣ, на площади и т. д. Что̀ можетъ вѣрнѣе и пластичнѣе характеризовать то первоначальное понятіе объ исторіи, съ которымъ она явилась на свѣтъ Божій, и которое, хотя уже достаточно износилось, но все еще весьма вѣрно и точно опредѣляетъ обыкновенный до сихъ поръ пріемъ историческаго изложенія? Громкое событіе на улицѣ, шумъ, весьма часто неимѣющій никакой связи съ дѣйствительными интересами народа—вотъ что̀ большею частью наполняетъ многія и многія страницы исторіи. Читаешь, перечитываешь, вдаешься въ занимательность такой «случившейся исторіи» и вовсе теряешь изъ вида тотъ великій образъ, который долженъ бы служить главною задачею дѣеписанія, именно *личность* народа, живой народный организмъ.

Но кого же винить въ этомъ и, главное, возможно ли винить отдѣльныя лица въ томъ, что̀ выполняется только общими усиліями цѣлаго поколѣнія, даже нѣсколькихъ поколѣній? Теперь, когда жизнь общества стала бродить замѣтнѣе, особенно часто слышатся незаслуженные упреки многимъ почтеннымъ трудамъ, которые иной разъ только тѣмъ и виноваты, что не отвѣчаютъ вкусамъ и потребностямъ дня. Но, какъ бы заносчивъ и запальчивъ ни былъ этотъ день, онъ все-таки продолжится не болѣе, какъ только до вечера; требованія же науки, какъ области человѣческаго сознанія, будутъ сіять вѣчно и переживутъ милліоны бойкихъ и назойливыхъ дней.

Давно дознана истина, что взглядъ на исторію, уразумѣніе ея задачи, какъ мы уже упомянули, выработывается самою жизнью и есть продуктъ народнаго сознанія. Пониманіе исто-

рической задачи измѣняется, возрастаетъ органически, по мѣрѣ того, кáкъ измѣняется и обновляется пониманіе самой жизни; а въ этомъ участвуютъ всѣ духовныя сознательныя силы человѣка и всѣ науки несутъ сюда каждая свою лепту. Было время, когда исторія только геройствовала, когда всѣ лица въ ней выставлялись какими-то трагиками, въ напыщенныхъ позахъ и съ напыщенными рѣчами, и даже дѣлами; когда все, даже въ самой жизни, принимало ходульно-величавый видъ и высокопарный тонъ и вовсе устраняло дѣйствительность какъ недостойный хламъ, грязь и «подлость» жизни. Да и давно ли заговорили о *дѣйствительности*, о положительномъ, о *сущемъ*, кáкъ оно есть, а не кáкъ оно представлялось дотолѣ въ запуганномъ и разстроенномъ воображеніи.

Съ этой только поры, какъ человѣческое сознаніе повернуло на твердую дорогу живой дѣйствительности, изученія самой жизни—а не идеаловъ, искажавшихъ ее разнаго рода раскраскою,—съ этой только поры и историческое дѣло получило живой толчокъ и стремленіе также узнать самую жизнь, историческую дѣйствительность во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ. Историки скоро почувствовали, что кровопролитныя войны, всеобщіе походы, миры и новыя ссоры—только внѣшность, офиціальныя дѣла, которыя, въ добавокъ, подъ перомъ и на бумагѣ совсѣмъ теряютъ краски и ложатся какими-то блѣдными тѣнями, до чрезвычайности однообразными, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга—словомъ, становятся казенными реляціями, дипломатическими нотами, словами, нисколько не выражающими дѣйствительныхъ дѣлъ. Но едва коснувшись жизненной стороны историческаго дѣла, историки были изумлены и подавлены неимовѣрнымъ количествомъ самаго разнороднаго и разнообразнѣйшаго матеріала, который слѣдовало имъ разобрать и разработать, чтобъ получить хотя малѣйшее понятіе о ходѣ исторической дѣйстви-

тельности, о ходѣ жизненныхъ началъ, управляющихъ человѣческимъ міромъ. Тогда все запросилось на страницы исторіи и народная пѣсня, повѣрье и преданіе, обрядъ и обычай, домашняя обстановка, со всѣми мелочами быта, и система понятій и убѣжденій эпохи—все и все, изъ чего связывается повседневная жизнь человѣка. Сверхъ того, великое богатство матеріала ставило въ тупикъ своею неполнотою, раздробленностью и отрывочностію свѣдѣній и фактовъ; ничего цѣлаго, связнаго. Историческое повѣствованіе рѣшительно недоумѣвало, что̀ дѣлать, куда и ка̀къ размѣстить интересный, какъ сама жизнь, но до крайности неудобный матеріалъ. Не оставляя школьныхъ привычекъ въ изложеніи, этому матеріалу по необходимости отвели мѣстечко на задней лавкѣ — выражаясь по школьному — въ особой главѣ о *состояніи*, или о внутреннемъ состояніи государства, или народа. Въ сущности дѣло осталось въ прежнемъ порядкѣ; исторія наполнилась только новыми родами и новыми видами фактовъ; сдѣланы лишь новыя перегородки и каморки для размѣщенія новаго матеріала. Но все-таки это былъ большой шагъ впередъ: признано право гражданства въ историческомъ дѣлѣ за фактами и событіями мелочными, но дѣйствительно рисовавшими характеръ общества и государства, придававшими запахъ и цвѣтъ самой исторіи, т. е. повѣствованію о казенныхъ приключеніяхъ народа. Само собою разумѣется, что глава о *внутреннемъ* состояніи приняла на первый разъ характеръ какой-то «журнальной смѣси», гдѣ все есть, если хотите, обо всемъ упомянуто и все имѣетъ чудное свойство улетучиваться изъ головы читателя, тотчасъ же, какъ придетъ конецъ страницы. Это былъ сборъ фактовъ, чуждыхъ другъ другу, не связанныхъ ни какою единою мыслію, разсыпавшихся въ песокъ при всякомъ усиліи дать имъ какую-либо цѣлость. Какъ бы ни было, но стремленіе узнать дѣйствительность въ исторической жиз-

ни народа стало на первый планъ; мелочи отжившаго быта получили достойное значеніе; ими стали интересоваться; въ нихъ стали отъискивать причины и корни внѣшнихъ громкихъ событій, и ими же стали украшать и оживлять повѣствованіе; а вслѣдъ затѣмъ, очень естественно, стала обнаруживаться и историческая физіономія народа: изъ-подъ груды безобразнаго и неосмысленнаго матеріала выступили рѣзкія, болѣе или менѣе вѣрныя черты живаго лица. Историкъ почувствовалъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ случайнымъ сплетеніемъ событій и лицъ и не съ автоматомъ, который движется по какой-то чуждой сверхъестественной волѣ, а съ органическимъ цѣлымъ, для котораго это сплетеніе есть только выраженіе, проявленіе его жизненныхъ, *внутреннихъ* силъ.

Такимъ-образомъ, въ общемъ движеніи человѣческаго знанія уйдти съ зыбкой почвы призраковъ и стать на твердую почву живой дѣйствительности, и для исторіи открытъ былъ широкій, прямой и свѣтлый путь. Подобно естествознанію, и исторія обратилась къ микроскопическимъ наблюденіямъ и микроскопическимъ изслѣдованіямъ надъ прожитою жизнью человѣка; житейскія мелочи, тончайшія волокна людскихъ отношеній, воззрѣній древняго человѣка, его вѣрованій и убѣжденій, жизненныхъ понятій стали больше возбуждать вниманіе историковъ, чѣмъ громадныя, повидимому, и жалкія дѣла Чингизхановъ и разныхъ Тамерлановъ, въ чемъ бы они ни появлялись—въ татарскомъ ли халатѣ или въ другихъ какихъ даже наполеонскихъ нарядахъ. Какъ микроскопъ дѣйствительный въ области естествознанія, такъ и микроскопъ историческій сдѣлался неизбѣжнымъ и единственно вѣрнымъ орудіемъ для изслѣдованій о первоначальныхъ силахъ и формахъ, о всѣхъ зародышахъ и инфузоріяхъ исторической жизни народовъ. Недавно въ Германіи, отечествѣ наукъ, провозглашена новая наука—народопсихологія—система знаній о развитіи народной духов-

ной жизни, наука о духовной природѣ общественнаго человѣка, ученіе о законахъ, по которымъ развивается исторія народа, по которымъ созидается духъ, характеръ народа, неуловимый обликъ его исторической дѣятельности. Это естественный выходъ изъ тѣхъ вопросовъ и требованій, къ которымъ въ настоящее время пришли не только историческія и политическія науки, но и вообще человѣческое знаніе, потому-что и естественныя науки въ послѣднихъ своихъ результатахъ тоже внесли значительную долю въ возбужденіе этихъ вопросовъ; сдѣлалось необходимымъ самое подробное, самое многостороннее изученіе человѣческой природы, какъ въ особныхъ единицахъ, такъ и въ единицахъ собирательныхъ, въ обществахъ, народахъ, государствахъ. Такъ-какъ исторія есть самая богатая и единственная сокровищница фактовъ, дѣлъ человѣческой жизни, то за разрѣшеніемъ возбужденныхъ вопросовъ обратились прежде всего къ ней. Но, замѣтить должно, ее застали врасплохъ всѣ эти неугомонныя и неотлагаемыя требованія и вопросы, зароившіеся въ умѣ современнаго человѣка. Она вовсе не была готова давать имъ положительныя опредѣленія и точные отвѣты. Она сама не знала, какъ быть и что дѣлать съ сырымъ матеріаломъ, лежавшимъ по сторонамъ въ громадныхъ кучахъ и безпрестанно накоплявшимся. И вотъ къ ней идутъ теперь на помощь всѣ отрасли знанія; каждая съ своей точки зрѣнія хочетъ разобрать и осмыслить историческій матеріалъ, каждая хочетъ внести свою долю пониманія исторической жизни и ученіе объ организмѣ, какъ о существенной сторонѣ всего живаго, все болѣе и болѣе проникаетъ въ основные пріемы историческаго изслѣдованія.

Психологія народа не иначе можетъ разсматривать народъ, какъ живое цѣлое, духовный организмъ. Изслѣдованіе законовъ, по которымъ развивается и живетъ этотъ организмъ, составляетъ сущность его ученія. Великая и глубокая задача,

разрѣшеніе которой можетъ привести и въ дѣйствительности приведетъ къ самымъ неожиданнымъ и къ самымъ многознаменательнымъ результатамъ. Важнѣе всего, что въ этой средѣ, въ этомъ направленіи, сознаніе о народѣ, какъ живомъ организмѣ, будетъ выработано въ такой полнотѣ и ясности, которыя совсѣмъ измѣнятъ характеръ историческихъ работъ, освободятъ исторію отъ многаго безполезнаго хлама, подъ тяжестью котораго ломятся теперь ея изслѣдованіе и самые пріемы изложенія.

Мы намѣрены въ настоящемъ случаѣ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о тѣхъ требованіяхъ, какія возникли для исторіи въ послѣднее время.

Итакъ, общее сознаніе останавливается на томъ, что народъ—общество—какъ живое цѣлое, какъ живая совокупность силъ, дѣйствующихъ взаимно для достиженія самосущной цѣли своего бытія, можетъ быть разсматриваемъ, изучаемъ и изображаемъ, какъ и всякій естественный организмъ видимой природы. Покрайней мѣрѣ способы изученія въ этомъ случаѣ и его пріемы должны быть одинаковы. Это указано уже самымъ словомъ *организмъ*, которое теперь такъ часто связывается съ понятіемъ о народѣ. Называя такъ человѣческое общество, народъ, мы даемъ разумѣть, что оно подлежитъ тѣмъ же, или аналогическимъ условіямъ жизни и развитія, какъ все органическое въ природѣ, которое собственно и послужило источникомъ для сдѣланнаго опредѣленія. Органическая жизнь физической природы уяснена и опредѣлена посредствомъ тщательнаго и долгаго изученія отдѣльныхъ ея фактовъ, отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ она обнаруживается. Изъ постоянныхъ наблюденій и сравненій, сдѣланныхъ въ средѣ этой частной, единичной жизни, наука отвлекла извѣстные общіе законы, неизбѣжные для всякой частности, отвлекла именно то понятіе объ органической жизни, которое заключилось

въ одномъ словѣ: «организмъ». Изъ частныхъ дробныхъ явленій, самыхъ разнообразнѣйшихъ видовъ и свойствъ, она вывела единое явленіе, которое само по себѣ видимо не существуетъ, но которое, какъ невидимая сила, управляетъ всякою дробью, всякою частностью. Тому же процесу изученія подлежала и историческая жизнь — природа нравственная. И здѣсь изученіе отдѣльныхъ единичныхъ явленій, событій или такъ-называемыхъ историческихъ дѣятелей, всегда приводитъ къ встрѣчѣ съ общимъ какимъ-либо закономъ, по которому совершалось развитіе и жизнь извѣстнаго народа. И здѣсь точно такъ же изъ многообразія единичныхъ явленій наука отвлекаетъ общее условіе ихъ жизни, которому единичныя явленія служили только выраженіемъ, олицетвореніемъ. Опять, слѣдовательно, выдѣлялось понятіе о единомъ явленіи, невидимой силѣ, управлявшей видимыми ея выраженіями, дробными фактами исторической жизни. Эту-то невидимую силу или, вѣрнѣе, совокупность силъ, которая ощутительнѣе всего обнаруживается въ великихъ событіяхъ исторіи, называютъ обыкновенно «духомъ народа», «характеромъ народа». Но духъ народа, народность, есть такое же отвлеченіе, какъ и слово организмъ, выражающее только существенную, основную силу народной жизни. Заслуга такого отвлеченія заключается особенно въ томъ, что оно прямо и положительно указываетъ на народъ, какъ на живой, цѣльный, нераздѣльный организмъ. Духъ народа въ своемъ развитіи пріобрѣтаетъ извѣстныя формы своего проявленія; сущность его высказывается въ извѣстномъ строѣ жизненныхъ явленій; силы его обнаруживаются цѣлымъ рядомъ событій, этихъ видимыхъ знаковъ его скрытой дѣятельности — словомъ, духъ народа дѣйствуетъ органически, *живетъ*, послѣдовательно созидая новыя силы и новыя проявленія этихъ силъ. Въ этомъ заключается процесъ его жизненнаго органическаго существованія. Народъ есть

видимое воплощеніе этого духа, живая единица, не отвлеченный, а существующій организмъ, подверженный тѣмъ же самымъ законамъ жизни и развитія, какіе существуютъ для всего живаго въ природѣ. Но, чтобъ яснѣе представить себѣ существо его жизни, чтобъ осязательнѣе почувствовать ходъ его жизненныхъ отправленій, мы должны понять народъ живымъ организмомъ, живою единицею, не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ, то-есть въ нашемъ примѣненіи этой по преимуществу живой идеи къ историческому труду, къ изслѣдованію и изображенію народной исторической жизни.

«Человѣческій организмъ (говорятъ естествоиспытатели), какъ всѣ другіе окружающіе его организмы, какъ все живущее, находится въ постоянной метаморфозѣ, то есть постоянно обновляется, молодѣетъ. Процесъ метаморфозы имѣетъ два момента: первый — постоянное уничтоженіе и выдѣленіе изъ тѣла тѣхъ веществъ, которыя уже исполнили свое назначеніе, то есть отжили и стали негодными; второй — постоянное обновленіе, то есть образованіе новыхъ частицъ, взамѣнъ отжившихъ, выдѣленныхъ тѣломъ. Оба момента, составляющіе такъ-называемый обмѣнъ матеріи, находятся во взаимной связи и, какъ жизнь и смерть, въ крайне противоположной дѣятельности. Обмѣнъ матеріи, хотя зависитъ отъ внѣшняго, окружающаго міра, составляетъ, однако, внутреннее, присущее свойство всѣхъ организмовъ». Таковъ неизмѣнный законъ, такова сущность жизни матеріальной, тѣлесной въ природѣ человѣка, такова же сущность и его жизни духовной. Въ общественной жизни, въ организмѣ народа совершается то же самое, что̀ и въ единичной жизни отдѣльнаго человѣка, ибо законы естества неизмѣнно одни и тѣ же для всего живущаго, тѣлеснаго и духовнаго. Духовное служитъ только высшею сферою тѣхъ же матеріальныхъ, тѣлесныхъ процесовъ, и развитіе духа, какъ и развитіе тѣла, подтверждаютъ

естествоиспытатели — возможно только путемъ обновленія, метаморфозы; — ибо каждый духовный зародышъ, пустивъ новыя вѣтви и побѣги, самъ переходитъ въ разрушеніе. Вообще «всякое органическое развитіе основывается на переходахъ изъ одной метаморфозы въ другую, на возрожденіи изъ прежнихъ разрушившихся формъ».

Каждый организмъ носитъ цѣль своего развитія въ самомъ себѣ. Цѣль развитія, а слѣдоват. задача всей жизни народнаго, общественнаго организма заключается въ развитіи индивидуальной личности, какъ основы и существенной силы общественнаго союза; въ полномъ, всестороннемъ развитіи *человѣка*, въ полномъ, всестороннемъ освобожденіи его природы отъ всяческихъ стѣсненій, возникшихъ изъ первобытной непосредственности, или отъ исторической искусственности, нажитой совершеннымъ забвеніемъ, или даже пренебреженіемъ именно этой цѣли человѣческаго существованія. Общественный организмъ есть высшая форма существованія индивидуальной личности; въ немъ только, и нигдѣ болѣе, она сознаетъ свои силы, великія богатства своей природы, свое истинное достоинство.

Какъ скоро мы поймемъ и почувствуемъ, что народъ есть живой организмъ, живая единица, личность; что его исторія есть собственно процесъ его развитія, органическій процесъ его жизни, то нашъ взглядъ на историческое дѣло тотчасъ долженъ измѣниться. Мы тогда сосредоточимъ свое вниманіе, изученіе, изслѣдованіе только на тѣхъ фактахъ и явленіяхъ, которые доставляютъ намъ существенныя, наиболѣе типическія черты, непосредственно выясняющія народную личность, а вслѣдствіе этого должна будетъ измѣнить свои пріемы и экономическая сторона нашей исторической работы, то есть употребленіе въ дѣло матеріала. При такомъ взглядѣ далеко не всякій такъ называемый историческій матеріалъ будетъ годенъ. Въ неимовѣрной и въ необозримой грудѣ всякихъ сви-

Инв № 11677

дѣтельствъ, сказаній, лѣтописей, актовъ и т. д., мы должны строго и съ величайшею разборчивостью отдѣлить все тò, чтó прямо знакомитъ насъ съ движеніемъ *народной*, то есть общей, а не особной, индивидуальной жизни, чтò прямо ведетъ насъ въ глубь народныхъ дѣйствующихъ силъ, выпукло изображаетъ ихъ скрытую, такъ сказать, подземную работу. Мы строго должны отдѣлить общее отъ частнаго, единичнаго, крупныя черты народнаго лица отъ множества мелкихъ черточекъ, рисующихъ только отдѣльныя особныя личности, рисующихъ только людей, а не народъ. Мы должны отдѣлить, оттѣнить эти крупныя черты для того, чтобъ выпукло провести ихъ по всему разсказу, чтобъ онѣ видны были отъ начала до конца, какъ черты основныя, дающія опредѣленную и ясную форму всякому изображенію. Все неустройство теперешняго изображенія, *составленія и сочиненія* исторіи оттого именно и происходитъ, что мы не успѣли еще прямо, непосредственно всмотрѣться въ этотъ неуловимый пока ликъ народа, не успѣли выяснить себѣ его живыя, пластическія очертанія въ изображеніи исторіи, то есть развитія этихъ очертаній, совершенно затушевываемъ ихъ мелкими подробностями, дѣйствіями, событіями, характерами отдѣльныхъ лицъ, избираемыхъ нами, какъ мы упомянули, не потому, что въ нихъ находимъ общія очертанія народнаго лика, а наиболѣе потому, что они дѣлали въ свое время много шума, что они люди вообще *историческіе*. Все еще исторія представляется намъ какою-то сборною біографіею неугомонныхъ лицъ, разсказанною въ хронологической послѣдовательности событій. Мы еще недостаточно убѣждены въ томъ, что и лица и событія важны въ историческомъ изображеніи на столько, на сколько они служатъ органами, выразителями общей жизни, жизни цѣлаго. Безъ лицъ нѣтъ исторіи; безъ единичной жизни нѣтъ общей жизни. Но не ставьте же эти лица, эту единичную жизнь на

то же самое мѣсто, которое по праву принадлежитъ лицу народа, его общей жизни; употребляйте ихъ такъ въ своемъ изображеніи, чтобъ они раскрывали, освѣщали, оживляли единый ликъ исторіи, ликъ народный. Очень естественно, что совсѣмъ отдѣлить единичную жизнь отъ общей нѣтъ возможности. Мы о томъ и не говоримъ. Мы желаемъ только обратить вниманіе, особенное, исключительное вниманіе на то, какъ единичная жизнь живетъ въ общей, и какъ въ ней самой проходитъ единое *общее* русло жизненнаго теченія. Вся задача историческаго дѣла—въ гармоническомъ, согласномъ, ровномъ отношеніи обоихъ явленій, чтобъ ни то, ни другое не брало верха и чтобъ и то и другое служило только къ выясненію и изображенію цѣльнаго, полнаго типа, цѣльной, какъ говорятъ, натуры, живаго народнаго лица. Живой организмъ нераздѣлимъ; только надъ трупомъ можно дѣлать анатомическія сѣченія и разсматривать и изучать составныя его части, каждую отдѣльно самоё по себѣ. Но тогда все дѣло только *въ изученіи*, чѣмъ и занимается историческая изслѣдовательность, а не въ *изображеніи* жизни, чѣмъ исключительно должна заниматься собственно исторія. Изученіе, изслѣдованіе есть лишь пріуготовительная первичная работа, которую не должно смѣшивать съ конечнымъ дѣломъ исторіи. Съ органической жизненной точки зрѣнія на исторію особенно важно не лице, а совершенное имъ дѣло, сказанное или написанное имъ слово, которое стало сѣменемъ, зародышемъ новой силы развитія, новыхъ явленій жизни. Если всѣ великія личности исторіи служатъ только выразителями жизненныхъ силъ народа, провозвѣстниками того, что давно уже таилось и зрѣло въ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, чаяніяхъ и стремленіяхъ массы, то пусть онѣ и остаются только въ этихъ роляхъ, а не выступаютъ по волѣ историка главнымъ дѣйствующимъ лицемъ разсказа, которое все-таки есть самъ народъ. Сажать въ перед-

ній уголъ повѣствованія ни народныхъ героевъ, ни злодѣевъ народа не слѣдуетъ, потому что подробности ихъ громкихъ и особенно офиціальныхъ дѣлъ и дѣйствій непремѣнно сосредоточатъ вниманіе на ихъ личности и тотчасъ же скроютъ отъ насъ дорогой ликъ народа. Словомъ, въ историческомъ повѣствованіи изображеніе единичной жизни, частныхъ явленій, должно служить только фономъ и колоритомъ общей картины, гдѣ всѣ подробности и всѣ фигуры лишь средства, пластически выражающія одну общую идею, одинъ общій моментъ жизни.

Говоря все это, мы вовсе не думаемъ низвести личность съ ея достойной высоты, какая принадлежитъ ей по праву въ исторіи, въ дѣлахъ человѣческихъ. Исторія всякаго народа и начинается именно въ тотъ моментъ, какъ пробуждается жизнь личности, какъ начинаетъ личность бодрствовать, вступаетъ въ борьбу съ общими положеніями всяческой непосредственности. Въ этой-то борьбѣ, въ стремленіи высвободиться отъ всѣхъ путъ, нажитыхъ въ зависимости, въ рабствѣ отъ условій непосредственнаго быта и заключается смыслъ исторіи. Личность есть прямой органъ исторіи, двигатель и руководитель: она всегда идетъ впереди событій... Но не должно забывать, что всякая личность есть созданіе извѣстной умственной и нравственной среды, извѣстной эпохи или извѣстнаго времени. Значеніе ея въ исторіи во столько велико, во сколько она является, какъ мы сказали, выразителемъ, провозвѣстникомъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и требованій этой среды, воплотителемъ сознанныхъ въ массѣ идей, что̀, къ сожалѣнію, случается не часто. Это бываютъ праздники въ исторической жизни народа, великія эпохи, когда его сознаніе развертывается быстрѣе и сильнѣе, охватываетъ всѣ стороны жизни. Въ будни, напротивъ, совершаются обыкновенныя дѣла. Здѣсь широкое поле личности по преимуществу эгоистической въ самомъ уз-

комъ смыслѣ этого слова; здѣсь широкое поле господству случайныхъ, мелкихъ идей, созданныхъ мелкимъ эгоизмомъ, и весьма часто нисколько не выражающихъ общихъ народныхъ требованій и стремленій. Здѣсь свою частную эгоистическую, слѣдовательно, случайную идею, личность стремится облечь въ общую, дать ей значеніе общаго стремленія или общей потребности, и съ этимъ значеніемъ провести въ живое дѣло, то-есть, воспользоваться всѣми выгодными послѣдствіями въ практическомъ примѣненіи этой идеи. Естественное эгоистическое желаніе человѣка, чтобъ все существовало такъ, какъ ему нравится, какъ онъ находитъ хорошимъ и для себя полезнымъ, влечетъ личность къ совершенію такихъ дѣлъ, которыя прямо вредятъ общему, искажаютъ его силы, развращаютъ нравы. Отсюда возникаетъ борьба эгоистическихъ личностей, эгоистическихъ идей, которая обыкновенно и доставляетъ исторіи неимовѣрно громадный матеріалъ мелкихъ дѣлъ, ничтожныхъ событій, рисующихъ только дѣйствія людей, а не дѣйствія народа, какъ живой единицы. Въ добавокъ, собранныя въ одно мѣсто, эти дѣла и событія бываютъ всегда, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, и знаменатель ихъ большею частью заключается только въ характеристикѣ единичнаго типа данной эпохи, да и то сословнаго, что конечно, хотя и имѣетъ мѣсто въ исторіи, но не на столько, чтобъ заслонять собою движеніе общей жизни, жизни народа. Изображая такія будничныя эпохи, историки, заваленные пошлыми дѣлами и лицами, по необходимости наполняютъ свой разсказъ подробностями вовсе ни для кого не интересными, по своей вседневности, и совершенно излишними и ненужными въ изображеніи общей жизни. А между тѣмъ эта жизнь скрытыми путями движется и растетъ. Вся задача, слѣдовательно, въ томъ, чтобъ строго разобрать пошлый хламъ исторіи и напасть на эти потаенные пути народной жизни, раскрыть ея движеніе

указать ея ростъ... Задача не легкая, но разрѣшимая, и въ своемъ разрѣшеніи вполнѣ зависящая лишь отъ перемѣны точки зрѣнія вообще на предметъ исторіи, и въ особенности, на историческую роль единичной личности.

Вообще, сосредоточивъ исключительное вниманіе на общей жизни народа, на народной личности, мы во многомъ должны измѣнить свои понятія о важности и неважности иныхъ историческихъ событій, историческихъ лицъ и самыхъ матеріаловъ. До сей поры въ изложеніи исторіи мѣсто, которое по праву должно бы принадлежать лицу народа, отдается сплошь подъ изображеніе правительственныхъ только лицъ, ихъ дѣйствій и перемѣнъ, подъ описаніе казенныхъ событій, вообще подъ описаніе казенной, офиціальной дѣятельности. Иначе, впрочемъ, и не могло быть, и мы ни малѣйшаго права не имѣемъ упрекать современныхъ историковъ въ томъ, въ чемъ выразился только естественный ходъ дѣла. Объ офиціальной, внѣшней государственной дѣятельности народа какъ и о внѣшнихъ поступкахъ отдѣльнаго человѣка, всегда сохраняется несравненно больше памятниковъ и очевидныхъ свидѣтельствъ; она, въ добавокъ, всегда условливаетъ, если не выражаетъ общую жизнь народа, слѣдовательно становится общею чертою исторической жизни и сама собою входитъ въ изложеніе общихъ для всего народа событій. Государственный бытъ, какъ внѣшняя форма, скорѣе бросается въ глаза всѣми сторонами своего развитія и громче и осязательнѣе даетъ знать о своемъ существованіи. Лѣтописецъ, какъ простой очевидецъ и описатель жизни, заноситъ въ свою хартію прежде всего внѣшнія дѣла, казистыя, необычайныя событія, потому что въ такихъ дѣлахъ и событіяхъ ярче и очевиднѣе сказывается жизнь. Онъ убѣжденъ, что только громкій походъ, богатырское дѣло и вообще внѣшній успѣхъ, или необыкновенное, выходящее изъ ряда будничной жизни, происшествіе и явле-

ніе достойно описанія, достойно памяти потомства. Внутренняя жизнь и вся современная ему дѣйствительность представляются глазамъ его пошлостью, такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое не стòитъ и описывать, потому-что оно всѣмъ и каждому очень хорошо извѣстно. Въ этомъ взглядѣ высказывается только общій и непосредственный пріемъ изучающаго ума начинать съ внѣшности. Кромѣ того, въ этомъ первоначальномъ взглядѣ на историческое дѣло выразилась и непосредственная задача исторіи быть изобразительницею общихъ народныхъ дѣлъ. Вѣдь, каждое внѣшнее, громкое и шумное событіе, есть прежде всего общее дѣло народа, какое бы оно ни было, дѣйствительное или страдательное. Народъ все-таки выноситъ его на своихъ плечахъ. Такъ война въ древнее время была почти исключительнымъ общимъ дѣломъ, такъ какъ моръ, нашествіе иноплеменныхъ, наводненіе, пожаръ—общимъ несчастіемъ; такъ какъ комета, сѣверное сіяніе, затмѣніе, уродъ, вытащенный изъ рѣки;—общимъ зрѣлищемъ и дивомъ; такъ какъ князь—общимъ лицемъ, общею властью, которой требовало время, какъ своего спасенія отъ неурядицы единичнаго произвола. Такими общими явленіями жизни лѣтописецъ попреимуществу и интересовался, не давая ни малѣйшей цѣны дѣламъ повседневнымъ; потому что слишкомъ они были просты, естественны, не представляли ничего казуснаго. Впрочемъ, чтò жь говорить о лѣтописцахъ, объ этихъ, во всякомъ случаѣ, почтенныхъ личностяхъ древности, заявившихъ своимъ трудомъ интересы наблюдающаго ума, который въ то отдаленное время иначе смотрѣлъ на жизнь и цѣнилъ ее единственно только какъ геройскій подвигъ, богатырское дѣло, вообще на столько, на сколько она дивила, или являлась шумною и славною! Мы, люди другой эпохи, которая гордится своимъ просвѣщеніемъ и въ которую, дѣйствительно, пониманіе жизни стало полнѣе и шире, давно ли и мы об-

ратили вниманіе на ея внутреннюю, подземную сторону, стали приближаться къ ея корнямъ и тонкимъ волокнамъ, скрытымъ въ глубинѣ ея почвы? Несмотря на объемистую и всестороннюю нашу письменность, или, пожалуй, печатность, мы и теперь сплошь пропускаемъ безъ всякаго вниманія бездну явленій и фактовъ весьма полновѣснаго значенія, которые потому только ускользаютъ изъ нашихъ глазъ, что слишкомъ приглядѣлись намъ, слишкомъ стали обыкновенными. Мы и теперь рады-радёхоньки, когда выдвинется что-либо изъ будничнаго нашего однообразія, выдѣлится изъ сплошной массы нашихъ повседневныхъ дѣлъ, хотя бы это была только новая варьяція обыкновенной старой пошлости; мы и теперь рады радёхоньки всякой новости, всякой необычайности, всякому *небывалому* явленію, которое славимъ и надъ которымъ шумимъ отъ души, прыгаемъ какъ дѣти съ новою игрушкою, спѣшимъ каждый заявить свое мнѣніе и усердно наполняемъ журналы и газеты своими статьями, писанными по поводу *новаго* вопроса. А между тѣмъ въ тиши и незамѣтно проходятъ явленія, надъ которыми много подумаетъ и много затруднится будущій изыскатель и историкъ, затруднится потому, что не найдетъ нашего отзыва, нашего слова, нашей мысли объ этихъ явленіяхъ, и еще съ бо́льшею основательностью упрекнетъ насъ въ томъ же пристрастіи къ громкимъ и шумнымъ, чисто внѣшнимъ дѣламъ и событіямъ. Естественно, такимъ образомъ, что внѣшнія дѣла и въ позднѣйшее время, какъ и въ древнѣйшее, стоятъ все-таки впереди и почти одни только попреимуществу описываются и записываются. Чему жь послѣ того удивляться, что исторія до сихъ поръ еще занимается одною внѣшностью и въ большинствѣ случаевъ, по самому свойству доступнаго ей матеріала, пріобрѣтаетъ характеръ какой-то офиціальной записки, канцелярскаго *изложенія* дѣла? Всѣ очень хорошо чувствуютъ, что это односторонность,

что такъ-называемая исторія вращается еще въ сферѣ изслѣдовательности и представляетъ въ сущности только матеріалъ исторіи, болѣе или менѣе обработанный. Но многіе ли сознаютъ, въ чемъ же именно должна заключаться задача историка и гдѣ тотъ матеріалъ, который попреимуществу и съ большею точностью долженъ признаваться историческимъ? Теперешніе такъ-называемые историческіе матеріалы большею частью правительственные документы, вообще изъясняющіе государственныя дѣйствія, матеріалъ чисто бумажный, мертвый, подъ которымъ еще нужно долго доискиваться самой жизни, дѣйствительнаго ея теченія. Это верхушки, отдаленныя точки, которыя, пожалуй, могутъ указывать направленія пути для историка, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ раскрыть ему всѣ подробности и свойства жизненной дороги, которую онъ берется описывать и изображать.

Между тѣмъ остается необозримая куча самыхъ разнородныхъ и разнообразнѣйшихъ памятниковъ, на которые исторія еще пока глядитъ съ высоты своего государственнаго воззрѣнія и рѣдко находитъ въ нихъ нужду для своихъ изображеній и описаній. Памятники эти строго отдѣляются отъ *историческихъ* и принимаютъ различныя наименованія по ихъ отношенію къ разнымъ сторонамъ народнаго быта, или же вслѣдствіе научнаго распредѣленія сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Какъ важны, напримѣръ, всѣ акты, называемые обыкновенно юридическими, особенно всѣ тѣ бумаги, въ которыхъ записаны не правительственныя дѣйствія и распоряженія, а *живыя дѣла* народа. Съ физіологической точки зрѣнія на историческое дѣло—это самый существенный источникъ народной исторіи. Притомъ богатство его, какъ и богатство народной жизни, неизмѣримо. Такими актами и бумагами наполнены всѣ наши архивы государственные, разныхъ вѣдомствъ, монастырскіе и отчасти даже домашніе. То, что̀ издано въ этомъ отношеніи,

не составляетъ и милліонной доли того, что еще лежитъ въ пыли, а нерѣдко съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сгниваетъ и тлѣетъ или поступаетъ на макулатуру. Конечно, въ необозримомъ количествѣ этихъ бумагъ можно совсѣмъ затеряться: Къ разборкѣ ихъ необходимо приступать съ значительнымъ подготовленіемъ, съ опредѣленнымъ, точнымъ уясненіемъ тѣхъ вопросовъ, на которые будемъ искать отвѣта и, главное, съ тѣмъ пониманіемъ или, яснѣе сказать, съ тѣмъ чутьёмъ жизни, которое всегда прямо и вѣрно укажетъ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу мелочныхъ фактовъ и событій. За-то обиліе и доброта этого источника доставятъ изслѣдователю народной жизни самыя полныя и самыя вѣрныя изображенія отжившей дѣйствительности, со всѣмъ процесомъ ея развитія и измѣненій, которыя она терпѣла въ томъ или другомъ направленіи. Въ этомъ источникѣ мы становимся лицемъ къ лицу со складомъ народныхъ понятій и пониманій, его убѣжденій и нравственныхъ интересовъ, даже со складомъ живой народной рѣчи, совершенно изчезающей въ другихъ, особенно казенныхъ памятникахъ. Здѣсь-то болѣе, чѣмъ гдѣ-либо мы чувствуемъ присутствіе *дѣйствительныхъ* живыхъ людей, а не отвлеченностей и идеаловъ, которые обыкновенно рисуются памятниками старой книжности. Сыскное дѣло, жалобная челобитная, домашній актъ и записка, духовная и рядная, частное письмо, расходная книга и т. д.—все это самые добрые родники для изслѣдователя и испытателя древней *жизни*, въ которыхъ народная физіономія, народный характеръ, народная личность отражаются ясно и полно, живыми чертами.

Въ этой массѣ оконченныхъ мелочныхъ домашнихъ дѣяній прожитая жизнь народа улеглась послѣдовательными слоями, геологическими пластами. Не говоримъ уже о всей внѣшней обстановкѣ древняго быта, которую возстановить возможно

только при посредствѣ того же источника. При теперешнемъ взглядѣ на исторію подобные акты имѣютъ мало цѣны, или имѣютъ какую-то спеціальную антикварную цѣнность, междутѣмъ, въ каждомъ даже небольшомъ сборникѣ, которые время отъ времени все-таки являются, не вознаграждая ни рвенія собирателя, ни потраченныхъ имъ издержекъ, историкъ всегда найдетъ драгоцѣнныя и живыя черты для своихъ изображеній. Настанетъ, однакожь, время, когда такіе акты сдѣлаются важнѣйшимъ матеріаломъ, когда вѣрное, жизненное чутьё, смутно и теперь руководящее собирателями и издателями нѣкоторыхъ сборниковъ, перейдетъ въ сознательное пониманіе, что это самый прямой, ближайшій и самый богатый матеріалъ для изученія и возсозданія древней жизни во всей ея полнотѣ и правдѣ.

Есть еще *историческій* матеріалъ, не менѣе богатый и еще болѣе, шире и глубже, охватывающій народную жизнь, непосредственнѣе возсоздающій народный ликъ, яснѣе опредѣляющій народъ, какъ живое цѣлое, какъ дѣйствительную живую единицу, это — народный эпосъ въ той полнотѣ и обширности его пониманія, какое выступаетъ въ позднѣйшихъ историко-литературныхъ и филологическихъ изслѣдованіяхъ. Этотъ матеріалъ тѣмъ еще дороже для насъ, что онъ единственный и притомъ самый достовѣрный свидѣтель и изобразитель такъ-называемой *доисторической*, и вообще, согласно старому пониманію, *неисторической* жизни народа. Въ немъ народъ является именно такимъ общимъ цѣльнымъ ликомъ, какимъ онъ долженъ изображаться въ самой исторіи, потому что и исторія въ сущности есть тотъ же народный эпосъ, созданный лишь при посредствѣ искуственности, то-есть при посредствѣ разныхъ ученыхъ работъ. Оттого и взглядъ на нее и совершенство ея обработки вполнѣ опредѣляется степенью народнаго сознанія. Въ эпическомъ матері-

алѣ—весь древній человѣкъ, весь полный, и въ своемъ зародышѣ, едва замѣтномъ на простые глаза и въ своихъ постепенныхъ, послѣдовательныхъ возрастаніяхъ и жизненныхъ переходахъ, весь въ полномъ законченномъ типѣ съ его міросозерцаніемъ, съ его радостями и скорбями, съ его воззрѣніями и стремленіями, съ его добромъ и зломъ, съ его героизмомъ, идеальностью и пошлостью жизни. «Народный эпосъ (говоритъ достойный и глубокій его изъяснитель г. Буслаевъ) во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная отъ миѳа и чарующаго заклятія, этого отголоска религіозныхъ миѳическихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или причитаніями, и до колыбельной пѣсни, есть не только выраженіе народнаго быта, но даже сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія, и перелитая въ прекрасные звуки роднаго слова *)». Отсюда-то историкъ долженъ почерпать ту «живую воду» для своего труда, безъ которой народъ въ историческомъ изображеніи всегда останется трупомъ, болѣе или менѣе искусно препарованнымъ, которая одна только имѣетъ силу воскрешать сухія муміи древняго человѣка, хранимыя офиціальными сказаніями и повѣствованіями, разными государственными актами и документами—вообще старою приказностью и книжностью, не выключая и лѣтописей въ общемъ ихъ характерѣ. Да, трудъ историка, его изысканіе и изслѣдованіе, его бесѣда съ древностью и творческое ея возсозданіе всегда должны согрѣваться у этого живаго и неистощимаго огня. И какъ бы далеко, то-есть, какъ бы близко къ намъ ни зашелъ историкъ въ своемъ повѣствованіи, пусть никогда не оставляетъ его эта живительная теплота народнаго эпоса, все согрѣвающая, дающая жизнь и образъ самой мел-

*) «Лѣтописи русской литературы и древности». Изд. г. Тихонравовымъ. 1859. кн. 2, стр. 81.

кой чертѣ разсказа, разрѣшающая столько историческихъ недоумѣній и загадокъ. Для первыхъ же страницъ исторіи народный эпосъ есть единственный и самый существенный источникъ и матеріалъ. Всѣ признаютъ, что въ современномъ намъ бытѣ крестьянъ сохраняется множество первобытныхъ элементовъ, первобытной непосредственности, которую обыкновенно называютъ остатками, обломками язычества, то-есть остатками жизни и понятій до-христіанскихъ. Если такъ, то что̀ же останавливаетъ историка возсоздать по остающимся обломкамъ этотъ до-христіанскій, до-историческій бытъ и тѣмъ начать свое повѣствованіе, исторію?

Къ сожалѣнію, еще до настоящей минуты тяготитъ надъ нами присяжная, непостижимая какая-то обязанность начинать исторію разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи Варяговъ-руси, какъ будто въ самомъ-дѣлѣ отъ этого антикварнаго вопроса зависитъ «быть или не быть» нашего историческаго дѣла. Неужели до сей минуты мы еще не убѣдились, что на этомъ ристалищѣ много можно поломать копій, много разъ можно отличиться въ антикварной эрудиціи и еще болѣе разъ можно безславно упасть, потративъ и трудъ, и время, и талантъ безъ всякой пользы для разрѣшенія даже этого самаго вопроса? Все это показываетъ только, что въ своихъ понятіяхъ объ исторіи и ея задачахъ мы еще далеко не освободились отъ старыхъ привычекъ и вообще отъ старыхъ, обветшалыхъ интересовъ науки, которыя пока еще господствуютъ въ нашихъ умахъ и нашихъ изысканіяхъ. Вѣдь, возбужденіе вопроса о происхожденіи Варяговъ возможно только съ точки зрѣнія государственной исторіи, а не исторіи живой народной личности. Что̀ могутъ дать всѣ писанія по этому поводу кромѣ болѣе или менѣе ловкихъ натяжекъ, обнаруживающихъ гораздо больше авторское остроуміе, чѣмъ историческую дѣйствительность? Что̀, еслибъ вмѣсто тысячи пер-

выхъ изслѣдованій, возраженій, замѣчаній, критикъ и антикритикъ о происхожденіи Руси, мы обратились бы съ своимъ критицизмомъ и подобною обширною экзегетикою, а главное, съ такою же охотою, съ такимъ же трудолюбіемъ, къ изслѣдованіямъ о до-историческомъ нашемъ бытѣ, разумѣется, не по лѣтописямъ и другимъ подобнымъ свидѣтельствамъ, которыя въ этомъ отношеніи слишкомъ бѣдны, а по памятникамъ, живущимъ еще въ устахъ народа и въ его исконныхъ нравахъ, обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ и т. д.? Что, еслибъ съ тою же неутомимостью и жаромъ, которые такъ достославно и, конечно, не безъ извѣстной пользы, тратились нѣкогда на объясненія слова *Русь* и тому подобное, мы обратились къ объясненію памятниковъ и словъ народнаго жизненнаго смысла, въ которыхъ изобразилось народное разумѣніе о себѣ и окружающемъ мірѣ. Еслибъ это случилось, какъ бы просто и ясно глядѣли мы на наше прошедшее, сколько бы катарактъ спало съ нашихъ глазъ, сколько бы недоразумѣній, загадокъ и всякихъ лѣтописныхъ умолчаній было разрѣшено и раскрыто! Нельзя забыть здѣсь начала теперешняго литературнаго нашего періода, именно, сороковыхъ годовъ, когда, въ одинъ слѣдъ съ литературною критикою, поставившей своимъ лозунгомъ *дѣйствительность* въ самомъ широкомъ примѣненіи этого понятія — дѣйствительность въ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ поэтическихъ созданіяхъ и въ историческихъ трудахъ, когда, вслѣдствіе этихъ громкихъ, неустанныхъ и широкихъ требованій дѣйствительности, существа дѣла, каково бы оно ни было, вмѣсто призраковъ и всяческой маниловщины — изслѣдователи русской исторіи тоже взглянули живымъ окомъ на нашу древность и, вмѣсто варяго-русскихъ призраковъ, обратились прямо къ живой средѣ народнаго быта — что они вынесли изъ этого знакомства съ народною непосредственностью, что возникло отъ этого прикосновенія къ живой народной дѣйствительности?

[illegible] органическій, живительный взглядъ на русскую исторію: видѣто обѣтованныхъ [illegible] и [illegible] будущихъ судьбъ, [illegible] [illegible] историческихъ начаковъ, историческихъ отношеній, [illegible] прошлой жизни, которыя [illegible] на историческія разработки. Они отразились на [illegible] [illegible] [illegible]

началъ въ русской исторіи никто не думалъ; по крайней мѣрѣ мы не видали и не знаемъ ни одной попытки. Конечно, въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу. Прежде все вниманіе было обращено на частные вопросы, на изслѣдованіе и возстановленіе историческихъ событій и данныхъ, на обработку матеріаловъ. Эти труды заслуживаютъ полной благодарности и уваженія; безъ нихъ нельзя и приступить къ наукообразной обработкѣ предмета. Нисколько не порицая заслуженныхъ ветерановъ русской исторіи, живыхъ и умершихъ, мы только высказываемъ, что и какъ было, и что для открытія основныхъ началъ, проходящихъ чрезъ всю русскую исторію, никто ничего не сдѣлалъ до послѣдняго десятилѣтія. Въ это время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и на-угадъ, и до очевидности ясно стало, что безъ строго научнаго систематическаго воззрѣнія наука русской исторіи не можетъ идти дальше, нѣкоторымъ молодымъ любителямъ русской исторіи пришла въ голову мысль попристальнѣе взглянуть на патріархальные элементы русской жизни, на которые, вѣроятно, по ихъ общеизвѣстности и близости, никто еще не обращалъ надлежащаго вниманія и пытливаго ученаго взгляда. Конечно, много разъ и прежде придавался Руси эпитетъ «патріархальная»; но, что собственно значитъ патріархальный и чѣмъ именно отличается отъ непатріархальнаго—этого никто еще до того времени не потрудился объяснить. На это названіе многіе натолкнулись инстинктомъ, чутьемъ, не давая себѣ въ немъ яснаго отчета. А междутѣмъ, если этотъ эпитетъ могъ быть приданъ быту цѣлаго народа, характеризовать его, то ужь, во всякомъ случаѣ, онъ заслуживалъ особеннаго вниманія. То, что характеризуетъ, должно заключить въ себѣ объясненіе всѣхъ особенностей характеризуемаго предмета. Итакъ, не въ патріархальныхъ

ли элементахъ, которые и доселѣ такъ присущи намъ, должно искать объясненія разныхъ событій и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ? Не въ нихъ ли лежитъ ключъ, съ помощью котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ русской исторіи? Не въ нихъ ли затаенъ родникъ, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей исторической жизни? Вотъ вопросъ, который представился этимъ любителямъ исторіи. Нѣкоторые опыты объяснить нашъ древнѣйшій бытъ патріархальнымъ элементомъ были уже сдѣланы; Эверсъ воспользовался имъ и съ большимъ успѣхомъ, толкуя первыя страницы лѣтописи и «Русскую Правду»; Рейцъ, гораздо менѣе даровитый, послѣдовалъ его примѣру, и также съ успѣхомъ. Но это были отрывочныя попытки. Нельзя ли возвести ихъ въ цѣлое и объяснить этимъ элементомъ всю древнюю исторію Руси? Она такъ непохожа на всѣ другія исторіи, такъ необъяснима изъ общихъ началъ исторіи другихъ народовъ и, какъ нарочно, именно тѣхъ, въ жизни которыхъ слабы патріархальные элементы. Остановившись на этой мысли, тѣ же молодые любители русской исторіи стали послѣдовательно вникать въ междукняжескія отношенія, въ мѣстничество, въ древнюю систему управленія—словомъ, во всѣ главнѣйшія явленія древней русской *народной жизни*, и къ величайшей своей радости нашли, что патріархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно; что различныя ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патріархальнаго элемента. Оставалось, за тѣмъ, опредѣлить постоянный законъ, формулу этихъ видоизмѣненій — и каждый сдѣлалъ это по своему крайнему разумѣнію» *).

---

*) „Соч. Кавелина", ч. III стр. 257.

Да̀, намъ оставалось раскрыть эти основныя начала нашей жизни на всемъ нашемъ историческомъ пути. Требовалось съ этой новой точки зрѣнія пересмотрѣть и переизучить весь нашъ историческій матеріалъ, требовался, словомъ, полный историческій трудъ, или полный, связный взглядъ на наше прошедшее. Вотъ почему тотчасъ же является и этотъ взглядъ (глубоко вѣрный по своей основѣ) въ извѣстномъ сочиненіи г. Кавелина, главномъ представителѣ органическаго пониманія нашей исторіи, и въ высокой степени превосходная разработка новыхъ органическихъ началъ въ извѣстномъ сочиненіи г. Соловьева объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома.

Новое ученіе выразилось, слѣдовательно, и своею теоретическою и практическою стороною. За тѣмъ является «Исторія Россіи» — полный историческій трудъ, который былъ естественнымъ, необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новаго поворота историческихъ требованій и чаяній. Конечно «Исторія Россіи» далека еще отъ того идеала, который носится передъ нашими глазами; въ бо̀льшей части своего объема она представляетъ только новый пересмотръ, новое изученіе матеріала, не слишкомъ осязательно выясняя преемство историческихъ началъ, поставленное ею за точку исхода. Задача, естественно, должна была превысить наши матеріальныя силы и наши матеріальныя средства, и исторія въ общемъ своемъ планѣ сохранила старую свою униформу, дѣдовскій покрой кафтана. Но тѣмъ не мѐнѣе это все-таки прочная и твердая основа для дальнѣйшаго пути. Многія стороны и многіе вопросы здѣсь впервые обсуждены и разрѣшены съ полнымъ и яснымъ пониманіемъ *исторической дѣйствительности,* съ полнымъ безпристрастіемъ къ тому или другому утѣшному или безутѣшному явленію жизни, что̀, конечно, не всѣмъ нравится, особенно людямъ, ищущимъ въ исторіи оправданій своимъ доморощеннымъ тенденціямъ и взглядамъ. Глав-

нѣйшая и самая существенная заслуга автора заключается именно въ признаніи *исторической дѣйствительности* за единственную точку опоры изслѣдованія. Отсюда неотъемлемыя достоинства труда, отсюда же и всѣ его недостатки, которые прежде всего условливаются скудостью и необработанностью матеріала, а вслѣдъ за тѣмъ и недостаточнымъ раскрытіемъ и усвоеніемъ своему труду того именно органическаго взгляда, той физіологической основы, съ которыми авторъ приступилъ къ обработкѣ исторіи. Повидимому, матеріалъ своею необработанною и неуклюжею массою преградилъ живыя струи этого взгляда, такъ-что въ иныхъ мѣстахъ онѣ совсѣмъ скрыты подъ грудою безсвязныхъ событій и фактовъ. Случилось то, что̀ всегда случается при добросовѣстной работѣ, при особенно строгомъ почтеніи и уваженіи къ факту. Фактъ взялъ верхъ и своею *дѣльностью* незамѣтно вытѣснилъ теплоту живаго, цѣльнаго воззрѣнія на прошедшее по всему пройденному пути. Мы впрочемъ убѣждены, что то же самое еще долго будетъ повторяться у насъ со всякимъ историческимъ трудомъ, именно по поводу весьма скудной обработки матеріала и вообще всѣхъ частныхъ историческихъ вопросовъ. Каждый трудъ по необходимости будетъ носить въ себѣ слѣды черновой работы, отзываться сыростью не усвоеннаго и не переработаннаго матеріала. Доказательства этому являются каждый день, несмотря на разныя претензіи и громкія фразы о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ надобно, и что мы-де сдѣлаемъ именно такъ, ка̀къ надобно. Въ добавокъ, тѣмъ еще больше будетъ неустройства въ изложеніи, чѣмъ дальше будетъ пониманіе изслѣдователя отъ животворной идеи, что народъ въ своей исторіи есть живое, единое цѣлое, живая личность, которую и должна раскрыть историческая изслѣдовательность. Пусть выраженіе «народный организмъ» не остается пустою только фразою, а слѣ-

лается руководящимъ началомъ для историческаго труда: тогда историческое изложеніе естественнымъ порядкомъ приметъ связное, живое теченіе, разумный строй и выброситъ все несвойственное основному представленію, какъ излишнее бремя. Самое обиліе и неурядица существующаго матеріала несравненно легче будутъ освоены при стремленіи раскрывать всюду органическое единство въ этомъ жизненномъ разнообразіи дѣлъ и лицъ. Какъ-скоро будетъ понято и почувствовано историкомъ во всѣхъ явленіяхъ угасшей жизни присутствіе народнаго лица, то успѣхъ и стройность, даже художественность его работы явятся сами-собою, какъ результатъ сознанія этой жизненной идеи. Странно, впрочемъ, что, при теперешнемъ общемъ говорѣ объ историческомъ организмѣ, при сознаніи, что историческая задача есть въ то же время и задача физіологическая, по крайней мѣрѣ въ основныхъ пріемахъ ея разрѣшенія, мы очень рѣдко встрѣчаемъ вліяніе этой животворной мысли на историческій трудъ; а нѣкоторые голоса даже вовсе не понимаютъ въ чемъ дѣло и причисляютъ физіологическій взглядъ на исторію къ длинному ряду нѣмецкихъ ученыхъ выдумокъ, мало пригодныхъ въ ученой обработкѣ исторіи. Время покажетъ, на чьей сторонѣ правда, и мы убѣждены, что правда будетъ на сторонѣ пониманія исторіи какъ физіологическаго жизненнаго процеса, на сторонѣ болѣе яснаго, болѣе осязательнаго представленія народа живымъ единствомъ, живою личностью, такъ-какъ и всего человѣчества. Почему еще такъ мало усвоивается это представленіе нашимъ понятіямъ, такъ это по той причинѣ, что историки смотрятъ на свою историческую работу слишкомъ спеціально, слишкомъ ограничиваются такъ называемыми предѣлами науки, и слишкомъ тѣсно завиваются въ такъ называемые *историческіе* факты, вовсе упуская изъ виду, что исторія имѣетъ дѣло съ однимъ только фактомъ, съ жизнью,

нѣйшая и самая существенная заслуга автора заключается именно въ признаніи *исторической дѣйствительности* за единственную точку опоры изслѣдованія. Отсюда неотъемлемыя достоинства труда, отсюда же и всѣ его недостатки, которые прежде всего условливаются скудостью и необработанностью матеріала, а вслѣдъ за тѣмъ и недостаточнымъ раскрытіемъ и усвоеніемъ своему труду того именно органическаго взгляда, той физіологической основы, съ которыми авторъ приступилъ къ обработкѣ исторіи. Повидимому, матеріалъ своею необработанною и неуклюжею массою преградилъ живыя струи этого взгляда, такъ-что въ иныхъ мѣстахъ онѣ совсѣмъ скрыты подъ грудою безсвязныхъ событій и фактовъ. Случилось то, что̀ всегда случается при добросовѣстной работѣ, при особенно строгомъ почтеніи и уваженіи къ факту. Фактъ взялъ верхъ и своею *дѣльностью* незамѣтно вытѣснилъ теплоту живаго, цѣльнаго воззрѣнія на прошедшее по всему пройденному пути. Мы впрочемъ убѣждены, что то же самое еще долго будетъ повторяться у насъ со всякимъ историческимъ трудомъ, именно по поводу весьма скудной обработки матеріала и вообще всѣхъ частныхъ историческихъ вопросовъ. Каждый трудъ по необходимости будетъ носить въ себѣ слѣды черновой работы, отзываться сыростью не усвоеннаго и не переработаннаго матеріала. Доказательства этому являются каждый день, несмотря на разныя претензіи и громкія фразы о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ надобно, и что мы-де сдѣлаемъ именно такъ, ка̀къ надобно. Въ добавокъ, тѣмъ еще больше будетъ неустройства въ изложеніи, чѣмъ дальше будетъ пониманіе изслѣдователя отъ животворной идеи, что народъ въ своей исторіи есть живое, единое цѣлое, живая личность, которую и должна раскрыть историческая изслѣдовательность. Пусть выраженіе «народный организмъ» не остается пустою только фразою, а сдѣ-

лается руководящимъ началомъ для историческаго труда: тогда историческое изложеніе естественнымъ порядкомъ приметъ связное, живое теченіе, разумный строй и выброситъ все несвойственное основному представленію, какъ излишнее бремя. Самое обиліе и неурядица существующаго матеріала несравненно легче будутъ освоены при стремленіи раскрывать всюду органическое единство въ этомъ жизненномъ разнообразіи дѣлъ и лицъ. Какъ-скоро будетъ понято и почувствовано историкомъ во всѣхъ явленіяхъ угасшей жизни присутствіе народнаго лица, то успѣхъ и стройность, даже художественность его работы явятся сами-собою, какъ результатъ сознанія этой жизненной идеи. Странно, впрочемъ, что, при теперешнемъ общемъ говорѣ объ историческомъ организмѣ, при сознаніи, что историческая задача есть въ то же время и задача физіологическая, по крайней мѣрѣ въ основныхъ пріемахъ ея разрѣшенія, мы очень рѣдко встрѣчаемъ вліяніе этой животворной мысли на историческій трудъ; а нѣкоторые голоса даже вовсе не понимаютъ въ чемъ дѣло и причисляютъ физіологическій взглядъ на исторію къ длинному ряду нѣмецкихъ ученыхъ выдумокъ, мало пригодныхъ въ ученой обработкѣ исторіи. Время покажетъ, на чьей сторонѣ правда, и мы убѣждены, что правда будетъ на сторонѣ пониманія исторіи какъ физіологическаго жизненнаго процеса, на сторонѣ болѣе яснаго, болѣе осязательнаго представленія народа живымъ единствомъ, живою личностью, такъ-какъ и всего человѣчества. Почему еще такъ мало усвоивается это представленіе нашимъ понятіямъ, такъ это по той причинѣ, что историки смотрятъ на свою историческую работу слишкомъ спеціально, слишкомъ ограничиваются такъ называемыми предѣлами науки, и слишкомъ тѣсно завиваются въ такъ называемые *историческіе* факты, вовсе упуская изъ виду, что исторія имѣетъ дѣло съ однимъ только фактомъ, съ жизнью,

которую и надо слѣдить на всѣхъ путяхъ, гдѣ она является, во всѣхъ мелочахъ, которыя бо̀льшею частью еще рѣдко признаются историческими. Для историка, слѣдовательно, необходимъ самый широкій горизонтъ знанія и мысли. Для уясненія своей задачи онъ всюду можетъ находить матеріалъ и въ харатейной лѣтописи и въ живомъ событіи нынѣшняго дня; ибо все, что̀ ни совершается вокругъ насъ и внутри насъ, все это есть результатъ историческаго процеса и, слѣдовательно, плодотворная почва для разрѣшенія всѣхъ историческихъ загадокъ и вопросовъ, непосредственный и многообразный матеріалъ для возстановленія жизни, навсегда угасшей. Современному историку ничто не должно быть чуждо въ мірѣ насущной дѣйствительности, всяческихъ фактовъ жизни. Каждое малѣйшее біеніе жизни онъ необходимо чувствуетъ, какъ ближайшій ея наблюдатель и испытатель. Наоборотъ, какъ скоро онъ замыкается въ келью своей науки, принимая ее за какую-либо алхимію, за какое-либо техническое производство, для котораго весь міръ работы и мысли существуетъ только въ спеціальной задачѣ производства, тогда сами собою глохнутъ въ немъ всѣ живыя силы историческаго пониманія, и онъ незамѣтно входитъ въ роль обыкновеннаго составителя дѣловыхъ бумагъ, которыя становятся для него исключительнымъ и важнѣйшимъ историческимъ матеріаломъ.

Не смотря на то, что сильно еще господство старыхъ понятій объ исторіи и старыхъ привычныхъ пріемовъ въ историческомъ трудѣ, потребность жизненной, физіологической основы въ разрѣшеніи историческихъ задачъ чувствуется всѣми. Она выростаетъ съ каждымъ днемъ и является какъ результатъ общаго направленія наукъ, такъ-что ее несравненно сильнѣе чувствуютъ массы любознательныхъ читателей и люди изъ другихъ областей знанія, чѣмъ записные спеціалисты исторіи. Недавно потребность эта высказалась также и въ

извѣстной программѣ лекцій г. Костомарова, который, внося этнографическій взглядъ въ исторію, кладетъ по этому въ основу своихъ трудовъ не исторію государства, а исторію народа.

«Жизнь народная (говоритъ даровитый ученый) заключается въ *движеніи* его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣрованіяхъ, чувствованіяхъ, надеждахъ, страданіяхъ. Изслѣдованіе развитія народной духовной жизни—вотъ въ чемъ состоитъ исторія народа. Тутъ основа и объясненіе всякаго политическаго событія, тутъ повѣрка и судъ всякаго учрежденія и закона.»

Основа очень вѣрная, которая прямо поведетъ къ представленію народа, какъ живой личности. Весь вопросъ только въ томъ, какъ разумѣть слово народъ? — Исторически: какъ совокупность жизненныхъ общественныхъ силъ, или только этнографически, какъ однокровность и однородность быта извѣстной мѣстности?

Мы много имѣемъ задатковъ, чтобъ ожидать отъ заявленныхъ требованій не одного только протеста, противъ односторонности направленія исторіи, но и блестящаго выполненія задачи. Въ концѣ поприща мы увидимъ на сколько взглядъ г. Костомарова, попреимуществу этнографическій, дробный, повидимому совсѣмъ чуждый взгляду, который мы признаемъ органическимъ, по крайней мѣрѣ не заявившій никакого къ нему отношенія, можетъ разъяснить нашу исторію, цементировать ее, дать ей органическую цѣльность и жизненную полноту. Во всякомъ случаѣ, съ особенною радостью привѣтствуемъ мы новое самостоятельное дѣло въ нашихъ историческихъ работахъ, которое, по самой сущности своей задачи, должно пролить много свѣта на начальные элементы нашей жизни.

Народъ, народность, коренныя основы русской жизни! — слова, которыя часто теперь употребляются и, притомъ, съ такимъ смысломъ какъ-будто они вчера только открыты или

изобрѣтены и до того никто не понималъ ихъ настоящей цѣны и значенія; трактуется вопросъ о какой-то народности въ противоположность государственности, какъ-будто есть возможность отдѣлить одну отъ другой, какъ-будто государство, вообще форма народности, не есть прямое и непосредственное дѣло народа, не есть его плоть и кровь. При этомъ нерѣдко порядкомъ достается и дѣятельности того направленія въ исторической обработкѣ, которое мы не разъ уже назвали органическимъ. Оно, видите ли, слишкомъ впередъ выдвинуло государственные элементы нашей исторіи и оставило на заднемъ планѣ въ совершенной тѣни другіе элементы, достойные полнаго вниманія, сочувствія и тщательной обработки. Это правда. Но что жь дѣлать, если въ государственномъ элементѣ заключился органическій ростъ русской народности? Да и какая же народность мыслима внѣ государственной формы, болѣе или менѣе крѣпкой и сильной? Историческое направленіе, раскрывшее съ очевидною ясностью движеніе въ нашей жизни государственнаго элемента, добросовѣстно выполнило свое дѣло, ближайшую задачу историческаго труда. Оно указало общую черту пути, по которому шла русская жизнь; а указать эту черту возможно было только послѣ внимательнаго и самаго подробнаго разсмотрѣнія и изученія народности, то есть ея памятниковъ устныхъ и бытовыхъ. Антагонисты упомянутаго направленія совсѣмъ забываютъ, что первый починъ дѣльнаго, здраваго и въ полной мѣрѣ основательнаго изученія народности сдѣланъ тѣми же дѣятелями сороковыхъ годовъ, которые, наперекоръ нашимъ пожеланіямъ, дали такое видное мѣсто въ нашей исторіи государственному началу и которые вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости первые же серьёзно заговорили о народности въ то время, какъ другіе только о ней восклицали и восклицаютъ до-сихъ-поръ. Способъ и пріемы изученія народности, предложенные г. Кавелинымъ

въ его статьѣ объ извѣстной книгѣ г. Терещенко, образцовые, можно сказать классическіе, до сихъ поръ остаются одинокимъ явленіемъ среди громкаго, но пустаго фразёрства и восклицаній, которыми обыкновенно ограничиваются исключительные поклонники и толковники народности. Поверхностное, чисто внѣшнее знакомство съ народною дѣйствительностью, перенесеніе современныхъ понятій на нѣкоторыя ея явленія, которыя оттого пріобрѣтаютъ совершенно иной смыслъ, ласкающій современныя наши вполнѣ разумныя, самыя жизненныя требованія и потребности, но нисколько не выражающій истины дѣла—все это приводитъ къ тому, что народность въ глазахъ ея особенныхъ понимателей получаетъ призрачные размѣры и отнимаетъ возможность покойнаго и безпристрастнаго наблюденія надъ природою народнаго развитія. Какъ слѣдствіе этого и возникаютъ превратныя мнѣнія и толки..

Таковы, напримѣръ, въ настоящую минуту мнѣнія и толки о государственности, которая совершенно отдѣляется отъ народности, какъ нѣчто ей чуждое и случайное, какъ нѣчто такое, что̀ могло быть и не быть, могло принять такую или иную форму, смотря по сплетенію обстоятельствъ. Если это та̀къ, то необходимо, по крайней мѣрѣ, показать на дѣлѣ справедливость такого взгляда, то есть раскрыть тѣ особенныя стихіи и силы народности, которыя *могли* создать иную, болѣе соотвѣтственную форму, и которыя дѣйствительно, можетъ-быть, слишкомъ затушованы въ нашей исторіи изображеніемъ государственности. Пока этого не сдѣлаютъ, мы останемся при томъ мнѣніи, что государство, государственная форма, какая бы она ни была, не есть дѣло одного лица или нѣсколькихъ лицъ, хронологически одно за другимъ слѣдовавшихъ, а есть непосредственное дѣло самого народа, прямое дѣло господствующихъ элементовъ его жизни, есть непосредственное выраженіе народности. Механически ни создать, ни поддерживать

цѣлыя столѣтія никакой государственной формы нельзя. Временно, во имя эгоистической личности, можно выкидывать какіе угодно политическіе эквилибры. Но природа вещей, то-есть основный ходъ народной жизни всѣ эти эквилибры введетъ все-таки въ свое русло, въ одномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ позже—это все-равно: основные элементы жизни стоять не будутъ.

Давно признано, что государство—внѣшній механизмъ народной жизни, именно та форма, въ которой народъ выражаетъ сознаніе своихъ бытовыхъ отношеній, своихъ понятій о правдѣ и справедливости. Оно есть внѣшній нарядъ, порядокъ, въ какомъ народный духъ обнаруживаетъ свое существованіе, оно есть коконъ, матеріальная оболочка, въ какую неизбѣжно завивается сущность народныхъ силъ, какъ скоро онѣ находятъ свой центръ жизненнаго кругообращенія, создаютъ историческое тѣло, развивающійся организмъ. Отсюда само собою раждается слѣдствіе, что каковы элементы народнаго духа, каковы требованія его природы, таковъ и коконъ, такова эта матеріальная оболочка, то есть государство, результатъ, произведеніе народнаго сознанія. Въ государственной формѣ народъ сознаетъ себя, какъ живую единицу, сознаетъ идею своего общаго. Изъ какихъ жизненныхъ началъ выработывается эта идея, въ такой формѣ она и представляется народному сознанію, въ такой формѣ и воплощается. Общая жизнь слагается изъ элементовъ частной, единичной жизни, слѣдовательно сѣмена государственной формы необходимо искать въ частномъ быту, въ формахъ частныхъ единичныхъ отношеній. Не къ Татарамъ и не въ Византію мы должны отправляться, чтобъ уяснить себѣ происхожденіе существующей формы; мы должны опуститься въ подземное царство частныхъ отношеній и внимательно наблюдать тамъ, какъ, напримѣръ, построена форма семейнаго быта и разныхъ единичныхъ союзовъ; на

чемъ стоятъ, чѣмъ держатся эти союзы. Особенно же должны наблюдать, въ какомъ *строѣ* содержится *домъ*, единичное хозяйство, въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу члены этого дома—хозяйства, потому-что въ строѣ дома, въ характерѣ единичной союзной формы кроются сѣмена и политическаго строя, которыя, рано ли, поздно ли, смотря по стеченію обстоятельствъ, принесутъ именно такіе же плоды, каковы были сѣмена—словомъ, чѣмъ управляется частная жизнь, тѣмъ же, по необходимости, будетъ жить и государство. Если въ частной жизни господствуютъ, все опредѣляютъ и во всемъ сказываются элементы патріархальности; если формы людскихъ отношеній непремѣнно кристаллизуются въ формы непосредственныхъ кровныхъ отношеній, въ формы родства; если самая община дѣлитъ своихъ членовъ на старшихъ и младшихъ, и по этому опредѣляетъ самостоятельность ихъ голоса; если даже въ казацкой вольной артели избранный атаманъ тотчасъ же облекается въ значеніе *батька*, то естественно, что на такой почвѣ можетъ возникнуть только или аристократія родовъ, какою, напримѣръ, у насъ была новгородская община, южный Галичъ, и даже община казацкая и самая Польша, или одинъ общій для всѣхъ родъ, съ единымъ лицомъ родовладыки государя, какимъ явилось, напримѣръ, московское самодержавіе, которое, то есть вообще самодержавіе, обыкновенно тѣмъ сильнѣе и крѣпче созидается, чѣмъ глубже въ частномъ быту кроются корни патріархальности. Длинные споры объ общинномъ нашемъ бытѣ происходятъ большею частью отъ недоразумѣній, отъ того, что на старую нашу общину смотрятъ съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній, намъ современныхъ, гдѣ понятіе о свободной личности, безъ которой община немыслима, само собою уже подразумѣвается, между тѣмъ, какъ въ нашей древности такого понятія вовсе не существовало. У насъ лице было на столько свобод-

но, на сколько былъ свободенъ тотъ родъ, котораго оно было представителемъ. Лице само по себѣ не имѣло человѣческаго достоинства и ничего не значило безъ понятія рода. Поэтому наша община была въ сущности общиною родовъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всегда и вездѣ выдѣляла только нѣсколько передовыхъ аристократическихъ родовъ, которые въ лицѣ своихъ представителей обыкновенно и заправляли общиною и всѣми ея дѣлами. Такимъ образомъ въ основѣ общиннаго и общественнаго нашего быта крылись все-таки патріархальные, кровные элементы, по которымъ и кристаллизовались формы людскихъ частныхъ и политическихъ отношеній. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще мы не успѣли нигдѣ разглядѣть въ нашемъ общинномъ бытѣ существенной и самой крѣпкой опоры для всякой свободной политической формы, именно человѣческаго лица — освобожденной полноправной человѣческой личности; и думаемъ, что для простаго человѣка, не принадлежавшаго къ владѣющимъ родамъ общины, для простаго рядовича или смерда, вообще для такъ называемой *черни*, было все одинаково тѣсно отъ купца или шляхтича, или отъ московскихъ намѣстниковъ и приказныхъ людей: перемѣнялись декораціи и явленія, а драма тянулась все одна, съ тѣми же дѣйствующими лицами. Въ этомъ попреимуществу, можетъ быть, и кроется неимовѣрно быстрый успѣхъ Москвы и несчастныя неудачи Новгорода и ему подобныхъ общинъ. Кто поддержалъ Москву, какъ не народный смыслъ, не находившій другаго исхода изъ аристократическихъ началъ нашей древней общины, изъ бѣдствій и неурядицы княжескаго удѣльнаго вотчиннаго устройства, созданнаго лишь эгоизмомъ княжескаго рода, а вовсе не интересами и потребностями областнаго будто бы развитія.

Свободный, *добровольный* городъ былъ такимъ же *господиномъ* и *государемъ* въ своей землѣ, такимъ же вотчин-

никомъ и собственникомъ въ отношеніи населенія, какимъ былъ и *государь* московскій, слѣдовательно, сущность отношеній къ населенію и тамъ и здѣсь была одинакова. Понятіе о *государѣ*, какъ владыкѣ дома, самовластителѣ хозяйства и семейства, вотчинникѣ, собственникѣ не Москвою было выработано. Ею оно внесено только въ сферу политическихъ отношеній. Въ частномъ же быту оно явилось вмѣстѣ съ самымъ фактомъ гораздо раньше, съ того, можетъ-быть, времени, какъ родъ сталъ разлагаться на семьи и изъ родовой общей собственности возникла собственность личная, собственность отдѣльнаго хозяйства, дома, независимая отъ родовыхъ опредѣленій и притязаній. Это едва-ли совершилось на памяти исторіи. Какъ бы ни было, только въ древней Руси существовалъ въ частномъ быту типъ отношеній, именовавшійся *государемъ*, что собственно значило, какъ мы сказали, владыку дома, хозяина, собственника и вотчинника. Въ этомъ типѣ родоначальникъ, отецъ семейства является не только отцомъ, но и *самовластцемъ*, то-есть единымъ, независимымъ распорядителемъ своего хозяйства и семьи. Такъ лѣтописецъ назвалъ Ярослава, когда тотъ по смерти брата Мстислава остался единовластителемъ Руси; также лѣтописецъ называетъ и Андрея Боголюбскаго, который изгналъ братьевъ и дружину своего отца, «хотя самовластецъ быти всей суздальской земли». Слово *самъ* выразило, что, вмѣсто власти рода, является власть одного лица; что личность стремится выпутаться изъ-подъ опеки родовыхъ отношеній и становится, такъ сказать, на собственныя свои ноги. Синонимомъ этому слову въ частномъ быту было слово государь, господарь. Любопытно было бы выяснить исторію этого замѣчательнаго слова, тогда, можетъ быть, намъ легче было бы понять послѣдовательный, жизненный ходъ и развитіе самаго факта. Корень этого слова, безъ-сомнѣнія—*оспода*, *госпо-*

да—слово, которымъ обозначали вообще судную правящую власть съ ея представителями, княземъ, тысяцкимъ, посадникомъ, сотскими, тіуномъ и т. п.—вообще, власть вѣча, міра, власть общины. Отсюда образовалось слово *господ-инъ*, выражающее принадлежность *господѣ*, происхожденіе отъ *господы*, слѣдовательно, означающее лице, которое было облечено судною властью, было исполнителемъ судной власти и расправы. Такимъ титуломъ въ политической сферѣ пользовались въ древности исключительно князья и добровольные, то-есть независимые города, Новгородъ и Псковъ. Изъ той же господы образовалось слово *господ-арь*, а потомъ *госуд-арь*, какъ сокращеніе перваго. Это слово имѣло уже совсѣмъ другое значеніе: слово господинъ, какъ упомянуто, обозначало только происхожденіе отъ господы, принадлежность господѣ, слѣдовательно зависимость отъ главнаго представленія господы, какъ судной власти, которая въ этомъ случаѣ представляла существо дѣла, такъ сказать, родъ, нѣчто общее, въ то время, какъ господинъ, лице, выполнявшее это дѣло, становился только *видомъ*, частью этого общаго. Господ-арь значило уже, что существо дѣла—судная власть—перешла въ личную волю, сдѣлалась принадлежностью лица, его неотъемлемымъ, непосредственнымъ дѣяніемъ и правомъ. Господ-арь означало уже не исполнителя только, а полнаго самостоятельнаго и самовластительнаго хозяина, независимаго производителя—словомъ, въ этомъ понятіи выразилось, что существомъ дѣла стало лице, что судная власть, такъ сказать, воплотилась въ личной волѣ, сдѣлалась собственностію лица. Окончаніемъ *арь* вообще придается понятіе о производителѣ и хозяинѣ чего-либо. Таковы, напримѣръ, мыт-арь, ключ-арь, скот-арь, пис-арь, звонарь, пушк-арь, золот-арь, ток-арь, стол-арь (столяръ) и т. д. *).

*) По всему вѣроятію, точно такъ же образовалось слово *бой-арь* *болре*, *болрин*.

Какъ бы ни было, но *господинъ* и *государь* строго различались въ понятіяхъ нашей древности; смыслъ этихъ жизненныхъ словъ очень хорошо растолкованъ еще въ семидесятыхъ годахъ XV-го столѣтія, при встрѣчѣ двухъ политическихъ формъ древней Руси, господина и государя Новгорода Великаго и господина и государя князя великаго въ Москвѣ. Новгородъ, какъ собирательный и, притомъ, аристократическій типъ государя, естественно, не могъ узнать себя въ единичномъ типѣ московскаго князя, тѣмъ болѣе, что этотъ единичный типъ отрицалъ всяческую аристократію, нисколько не находилъ различія между черными людьми земства и бѣлыми породными людьми владѣющихъ разрядовъ, стремился все сравнять во имя своего единаго лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился сдѣлаться общимъ политическимъ типомъ русской жизни. Здѣсь встрѣтились двѣ жизненно-выработанныя формы одной и той же идеи. Кому быть и кому не быть—рѣшили, конечно, обстоятельства, но обстоятельства не съ неба упавшія, а созданныя народнымъ развитіемъ. Такимъ образомъ государь, государство, какъ жизненная форма людскихъ отношеній, прежде всего явилась и была выработана въ частномъ, единичномъ быту и отсюда уже была перенесена въ сферу жизни общей, политической. Государь изъ единичнаго типа съ органическою постепенностью переходитъ въ типъ политическій, государственный въ теперешнемъ значеніи этого слова. Государь, хозяинъ, представитель хозяйства частной, единичной жизни постепенно выдѣляется въ государя, хозяина общей жизни, въ представителя *государства*, *господарства* политическаго. Нѣкоторые приписываютъ образованіе этого типа вліянію татарскому и византійскому и отрицаютъ его туземное происхожденіе; но кто дѣйствительно всматривался въ стихіи народной жизни и знакомъ съ тою упругостью, которою отличается вообще всякая народность въ отношеніи

принятія чуждыхъ элементовъ, тотъ едва ли согласится съ такимъ мнѣніемъ. Татарское вліяніе, собственно иго, могло только, и то при посредствѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, ускорить развитіе этого типа, а не создать его: это доказываетъ, между прочимъ, медленная постепенность его развитія, которая идетъ шагъ за шагомъ и до Татаръ, и при Татарахъ, и послѣ Татаръ, что характеризуетъ органическій процесъ, а не фактъ заимствованія или подражанія, который, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, какихъ, впрочемъ, было немало, тотчасъ же развалился бы, еслибъ не нашелъ родственныхъ себѣ элементовъ въ жизни народа, въ народныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Византійское же вліяніе было чисто научное, если можно его такъ обозначить; оно, посредствомъ знакомства съ библейскою и церковною исторіею и вообще съ ученіемъ церкви, помогло, и то уже въ XVI столѣтіи, возвысить этотъ типъ до отвлеченнаго понятія, до идеи царя. Притомъ, заимствованныя формы недолговѣчны и никогда не бываютъ крѣпки, особенно, если онѣ не соотвѣтствуютъ народнымъ элементамъ, какъ многіе думаютъ, говоря объ историческомъ значеніи Москвы. Нѣтъ, типъ государя, вотчинника и хозяина, есть типъ туземный, сложившійся органически, самъ-собою, изъ готовыхъ элементовъ народной жизни; онъ существовалъ сначала въ частномъ быту и потомъ, развившись въ политическое тѣло, охватилъ бытъ всего народа, ставъ его вершиною. Не должно забывать, что никакой другой оболочки не можетъ создать себѣ народный духъ, какъ именно такую, какая у него существуетъ и какая, слѣдовательно, отвѣчаетъ требованіямъ его природы и свойству его силъ. Все, что совершается въ механизмѣ этой оболочки, въ механизмѣ государства, все есть только продуктъ или потребность тѣхъ силъ и элементовъ, которыя господствуютъ въ самой жизни народа. Все несродное этимъ элементамъ тотчасъ же

извергается или остается бездѣйствующимъ, не входитъ въ жизненное кругообращеніе организма и умираетъ. Если иной разъ механизмъ государства вдругъ оказывается вовсе несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ требованіямъ и потребностямъ народа, если народъ на каждомъ шагу стремится обойти, миновать государственныя опредѣленія, впадаетъ на каждомъ шагу въ противорѣчіе съ закономъ, то это показываетъ только, что народная жизнь износила свои формы, раздобрѣла, если можно выразиться, и проситъ другихъ, болѣе широкихъ и, слѣдовательно, болѣе удобныхъ и покойныхъ формъ существованія. Какъ форма народнаго сознанія справедливости и правды, государство постоянно отражаетъ въ себѣ движеніе, развитіе народныхъ силъ и, слѣдовательно, постоянно измѣняетъ подробности своихъ опредѣленій и даже самый взглядъ на свое призваніе и назначеніе. Что̀ нынче кажется справедливымъ, законнымъ, то̀ завтра уже принимается за вопіющую несправедливость и беззаконіе, и наоборотъ. Жизнь съ развитіемъ ежеминутно мѣняетъ свои воззрѣнія, восходя, высвобождаясь отъ непосредственныхъ узкихъ, эгоистическихъ ея опредѣленій къ полной и всесторонней свободѣ.

Словомъ, необходимо согласиться, что каково государство, таковъ и народъ, и каковъ народъ, таково и государство. Отдѣлять ихъ другъ отъ друга нельзя, если хотимъ имѣть правильный взглядъ на историческое развитіе народа. Общій характеръ государственнаго устройства всегда характеризуетъ свойство преобладающихъ элементовъ въ жизни народа, силу и ясность его сознанія, силу и ясность его понятій о правдѣ и справедливости.

Государство, какъ сознательная форма общественныхъ и личныхъ отношеній народа, измѣняется въ своихъ началахъ, принципахъ по мѣрѣ развитія народнаго сознанія; но за-то въ подробностяхъ своихъ опредѣленій, во всей своей механикѣ

оно часто дѣйствуетъ независимо, во имя независимой эгоистической личности, не взирая на то, какъ относится къ его опредѣленіямъ народная масса. Подробности своей формы оно иногда цѣликомъ беретъ изчужа. Это всегда случается, когда освобождающаяся личность не находитъ въ туземной средѣ соотвѣтственныхъ формъ для новыхъ своихъ требованій, для опредѣленія новорожденныхъ понятій и отношеній. По этому пути возникла у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, можетъ-быть, чуждая до того времени народнымъ представленіямъ, обстановка царскаго достоинства, почитавшая своимъ идеаломъ попреимуществу типъ византійскій. По тому же пути велъ свои реформы и Петръ-Великій. Но какъ бы ни была произвольна въ этомъ отношеніи независимая личность, она все-таки неизбѣжно подчиняется общему сознанію и всегда становится безсильною, какъ-скоро это сознаніе не оправдываетъ ея дѣйствій и нововведеній. Государство принимаетъ въ себя только тò, чтò свойственно его сущности. Такъ, напримѣръ, указанный Петромъ майоратъ не былъ понятъ и принятъ русскою жизнью, чтó, разумѣется, очень хорошо; но рядомъ введена коллегіальность въ управленіе, которая точно также была непонята и до сихъ поръ еще хорошо не укрѣпилась въ нашихъ понятіяхъ и нравахъ, что, конечно, очень худо. То и другое, майоратъ и коллегіальность, не соотвѣтствовали нашимъ жизненнымъ элементамъ, были не въ духѣ народа и потому существовали и существуютъ наиболѣе только стороною своей формы. Мы не говоримъ о множествѣ другихъ подобныхъ фактовъ. Такимъ образомъ народный организмъ неудержимо противится всякому чуждому, ему несвойственному элементу жизни и остается только при одной его формѣ, если она, наперекоръ, а главное по незнанію его потребностей, будетъ ему навязана. Отсюда-то и выросло то неимовѣрное, ужасающее количество разнообраз-

ныхъ формъ и формальностей, въ которыхъ мы теперь существуемъ, наперекоръ смыслу и стихіямъ нашей да и всякой жизни. Чуждый элементъ тогда можетъ войти въ составъ органическихъ силъ народа, претвориться въ плоть и кровь народнаго организма, когда въ немъ окажутся родственныя народнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ стихіи. Принятіе христіанства св. Владиміромъ было для того времени, въ историческомъ смыслѣ, такою же реформою жизни, какъ принятіе европейской общечеловѣческой гражданственности Петромъ Великимъ. Народный организмъ, пребывавшій въ язычествѣ, встрѣтился съ ученіемъ совершенно противоположнымъ и чуждымъ его жизненнымъ стихіямъ. Формально онъ подчинился новому ученію, а на дѣлѣ не по однѣмъ украйнамъ оставался *двувѣрнымъ* и долго еще сохранялъ свое язычество, или по крайней мѣрѣ свою первобытную непосредственность. Да и теперь угасла ли совсѣмъ вѣра въ домоваго, водянаго, лѣшаго и т. п. Новая идея проникала въ народное сознаніе постепенно, развивалась органически и прежде всего была почувствована въ живыхъ образахъ, которые нашли себѣ родственную почву въ народномъ эпосѣ. Идея не могла перешагнуть первобытнаго эпическаго созерцанія и сначала облеклась въ его непосредственныя формы, которыя для большинства были яснѣе и понятнѣе символическихъ отвлеченностей, остающихся почти всегда однимъ только внѣшнимъ обрядомъ. Отвлеченнаго, духовнаго начала ученія народное разумѣніе, по своей неразвитости, неспособно было осилить и претворяло его факты въ эпическіе образы такъ называемыхъ духовныхъ стиховъ и легендъ. Въ нихъ-то народъ и выразилъ, на сколько и въ какой силѣ новыя идеи проникли въ его созерцаніе и сознаніе.

Говоря объ органическихъ процесахъ, которымъ подвергается всякая идея, входящая въ народный организмъ, или сама-собою развивающаяся въ немъ, мы не можемъ не при-

помнить здѣсь глубоко вѣрную характеристику этихъ жизненныхъ отправленій, представленную г. Кавелинымъ въ его классической статьѣ о книгѣ г. Терещенко. «Какъ живой организмъ (говоритъ авторъ) усвоиваетъ, уподобляетъ себѣ пищу и питье самыя разнородныя, превращаетъ ихъ въ свою плоть и кровь, какъ нравственная природа человѣка усвоиваетъ внѣшнее, отчего одинъ и тотъ же предметъ производитъ разныя впечатлѣнія на лице въ разное время и возрасты: такъ и цѣлый народъ. Подобно всякому живому существу, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія обусловленной его характеромъ, исторіей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, что внѣ этого опредѣленнаго круга его занятій, внѣ окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видитъ и не понимаетъ. Внесетъ ли исторія новый элементъ, условіе въ народную жизнь, случай ли броситъ въ нее данное, выросшее на другой исторической почвѣ, плодъ другаго порядка вещей и понятій, они или передѣлываются, или остаются тѣ же; но народъ соединяетъ съ ними другое понятіе, присущее ему; слѣдовательно, внѣшній образъ, или смыслъ ихъ—все-равно, становится другимъ, и принимая чужое, вводя въ себя посторонніе элементы, народъ остается собой и себѣ вѣренъ. Такъ сначала, и это иногда долго продолжается; потомъ начинается обратное дѣйствіе воспринятыхъ элементовъ и данныхъ на народный организмъ. Увеличивъ собою число фактовъ, изъ которыхъ слагается и около которыхъ вращается народная жизнь, умноживъ свѣдѣнія народа, они, въ свою очередь, измѣняютъ народный организмъ; но это измѣненіе, обновленіе, перерожденіе его является естественнымъ, какъ-будто совершающимся изъ собственныхъ, внутреннихъ силъ народа; ибо дѣйствительно, все то, что его обогатило, увеличило его содержаніе, сначала было имъ усвоено, введено въ кругъ его понятій.

«Насильственные, внезапные историческіе перевороты какъ-будто опровергаютъ тò, чтò мы сказали. Но это только кажется. Они измѣняютъ одни внѣшнія условія человѣческаго общества и потому не въ силахъ вдругъ измѣнить народнаго организма. Оттого и плоды ихъ — добрые и злые, обозначаются, по времени, гораздо позже, когда новые факты успѣютъ совершить въ народной жизни свой обычный кругъ, какъ пища въ человѣческомъ тѣлѣ. Народы могутъ погибать вслѣдствіе враждебныхъ вліяній и внутреннихъ измѣненій — безспорно; но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. И человѣкъ можетъ умереть отъ яда, чтò не опровергаетъ основной формулы его органическаго существованія. Бываетъ, что цѣлые народы стираются съ лица земли до единаго человѣка; но это не возраженіе противъ общихъ непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Мы старались опредѣлить формулу, по которой совершаются внутреннія измѣненія народнаго быта, живаго и живущаго, а не мертваго или умирающаго, въ которомъ нормаленъ только законъ смерти, а не законъ жизни.

«Единственный случай, когда вѣчная постепенность измѣненій народнаго быта и понятій нарушается, это при смѣшеніи двухъ или нѣсколькихъ разныхъ народовъ въ одинъ. Чѣмъ быстрѣе, насильственнѣе оно происходитъ, тѣмъ нарушеніе рѣзче; когда одно племя мало по малу поглощается другимъ, оно обнаруживается общимъ отклоненіемъ отъ начальнаго типа, новыми чертами, но послѣдовательность не прерывается. Впрочемъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ изъ чуждыхъ народностей слагаются новые организмы, живущіе по тѣмъ же законамъ, и къ которымъ, слѣдовательно, приложимо все, чтò мы доселѣ сказали» *).

---

*) „Соч. Кавелина", ч. IV, стр. 51.

Вникнувъ хорошенько въ эту вѣрную характеристику жизненныхъ процесовъ, которымъ подвергается народный организмъ, мы плохо уже станемъ понимать всѣ тѣ осужденія, какія время отъ времени слышатся въ литературѣ и въ повседневныхъ разговорахъ противъ реформы Петра, исказившаго будто-бы всю сущность народныхъ силъ. Народъ, вѣдь, не тѣсто, которое можно смять какъ угодно и напечь изъ него какихъ угодно пироговъ. Никакая крутая реформа, даже Петровская, не въ силахъ передѣлать народный организмъ по своей мѣркѣ, измѣнить сущность его жизненныхъ силъ. Всякая реформа даетъ только новый просторъ для ихъ дѣятельности, а тамъ уже время покажетъ, что̀ возметъ въ себя организмъ, что̀ введетъ онъ въ свои соки. Можно только ручаться, что все несродное организму будетъ отринуто и будетъ принято только то̀, что̀ наиболѣе соотвѣтствуетъ степени его развитія. Говорятъ не будь Петра, мы могли бы развиться иначе, по какимъ-то кореннымъ русскимъ началамъ, которыя значительно потерты реформою, или даже и совсѣмъ стерты, и которыхъ, между нами сказать, никто еще хорошо себѣ не уяснилъ. Но необходимо же согласиться, что въ народной жизни, въ народномъ развитіи коренное начало одно, къ которому неудержимо несется вся исторія человѣка, по крайней мѣрѣ на европейской почвѣ, просвѣтлѣнной христіанскими идеями—это начало: полное, всестороннее развитіе личности соотвѣтственно требованіямъ ея природы. Для насъ это коренное начало стало яснѣе, осуществленіе его сдѣлалось возможнѣе только со времени реформы, со времени пріобщенія насъ къ интересамъ общечеловѣческой жизни. Не въ томъ сила, какая форма жизни сдѣлалась преобладающею, и почему не та именно, а другая, вовсе не отвѣчающая нашимъ слегка построеннымъ воззрѣніямъ; форма никогда не была дѣломъ одного лица, а напротивъ, она всегда

и вездѣ была органическимъ воплощеніемъ народнаго сознанія. Народъ оправдываетъ ея преобладаніе, ея существованіе, потому что въ немъ самомъ, въ его единичной жизни двигаются тѣ же элементы, что общая форма есть только воспроизведеніе частной единичной формы, въ которую складывается народная жизнь. Вообще говоря, не въ томъ сила, въ какой формѣ осуществилась степень народнаго сознанія, а въ томъ, какая форма быстрѣе и ближе ведетъ къ цѣли, то-есть, къ полному сохраненію человѣческихъ правъ...

Итакъ давно признано, что государство есть механизмъ, форма, выражающая степень народнаго сознанія о правдѣ своихъ общественныхъ и личныхъ отношеній, есть воплощеніе сознанной правды. За этою-то формою попреимуществу слѣдила и даже до сихъ поръ слѣдитъ исторія, рѣдко обращаясь къ внутреннему содержанію этой формы, собственно къ жизни организма. Но первый серьёзный шагъ къ такому обращенію далъ возможность тотчасъ же усмотрѣть, что государство только обозначаетъ движеніе жизни, но не раскрываетъ всѣхъ ея подробностей; что помимо государства существуетъ дѣятель сильнѣе его, существуетъ самостоятельно, дѣйствуетъ независимо отъ опредѣленій государства. Это — общество народа. Общество есть главный, видимый дѣятель народнаго сознанія. Это сознательная сторона, сознательная сила народнаго духа, проявляемая въ элементахъ образованности и вообще въ элементахъ умственной дѣятельности народа. Общество и государство дѣйствуютъ взаимно другъ на друга съ первой минуты своего зарожденія и до послѣдняго разложенія народнаго организма; даютъ другъ другу новыя силы, новыя начала жизни, развиваемыя жизненно обществомъ и опредѣляемыя государствомъ. Коренное начало жизни общества, коренное начало его самодѣятельности, есть развитіе понятій о достоинствѣ человѣческой личности, о достоинствѣ че-

ловѣка, какъ конечной цѣли народнаго развитія. Полная свобода человѣческой личности, глубокое уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка, совершенство человѣческой личности, человѣчность — вотъ идеалъ, исходная точка и конечная цѣль жизни и развитія общества. Понятно, что оно стремится сбросить всѣ внѣшнія отлички людей, высвободить лице человѣка изъ-подъ маски внѣшнихъ, случайныхъ, несущественныхъ распредѣленій и опредѣленій. Общество равняетъ людей во имя идеи человѣчности. Какъ сознательная, мыслящая среда, оно есть живая совокупность такъ-называемыхъ мыслящихъ людей, гдѣ бы они ни жили, къ какимъ бы сословнымъ и служебнымъ распредѣленіямъ ни принадлежали. Каждый мыслящій человѣкъ, какъ наиболѣе освобожденная личность, есть достойный органъ общества. Онъ воспитывается его мыслію, его идеями и, въ свой чередъ, питаетъ общественную мысль своею единичною силою мысли, вноситъ въ организмъ общественныхъ идей личное ихъ пониманіе и развитіе.

Народная масса живетъ наиболѣе чувствомъ, представленіями непосредственной впечатлительности; общество — мыслію, отвлеченіями. Народъ — человѣкъ *темный*, какъ онъ и разумѣетъ себя. Общество есть *свѣтъ*, *міръ*—слова, въ отвлеченіи опредѣляющія глубокую сущность общества. Видимая сила, въ которой выражается дѣятельность общества, называется обыкновенно *общественнымъ мнѣніемъ*. Этою силою общество возобновляетъ и передѣлываетъ обветшалыя формы своего существованія, оправдываетъ, поддерживаетъ все родственное или отвергаетъ и гонитъ все чуждое его пониманію и убѣжденіямъ. Само собою разумѣется, что развитіе, возрастаніе общества идетъ тѣми же постепенными шагами органической жизни, какъ и развитіе народа, а потому и указанныя нами жизненныя начала общества являются не вдругъ, а выработываются и выясняются въ его сознаніи вмѣ-

стѣ съ общимъ движеніемъ жизни. Еслибъ удачно было сравненіе, то мы сравнили бы народный организмъ съ животнымъ организмомъ. Общество—голова, умъ, сознаніе; народъ—тѣло, какъ совокупность матеріальныхъ элементовъ жизни; поэтому его дѣйствія есть по преимуществу дѣйствія чувства; государство—тѣлесная форма, внѣшній порядокъ и строй, въ какомъ эти элементы расположились. Все это существуетъ нераздѣльно, въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга и составляетъ то, что̀ мы разумѣемъ подъ словомъ народный организмъ. При этомъ необходимо замѣтить, что народное тѣло, совсѣмъ не то, что̀ государственное тѣло. Народомъ нельзя называть этнографическую совокупность разныхъ инородныхъ племенъ, хотя бъ они и принадлежали къ единству государственному. Народъ есть живая единица, сознающая жизненно, а не механически, то есть административно, свое единство, свою цѣльность. Совокупность даже родственныхъ племенъ не составляетъ еще народа; ибо племена, хотя бы и родственныя по языку и происхожденію, не могутъ сознавать своего единства вслѣдствіе того начала, которымъ они живутъ и держатся. Родъ, какъ начало племеннаго развитія, въ самомъ себѣ носитъ стремленіе къ эгоистической особности и увлекаетъ къ особности все племя, которое въ сущности есть тотъ же родъ многовѣтвистый. «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ; владѣюще кождо родомъ своимъ...» —вотъ вѣрная, хотя и короткая характеристика племеннаго быта, записанная въ то время, когда свѣжа еще была память объ этомъ бытѣ. Для того чтобъ могъ возникнуть организмъ народный, одного чистаго элемента племенной патріархальной непосредственности, кровной связи, еще недостаточно: необходимо, чтобъ родственныя племена почувствовали свое единство не по крови, а по идеѣ, сталобыть, необходимо, чтобъ въ ихъ жизни возникла идея подъ

видомъ одного для всѣхъ племенъ *общаго дѣла*, одного общаго положенія жизни. Такимъ общимъ дѣломъ въ историческомъ развитіи прежде всего является *общая правда*, въ формѣ государственнаго начала, то третье моральное лице, къ которому всегда приходитъ несостоятельность племеннаго хотя бы и общиннаго быта, ища примиренія враждующихъ элементовъ своей родовой особности. Въ идеѣ *общей правды* лежитъ зачатіе народнаго организма, какъ общества. Это точка, отъ которой начинается органическое движеніе народнаго духа; какъ скоро племена соединяются во имя общей правды, начинаетъ возникать нѣчто особое, *общее*, не принадлежащее исключительно ни тому, ни другому племени; это общее и становится потомъ народнымъ тѣломъ. Въ какой формѣ воплощается идея общей правды—это уже зависитъ отъ характера и свойства господствующихъ элементовъ въ жизни народа и отъ первоначальныхъ формъ, въ которыя выраждались эти элементы.

Въ предъидущемъ мы желали повозможности указать, что непосредственная задача исторіи должна заключаться въ томъ, чтобъ выяснить типическія черты народной жизни, понять народъ какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ, цѣльномъ образѣ, который метался бы въ глаза на каждой страницѣ историческаго повѣствованія. Но народная, общая жизнь слагается изъ единичной, частной; слѣдовательно, чтобъ возсоздать народный типъ, необходимо хорошо ознакомиться съ жизнью единичною, съ типами индивидуальными. Если обработка исторіи не удовлетворяетъ теперешнихъ нашихъ требованій и несетъ, можетъ-быть, заслуженные укоры въ слишкомъ казенномъ складѣ своихъ изслѣ-

дованій и самаго изложенія, то обработка древностей, изслѣдованіе и изъясненіе прожитой единичной жизни, на что̀ по преимуществу долженъ опираться историкъ, представляетъ совершенный хаосъ. Трудно найдтиться въ этомъ безбрежномъ морѣ-океанѣ самыхъ разнородныхъ и разнообразныхъ мелкихъ и мелочныхъ фактовъ, указаній, свѣдѣній, изслѣдованій, описаній, статей и статеекъ, неимѣющихъ между собою и малѣйшей связи, ничего единаго, отъ котораго они шли бы, какъ радіусы отъ центра; все разсыпается въ вашихъ рукахъ какъ песокъ. Существуетъ, однакожь, цѣлая наука, именуемая археологіею, «Наука Древностей», хотя, сказать по правдѣ, она существуетъ болѣе въ воображеніи, въ отвлеченіи, чѣмъ на-самомъ-дѣлѣ. Имя ея очень часто употребляется, но никто не скажетъ, въ чемъ главная ея задача и ка̀къ обширна ея область. Теперь подъ именемъ археологіи — по-крайней мѣрѣ у насъ—не разумѣютъ уже болѣе, и весьма справедливо, исторію искусствъ попреимуществу классическаго міра. Съ этимъ смысломъ археологія остается еще на Западѣ: тамъ она въ дѣйствительности имѣетъ научное значеніе. Были попытки назвать археологіею и нашу исторію художествъ; но эти попытки приводили только на память одинъ замысловатый политипажъ, который изображалъ русскую избу съ громаднымъ и весьма изящнымъ греческимъ порталомъ, стоявшимъ спереди. Здравый смыслъ показывалъ, что исторію нашихъ художествъ, простирая ее даже до старинныхъ желѣзныхъ гвоздей, вмѣстить въ научныя рамы нѣтъ никакой возможности. Ученые стали употреблять это слово «археологія», «археологическій», безъ разбора, обозначая имъ всякій фактъ неисторическій, относящійся вообще къ такъ-называемымъ древностямъ. Русская археологія, акты археологическіе, памятники археологическіе, археологическое общество, археологическая коммиссія и т. д.—все это слова, весьма разли-

чно объясняющія, въ чемъ дѣло. Стòитъ только перебрать всѣ случаи, въ которыхъ является слово «археологическій», чтобъ вполнѣ убѣдиться въ совершеннѣйшемъ отсутствіи во всей массѣ свѣдѣній, обозначаемыхъ этимъ словомъ, одного общаго центра, общей единой связи, которая условливаетъ существованіе всякой науки. Напротивъ, здѣсь каждая частица стремится къ особенности, ставятъ себя центромъ изученія безъ всякой связи съ остальными и весьма часто претендуетъ даже на имя отдѣльной самостоятельной *науки*. Между тѣмъ простое, кажется, дѣло: о чемъ именно свидѣтельствуетъ каждый памятникъ именуемый археологическимѣ, то-есть каждая крупная и мелкая мелочь, частность древняго быта? О жизни народа или, опредѣлительнѣе, о жизни человѣка вообще, ибо археологическія свидѣтельства и памятники потому и считаются мелочью и неслишкомъ охотно допускаются на страницы исторіи, чтò они суть свидѣтельства о жизни не народа собственно, а мелкихъ единицъ, составляющихъ народное тѣло, то-есть вообще людей. Они прежде всего свидѣтельства о томъ кàкъ жилъ, каковъ былъ единичный человѣкъ въ извѣстную эпоху, а не о томъ кàкъ жилъ, каковъ былъ народъ, ибо для свидѣтельства, которое должно выяснить жизнь народа, нуженъ совсѣмъ другой вѣсъ и объемъ. Такимъ свидѣтельствомъ можетъ быть только самъ единичный типъ во всей полнотѣ своей единичной жизни; и чтобъ узнать, кàкъ жилъ народъ, необходимо прежде узнать, кàкъ жили люди, кàкъ жилъ отдѣльный человѣкъ. Всѣ болѣе или менѣе частныя, мелкія указанія о жизни людей, начиная съ внѣшней обстановки и оканчивая ихъ вѣрованіями и убѣжденіями, не даютъ еще прямаго непосредственнаго свидѣтельства о жизни народа. Вѣрованія отдѣльнаго лица, отдѣльнаго разряда лицъ не есть еще вѣрованія народа такъ же точно, какъ домашній бытъ того или другаго лица, того или другаго по-

рядка лицъ, не есть еще домашній бытъ народа. Такія указанія и свидѣтельства выясняютъ только единичную жизнь данной эпохи, которая, единичная жизнь эпохи, въ свою очередь, должна служить матеріаломъ для выясненій общей жизни, жизни народа. Чѣмъ яснѣе, подробнѣе обработана единичная жизнь, тѣмъ яснѣе и полнѣе становится и общій ликъ народа.

Само-собою разумѣется, что кому же принять на себя изслѣдованіе, изученіе, изображеніе единичной жизни, какъ не наукѣ древностей, археологіи, въ область которой теперь относится все, что̀ остается отъ прожитой жизни человѣка, начиная съ обломковъ его домашней утвари и восходя до обломковъ его міросозерцанія.

Наука древностей попреимуществу имѣетъ дѣло только съ обломками, остатками, развалинами и не одними монументальными, вещественными, какъ ее обыкновенно понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человѣка, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы формѣ они не встрѣтились. Среди такихъ обломковъ и развалинъ она и отъискиваетъ полноту единичной, индивидуальной жизни. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого мелкаго памятника, такого мельчайшаго свидѣтельства, которые не были бы для нея важны и поучительны. Здѣсь всякая тонкая черточка идетъ въ дѣло, потому-что для изображенія мелкихъ единицъ нужны тонкія и мелкія черты. Словомъ, задача археологіи — жизнь и бытъ человѣка, какъ отдѣльной единицы. Ка̀къ жилъ, каковъ былъ человѣкъ въ ту или другую эпоху—вотъ существенные и прямые ея вопросы, на которые и должны отвѣчать всѣ ея изысканія. Всѣ, повидимому, самостоятельные отдѣлы археологическаго знанія, какъ, напримѣръ, исторія искусствъ, и т. п. въ результатѣ своихъ изысканій, изслѣдованій и своего ученія все-таки встрѣчаются съ единымъ узломъ всякаго знанія и всякой

отдѣлами? Конечно, ученая обработка,
о предмета, по естественной причинѣ
и центромъ избранный для разрѣшенія
й вопросъ въ отношеніи къ общей задачѣ
орая никогда и никакъ не выясняется безъ
шенія ея къ общей, единой цѣли науки.
шей части и забываютъ изслѣдователи дре-
избранный вопросъ или отдѣлъ археологи-
оэсматриваютъ какъ особую какую-то нау-
, что поставленіе частнаго вопроса цѣлью
только обыкновенный способъ ученой обра-
въ настоящее время, при неимовѣрномъ на-
ческаго матеріала, археологическое изъ-
одимости раздробилось на нѣсколько незави-
ому, самостоятельныхъ отдѣловъ, которые
тся даже науками и самостоятельность кото-
главнымъ образомъ или на случайномъ нако-
нѣ сохранившихся свѣдѣній, или же на слу-
ной потребности знать ту или другую сто-
ата. Такъ къ числу вспомогательныхъ наукъ
ись генеалогія, геральдика, нумизматика—
чисто дворянскаго аристократическаго про-
шіеся и приведенные въ систему гораздо
археологическихъ знаній, вслѣдствіе го-
невѣковомъ обществѣ дворянскихъ, феодаль-
требностей. Обработкѣ ихъ посвящено было
писавшихъ многіе томы описаній и изслѣдова-
ихъ самые скудные результаты и для исто-
огіи, особенно со стороны теперешнихъ ихъ
просовъ. Прискорбнѣе всего, что каждая та-
археологической обработки стремится все-
вопросъ въ самой себѣ безъ всякаго соот-

науки—съ человѣкомъ или въ его единичной жизни, или въ общей, народной, основныя начала которой и стараются себѣ уяснить. Все, что прожито человѣкомъ въ теченіе тысячелѣтій, что осталось отъ него, служитъ разъясненіемъ только его самого, его силъ, существенныхъ сторонъ его духовной и матеріальной природы. Какъ скоро въ своихъ изслѣдованіяхъ частностей, единичнаго, археологія восходитъ до выясненія цѣльныхъ типовъ, до опредѣленія единыхъ общихъ условій человѣческой жизни, до раскрытія общей силы человѣческой природы; результаты ея тотчасъ же цѣликомъ поступаютъ въ собственность исторіи, и здѣсь-то ея изслѣдованіе течетъ уже однимъ общимъ русломъ съ исторіею; ея задача оканчивается и начинается задача исторіи, заключающаяся въ томъ, чтобъ представить, на основаніи общихъ выводовъ, общихъ очертаній частнаго, единый ликъ общей жизни, жизни всего народа.

Само-собою разумѣется, что въ археологіи, какъ и въ исторіи, прежде всего предстоитъ разработка внѣшней обстановки, внѣшнихъ явленій и положеній быта. Какъ въ исторіи государство съ его устройствомъ и его дѣлами, этотъ *образъ жизни* народа, какъ цѣлаго, бросается прежде всего въ глаза и прежде всего описывается и изображается, такъ точно и въ археологіи: образъ жизни отдѣльнаго человѣка въ данную эпоху или, вообще, образъ жизни людей той эпохи становится ближайшею задачею изслѣдователя по самому уже количеству и качеству сохранившихся матеріаловъ. Впрочемъ, и безъ того это самый прямой, вѣрный и естественный путь для постепеннаго и всесторонняго раскрытія дѣйствующихъ силъ народной жизни. Изслѣдованіе внѣшней обстановки, внѣшняго порядка жизни, само-собою укажетъ, на чемъ стоялъ человѣкъ относительно своихъ понятій, вѣрованій, убѣжденій, вкусовъ и нравственныхъ потребностей, какой духъ господствовалъ въ ту эпоху, ка-

кая мысль и какіе идеалы руководили дѣйствіями и дѣлами людей. И въ этомъ случаѣ, какъ мы уже замѣтили, нельзя ничѣмъ пренебрегать, никакою мелкою и мелочною микроскопическою чертою, потому-что, для уясненія жизни, знаніе ея мелочей необходимѣе всего; это—почва, на которой и изъ которой произрастаютъ всѣ видныя и крупныя явленія жизни, всѣ такъ называемыя великія событія, и на этой же только почвѣ возможно возведеніе историческаго и археологическаго изученія и изслѣдованія въ живые образы, законченные типы; что̀ конечно и составляетъ вѣнецъ науки. Если для живой, дышущей характеристики современныхъ намъ типовъ художникъ прямо берется за внѣшнюю мелочную ихъ обстановку и щедро разсыпаетъ вокругъ ихъ домашнія бытовыя мелочи, всегда придающія особенную выпуклость или, говоря стариннымъ словомъ, особенное *живство* изображаемымъ лицамъ и картинамъ, то подобныя краски еще необходимѣе для изображеній древности. Если типы Собакевича или Манилова, Ноздрева, Коробочки, Плюшкина и т. д. несравненно ярче, выпуклѣе, пластичнѣе выходятъ посреди той обстановки, въ какой каждый изъ нихъ живетъ, которая создалась какъ-бы органически, какъ слѣдствіе ихъ задушевныхъ вкусовъ, стремленій, желаній, убѣжденій, привычекъ и т. д. слѣдовательно представляетъ въ сущности осязательное выраженіе духовнаго ихъ развитія, такъ-что каждый предметъ ихъ обстановки, каждый стулъ съ полною внутреннею правдою можетъ говорить «и я тоже Собакевичъ», или «и я тоже очень похожъ на Собакевича», если таково значеніе и таковъ смыслъ пріобрѣтаетъ въ рукахъ художника внѣшняя обстановка, то изображеніе этой обстановки, всей мелочной житейской среды въ историческихъ и археологическихъ картинахъ и характеристикахъ пріобрѣтаетъ еще бо̀льшую важность и несравненно большее значеніе. Современные намъ типы и вся ихъ об-

становка болѣе или менѣе намъ знакомы; мы сами живемъ въ этой средѣ, мы *знаемъ* ее, помимо изученій и изслѣдованій. Художественное ея воспроизведеніе переводитъ насъ только въ высшую сферу знанія, въ сознательное пониманіе этой среды. Въ изображеніяхъ современной дѣйствительности весьма многое для насъ ясно, помимо всѣхъ описаній. Стòитъ только наименовать предметъ—и онъ рисуется уже въ нашемъ воображеніи со всѣми подробностями своей обстановки, даже со всѣми общими характерными своими чертами. Чиновникъ, помѣщикъ, купецъ, солдатъ, мастеровой и т. д. — со всѣми такими словами связано у насъ болѣе или менѣе отчетливое понятіе о томъ, чтò они значатъ, возникаетъ живой образъ, сложившійся въ нашемъ воображеніи самъ-собою, отъ постояннаго знакомства, такъ-сказать, сожитія съ этими людьми. Здѣсь комментаріи и разныя объяснительныя примѣчанія вовсе ненужны: дѣло разумѣется само-собою. Другое дѣло, если знакомая намъ среда отживаетъ свое время, гаснетъ: тогда понеобходимости мы прибѣгаемъ къ изученію, къ научнымъ толкованіямъ и поясненіямъ. Типы Гоголя пока еще ясны для насъ какъ день; мы съ ними живемъ и, мало того, носимъ ихъ въ себѣ, ибо во многомъ они изображаютъ насъ самихъ, между-тѣмъ, какъ типы Фонвизина требуютъ уже комментарія, хотя въ свое время были также всѣмъ понятны и своею ясностью всѣхъ приводили въ восторгъ. Жизнь идетъ, впередъ ли, назадъ ли, какъ думаютъ нѣкоторые, но она по-крайней-мѣрѣ не стоитъ на одномъ мѣстѣ, идетъ, движется, какъ самая земля, и уноситъ съ собою всѣ живыя формы и воплощенія своихъ силъ. Чтò нынче имѣло мѣсто въ ея общемъ движеніи, было непосредственнымъ матеріаломъ самой жизни, тò завтра гаснетъ и переходитъ въ область отвлеченностей, становится матеріаломъ для исторіи или археологіи, вообще матеріаломъ знанія. Оттого такъ труд-

но намъ связать какое нибудь живое понятіе съ именами, напр. древняго русскаго князя, боярина, дьяка, боярскаго сына, торговаго человѣка — гостя, посадскаго и т. д. Все это полнѣйшіе іероглифы для нашего воображенія, надъ которыми нужно еще много и долго поработать, чтобъ добиться въ нихъ смысла, раскрыть въ нихъ живую душу.

И что̀ жь непосредственно вводитъ насъ въ этотъ угасшій міръ, гдѣ все спуталось, переплелось, стерлось и, главное, утратило запахъ жизни, если можно такъ выразиться, стало все какимъ-то безразличнымъ отвлеченіемъ? Остатки и обломки внѣшней, повседневной, мелочной обстановки, въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо чувствуется прикосновеніе угасшей жизни, наконецъ *живое* слово, записанное обыкновенно также по поводу мелкихъ повседневныхъ людскихъ отношеній, мелкихъ дѣлъ текущаго дня. Мы уже указали важное значеніе тѣхъ именно юридическихъ и домашнихъ актовъ, въ которыхъ записаны живыя дѣла людей, связь и столкновенія живыхъ людскихъ отношеній. Кому незнакомо то живое впечатлѣніе, какое испытываешь при первомъ взглядѣ на какой-либо предметъ отжившаго быта? Прапрадѣдовскій кафтанъ, мебель, посуда и всякая вещь дѣдовскаго домашняго обихода скорѣе переносятъ вашу мысль въ среду старой дѣйствительности, чѣмъ всѣ *книжныя* сказанія и писанія. Понятно послѣ того, какое значеніе для археологіи, то-есть для выясненія единичной жизни прошедшаго, должна имѣть всякая мелочь стариннаго житья-бытья. Понятно также, что самый разсказъ исторіи никогда не будетъ живъ и ясенъ безъ предварительнаго *археологическаго* изображенія всѣхъ сторонъ той дѣйствительности, о событіяхъ и лицахъ которой историкъ начинаетъ свое повѣствованіе. Прежде чѣмъ начинать это повѣствованіе, онъ долженъ представить возможно-полную характеристику частной единичной жизни вѣка, изъ

среды которой выходили лица и неслись событія. Онъ долженъ поступать совершенно наоборотъ противъ теперешняго затверженнаго пріема въ историческомъ изложеніи, гдѣ глава о внутреннемъ состояніи общества какъ-бы прячется взадъ, какъ всякій скарбъ и хламъ, долженствующій оставаться въ обозѣ или храниться въ отдаленной кладовой, ибо неизвѣстно, понадобится ли онъ въ дѣло или нѣтъ. Если общая жизнь возникаетъ изъ частной единичной, ею созидается и питается, то естественно желать, чтобъ изображенію каждой эпохи предшествовало изображеніе всѣхъ частностей, изъ которыхъ складывалась и связывалась жизнь отдѣльнаго лица, изображеніе домашняго быта, нравовъ вѣка, господствующихъ понятій и взглядовъ, направленій мысли и чувства и практическихъ воплощеній того и другаго—словомъ, изображеніе всего того, въ чемъ единичная жизнь выражалась, какъ единица жила и какова была. На этомъ только фонѣ и возможно живописать событія и дѣла великой народной личности. Единичная жизнь должна служить колоритомъ, освѣщеніемъ общей жизни народа. И какъ ясны и понятны будутъ тогда многія мудреныя загадки исторіи! съ какою выпуклостью выступитъ тогда каждая, даже мелкая черта народнаго лика.

И такъ *мелочь* жизни, все частное, выясняющее единичный ликъ человѣка, индивидуумъ, какъ говорятъ, составляетъ главнѣйшій предметъ археологическаго изученія и изысканія. Какой же системы, какого порядка мы должны держаться въ распредѣленіи, разборкѣ и обработкѣ всей этой неимовѣрной массы мелочей и частностей, какія оставлены намъ старою жизнью? Должны ли мы въ своихъ разысканіяхъ вращаться около одного общаго центра, около одной общей цѣли или, какъ теперь, каждый отдѣлъ археологическихъ свѣдѣній будетъ служить самъ себѣ цѣлью, нисколько не подозрѣвая, съ своей стороны, общей жизненной связи съ

другими таковыми же отдѣлами? Конечно, ученая обработка, какого бы то ни было предмета, по естественной причинѣ ставитъ себѣ цѣлью и центромъ избранный для разрѣшенія вопросъ. Но научный вопросъ въ отношеніи къ общей задачѣ есть частность, которая никогда и никакъ не выясняется безъ постояннаго соотношенія ея къ общей, единой цѣли науки. Вотъ это-то по бо̀льшей части и забываютъ изслѣдователи древностей и каждый избранный вопросъ или отдѣлъ археологическихъ свѣдѣній разсматриваютъ какъ особую какую-то науку, вовсе забывая, что поставленіе частнаго вопроса цѣлью изслѣдованія есть только обыкновенный способъ ученой обработки предмета. Въ настоящее время, при неимовѣрномъ накопленіи археологическаго матеріала, археологическое изъисканіе по необходимости раздробилось на нѣсколько независимыхъ, по видимому, самостоятельныхъ отдѣловъ, которые нерѣдко именуются даже науками и самостоятельность которыхъ опирается главнымъ образомъ или на случайномъ накопленіи и богатствѣ сохранившихся свѣдѣній, или же на случайно возбужденной потребности знать ту или другую сторону древняго быта. Такъ къ числу вспомогательныхъ наукъ исторіи относились генеалогія, геральдика, нумизматика— отдѣлы свѣдѣній чисто дворянскаго аристократическаго происхожденія, явившіеся и приведенные въ систему гораздо прежде другихъ археологическихъ знаній, вслѣдствіе господства въ средневѣковомъ обществѣ дворянскихъ, феодальныхъ идей и потребностей. Обработкѣ ихъ посвящено было много рукъ, написавшихъ многіе томы описаній и изслѣдованій, представившихъ самые скудные результаты и для исторіи и для археологіи, особенно со стороны теперешнихъ ихъ требованій и запросовъ. Прискорбнѣе всего, что каждая такая спеціальность археологической обработки стремится всегда замкнуть свой вопросъ въ самой себѣ безъ всякаго соот-

ношенія къ другимъ родственнымъ вопросамъ и спеціальностямъ. Съ одной стороны, это даетъ много средствъ для самой мелочной обработки вопроса, а съ другой, отъ его замкнутости съуживается и, можно сказать, тупѣетъ взглядъ изслѣдователя; онъ теряетъ живое пониманіе общей связи всѣхъ отдѣльныхъ, дробныхъ частей науки, словомъ — теряетъ живую душу науки и разсматриваетъ свой вопросъ какъ анатомическій препаратъ. Не надо забывать, что конецъ концовъ, общее средоточіе археологическаго знанія и изученія древности есть все-таки главный ея дѣятель, производитель всего, что̀ мы относимъ въ область древностей— самъ человѣкъ въ своей частной, особной, личной жизни. Слѣдовательно, въ каждомъ отдѣлѣ археологическихъ свѣдѣній, въ каждой самостоятельной части археологическаго изученія впереди всего, или въ серединѣ всего, должно стоять его лице, его единичный образъ. Самостоятельность каждой части археологическаго изученія должна опредѣляться не относительною и случайною полнотою собранныхъ фактовъ, не внѣшнею, хотя бы и стройною системою ихъ распредѣленія, а внутреннимъ смысломъ, возникающимъ изъ ихъ совокупнаго изученія и выясняющимъ угасшій ликъ человѣка, нравственный, духовный или бытовой, матеріальный. Такъ въ исторіи искусства, напримѣръ, хоть въ исторіи зодчества недостаточно описать памятники исторически и технически, распредѣлить ихъ по вѣкамъ, указать происхожденіе ихъ стиля и его зависимость отъ чужеземныхъ образцовъ и т. д. Все это составляетъ лишь внѣшнюю сторону задачи такого изслѣдованія, трудъ первоначальный, приготовительный, заключающійся собственно только въ собраніи фактовъ и опредѣленіи ихъ научнаго значенія, такъ сказать научной цѣнности. Въ изученіи памятниковъ зодчества необходимо и существеннѣе всего выяснить, съ одной стороны, если оно церковное, религіозную думу и

созерцаніе съ его символизмомъ, за тѣмъ развитіе творческихъ художественныхъ силъ народа, развитіе эстетической стихіи его духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и людскія, частныя понятія даннаго времени о художественной красотѣ и изяществѣ, понятія великолѣпія, роскоши или вообще *удивленія*, говоря древнимъ словомъ, въ которомъ заключается смыслъ всѣхъ предъидущихъ словъ. Необходимо раскрыть, въ чемъ находилъ человѣкъ красоту, отчего приходилъ онъ въ эстетическій восторгъ, что радовало и удивляло его глазъ, какія линіи и очертанія были, такъ-сказать, родовыми, основными въ его художественныхъ представленіяхъ и вкусахъ. Въ такомъ изслѣдованіи мы неизбѣжно раскроемъ и русскій стиль и русскій вкусъ въ его типическихъ чертахъ. Мы увидимъ, что, несмотря на преобладаніе иноземныхъ образцовъ, несмотря на рабское имъ подражаніе, русское зодчество — церковное и гражданское — сохранило, и въ значительной степени, силу замышленія и вкуса чисто народнаго, оригинальнаго. Если для каменныхъ построекъ, по преимуществу церковныхъ, мы имѣли чужіе образцы, узаконенные для подражанія даже церковными постановленіями, то въ постройкахъ деревянныхъ, и особенно гражданскихъ, русское художество пользовалось совершенною свободою и съ теченіемъ времени выработало свой оригинальный, весьма узорочный стиль, который внесенъ былъ и въ каменное зодчество и особенно выразился въ памятникахъ XVI столѣтія. Московскій Покровскій соборъ (Василій Блаженный) есть самый характеристическій образецъ этого стиля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ московскихъ, а преимущественно подмосковныхъ церквей, строенныхъ въ одно съ нимъ время. Подобнымъ же образцомъ этого стиля въ гражданскихъ памятникахъ можетъ служить коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, сохраненный въ рисункахъ.

ношенія къ другимъ родственнымъ вопросамъ и спеціальностямъ. Съ одной стороны, это даетъ много средствъ для самой мелочной обработки вопроса, а съ другой, отъ его замкнутости съуживается и, можно сказать, тупѣетъ взглядъ изслѣдователя; онъ теряетъ живое пониманіе общей связи всѣхъ отдѣльныхъ, дробныхъ частей науки, словомъ — теряетъ живую душу науки и разсматриваетъ свой вопросъ какъ анатомическій препаратъ. Не надо забывать, что конецъ концовъ, общее средоточіе археологическаго знанія и изученія древности есть все-таки главный ея дѣятель, производитель всего, что̀ мы относимъ въ область древностей— самъ человѣкъ въ своей частной, особной, личной жизни. Слѣдовательно, въ каждомъ отдѣлѣ археологическихъ свѣдѣній, въ каждой самостоятельной части археологическаго изученія впереди всего, или въ серединѣ всего, должно стоять его лице, его единичный образъ. Самостоятельность каждой части археологическаго изученія должна опредѣляться не относительною и случайною полнотою собранныхъ фактовъ, не внѣшнею, хотя бы и стройною системою ихъ распредѣленія, а внутреннимъ смысломъ, возникающимъ изъ ихъ совокупнаго изученія и выясняющимъ угасшій ликъ человѣка, нравственный, духовный или бытовой, матеріальный. Такъ въ исторіи искусства, напримѣръ, хоть въ исторіи зодчества недостаточно описать памятники исторически и технически, распредѣлить ихъ по вѣкамъ, указать происхожденіе ихъ стиля и его зависимость отъ чужеземныхъ образцовъ и т. д. Все это составляетъ лишь внѣшнюю сторону задачи такого изслѣдованія, трудъ первоначальный, приготовительный, заключающійся собственно только въ собраніи фактовъ и опредѣленіи ихъ научнаго значенія, такъ сказать научной цѣнности. Въ изученіи памятниковъ зодчества необходимо и существеннѣе всего выяснить, съ одной стороны, если оно церковное, религіозную думу и

созерцаніе съ его символизмомъ, за тѣмъ развитіе творческихъ художественныхъ силъ народа, развитіе эстетической стихіи его духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и людскія, частныя понятія даннаго времени о художественной красотѣ и изяществѣ, понятія великолѣпія, роскоши или вообще *удивленія*, говоря древнимъ словомъ, въ которомъ заключается смыслъ всѣхъ предъидущихъ словъ. Необходимо раскрыть, въ чемъ находилъ человѣкъ красоту, отчего приходилъ онъ въ эстетическій восторгъ, что радовало и удивляло его глазъ, какія линіи и очертанія были, такъ-сказать, родовыми, основными въ его художественныхъ представленіяхъ и вкусахъ. Въ такомъ изслѣдованіи мы неизбѣжно раскроемъ и русскій стиль и русскій вкусъ въ его типическихъ чертахъ. Мы увидимъ, что, несмотря на преобладаніе иноземныхъ образцовъ, несмотря на рабское имъ подражаніе, русское зодчество — церковное и гражданское — сохранило, и въ значительной степени, силу замышленія и вкуса чисто народнаго, оригинальнаго. Если для каменныхъ построекъ, по преимуществу церковныхъ, мы имѣли чужіе образцы, узаконенные для подражанія даже церковными постановленіями, то въ постройкахъ деревянныхъ, и особенно гражданскихъ, русское художество пользовалось совершенною свободою и съ теченіемъ времени выработало свой оригинальный, весьма узорочный стиль, который внесенъ былъ и въ каменное зодчество и особенно выразился въ памятникахъ XVI столѣтія. Московскій Покровскій соборъ (Василій Блаженный) есть самый характеристическій образецъ этого стиля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ московскихъ, а преимущественно подмосковныхъ церквей, строенныхъ въ одно съ нимъ время. Подобнымъ же образцомъ этого стиля въ гражданскихъ памятникахъ можетъ служить коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, сохраненный въ рисункахъ.

ношенія къ другимъ родственнымъ вопросамъ и спеціальностямъ. Съ одной стороны, это даетъ много средствъ для самой мелочной обработки вопроса, а съ другой, отъ его замкнутости съуживается и, можно сказать, тупѣетъ взглядъ изслѣдователя; онъ теряетъ живое пониманіе общей связи всѣхъ отдѣльныхъ, дробныхъ частей науки, словомъ — теряетъ живую душу науки и разсматриваетъ свой вопросъ какъ анатомическій препаратъ. Не надо забывать, что конецъ концовъ, общее средоточіе археологическаго знанія и изученія древности есть все-таки главный ея дѣятель, производитель всего, что мы относимъ въ область древностей— самъ человѣкъ въ своей частной, особной, личной жизни. Слѣдовательно, въ каждомъ отдѣлѣ археологическихъ свѣдѣній, въ каждой самостоятельной части археологическаго изученія впереди всего, или въ серединѣ всего, должно стоять его лице, его единичный образъ. Самостоятельность каждой части археологическаго изученія должна опредѣляться не относительною и случайною полнотою собранныхъ фактовъ, не внѣшнею, хотя бы и стройною системою ихъ распредѣленія, а внутреннимъ смысломъ, возникающимъ изъ ихъ совокупнаго изученія и выясняющимъ угасшій ликъ человѣка, нравственный, духовный или бытовой, матеріальный. Такъ въ исторіи искусства, напримѣръ, хоть въ исторіи зодчества недостаточно описать памятники исторически и технически, распредѣлить ихъ по вѣкамъ, указать происхожденіе ихъ стиля и его зависимость отъ чужеземныхъ образцовъ и т. д. Все это составляетъ лишь внѣшнюю сторону задачи такого изслѣдованія, трудъ первоначальный, приготовительный, заключающійся собственно только въ собраніи фактовъ и опредѣленіи ихъ научнаго значенія, такъ сказать научной цѣнности. Въ изученіи памятниковъ зодчества необходимо и существеннѣе всего выяснить, съ одной стороны, если оно церковное, религіозную думу и

созерцаніе съ его символизмомъ, за тѣмъ развитіе творческихъ художественныхъ силъ народа, развитіе эстетической стихіи его духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и людскія, частныя понятія даннаго времени о художественной красотѣ и изяществѣ, понятія великолѣпія, роскоши или вообще *удивленія*, говоря древнимъ словомъ, въ которомъ заключается смыслъ всѣхъ предъидущихъ словъ. Необходимо раскрыть, въ чемъ находилъ человѣкъ красоту, отчего приходилъ онъ въ эстетическій восторгъ, что радовало и удивляло его глазъ, какія линіи и очертанія были, такъ-сказать, родовыми, основными въ его художественныхъ представленіяхъ и вкусахъ. Въ такомъ изслѣдованіи мы неизбѣжно раскроемъ и русскій стиль и русскій вкусъ въ его типическихъ чертахъ. Мы увидимъ, что, несмотря на преобладаніе иноземныхъ образцовъ, несмотря на рабское имъ подражаніе, русское зодчество — церковное и гражданское — сохранило, и въ значительной степени, силу замышленія и вкуса чисто народнаго, оригинальнаго. Если для каменныхъ построекъ, по преимуществу церковныхъ, мы имѣли чужіе образцы, узаконенные для подражанія даже церковными постановленіями, то въ постройкахъ деревянныхъ, и особенно гражданскихъ, русское художество пользовалось совершенною свободою и съ теченіемъ времени выработало свой оригинальный, весьма узорочный стиль, который внесенъ былъ и въ каменное зодчество и особенно выразился въ памятникахъ XVI столѣтія. Московскій Покровскій соборъ (Василій Блаженный) есть самый характеристическій образецъ этого стиля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ московскихъ, а преимущественно подмосковныхъ церквей, строенныхъ въ одно съ нимъ время. Подобнымъ же образцомъ этого стиля въ гражданскихъ памятникахъ можетъ служить коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, сохраненный въ рисункахъ.

Вообще, въ исторіи художествъ, принимая это слово въ древнемъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ всякаго мастерства и ремесла, мы можемъ и должны раскрыть степень замышленія и вкуса, вообще степень изящнаго, какою обладалъ человѣкъ въ извѣстную эпоху и которая обыкновенно отражается на всѣхъ мелочахъ его домашняго обихода. Простая вещь, напримѣръ, домашняя посуда, какой-нибудь глиняный кувшинъ или поваренный горшокъ, эти пошлѣйшія повидимому вещи, многому могутъ научить насъ въ нашихъ поискахъ. Они точно такъ же, какъ и вся окружающая обстановка человѣка, какъ бы она мелка ни была, отражаютъ въ себѣ его эстетическія потребности и есть созданіе его творческихъ художественныхъ и умственныхъ силъ, запечатлѣваемыхъ каждою линіею, каждою формою и фигурою какой-либо утвари. Еслибъ кому пришло въ голову, вмѣсто праздныхъ разглагольствій о народности подарить истинныхъ почитателей народности и исторіи описаніемъ и изображеніемъ въ рисункахъ разной домашней глиняной и деревянной посуды и утвари, употребляемой по разнымъ украйнамъ русской земли — какую бы прекрасную услугу оказалъ такой дѣятель! И здѣсь, въ этихъ очеркахъ домашнихъ мелочей, наука успѣла бы раскрыть существенныя черты и различія въ духовномъ образѣ того или другаго племени. Не говоримъ о *костюмѣ*, объ одеждѣ, особенно женской, въ которой еще виднѣе отражаются эстетическіе вкусы и своеобразныя понятія изящнаго, красиваго. Узоры вышиванья и бранья, которыми до сихъ поръ украшаются женскія и мужскія сорочки, понявы, фаты, полотенцы и разныя другія принадлежности простонароднаго туалета, собранныя въ рисункахъ, могли бы раскрыть не только общія основы чисто русскаго народнаго вкуса и его видоизмѣненія по отношенію къ разнымъ мѣстностямъ и, стало-быть, племенамъ—но показали бы также глу-

бокую древность своего происхожденія и совершенную однородность съ орнаментикою всѣхъ древнихъ памятниковъ русскаго художества, слѣдовательно показали бы, что народный бытъ въ глубинѣ своихъ жизненныхъ элементовъ не слишкомъ скоро и легко поддается нововведеніямъ и разнымъ чужеземнымъ вліяніямъ.

Такъ каждый предметъ народнаго быта можетъ служить самостоятельнымъ вопросомъ для археологическаго изслѣдованія и изученія и, исторія какой-либо мелочи можетъ быть такъ же интересна и поучительна, какъ и исторія всего крупнаго и виднаго. Снесенныя вмѣстѣ, и крупное (крупное только по привычкѣ такъ понимать вещи) и мелкое другъ друга дополняютъ, поясняютъ и даютъ болѣе широкую возможность возсоздать угасшую дѣйствительность. Но тамъ и здѣсь весь интересъ сосредоточивается все-таки на самомъ человѣкѣ, или въ его единичности, или въ его общемъ, въ живомъ организмѣ цѣлаго народа. Это главное лице, непосредственный герой той драмы, которая именуется жизнью и для которой вещественные памятники, предлагаемые для изслѣдованія, служатъ только внѣшними, матеріальными условіями.

Если это такъ, то система, строй и порядокъ, въ какомъ должно вести археологическое изученіе, кроется въ основахъ самой жизни человѣка, въ условіяхъ матеріальнаго, физическаго его существованія и въ духовныхъ отправленіяхъ его природы. Не по внѣшнимъ вопросамъ о той или другой сторонѣ, о томъ или другомъ предметѣ древняго быта, мы должны расположить археологическое знаніе, а по внутреннимъ явленіямъ жизненныхъ силъ человѣка — творца своей дѣйствительности,—слѣдовательно основа археологической системы должна искать свою твердую опору въ психологіи; по крайней мѣрѣ изъ этого источника она должна почерпать ту простоту и ясность въ опредѣленіи и построеніи порядка въ сво-

емъ содержаніи, безъ которыхъ нѣтъ и малѣйшей возможности осмыслить невѣроятную массу и разнообразіе археологическаго матеріала. Задача археологіи — возсоздать живой образъ человѣческой единицы въ извѣстную эпоху съ окружающею дѣйствительностью, возсоздать угасшую жизнь. Какъ же въ такомъ вопросѣ отрѣшиться отъ психологической основы, единственно прочной и единственно вѣрной въ изслѣдованіяхъ о жизни и развитіи человѣка?

Основныя силы человѣческой духовной природы, разъясненіе которыхъ присвоено психологіи, есть непосредственные создатели всей исторической дѣйствительности, среди которой живетъ человѣкъ въ данную эпоху. Дѣйствительность эта кладетъ на его лице неизгладимую печать, какъ говорятъ, времени, то-есть создаетъ типъ, выражающій степень и характеръ развитія, образованія упомянутыхъ силъ. Задача археологіи — выяснить такой типъ, посредствомъ самаго внимательнаго и подробнѣйшаго изученія окружавшей его дѣйствительности, которая, въ добавокъ, придаетъ особое живство и пластичность раскрытому типу и объясняетъ, какимъ образомъ типъ создался.

Такъ-какъ жизнь человѣка сплетается изъ матеріальныхъ явленій и явленій его ума и чувства, то изученіе этой жизни, въ какую бы то ни было эпоху, чтобъ идти прямо и не блуждать въ непроходимомъ лѣсу фактовъ, по необходимости должно сосредоточиться около этихъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ его природы и около нихъ группировать свои вопросы и задачи. Стало-быть, археологическое изученіе должно разсмотрѣть: а) матеріальную сторону угасшей жизни или всѣ условія физическаго существованія въ данную эпоху — дѣйствительность матеріальную; б) сторону умственныхъ силъ или тѣ условія, которыя обнаруживали и опредѣляли дѣятельность ума, жизненность мысли — дѣйствитель-

ность умственную; в) сторону нравственныхъ силъ со всѣми условіями, въ какихъ эти силы выразились — дѣйствительность нравственную. Это самыя общія линіи, по которымъ должны распредѣлиться всѣ частные мелкіе вопросы и задачи археологическаго изученія. Такія линіи тѣмъ необходимѣе, что онѣ, какъ основы самой жизни, при археологическомъ ея изученіи, будутъ служить наиболѣе видными пунктами на пути, до крайности сбивчивомъ, на которомъ такое множество слѣдовъ старой жизни и такъ мало проторенныхъ наукою тропинокъ. Археологическое изученіе жизни, изученіе угасшей дѣйствительности, въ своихъ подробностяхъ широко и разнообразно, какъ самая жизнь, и обозначить всѣ вопросы, на которые будетъ отвѣчать археологія, такъ же невозможно, какъ невозможно опредѣлить дальнѣйшій ходъ народнаго сознанія, которое въ своемъ развитіи постоянно будетъ возбуждать еще новыя, совсѣмъ неожиданныя задачи для археологическихъ поисковъ и разрѣшенія. Но во всякомъ случаѣ, и многочисленность вопросовъ, и неимовѣрное разнообразіе поисковъ все-таки не выйдутъ изъ этихъ пограничныхъ линій, въ которыхъ заключена сама жизнь, а, слѣдовательно, и все ею созданное и оставленное на пути, который именуется исторіею.

РУССКАЯ АРХЕОЛОГІЯ.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ первый. Спб. 1851.

Императорское Археологическое Общество въ послѣднее время, «для бо́льшаго успѣха въ ученыхъ работахъ гг. членовъ, раздѣлило труды свои на три отдѣла: Отдѣлъ Русской «и Славянской Археологіи, Отдѣлъ Восточной Археологіи и «Отдѣлъ Древней и Западной Археологіи». Дѣятельность Русскаго Отдѣленія, какъ и слѣдовало ожидать, судя по господствующей у насъ любви къ русскимъ древностямъ и исторіи, не замедлила представить весьма значительные результаты въ «Запискахъ», независимо отъ прежнихъ изданій общества. Первый томъ «Записокъ», прекрасно изданный, представляетъ во многихъ отношеніяхъ весьма важное и интересное пріобрѣтеніе нашей археологической литературы за послѣднее время. Весь онъ заключается собственно въ матеріалахъ, которые большею частью любопытны и важны для науки и передаются или въ своемъ первоначальномъ, такъ-сказать сыромъ видѣ, каковы, напримѣръ, памятники письменные, или представляются въ обозрѣніяхъ, указаніяхъ, и замѣткахъ, каковы памятники вещественные. Къ этому послѣднему разряду матеріа-

ловъ относятся даже и всѣ большія статьи, помѣщенныя подъ рубрикою «Изслѣдованій и объясненій Русскихъ Древностей». Вся книга, впрочемъ, раздѣлена на IV отдѣленія: 1) Изслѣдованія и объясненія русскихъ древностей, 2) Археологическое обозрѣніе Русской Земли, 3) Источники русской Археологіи, 4) Извѣстія и указанія о русскихъ древностяхъ. Сверхъ того, въ видѣ приложенія къ этому тому, присоединены «Перечень засѣданій Отдѣленія и Записка для обозрѣнія русскихъ древностей». Однакожь, въ отношеніи содержанія статей, всѣ четыре отдѣленія могутъ слиться въ два или, много, въ три, разумѣя подъ третьимъ «Смѣсь», то есть разныя мелкія статьи. Въ настоящее время на первомъ планѣ нашихъ археологическихъ работъ—*источники*. Вотъ почему бо̀льшая часть статей по этому отдѣлу науки носитъ на себѣ характеръ тѣхъ же матеріаловъ, которые здѣсь представляются только болѣе или менѣе тщательно и вѣрно разобранными и сгруппированными. Вотъ почему и мы начнемъ обзоръ «Записокъ» съ «Источниковъ Русской Археологіи», которые составляютъ самый любопытный и болѣе другихъ замѣчательный отдѣлъ этого изданія.

Первая статья означеннаго отдѣла: *Расходная книга (память) псковской завеличской церкви Успенія Пресвятыя Богородицы*—актъ небольшой, но весьма любопытный и одинъ изъ древнѣйшихъ въ этомъ родѣ. Изъ него мы узнаёмъ нѣсколько подробностей о внѣшнемъ и отчасти о внутреннемъ устройствѣ и состояніи древней нашей приходской церкви.

Оружейная Палата Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 года, представляетъ подробную опись разнаго оружія, хранившагося въ монастырѣ, какъ-то пушекъ, мушкетовъ, пищалей, карабиновъ, пистолей, сабель, гранатъ, самострѣловъ, луковъ, колчановъ, копій,

панцырей, шлемовъ и проч.—всего до 8510 нумеровъ. Сверхъ того, въ Оружейной Палатѣ хранилось въ это время пороху 335 пудъ и 3000 ядеръ пушечныхъ большихъ и малыхъ. Любопытны народныя прозванія нѣкоторыхъ пушекъ, напримѣръ: Порывай, Нѣмка, Задора, Полканъ, Барсукъ, Попугай, Кортуня, Ретунъ, Филипповъ, Замышляй, Рыхлая и т. п. Опись эта весьма замѣчательна и въ томъ еще отношеніи, что указываетъ на особенное значеніе нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ монастырей, какъ военныхъ крѣпостей и арсеналовъ: кромѣ Троицкаго монастыря, такими крѣпостями были монастыри Соловецкій, Кирилло-бѣлозерскій и многіе другіе.

Кормовая Книга Кирилло-бѣлозерскаго монастыря содержитъ въ себѣ записку *вкладовъ*, *дачь* на поминъ души, по которымъ имя усопшаго вносилось въ синодикъ, то есть поминалось въ извѣстные дни; причемъ поминки почти всегда сопровождались *кормомъ*, то есть заупокойнымъ столомъ, который по этому случаю давался братіи и отчего собственно и получила наименованіе «кормовая» книга. Кормы соотвѣтствовали вкладамъ, и потому были различны. «Кормъ съ поставца» принадлежалъ къ первому разряду: «хлѣбы «бѣлые, сковороды съ прикладкою съ перцемъ, или шти на«рядныя, рыба большая, оладьи или пироги пряженые или опарные, квасъ медвяной или сыченой доброй». По царѣ Иванѣ Васильевичѣ бывалъ кормъ съ поставца *большой*: «Пища на «братію хлѣбы бѣлые, двѣ икры, вязига, по мисамъ вран«чугъ, пироги опарные, квасъ медвяной, или сыченой доброй: «на ужинѣ шти да кисель съ сытою, по чашамъ квасъ ячной». Другіе кормы были меньше, особенно въ *сухіе* дни. Но вообще книга замѣчаетъ, что «меньше 100 рублевъ въ кормовыя книги дачею не «пишутъ и кормовъ не кормятъ» (стр. 87). Сверхъ того, въ годовые праздники монастырь давалъ большіе *заздравные кормы* съ царскимъ заздравнымъ

ковшомъ или *чашею*, которая подавалась и гостямъ, сидѣвшимъ за *присадкою*.

«Кормовая книга (говоритъ г. Сахаровъ) доставляетъ намъ драгоцѣнныя данныя для русской исторіи, археологіи, хронологіи и жизнеописаній нашихъ отцовъ. Такихъ указаній немного найдемъ въ лѣтописяхъ и актахъ. Изъ ней мы узнаемъ время рожденія, именинъ, кончины, погребенія и мѣста могилъ Русскихъ Государей, Удѣльныхъ Князей, святителей, иноковъ, бояръ и простыхъ людей. Она одна обнаруживаетъ намъ, какіе изъ бояръ приняли иноческій санъ и гдѣ окончили послѣднее поприще своей жизни. Вклады, вносимые въ Кирилловъ монастырь и вписанные въ кормовую книгу, открываютъ намъ новый взглядъ на бытъ нашихъ отцовъ и предъявляютъ *непостижимыя богатства (!!!)* и *огромныя* суммы денегъ, обращавшіяся въ Россіи въ XVI столѣтіи. Пожертвованія, одного царя Ивана Васильевича доказываютъ, что государственная казна находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи. Русская Нумизматика пріобрѣтаетъ изъ кормовой книги новыя указанія на разнообразіе денегъ и ихъ цѣнность.»

Несмотря на преувеличенную фразу о непостижимомъ богатствѣ и цвѣтущемъ состояніи казны, «Кормовая Книга» дѣйствительно памятникъ любопытный, который, кромѣ множества частныхъ подробностей и указаній, еще болѣе интереса представляетъ въ цѣломъ, какъ выраженіе самой любопытной характеристической стороны нашего древняго быта. Многочисленные вклады свидѣтельствуютъ о благочистивой ревности нашихъ предковъ поминать усопшихъ и давать по этому случаю духовенству заупокойные кормы и чаши, о которыхъ мы говорили выше.

Торговая Книга, хотя и была уже напечатана во «Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (№ 8,

1850), но изданная по другому списку, она здѣсь гораздо полнѣе. Археологическое значеніе этого матеріала любопытно въ высшей степени. Въ торговомъ отношеніи это тотъ же «Домострой», не только исчисляющій предметы купли и продажи, но и подающій весьма часто совѣты и наставленія, ка́къ «безъ «наклада, то есть убытка, убрести; какъ, напримѣръ, сукно съ «выгодою мѣрить: нѣмцы мѣрятъ сукна по спинѣ то есть по «сгибу, а по нашему по русскому мѣряти подлѣ покроми, ино «прибудетъ всего у аршина на полвершка. Муравскіе сукна по по«кроми мѣряти по широкой, ино лучше, у 7 аршинъ при другой «сторонѣ прибудетъ поларшина; а по узкой покроми мѣряти, ино «при другой сторонѣ убудетъ поларшина». Эти наставленія и весь составъ книги относятся только къ торговлѣ заграничной; правила и предметы внутренней торговли сюда не вошли, что̀ очень жаль, потому что съ этой стороны «Торговая Книга» представила бы еще болѣе любопытнаго. Особенно важенъ этотъ матеріалъ для нашей нумизматики.

Описная книга церквей Княгининскаго уѣзда, 1672 года, любопытна въ томъ отношеніи, что представляетъ въ подробности внутреннее устройство нашихъ древнихъ храмовъ, даже образъ ихъ постройки. Она доставляетъ весьма обильный матеріалъ для археологическихъ изслѣдованій, особенно по части древнихъ нашихъ художествъ—зодчества, иконописи, металлическаго дѣла и пр. Вотъ, напримѣръ, подробности о постройкѣ древнихъ деревянныхъ церквей: ихъ *рубили клѣтски*, *въ уголъ*, *въ брусъ*, крыли тесомъ или драньемъ въ застрѣхи; глава ставилась на четверикѣ, осьмерикѣ, на бочкахъ; опаивалась бѣлымъ желѣзомъ или обивалась деревомъ въ чешую. «Церковь рублена клѣцки; верхъ рубленъ «четверикъ на четверикѣ; двѣ главы обиты тесомъ... Рубле«на клѣцки, на верху осмерикъ, на осмерикѣ шатеръ о дву «ярусахъ... По правую сторону церкви паперть глухая, ру-

«бленая, бревенная, по другую сторону паперть *полуперье* (?) «до церковнаго угла... святыя ворота двойныя, затворныя «полотенца сдѣланы въ косякъ; на воротахъ деисусъ; по обѣ «стороны крыты ворота тесомъ, огорожены заметомъ пла«стиннымъ въ столбы, другія ворота *тчанные* одинъ зат«воръ... Колокольница, поставленъ столбъ, покрытъ тесомъ... «Колокольня на четырехъ столбахъ покрыта шатромъ тесо«вымъ, съ крестомъ, а на ней пять колоколовъ...» Таковы данныя для нашего древняго зодчества. Нельзя не замѣтить этого богатства терминологіи, которое указываетъ на самостоятельное и полное развитіе нашего древняго плотничества и столярнаго мастерства. Неменѣе важенъ этотъ матеріалъ и въ другихъ отношеніяхъ; напримѣръ, по устройству алтарныхъ иконостасовъ и размѣщенія въ нихъ иконъ и пр. Вообще надобно желать, чтобъ подобныхъ описей издавали больше и больше: это одинъ изъ самыхъ любопытныхъ археологическихъ матеріаловъ.

Въ отдѣлѣ «Изслѣдованій» помѣщены три статьи: 1) Обозрѣніе Русской Археологіи и 2) Деньги Московскихъ Удѣльныхъ Княженій, г. Сахарова, и 3) Археологическія Замѣтки о городахъ Суздалѣ и Шуѣ, г. Тихонравова. Послѣдняя статья совершенно однородна съ статьями, помѣщенными во II и IV отдѣлѣ «Записокъ» и вмѣстѣ съ ними представляетъ много любопытныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Главное достоинство подобныхъ *замѣтокъ*, *обозрѣній* и *указаній* заключается, разумѣется, въ вѣрности и точности сообщаемыхъ ими указаній: чѣмъ добросовѣстнѣе авторъ передаетъ собранныя имъ извѣстія, тѣмъ цѣннѣе его трудъ, тѣмъ больше этотъ трудъ пріобрѣтаетъ значенія для науки. Къ сожалѣнію, весьма часто въ статьи этого рода описатели вносятъ цѣлый рядъ натянутыхъ объясненій, которыя только прерываютъ и затемняютъ описаніе. Напримѣръ, намъ вовсе не желалось бы чи-

тать въ статьѣ г. Тихонравова довольно длинное разъисканіе о томъ, что будто-бы Мадьяры (Венгры, Угры) въ IX вѣкѣ стояли подъ самымъ Суздалемъ—разъисканіе, которое поднято изъ того только, что подъ Суздалемъ находится небольшой оврагъ, называемый *Мжары*. Авторъ впрочемъ, говоритъ, что у Суздальцевъ есть преданіе, будто именно около этого оврага было становище Мадьяровъ. Но у какихъ Суздальцевъ?—безъ сомнѣнія, у тѣхъ, которые почитывали исторію и, найдя сходство двухъ именъ, огласили это сходство за преданіе. У тѣхъ же Суздальцевъ, гдѣ собственно живутъ преданія, мы убѣждены, не отъищется даже и намёка по этому поводу; наоборотъ, вы можете тамъ встрѣтить слово *мажары*, которое означаетъ неровное, покрытое холмиками мѣсто... Вообще мы думаемъ, что объясненій для нашей географической номенклатуры вѣрнѣе всего искать въ языкѣ того же народа, который создаетъ эту номенклатуру.

Въ статьѣ г. Сахарова *Деньги Московскихъ Удѣльныхъ Княженій*, хотя и говорится, что «наконецъ мы дождались, «что русская нумизматика можетъ разрѣшать *важные во-«просы* нашей исторіи, можетъ быть необходимымъ источ-«никомъ для историка уже безъ сомнѣній и пререканій» (?), однакожь во всемъ сказанномъ мы не встрѣтили никакихъ ясныхъ, опредѣленныхъ результатовъ, которые могли бы оправдывать такое замѣчаніе автора. Несмотря на то, что въ этой статьѣ разсматривается исторія и деньги только Угличскаго Княжества, въ концѣ ея находимъ выписки изъ лѣтописей и родословныхъ, относящіяся равно ко всѣмъ княжествамъ, что̀, безъ сомнѣнія, не слишкомъ умѣстно, потому что такимъ общимъ обзоромъ лучше всего слѣдовало бы начать рядъ этихъ частныхъ монографій о княжествахъ, которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ свое неоспоримое достоин-

ство, какъ полезный матеріалъ при дальнѣйшей разработкѣ нашей нумизматики.

Статья г. Сахарова *Обозрѣніе Русской Археологіи* носитъ такое интересное заглавіе, что мы по необходимости должны на ней остановиться съ особеннымъ вниманіемъ. Русская археологія, какъ и русская исторія въ настоящее время составляютъ одинъ изъ обще-интересныхъ вопросовъ нашей современной науки; поэтому всякій трудъ по этой части встрѣчается съ живѣйшимъ любопытствомъ, которое, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворяется соотвѣтственно ожиданіямъ. То же, полагаемъ мы, должно случиться и съ статьею г. Сахарова. Мы прочли ее съ напряженнымъ любопытствомъ; она особенно занимала насъ уже по одному заглавію: при постоянныхъ частныхъ разработкахъ нашихъ древностей, у насъ еще такъ мало говорили объ общемъ! Все это интересно было въ высшей степени. Но съ первыхъ же страницъ вниманіе наше охладѣло. Мы нашли здѣсь не только устарѣлый взглядъ вообще на археологію, но даже запутанность и неясность въ самомъ приложеніи этого взгляда къ изъясненію нашихъ древностей; тѣмъ не менѣе интересный вопросъ заставляетъ насъ войдти въ нѣкоторыя подробности...

Когда мы читаемъ предисловія и введенія г. Сахарова къ его изданіямъ, насъ всегда занимаетъ ихъ особенный оригинальный тонъ. Вмѣсто простаго, по возможности яснаго обозначенія предмета, здѣсь является самъ авторъ съ однимъ и тѣмъ же всегдашнимъ своимъ торжественнымъ словомъ, изъ котораго вообще объясняется, что до него или вовсе ничего не было дѣлано, или если и было дѣлано, то не такъ. Одинъ только г. Сахаровъ *поднимаетъ новь* или по крайней мѣрѣ даетъ *новое*, по его мнѣнію, болѣе правильное и болѣе основательное направленіе въ разработкѣ нашей старины и, главное во взглядѣ на значеніе и важность нашихъ древнихъ памятни-

ковъ. Прочтите нѣкоторыя мѣста изъ его «Сказаній Русскаго Народа», прочтите его «Изслѣдованіе объ иконописи», и вы совершенно познакомитесь съ этою оригинальною манерою—заслонять и безъ того дѣльный и полезный предметъ собственною особою, и разсужденіями, вовсе неидущими къ дѣлу. Такъ и въ настоящей статьѣ, говоря, что Русская Археологія имѣетъ свое особенное значеніе, авторъ, между прочимъ, восклицаетъ: «Мы долго безмолвствовали предъ вѣковыми памятниками своего отечества. *Нынѣ*, да не будемъ безотвѣтными зрителями своихъ древностей. Да не думаютъ чужеземцы, что у русскихъ писателей нѣтъ стремленія къ изученію своихъ памятниковъ (стр. 4)!» Это *нынѣ* говорится въ то время, когда уже мы имѣемъ многочисленныя изданія нашихъ письменныхъ памятниковъ и великолѣпнѣйшія, истинно-европейскія изданія рисунковъ съ памятниковъ вещественныхъ, когда изученіе русской древности и постоянно выходящія въ свѣтъ изслѣдованія по разнымъ ея отдѣламъ представляютъ уже нѣсколько лѣтъ одну изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ нашей современной литературы.

Такимъ образомъ это *нынѣ* можетъ быть справедливо въ отношеніи только къ одному г. Сахарову. *Нынѣ* онъ не сталъ безотвѣтнымъ зрителемъ нашихъ древностей — и вотъ предъ нами его трудъ, въ которомъ онъ старается указать, что до него вообще мало работали, что онъ первый, напримѣръ, открылъ *ценину* и *археологическую палеографію*, какъ будто есть еще другая какая палеографія, кромѣ просто палеографіи! Изобрѣвъ ценину, авторъ снабжаетъ при этомъ удобномъ случаѣ упреками то художниковъ, которые не срисовали еще ни одного кирпича, украшеннаго разноцвѣтными поливами, то ученыхъ, которые не издали до сихъ поръ ни одного сочиненія о ценинѣ, которые и самое слово »ценина» недавно только допустили къ свои изслѣдованія. Положимъ, во-

просъ о ценинѣ не слѣдуетъ обходить въ нашихъ древностяхъ; но это такой вопросъ, подобныхъ которому можно представить безчисленное множество и не только въ нашей археологіи, но даже и въ любой самой обработанной археологіи западныхъ народовъ. Мало ли чего еще не успѣла сдѣлать наука, мало ли что остается у ней не только на второмъ, но и на десятомъ планѣ ея постоянныхъ разработокъ! Вы первые обратили особенное вниманіе на какую нибудь мелочь—вамъ честь и слава. Но къ чему же упреки ученымъ въ незнаніи? и есть ли какое основаніе упрекать ихъ въ томъ, чего они, можетъ быть, не хотѣли и дѣлать? Да притомъ, многое изъ того, что̀ иногда думаютъ выдать за новость, уже давно не новость: сто̀итъ только попристальнѣе осмотрѣться. Ниже мы увидимъ, что̀ такое ценина; теперь же остановимся на понятіяхъ автора вообще объ археологіи.

«Археологія (говоритъ г. Сахаровъ) описываетъ жизнь народа по сохранившимся памятникамъ, изучаетъ его бытъ въ храмахъ, зданіяхъ и домашнихъ утваряхъ, рѣшаетъ трудные вопросы въ его исторіи тамъ, гдѣ молчатъ лѣтописи, гдѣ нѣтъ современныхъ актовъ. Она, какъ наука древнихъ искусствъ и художествъ, правдива и безпристрастна потому, что *памятники чуждые всѣхъ личностей*, носятъ сами въ себѣ безспорную достовѣрность, *сами за себя говорятъ вѣрнѣе всѣхъ человѣческихъ выводовъ. (!)*»

Мы думаемъ, что памятники, хотя и чуждые всѣхъ личностей, какъ факты, дѣйствительно носятъ сами въ себѣ безспорную достовѣрность; но кто жь изъ этого будетъ заключать, что археологія правдива и безпристрастна? Археологія уже не фактъ, а наука, то есть пониманіе факта: а пониманіе бываетъ нерѣдко и даже часто весьма далеко отъ той правды, которую носитъ въ себѣ фактъ или памятникъ.

Послѣ такого *опредѣленія* археологіи, слѣдуетъ, по старинному порядку *ея раздѣленіе*, которое очень любопытно, какъ доказательство пониманія науки. Г. Сахаровъ дѣлитъ археологію на археологію народовъ, *исчезнувшихъ съ лица земли*, и на археологію народовъ *существующихъ*, говоря, что и та и другая имѣютъ свои основныя различія, свои неизмѣнныя границы:

«Первая отыскиваетъ слѣды древнихъ идей и народныхъ вѣрованій, *угадываетъ въ жизни погасшаго народа одну творческую силу*, составляетъ его исторію за неимѣніемъ лѣтописей и актовъ, *изъ обломковъ протекшихъ вѣковъ*. Всѣ ея источники заключаются въ подземномъ мірѣ, гдѣ сокрытъ прахъ первобытныхъ народовъ съ ихъ памятниками. Отъ этого въ ней нѣтъ полноты и стройнаго созданія. И тамъ, гдѣ казались работы оконченными, новыя открытія измѣняютъ взгляды и теоріи ученыхъ тружениковъ. Такова археологія Египта, древней Греціи, Рима и Мексики. *Вторая*, т. е. археологія народовъ существующихъ, судитъ о былой жизни существующаго народа по наличнымъ памятникамъ, свидѣтельствуетъ о вѣрованіи по уцѣлѣвшимъ храмамъ, разсуждаетъ о народныхъ средствахъ и нуждахъ по зданіямъ, открываетъ нравы и вкусы въ домашнихъ утваряхъ, измѣряетъ бытъ его *въ опредѣленныхъ границахъ*, указанныхъ историческими событіями. Ея источники находятся въ лѣтописяхъ, актахъ, наличныхъ памятникахъ и открытіяхъ подземнаго міра.»

Мы не станемъ возражать автору; раздѣленіе его стоитъ само за себя. Оно могло явиться только вслѣдствіе особеннаго пониманія того предмета, изъ области котораго авторъ взялся писать изслѣдованіе. Всѣ *основныя различія* и всѣ *неизмѣнныя границы* заключаются здѣсь только въ томъ, что одинъ народъ исчезъ, а другой существуетъ; остальное,

то есть существенное, какъ и слѣдовало, удивительно сходно и завернуто только въ различныя фразы, которыя, сверхъ того, запутываютъ и затемняютъ ясное и простое дѣло. Авторъ говоритъ, что источники археологіи погасшихъ народовъ заключаются въ подземномъ мірѣ, «гдѣ сокрытъ прахъ этихъ народовъ съ ихъ памятниками... такова археологія Египта, Греціи, Рима, Мексики». Источники же археологіи существующаго народа «находятся въ лѣтописяхъ, актахъ, *наличныхъ памятникахъ* и *открытіяхъ подземнаго міра*». Можно ли серьёзно что нибудь сказать противъ этихъ словъ, которыя, между-тѣмъ, представляютъ всю сущность различія и границъ выдуманнаго раздѣленія археологіи? Притомъ извѣстно, что, напримѣръ, археологія или древности Греціи и Рима заключаются въ лѣтописяхъ, актахъ (то есть памятникахъ письменныхъ), въ наличныхъ памятникахъ и въ открытіяхъ подземнаго міра точно такъ же, какъ и древности народовъ существующихъ.

Опредѣливъ и раздѣливъ такимъ образомъ археологію, г. Сахаровъ переходитъ къ Русской Землѣ и говоритъ, что «она «въ современныхъ намъ предѣлахъ вмѣщаетъ въ себѣ памят«ники народовъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ, народовъ «отжившихъ и существующихъ», и что «уже близко то время, «когда Русская Земля съ такими памятниками безспорно бу«детъ признана землею классическихъ древностей (!)».

«Русская археологія (продолжаетъ г. Сахаровъ), какъ наука народа существующаго, имѣетъ для насъ свое особенное значеніе, свое образованіе, свой особенный міръ искусствъ и художествъ. Зато и наши требованія отъ ней отличаются своими особенностями, какихъ мы не встрѣчаемъ въ археологіи другихъ народовъ.»

Какія же это особенности? А вотъ какія:

«Мы ожидаемъ отъ ней полнаго систематическаго обозрѣнія русскихъ древностей, доставшихся намъ отъ нашихъ отцовъ; мы надѣемся получить отъ ней изображеніе древней Русской жизни на основаніи наличныхъ памятниковъ; мы увѣрены, что она одна можетъ опредѣлить ихъ историческое значеніе, разгадать событія и объяснить условія, предшествовавшія ихъ (?) появленію и пр.»

Во всѣхъ этихъ особенностяхъ, безъ сомнѣнія, есть одна только особенность, именно та, что авторъ успѣлъ и здѣсь открыть какія-то особенности. Притомъ здѣсь какъ-то серьёзно и потому очень странно требуется и ожидается отъ русской археологіи то именно, безъ чего невозможна и самая наука археологіи... Но идемъ дальше.

Г. Сахаровъ вслѣдъ за тѣмъ вводитъ насъ въ область русской археологіи, то-есть изъясняетъ ея содержаніе. Въ эту область заключаетъ онъ только *первые (!) восемь вѣковъ* древней русской жизни, начиная съ X вѣка, и объясняетъ, что.—

«Памятники Русской языческой жизни исчезли съ лица земли, что мы только можемъ о нихъ предполагать гадательно по сравненію съ другими славянскими племенами. Подземный міръ, гдѣ, *можетъ быть*, сокрыты памятники нашихъ языческихъ вѣковъ, намъ неизвѣстенъ. Всѣ открытія, доселѣ бывшія, ничего не предъявили намъ изъ языческой жизни. Мысль о языческихъ памятникахъ, смѣю сказать, не принадлежитъ нашей жизни... Первые памятники наши суть христіанскіе храмы...»

Въ заключеніе авторъ восклицаетъ:

«*Семь* протекшихъ вѣковъ до конца XVII столѣтія да будутъ предѣлами нашей археологіи!»

Какъ же семь? Вѣдь выше было сказано, что восемь вѣковъ должны входить въ область русской археологіи! Но та-

кихъ противорѣчій еще мы увидимъ много, а теперь «предъявимъ» лучше вопросъ: неуже ли вправду памятники нашей языческой жизни исчезли съ лица земли, и *всѣ открытія*, доселѣ бывшія, ничего намъ не представили по этому предмету, какъ увѣряетъ авторъ? Прежде всего здѣсь неясно, что̀ именно разумѣетъ, г. Сахаровъ подъ словомъ *памятники*?

Опредѣленнаго объ этомъ онъ ничего не сказалъ въ своей статьѣ. Но во всякомъ случаѣ, если разумѣются здѣсь одни только памятники вещественные, а не устные и письменные, то приговоръ автора будетъ неосмотрителенъ. Неуже-ли онъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія о безчисленныхъ курганахъ съ находимыми въ нихъ вещами, о многочисленныхъ городищахъ Зоріана Ходаковскаго? О первыхъ самъ авторъ говоритъ, что разрытіе ихъ доказало ясно, *какъ много* русская археологія можетъ ожидать пріобрѣтеній отъ новыхъ и тщательныхъ поисковъ въ курганахъ (Отд. II, стр. 31). Впрочемъ, можетъ быть, авторъ относитъ эти памятники къ XVI или XVII столѣтіямъ; по крайней мѣрѣ, объ языческомъ ихъ значеніи онъ не сказалъ ни слова, такъ же точно, какъ не сказалъ ни слова о замѣчательнѣйшей и во многомъ весьма достовѣрной системѣ городищъ Ходаковскаго, увѣряя, напротивъ того, что *городища—оставшіеся памятники городской жизни*. Мы не говоримъ уже, что устные и письменные памятники, сохраняющіе остатки язычества, также входятъ въ область археологіи, а въ настоящее время на нихъ собственно и основываются всѣ ученые труды о языческихъ вѣрованіяхъ нашихъ предковъ. Самъ авторъ оказалъ нѣкоторую услугу для этой части древности, издавъ свои «Сказанія Русскаго Народа о семейной жизни своихъ предковъ». Несмотря на это, г. Сахаровъ все-таки не признаетъ существованія памятниковъ русской языческой жизни и относитъ, напримѣръ, къ вспомогательнымъ источникамъ русской археологіи *миѳологію*

русскую въ такомъ только случаѣ, *если грядущія открытія предъявятъ памятники языческой жизни*. Мы не будемъ спорить съ г. Сахаровымъ: дѣло опять ясно говоритъ само за себя.

Назначивъ такимъ образомъ предѣлами нашей археологіи семь вѣковъ, авторъ, само собою разумѣется, позаботился о раздѣленіи этой седмицы на эпохи. «Русскія древности, (по «его словамъ) въ теченіе семи вѣковъ *прошли три эпохи «разныхъ измѣненій»*. Первая эпоха съ водворенія въ Россіи христіанской вѣры—*эпоха византійская*: «Тогда *всѣ* «искусства и художества образованной Греціи *стекались* «въ Россію». Вторая—со вторженія Татаръ въ Россію, слѣдственно, *эпоха татарская*: «Тогда Татаринъ огнемъ и «мечемъ истреблялъ наши вѣковые памятники... Никто изъ «Русскихъ не думалъ тогда ни о знаніяхъ, ни о роскошныхъ «утваряхъ... Ни Востокъ, ни Западъ не высылали къ намъ «своихъ искусствъ. Русскіе сами изобрѣтали свои произведе«нія, но и то единственно для украшенія храмовъ...» Третья эпоха съ водворенія въ Россіи западныхъ европейскихъ искусствъ—*эпоха европейская*. Ничего нѣтъ легче раздѣлить такимъ образомъ любую археологію! Скажутъ, что основаніемъ всякому дѣленію археологіи на эпохи должны служить самые памятники, ихъ характеръ, который одинъ только и можетъ опредѣлить эпоху; но для этого нужно пристальное, глубокое изученіе памятниковъ, которое дается нетолько трудомъ, но и временемъ.

«Планъ изложенія Русской Археологіи (говоритъ г. Сахаровъ) мы основываемъ: 1) на изученіи Русскаго человѣка, какъ творца своихъ искусствъ и художествъ; 2) на обозрѣніи Русскихъ древностей, гдѣ сохранился стиль, освященный вѣками и народными обычаями; 3) на изученіи *событій* нашей

исторіи и *преданій* семейной жизни, *способствовавшихъ къ созданію памятниковъ, къ изобрѣтенію домашней утвари.*»

Все это любопытно, ново, оригинально. Ни одному ученому никогда и въ голову не приходило основывать планъ изложенія археологіи на такихъ интересныхъ положеніяхъ, каково, напримѣръ, изученіе событій и преданій, способствовавшихъ къ созданію памятниковъ, къ изобрѣтенію домашней утвари; онъ даже и не подозрѣвалъ, что преданіе семейной жизни могло когда либо способствовать къ изобрѣтенію домашней утвари. Но какъ бы то ни было, «на этихъ основаніяхъ» (говоритъ г. Сахаровъ), «мы русскую археологію раздѣляемъ «на двѣ части. Въ составъ первой войдутъ памятники вѣры и «*произведенія искусствъ, художествъ и ремеслъ домашней жизни*». Что́ это за искусства и художества домашней жизни?

«Таковы (продолжаетъ авторъ) 1) металлическія произведенія—въ церковныхъ утваряхъ, домашнихъ нарядахъ и издѣліяхъ, военныхъ доспѣхахъ; 2) народныя одежды; 3) иконопись; 4) живопись; 5) зодчество церковное и гражданское; 6) ваяніе и лѣпная работа; 7) мозаика; 8) чернь; 9) финифть; 10) ценина; 11) рѣзьба на драгоцѣнныхъ камняхъ, деревѣ и кости; 12) гравированіе; 13) вышиваніе; 14) музыкальные инструменты; 15) нумизматика.»

Поражаетъ здѣсь особенно разстановка этихъ искусствъ и художествъ домашней жизни. Сначала *металлическія произведенія* и за ними вдругъ *народныя одежды*, а послѣ ферезей да охобней — *иконопись*; далѣе *зодчество*; за нимъ *ваяніе*; за ваяніемъ *мозаика*; тутъ *чернь* и *финифть*, что́ ужь относится къ металлическому дѣлу; потомъ за *гравированіемъ—вышиваніе*, какъ будто въ производствѣ этихъ двухъ художествъ есть что-либо сходное; за вышиваніемъ —

музыкальные инструменты, за которыми слѣдуетъ нумизматика... Это совершенно гордіевъ узелъ. Кто пойметъ, почему такимъ образомъ размѣщены здѣсь эти искусства и художества? Повидимому, г. Сахаровъ хочетъ распредѣлить памятники по художествамъ и исчисляетъ эти художества — а между тѣмъ, здѣсь же помѣщаетъ и народныя одежды, и музыкальные инструменты, и нумизматику! Да притомъ, неужели подъ общимъ названіемъ: «металлическія произведенія» должно разумѣть одно только художество? неужели *литье* пушекъ и колоколовъ, *кованье* военныхъ доспѣховъ, золотое и серебряное дѣло, могутъ сливаться въ одномъ общемъ имени: *металлическое дѣло*? Если идти послѣдовательно въ такихъ общихъ раздѣлахъ, то за металлическимъ дѣломъ необходимо допустить каменное, деревянное, каменныя произведенія, деревянныя произведенія; шелковыя, шерстяныя, кожаныя и т. д. По крайней мѣрѣ, въ подобномъ распредѣленіи памятниковъ по матеріалу есть основаніе.

Но такова первая часть «Археологіи» г. Сахарова. Не менѣе замѣчательна и вторая, которую «составятъ *наши древности* и *подземный міръ съ настоящими и грядущими открытіями*. Сюда войдутъ 1) Описаніе городищъ, «кургановъ, побоищъ, могилъ и мѣстъ открытія кладовъ; 2) «Обозрѣніе казенныхъ и частныхъ собраній съ русскими древностями; 3) Надписи; 4) Палеографія, изображающая въ «разныхъ видахъ русское письмо на памятникахъ». Итакъ, по случаю обозрѣнія какого нибудь собранія русскихъ древностей, во вторую часть Русской Археологіи войдетъ всё то, что составляетъ первую ея часть. Потомъ, что это за *палеографія, изображающая въ разныхъ видахъ русское письмо на памятникахъ?* Неужели серьёзно это раздѣленіе русской археологіи на двѣ части основано на изученіи русскаго человѣка, какъ творца своихъ искусствъ и художествъ,

на обозрѣніи русскихъ древностей, на изученіи событій нашей исторіи и преданій семейной жизни, способствовавшихъ къ созданію памятниковъ, къ изобрѣтенію домашней утвари?

Послѣ такого введенія, которое занимаетъ первыя пять страницъ, авторъ обращается къ обозрѣнію подробностей каждаго отдѣленія русской археологіи, излагаетъ въ названіяхъ виды искусствъ, художествъ и ремеслъ, существовавшихъ въ Русской Землѣ. Но здѣсь снова встрѣчаются противорѣчія: г. Сахаровъ обозрѣваетъ сначала металлическія произведенія, а за ними, вопреки своему плану, вмѣсто народной одежды, описываетъ *финифть* и *ценину*, которыя составляютъ 9 и 10 разряды художествъ, по его же разпредѣленію. Затѣмъ неожиданно слѣдуютъ *надписи*, составляющія третій разрядъ второй части «Археологіи» г. Сахарова. Что это за смѣшеніе?

Все обозрѣніе металлическихъ произведеній составлено г. Сахаровымъ по программѣ, объявленной Археологическимъ Обществомъ для задачи о металлическомъ производствѣ, со внесеніемъ даже нѣкоторыхъ мѣстъ слово въ слово; онъ только распространилъ и дополнилъ эту программу, воспользовавшись нѣкоторыми печатными и *рукописными* источниками. Мы не станемъ опровергать этой статьи въ подробностяхъ: это было бы утомительно, потому что опроверженія вызываются чуть не каждою строчкою, особенно въ началѣ статьи— въ историческомъ очеркѣ металлическаго дѣла. Укажемъ только нѣкоторые источники статьи г. Сахарова и замѣтимъ болѣе интересное.

Послѣ историческаго очерка, авторъ разсматриваетъ способы металическаго производства, не называя ихъ, однакожь, способами, а выражаясь такъ: «Металлическія произведенія въ «Русской Землѣ имѣли свои собственныя названія. Таковы: «вальяжныя, басменныя, обронныя, сканныя, прорѣзныя, рѣз-

ныя. Все это взято изъ упомянутой программы, съ присовокупленіемъ только двухъ послѣднихъ *названій*, которыя заимствованы изъ другаго источника. Сюда, однакожь, не вошло *литейное* дѣло, *бронное* и *кованіе*, или кузнечное; междутѣмъ г. Сахаровъ, распространяя программу, внесъ въ свою статью и новый отдѣлъ ратныхъ доспѣховъ, оружія и орудій осадныхъ и огнестрѣльныхъ, а также и конскую сбрую. Чѣмъ же объяснить такой недосмотръ? Произведенія перечисляются въ подробности, а способъ производства не только не объясненъ, но даже о немъ и не упомянуто. Судя по характеру всего сочиненія, это легко объясняется тѣмъ, что авторъ, не работая надъ предметомъ самостоятельно и выбирая только изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ все пригодное для своей статьи, весьма естественно долженъ былъ входить въ противорѣчія, которыя уже отчасти показаны нами выше. Такъ, заимствуя историческій обзоръ металлическаго дѣла и способы его производства изъ программы, онъ не упомянулъ о литейномъ, бронномъ и кузнечномъ производствахъ, потому что всего этого въ программѣ не было, но въ то же время, располагая обозрѣніе произведеній по примѣру «Описанія Оружейной Палаты», сочиненнаго г. Вельтманомъ, онъ внесъ въ свою статью и ратныя доспѣхи, и оружія, и конскую сбрую, потому что все это находится въ упомянутомъ «Описаніи Оружейной Палаты». Самый порядокъ, въ какомъ г. Сахаровъ обозрѣваетъ металлическія произведенія, взятъ у г. Вельтмана почти безъ измѣненій. Такимъ образомъ, что̀ въ «Описаніи Оружейной Палаты» имѣетъ смыслъ и свое *мѣстное* значеніе по поводу частнаго обозрѣнія хранилища, то̀ у г. Сахарова, въ ущербъ ясности и послѣдовательности, введено и въ общее обозрѣніе всей русской археологіи. Отъ этого въ обозрѣніи памятниковъ металлическаго дѣла у него происходит какая-то смѣсь: сначала идутъ произведенія серебряна-

го и золотаго дѣла, то есть вещи церковныя и царскія утвари; затѣмъ произведенія броннаго, кузнечнаго и литейнаго дѣла — вооруженія и пушки; потомъ опять серебряное и золотое дѣло, то есть столовая и домашняя утварь; затѣмъ снова кузнечныя и слесарныя произведенія, именно различные инструменты и орудія и даже гвозди, однотёсъ, двоетёсъ и проч., такъ что, вмѣсто того, чтобъ, согласно прежнему своему плану, распредѣлить эти произведенія по крайней мѣрѣ по видамъ металлическаго дѣла—потому что за основаніе раздѣловъ приняты художества—г. Сахаровъ, наоборотъ, распредѣляетъ памятники согласно ихъ значенію и употребленію въ народномъ быту. Что́ же касается до самаго перечисленія произведеній, то оно въ сущности не что иное, какъ та же программа или «Записка для обозрѣнія Русскихъ Древностей», изданная Археологическимъ Обществомъ при настоящемъ томѣ.

Способы металлическаго производства также объяснены сбивчиво и невѣрно. Даже изъ готовыхъ матеріаловъ авторъ не все заимствовалъ вѣрно. Такъ, описывая *басменное дѣло*, онъ говоритъ: «Для отливанія изъ металловъ дѣлали об«разцы (формы). Такіе образцы назывались *мѣдныя басмы*, «*басменные образцы* съ узорами и обликами. По этимъ «образцамъ басмили, отбивали, металлическія полоски...» Но въ томъ рукописномъ источникѣ *), изъ котораго заимствовано это свѣдѣніе, говорится, что не для отливанья изъ металловъ, а для басменья, тисненья или выбиванья на тонкихъ металлическихъ листахъ узоровъ и изображеній отливали *мѣдныя* басмы, отливочные басменные образцы, собствен-

*) О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII ст.—наша рукопись, напечатанная въ послѣдствіи въ Запискахъ Археологическаго Общества кн. V, Спб. 1853.

но печати, штамбы, которыми и вытискивали или выбивали изображенія, узоры и травы. Далѣе, объясняя прорѣзное дѣло, авторъ замѣчаетъ, что «наши гравёры въ XVII вѣкѣ на-«зывались *знаменщиками*. Вмѣсто слова *гравировалъ* — «говорили: *знаменилъ*». Это не такъ. Г. Сахаровъ, безъ-сомнѣнія, идетъ въ слѣдъ за г. Снегиревымъ, который ввелъ въ ошибку не одного г. Сахарова. *Знаменить*—значило чертить, рисовать, дѣлать знамя, знакъ; *знаменщикомъ* назывался рисовальщикъ, чертежникъ, но отнюдь не гравёръ, то-есть рѣзчикъ, и, вмѣсто «гравировать», встарину говорили «рѣзать». Ошибка гг. Снегирева и Сахарова основывается на томъ, что на нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ гравюрахъ находятся отмѣтки, напримѣръ: *знаменилъ Симонъ Ушаковъ*. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ былъ гравёромъ, какъ его и называютъ упомянутые гг. археологи: на одной изъ древнихъ гравюръ, изображающей Спасителя, стоящаго съ крестомъ, находимъ также слѣдующую подпись: «*знаменилъ* Симонъ Ушаковъ, *рѣзалъ* Василій Андреевъ». Здѣсь означено, что первый рисовалъ, а второй гравировалъ. Такое значеніе слова «знаменщикъ» вполнѣ подтверждается даже и современными актами. Но само собою разумѣется, что одно ошибочное объясненіе повлекло за собою цѣлый рядъ ошибокъ, и г. Сахаровъ, въ своемъ словарѣ художниковъ металлическаго дѣла, всѣхъ рисовальщиковъ-иконописцовъ, или знаменщиковъ, называетъ гравёрами, не смотря на то, что въ рукописномъ источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ свѣдѣнія объ этихъ знаменщикахъ, ни слова не говорится о томъ, что они были гравёрами. Такъ онъ назвалъ гравёрами Леонтья *Букина*, Андрея и Ивана *Гомулиныхъ*, которыхъ уже прямо называетъ мастерами серебряныхъ и рѣзныхъ дѣлъ, чего, разумѣется, никогда и не бывало и на что нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ; потомъ Ѳедора Ка-

шинцова и Симона Ушакова, о которомъ мы уже упоминали. Да и вообще этотъ словарь представляетъ новое доказательство, что г. Сахаровъ даже готовые матеріалы невсегда употребляетъ съ тою точностью и вѣрностью, какія требуются въ этомъ дѣлѣ. Такъ, заимствуя изъ того же рукописнаго источника нѣкоторыя имена художниковъ, онъ бо́льшею частью или не договариваетъ, или переговариваетъ, а иногда и вовсе невѣрно передаетъ заимствованное. Канительнаго мастера Андреева онъ назвалъ *Иваномъ*, когда тотъ былъ *Микула*. Вяткинъ, Аѳанасій, рѣзалъ въ 1687 году *маточники для денежнаго дѣла*, а г. Сахаровъ относитъ это къ Григорью Вяткину; въ рукописи значится, что Кондратъ Ивановъ въ 1620 году сдѣлалъ къ печатному книжному дѣлу двѣ формы, *литью* да *бойчую*, а г. Сахаровъ пишетъ, что онъ «для литья сдѣлалъ форму и *бойчую*», пропуская совсѣмъ слово *литью*. Въ рукописи сказано что Корнила Тимоѳеевъ дѣлалъ въ 1682 году басемные отливочные образцы, а г. Сахаровъ пропускаетъ *басемные* и пишетъ только отливочные образцы. Въ рукописи значится, что часовщикъ Моисей Терентьевъ въ 1620 году сдѣлалъ государю въ перстнѣ часы, а г. Сахаровъ пишетъ: «сдѣлалъ часы въ перстень», что̀ извращаетъ даже смыслъ. Притомъ подъ одними именами художниковъ мы находимъ подробное указаніе источниковъ; подъ другими же такихъ указаній вовсе не встрѣчается, несмотря на весьма любопытныя и совершенно новыя свѣдѣнія, напримѣръ, хоть въ родѣ вышеприведенныхъ. Иные художники написаны по два раза и къ тому же рядомъ, напримѣръ, Даниловъ, Евсей, № № 46 и 47.

За металлическими произведеніями, какъ мы ужь замѣтили, слѣдуютъ финифтевыя произведенія. Здѣсь вы снова встрѣчаетесь съ тѣми же разсужденіями, о которыхъ мы говорили при началѣ обзора разбираемой статьи.

«Въ русской литературѣ (говоритъ авторъ) о финифтевомъ производствѣ въ археологическомъ отношеніи не было издано ни одного сочиненія. *Наши писатели* говорили о финифти при случаѣ, мимоходомъ и никогда не входили въ подробности...» (стр. 65).

Это для писателей; но вотъ и для художниковъ (стр. 59):

«Для совершеннаго изученія этого вида древняго художества необходимы или *самыя подлинныя* (?) произведенія, или вѣрные и точные съ нихъ снимки, гдѣ бы всѣ мелкія *техническія части* (?) были срисованы со всею достовѣрностью (!). *Наши художники* нерѣдко оставляютъ такія черты безъ всякаго вниманія. Вотъ отъ чего по ихъ рисункамъ невозможно судить, какъ о древнемъ художествѣ финифтевыхъ произведеній, такъ и отличать виды его производства.»

Это говорится въ то время, когда самъ же г. Сахаровъ ссылается на превосходнѣйшіе и въ высшей степени вѣрные рисунки извѣстнаго изданія «Древностей Россійскаго Государства» и «Описанія Коробановскаго Музея», гдѣ не только ужь давно извѣстный своими трудами академикъ г. Солнцевъ, но и другіе московскіе художники представили образцовыя произведенія своего искусства и трудолюбія. Скажемъ больше: г. Сахаровъ едва ли не изъ этихъ рисунковъ и познакомился съ самою финифтью, по крайней мѣрѣ съ разнообразными ея памятниками, которые, въ противномъ случаѣ, ему совершенно не были бы извѣстны. Впрочемъ, онъ говоритъ: «*наше* «*изученіе* финифти основано на наличныхъ памятникахъ, «сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи», присовокупивъ сначала, что техническая часть финифти заслуживаетъ внимательнаго изученія, и что безъ знанія этой части трудно судить о всѣхъ ея видахъ и различіяхъ. Такимъ образомъ

г. Сахаровъ самъ указываетъ намъ точку зрѣнія на его трудъ. Разсмотримъ же, справедливо ли это объясненіе.

Авторъ дѣлитъ финифть на византійскую, русскую, западную и восточную, описываетъ способы производства и отличія каждой и указываетъ на памятники. Въ этомъ заключается вся статья. Ниже мы увидимъ, насколько принадлежитъ автору сказанное дѣленіе финифти и разные другіе выводы и факты.

Византійскую финифть, по словамъ г. Сахарова, производили двумя способами: 1) Весь рисунокъ прежде приготовляли на металлическомъ листѣ изъ тонкихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на ребро, въ видѣ перегородокъ; потомъ или цвѣтную финифтевую массу накладывали кусочками въ клѣточки перегородокъ, сообразно рисунку, или бѣлую, на которой послѣ живописали изображенія красками. 2) «Второй способъ отправлялся безъ клѣточекъ: на металлъ наводили слоями бѣлую массу, *не* цвѣтную; изображенія писали красками уже послѣ».—Что рисунокъ по первому способу приготовлялся на металлическомъ листѣ изъ тонкихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на ребро, въ видѣ перегородокъ, въ которыя потомъ вкладывали финифтевые составы—это вѣрно, потому что заимствовано изъ упомянутаго выше рукописнаго источника; но что въ эти перегородочки накладывали массу бѣлую, по которой послѣ живописали изображенія красками—это невѣрно и изобрѣтено самимъ авторомъ. Такъ же точно невѣренъ и второй способъ, по которому наводили на металлъ бѣлую массу, а изображенія писали красками уже послѣ. Ни одного *византійскаго* памятника, даже ни одного русскаго памятника XII, XIII и XIV столѣтій авторъ не можетъ представить въ подтвержденіе своихъ словъ; а потому и памятники, приведенные имъ какъ византійскія произведенія, указываютъ только на первый способъ, нисколько не давая понятія

о второмъ. Какъ положеніе, заимствованное и не провѣренное собственнымъ изученіемъ, это объясненіе способовъ производства византійской финифти совершенно неприложимо къ указаннымъ памятникамъ. Такъ г. Сахаровъ говоритъ, что на окладѣ Мстиславова евангелія *одежды* у святыхъ *испещрены золотомъ*; слѣдственно, ему неизвѣстно, что это испещреніе состоитъ изъ тѣхъ тонкихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на ребро въ видѣ перегородочекъ, въ которыя вложена финифть. Далѣе, обозрѣвая древности, найденныя въ Кіевѣ въ 1824 году (№ 5), онъ пишетъ о золотой панагіи, что на ней *по финифти изображенъ золотыми чертами ликъ Спасителя*. Здѣсь золотыя черты опять тѣ же пластинки, перегородочки, которыя притомъ никакъ не могли изображать что-либо *по финифти*; напротивъ, они сами служили рамками для финифтевыхъ изображеній. Намъ даже удивительно, какъ г. Сахаровъ не могъ догадаться, что это дѣйствительно золотыя пластинки, а не золотой наводъ по финифти, потому что и въ самомъ описаніи этой панагіи, изъ котораго г. Сахаровъ взялъ и свое описаніе, сказано, что *по финифти изображенъ золотыми просвѣчивающимися со дна чертами Спаситель* *). Все это можетъ, кажется, вполнѣ свидѣтельствовать, что въ трудѣ г. Сахарова всѣ заимствованія сдѣланы безъ надлежащей связи и соображенія. Что жь касается до *пяти* или, вѣрнѣе, *шести* мѣдныхъ финифтевыхъ иконъ въ Антоніевомъ Новгородскомъ Монастырѣ, которыя также отнесены къ византійскимъ памятникамъ, мы, хотя и не видали ихъ, но, судя по описанію (Отд. IV, стр. 21), можемъ положительно сказать, что иконы эти принадлежатъ ко времени позднѣйшему, нежели то, къ которому ихъ относятъ.

*) Труды Общ. Ист. и Др. Рос. Ч. III. Стр. 155. Статьи митрополита Евгенія.

О произведеніяхъ русской финифти авторъ говоритъ, что они *начинаются* съ половины XII столѣтія. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ выписываетъ изъ лѣтописей извѣстія, когда русскіе князья украшали финифтью церковную утварь. Такимъ образомъ извѣстія начинаются съ половины XII вѣка; слѣдовательно, и произведенія финифти начинаются съ этого же времени. Еслибъ извѣстіе явилось еще позже, въ XIV вѣкѣ, то и произведенія начались бы съ XIV вѣка?

«Наши древнія произведенія финифти (говоритъ г. Сахаровъ) были настоящими копіями съ византійскихъ подлинниковъ. На сохранившихся памятникахъ встрѣчаемъ финифть въ двухъ видахъ: 1) *муссійную*, наложенную на металлическомъ листѣ въ клѣточкахъ перегородокъ или углубленную въ рѣзьбу. Такой видъ финифти производился въ Россіи до XV вѣка; 2) *простую*, наводившуюся на металлахъ сплавами финифти въ видѣ тонкихъ слоевъ. Такъ она дѣлалась въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ.»

Особенно поражаетъ здѣсь положительный тонъ этихъ приговоровъ. Говоря о цвѣтахъ финифти, г. Сахаровъ замѣчаетъ, что они бывали «иногда съ золотыми чертами», слѣдственно снова обнаруживаетъ незнакомство съ наличными памятниками. Но лучше и положительнѣе всего такое незнакомство показываютъ памятники, приведенные авторомъ, какъ произведенія русской финифти. Здѣсь въ 62 нумерахъ собрано все, что только можно было собрать изъ разныхъ описаній съ рисунками и безъ рисунковъ. Памятники, разумѣется, все наличные; но были ли они наличными для автора, то есть видѣлъ ли онъ ихъ самъ и составилъ ли ихъ описаніе на мѣстѣ — въ этомъ мы положительно сомнѣваемся. Почти всѣ эти памятники находятся въ Москвѣ, и бо́льшая изъ нихъ часть въ Оружейной Палатѣ. Нужно *видѣть* эти памятники, чтобъ убѣдиться въ разнородности финифти, которою они украшены, и ко-

торая на большой части памятниковъ принадлежитъ искусству Нѣмцовъ, жившихъ въ Москвѣ, то есть искусству западныхъ художниковъ, которыхъ постоянно вызывали въ Москву наши цари; но сверхъ того, напримѣръ, тарелки (№ 30 и 47) и рукомойникъ (№ 49)—цареградскаго или восточнаго дѣла. Мы не говоримъ уже, что отмѣтки автора: «сія работа принадлежитъ *устюжскимъ мастерамъ* второй половины XVII вѣка», или «сія работа произведена съ особеннымъ искусствомъ московскими мастерами первой половины XVII столѣтія», или «сія работа принадлежитъ новгородскимъ мастерамъ» и проч. не имѣютъ основаній.

Ниже мы укажемъ, чѣмъ именно авторъ руководствовался въ подобныхъ опредѣленіяхъ, обозначаемыхъ съ такою положительностью.

«Западная финифть появилась въ Россіи въ концѣ XVI ст. временно, но постоянное водвореніе послѣдовало въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича, когда царскую Мастерскую Палату наполнили чужеземными мастерами. Эта финифть занимаетъ среднее мѣсто между эмалью и нашею Московскою. Цвѣта ея *мрачны, рисунокъ не нашъ, совершенно отдаленъ отъ обычаевъ нашей земли*. Она недолго гостила у насъ; восточная финифть, явившаяся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, совершенно ее убила. Мастера должны были подчиняться нашимъ обычаямъ, должны были принять опредѣленные цвѣта, усвоенные издревле. Новгородскіе и устюжскіе мастера, издавна завладѣвшіе въ Москвѣ сбытомъ своихъ произведеній, имѣли надъ чужеземцами большое преимущество. *Москвичамъ не могла понравиться тонкая наводка западной эмали*. Видно и самые мастера явились къ намъ не первой руки. Можетъ быть, ихъ произведенія одною только новизною могли удержаться не болѣе 40 лѣтъ, и то едва ли не въ одной Москвѣ.»

Нельзя не подивиться рѣшительности этихъ приговоровъ, не имѣющихъ никакого основанія. Вотъ что значитъ писать по *наличнымъ* памятникамъ! И цвѣта мрачны, и тонкая наводка эмали, которая, сверхъ того, не нравилась Москвичамъ! И на какомъ основаніи древнимъ Москвичамъ придаете вы такое безвкусіе, что имъ будто-бы не нравилась тонкая наводка западной эмали? Гдѣ доказательства? Гдѣ эти произведенія новгородскихъ и устюжскихъ мастеровъ, которыя *имѣли преимущество*? И откуда взято извѣстіе, что западная финифть недолго у насъ гостила, не болѣе 40 лѣтъ, когда мы знаемъ цѣлый рядъ именъ иноземныхъ художниковъ, жившихъ въ Москвѣ, по приглашенію царей, съ конца XVI и по начало XVIII столѣтій, слишкомъ сто лѣтъ и жившихъ дѣйствительно въ одной Москвѣ, потому что тогда въ одной только Москвѣ и могли жить художества, сколько нибудь выходившія изъ уровня первоначальныхъ потребностей и отличавшіяся хоть малѣйшимъ искусствомъ? Развѣ вамъ не извѣстно, что въ то время, даже изъ Русскихъ, каждый мастеръ, гдѣ бы онъ ни жилъ, если хоть сколько нибудь прославлялся своимъ художествомъ, тотчасъ же *доставлялся* въ Москву вслѣдствіе царскихъ указовъ? Въ Москвѣ и было средоточіе художествъ; въ ней только они и процвѣтали и поддерживались постояннымъ пребываніемъ лучшихъ мастеровъ. На долю областныхъ художниковъ оставалась незатѣйливая работа тѣхъ только предметовъ, которые соотвѣтствовали незатѣйливымъ потребностямъ простаго народа. Въ отношеніи финифти, эти предметы ограничивались мѣдными крестами, складнями и небольшими иконами, которыя украшались финифтевыми поливами самыхъ дешевыхъ и потому грубыхъ составовъ. На этихъ-то вещахъ, какъ вещахъ чисто русскаго производства, и лежитъ печать областнаго различія, по которому и можно производство ихъ относить къ новгородскимъ или устюж-

скимъ или ростовскимъ мастерамъ; да притомъ и не въ работѣ ихъ различіе, а отличаются онѣ только цвѣтами финифтевыхъ поливъ. Тѣ же памятники, которые приводятся г. Сахаровымъ съ отмѣтками, что они дѣланы въ Новгородѣ, Устюгѣ и пр., всѣ дѣланы московскими художниками, преимущественно иноземцами, западными и восточными, и лучшими русскими мастерами, учениками этихъ чужеземцовъ. Отчего же Москвичамъ не могла нравиться тонкая наводка западной эмали, когда современные акты ясно свидѣтельствуютъ, ка́къ заботились наши цари о вызовѣ иностранныхъ мастеровъ съ тѣмъ, чтобъ они не только дѣлали для Двора различныя вещи, но чтобъ учили своему художеству и русскихъ людей.

Восточную финифть г. Сахаровъ описываетъ точно такъ же, какъ и западную, съ тою только разницею, что восточная финифть у него «прозрачная и легкая какъ стекло въ яркихъ «и бѣлыхъ цвѣтахъ, въ узорахъ, дотолѣ невиданныхъ, съ «*золотою разводкою*». Остальное все сходно. Эта финифть также существовала въ Россіи недолго, едва-ли и 50 лѣтъ; назначеніе ея было ограниченное; мастерство существовало въ одной Москвѣ.

«Дешевыя Ростовскія и Устюжскія произведенія существовали по прежнему для Русскихъ городовъ; къ нимъ всѣ привыкли (!), ихъ желали всѣ имѣть (!); они дружились съ нравами и обычаями нашихъ отцовъ.»

Доказательствомъ, что г. Сахаровъ и эту финифть видѣлъ только на рисункахъ, а не на наличныхъ памятникахъ, служатъ опять приведенныя имъ образцовыя произведенія цареградской (восточной) финифти, между которыми № 2 держава, по рисункамъ изъ «Древностей Россійскаго Государства» (отд. II. № 20, 21, 22) и № 4 скипетръ царя Петра Алексѣевича — суть превосходнѣйшіе и единственные въ своемъ родѣ памятники западнаго фряжскаго художества. Нужно за-

мѣтить, что здѣсь въ заимствованіяхъ произошла небольшая запутанность. Говоря объ упомянутой державѣ (№ 2), что она цареградскаго дѣла и привезена въ Москву Грекомъ Юрьевымъ, г. Сахаровъ заимствуетъ это извѣстіе изъ «Описанія Оружейной Палаты» г. Вельтмана; рисунки же, имъ указанные, изображаютъ совершенно другую державу. Вѣроятно, г. Сахаровъ сообразилъ, что держава, описанная у г. Вельтмана, и есть та самая, которая хромолитографирована въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» подъ № 20, 21 и 22, такъ какъ въ этомъ изданіи, то есть въ вышедшихъ пяти выпускахъ рисунковъ, не оказалось налицо другой державы. Нельзя также не замѣтить, что бо́льшая часть историческихъ фактовъ о восточной финифти заимствована авторомъ изъ указаннаго нами выше рукописнаго источника. Онъ самъ говоритъ, что въ лѣтописяхъ, актахъ и на самыхъ памятникахъ мы не находимъ извѣстій о финифтевыхъ художникахъ; указаній о нихъ должно искать въ описяхъ и приходо-расходныхъ книгахъ, на которыхъ, прибавимъ мы, попреимуществу и основывается извѣстный автору источникъ. Всѣ (до одного) имена финифтевыхъ художниковъ съ извѣстіями о ихъ работахъ заимствованы оттуда же; но отъ поспѣшности или по какой нибудь другой причинѣ, авторъ не точно воспользовался готовыми свѣдѣніями. Грека Константина Мануилова онъ назвалъ Мануиломъ Константиновымъ (№ 3), Ларіона Аѳанасьева (№ 1) онъ назвалъ Лукою и всѣ извѣстія о немъ отнесъ къ Лукѣ Мымрину, такъ-что, вмѣсто Мымринъ (№ 5), слѣдуетъ читать Аѳанасьевъ № 1.

Этимъ и кончается статья о финифти.

Всѣ памятники, которые указаны г. Сахаровымъ, какъ произведенія византійскаго, русскаго, западнаго и восточнаго дѣла, не описаны имъ *налицо*, а выбраны изъ разныхъ книгъ по слѣдующему весьма простому способу. Въ книгахъ,

СПБ. Университетъ
Библіотека Историческаго Факультета
Шкафъ ..... Полка .....

напримѣръ, нѣкоторые памятники названы *эмалевыми*; слѣдственно, они по сужденію г. Сахарова, непремѣнно должны быть нѣмецкаго дѣла, потому что эмаль произведеніе западное: всѣ такіе памятники онъ и ставитъ подъ рубрикою западной финифти. Другіе въ описаніяхъ названы греческими— онъ и относитъ ихъ подъ рубрику византійскихъ. Тѣ же, которые съ русскими надписями или съ извѣстіемъ, что они принадлежали какому-либо лицу, онъ не задумывается отнести къ русскимъ произведеніямъ. Отъ этого въ отдѣлѣ русскихъ памятниковъ у него есть и нѣмецкіе и цареградскіе, а въ отдѣлѣ цареградскихъ есть нѣмецкіе. Факты, подтверждающіе такое распредѣленіе памятниковъ, указаны нами выше.

Въ томъ же характерѣ составлена и третья статья: *Ценинныя произведенія.* Изъ нея мы также узнаёмъ, что въ русской литературѣ не было издано ни одного сочиненія о ценинныхъ произведеніяхъ; даже слово «ценина» недавно появилось въ изслѣдованіяхъ русскихъ древностей. Далѣе, что «Это *искусство* перешло къ намъ изъ Греціи, что въ наше время изъ всего цениннаго производства удержались *кафли* и *муравленая посуда, низведенныя нерадѣніемъ до простаго ремесленнаго состоянія.* Древнее цвѣтущее искусство ценины перешло въ наше время въ руки гончаровъ... Мы до того позабыли его, что *немногіе изъ русскихъ знаютъ* объ его существованіи на святой Руси, не многіе могутъ отличать его отъ другихъ издѣлій... Время закрыло отъ насъ многое, извѣстное нашимъ отцамъ; нововведенія отклонили насъ отъ простыхъ всѣмъ извѣстныхъ понятій; но наука должна возвратить намъ все забытое путемъ критическихъ изслѣдованій, должна указаніемъ на сохранившіеся памятники сроднить насъ съ завѣтною стариною.»

Что же это за искусство, которое наука должна возвратить намъ путемъ критическихъ изслѣдованій, которое было

цвѣтущимъ и низведено нерадѣніемъ до простаго ремесленнаго состоянія? Что это за искусство, о существованіи котораго немногіе изъ русскихъ знаютъ, которое немногіе могутъ отличить отъ другихъ издѣлій? Читатель можетъ дѣйствительно подумать, что здѣсь дѣло идетъ о какомъ нибудь рѣдкомъ искусствѣ, навсегда погибшемъ для его любознательности, такъ что нужно въ самомъ дѣлѣ предпринимать особыя критическія изслѣдованія. Весь интересъ этой статьи въ томъ, что она весьма ярко свидѣтельствуетъ, какъ можно иногда къ простому и ясному дѣлу подходить въ темнотѣ положительнаго незнакомства съ нимъ.

Что такое ценина?

«Ценниною наши отцы называли особенное искусство украшенія *металлическихъ*, *глиняныхъ*, *алебастровыхъ (!!)*, *каменныхъ* (!!) и *стеклянныхъ* (!!) произведеній. Это искусство производилось изъ бѣлой простой глины, или изъ фаянсовой, съ стеклянными поливами. Съ нимъ соединялись и другія искусства: *лѣпное* для выдѣлки выпуклыхъ издѣлій, *иконописное* и *живописное* для цвѣтнаго наведенія ликовъ Святыхъ, обликовъ людей, личинъ, птицъ и звѣрей, узоровъ; *обливное* для покрытія изображеній поливами. Старые мастера изъ чистой фаянсовой глины изготовляли тѣсто, лѣпили изъ него изображенія, посуду, кафли, или накладывали его слоями на металлъ простой, иногда басменной, подвергали въ печи обжиганіямъ. Вторая работа переходила въ руки иконописцовъ: они на обожженныхъ произведеніяхъ писали металлическими или земляными красками... Третья работа состояла въ облицовкѣ произведеній стеклянными поливами (муравами, глазурью)... Въ металлическихъ произведеніяхъ ценинныя украшенія очень-близко подходятъ къ финифти, но различаются отъ ней видомъ, составомъ массы и производствомъ работъ. Финифть наводилась тонкими слоями на дорогія и

цѣнныя произведенія — на золото, серебро и очень рѣдко на мѣдь... Ценина же накладывалась на мѣдь, *желѣзо*, очень рѣдко на серебро, часто на глину и *камень (!)*... Финифть безъ металла одна не могла выдѣлываться; для ней нужны были металлическія основы и особенные стеклянные сплавы; напротивъ того, ценина выдѣлывалась одна, сама по себѣ, и на металлѣ изъ простой или фаянсовой глины; стеклянныя поливы служили, для ней только облицовкой».

Изъ всего этого мы все-таки не получаемъ яснаго понятія, что̀ такое собственно была ценина? Здѣсь не мѣсто входить въ подробности по этому предмету; но скажемъ—имѣя на то положительныя данныя — что ценною назывался встарину *фаянсъ* и *форфоръ* съ синею раскраскою, еще вѣрнѣе, та *бѣловатая* съ синею раскраскою стеклянная полива, которую мы и теперь видимъ на изразцахъ (кахляхъ) нашихъ печей. Слово «ценная» происхожденія западнаго, какъ и слово кахель (kachel). Понѣмецки zinn — значитъ олово, а олово, переженное въ порошокъ, составляло одинъ изъ главныхъ, основныхъ составовъ не только ценины, но и всякой стекловидной поливы, слѣдственно и финифти. Самъ г. Сахаровъ говоритъ, что флорентійскій скульпторъ Лука де-ла-Роббіа первый началъ наводить выпуклыя изображенія изъ обожженной глины *оловянной поливой*. Такія-то произведенія и назывались ценинными. Встарину у насъ былъ даже цвѣтъ матерій *ценинный*, какъ былъ цвѣтъ сахарный, соломенный и т. п.: тафта ценинна, камка ценинна. Если цвѣтъ матерій имѣлъ сходство съ ценною, и потому назывался ценинным, то ценина имѣла свой одинъ опредѣленный цвѣтъ, именно синій; слѣдственно, слова автора, что ценина была кромѣ синей, и зеленая, и желтоватая и наконецъ разноцвѣтная, изъ соединенія многихъ цвѣтовъ — ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ ценинѣ. Ценною

назывался *фаянсъ*, а отъ сходства съ нимъ по виду—ценинными назывались и *бѣлые* съ синею раскраскою печные *изразцы*, обливаемые тѣмъ же *бѣлымъ* составомъ и отличающіеся отъ фаянса только своимъ грубымъ матеріаломъ, простою глиною, тогда какъ фаянсъ дѣлается изъ бѣлой глины. Всѣ стекловидныя поливы другихъ цвѣтовъ, которыми встарину обливали горшки и расписывали печные и стѣнные изразцы, «кафели», назывались тогда просто *муравою*; поэтому и самыя печки, если онѣ складывались изъ бѣлыхъ съ синею раскраскою изразцовъ, назывались *ценинными*, а если изъ цвѣтныхъ, бо̀льшею частью по зеленому фону—*мурамленными*. Мы не говоримъ уже, что и теперь весьма извѣстны горшки муравленые, облитые зеленою и прозрачною муравою по желтой глинѣ, отчего она и имѣетъ видъ желтый.

Страннѣе всего, что, по словамъ г. Сахарова, ценина накладывалась на *желѣзо* и *камень*, *алебастръ* и даже *стекло*. Здѣсь очень рѣзко высказывается совершенное незнакомство съ производствомъ этого рода. Всѣ поливы, стеклянные сплавы, мурава, ценина и всѣ финифтяные составы, которыми украшались вещи, не иначе могутъ приставать, то есть соединяться, сплавляться съ металломъ и глиной, какъ посредствомъ обжиганья, раскаливанья на огнѣ, о чемъ говоритъ и авторъ. Одинъ огонь, и притомъ сильный огонь, только и соединяетъ, сцѣпляетъ, сплавляетъ эти составы съ металломъ или глиной, превращая въ то же время жидкую или тѣстяную массу составовъ въ стекловидное и твердое вещество. Какого рода камень посредствомъ обжиганья и раскаливанья можетъ украшаться этими сплавами? Какимъ образомъ можно сплавить эти составы съ алебастромъ, который отъ огня превращается въ известь? Да притомъ, если подобные сплавы наводились на металлъ, то это была уже финифть, а не ценина; а если ими поливалась глина, то это называлось

муравою, цининою; составъ же этихъ сплавовъ болѣе или менѣе одинаковъ, и что̀ можно навести на металлъ, тѣмъ же самымъ можно облить или раскрасить глину, простую и бѣлую. Неясно понимая производство дѣла, г. Сахаровъ, само собою разумѣется, смѣшиваетъ все вмѣстѣ: у него ценина— все, что̀ только украшено стеклянными поливами, или подходитъ къ нимъ по виду. И финифть ценина, и фаянсъ ценина, и фарфоръ ценина! По поводу одной фарфоровой сулеи, которую онъ видѣлъ только на рисункѣ и которую справедливо относитъ къ произведеніямъ ценинным, онъ дѣлаетъ даже укоризненное замѣчаніе нашимъ описателямъ древностей (напримѣръ, г. Вельтману) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Наши описатели древностей какъ эту сулею (Древн. Рос. Госуд. Отд. V. № 36), такъ и образа (Описаніе Коробановскаго Музея рис. III и V) называютъ фарфоровыми произведеніями. Повторяемъ, что до 1700 года въ Россіи не знали о фарфоровыхъ издѣліяхъ.«

Какъ же не знали, когда эта сулея, относящаяся къ XVI столѣтію, есть именно сулея фарфоровая, точно такъ же, какъ и упоминаемые образки, относящіеся, впрочемъ, къ позднѣйшему времени. Памятники хранятся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ и доступны каждому.

ИСТОРІЯ И ДРЕВНОСТИ МОСКВЫ.

МОСКВА. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Изд. А. Мартынова. Текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ при сотрудничествѣ самого издателя. Москва 1865.

Подробное историческое и археологическое описаніе нашихъ старыхъ городовъ представляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ самыхъ необходимѣйшихъ задачъ для современныхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Мы придаемъ этой задачѣ особенно важное значеніе потому, что она, исполненная и разрѣшенная болѣе или менѣе успѣшно, во всякомъ случаѣ должна раскрыть и освѣтить темныя украины нашей исторіи, *мѣстныя*, частныя *свойства* и *силы* нашего историческаго развитія, безъ чего, какъ всѣ, конечно, согласятся, никогда не будутъ вѣрно поняты и оцѣнены по достоинству и общія наши историческія свойства и силы. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, намъ нужно знать уже не Европу только, а нужно, и крайне необходимо знать себя, знать, что́ именно кроется внутри насъ, на чемъ мы стоимъ, чѣмъ именно держимся и живемъ?

Только *подробнымъ* осмотромъ и разслѣдованіемъ *мѣстныхъ* областныхъ памятниковъ отжившаго быта,—будутъ ли то монументальные памятники, зданія, разнаго рода соору-

женія, начиная отъ кургановъ и городищъ, также памятники *вещные* (всякая вещь), или же памятники слова устнаго и письменнаго, памятники угасшей народной мысли, угасшихъ народныхъ представленій и вѣрованій, — только подробнымъ описаніемъ и разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ почтенныхъ остатковъ старины мы достигнемъ возможности выяснить себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытующемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности? Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Теперь царство фразы окончилось (и дай Богъ, чтобъ навсегда), теперь наступаетъ царство дѣла. Это всѣ очень хорошо чувствуютъ. Но трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаёшь вполнѣ, въ чемъ его истина и гдѣ его ложь. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія. Общее историческое наше русло мы извѣдали на столько, что заблудиться едва ли можемъ; но остаются еще во множествѣ разные заливы, и плёсы и лиманы, съ которыми мы еще очень мало знакомы; а безъ такого знакомства и наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ, если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ и напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій, можетъ разстроить доброе народное дѣло. Мы должны хорошо и въ подробности знать — откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ? Исторія, одна исторія, разработанная въ своихъ мѣстныхъ подробностяхъ, можетъ подать самый *дѣльный*, основательный и разумный голосъ, не только при разрѣшеніи перваго вопроса, но даже при разрѣшеніи и двухъ остальныхъ, и по-

вторимъ: именно, исторія, разработанная въ своихъ мѣстныхъ, областныхъ подробностяхъ. Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ *наши общія* историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій, будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ.

Такъ, мы не находимъ, напр., и малѣйшихъ историческихъ основаній для распространеннаго уже взгляда, по которому къ московскому періоду нашей исторіи иные почитаютъ какъ бы долгомъ относиться съ какою-то брезгливостью, если не со враждою. Москва, по этому взгляду, рисуется чуть не «татарскою ордою»; между тѣмъ, вся вина Москвы (если есть тутъ въ самомъ дѣлѣ вина) заключается лишь въ томъ, что она, по неизбѣжному закону историческаго развитія русской народности, явилась наиболѣе сосредоточеннымъ и сильнымъ выразителемъ самаго основнаго и первоначальнаго начала старой русской жизни, а именно, выразителемъ *идеи самовластія*, господствовавшей прежде и въ нашемъ частномъ, и въ общественномъ быту, и носившейся всюду по русской землѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и затѣмъ слившейся въ одно цѣлое, которому имя было—*Москва*. Когда изъ хаоса частныхъ самовластныхъ отношеній, ничѣмъ не опредѣленныхъ, вращавшихся безъ всякаго плана, а стало быть, и безъ общей единой цѣли, возникъ вполнѣ законченный, живой, вполнѣ опредѣленный типъ самовластья, тогда только, и именно посредствомъ этого живаго типа, почувствованы были и всѣ *общія* цѣли и задачи народнаго развитія. Народъ такъ и понялъ эту новую фазу своей жизни. Ея не могли понять лишь тѣ частныя сферы жизни, которыя продолжали по прежнему преслѣдовать свои частныя цѣли, во-

все не имѣя никакихъ представленій о цѣляхъ общенародныхъ. Въ этомъ смыслѣ, Москва явилась знаменемъ общихъ цѣлей; она крѣпко держала это знамя, постоянно была съ нимъ впереди, и своею исторіею доказала, что эти цѣли были существенныя, потому что онѣ были общенародныя. Другое дѣло— разсуждать о томъ, какъ могло бы быть.

Если *идея самовластія* повергла наше древнее общество въ безъисходное броженіе всяческой розни, междоусобія, княжескихъ и вѣчевыхъ крамолъ, отъ которыхъ «погибала жизнь, вѣки человѣкамъ сокращались», то къ какой же иной формѣ могла придти эта жизнь, какъ не къ той же формѣ самовластія? Преимущество московской формы предъ своими родоначальниками, частными мелкими формами самовластія, конечно, заключается въ ея единствѣ; а единство, во всякомъ случаѣ, есть сила; съ силою же можно было добраться, по крайней мѣрѣ, до того, что̀ мы есть. Москва вынесла всю невыносимую, страшную тяжесть такого именно хода нашей исторіи. Она вынесла всѣ страшныя боли общаго органическаго разстройства. Какъ только это разстройство нашло себѣ исходъ, такъ въ той же Москвѣ послѣдовали, одинъ за другимъ, переломы къ здоровью, къ здравствованію всей земли, а не какой-либо ея части. Мы никакъ не можемъ понять, за что̀ вообще такъ ребячески сердиться на историческую Москву? Чтобы вѣрно оцѣнить ея историческое значеніе, каково бы оно ни было, необходимо хорошо и основательно ознакомиться съ тѣмъ, что̀ было до нея и по сторонамъ ея. Вотъ, почему мы искренно желаемъ, чтобы *областная мѣстная* исторія сдѣлалась такимъ же насущнымъ вопросомъ въ нашихъ работахъ, какимъ во время оно былъ пресловутый *варяжскій* вопросъ.

Въ настоящее время для этого существуютъ даже практическія средства, существуютъ, напр., губернскіе статистическіе комитеты, члены которыхъ могли бы принести вели-

кую пользу, обративъ посильное вниманіе на собираніе, заодно съ статистическими, и историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, актовъ, преданій, всякихъ записокъ и описаній, касающихся ихъ мѣстной исторіи и древностей, вообще областнаго быта, прожитаго и проживаемаго теперь. Нѣкоторые комитеты уже успѣли оказать въ этомъ отношеніи значительныя услуги и въ «Памятныхъ» губернскихъ книжкахъ дали образцы очень любопытныхъ и основательныхъ трудовъ по разработкѣ мѣстной исторіи. Но, къ великому сожалѣнію, эти книжки издаются только для офиціальной среды и затѣмъ скоро исчезаютъ, вовсе не поступая въ оборотъ ученой изыскательности. Ихъ очень трудно доставать, хотя бы и за дорогую цѣну.

Статистическіе комитеты могли бы оказать великую услугу для русской исторической науки собраніемъ въ одну книгу, каждый по своей губерніи, всего того, что̀ въ разное время печаталось по исторіи, археологіи, этнографіи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которыхъ точно также достать теперь уже нельзя. Необходимо же когда-либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлаго, а не какое нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности, или области. Безъ исторіи, и этнографическіе и даже статистическіе факты остаются нѣмыми памятниками. Мы увѣрены, что, современемъ, не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу назначеніемъ, напр., премій за обработку своей мѣстной исторіи. Денежныхъ средствъ на это понадобится, сравнительно съ другими

расходами, самая малая доля. Къ сожалѣнію, имѣя и въ виду и на самомъ дѣлѣ достаточныя практическія средства для обработки областной исторіи, мы не слишкомъ богаты для этого средствами чисто научными. Совѣстно сказать: у насъ до сихъ поръ не изданы наши лѣтописи, т. е. изданы не всѣ, даже не всѣ тѣ, какія лѣтъ за тридцать тому назначались къ изданію Археографическою Коммиссіею, и именно самый важнѣйшій въ настоящемъ случаѣ ихъ отдѣлъ — *областныя лѣтописи*. Сколько, въ дѣйствительности, эти послѣднія важны и какое значеніе имѣютъ даже и для выясненія и исправленія общей исторіи, это показали счастливымъ случаемъ явившіяся на свѣтъ *Тверская* лѣтопись (Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. XV) и еще раньше изданный *Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго* (Времен. № 9).

Но еще стыднѣе намъ сказать: мы не имѣемъ не только обстоятельныхъ, но и никакихъ *указателей* даже и къ тѣмъ лѣтописямъ, которыя уже изданы. Эти два обстоятельства такъ полновѣсны по своему значенію, что намъ нечего упоминать о другихъ, побочныхъ, хотя также очень сильныхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, съ которыми принужденъ бороться, чуть не на каждомъ шагу, каждый изслѣдователь русской древности. Одни упомянутыя два обстоятельства образуютъ такую твердую и стойкую плотину, что, по милости ея, движеніе нашей изслѣдовательности едва замѣтно и, большею частію, все вертится на одномъ мѣстѣ. За примѣрами ходить недалеко. Вотъ книга г. Барсова: *Матеріалы для историко-географическаго славаря Россіи. I. «Географическій словарь русской земли (IX—XIV ст.)»*. Трудъ почтенный, вполнѣ заслуживающій признательность науки,—трудъ, на который авторъ употребилъ и много времени, и много копотливыхъ работъ, занимался имъ съ любовію и обстоятельно. Однакожь, въ сущности, трудъ г. Бар-

сова есть не что иное, какъ *географическій указатель* къ изданнымъ лѣтописямъ и актамъ за IX — XIV ст., гдѣ, вмѣстѣ съ именами, приведены и самые тексты. Мы понимаемъ, какъ тяжела была такая работа теперь, безъ средствъ, о которыхъ мы говоримъ, и можемъ понять, какъ была бы легка, еслибъ при лѣтописяхъ существовалъ *указатель*; она тогда упростилась бы до обыкновенной переписки лѣтописнаго текста по указаннымъ именамъ; факты сами собою разставились бы хронологически, словомъ — все дѣло могъ бы исполнить, подъ руководствомъ автора, простой понимающій переписчикъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не потребовало бы и десятой доли тѣхъ работъ, какія, по необходимости, долженъ былъ исполнить авторъ; и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, эти девять десятыхъ труда авторъ непремѣнно употребилъ бы на дальнѣйшую разработку выписаннаго текста и не окончилъ бы тамъ, гдѣ оканчиваетъ дѣло только указатель. Въ добавокъ, при теперешнихъ средствахъ и способахъ работы, самъ авторъ по необходимости долженъ былъ чувствовать, что трудъ его все-таки не полонъ, какъ въ дѣйствительности и оказывается [1]). А мы все-таки должны быть очень признательны автору за его подвигъ, проложившій хоть какой-нибудь путь въ непроходимыхъ дебряхъ лѣтописнаго текста.

Сколько труда и копотливыхъ работъ долженъ былъ употребить г. Аристовъ при обработкѣ своего вопроса: «Промышленность древней Руси»!

Сколько почтеннаго труда положилъ еще гораздо прежде г. Погодинъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ» объ удѣльномъ періодѣ (напр., томы 5, 6 и 7)!

---

[1]) Напр. имена: Ладога, Москва, Кучково, Оковскій Лѣсъ, Тмутаракань и нѣкоторыя другія, какія случайно удалось нам разсмотрѣть.

Вообще, сколько труда бѣдный русскій изслѣдователь должень употреблять совсѣмъ непроизводительно, исполняя всяческія подготовительныя работы, самъ составляя указатель къ книгѣ, самъ же, иной разъ, приводя въ порядокъ уже чисто издательскую сторону книги, простое, такъ сказать, типографское удобство пользоваться ею, ибо невниманіе къ читателю и изслѣдователю превосходитъ у насъ всякую мѣру; у насъ есть и такія книги, гдѣ не существуетъ, напр., оглавленія, а если оно есть,—такъ нѣтъ указанія страницъ. Мы иногда, и очень справедливо, жалуемся на невниманіе къ публикѣ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, на станціяхъ и т. п., но тѣмъ же самымъ мы грѣшимъ и въ наукѣ, гдѣ изслѣдователь очень часто принужденъ бороться съ смѣшными и оттого слишкомъ горькими неудобствами и затрудненіями. Все это, конечно, обозначаетъ молодость нашей науки, ея малоопытность, отсутствіе въ ней ея же элементовъ—обстоятельности, основательности, точности и отчетливости, и тому подобныхъ научныхъ пріемовъ, которые еще далеко не вошли въ наши ученые нравы и привычки.

Вообще, должно сказать, что русская научная изслѣдовательность находится въ такомъ же невыгодномъ положеніи, въ какомъ находится и нашъ экономическій, хозяйственный бытъ. Для той, какъ и для другого, не существуетъ самаго главнаго: хорошихъ путей сообщенія, къ которымъ, не нарушая внутренней правды, мы относимъ указатели, алфавиты и всѣ подобныя средства науки. Нѣтъ этихъ путей, и оттого—недостатокъ жизненнаго движенія въ наукѣ, напрасная трата времени и труда, напрасная пагуба таланта и дарова-
—ія постоянныя ошибки, недосмотры, пропуски, торопливые
ну ложные заключенія и выводы, лживые тенденціи и
, цѣлыя теоріи, исполненныя легкомыслія и фразер-
ное оттого, что нѣтъ прямой, основательной и об-

стоятельной дороги къ самымъ матеріаламъ изслѣдованія. Вотъ почему изданіе указателей къ лѣтописямъ и другимъ многотомнымъ собраніямъ памятниковъ, указателей не только *именныхъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *предметныхъ*, мы, безъ шутокъ, можемъ сравнить съ проложеніемъ желѣзной дороги по какому-либо главному, столбовому пути. Неисчислимо выгодныя и самыя плодотворныя послѣдствія такого дѣла не замедлили бы обнаружиться вскорѣ. Припомнимъ, какое живое движеніе въ нашей наукѣ было возбуждено однимъ только изданіемъ первыхъ лѣтописей и актовъ? (Послѣдніе, къ великому одолженію, явились тогда съ указателемъ). Съ тѣхъ поръ, наши требованія и запросы выросли, взгляды значительно расширились; теперь намъ нужна полнота, круглота, обстоятельность и основательность, — качества, которыя возможны только при указанныхъ путяхъ сообщенія. И потому великую услугу русской наукѣ оказалъ бы тотъ, кто принялъ бы на себя трудъ проложить эти пути. Его трудъ, по своему значенію, въ истинномъ смыслѣ могъ бы равняться нѣсколькимъ десяткамъ диссертацій и изслѣдованій, ибо въ немъ, по естественной причинѣ, на самомъ дѣлѣ лежали бы фундаменты всевозможныхъ диссертацій и статей. То, что по справедливости заслуживаетъ теперь нашей признательности, и особеннаго уваженія за понесенныя работы, тогда обратилось бы въ непреложное требованіе съ одной стороны, и въ простой трудъ постраничнаго выписыванія — съ другой.

Изслѣдователи, имѣя въ рукахъ почти готовый основной матеріалъ, могли бы съ бо́льшими выгодами для науки направить свою изыскательность къ дальнѣйшимъ цѣлямъ, могли бы самые вопросы ставить полнѣе, многостороннѣе.

До тѣхъ же поръ, пока такія необходимѣйшія научныя средства не будутъ намъ даны, мы все будемъ, какъ говорит-

ся, переваливать черезъ пень колоду — выраженіе, хотя и рѣзкое, но вполнѣ и со всѣхъ сторонъ характеризующее нашу теперешнюю дѣятельность и въ общей сложности, и въ ея частностяхъ. И съ особенною силою смыслъ этого выраженія будетъ высказываться въ разработкѣ *областной* исторіи, въ разработкѣ всѣхъ частныхъ и мѣстныхъ вопросовъ.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ членовъ губернскаго статистическаго комитета или отъ другихъ лицъ въ провинціи, желающихъ посвятить свой досугъ изысканіямъ объ исторіи своего мѣстожительства, чтобы они, по поводу какого-либо мѣстнаго и мелкаго географическаго или археологическаго вопроса, прочитывали постранично всю массу изданныхъ лѣтописей и актовъ, съ напряженіемъ отыскивая, когда и какъ въ первый разъ упоминается какое-либо имя или слово, очень важное для ихъ изысканій. Имъ нужна лишь справка, а между тѣмъ, эта справка становится тяжелымъ, скучнымъ, очень продолжительнымъ и, по результатамъ, совершенно непроизводительнымъ трудомъ. Нельзя требовать и напрасно ожидать такого самоотверженія отъ людей, вовсе не имѣющихъ намѣренія дѣлаться присяжными историками или археологами. Да по правдѣ сказать, и послѣдніе очень рѣдко пускаются въ подобныя путешествія за какою-либо частною, мелкою справкою и, большею частію, оставляютъ дѣло въ такомъ видѣ, къ какому приводятъ его случайно попавшіеся подъ руку факты, повторяя затѣмъ одно и то же нѣсколько лѣтъ сряду. Эта истина подтверждается чуть не каждый день, а самый яркій и объемистый примѣръ тому мы можемъ видѣть въ обработкѣ древностей Москвы, начатой очень давно, обильной всякими книгами и статьями, славной уже своими авторитетами, и все-таки именно за отсутствіемъ указанныхъ научныхъ средствъ, неподвигающейся впередъ ни на шагъ.

Недавно, разслѣдованіе московскихъ древностей обогатилось новымъ трудомъ, который, судя по заглавію, долженъ совокупить или переработать въ себѣ все то, что до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету. Уже одна такая мысль заслуживала бы особенное вниманіе науки.

Свести счеты по исторіи и археологіи Москвы, значитъ— указать и съ точностью опредѣлить мѣсто, какое принадлежитъ исторической и археологической Москвѣ среди областной исторіи и археологіи; значитъ—раскрыть своеобразныя силы Москвы не только въ исторіи, гдѣ онѣ, впрочемъ, достаточно раскрыты, но, главнымъ образомъ, въ ея частномъ быту, т. е. въ сферѣ ея мѣстнаго, областнаго или собственно «московскаго» творчества художественнаго, ремесленнаго, промышленнаго, общественнаго или, въ тѣсномъ смыслѣ, городскаго, также сельскаго и т. д.; словомъ сказать—раскрыть историческое и древне-бытовое значеніе Москвы въ ряду другихъ областей и городовъ русской земли. И въ самомъ дѣлѣ, сколько самаго живаго интереса заключалось бы въ разсмотрѣніи и посильномъ разрѣшеніи такихъ, напр., запросовъ и вопросовъ нашей современной изыскательности: чѣмъ Москва обязана Новгороду въ своемъ внутреннемъ развитіи, именно со стороны художественнаго, ремесленнаго, промышленнаго творчества; какое наслѣдство въ этомъ смыслѣ она приняла изъ Суздальской земли, а черезъ нее, быть можетъ, и отъ Болгаръ волжскихъ и, главнымъ образомъ, изъ древняго Кіева? Какое вообще вліяніе оказывали на Москву каждый старый городъ, каждая сторона древней Руси? Москва создалась на старой почвѣ, уже значительно подготовленной въ этомъ отношеніи развитіемъ областнымъ, мѣстнымъ, украйнымъ Вмѣстѣ съ политическими идеями, Москва тянула въ себя и все то, чѣмъ красна и славна была частная, такъ сказать, домашняя жизнь каждой украйны,

именно стороною народнаго творчества, къ формамъ котораго, въ отношеніи, напр., зодчества, иконописи съ ихъ сопутниками, Москва, по естественнымъ причинамъ, оказывала благочестивое уваженіе, воспроизводя свои памятники по образцамъ Суздаля, Новгорода и другихъ старыхъ городовъ. Сліяніе въ Москвѣ областныхъ творческихъ народныхъ силъ образовало ли въ ней что оригинальное, своеобразное, самобытное, чисто-московское; шла ли въ этомъ смыслѣ Москва дальше своихъ предшественниковъ или въ ней совсѣмъ заглохло и то, что было собрано и постоянно собиралось отъ старшихъ братьевъ, по обычаю времени—путемъ захватовъ и насилій?

Изъ всѣхъ подобныхъ запросовъ выясняется лишь одно, что разработка древностей Москвы находится въ полной зависимости отъ разработки областныхъ древностей. Существующій въ наукѣ пробѣлъ по этому дѣлу, конечно, долженъ очень невыгодно отражаться и на новѣйшихъ трудахъ; поэтому, наши запросы и не могутъ къ нимъ относиться. Мы здѣсь желали только намекнуть на тѣ задачи, которыя предстоятъ и сами напрашиваются для изслѣдованій. Въ отношеніи же новѣйшихъ трудовъ мы должны ограничиться лишь тѣмъ, что есть, что возможно сдѣлать при существующихъ условіяхъ науки.

Въ послѣднее время, трудъ — исторически и археологически и подробно описать Москву, взяли на себя лица, которыя уже достаточно потрудились прежде на томъ же поприщѣ. Текстъ описанія составленъ г. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ самого издателя, г. Мартынова.

Г. Снегиревъ принадлежитъ къ немногимъ ветеранамъ нашей археологической науки. Онъ началъ свое изыскательное

поприще еще во времена Карамзина. Онъ уже очень давно пользуется авторитетомъ перваго знатока и ученаго изслѣдователя московскихъ древностей, по преимуществу. Можно сказать со всею справедливостью, что это одинъ изъ первоначальныхъ, самый трудолюбивый и до сихъ поръ почти единственный изыскатель и описатель памятниковъ московской старины. Его большой трудъ «Памятники московской древности» (М. 1842 — 1845), вызванный на свѣтъ достойнымъ доброй памяти содѣйствіемъ кн. Д. В. Голицына (тогдашняго начальника Москвы), и Общества Исторіи и Древностей, положилъ прочную основу заслуженной извѣстности автора. Вслѣдъ за тѣмъ г. Снегиревъ нашелъ ревностнаго и неутомимаго издателя для своихъ послѣдующихъ изысканій въ лицѣ г. Мартынова, котораго «Русская Старина» и «Русскія Достопамятности» наполнялись, по большей части, описаніемъ московскихъ же памятниковъ, такъ что значительною долею служили продолженіемъ перваго и главнаго труда. Такимъ же продолженіемъ этого труда были описанія «Древностей Россійскаго Государства», послужившія текстомъ къ извѣстному великолѣпному изданію, подъ тѣмъ же заглавіемъ (отд. I, IV и VI), и многія мелкія статьи, которыя авторъ печаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, передѣлывая и обработывая старое, или знакомя впередъ съ своими новыми изысканіями, которыя потомъ входили въ составъ упомянутыхъ изданій.

Характеръ и достоинство этихъ археологическихъ трудовъ г. Снегирева наука также давно опредѣлила, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ, общихъ чертахъ. Она не могла не оцѣнить большой начитанности автора, значительнаго знакомства съ архивными матеріалами, этой неутомимости въ собираніи многоразличныхъ данныхъ, массою которыхъ авторъ приводилъ всегда въ изумленіе обыкновеннаго читателя, въ первый разъ

встрѣчавшаго столько старыхъ словъ, столько новыхъ фактовъ.... Но вмѣстѣ съ тѣмъ наука раскрыла также и важнѣйшій, самый существенный недостатокъ этого безмѣрнаго и не всегда толковаго собирательства, и именно, отсутствіе всякой критики, отсутствіе руководящей, объединяющей, послѣдовательной мысли при обработкѣ не только цѣлаго, но и каждой отдѣльной его части, каждаго частнаго отдѣльнаго вопроса. Наука указала на очень выдающееся отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ критическихъ пріемовъ въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи разнообразныхъ фактовъ и всякихъ свидѣтельствъ, въ ихъ должной оцѣнкѣ; указала на великую сбивчивость и несвязность изложенія, на небрежность, съ какою авторъ всегда почти относится и къ текстамъ, къ подлиннымъ словамъ, и къ ссылкамъ на эти слова, какъ бы вовсе не оцѣнивая, и даже какъ бы не понимая ихъ важности въ подобныхъ копотливыхъ и мелочныхъ работахъ; опуская и текстъ и ссылки, всегда важнѣйшія, тамъ, гдѣ онѣ настоятельно нужны, и обозначая ихъ, всегда не важныя, тамъ, гдѣ онѣ вовсе не были нужны. Вообще, наука отмѣтила, что археологическіе труды г. Снегирева, не смотря на видимую эрудицію, на весь внѣшній образъ учености, значительно слабы именно въ ученомъ отношеніи. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не восхвалительныя рекламы, которыя, особенно въ началѣ, щедро сыпались на упомянутыя изданія; мы имѣемъ въ виду, хотя и короткіе, но дѣльные, въ полномъ смыслѣ ученые отзывы о трудахъ г. Снегирева, принадлежащіе, напр., г. Погодину (Москвитянинъ, 1842 г. № 2 и др.). Вотъ почему труды г. Снегирева, пользуясь большимъ уваженіемъ въ средѣ непосвященныхъ, обыкновенныхъ читателей, вообще не столько цѣнились изслѣдователями, заинтересованными непосредственно и ближайшимъ образомъ въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ касался и которые обработы-

валъ авторъ, а потому и входившими въ самое близкое знакомство съ его изысканіями.

Изслѣдователи не находили въ нихъ именно того, что даетъ сочиненію крѣпость и твердость, надежную опору для дальнѣйшихъ изысканій, не находили въ нихъ основательности, отчетливости, точности, не только исторической, т. е. фактической, но даже и логической; вовсе не находили этого важнѣйшаго и существеннѣйшаго свойства всякой ученой работы, именно непрестанной провѣрки и самыхъ фактовъ, и своихъ соображеній по поводу сообщенія и сличенія этихъ фактовъ. Изслѣдователи, послѣ долгихъ и очень тяжелыхъ, трудныхъ операцій надъ сочиненіями г. Снегирева, могли вынести одно только непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностью и осторожностью, что несравненно легче, плодотворнѣе для себя и во всѣхъ смыслахъ полезнѣе имѣть дѣло прямо съ самыми источниками, чѣмъ изучать сочиненіе, котораго почти каждую строку приходится очищать критикою, провѣрять съ тѣми же источниками, большею частію всѣмъ доступными. Самыя архивныя свидѣтельства, приводимыя авторомъ изъ первыхъ рукъ, сообщались въ такомъ видѣ и съ такимъ невниманіемъ къ цѣнности подлинныхъ словъ, особенно, когда они появляются въ первый разъ, что изслѣдователи почти всегда имѣли достаточно причинъ сомнѣваться въ отчетливой достовѣрности сдѣланныхъ указаній или выписокъ.

Все это въ работающей средѣ ставило труды г. Снегирева какъ бы внѣ науки, внѣ ея границъ. Они не попадали въ ея общее теченіе, въ ея общій оборотъ, не сливались органически съ новыми дальнѣйшими работами, какія предпринимались по тѣмъ же вопросамъ другими изыскателями, что должно бы непремѣнно случиться, даже противъ воли и желанія этихъ изыскателей; ибо каковъ бы ни былъ ученый трудъ, но если

онъ исполненъ дѣйствительно *научно*, если онъ носитъ въ себѣ животворныя начала науки, онъ всегда невидимо проникаетъ во всякую вновь начинаемую, послѣдующую работу, во всякое новое изслѣдованіе, какъ бы оно ни разнилось во взглядахъ и пріемахъ съ своимъ предшественникомъ. Труды г. Снегирева, наоборотъ, *положительнымъ путемъ* никогда и нигдѣ не дѣйствовали въ научной обработкѣ нашихъ древностей. Ихъ связь съ этою обработкою обнаруживалась всегда только *отрицательно*, выражала только неизбѣжную полемику съ ними, неизбѣжную ихъ перевѣрку, что̀ въ видахъ рѣшительной безполезности и излишняго труда нерѣдко даже совсѣмъ оставлялось изслѣдователемъ.

Самою обработкою исторіи и древностей Москвы, которою по преимуществу славятся труды г. Снегирева и которой онъ дѣйствительно посвятилъ самую наибольшую долю своей археологической дѣятельности, — самою этою обработкою авторъ не внесъ въ науку ничего яснаго, опредѣлительнаго, отчетливаго, ничего такого, чѣмъ она могла бы пользоваться, какъ прочнымъ основаніемъ въ дальнѣйшемъ ходѣ своей изслѣдовательности. Въ результатѣ, эта обработка представляетъ объемистую массу свѣдѣній, въ которой нѣтъ свѣта ни историческаго, ни критическаго, которая подлежитъ необходимой, совершенно неизбѣжной очисткѣ и повѣркѣ, а стало быть, совершенной переработкѣ, такъ что древности Москвы, имѣя уже авторитетнаго изслѣдователя, все-таки и до сихъ поръ не имѣютъ, соотвѣтственнаго своему значенію, описанія; все-таки изысканія объ нихъ исполнены самыхъ спорныхъ и противорѣчивыхъ заключеній и соображеній и даже противорѣчивыхъ свидѣтельствъ и фактовъ. Однимъ словомъ, не смотря на давнишніе труды г. Снегирева, Москва до сихъ поръ остается безъ описанія, которое соотвѣтствовало бы значенію города, и значенію его древностей, которое давало бы

полное, отчетливое и законченное представленіе о томъ, что̀ и ка̀къ было, и что̀ осталось теперь.

Руководясь, быть можетъ, мыслію о необходимости составить такое описаніе, о необходимости привести въ нѣкоторую стройность и порядокъ даже и обработанный уже матеріалъ, г. Снегиревъ предпринялъ, въ настоящее время, обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города*», раздѣливъ свои труды съ самимъ издателемъ, г. Мартыновымъ. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ и въ чемъ именно заключалось сотрудничество г. Мартынова, но, судя по характеру и всему складу сочиненія, можемъ сказать, что оно вполнѣ напоминаетъ прежніе труды г. Снегирева, особенно «Памятники Московской Древности», которые послужили какъ бы прототипомъ и для этого изданія, даже и съ внѣшней его стороны. Здѣсь мы встрѣчаемся съ старыми знакомыми, о которыхъ только-что говорили.

Первый томъ содержитъ въ себѣ «Исторію Москвы» и «Урочища Москвы.» Послѣдняя статья дѣлится не-то на три, не-то на два отдѣла,—такъ сбивчиво обозначены ея части: Отдѣлъ I—Московскія урочища въ хронологическомъ ихъ отношеніи; Отдѣлъ II — Старыя и новыя урочища отъ XVII до XVIII вѣка; потомъ, опять Отдѣлъ II—Московскія урочища, по отношенію ихъ къ топографіи, этнографіи, исторіи и юридическому быту.

Уже одна первая страница, которою начинается *Исторія Москвы*, можетъ служить достаточною характеристикою всего труда. Начиная исторію Москвы 1147 годомъ, какъ первымъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о ея существованіи, и упомянувъ о пиршествѣ, которое съ именемъ *сильнаго обѣда* давалъ въ этомъ году князь суздальскій Юрій своему союзнику черниговскому князю Святославу, авторы обознача-

ютъ это событіе слѣдующею фразою: «Это былъ первый союзъ сѣверной и южной Руси въ лицѣ ихъ князей». Фраза эта совсѣмъ лишена исторической правды и даетъ только ложное, натянутое представленіе о событіи, которое нисколько не выражало общихъ историческихъ отношеній въ княжескихъ дѣйствіяхъ и относится къ безчисленному ряду частныхъ междукняжескихъ дѣлъ. Затѣмъ, подтвердивъ сказаніемъ «Пролога», что Москва существовала и раньше этого года, т. е. при Владимірѣ Мономахѣ, въ чемъ нельзя было сомнѣваться уже по упомянутому лѣтописному свидѣтельству, авторы довольно положительно говорятъ, что «на мѣстѣ ея было *нѣсколько селъ* и *городищъ*, которыми владѣлъ бояринъ Стефанъ Кучко». По теченію рѣчи, можно думать — это было именно при Владимірѣ Мономахѣ или даже и раньше, что́ утверждается и соображеніемъ о томъ, что между новгородскими земцами встрѣчается подобное имя (когда?), и что, стало быть, Кучко былъ выходецъ изъ Новгорода. Ниже, стр. 103, авторы подробнѣе входятъ въ разсужденіе о томъ, что Кучко былъ новгородецъ, и предполагаютъ даже, не была ли Москва новгородскою колоніею, основываясь единственно только на сходствѣ именъ: Дорогомилово, Варьская улица (въ Москвѣ Варварская, а въ Новгородѣ Варяжская), и вовсе упуская изъ виду, что на такомъ основаніи легко построить безчисленное множество догадокъ и соображеній о происхожденіи одного русскаго урочища, села или города отъ другого, особенно, напр., при помощи извѣстнаго «Словаря Урочищъ» Ходаковскаго [1]).

---

[1]) Соображеніе о новгородскомъ происхожденіи Кучко и Москвы почерпнуто изъ II кн. Временника Общ. И. и Д. Р., Смѣсь, стр. 29, гдѣ редакторъ, г. Бѣляевъ, указывая, что легенда о началѣ Москвы и о московскихъ Кучковичахъ помѣщена въ новгородской (позднѣйшей) лѣтописи, догадывается по этому поводу, что „Москва первоначально была построе-

За тѣмъ авторы положительно утверждаютъ, что «тамъ (т. е. не въ Новгородѣ, а на мѣстѣ Москвы) *Кучко построилъ деревянный городокъ, назвавъ его по рѣкѣ Москвою*, потому (будто бы), что не только многіе города, но и цѣлыя племена заимствовали свое имя отъ рѣкъ, на которыхъ стояли». Свидѣтельство очень любопытное, доселѣ мало кому извѣстное, поэтому очень было бы желательно видѣть при этомъ и обстоятельное указаніе на источникъ, откуда оно заимствовано. Но авторы не почли надобнымъ сдѣлать хотя общее обозначеніе этого источника. Они оставили безъ всякаго отзыва и указанія и всѣ легенды о *зачалѣ Москвы*, которыя появились въ XVI и XVII ст., и въ которыхъ все-таки нельзя отрицать нѣкоторой, если не чисто исторической, то, по крайней мѣрѣ, *эпической* основы, что очень важно и должно было бы занять подобающее мѣсто въ *подробномъ* историческомъ и археологическомъ описаніи города. Тѣмъ непонятнѣе такой пропускъ, что авторы удѣляютъ въ своей книгѣ не мало мѣста новѣйшимъ сказкамъ и сочиненнымъ преданіямъ о значеніи разныхъ урочищъ. Въ настоящемъ случаѣ очень важно именно то, что эпоха *зачала* Москвы была, по всему вѣроятію, пропѣта народною пѣснію, былиною. Доказательствомъ этому служатъ упомянутыя легенды и сказанія, записанныя въ XVI и XVII ст. Еще Карамзинъ замѣтилъ, что одна изъ такихъ легендъ, самая обстоятельнѣйшая, писана *размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ*. Но не

на въ новгородской землѣ; это подтверждается (будто бы) и свидѣтельствомъ Переписной новгородской Книги 1500 г., по которой видно, что въ Новгородѣ еще въ XV вѣкѣ существовалъ родъ изстаринныхъ новгородскихъ вотчинниковъ *Кучковичей*, у которыхъ были деревни въ Келтушскомъ погостѣ и одна изъ нихъ называлась *Кучково*". Повторимъ: у Ходаковскаго существуетъ изобильный матеріалъ для подобныхъ сближеній и разсужденій!

одинъ ея складъ, а самое содержаніе даетъ намъ понятіе именно о ея эпическомъ народномъ происхожденіи. Карамзинъ вообще не давалъ никакой цѣны этимъ легендамъ, выставляя на видъ ихъ *анахронизмы* и *нелѣпости*. Но точка зрѣнія Карамзина оправдывается состояніемъ нашей исторической науки въ его время. Онъ взглянулъ на нихъ, какъ на разсказы лѣтописные, и конечно, долженъ былъ отвергнуть даже и малѣйшее ихъ значеніе для собственно историческаго матеріала по тогдашнимъ понятіямъ. Но съ того времени наука успѣла выяснить, что и эпическій, или легендарный разсказъ есть также достояніе исторіи; что онъ есть первая страница въ ней, на которой хотя и нѣтъ мѣста ни для хронологіи, ни для историческаго факта въ строгомъ смыслѣ, но есть всегда то, что̀ можно обозначить выраженіемъ: дыханіе, дуновеніе исторіи.

По изложенію Карамзина, одна легенда разсказываетъ слѣдующее:

Былъ на великомъ княженіи въ Кіевѣ сынъ Владиміра Мономаха, князь Юрій. Своего старшаго сына, Андрея, онъ посадилъ въ Суздалѣ. Въ 1158 г., ѣхалъ Юрій изъ Кіева во Владиміръ къ сыну Андрею и наѣхалъ по дорогѣ мѣсто, гдѣ теперь Москва. Тутъ были села, которыми владѣлъ нѣкій богатый бояринъ, именемъ Кучко Ивановъ. Кучко встрѣтилъ князя гордо и недружелюбно, «возгордѣвся зѣло, не почте его и поносивъ ему». Не стерпя хулы, князь предаетъ его смерти. У Кучко остаются два сына, «млады сущи и лѣпы зѣло (Петръ и Іоакимъ) и дщерь благообразна» (Улита), которыхъ князь отсылаетъ во Владиміръ къ сыну Андрею. Послѣ того князь Юрій «взыде на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби села оныя и повелѣ вскорѣ сдѣлати малъ древянъ градъ и про[illegible] Москва градъ». Потомъ князь ѣдетъ во Владиміръ

къ Андрею, женитъ его на дочери Кучко и заповѣдуетъ ему — Москву «людьми населити и распространити».

Карамзинъ замѣтилъ, что эта *сказка, вѣроятно*, основана на древнемъ истинномъ преданіи. Дѣйствительно, несомнѣнныя свидѣтельства лѣтописей указываютъ, что бояре Кучковичи существовали, и именно въ большомъ приближеніи у князя Андрея Боголюбскаго. Въ 1155 г., они переманили его переѣхать изъ Кіева въ Залѣсскій Владиміръ, «безъ отча повелѣнія, лестію подъяша»; а въ 1174 г., они являются главными руководителями заговора противъ Андрея — и его убійцами. Тверская лѣтопись разсказываетъ нѣсколько иначе это событіе. Она говоритъ, что Андрей былъ убитъ отъ «*своихъ бояръ отъ Кучковичевъ*, по наученію своей жены, которая, однакожь была не Кучковна, какъ говорятъ приведенная легенда и позднѣйшія лѣтописи, а болгарка родомъ и держала на князя злую мысль особенно за то, что онъ много воевалъ Болгарскую землю «и сына своего посылалъ туда (Мстислава, въ 1172 г.), и много зла учини болгаромъ», — такъ что она является мстительницею за разореніе своей родины, что̀ весьма вѣроятно. Княгиня жаловалась на князя втайнѣ *Петру*, Кучкову зятю... слѣдовательно, она была въ томъ же злодѣйскомъ заговорѣ противъ князя. Ближайшею причиною заговора и злодѣйства лѣтопись обозначаетъ то, что Андрей казнилъ одного изъ Кучковичей, именно брата возлюбленнаго своего слуги, *Якима* Кучковича [1]). Якимъ и рѣшаетъ дѣло. На пиру у Петра, Кучкова зятя, онъ поднимаетъ всѣхъ рѣчью: «Что̀ намъ дѣлать съ княземъ? вчера онъ *брата моего* казнилъ, а нынче, пожалуй, казнитъ и насъ. Промыслимъ о своей жизни». Такимъ образомъ, Якимъ

---

[1]) Иначе: *Кучковитина*, Лѣт. Воскр. 89, что̀ можетъ указывать на его земляческо изъ *Кучкова*, рѣше изъ Москвы.

Кучковичъ, упоминаемый въ легендѣ, является мстителемъ за смерть своего брата, имени котораго (Петръ, по легендѣ) лѣтопись не называетъ, но указываетъ, что месть совершена въ Петровъ день, на другой день послѣ казни.

Если по лѣтописи существовали двое Кучковичей, указанныхъ легендою, то могло случиться и событіе, въ ней описанное. Невѣренъ только годъ. Въ 1158 г., Юрія уже не было въ живыхъ: онъ умеръ въ 1157 г. [1]) Но за то въ Тверской же лѣтописи находимъ весьма любопытное свидѣтельство. Въ 1156 г., «Князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москьву на устниже (на устьѣ ниже) Неглинны, выше рѣки Аузы [2]).»

Ошибка въ годѣ незначительна, но весьма значительно обстоятельство, что Кучковичи (по легендѣ, млады сущи, въ годъ построенія Москвы, т. е. въ 1158 г.), еще въ 1155 г., переманиваютъ Андрея во Владиміръ, дѣйствуя противъ воли его отца. Итакъ, хронологія оказывается несостоятельною въ точномъ опредѣленіи легендарнаго событія. Тѣмъ не менѣе, это событіе, на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ, становится очень вѣроятнымъ. Зерно легенды заключается въ томъ, что основаніе, построеніе Москвы, а еще вѣрнѣе, пріобрѣтеніе ея въ княжескую собственность, связано съ убійствомъ ея прежняго владѣльца изъ-за женщины, изъ-за любовныхъ связей. У Татищева находимъ новый варіантъ легенды, который въ основѣ нисколько не противорѣчитъ первому и дѣлаетъ указаніе очень важное въ хронологическомъ отношеніи. «Татищевъ, ссылаясь на мнимую раскольничью лѣтопись—говоритъ Карамзинъ — прибавляетъ, что Георгій любился съ женою Стефана Кучко *тысячского*; что мужъ,

---

[1]) Впрочемъ по Ипатской Лѣтописи Юрій померъ въ 1158 г. Мая 15 въ среду, что, по днямъ и числамъ, оказывается невѣрнымъ.

[2]) П. С. Р. Л. XV, 225.

пользуясь отсутствіемъ князя, увезъ жену въ деревню на берегъ Москвы-рѣки и хотѣлъ бѣжать къ Изяславу; что Георгій, оставивъ подъ *Торжкомъ* войско, спѣшилъ избавить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.» Здѣсь для насъ важно указаніе, что Юрій пріѣхалъ въ Москву изъ-подъ Торжка. Это было въ 1147 г., именно въ годъ перваго лѣтописнаго свидѣтельства о Москвѣ: «Въ лѣто 6655, иде Гюрги воевать Новгорочкой волости, и пришедъ взя *Новый торгъ* и Мьсту всю взя, а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленьскую волость воевати... и приславъ Гюрги и рече: приди ко мнѣ, брате, въ *Московъ* (въ Москову). Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, пойма съ собою Володимира Святославича: Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И пріѣха по немъ отець его Святославъ, и тако любезно цѣловастася, въ день пятокъ, на похвалу св. Богородици, и тако быша весели. Наутріи же день повелѣ Гюрги устроити *обѣдъ силенъ*, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовію и сынови его Олгови и Володимиру Святославичу, и мужѣ Святославлѣ учреди и тако отпусти й...» Не смотря на отзывъ Карамзина, разсказъ Татищева еще болѣе вѣроятенъ, чѣмъ разсказъ первой легенды. Выборъ мѣста для «сильнаго обѣда» показываетъ, что Москва въ то уже время представляла всѣ необходимыя удобства для княжескаго пированія. А такъ какъ мы не знаемъ, была ли она до того время княжескою вотчиною, и получаемъ, напротивъ, извѣстіе, что она была вотчиною тысяцкаго Кучки, перваго человѣка въ княжеской дружинѣ, знатнаго и необходимо богатаго, то съ большою вѣроятностію и можемъ предположить, что легендарное событіе могло случится именно въ это время. Въ такомъ случаѣ, всѣ хронологическія данныя могутъ быть поставлены на своихъ

мѣстахъ. Два сына Кучки—Петръ и Якимъ, явившіеся дѣйствователями кроваваго замысла противъ сына Юрьева Андрея въ 1174 г.; — въ 1147 г., могли дѣйствительно быть дѣтьми. Сначала и Андрей могъ быть женатъ на Кучковнѣ, и болгарка могла быть его второю женою, которую онъ могъ привести плѣномъ въ первый разгромъ Волжскихъ Болгаръ въ 1164 г., когда былъ взятъ и главный ихъ городъ Бряхимовъ. Впрочемъ мы, къ случаю, дѣлаемъ только пробу розысканій, которыми, по нашему мнѣнію, должно бы начинаться это подробное историческое и археологическое описаніе Москвы.

Есть еще варіантъ той же легенды, передѣланный, по всему вѣроятію, книжникомъ изъ старинной народной былины, которая нѣкогда воспѣвалась или сказывалась народными пѣвцами. Она начинается такъ:

«Почему было на Москвѣ царствомъ быти, и кто про тое вѣсть, что Москвѣ государствомъ слыти». Были на томъ мѣстѣ красныя села боярина Степана Ивановича Кучки. У боярина было *два сына*, вельми красны. Свѣдалъ про нихъ князь суздальскій Данила Александровичъ и началъ просить ихъ у боярина къ себѣ во дворъ; проситъ съ пригрозою, хочетъ мечемъ его побить и села его пожечь, если не отдастъ сыновей. Кучко, убояся страха, отдалъ сыновей. Князю Данилу они очень полюбились, онъ пожаловалъ одного въ столѣники, другаго въ чашники. Полюбились юноши и княгинѣ Даниловой, *Улитѣ Юрьевнѣ*, «возлюби красоту лица ихъ и діаволимъ разженіемъ смѣсися любезно». Затѣмъ умыслили они съ княгинею умертвить Данила, позвали его въ поле на охоту за зайцами и тамъ хотѣли исполнить свое злодѣйство. Но Данило убѣжалъ въ лѣсъ на конѣ, потомъ бросилъ коня и побѣжалъ вдоль Оки рѣки; встрѣтилъ перевозъ, но перевоз-

никъ безъ платы перевозить не хочетъ, жалуется, что все его обманываютъ. Данило обѣщаетъ ему вмѣсто денегъ свой золотой перстень. Перевозникъ, коварно выманивъ перстень, отвалилъ отъ берега. Князь побѣжалъ опять вдоль Оки. Наступила ночь, и негдѣ ему было въ глухой дебри укрыться. Случайно находитъ онъ струбецъ малъ, подъ которымъ былъ погребенъ кто-то мертвый человѣкъ. Забывши страхъ отъ мертвыхъ, онъ прячется на ночь въ этотъ струбецъ. Между тѣмъ Кучковичи оставались въ большой печали, что упустили изъ рукъ свою жертву. Они уже раскаявались и ожидали себѣ бѣды, когда Данила прибѣжитъ во Владиміръ и разскажетъ все брату Андрею Александровичу. Княгиня придумала средство отыскать князя. Она открываетъ Кучковичамъ, что есть у князя любимый песъ, *выжлецъ*, который такъ любитъ князя, что гдѣ бы ни было найдетъ его слѣдъ... Побѣжалъ песъ-выжлецъ, а за нимъ Кучковичи. Скоро они нашли Данила въ струбцѣ, убили его и въ этомъ же струбцѣ схоронили. Послѣ Данилы остался малолѣтный сынъ Иванъ Даниловичъ на рукахъ дядьки Давыда Тудермива [1]). Спустя 2 мѣсяца по смерти отца, дядька тайно увозитъ малютку во Владиміръ къ дядѣ Андрею, и разсказываетъ про смерть Данилы. Андрей собираетъ войско (5,000 вой), идетъ на Суздаль. Кучковичи бѣгутъ къ отцу. Суздальцы выдаютъ свою княгиню Улиту. Андрей казнитъ ее и съ 3,000 суздальцевъ идетъ на Кучка, беретъ его въ плѣнъ и съ дѣтьми и казнитъ ихъ въ 1289 году, марта 17. Отомстивъ кровь брата, Андрей завладѣваетъ селами и слободами Кучки и остается жить въ нихъ, взявъ

---

[1]) Быть можетъ, это испорчено изъ *Тютрюмова*. Въ 1405 году бысть чюдо на Москвѣ въ дому *Тютрюмовѣ*: иде мѵро отъ иконы св. Богородицы и отъ чуд. Николы". (П. С. Р. Л. VIII. 78). Этотъ домъ могъ принадлежать потомку сказаннаго Давыда Тютрюма.

къ себѣ и малолѣтняго племянника Ивана. Потомъ онъ строитъ небольшой деревянный храмъ Благовѣщенія Богородицы, основываетъ около селъ городъ, назвавши его, по рѣкѣ Москвѣ, Москвою. А состроенъ градъ въ лѣто 1291 іюля 27. При постройкѣ ему способствуютъ суздальцы, владимирцы, ростовцы и вси окрестные.

Есть еще сказаніе, по которому основаніе Москвы приписывается князю Данилу Ивановичу. Поѣхалъ князь Данила изыскивать мѣсто, гдѣ бы создать себѣ градъ престольный, и взялъ съ собою нѣкоего гречина Василья, мудра и вѣдуща, чему и впредь быти. И въѣхалъ съ нимъ въ *островъ* теменъ, непроходимъ, въ немъ же болото велико и топко, и посреди острова и болота узрѣлъ Данила звѣря превеликаго троеглаваго и видомъ прекраснаго. Гречинъ Василій заявилъ, что на семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ и роспространится царство треугольное... Князь Данила наѣхалъ въ томъ острову посреди болота *островецъ* малъ, а на немъ хижина, живетъ пустынникъ, имя ему Букалъ и хижина словетъ Букалова, и нынѣ на томъ мѣстѣ царскій дворъ [1]). Послѣ того князь Данила наѣхалъ горы (крутицы), а въ горахъ хижину, а въ хижинѣ живетъ человѣкъ римлянинъ, имя ему Подонъ... на томъ мѣстѣ князь Данила восхотѣ домъ себѣ устроити... Подонъ же рече: здѣсь созиждутъ храмъ Божій и пребудутъ архіереи. Князь Данила въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ заложи градъ и нарече имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ подонскихъ, на хижинѣ Подоновѣ, заложи церковь Спаса...» Такъ фантазировали о началѣ Москвы въ XVII вѣ-

---

[1]) Въ 1615 году мая 31, упоминается церковь Воскресенія Христова, что́ на Букаловѣ А. О. П. № 896. Но видимо, это урочище ошибочно написано вмѣсто *Булгаково*, какъ обыкновенно обозначалась эта церковь — строеніе Булгаковыхъ. Она стояла на Варваркомъ Крестцѣ.

кѣ. По всему вѣроятію, это сказаніе сочинено на Крутицахъ какимъ-либо досужимъ церковникомъ или монахомъ. Книжники и ученые XVII вѣка возводили начало Москвы ко временамъ Мосоха, сына Іафеова...; другіе, болѣе скромные, ко временамъ перваго князя Олега... Все это показываетъ, что умы XVII ст. интересовались происхожденіемъ этого сильнаго и славнаго города Москвы, ея зачаломъ, и рѣшали вопросъ каждый по своему. Но это были уже ученыя, книжныя разсужденія, соображенія и догадки, все больше и больше удалявшіяся отъ эпической, древнѣйшей основы разсказовъ, присутствіе которой такъ замѣтно въ первыхъ легендахъ. Московскій эпосъ сохранилъ, да и не могъ забыть имена первыхъ своихъ героевъ князей Юрья, Андрея, Данила, Ивана, и боярина тысяцкаго, Степана Кучки; онъ только забылъ совсѣмъ года, смѣшалъ событія и самыя лица и помнилъ одно, что городъ основанъ на крови, что кровь пролита по случаю любовныхъ связей. Столько же любопытны и народныя пѣсни о *Москвѣ-рѣкѣ-Смородинѣ*, которой одна изъ нихъ даетъ миѳическій образъ красной дѣвицы [2]).

Какъ бы ни было, но первая страница исторіи Москвы должна начинаться изслѣдованіемъ именно объ этомъ любопытномъ эпическомъ времени ея происхожденія. Авторы какъ будто и не знаютъ о существованіи приведенныхъ легендъ, хотя съ ними легко было бы ознакомиться въ примѣчаніяхъ ко 2-му тому «Исторіи» Карамзина. Одна изъ легендъ напечатана также въ XI книгѣ Временника Общ. И. и Д. Р. Такое молчаніе тѣмъ болѣе непонятно, что авторы упоминаютъ же о бояринѣ Степанѣ Кучкѣ и даже указываютъ новую легенду, будто онъ построилъ деревянный городокъ, назвавъ его

---

[2]) Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV, статья г. Буслаева. стр. 15—18.

по имени рѣки, Москвою; упоминаютъ о пустынникѣ Буколѣ, или Вуколѣ, говоря положительно, что на мѣстѣ его хижины срублена деревянная церковь въ честь Боголѣпнаго Преображенія (Т. II, 28 [1]), и вовсе не указываютъ на источникъ этихъ любопытныхъ свѣдѣній, вовсе не обозначаютъ даже времени, хотя бы приблизительно, когда жили этотъ Кучко и этотъ Буколъ, и не раскрываютъ, по какой причинѣ ихъ имена занимаютъ мѣсто въ текстѣ сочиненія. Намъ кажется, что все это заслуживало болѣе внимательнаго обслѣдованія; по крайней мѣрѣ, эта статья въ исторіи Москвы несравненно важнѣе, чѣмъ напыщенная, хотя тоже довольно старая, явившаяся, вѣроятно, еще въ XVII ст., мысль называть Москву *седмихолмною*, уподоблять ее, по этой причинѣ, Риму и Византіи, мысль, которая не оставляетъ авторовъ въ статьяхъ перваго тома (стр. IV, 86), переносится во второй (стр. 2), и заставляетъ ихъ съ какою-то особенною заботливостью украшать свои разсужденія о ней самыми подробными ссылками на писателей, касавшихся, иной разъ по необходимости, какъ и мы въ настоящемъ случаѣ, этого пустаго вопроса (стр. IV) или, вѣрнѣе сказать, этой пустой археологической фразы. Но таковъ, вообще, пріемъ ученой работы авторовъ. Они, напр., дѣлая ссылку, сравнительно очень значительную, въ три слишкомъ строки, о томъ, какъ думали о седми холмахъ г. Сенковскій и г. Погодинъ, оставляютъ вовсе безъ разъясненія слѣдующую фразу: «Самая природа дала мѣсту Москвы *тройственное раздѣленіе*,

---

[1]) При разсмотрѣніи этого сочиненія по предложенію Академіи Наукъ, мы пользовались также и первыми пятью листами втораго тома, еще неизданнаго, который начинается описаніемъ Кремля и заключаетъ, въ первыхъ пяти листахъ: I. Общее обозрѣніе; II. Церковь рождества Іоанна Предтечи; и III. Спасъ на Бору.

какое имѣли древніе города; оно обозначалось тремя рѣками» и проч. Но какое же тройственное раздѣленіе имѣли древніе города и какое тройственное раздѣленіе имѣла Москва соотвѣтственно своимъ тремъ рѣкамъ?

Мысль о седмихолміи Москвы помѣшала авторамъ внести на свое мѣсто весьма важное свидѣтельство лѣтописи, что первый городъ въ Москвѣ, именно Кремль, построенъ княземъ Юріемъ въ 1156 году, какъ мы упоминали выше. Авторы совсѣмъ пропустили этотъ существенный для исторіи Москвы фактъ. За-то они за положительное разсказываютъ, что на трехъ рѣкахъ Москвы было множество мостовъ, рощи (и это въ древнѣйшую эпоху) и *курени лѣса* [1]). О множествѣ мостовъ, да еще въ древнѣйшую первую эпоху Москвы, мы можемъ судить отчасти даже и по теперешнему состоянію города, въ которомъ пути сообщенія чрезъ рѣки, за исключеніемъ Неглинной, совсѣмъ покрытой мостовою, вообще не богаты мостами, отчего въ весенній разливъ, напр., на Москвѣ-рѣкѣ, подъ Дорогомиловымъ, и москвичи и особенно пріѣзжіе крестьяне положительно бѣдствуютъ и, въ ожиданіи перевоза на паромѣ, проѣдаютъ всѣ вырученныя на торгу деньги [2]). Въ XVII ст., трудно было перебраться даже и черезъ Неглинную. Въ 1642 году новопоставленный патріархъ Іосифъ долженъ

---

[1]) Выраженіе *курень лѣса* употребляется авторами довольно часто и, какъ намъ кажется, неправильно. Курень — слово областное и въ отношеніи лѣса означаетъ лѣсокъ (Иркут.) и мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ. Правильнѣе было бы сказать — *острова*, *островцы*, если авторы желали обозначить отъемныя части лѣса, какъ это обозначаетъ и приведенная легенда. См. Опытъ Об. словаря, Опытъ Термин. словаря и Толковый словарь Даля.

[2]) Теперь только, это благодаря самоуправленію городскаго общества, выстроены наконецъ мосты у Дорогомилова и у Краснаго холма.

[illegible] по тогдашнему обычаю, совершать обхожденіе вокругъ [illegible] стѣнъ Москвы. Пришлось обходить Бѣлый-[illegible] шестые отъ Петровскихъ воротъ приблизилось [illegible] Неглинной, — «а чрезъ Неглинну посту не [illegible] вошелъ дворъ по рѣкѣ и перешелъ ее [illegible] Троицы въ Троицкой— [illegible] Рѣчки нашей и курной лѣса, горазно по-[illegible] быть бы нужно в борщ, который гѣ-[illegible] и [illegible] мѣстность, [illegible] и чтобъ [illegible] [illegible] мѣстности въ [illegible] что и [illegible] и-[illegible] и [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [

вицкаго крутаго мыса [1]), который образовался сліяніемъ рѣкъ Москвы и Неглинной. Площадка эта въ діаметрѣ имѣла около 50 саженъ и къ югу и къ западу спускалась кручами, а къ сѣверу и востоку соединялась на́-ровни съ остальною площадью кремлевскаго крутаго берега. Вся площадь кремлевской горы образуетъ мысъ по направленію отъ с.-в. къ ю.-з. или острый треугольникъ, вершина котораго направляется къ ю.-з., къ устью Неглинной, а основаніе примыкаетъ къ с.-в., гдѣ и сходитъ отлого къ Красной площади Китай-города. Какъ вершина, такъ и стороны образуютъ береговыя кручи. Въ центрѣ вершины, на самомъ видномъ и казистомъ мѣстѣ, стояла древняя церковь Предтечи. Такое положеніе храма вполнѣ оправдываетъ свидѣтельство лѣтописи, что это былъ первый по времени храмъ Москвы. Онъ, безъ сомнѣнія, построенъ былъ посрединѣ древнѣйшаго городища Москвы, именно того городища, которое срубилъ, въ 1156 году, кн. Юрій, какъ говоритъ лѣтопись, на устьѣ Неглинной, слѣдовательно, на самомъ кремлевскомъ мысу, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Въ послѣдствіи, посрединѣ же распространеннаго уже Кремля, при Калитѣ, построенъ соборъ Успенскій. Надо вообще замѣтить, что соборные храмы древнѣйшихъ городовъ — кремлей или крѣпостей, всегда занимали срединное въ нихъ мѣстоположеніе.

Дальше (томъ II, стр. 2) авторы говорятъ, что одинъ изъ *семи* холмовъ, Боровицкій, находится, на трехъ рѣкахъ; на Москвѣ, Неглинной и Яузѣ, что онъ съ *косогорами* и *овра-*

---

[1]) *Ост-рога*, какъ въ старину обозначали такія мѣстности. Всѣ древнѣйшія наши городища насыпаны именно на такихъ „острогахъ", такъ что въ послѣдствіи *городокъ* (Ходаков.), собственно укрѣпленіе, и *острогъ* стали синонимами, и острогами стали называться уже вообще укрѣпленныя мѣста, гдѣ бы такія ни устраивались.

зами. Боровицкимъ холмомъ сами же авторы, т. I, стр. IV, справедливо называютъ собственно кремлевскую гору. Какимъ же образомъ этотъ Боровицкій холмъ лежитъ, между прочимъ, и на Яузѣ? Напротивъ, онъ, пройдя кручею по Варваркѣ и вообще въ Зарядьѣ, удаляется на сѣверъ и образуетъ къ Москвѣ-рѣкѣ и устью Яузы обширную низину, чуть не на квадратную версту. На этой низинѣ построенъ Воспитательный Домъ; въ старину же эта мѣстность называлась Васильевскимъ Лугомъ, на которомъ былъ расположенъ государевъ загородный садъ, также называвшійся Васильевскимъ. Вообще, разстояніе отъ восточнаго ската Кремлевской горы и до устья Яузы простирается на цѣлую версту, даже слишкомъ; слѣдовательно, Кремлевскій собственно холмъ или Боровицкій, какъ одинъ изъ семи, на Яузѣ не лежитъ. Въ отношеніи кремлевскихъ овраговъ, авторы (т. II, стр. 2) продолжая свою рѣчь объ этомъ, свидѣтельствуютъ, что положеніе *дѣтинца* [1]), т. е. древнѣйшаго Кремля, «было неровное, холмы и косогоры тамъ смѣнялись оврагами и полыми мѣстами...» Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя, въ сущности однѣ только фантазіи, вызванныя лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы «большая часть Кремля состоитъ изъ насыпи на грунтѣ...» Дѣйствительно, по случаю современныхъ намъ построекъ, обнаруживались въ разныхъ мѣстахъ кремлевской площади значительные пласты насыпной земли; но припомнимъ, что въ Кремлѣ люди жили и строились въ теченіи 700 лѣтъ; фундаменты, погреба и проч., въ послѣд-

---

[1]) Не помнимъ, чтобы въ лѣтописныхъ или другихъ древнихъ текстахъ Кремль былъ названъ гдѣ-либо *дѣтинцемъ*. Если же онъ такъ не назывался, то едва ли требуется употреблять безразлично это древнее слово, содержащее въ себѣ свой особый смыслъ, который свойственъ лишь доморовской древности.

ствіи заваленные и выровненные, остаются до сихъ поръ свидѣтелями, что въ Кремлѣ не осталось, быть можетъ, мѣста, гдѣ бы не жили люди. Очень понятно, что люди не одинъ разъ пересыпали съ мѣста на мѣсто верхній материкъ кремлевскаго холма и образовали почти всюду слой насыпной земли. Но даетъ ли это поводъ представлять себѣ древнѣйшій Кремль, какъ мѣстность холмистую и даже изрытую оврагами? даетъ ли это поводъ выражаться, наприм., такъ: «Когда еще *холмы* и *овраги* кремлевскіе покрывалъ дремучій боръ... на мѣстѣ хижины... пустынника Букола... срублена... церковь Спаса на бору» (т. II, стр. 28); или: «*на гребнѣ одного изъ кремлевскихъ холмовъ*, лежащихъ къ юго-западу, подъ боромъ, срублена была церковь Рождества Предтечи» (т. II, стр. 22)? Выше мы указали, что̀ въ дѣйствительности было въ этой послѣдней мѣстности, и могла ли быть она отдѣльнымъ холмомъ, эта угловая площадка въ 50 саженъ въ діаметрѣ.

Мы ознакомились съ первыми тремя страницами сочиненія и полагаемъ, что этого достаточно. Трудно исчерпать матеріалъ, который даютъ авторы для критическаго разбора ихъ неточностей, невѣрностей, разныхъ обмолвокъ и недомолвокъ. Послѣдуемъ за ними въ ихъ изложеніи собственно исторіи Москвы.

Намъ кажется, что, приступая къ изложенію исторіи Москвы, авторы не трудились выяснить себѣ вообще задачу ея исторіи. Что̀ такое исторія Москвы? Въ чемъ заключается смыслъ такой исторіи? Авторы въ заглавіи своего труда опредѣляютъ

исторію Москвы, какъ исторію города. Но въ чемъ же должна заключаться исторія города, въ добавокъ, города первопрестольнаго, столицы обширнаго государства, города, который легъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе этого государства. Очевидно, Москва, какъ городъ, имѣетъ въ своей исторіи великій политическій смыслъ, котораго нельзя обойдти даже въ мелочныхъ изысканіяхъ о какомъ-либо ея историческомъ урочищѣ. Что̀ способствовало развитію Москвы, что̀ способствовало ей изъ мелкой княжей вотчины сдѣлаться центромъ, живымъ и сильнымъ центромъ всей русской земли? Не торговля, конечно, не образованность и никакія другія частныя условія народнаго развитія. Она развилась общимъ земскимъ дѣломъ, великимъ дѣломъ народнаго единства, великимъ политическимъ движеніемъ народа къ сознанію своей исторической цѣли. Если было такъ, то Москва должна была выразить, и въ дѣйствительности выразила, въ каждой линіи, въ каждомъ направленіи своихъ стѣнъ, улицъ и переулковъ,—великую народную, а не царскую только, идею политическаго единства. Она росла и развивалась по мѣрѣ того, какъ росла и развивалась въ народѣ эта идея. Каждый новый твердый шагъ этой идеи оставлялъ неизгладимый слѣдъ въ собственномъ ея гнѣздѣ, въ городѣ Москвѣ. На это укажетъ намъ исторія постройки московскихъ *городовъ*, т. е. собственно стѣнъ Кремля, Китая, Бѣлаго, Скородома или Деревяннаго, въ послѣдствіи Землянаго. Какая же реальная сила была представителемъ, олицетвореніемъ этой идеи? Какая реальная сила двигала ростомъ и развитіемъ города, какой законъ управлялъ его постепеннымъ, такъ сказать, органическимъ распространеніемъ, его постепеннымъ заселеніемъ, самою конструкціею его плана? Какая стихія управляла жизнію города, именно въ смыслѣ его развитія, какая стихія давала питаніе ему, отчего онъ годъ отъ году добрѣлъ, наперекоръ врагамъ, наперекоръ чуть

не ежедневнымъ пожарамъ, оставлявшимъ нерѣдко лишь одну обгорѣлую почву, голую, обезображенную землю, на которой снова возрождался городъ, какъ будто выросталъ изъ самой этой пережженной земли, какъ будто жизненныя силы его крылись въ этой закаленной почвѣ? Мы желаемъ указать только на наличную, такъ сказать, первозданную силу, которая непосредственно создавала Москву, и вовсе не думаемъ оспаривать участіе въ ея развитіи другихъ народныхъ силъ, явившихся по необходимости сопутниками первой. Такою реальною силою былъ царь, представитель великой идеи народнаго единства. Москва въ сущности была царскою вотчиною, вотчинниковымъ дворомъ — посреди служебныхъ ему селъ и деревень, ставшихъ потомъ городомъ. Въ этомъ весь смыслъ ея исторіи. Съ первыхъ своихъ дней, пожалуй, хоть со временъ Степана Кучки и до Петра I, она остается *вотчиною* и тянетъ многими своими слободами и деревнями вотчинную службу лично на царя, какъ на своего помѣщика. Вотъ прямой и непосредственный источникъ ея развитія историческаго и топографическаго. Она получаетъ жизнь вотчинниковымъ дворомъ, она развивается, растетъ и добрѣетъ изъ вотчинникова двора, какъ изъ своего сѣмени. Она, въ своемъ ростѣ изъ вотчины, становится государствомъ, царствомъ, вполнѣ сохраняя въ этомъ высшемъ своемъ цвѣтѣ весь свой вотчинный типъ, т. е. всѣ соки, которыми въ теченіе вѣковъ держалась ея жизнь, и которые отсюда разливались по всей землѣ. Русское государство, это, по преимуществу — *вотчинное* государство, которое очень соотвѣтственно называлось, большею частію, *московскимъ* — вотъ плодъ жизненнаго развитія Москвы, вотъ та высшая историческая цѣль, которой принадлежало все ея существованіе. Совершивъ свой жизненный подвигъ, она осталась на покоѣ. Но и до сихъ поръ народъ живо чувствуетъ въ ней мать своего единства, и куда

бы еще ни пошла русская жизнь, народъ никогда не охладѣетъ къ своей старой Матушкѣ-Москвѣ, ибо ею только онъ возродился для государственнаго, а стало быть и для общечеловѣческаго развитія.

Итакъ, основный смыслъ исторіи Москвы есть *вотчинность*, единодержавіе, самодержавіе, что̀ въ сущности одно и то же. Исторія московскаго вотчинника будетъ въ то же время и исторіею Москвы. Если мы пожелаемъ узнать, *какъ* жилъ этотъ вотчинникъ, то мы тутъ же узнаемъ, *какъ* устроивалась и выростала Москва. Нужды, потребности вотчинника, его намѣренія и стремленія, его вѣрованія, его печали и радости—весь онъ самъ выразился самымъ осязательнымъ, нагляднымъ образомъ въ этомъ его старомъ дѣдовскомъ жилищѣ, въ этомъ его *дворѣ*, который мы зовемъ Москвою. Здѣсь мы въ его домѣ, здѣсь мы всюду съ нимъ встрѣтимся: и въ памятникѣ зодчества, и въ мелкой вещицѣ домашняго обихода, и въ расположеніи и планѣ этого обширнаго его жилища, и въ имени мѣстности, обозначившемъ не только роды, но и виды разныхъ службъ хозяину дома. Намъ кажется, что въ Москвѣ, и именно въ старой, древней, до-петровской Москвѣ, ничего другого нельзя было и замѣтить, какъ ея царя-хозяина, ея вотчинника. Все остальное имѣло относительный, такъ сказать, прикладной смыслъ. Все остальное являлось потому, что такъ нужно было вотчиннику, являлось, какъ необходимое условіе его жизни, какъ потребность этой жизни,—являлось, однимъ словомъ, для удовлетворенія нуждъ, стремленій, желаній, вкусовъ, намѣреній вотчинника. А патріархъ, возразятъ намъ, а церковность? развѣ она не была такою же дѣйствующею силою въ созданіи Москвы? Церковность, дѣйствительно, была сильною силой въ развитіи не одной Москвы, но каждаго стараго города. Соборный храмъ былъ всегда сердцемъ такого города: св. Софія въ Новгородѣ, св. Троица въ

Псковѣ — сливали во-едино высшіе интересы горожанъ, единили ихъ патріотическія сердца, направляли дѣла всей области. Но такъ было именно въ тѣхъ городахъ, начало которыхъ и ихъ развитіе совсѣмъ было иное, нежели начало и развитіе Москвы. Такъ было въ городахъ по преимуществу *вѣчевыхъ*. Въ Москвѣ, церковность занимаетъ все-таки второстепенное мѣсто, подлѣ государя-вотчинника. Главнымъ и непосредственнымъ дѣятелемъ города является онъ, вотчинникъ, а не архіепископъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстное время въ Новгородѣ. Въ этомъ и состоитъ различіе исторіи Москвы отъ исторіи старыхъ вѣчевыхъ городовъ.

Но какъ бы ни было, нашъ вопросъ въ томъ, замѣтили ли авторы въ исторіи Москвы главную силу ея жизни и развитія, главное, первое лице ея исторической повѣсти? Излагая— подробно ли, въ очеркѣ ли—исторію такого города, какъ Москва, нельзя же не напасть на эту силу, на это лице, нельзя же было не почувствовать присутствія этой силы, и остаться съ мыслію, что Москва росла такъ-себѣ, сама собою, отъ разныхъ историческихъ случайностей и событій. Но напрасны наши ожиданія! Авторы какъ будто живутъ назадъ тому лѣтъ 50, какъ будто они не слышали и не видѣли всего того, что произошло въ теченіи этого пятидесятилѣтія въ наукѣ русской исторіи, время ихъ—еще до-карамзинское время. Они не усвоили себѣ не только никакого *историческаго* взгляда на свой предметъ, даже и карамзинскаго, но не усвоили и тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые легли въ основу труда нашего, по истинѣ, безсмертнаго историка, и безъ которыхъ невозможна никакая историческая, ни археологическая работа. Хотя и дол-

бы еще ни пошла русская жизнь, народъ никогда не охладѣетъ къ своей старой Матушкѣ-Москвѣ, ибо ею только онъ возродился для государственнаго, а стало быть и для общечеловѣческаго развитія.

Итакъ, основный смыслъ исторіи Москвы есть *вотчинность*, единодержавіе, самодержавіе, что̀ въ сущности одно и то же. Исторія московскаго вотчинника будетъ въ то же время и исторіею Москвы. Если мы пожелаемъ узнать, *какъ* жилъ этотъ вотчинникъ, то мы тутъ же узнаемъ, *какъ* устроивалась и выростала Москва. Нужды, потребности вотчинника, его намѣренія и стремленія, его вѣрованія, его печали и радости—весь онъ самъ выразился самымъ осязательнымъ, нагляднымъ образомъ въ этомъ его старомъ дѣдовскомъ жилищѣ, въ этомъ его *дворѣ*, который мы зовемъ Москвою. Здѣсь мы въ его домѣ, здѣсь мы всюду съ нимъ встрѣтимся: и въ памятникѣ зодчества, и въ мелкой вещицѣ домашняго обихода, и въ расположеніи и планѣ этого обширнаго его жилища, и въ имени мѣстности, обозначившемъ не только роды, но и виды разныхъ службъ хозяину дома. Намъ кажется, что въ Москвѣ, и именно въ старой, древней, до-петровской Москвѣ, ничего другого нельзя было и замѣтить, какъ ея царя-хозяина, ея вотчинника. Все остальное имѣло относительный, такъ сказать, прикладной смыслъ. Все остальное являлось потому, что такъ нужно было вотчиннику, являлось, какъ необходимое условіе его жизни, какъ потребность этой жизни,—являлось, однимъ словомъ, для удовлетворенія нуждъ, стремленій, желаній, вкусовъ, намѣреній вотчинника. А патріархъ, возразятъ намъ, а церковность? развѣ она не была такою же дѣйствующею силою въ созданіи Москвы? Церковность, дѣйствительно, была сильною силой въ развитіи не одной Москвы, но каждаго стараго города. Соборный храмъ былъ всегда сердцемъ такого города: св. Софія въ Новгородѣ, св. Троица въ

Псковѣ — сливали во-едино высшіе интересы горожанъ, единили ихъ патріотическія сердца, направляли дѣла всей области. Но такъ было именно въ тѣхъ городахъ, начало которыхъ и ихъ развитіе совсѣмъ было иное, нежели начало и развитіе Москвы. Такъ было въ городахъ по преимуществу *вѣчевыхъ*. Въ Москвѣ, церковность занимаетъ все-таки второстепенное мѣсто, подлѣ государя-вотчинника. Главнымъ и непосредственнымъ дѣятелемъ города является онъ, вотчинникъ, а не архіепископъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстное время въ Новгородѣ. Въ этомъ и состоитъ различіе исторіи Москвы отъ исторіи старыхъ вѣчевыхъ городовъ.

Но какъ бы ни было, нашъ вопросъ въ томъ, замѣтили ли авторы въ исторіи Москвы главную силу ея жизни и развитія, главное, первое лице ея исторической повѣсти? Излагая— подробно ли, въ очеркѣ ли—исторію такого города, какъ Москва, нельзя же не напасть на эту силу, на это лице, нельзя же было не почувствовать присутствія этой силы, и остаться съ мыслію, что Москва росла такъ-себѣ, сама собою, отъ разныхъ историческихъ случайностей и событій. Но напрасны наши ожиданія! Авторы какъ будто живутъ назадъ тому лѣтъ 50, какъ будто они не слышали и не видѣли всего того, что произошло въ теченіи этого пятидесятилѣтія въ наукѣ русской исторіи, время ихъ—еще до-карамзинское время. Они не усвоили себѣ не только никакого *историческаго* взгляда на свой предметъ, даже и карамзинскаго, но не усвоили и тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые легли въ основу труда нашего, по истинѣ, безсмертнаго историка, и безъ которыхъ невозможна никакая историческая, ни археологическая работа. Хотя и дол-

жно замѣтить вообще, что трудъ Карамзина — мы говоримъ особенно о примѣчаніяхъ къ «Исторіи»—по характеру своихъ критическихъ требованій, по своей отчетливости, точности, ясности, изыскательности, по ширинѣ взгляда на предметъ, остается среди нашихъ теперешнихъ трудовъ какимъ-то недосягаемой высоты памятникомъ,—однако, съ того времени наука успѣла уже многимъ воспользоваться, многое она приняла, такъ сказать, въ свои нравы, въ свои обычаи, и было бы, по меньшей мѣрѣ, удивительно — не слѣдовать этимъ почтеннымъ и вполнѣ наукою оправданнымъ нравамъ и обычаямъ. По крайней мѣрѣ, если не всякому подъ силу воздвигнуть себѣ такой памятникъ, то каждому изъ насъ весьма полезно почаще разглядывать, *какъ* и изъ чего онъ сложенъ, почаще смотрѣть въ него, дабы усвоить и своему труду тотъ строго научный и многосторонній взглядъ, по поводу всякаго, даже и исключительно мелочнаго разысканія. Въ своей «Исторіи», Карамзинъ, конечно, во многомъ уже устарѣлъ, отсталъ, но въ своей критической изыскательности, въ ученомъ тактѣ, въ археологическомъ чутьѣ, если можно такъ выразиться, съ которыми онъ велъ комментарій къ своей «Исторіи», — онъ все еще молодъ, все еще впереди насъ, все еще указываетъ намъ путь; хотя, по правдѣ, мы очень рѣдко ему слѣдуемъ. И лучшимъ доказательствомъ этому служитъ предлежащее сочиненіе.

Въ изложеніи исторіи Москвы авторы нисколько не обнаружили никакого знакомства съ современнымъ состояніемъ русской исторической науки, съ тѣми ея пріобрѣтеніями, которыя совершены въ послѣднія 20—30 лѣтъ. Они нигдѣ не обнаружили никакого знакомства съ усвоенными уже наукою общими выводами о существенномъ смыслѣ нашей исторіи и, особенно, въ ея московскій періодъ. Мы не говоримъ уже о совершенномъ отсутствіи какого-либо связнаго взгляда вооб-

ще на задачу исторіи. Для нихъ *исторія* есть простой, хронологическій пересказъ по княженіямъ и царствованіямъ всего того, что̀ касается, а въ иныхъ случаяхъ даже и того, что̀ вовсе не касается Москвы, т. е., по крайней мѣрѣ, ея исторіи. Они не съумѣли отличить простой, сырой историческій или археологическій матеріалъ отъ исторіи, и потому назвали *исторіею—одно лишь хронологическое размѣщеніе* этого *матеріала*, размѣщеніе, большею частію, не совсѣмъ складное, вовсе не обнаруживающее критической научной работы и обозначившее только стремленіе занести на страницу все, годное и негодное, что̀ случайно попало подъ руку. Ни одинъ вопросъ не то что не обслѣдованъ, а даже и не обставленъ матеріаломъ сколько-нибудь полно и кругло. Что̀ случайно попало, то и вмѣщалось въ страницу и, очень нерѣдко, съ совершеннымъ abrupto, съ нежданнымъ обрывомъ, безъ малѣйшей связи, безъ всякаго соотношенія съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Для доказательства, указываемъ на любую страницу, гдѣ именно сводятся разнородныя указанія и факты.

Въ исторіи Москвы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ ея распространеніе и, стало быть, постепенное размноженіе ея населенія. Взглянемъ, какимъ образомъ выясненъ авторами этотъ интересный вопросъ. Выдавъ за положительное, что деревянный городокъ Москву построилъ Кучко (стр. III), они ни слова не сказываютъ о томъ, сколько именно мѣста *могъ* занимать этотъ первый городокъ; все ли пространство теперешняго Кремля онъ занималъ, или только часть его, и какую часть, и гдѣ именно, ибо нынѣшній Кремль обширенъ. Недостаточно сказать: на Боровицкомъ холмѣ, надъ Москвою-рѣкою. Лѣтопись, относя постройку перваго города къ кн. Юрію и къ 1156 г., прямо указываетъ, что—на устьѣ Неглинной, слѣдовательно, въ ю.-з. углу нынѣшняго Кремля, на мысѣ

Кремлевской горы. Но авторамъ совсѣмъ не было извѣстно это важное свидѣтельство. За тѣмъ, по порядку слѣдовало бы ожидать разысканій о первыхъ церквахъ Москвы, тѣмъ болѣе, что на церкви почти исключительно устремлены изысканія и указанія авторовъ. Но, упоминая о *множествѣ* мостовъ, о *седьми* холмахъ, они не говорятъ о церквахъ ни слова и начинаютъ свои указанія о нихъ только съ обозрѣнія времени Ивана Калиты. Положимъ, что извѣстія объ этомъ очень скудны, но нельзя же оставлять здѣсь пробѣла, не объяснивъ даже, почему долженъ существовать такой пробѣлъ. Уже въ нашествіе Батыя, зимою 1237 — 1238 г., Москва является довольно значительнымъ городомъ. Вотъ, что̀ говоритъ лѣтописецъ: «А татарове идоша (отъ Коломны) къ Москвѣ. Тое же зимы *) взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную хрестьяньскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша отъ старьца и до сущаго младенца, а *градъ и церкви святыя* огневи предаша, и *монастыри* вси и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша». (П. С. Р. Л. I,196). Авторы же указываютъ только, что Москва испытала въ то время одинаковую участь со всею Россіею. Не въ участи дѣло, и не объ этомъ должна идти главная рѣчь. Дѣло въ томъ, *какова* была Москва въ это нашествіе. Она была *градъ*, въ ней были *церкви* и даже *мона-*

*) Въ генварѣ 1238 г. Въ то время лѣтосчисленіе велось отъ Сотворенія Міра и годъ начинался съ 1 Марта. Если слѣдовать общепринятому способу при переводѣ лѣтъ Міра на счисленіе отъ Р. Х., по которому для Мартовскихъ годовъ при мѣсяцахъ Генварѣ и Февралѣ вычитаютъ, изъ лѣтъ Міра, (какъ въ настоящемъ случаѣ изъ 6745) цифру 5508, то взятіе Москвы придется въ 1237 году, какъ и мы сначала показывали ошибочно. Но согласуясь съ свидѣтельствами лѣтописей, необходимо для упомянутыхъ мѣсяцевъ дѣлать вычетъ цифрою года 5507-го, о чемъ см. ниже въ статьѣ: Семисотлѣтіе Москвы.

стыри,—вотъ что̀ важно и чего вовсе не замѣтили авторы. Упоминаютъ же они о московскомъ князѣ *Михаилѣ* Хоробритѣ. Позволительно, даже необходимо было сдѣлать догадку: не онъ ли въ честь своего ангела построилъ церковь св. Михаила, которая, въ послѣдствіи, стала Архангельскимъ соборомъ. Такія догадки въ нашей исторіи почти всегда оправдываются самымъ дѣломъ, ибо извѣстно, что созиданіе храмовъ въ честь своихъ тезоименитыхъ ангеловъ было въ древней Руси дѣломъ общаго благочестиваго обычая. Упоминаютъ авторы, что преемникомъ Хоробрита былъ Даніилъ, сынъ Невскаго, тогда какъ Хоробритъ былъ убитъ Литвою, по ихъ же словамъ, въ 1248 г., а Даніилъ только родился въ 1261 г. слѣдовательно, его преемникомъ уже никакъ быть не могъ.

Одна изъ легендъ о началѣ Москвы упоминаетъ, напримѣръ, что кн. Андрей Александровичъ, братъ Даніила, воздвигъ деревянную церковь Благовѣщенія (соборъ Благовѣщенскій) въ 1291 г., «невелику сущу, построилъ градъ и устрои Божія церкви *многи*». Положимъ, что объ этомъ говоритъ легенда, сказаніе сомнительное; но все же было необходимо критически оцѣнить такое свидѣтельство, тѣмъ болѣе, что въ немъ, какъ увидимъ, есть много правды. Въ 1293 г., Москва взята татарами; но въ 1308 году, она снова является крѣпкимъ городомъ, ибо тверской князь Михаилъ приходилъ тогда къ ней ратью со многою силою, «и бысть бой у Москвы... а *града не взя* и не успѣвъ ничто же, возвратися», (П. С. Р. Л. VII,185).

О церквахъ, ихъ количествѣ, мы можемъ судить по извѣстіямъ о пожарахъ. Подъ 1343 г., лѣтописецъ замѣчаетъ: «Мая 31 погорѣ городъ Москва, церквей изгорѣло 28, въ пятнадцать лѣтъ (1328—1343), се уже на Москвѣ четвертый пожаръ бысть великой». Дѣйствительно, въ 1337 г.

«бысть пожаръ на Москвѣ (Москва вся погорѣ), згорѣ церквей 18; въ 1331 г. мая 3 бысть пожаръ на Москвѣ, погорѣ городъ Кремль» (П. С. Р. Л. VII). Этихъ свидѣтельствъ не приведено вовсе у авторовъ, но они важны, ибо даютъ понятіе, что и до времени Калиты, еще при его братѣ Юрьѣ, Москва, судя по числу церквей, была уже достаточно населена. Они же служатъ подтвержденіемъ свидѣтельству о церквахъ Москвы, разоренной, опустошенной Батыемъ. Пропустивъ эти первыя свидѣтельства о количествѣ церквей въ древней Москвѣ, авторы (стр. VI) совершенно случайно, обрывочно, упоминаютъ, что въ 1354 г., въ ней сгорѣло *13 церквей*. Это событіе случилось уже не при Калитѣ, такъ помѣщаютъ его авторы, а при другомъ сынѣ Калиты, Иванѣ. О немъ лѣтописецъ говоритъ такъ: «Погорѣ городъ Москва *Кремникъ* весь, церквей сгорѣло 13» (П. С Р. Л. VIII). Итакъ, для характеристики Москвы въ первую ея эпоху, до Калиты, авторы не собрали даже очень извѣстныхъ и притомъ очень необходимыхъ свидѣтельствъ. Очень естественно, поэтому, что они не могли замѣтить и общаго смысла въ дѣятельности Калиты.

Иванъ Даниловичъ Калита, въ отношеніи устройства Москвы, является такимъ же неустаннымъ дѣятелемъ, какимъ въ концѣ XV вѣка былъ его достойный потомокъ в. к. Иванъ Васильевичъ. Онъ строитъ (1326 г.) *первую каменную* церковь Успенія (соборъ) *на площади*; тамъ же строитъ (1329) каменную же церковь Іоанна Лѣствичника (Иванъ

Великій). Въ 1330 г., онъ строитъ *близъ своего двора каменную* церковь Спаса и учреждаетъ при ней монастырь. Это—Спасъ *на Бору*. Обозначеніе урочища на Бору можетъ указывать, что и эта церковь одна изъ древнѣйшихъ въ Москвѣ, ибо во время Калиты едва ли оставался здѣсь боръ, когда вблизи была *площадь* и дворъ в. князя. Лѣтомъ 1333 г. (а не 1330, какъ сказано авторами, стр. V) онъ строитъ *каменную* церковь Архангела Михаила (Архангельскій соборъ), а въ зиму 1339 — 1340 г. (а не въ 1346 г., какъ сказано на стр. VI) обноситъ городъ, т. е. Кремникъ, *дубовыми* стѣнами, чрезъ два года послѣ пожара, когда сгорѣла *вся* Москва. Такимъ образомъ, Иванъ Калита *камнемъ* утверждаетъ вѣковѣчныя мѣста и донынѣ существующихъ всѣхъ почти главныхъ зданій Кремля; онъ чертитъ окончательный планъ будущаго Кремля. Объ этихъ постройкахъ упоминаютъ и авторы, но упоминаютъ безъ всякаго единства мысли, безъ всякой связи, размѣщаютъ эти извѣстія между различными фразами, изъ которыхъ одна, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что Москва была «*посредницею* (при Калитѣ!) *торговыхъ оборотовъ сѣверо-востока съ юго-западомъ*....» Авторы какъ будто не понимаютъ всей важности такого замѣчанія именно для исторіи Москвы. Но это только фраза. Во фразахъ потонуло и главное дѣло — личность Калиты, какъ строителя и устроителя Москвы, какъ перваго начинателя той московской политики, преданіями которой жило его потомство и со славою окончило свое поприще, объединивъ окончательно русскую землю. Неужели общее и потому слишкомъ безцвѣтное замѣчаніе, что «Калита заботился о распространеніи своихъ владѣній, о населеніи своей отчины Москвы и умноженіи своихъ доходовъ» (стр. VI), можетъ хоть сколько-нибудь характеризовать его настоящую дѣятельность? Если и время Калиты въ исторіи Москвы не получило у авторовъ на-

длежащей выпуклости, то что̀ же говорить о ближайшихъ его преемникахъ? «Два кратковременныя княженія Іоанна II и Симеона — говорятъ авторы, ставя почему-то имена не хронологически — не оставили слѣдовъ въ Москвѣ». Однакожь, время Симеона, который, какъ старшій сынъ, непосредственно слѣдовалъ за отцомъ своимъ, Калитою, очень замѣчательно по дѣятельности другого рода. При немъ всѣ выстроенныя Калитою церкви были украшены стѣннымъ иконописаніемъ. Въ 1344 г., на другое лѣто послѣ пожара, когда въ Москвѣ сгорѣло 28 церквей и когда, вѣроятно, были возобновлены оставшіяся церкви каменныя, «*початы быша* подписывати двѣ церкви: Успеніе Пречистые и Архангелъ Михаилъ». Пречистую подписывали Греки, иконописцы митрополита Ѳеогноста, и окончили свое дѣло въ одно лѣто; а Архангела—«подписывали Рустіи писци и ни половины не кончили, величества ради церкви тоя». На другое лѣто, въ 1345 г., «почаша подписывати Спаса въ монастырѣ (на бору)», а мастеромъ былъ старѣйшина Гойтанъ, также русскій, ученикъ Грековъ (гойтанъ, значитъ—снуръ, поясъ, гашникъ). На третье лѣто, въ 1346 г., кончали подписывать три церкви — Спаса, Архангела и Іоанна Лѣствичника. И тогда же были слиты три колокола большихъ, да два малыхъ, а лилъ мастеръ Бориско, который слилъ «колоколъ великъ» и для новгородской св. Софіи. Такимъ образомъ, первые годы княженія Симеона служатъ какъ бы продолженіемъ дѣятельности Калиты и оставляютъ память въ исторіи водвореніемъ въ молодой Москвѣ иконописнаго и литейнаго художествъ. Оставить безъ вниманія такое обстоятельство, какъ это сдѣлали авторы, по нашему мнѣнію, не позволяла самая задача ихъ труда.

Въ обозрѣніи княженія Ивана Калиты авторы касаются древнѣйшаго состава города и говорятъ, что, «въ концѣ XIV вѣка, Москва уже состояла изъ *города* или дѣтинца, заго-

родка и зарѣчья». Первое свѣдѣніе о составѣ города мы получаемъ изъ лѣтописнаго свидѣтельства о пожарѣ Москвы въ 1365 г., гдѣ сказано: «Загорѣся городъ Москва отъ Всѣхъ Святыхъ [1]) сверху (рѣки Москвы) отъ Черторьи (Пречистенки) и погорѣ *посадъ* весь и *Кремль* и *зарѣчье*...» Вотъ точное и правильное обозначеніе состава древней Москвы, которымъ, къ сожалѣнію, авторы не пользуются и употребляютъ, вмѣсто *посадъ*—загородокъ, слово, неточно выражающее сущность дѣла. Неизвѣстно, на какомъ основаніи они говорятъ тутъ же, что, при построеніи дубоваго города при Калитѣ, *главными въѣздными воротами* были *боровицкіе*, потомъ фроловскіе или спасскіе. Главными воротами Кремля всегда были и есть одни спасскіе, ибо они вели съ *торгу* или съ *большого посада*, а боровицкіе всегда имѣли значеніе дворцовое, наиболѣе значеніе калитки Кремля, чѣмъ воротъ, ибо они вели ко всѣмъ хозяйственнымъ и служебнымъ слободамъ и мѣстамъ княжескаго дворца, да и въѣздъ въ нихъ былъ до крайности крутъ даже еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Что̀ же было при Калитѣ? Изъ нихъ хорошо было ѣздить на *подолъ* Кремля, къ житному двору. Они и построены собственно въ стѣнѣ, калиткою, а не въ башнѣ, т. е. не *воротами* городовыми въ прямомъ значеніи, каковы были трое настоящихъ воротъ: спасскіе, никольскіе, троицкіе.

Давая подобныя невѣрныя указанія, авторы все-таки ни слова не сказываютъ о пространствѣ, какое занимала Москва Калиты, съ своимъ посадомъ и зарѣчьемъ; гдѣ были концы, предѣлы этого посада и этого зарѣчья, какую окружность представляло тогдашнее населеніе Москвы?

---

[1]) Церковь, бывшая у городской стѣны, *въ валу*, (XVII ст.) и разобранная по случаю постройки храма Христа-Спасителя.

Послѣ великаго пожара, на другой же годъ, въ 1366 г., в. к. Димитрій замыслилъ поставить городъ Москву *камень*. «Въ ту зиму и камень повезоша ко граду, а весною 1367 почали ставить.» Замыселъ былъ необходимый. Каменныя стѣны тотчасъ же пригодились для защиты и отъ другого врага. Послѣ сорокалѣтней тишины, Москва при Донскомъ испытала, въ 1368 г., *первое зло* отъ Литвы. Приходилъ Олгердъ; внезапно явился и сталъ около города. Москвичи, однакожь, успѣли выжечь посадъ, боясь *примету*, т. е. приступу. Три дня и три ночи простоялъ Олгердъ, но города не взялъ, за-то остатокъ посада «пожже и монастыри и церкви и волости и села попали»... Въ 1370 г., Олгердъ снова подошелъ къ Москвѣ, стоялъ 8 дней и только *посадъ* «пожже, но не весь, а волости повоева и пожже...» Въ 1382 г. августа 26, Москва-городъ былъ взятъ, разоренъ и сожженъ царемъ ордынскимъ Тактамышемъ. Сказаніе объ этомъ событіи указываетъ на устройство крѣпости: въ ней были *забрала* градныя, стѣны каменны, а врата желѣзны, стрѣльницы (башни), около рвы.... Нельзя пройдти молчаніемъ и того обстоятельства, что, на время осады, «*книгъ* толико множество снесено со всего города и изъ загородья и изъ селъ, и въ соборныхъ церквахъ до тропа (стропа, свода) наметано, сохраненья ради спроважено,—то все безъ вѣсти створиша, все пропало, пожжено огнемъ». Вообще, сказаніе о нашествіи Тактамыша раскрываетъ и богатство и населенность города, ибо, по его свидѣтельству, когда окончилось бѣдствіе, горожане похоронили будто бы 24,000 труповъ. «Былъ дотолѣ градъ Москва великъ и чуденъ и много людей въ немъ кипяше богатствомъ и славою, превзыде вся грады въ рустѣй земли честію многою...» Жизнь Москвы, однакожь, въ это уже время такъ крѣпко сложилась, что ни эти страшныя нашествія, отъ которыхъ гибло, было уводимо въ плѣнъ столько людей, ни по-

жары, сопровождавшіе такія нашествія или же очень часто отъ домашнихъ причинъ возникавшіе и истреблявшіе столько богатства, столько накопленнаго труда,—ничто не могло ослабить, обезсилить этотъ зародышъ нашей политической жизни. Москва снова молодѣла, снова крѣпла въ своихъ силахъ, послѣ каждаго такого событія. Даже внѣшнимъ своимъ видомъ она становилась красивѣе, богаче. Все крѣпче и прочнѣе она созидала свой внѣшній образъ, свою скорлупу, если возможно такъ выразиться, эту видимую оболочку своей внутренней невидимой исторической силы. Сколько разъ мѣстность ея поливалась сплошь кровью, выгорала до почвы... Школа Москвы есть школа великихъ бѣдствій, великихъ ужасовъ и несчастій, которыя, падая на даровитую почву, возбуждали только еще больше силъ и стремленій.

И вотъ, черезъ 8 лѣтъ послѣ нашествія Тактамыша, когда на мѣстѣ Москвы, и посада и Кремля, ничего иного не было видимо, какъ дымъ и земля, «трупіа мертвыхъ многихъ лежаща, церкви запалены и падошася, каменныя выгорѣвша внутрѣ и огорѣвша внѣ... и все бяше видѣти пусто, ни единаго человѣка видѣти по пожару ходяща»... послѣ такого несказаннаго бѣдствія, чрезъ 8 лѣтъ, мы слышимъ отъ лѣтописца, что, въ новый пожаръ 22 іюня 1390 г., на *посадѣ* Москвы *нѣколико тысячь дворовъ сгорѣ*. Затѣмъ чрезъ 5 лѣтъ на томъ же посадѣ снова сгорѣ *нѣколико тысячь дворовъ* (П. С. Р. Л. VIII, 60 — 65). Такимъ образомъ, достаточно было пяти-шести лѣтъ, чтобы посадъ снова молодѣлъ свѣжими постройками, тысячами дворовъ. Явилась мысль оградить его, по крайней мѣрѣ, рвомъ, на случай приступа враговъ, а, быть можетъ, и съ цѣлію охранить отъ частыхъ пожаровъ. Въ 1394 г., осенью, «замыслиша ровъ копати и почаша съ *Кучкова поля*, а конецъ въ Москву рѣку, шириною въ сажень, глубиною въ ростъ человѣка. Много бысть

убытка людямъ, потому что поперекъ дворовъ копаша и много хоромъ разметаша, а *не учиниша ничтоже, а ничего не доспѣша.*» Вотъ все, что̀ по этому поводу сказано въ лѣтописи, которая при этомъ свидѣтельствуетъ, что замыслъ почему-то не удался, не довелъ до цѣли (быть можетъ относительно сооруженія укрѣпленій) и былъ оставленъ, ибо посадъ, какъ увидимъ, остался все-таки безъ защиты. Не такъ выходитъ по словамъ авторовъ. Они присовокупляютъ отъ себя, что ровъ былъ копанъ, между прочимъ, для *расширенія* посада, и, не сказавъ ни слова о томъ, что «замысломъ ничего не доспѣша», положительно утверждаютъ слѣдующее: «Ближній посадъ, примыкавшій къ каменному городу, укрѣпленъ былъ *деревянными стѣнами вдоль большой улицы* по берегу Москвы-рѣки, Яузы и Неглинной» (стр. VIII). Откуда все это взято—Богъ-вѣсть! Какая это *большая* улица, которая тянулась по берегу Москвы-рѣки, по берегу Яузы, по берегу Неглинной? Очевидно, что авторы говорятъ объ основаніи деревянныхъ стѣнъ кругомъ всего Китай-города. Лѣтопись объ этомъ молчитъ, а топографія указываетъ каждому, что стѣны Китая и теперь отстоятъ отъ устья Яузы больше, чѣмъ на полверсты, а отъ ея потока больше чѣмъ на версту, ибо ея потокъ идетъ почти перпендикулярно къ стѣнамъ Китая и только устьемъ подходитъ къ нимъ на указанное разстояніе. Извѣстно, что, только въ 1534 г., «сдѣланъ бысть *градъ* на Москвѣ *земляной* по тому мѣсту, гдѣ «мыслилъ ставити в. к. Василій Ивановичъ», въ тотъ годъ умершій, что сдѣланъ градъ *на большое пространство* Москвы, что «хитрецы устроиша его вельми мудро, начевъ отъ каменныя большія стѣны (отъ Кремля) *исплетаху тонкій лѣсъ* около большаго древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утвержаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ (со стороны Неглинной) и на версѣ

устроиша градъ древянъ по обычаю (т. е. помостъ съ кровлею, для защиты)... и нарекоша граду имя *Китай*» [1]); что на постройку града былъ сборъ серебра съ боярства, духовенства и всѣхъ торговыхъ людей; что въ томъ же году, а по другой лѣтописи, на другой годъ, на бо̀льшее утвержденіе граду, в. к. Елена съ сыномъ повелѣла заложить вкругъ града Китая каменную стѣну, «повелѣла *градъ каменъ* ставити *подлѣ земляной городъ*». Тогда же, 16 мая 1535 г., по освященіи мѣста, подошву градную основалъ мастеръ Петръ Малой Фрязикъ. (Сравн. сказаніе авторовъ стр. XV).

Время Василья Дмитріевича также извѣстно украшеніемъ иконописью возобновленныхъ послѣ пожаровъ, а частію и вновь сооруженныхъ церквей. При немъ построена и подписана (1393—1395 г.) церковь Рождества Богородицы (впослѣдствіи у Царицы-на-сѣнехъ), подписаны соборы Архангельскій (1399 г.) и Благовѣщенскій (1405 г.). Мастерами, при расписываніи первыхъ двухъ церквей, были: Ѳеофанъ Гречинъ, Семенъ Черный, съ ихъ учениками, въ числѣ которыхъ находился, какъ можно предполагать, и знаменитый *Андрей Рублевъ* (Радонежскій), расписывавшій, въ 1405 г., соборъ Благовѣщенскій, вмѣстѣ съ старцемъ (монахомъ) Прохоромъ съ Городца (Радонежа?), и въ 1408 г. великую церковь Владимірскую, вмѣстѣ съ иконникомъ Даниломъ. Около того же времени (1404 г.) великій князь поставилъ на своемъ дворѣ *часы* чудны вельми и съ *луною*, устроенные Лазаремъ Сербиномъ.

---

[1]) Прозваніе *Китай*, по всему вѣроятію, значитъ: *плетеничный*; ибо *китъ* есть веревка, сплетенная или свитая изъ травы; *кита*—плетеница, витушка, веревка изъ травы, соломы, изъ хворосту, которою вяжутъ одонья, кровли; *кита*, *кить*, вообще означаетъ длинный стебель, и также соломенную веревку. Описанное устройство китай-городскихъ первыхъ стѣнъ вполнѣ можетъ подтверждать такой смыслъ этого прозванія. *Толковый Словарь Даля.*

Изъ этихъ свидѣтельствъ мы справедливо можемъ заключать, что, вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ, иконописное художество, безъ сомнѣнія, рядомъ съ другими, не только не было чуждо Москвѣ, а напротивъ, въ лицѣ Андрея Рублева, монаха Сергіевскаго монастыря, достигло такой высоты, на которую указывалъ, какъ на образецъ, даже XVI-й вѣкъ (Стоглавъ), которую и теперь знатоки признаютъ выше всего, что̀ осталось въ этомъ отношеніи отъ русскаго древняго художества. Стало быть, въ это время въ Москвѣ процвѣтала очень замѣчательная иконописная школа, и потому, намъ кажется, что Андрей Рублевъ съ своимъ художествомъ имѣютъ несравненно больше историческаго права быть упомянутыми на своемъ мѣстѣ въ подробной исторіи Москвы, чѣмъ, напримѣръ, Эдигей, нашествіе котораго окончилось ничѣмъ: сожженъ былъ, по обыкновенію, самими же жителями только посадъ. Авторы вообще съ большею охотою разсказываютъ подробности *событій*, которыя иной разъ совсѣмъ не касаются исторіи Москвы, какъ города. Такъ, они подробно излагаютъ междоусобіе Василія Темнаго съ дядею и братьями, которое, какъ фактъ, для исторіи Москвы-города, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы пересказывать весь московскій періодъ русской исторіи.

Обозрѣвая княженіе Темнаго, авторы отмѣчаютъ, что «митрополичій дворъ съ прежняго мѣста *подъ боромъ* перенесенъ ближе къ великокняжескому двору и Успенскому собору (XI). Но когда это послѣдовало? При Темномъ? Въ это время, въ 1450 г., митрополитъ Іона выстроилъ только на *своемъ дворѣ* палату камену, а въ ней церковь Положенія Ризы Богородицы. Митрополичій дворъ при Петрѣ-митрополитѣ находился близъ церкви Іоанна Предтечи *на бору*, а не *подъ боромъ*, — первой соборной церкви въ Москвѣ, и перенесенъ оттуда не при Темномъ, ибо нѣтъ свидѣтельствъ на это, а

по всему вѣроятію, еще при Калитѣ, когда былъ выстроенъ новый соборъ Успенскій, подлѣ котораго и основался митрополитъ съ сѣверозападной стороны. Въ Никоновской Лѣтописи даже прямо сказано, что митрополитъ Петръ «заложи на Москвѣ, на площади, *у своего двора*, церковь первую каменну» и проч. (Ник. III, 130).

Подобными неточностями разбираемое сочиненіе, можно сказать, изобилуетъ. Такъ, приступая къ обозрѣнію государствованія в. к. Ивана Васильевича, авторы отмѣчаютъ: «Въ Кремлѣ, мѣсто Ордынскаго подворья заступила церковь Николая Гостунскаго, а мѣсто Ханскаго конюшеннаго двора — Чудовъ-монастырь» (стр. XII). Читатель будетъ введенъ въ заблужденіе, ибо извѣстно, что Чудовъ-монастырь основанъ митрополитомъ св. Алексіемъ, за 12 лѣтъ до его кончины; въ 1377 г., въ годъ кончины, онъ и погребенъ тамъ въ церкви Михаила-Чуда. Еще св. Алексѣй «устрои ту общій монастырь... постави въ немъ трапезу велію камену и погребы камены ...» Въ 1501 г., Иванъ Васильевичъ разобралъ ветхую церковь, построенную Алексіемъ, и выстроилъ новую, освятивъ ее въ 1503 году.

Должно быть изъ желанія выказать болѣе и безъ того очевидныя заслуги вел. кн. Ивана Васильевича, авторы свидѣтельствуютъ, что при немъ «*весьма немногія* церкви въ Кремлѣ были каменныя, а *большая часть* деревянныя» и проч. Напротивъ, ко времени Ивана, въ Кремлѣ почти всѣ извѣстныя и важнѣйшія церкви были уже каменныя; деревянныя же, если и равнялись числомъ съ каменными, то были такъ незначительны, что мы не знаемъ даже ихъ именъ и можемъ только догадываться, что это были большею частію церкви домовыя боярскія и *застѣнныя*, т. е. придѣльныя къ каменнымъ, какія тогда устраивали нерѣдко. Въ пожаръ 1476 г., обгорѣло каменныхъ 11 церквей и 10 *застѣнковъ* или придѣ-

ловъ, а деревянныхъ сгорѣло 12 церквей и 2 *застѣнка*, придѣланныхъ къ Архангельскому каменному собору. Это едва ли не все, что̀ оставалось въ Кремлѣ деревяннаго изъ церквей. Такіе *застѣнки*, каменные, и теперь еще существуютъ у Архангельскаго собора, пристроенные къ алтарнымъ стѣнамъ, одинъ во имя Покрова, другой во имя Іоанна Предтечи, гдѣ находится гробница Скопина-Шуйскаго. Что же касается деревянныхъ церквей въ Кремлѣ, то двѣ послѣднія изъ нихъ существовали еще во время царя Алексѣя, когда по его указу 1651 г. марта 1 онѣ были разобраны и на мѣсто ихъ «мѣрою противъ старыхъ деревянныхъ» были выстроены каменныя, одна Муч. Христофора, что у Холопья Приказа, другая царя Константина и Матери его Елены, что подъ горою. По смѣтѣ на обѣ церкви на всякіе запасы денегъ потребовалось 985 р.

Далѣе: «Для расширенія города велѣно снести за Неглинную (откуда—изъ Кремля?) церкви и дворы, чтобы между городскими стѣнами и строеніемъ оставалось полое мѣсто, застѣнье, во 110 сажень». Лѣтопись говоритъ подъ 1493 г.: «Церкви сносиша и дворы за Неглинною» (т. е. на посадѣ, въ Занеглименьѣ, а не изъ Кремля); что было сдѣлано не для расширенія, а для охраненія города отъ пожаровъ, точно такъ, какъ въ 1495 г., «князь великій повелѣ сносити церкви и дворы за рѣкою Москвою, противъ города и повелѣ на тѣхъ мѣстехъ чинити садъ», также съ цѣлію отдалить отъ Кремля опасность пожара, который въ 1493 г., начавшись именно за Москвою-рѣкою, опустошилъ почти весь городъ. Противъ такой *нечести государской великой*, что церкви старыя, извѣчныя, выношены изъ города вонъ, да и монастыри старые, извѣчные, съ мѣста переставлены, — возставалъ новгородскій архіепископъ Геннадій, указывая, что и общественное мнѣніе было на его сторонѣ, что даже въ Кі-

евѣ шелъ слухъ, что князь великій на Москвѣ церкви *всѣ* выметалъ вонъ (Акт. Арх. Эксп. I, 481). Основаніемъ такой молвы была, вообще, непомѣрная строительная дѣятельность Ивана Васильевича, почти сплошная перестройка всего города, всѣхъ старыхъ зданій города. Само собою разумѣется, что, при постройкѣ каменныхъ стѣнъ Кремля, нѣкоторыя малыя церкви были переставлены на новыя мѣста, а иныя и совсѣмъ перенесены изъ города (Кремля) вонъ. Но все это дѣлалось не по случаю одного только распространенія города, а главнымъ образомъ, по случаю его совершеннаго обновленія. Со стороны Неглинной, Кремль, дѣйствительно, былъ нѣсколько распространенъ, когда въ 1495 г. здѣсь заложены каменныя стѣны—«не по старой основѣ, а града прибавиша». Но все-таки нѣтъ извѣстія, чтобы кремлевскія церкви были вынесены за Неглинную, а были переставлены церкви за Неглинной, подальше отъ города.

Хотя авторы и говорятъ, что государствованіе Ивана III составляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи Москвы, однако, въ своемъ описаніи его времени нисколько не выясняютъ дѣйствительной важности и особаго значенія этой замѣчательной эпохи. Казалось бы, въ подробномъ историческомъ описаніи Москвы, на чемъ больше и остановиться, какъ не на времени Ивана III. Между тѣмъ, авторы удѣляютъ на всю исторію этого времени только три страницы, XII—XIV. На одной, XII, обозначаютъ голыми, часто неточными, какъ указано, фразами строительную дѣятельность Ивана Васильевича; на другой — описываютъ пожары, и при нихъ ни одного года не ставятъ вѣрно (вмѣсто 1442, слѣдуетъ 1472; вм. 1475, слѣд. 1476; вм. 1481, слѣд. 1488). Тутъ же поставляютъ слово *Скородомъ*, не давая ему вѣрнаго объясненія: «На пожарищахъ ставились готовые срубы. Такое *строеніе* называлось Скородомомъ».—*Скородомомъ* назывался весь

деревянный посадъ, лежавшій за стѣнами Бѣлаго-города и за Москвою-рѣкою, противъ Кремля и Китая. При Ѳедорѣ Ивановичѣ онъ былъ обнесенъ деревянною стѣною, и, по всему вѣроятію, съ этого только времени сталъ обозначаться именемъ *Скородома*, т. е. съ того именно времени, какъ получилъ значеніе города отъ постройки стѣнъ. Не *строеніе*, слѣдовательно, а самая значительная часть города, вся совокупность улицъ и слободъ (съ XVII ст. и донынѣ: *Земляной городъ*) называлась Скородомомъ, и называлась такъ потому, что ставила *скоро домы*, большею частію избы, которыя готовыми срубами продавались въ лѣсныхъ рядахъ или станахъ; скоро обновляла свои постройки послѣ каждаго пожара. Затѣмъ, неправильно авторы называютъ *рогатками* уличныя *рѣшетки*, устроенныя въ 1504 г. Рогатка и рѣшетка не одно и то же. Рогатка—брусъ съ острыми спицами, а рѣшетка — крѣпкій заборъ съ воротами, запиравшійся рѣшетчатыми щитами, которые собственно и составляли рѣшетку.

На третьей полстраницѣ авторы замѣчаютъ, что «внѣшнее устройство города не могло обойтись безъ внутренняго»; говорятъ, что большія улицы *замыкались* крестцами; что «на Ивановской площади совершались акты и во-всю ивановскую объявлялись указы», т. е. крикомъ; что «на городской площади казнили предъ судными приказами» (гдѣ именно?); что «въ Кремлѣ находились тюрьмы у Благовѣщенскихъ воротъ на житномъ дворѣ и на посадѣ... въ городскихъ стѣнахъ застѣнки... одна изъ башенъ называлась *пыточною*...» Въ заключеніе отмѣчаютъ: «таково было судопроизводство (!) въ Москвѣ въ XV вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ имена самыхъ урочищъ». Но никакого судопроизводства читатель здѣсь не видитъ. Все это изложеніе о судопроизводствѣ или, собственно, о тюрьмахъ и застѣнкахъ и объ Ивановской пло-

неніемъ къ старому новаго» (стр. XV). Таково предисловіе къ тому простому обстоятельству, что при Васильѣ Ивановичѣ Большой посадъ былъ обнесенъ каменною стѣною и названъ Китаемъ. Найдено необходимымъ не расширить стѣны, а распространить и укрѣпить торговый посадъ, обезопасить его стѣною и отъ нашествій татарскихъ и отъ пожаровъ посадскихъ, о чемъ мы уже достаточно говорили.

Обозначивъ мѣсто торговъ въ Китай-городѣ при Васильѣ, въ началѣ XVI вѣка, авторы вдругъ обрывомъ вставляютъ слѣдующую рѣчь: «Около 1596 года (слѣд. при Ѳеодорѣ уже) окончено было въ Китай-городѣ строеніе дворовъ и каменныхъ лавокъ, которыхъ въ самомъ началѣ XVII вѣка считалось, по сказанію Самуила Маскѣвича, до сорока тысячъ». Читатель недоумѣваетъ, съ какой стати это свѣдѣніе должно относиться къ началу XVI вѣка и когда же началось строеніе, если оно въ 1596 году окончено. Затѣмъ авторы указываютъ, что̀ было среди торговъ Китай-городскихъ, не разбирая, что многія изъ этихъ указаній обозначаютъ мѣста, о которыхъ свидѣтельства относятся только къ XVII вѣку, и отмѣчая, между прочимъ, съ обрывомъ, что «въ Китаѣ появился въ 1608 году книжный рядъ, гдѣ священники цѣнили книги». Нельзя понять, какъ все это прилагается къ обозрѣнію времени Василья Ивановича, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ авторы по порядку переходятъ ко времени Грознаго. Здѣсь, между прочимъ, они отмѣчаютъ, что слѣды ненавистной для Москвы Опричины «остались только въ названіяхъ урочищъ царскаго обихода и въ преданіяхъ народныхъ, таковы: Поварская, Хлѣбная, Калачная, Скатертная, Трубная, Кречетники, Курьи-Ножки, Конюшенныя и проч. Тамъ поселены были служители царскаго двора (стр. XIX)». Какъ будто до Опричины царскому двору не было надобности въ этихъ служителяхъ, давшихъ имена слободамъ и улицамъ. Извѣстно, что эта часть

города отъ Чертолья и Стоженки и до Никитской потому и отдѣлена была къ царской Опричинѣ, что она искони была заселена служителями двора, по той причинѣ, что и самый государевъ дворъ въ Кремлѣ примыкалъ къ этой мѣстности, сообщался съ нею двумя воротами Боровицкими и Троицкими, по той причинѣ, однимъ словомъ, что эта вся мѣстность лежала ближе къ государеву двору, чѣмъ всякая другая. Еслибъ государевъ дворъ находился въ сѣверозападномъ углу Кремля или въ юговосточномъ, тогда въ служебное отношеніе къ нему непремѣнно отошли бы и близлежащія къ тѣмъ угламъ мѣстности города. Какое ложное понятіе и объ Опричинѣ и о царскомъ дворѣ даетъ подобная отмѣтка! Но авторы повторяютъ ее еще и на стр. 170, положительно утверждая, что «*о царскомъ обиходѣ въ опричинѣ* московской свидѣтельствуютъ намъ существующія донынѣ тамъ урочища»...; слѣдуютъ тѣ же имена, съ прибавленіемъ, что «повара, хлѣбники, калачники, скатертники жили въ устроенныхъ тамъ *дворцахъ* хлѣбенномъ, сытномъ и кормовомъ», тогда какъ никакихъ подобныхъ дворцовъ тамъ не бывало, а были они только въ Кремлѣ, подлѣ хоромъ государя.

Распространяясь въ подобныхъ сочиненіяхъ, повторяя ихъ по нѣскольку разъ, авторы рѣдко останавливаютъ должное вниманіе на предметахъ, вполнѣ заслуживающихъ подробнаго обозначенія и раскрытія ихъ важности. Такъ въ обозрѣніи времени Грознаго мы не находимъ весьма важнаго, для исторіи Москвы, извѣстія о постройкѣ Покровскаго собора, знаменитаго «Василья Блаженнаго», какъ онъ до сихъ поръ слыветъ въ народѣ. Голое свидѣтельство о немъ запрятано въ такое мѣсто, что читателю трудно обратить на него вниманіе. На XVI стр. идетъ рѣчь о мѣстахъ Китай-города и въ томъ числѣ о *Лобномъ* мѣстѣ. Вѣрные своему сбивчивому, обрывочному характеру описаній и пересказовъ, авторы продол-

жаютъ: «предъ ступенями его (лобнаго мѣста) на лобной площади казнили преступниковъ. Тогда уже были въ Москвѣ четыре главныхъ чети, или приказа: посольскій, разрядный, помѣстный и казанскій, между прочимъ бражныя тюрьмы, какъ мѣры исправленія отъ пьянства, на Васильевскомъ лугу. Взятіе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ ознаменовано сооруженіемъ, противъ Лобнаго мѣста, диковиннаго Покровскаго собора, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Василія Блаженнаго; присоединеніе Смоленска (которое, однакожь, случилось еще при отцѣ Грознаго) къ Московскому государству —церковью Спаса Смоленскаго у Москворѣцкихъ воротъ; начало сношеній Москвы съ Англіею — англійскимъ дворомъ на Варваркѣ; а съ Даніею — печатнымъ дворомъ на Никольской».... Потомъ сейчасъ: въ Китаѣ, въ 1608 году, появился книжный рядъ» и т. д. Есть ли возможность связать какъ-нибудь въ памяти такую путаницу разнородныхъ фактовъ и отмѣтить свидѣтельство о Васильѣ Блаженномъ? Между тѣмъ этотъ замѣчательный памятникъ до сихъ поръ служитъ *типическою чертою* самой Москвы, не говоря о его значеніи для исторіи нашего зодчества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Василій Блаженный есть самое характерное произведеніе своего вѣка. Въ немъ въ полной мѣрѣ выразился тотъ архитектурный стиль, которымъ запечатлѣны почти всѣ московскіе и подмосковные храмы, строенные съ нимъ одновременно, т. е. въ половинѣ XVI ст., и который можетъ быть признанъ стилемъ чисто-русскимъ, стилемъ русскаго замышленія, оригинальнымъ свидѣтелемъ самодѣятельности русскаго зодчества вообще и каменнаго въ особенности. Постройка его въ память казанскаго, а затѣмъ и астраханскаго взятія, начата съ 1553 года, деревянною церковью Св. Троицы, къ которой потомъ прибавлѣнъ былъ храмъ Покрова съ придѣлами, а въ 1555 году заложенъ каменный храмъ Покро-

ва о *девяти верхахъ*, оконченный уже въ 1559 году, да и то не совсѣмъ; большая церковь, средняя, Покрова оставалась осенью, къ 1 октября этого года, еще несовершенною. Лѣтописецъ записалъ слѣдующее о постройкѣ этого храма: «Въ лѣто 7068 октября, совершена бысть на Москвѣ церковь Покровъ Богородицы, что у Троицы на рву, и послѣ того сотворена бысть тое церковь тутъ же у Св. Троицы *различными образцы* и *многими переводы*, на одномъ основаніи девять престоловъ совершено». Мы вообще полагаемъ, что постройка Василія Блаженнаго въ исторіи Москвы должна занять очень видное мѣсто, какъ наилучшее доказательство, что существовало и русское своеобразное архитектурное художество.

Далѣе, не встрѣчаемъ также на своемъ мѣстѣ отмѣтки, что память о казняхъ Грознаго на Красной площади Китай-города оставалась въ церквахъ, построенныхъ «на костехъ казненныхъ и убіенныхъ и на крови», передъ Торгомъ, вдоль кремлевской стѣны, по рву, между спасскими и никольскими воротами (И. Г. Р. IX, пр. 309). Тамъ стояло пятнадцать малыхъ церквей, разобранныхъ уже въ XVIII ст. и перенесенныхъ престолами въ соборъ Покровскій (Вас. Блаж.). Авторы приводятъ даже списокъ этихъ церквей, при обозрѣніи царствованія Михаила Ѳедоровича, стр. XXIV, и въ другой разъ при обозрѣніи урочища *на рву*, стр. 18, упоминая о нихъ и въ другихъ мѣстахъ, стр. LV.

Царствованія Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова (конецъ XVI вѣка) примѣчательны въ исторіи Москвы тѣмъ, что въ это время она, какъ городъ, получаетъ послѣднія законченныя черты своего топографическаго распространенія, одѣвается новыми стѣнами по Бѣлому-городу и Скородому. Вѣроятно, еще при Грозномъ, быть можетъ, въ нашествіе или послѣ нашествія Девлетъ-Гирея въ 1571 году, вокругъ

посадовъ, окружавшихъ Кремль (Старый большой городъ) и Китай, былъ насыпанъ земляной валъ, отчего эта мѣстность могла прозываться *Иванъ-городомъ*, какъ зоветъ Бѣлый-городъ Маскѣвичъ; въ современныхъ же офиціальныхъ запискахъ она называется *Землянымъ городомъ*. Окружность этого первоначальнаго Бѣлгорода была меньше теперешней, ибо Рожественскій монастырь въ то время находился еще за Землянымъ городомъ. (Доп. къ Акт. Истор. № 131). Вокругъ этого вала, около Большаго Посаду, подлѣ Земляныя Осыпи, какъ по новой, но уже совсѣмъ закончившей городское селеніе чертѣ, въ теченіи семи лѣтъ, 1586—1593 годахъ, воздвигнуты каменныя стѣны. Новому городу дано названіе: *Царевъ бѣлой каменной городъ*. Мастеромъ былъ русскій человѣкъ Конь (Кононъ) Ѳедоровъ. Бѣлымъ городъ названъ отъ бѣлыхъ стѣнъ, ибо Китай имѣлъ стѣны красныя и назывался *Красною стѣною*. Лѣтъ черезъ пять, вскорѣ по уходѣ отъ Москвы крымскаго хана и изъ боязни новаго его прихода, обнесены были и всѣ остальные загородные посады деревянными стѣнами, съ башнями и воротами, весьма красивыми, какъ отзывается Маскѣвичъ, стоившими многихъ трудовъ и времени. Стѣны эти построены въ 1591 — 1592 годахъ. Съ того времени здѣшніе посады, ставшіе городомъ, начали обозначаться однимъ именемъ *Скородома*, о чемъ мы уже говорили. Въ московскую *разруху* 1611 года, деревянныя стѣны Скородома погорѣли до тла; вмѣсто ихъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, 1637 — 1640 г., насыпанъ высокій *земляной валъ*, и выкопанъ ровъ, отъ чего Скородомъ сталъ называться *Землянымъ городомъ* и *Землянымъ валомъ*. Въ половинѣ XVII ст. мы здѣсь видимъ, однакожь, опять деревянныя стѣны съ башнями и воротами, которыя вѣроятно построены при Михаилѣ, въ тоже время, ибо въ 1637 г. когда начали сыпать Земляной Валъ, прямо упомянуто, что тогда-

же *чертили*, какъ дѣлать и деревянный городъ. Въ этой чертѣ какъ бы замкнулась древняя до-петровская исторія Москвы, исторія развитія ея самодержавія, ея политическаго могущества. Это была послѣдняя черта, которою Москва обозначила, такъ сказать, свое живое мѣсто, свое городское существо, потребовавшее охраны отъ враговъ. Авторы, однакожь, вовсе не упоминаютъ о постройкѣ деревянныхъ стѣнъ при Ѳедорѣ. Въ XVIII ст., новыя болѣе обширныя очертанія города сначала надолбами, а потомъ камеръ-коллежскимъ валомъ произведены уже въ интересахъ компанейщиковъ виннаго откупа.

Въ обозрѣніи царствованія Михаила Ѳедоровича мы опять встрѣчаемся, и точно также обрывомъ, съ отмѣткою, что «съ открытіемъ книжной торговли, появляется книжный рядъ въ Москвѣ 1608 года; тогда книги цѣнили *книжнаго ряду попъ* Семенъ, дьяконъ Истома» стр. XXII. Какъ будто о книжномъ рядѣ въ Москвѣ только одно это извѣстіе и существуетъ, какъ будто книжная торговля въ Москвѣ и въ самомъ дѣлѣ открыта только въ 1608 году. И что̀ такое *попъ книжнаго ряду?* Что̀ можетъ думать объ этомъ читатель?

Говоря о времени Алексѣя Михайловича и о томъ, что онъ ревновалъ о построеніи новыхъ церквей, авторы неправильно обозначаютъ, что дворцовою церковью апостола Петра и Павла увѣковѣчено будто бы *рожденіе* Петра I, стр. XXVI. Эта церковь построена не при Алексѣѣ, а уже въ 1684 году и не на память рожденія Петра, а въ честь его тезоименитства. *О присоединеніи же Малороссіи къ Московскому государству* свидѣтельствуетъ половина Покровской улицы, отмѣчаютъ авторы, *куда переведены были малороссіяне* и отъ фартины или шинка *малороссіянки*, названной (кто же назвалъ?) *малороссѣйкою* или *маросѣйкою*; тамъ.... находилось *малороссійское подворье*». Про-

званіе Моросѣйки отъ фартины, а фартины отъ малороссійскаго подворья можно почитать вполнѣ достовѣрнымъ. Но когда же *переведены* были въ Москву и именно сюда малороссіяне? Они имѣли здѣсь подворье, пріѣзжее мѣсто — и только. Авторы помнятъ, что были переведены новгородцы, псковичи, а потому слѣдовало быть переведеннымъ и малороссамъ.

«За землянымъ городомъ на сѣверъ лежали бѣлыя и черныя земли, занятыя ямскими или гонными, дѣловыми и оброчными слободами, въ которыхъ находились *братскіе дворы*, или общіе. Тамъ селились кирпичники и простирались огороды» стр. XXXI. А развѣ не тоже было на югъ, западъ и востокъ? Но что̀ же значили эти *братскіе* или *общіе* дворы, для какой цѣли они существовали? Можно думать, что они строились, въ нихъ жили *сообща*, *братствомъ?* Авторы оставляютъ ихъ безъ всякаго объясненія, указывая только, что «до нынѣ въ Таганкѣ, въ Дурномъ, прежде Чертовомъ, переулкѣ находится *братскій дворъ*» и опять-таки не объясняя, что̀ это такое? Для внутренней исторіи Москвы *братскіе дворы* имѣютъ очень важный интересъ. Это были центры мѣстнаго самоуправленія. Извѣстно, что посады Москвы состояли изъ *слободъ*, что она, такъ сказать, разрасталась слободами; *слобода* была ея растительною клѣточкою. Состоя подъ началомъ *Земскаго приказа* или Земскаго *Двора*, каждая слобода, однакожь, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялась сама собою, для чего выбирала себѣ старосту, десятскихъ, цѣловальниковъ и другихъ подобныхъ лицъ, смотря по своему назначенію въ устройствѣ города или же въ хозяйствѣ государя. Всѣ слободскія дѣла рѣшались сходками на *братскомъ дворѣ*, который, безъ сомнѣнія, строился на общій слободской счетъ, и, какъ должно полагать, по преимуществу вблизи приходской церкви, кото-

рая также составляла главное мѣсто въ каждой слободѣ, ибо около церкви помѣщалось всегда и слободское кладбище, гдѣ хоронились *родители* слобожанъ. Приведемъ нѣкоторыя позднѣйшія указанія о слободскихъ братскихъ дворахъ. 1698 года февраля 7-го: «Казенные слободы староста и всей той казенной слободы тяглецы, выбрали мы на *брацкомъ дворѣ со всего брацкаго совѣту* въ цѣловальники тое жъ казенные слободы тяглеца человѣка добраго и пожиточнаго Ѳедора Иванова, что быть ему у пріему и у раздачи в. г. хлѣбнаго жалованья преображенскаго и семеновскаго полковъ пѣхотнаго строю и всякихъ чиновъ людемъ на 206 годъ...» 1699 года октября 17-го: «Въ Тулѣ казенные кузнецкіе слободы кузнецъ Иванъ Баташевъ, въ казенной кузнецкой слободѣ на *братскомъ дворѣ* передъ старостою Михаиломъ Устиновымъ и лучшими людьми противъ челобитья Пантеля Пыхулина сказалъ: на *братской дворѣ* его (Пыхулина) сына Дмитрія привелъ... на улицу за ноги съ братскаго двора не таскивалъ и не бивалъ на улицѣ противъ братскаго двора; только де его на братскомъ дворѣ бранилъ и воромъ называлъ и спорилъ...» Такіе братскіе дворы назывались также *съѣзжими* дворами. Память о московскихъ слободскихъ братскихъ дворахъ сохраняется до сихъ поръ въ Москвѣ въ названіи полицейскихъ частныхъ домовъ *съѣзжими* домами; также въ женскомъ родѣ *съѣзжая*, разумѣя, Часть; идти, вести на *съѣзжу*. Вообще очень жаль, что авторы не обратили должнаго вниманія на внутреннее городское устройство старой Москвы. Они раскрыли бы тогда, что братскіе дворы существовали не только за Земляным, но и въ самомъ Земляномъ и даже въ Бѣломъ городѣ, вездѣ, гдѣ населеніе жило и управлялось слободою. Должно предполагать, что такіе же дворы были и въ сотняхъ. Да и не въ одной Москвѣ такъ было, а по всей великорусской землѣ. Въ новгородской области, писцовыя книги

1615 — 1617 годовъ о церквахъ нѣкоторыхъ погостовъ отмѣчаютъ: «Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ 2 *избы большіе*, за трапезы мѣстъ, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне... да на погостѣ жъ *изба схожая*, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ» (Неволинъ, о Пятинахъ и Погостахъ, стр. 105).

Опредѣляя, наконецъ, пространство Москвы при царѣ Алексѣѣ, стр. XXXII, авторы черпаютъ свои свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей, но, главнымъ образомъ, изъ книги г. Костомарова: *Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа*, стр. 20, выписывая даже, какъ результатъ своихъ изысканій, отзывъ по этому вопросу г. Костомарова, что изъ иностранныхъ извѣстій «можно только приблизительно и не вполнѣ представить себѣ *величину* древней столицы и проч.; между тѣмъ какъ величина тогдашняго города и до сихъ поръ очевидна для всякаго, ибо очертаніе его крайнихъ стѣнъ сохраняется въ такъ называемомъ и теперь *Земляномъ валѣ* или Садовой». Свѣдѣніе о слободахъ за Землянымъ городомъ также можно добыть изъ домашнихъ источниковъ. Другое дѣло вопросъ о числѣ жителей, о количествѣ населенія. Въ сочиненіи г. Костомарова этотъ вопросъ былъ совершенно побочнымъ, поэтому авторъ и не могъ удѣлить ему слишкомъ значительнаго мѣста. Здѣсь же, въ разбираемомъ сочиненіи, въ подробномъ историческомъ и археологическомъ описаніи города, это вопросъ прямой, существенный, требующій неизбѣжнаго подробнаго и полнаго разслѣдованія, какъ мы уже сказали. Авторы, однакожь, уклонились отъ всякаго разслѣдованія и сообщаютъ скудныя крохи, заимствованныя случайно, тамъ и сямъ, въ то время, какъ передъ ними лежалъ весьма обильный матеріалъ не только въ сказаніяхъ иностранцевъ, но и въ домашнихъ источникахъ. Въ отношеніи иностранныхъ писателей, насущный вопросъ

самаго этого сочиненія объ исторіи Москвы заключался въ томъ, чтобы сдѣлать сводъ всѣхъ сказаній о Москвѣ, всѣхъ извѣстій собственно о ней, съ перваго и до послѣдняго времени. Это сдѣлать легко, по крайней мѣрѣ, по переведеннымъ уже текстамъ этихъ писателей, на которыхъ авторы любятъ ссылаться, выписывая даже ихъ подлинныя латинскія, нѣмецкія, англійскія заглавія. Въ такомъ случаѣ мы получили бы очень любопытную компиляцію, если не изслѣдованіе, которая нарисовала бы намъ старую Москву несравненно осязательнѣе, чѣмъ всѣ эти поверхностныя, отрывочныя и обрывочныя, безсвязныя заимствованія изъ той или другой книги, неимѣвшей цѣли дѣлать подобныя изслѣдованія. Мы полагаемъ, что авторы обязаны были выработать такую статью, черпая матеріалы непосредственно изъ самыхъ источниковъ.

Но, можетъ быть, они возразятъ намъ, что мы не имѣемъ права ставить подобныя задачи, что разыскатель обыкновенно слѣдуетъ собственному плану и не долженъ его измѣнять соотвѣтственно разнымъ, иногда совершенно излишнимъ, требованіямъ критика. Но именно этотъ планъ, принятый авторами для своего труда, и заставляетъ насъ предложить упомянутое требованіе. Только съ точки зрѣнія этого плана мы и разсматриваемъ теперь ихъ сочиненіе. Они ведутъ свой разсказъ хронологически по княженіямъ и царствованіямъ и, можно даже сказать—только по именамъ государей, ибо непремѣнно заносятъ эти имена на свои страницы, хотя бы все дѣло оканчивалось только коронаціею или даже однимъ именемъ, что послѣ такого-то государя слѣдовалъ такой-то. Затѣмъ они разсказываютъ о событіяхъ, случившихся при томъ государѣ, разсказываютъ о пожарахъ и другихъ бѣдствіяхъ (подробнѣе), о постройкахъ (короче) и, наконецъ, о томъ, гдѣ и что было; усиливаются описать состояніе и положеніе города въ то время. Хотя въ этомъ разсказѣ они не слѣдуютъ никакому порядку, даже не-

рѣдко и хронологическому, набрасывая только въ кучу, другъ на друга, случайно собранныя разнородныя, а часто и разновременныя свѣдѣнія, — однако, и въ этомъ хаосѣ свидѣтельствъ видимо желаніе обрисовать состояніе Москвы въ данное время. Что же можетъ быть удобнѣе въ этомъ случаѣ, какъ не воспользоваться, особенно для XVI и XVII ст., описаніемъ путешественника-очевидца; который живыми глазами смотрѣлъ на древнюю Москву и, конечно, въ своихъ запискахъ могъ сохранить только самыя характерныя, такъ сказать основныя, а вмѣстѣ и казовыя черты, какія собственно и нужны для подобнаго изображенія. Стоитъ только провѣрить и пополнить эти указанія домашними свидѣтельствами, и очеркъ готовъ, полный и круглый, по крайней мѣрѣ удобопонятный, который можно прочесть безъ отягощенія головы.

О пространствѣ или величинѣ города, о числѣ населенія, о числѣ домовъ или дворовъ и церквей, показанія иностранцевъ довольно разнорѣчивы, какъ и слѣдовало ожидать, ибо всякій изъ нихъ мѣрилъ своею мѣрою, такъ сказать, глазомѣрно, или пользуясь тоже не очень точными свѣдѣніями, какія сообщали москвичи, сами едва ли опредѣлительно знавшіе всѣ эти числа. Окружность города иностранцы приблизительно полагали въ XVI вѣкѣ въ 30 миль (англійскихъ, у Флетчера), около 45 верстъ; но какую черту назначали они для этой окружности — неизвѣстно. Англичанамъ Москва ка-

залась величиною съ Лондонъ (1553 г.), а Флетчеръ (1588 г.) говоритъ, что она даже больше Лондона. Иные (1517 г.) сказывали, что она вдвое больше Флоренціи и богемской Праги. Въ XVII ст. Буссовъ, (Беръ) считалъ окружность Москвы по чертѣ стѣны Землянаго города въ 4 мили; Олеарій— почти въ 3 мили, замѣтивъ при этомъ, что городъ прежде, вѣроятно, былъ вдвое больше, что и несомнѣнно, ибо въ 1611 году, при Буссовѣ, онъ былъ выжженъ поляками. Олеарію сказывали, что еще въ его время можно было насчитать до 40 тысячъ пожарищъ! Во второй половинѣ XVII ст., Мейербергъ считаетъ окружность Москвы въ 38 верстъ, включая, безъ сомнѣнія, подобно Флетчеру, и всѣ подгородныя слободы и села, которыя дѣйствительно и были отнесены къ городу въ XVIII ст., такъ что теперешній камеръ-коллежскій валъ, опредѣляющій черту города и простирающійся слишкомъ на 32 версты, можетъ указывать и на тѣ его предѣлы, какіе обозначались иностранцами XVI и XVII ст. Число строеній, т. е. большею частію избъ, въ эти два вѣка иностранцы показываютъ почти одинаково отъ 40 до 42 тысячъ. Штраусъ (въ половинѣ XVII вѣка) говоритъ даже о 95 тысячахъ, но эта цифра, по всему вѣроятію, ошибочная. О числѣ жителей иностранцы уже никакъ не могли имѣть вѣрнаго свѣдѣнія, потому что едва ли такое свѣдѣніе имѣли и сами москвичи. Достовѣрно лишь то, что городъ былъ (особенно по временамъ) очень многолюденъ и своимъ многолюдствомъ заставлялъ до невѣроятныхъ размѣровъ увеличивать цифру населенія; напр., въ Смутное время поляки думали о милліонѣ; другіе, спустя лѣтъ 50, полагали отъ 500 до 600 тысячъ.

Иностранцы очень изумлялись также великому множеству церквей, а москвичи и до сихъ поръ говорятъ о *сорока сорокахъ* своихъ церквей! Дѣйствительно, Олеарій показываетъ, что въ его время всѣхъ церквей считали до *двухъ ты-*

сячъ. Эта цифра вполнѣ достовѣрная. Въ первомъ изданіи своего сочиненія Олеарій упомянулъ, что число церквей простирается до 1,500. Его земляканъ это число показалось удивительнымъ и невѣроятнымъ. Онъ навелъ болѣе точныя справки и убѣдился, что и нѣмцы-москвичи и русскіе-москвичи насчитываютъ ихъ до 2,000. Въ Смутное время, до сожженія Москвы, ихъ было по одному свидѣтельству (Беръ), по крайней мѣрѣ, 3000, по другому около 4500, а во второй половинѣ XVII ст., 1,700; въ концѣ же этого столѣтія Корбъ говоритъ только о 200, что̀ ближе къ правдѣ, ибо онъ разумѣетъ дѣйствительно однѣ только церкви, между тѣмъ какъ писатели первой половины XVII ст., а съ ними и Олеарій, въ число церквей полагали и всѣ часовни. Олеарій при этомъ отмѣчаетъ, что у каждаго пятаго дома въ Москвѣ можно встрѣтить часовню. Немногія изъ такихъ часовенъ уцѣлѣли и до сихъ поръ. Въ томъ же смыслѣ должно принимать и миѳическое теперь преданіе о сорока сорокахъ.

Вообще, изъ разсказовъ иностранцевъ выясняется настоящая дѣйствительность древней Москвы. Это былъ городъ не только *деревянный*, но и вполнѣ *деревенскій*. Это былъ городъ очень красивый издали по живописности мѣстоположенія, по множеству церквей, блиставшихъ золотыми маковками и золотыми главами, по великому множеству садовъ (почти у каждаго дома былъ садъ) и луговъ, по оригинальности, своеобразію большихъ построекъ, по необыкновенному простору, съ которымъ онъ раскидывался во всѣ стороны. Это былъ городъ, подъѣзжая къ которому, благочестивые нѣмцы говаривали, что это Іерусалимъ и потомъ въѣхавши въ его деревенскія улицы, убѣждались, что это скорѣе Виѳлеемъ, или простѣе сказать — громадная деревня, отличавшаяся всѣми качествами настоящей великорусской деревни.

Но возвратимся къ тексту авторовъ. При обозрѣніи царствованія Ѳедора Алексѣевича, они упоминаютъ, между прочимъ, что «на рѣчкѣ Прѣснѣ выкопаны патріархомъ Іоакимомъ пруды» (XXXIII). Читатель можетъ думать, что съ этого времени положено начало извѣстнымъ Прѣсненскимъ прудамъ, въ настоящее время, особенно замѣчательнымъ для москвичей по недавно открытому тамъ зоологическому саду. Между тѣмъ, пруды на Прѣснѣ были устроены еще въ началѣ XVII ст. Еще въ 1632 г., плотиннаго дѣла мастеръ Петръ Фефиловъ сдѣлалъ тамъ *каменную плотину* (Арх. О. П. № 1089). Но и это едва ли первое ихъ устройство. Въ концѣ XVII ст., прѣсненская средняя плотина называлась *красною*, по красотѣ постройки. Патріархъ Іоакимъ, по всему вѣроятію, выкопалъ такъ называемые *патріаршіе пруды* (остался одинъ) въ своей слободѣ на Козьемъ болотѣ, Козихѣ, откуда текъ ручей также въ Прѣсню. Онъ могъ выкопать по этому ручью, еще ближе къ Прѣснѣ, и другіе пруды; но дѣло въ томъ, что Прѣсненскіе пруды всегда были царскими. Въ 1681 г. (при патр. Іоакимѣ), на Прѣснѣ былъ построенъ деревянный загородный государевъ дворецъ, а на дворцѣ каменная церковь живоноснаго Христова Воскресенія, отъ чего новое государево село стало называться Новымъ Воскресенскимъ. Въ томъ же году и въ томъ же селѣ была поставлена старая деревянная церковь Николая Чудотворца, перенесенная сюда съ *Курьей-ножки*, изъ города, за что въ приходъ, на постройку новой церкви, выдано изъ каменнаго приказа по оцѣнкѣ старой церкви въ 63 р. 22 алт. 4 д., кирпичемъ по указной цѣнѣ [1]). Въ 1722 г., эта церковь обозначена на новомъ Ваганьковѣ, которое было подлѣ самаго Воскресенскаго.

---

[1]) Дѣла дворц. приказовъ. XVII ст.

И основатель села, Ѳедоръ Алексѣевичъ, и послѣ него Петръ, часто тѣшились въ Воскресенскомъ на прудахъ фейерверками. Въ 1692 г. января 30 и февраля 1, въ Воскресенское на Прѣсненъ къ потѣшному гранатному строенью отпущено три блюда деревянныхъ большой руки (чтобъ больши тѣхъ не было), сто сорокъ бочекъ дехтяныхъ или смоляныхъ, 4 чаши деревянныхъ самыхъ большихъ, 5 ф. проволоки, гвоздей и проч.

Въ обозрѣніи правленья царевны Софьи авторы слишкомъ выдвигаютъ дѣятельность кн. В. В. Голицына, который будто бы «построилъ каменныя палаты для присутственныхъ мѣстъ, докончилъ каменный мостъ, сдѣлалъ деревянныя мостовыя въ столицѣ» (XXXIV). Эти свѣдѣнія изъ Невиля, котораго необходимо было повѣрить съ своими домашними свидѣтельствами, ибо онъ говоритъ, напримѣръ, что при Голицынѣ въ Москвѣ построено *больше 3000 каменныхъ домовъ*! Цифра изумительная для тогдашнихъ хозяйственныхъ средствъ и, особенно, для семи лѣтъ голицынскаго управленія. Палаты для присутственныхъ мѣстъ, т. е. для приказовъ, были построены при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, а указъ о постройкѣ былъ еще его отца царя Алексѣя. Въ 1670 г., кремлевскія палаты разныхъ приказовъ обветшали гораздо и порушились во многихъ мѣстахъ, сидѣть въ нихъ было опасно; почему приказы и съ дѣлами были переведены изъ Кремля въ Китай и Бѣлый-городъ и размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1675 г., еще при Алексѣѣ, каменный приказъ началъ постройку новыхъ приказовъ въ Кремлѣ по горѣ, начиная отъ Архангельскаго собора къ Спасскимъ воротамъ. По чертежу, каковъ былъ присланъ 7 мая изъ посольскаго приказа, предполагалось выстроить разрядъ, посольскій съ четвертьми, большую казну, помѣстный, стрѣлецкій, казанскій дворецъ. Денегъ на постройку по смѣтѣ исчислено 24,806

руб. 3 алт. 5 ден. Въ 1677 г., построены были только нижнія *житья* (этажи), всего 28 палатъ. Царь Ѳедоръ, 10 дек. 1677 г., указалъ на нижнихъ житьяхъ построить на ту же смѣту верхнія, мѣрою противъ нижнихъ и къ тѣмъ верхнимъ палатамъ перила и крыльца, а на проѣзжихъ воротахъ церковь Трехъ Исповѣдниковъ. Въ 1680 г. фев. 13, царь Ѳедоръ указалъ въ новопостроенныхъ палатахъ учинить приказы: отъ Архангельскаго собора Посольскій съ четвертьми, Разрядъ (4 палаты), у проѣзжихъ воротъ Большая казна и Новгородскій съ четвертьми. На мстиславскомъ дворѣ отъ проѣзжихъ воротъ Помѣстный (4 палаты), рядомъ Казанскій дворецъ (въ одной палатѣ этого приказа находился колодезь); въ крайнихъ палатахъ къ помѣстному, Стрѣлецкій приказъ. Надъ проѣзжими воротами въ 1682 г. существовалъ уже соборъ Александра Невскаго. Теперь все это мѣсто занято площадью, плацъ-парадомъ предъ николаевскимъ дворцомъ.

Каменный мостъ черезъ Москву-рѣку Голицынъ докончить не могъ, ибо постройка его хотя и начата при Голицынѣ въ 1687 году, когда онъ былъ въ крымскомъ походѣ, но тогда сдѣланъ былъ только одинъ столбъ (быкъ) каменный; всего тотъ мостъ дѣланъ 5 лѣтъ [1]), слѣдовательно, доконченъ въ 1692 г., а Голицынъ палъ въ 1689 году. Неправильное свидѣтельство о каменномъ мостѣ внесено авторами изъ ихъ же прежняго изданія «Русская Старина», годъ 3, стр. 195, гдѣ авторъ сочинилъ, что «строеніе возобновилось въ 1682 г. и довершено въ 1687 г., по мостовому образцу Кристлера, какъ свидѣтельствуютъ намъ Желябужскій и Голиковъ». А Желябужскій, стр. 18, и Голиковъ (Допол. къ Дѣян. IV, 53) обстоятельно говорятъ только одно, что въ 1687 г. мостъ начатъ строиться.

---

[1]) Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 18.

О томъ же, что Голицынъ *сдѣлалъ* деревянныя мостовыя въ столицѣ, какъ-то странно читать, ибо въ Москвѣ искони, по крайней мѣрѣ въ XVI и XVII ст., дѣлались деревянныя мостовыя, для чего Земскій приказъ собиралъ со всѣхъ жилыхъ мѣстъ *мостовыя деньги*. Невиль говоритъ, что по распоряженію Голицына *весь* городъ былъ вымощенъ досками, и что послѣ него мостовая поддерживалась только на большихъ улицахъ. Если и не весь городъ, то при Голицынѣ дѣйствительно могли быть вымощены вновь нѣсколько улицъ, прилегавшихъ къ тѣмъ или другимъ загороднымъ мѣстамъ, куда сталъ *вновь* выѣзжать раздѣлившійся тогда на нѣсколько особыхъ семей царскій домъ. О существованіи мостовыхъ въ Москвѣ еще въ XVI вѣкѣ говорятъ иностранцы, напримѣръ Флетчеръ, и описываютъ даже способъ мощенья. Эти мостовыя устраивались изъ бревенъ, тесанныхъ съ наружной стороны, по которой слѣдовало ѣздить. Иногда клали и кругляки, поперегъ улицы, а поверхъ ихъ вдоль улицы, байдачныя, барочныя, доски и даже брусья, на важнѣйшихъ царскихъ проѣздахъ. Точное понятіе о такомъ устройствѣ мостовыхъ въ старой Москвѣ и о великихъ ея грязяхъ, можно было получить по случаю недавнихъ уличныхъ раскопокъ для укладки трубъ текучаго газа, которымъ стала теперь освѣщаться Москва. На большихъ улицахъ старинныя деревянныя мостовыя, какъ обнаружилось, лежатъ въ два и даже въ три яруса, имѣя между собою разстоянія отъ $^1/_2$ и до цѣлаго аршина, а въ иныхъ мѣстахъ и больше, такъ что самая древнѣйшая мостовая находится почти вездѣ на глубинѣ двухъ аршинъ. Поверхъ ея, въ аршинъ толщины, слой самой московской грязи, за тѣмъ опять пластъ мостовой и опять слой грязи, и, наконецъ, насыпь теперешней каменной мостовой. Вообще должно полагать, что деревянныя мостовыя существовали въ Москвѣ, разумѣется, по главнымъ улицамъ, съ того времени, какъ

она построилась городомъ, т. е., по крайней мѣрѣ, съ половины XIV вѣка. Между тѣмъ, изъ указанія авторовъ читатель можетъ и въ самомъ дѣлѣ подумать, что деревянныя мостовыя явились въ Москвѣ только по мысли Голицына, и тѣмъ легче можетъ принять это заблужденіе, что до этой страницы (XXXIV) авторы ни слова не говорятъ о способѣ мощенія улицъ въ древней Москвѣ.

Также точно, въ первый разъ, о *набатѣ* во время пожаровъ они упоминаютъ только на стр. L, въ обзорѣ царствованія Елисаветы, какъ будто до того времени Москва вовсе не знала пожарнаго набата, этого, единственнаго въ древнее время, средства огласить опасность и вызвать въ городѣ предосторожность и защиту отъ нея. Набатъ, сверхъ того отличался особымъ характеромъ звона; горожане очень хорошо различали его отъ звона или собственно благовѣста обыкновеннаго, церковнаго. Въ Кремлѣ особые набатные колокола висѣли съ трехъ его сторонъ, гдѣ находились и городскіе башенные часы: 1) у Спасскихъ (въ XVI в. Фроловскихъ) воротъ, на малой, нарочно для того построенной башнѣ; этотъ колоколъ назывался *спасскимъ набатомъ*; 2) къ Замоскворѣчью на Тайницкой башнѣ, (называвшейся въ XVI в. *Водяными воротами у тайника*); и 3) къ Занеглиненью на Троицкомъ мосту, на Троицкихъ (въ XVI ст. Ризположенскихъ) воротахъ. Царь Алексѣй, въ 1668 г. января 6, назначилъ кремлевскому набатному звону такой порядокъ: «Будетъ загорится въ Кремлѣ, бить во всѣ три набата въ оба края, по-скору. Будетъ загорится въ Китаѣ, бить въ одинъ спасской набатъ въ одинъ край, скоро же. Будетъ — въ Бѣломъ городѣ, въ спасской набатъ въ оба края потише и въ набатъ, что на Троицкомъ мосту, въ оба края, потише. Въ Земляномъ городѣ, въ набатъ на Тайницкой башнѣ, въ одинъ край, тихимъ обычаемъ, бить *разваломъ*, съ разстановкою».

Намъ остается теперь перейти къ Москвѣ петровскаго времени, обзоръ котораго авторы начинаютъ страннымъ указаніемъ, что «воздвигнутая въ 1692—1695 г. Сухарева башня... предшествовала основанію Петербурга и мореплаванія» (XXXIV). Затѣмъ, сказавши, что «постоянное пребываніе въ Москвѣ царскаго двора содѣйствовало къ ея распространенію, населенію и обогащенію, украсило ее памятниками художествъ», авторы, противъ всякаго ожиданія, начинаютъ обрисовывать какъ бы запущеніе Москвы въ началѣ XVIII ст., т. е. при Петрѣ: улицы стѣснены и обезображены шалашами, мазанками и печурами, бѣдность построеній, нищіе, крестецкіе попы и дьяконы, колодники, языки, слово и дѣло, казни, кнутъ, плети, четвертованье, колесованье, отрубленныя головы, желѣзные рожны и т. п. (XXXIV, XXXV). Въ заключеніе, какъ бы для усиленія всего сказаннаго, они повѣствуютъ: «Гдѣ прежде стояли *между пятнадцатью церквами* на этомъ городскомъ торгѣ (Красной площади) богадѣленныя и заблыя избы и больницы, которыхъ было на Покровской и Срѣтенской улицахъ 12 избъ, тамъ при Петрѣ I построена *Комидіальная храмина*» и проч. Трудно понять, какъ была она построена между пятнадцатью церквами, и какъ сюда же относятся 12 избъ покровскихъ и срѣтенскихъ?

Время Петра I, въ исторіи Москвы, есть время окончательнаго счета съ ея стариною. Отсюда начинается ея новая исторія. Поэтому, отъ новѣйшаго изслѣдованія надобно было бы ожидать, по крайней мѣрѣ, возможно-круглаго, если еще не полнаго отчета о томъ, въ какомъ видѣ, въ какомъ уст-

ройствѣ явилась Москва предъ лицомъ всенародной реформы. Очень было бы и умѣстно, и любопытно свести такіе итоги. Но, къ сожалѣнію, изъ массы разнообразныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ было, и что̀ дѣлалось въ Москвѣ въ петровское время, читатель все-таки не получаетъ, въ изслѣдованіи нашихъ авторовъ, никакого опредѣленнаго, отчетливаго понятія, какой именно характеръ приняла съ этого времени исторія города. Онъ не можетъ даже опредѣлить, сколько, напримѣръ, было церквей въ городѣ. На страницѣ XXXVII, какъ и выше, на стр. XXXII (при царѣ Михаилѣ), собраны самыя противорѣчивыя цифры, безъ всякаго отзыва, какая изъ нихъ справедлива.

Упоминая о свидѣтельствѣ Голикова, что въ Москвѣ при Петрѣ считалось до 300,000 жителей, авторы вовсе не касаются вопроса о числѣ дворовъ; между тѣмъ, давно уже изданъ очень любопытный матеріалъ, вполнѣ уясняющій этотъ вопросъ (Московскія Губернскія Вѣдомости, 1856 г., № 1: «Матеріалы для исторіи Москвы и ея окрестностей»), и которымъ необходимо слѣдовало бы воспользоваться всякому новѣйшему изслѣдователю древностей Москвы. Какъ ни сухъ самъ по себѣ такой матеріалъ, состоящій почти изъ однѣхъ цифръ, но эти цифры весьма драгоцѣнны: въ нихъ воскресаетъ предъ нашими глазами послѣдняя минута старинной Москвы, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ любопытнымъ матеріаломъ.

Въ 1701 году, Петръ I въ Ближней канцеляріи собралъ свѣдѣнія, отъ всѣхъ вѣдомствъ управленія, о наличной казнѣ въ деньгахъ, вещахъ и всякихъ другихъ предметахъ и о доходахъ и расходахъ каждаго вѣдомства. По этому случаю, и Земскій приказъ въ Москвѣ составилъ счетъ всѣмъ дворамъ,

съ которыхъ собирались мостовыя и другія деньги. Въ поданной имъ въ Ближнюю канцелярію запискѣ значилось:

«По писцовымъ и по переписнымъ книгамъ 187 (1679) и 188 (1680) и нынѣшняго 701 годовъ, въ Кремлѣ, въ Китаѣ, въ Бѣломъ и въ Земляномъ и за Земляным городомъ дворовъ всякихъ чиновъ людей написано [1]):

	Кремль.	Китай.	Бѣлый.	Земляной.	За земляным.	Итого.
Патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ подворей.	9	27	38	30	35	139
Соборныхъ протопоповъ. ключарей, поповъ, дьяконовъ, пѣвчихъ, крестовыхъ дьяковъ и приходскихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ.	29	119	438	431	219	1,236
Книгъ Печатнаго двора и мастеровыхъ. . .	—	6	—	—	—	6
Патріаршихъ дѣтей боярскихъ и Печатнаго двора разныхъ чиновъ.	—	—	—	118	—	118
Царевичевыхъ (Грузин. Касим. Сибирск.) . .	—	2	4	1	1	8
Боярскихъ.	3	17	68	45	62	195
Княжескихъ	1	—	—	—	1	2
Дворянскихъ . . .	—	7	37	18	29	91

[1]) Мы сопровождаемъ эту записку и дѣлаемъ общій съ ея указаній.

	КРЕМЛЬ.	КИТАЙ.	БѢЛЫЙ.	ЗЕМЛЯНОЙ.	ЗА ЗЕМЛЯНЫМЪ.	ИТОГО.
Генеральскихъ . . .	—	—	—	3	6	9
Думныхъ дворянъ. . .	—	3	25	16	15	59
Постельничаго. . . .	—	—	—	1	—	1
Думныхъ дьяковъ. . .	—	2	10	13	13	38
Стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, вдовъ, недорослей . .	1	23	954	1,398	455	2,831
Дьяковъ и подъячихъ .	—	24	83	90	64	261
Подъяческихъ . . .	—	—	299	837	—	1,136
Дворовыхъ людей, ключниковъ, стряпчихъ, подключниковъ и проч. .	—	6	59	559	590	1,214
Нижняго чину дворцовыхъ	—	—	16	—	—	16
Конюшеннаго чину . .	—	—	9	187	278	474
Гостей и гостиной сотни	—	21	49	156	98	324
Разныхъ слободъ посадскихъ людей . . .	—	8	358	3,208	2,670	6,244
Оружейныхъ и пушкарскихъ мастеровыхъ людей	—	—	—	50	—	50
Подвящиковъ и кузнецовъ	—	—	—	23	—	23
Живописцовъ, золотописцовъ, станошниковъ, столяровъ и проч . .	—	—	—	—	89	89
Денежныхъ, Печатнаго дворовъ мастеровыхъ людей и каменнаго дѣла подмастерей, каменщиковъ, ожигальщиковъ	—	—	—	—	173	173

	КРЕМЛЬ.	КИТАЙ.	БѢЛЫЙ.	ЗЕМЛЯНОЙ.	ЗА ЗЕМЛЯНЫМЪ.	ИТОГО.
Солдатскихъ полковъ начальныхъ людей	—	—	2	36	53	91
Генеральнаго писаря	—	—	—	—	1	1
Полковыхъ и ротныхъ писарей и подъячихъ.	—	—	—	—	372	372
Драгунскихъ, пушкарскихъ, зелейщиковъ, рейтарскихъ, солдатскихъ.	—	—	—	54	142	196
Иноземцовъ аптекарскихъ и переводчиковъ и толмачей	—	—	37	46	3	86
Иноземческихъ кормовщиковъ и торговыхъ и ремесленныхъ людей	—	—	—	—	43	43
Приказныхъ и рѣшоточныхъ сторожей, при [illegible]	—	6	4	65	66	161
Вдовскихъ людей и крестьянъ госуд., оброчн., [illegible], архіерейск., монастырскихъ	—	1	22	9	637	669
Нищихъ	—	—	—	—	2	2
	43	272	2,532	7,394	6,117	16,358
Такимъ образомъ, изъ 16,358 дворовъ надлежало: (со включаемыхъ слу-						

	Кремль.	Китай.	Бѣлый.	Земляной.	За земляным.	Итого.
жебныхъ лицъ Печатнаго двора)	38	152	476	579	254	1,499
Дворянству	5	54	1,098	1,495	582	3,234
Дьячеству	—	24	382	927	64	1,397
Дворцовымъ чиновникамъ и служителямъ	—	6	84	746	868	1,704
Посадскимъ	—	29	407	3,364	2,768	6,568
Мастеровымъ, ремесленникамъ	—	—	—	73	262	335
Военному сословію	—	—	2	90	568	660
Иноземцамъ	—	—	37	46	46	129
Городовымъ служителямъ	—	6	24	65	66	161
Крѣпостнымъ	—	1	22	9	637	669
Нищимъ	—	—	—	—	2	2

Если къ этому присовокупить измѣреніе окружности городовыхъ стѣнъ, произведенное въ томъ же 1701 году [1]), то получимъ довольно точное, опредѣленное понятіе и о величинѣ старинной Москвы. «А по мѣрѣ Кремля-города и съ проѣзжими воротами и съ глухими башнями 1055 $^1/_2$ саж.; по Китаю съ проѣзжими воротами и глухими башнями 1205 $^1/_2$ саж.; Бѣлаго города около городовой стѣны и башенъ 4463 $^3/_4$ саж.; Землянаго валу съ проѣзжими воротами и проч. 7026 саж. съ $^1/_2$ арш.» Можетъ быть, эти цыфры необходимо повѣрить,

---

[1]) „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства", собр. *Ив. Кириловымъ*. М. 1831, стр. 90–94.

но во всякомъ случаѣ онѣ, такъ сказать—документы. Авторы, къ сожалѣнію, и ихъ не приводятъ.

Итакъ, въ этомъ пространствѣ, съ небольшимъ на четырнадцать верстъ въ окружности, помѣщалось, къ 1701 году, 10,241 дворъ. Затѣмъ, 6,117 дворовъ находилось за Землянымъ городомъ, или за чертою Землянаго вала и его деревянныхъ стѣнъ и воротъ, изъ которыхъ въ это время одни были уже каменныя (Сухарева башня). Припомнимъ кстати, что окружность теперешняго камеръ-коллежскаго вала, обнимающаго всю городскую мѣстность, за Землянымъ городомъ, простирается на 32 версты слишкомъ.

Подобные итоги необходимо и весьма возможно было свести и по всѣмъ другимъ вопросамъ, вообще, о состояніи Москвы въ петровское время, начиная съ характеристики ея внѣшняго устройства и оканчивая характеристикою ея внутренней общественной и даже домашней жизни. Этого именно и требовала исторія города въ виду рубежа между его завѣтною стариною и нарождавшеюся заморскою новизною, съ которою, въ той же Москвѣ, шла такая отчаянная борьба, сводились такіе кровавые счеты и разсчеты. Еслибъ историкъ съ точностью подвелъ сказанные итоги, они, быть можетъ и раскрыли бы, почему реформа искала для себя новаго мѣста не только въ государствѣ, но даже и въ самомъ городѣ. Въ самой Москвѣ образовалась новая столица преобразованія, знаменитый, но теперь совсѣмъ забытый *Преображенскъ* или Преображенское, о которомъ можно было бы очень многое сказать, и о которомъ авторы, къ великому сожалѣнію, говорятъ только, что въ этой колыбели гвардіи (развѣ одной гвардіи?) устроены Петромъ хамовный и шляпный дворы, лабораторія, сооруженъ новый дворецъ....» (XXXIX); и не указываютъ даже настоящаго мѣста Преображенска — этой царской резиденціи, которая находилась въ старомъ (царя

Алексѣя) Преображенскомъ дворцѣ, на этой сторонѣ Яузы. Новый же Преображенскій дворецъ построенъ Петромъ на томъ берегу, ближе къ Нѣмецкой слободѣ, при впаденіи въ Яузу рѣчки Хапиловки.—Что̀ такое хамовный дворъ, что̀ такое шляпная фабрика? Сто̀ило ли объ этомъ упоминать, возможно ли было характеризовать Преображенское такими, слишкомъ односторонними, фактами? Писать или обозрѣвать исторію Москвы въ Петрово время и не встрѣтиться съ особеннымъ смысломъ, какой принадлежитъ въ этой исторіи Преображенску—значитъ то же, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Преображенскъ, какъ мы упомянули, явился въ полномъ смыслѣ столицею преобразованія, пока оно начиналось, зарождалось въ Москвѣ. Петръ поселился въ немъ почти на постоянное жительство еще съ отроческихъ лѣтъ. Въ 1684 г., въ Преображенскѣ, при помощи Тиммермана, уроки фортификаціи и геометріи приложены были къ дѣлу, выстроенъ былъ на берегу Яузы *потѣшный городокъ*—крѣпостца Пресбурхъ, которую 12-ти лѣтній государь взялъ приступомъ по всѣмъ правиламъ осадной науки. Въ то же время, здѣсь были образованы потѣшныя роты и заведенъ даже маленькій флотъ, подѣланы шняки, карбузы, стружки и другія *потѣшныя* суда. И не ограничивались воинскія потѣхи Петра одною мѣстностью Преображенскаго дворца. *Городки* возникали и по окрестности; такъ, въ Лосиной (Сокольничей) рощѣ былъ построенъ *деревянный городокъ*, а на поляхъ Преображенскаго и Измайлова ссыпались городки *земляные*. Чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ чаще и въ разныхъ мѣстахъ устроивались

такіе городки, такъ-что *потѣшный городокъ* долженъ характеризовать все это время первой неустанной работы Петра, первой его преобразовательной и образовательной школы. Военныя его игрушки, производимыя по указанію и при полномъ содѣйствіи *нѣмцевъ* (вообще, иностранцевъ), жившихъ въ *Нѣмецкой слободѣ*, повели къ тому, что эта слобода сдѣлалась неразрывнымъ другомъ Преображенска. Въ Нѣмецкой слободѣ молодой царь нашелъ то, чего всегда искалъ—умныхъ, дѣльныхъ, вѣрныхъ, совершенно преданныхъ не слугъ, а искреннихъ друзей своимъ задушевнымъ стремленіямъ и мыслямъ. Такое отношеніе къ Нѣмецкой слободѣ еще болѣе утвердило за Преображенскомъ значеніе постояннаго царскаго мѣстожительства, значеніе дѣйствительной столицы.

Въ послѣдствіи, по случаю розысковъ о стрѣлецкихъ мятежахъ и слѣдовавшихъ за тѣмъ безпощадныхъ казней, Преображенское приняло довольно суровый и грозный характеръ для всей Москвы. Сюда перенесены были главный судъ и расправа не только надъ мятежными стрѣльцами, но и по всѣмъ важнымъ дѣламъ того времени. По пятницамъ, здѣсь, *на генеральномъ дворѣ*, собиралась царская дума, въ которой весьма часто присутствовалъ и самъ государь. Кромѣ того, въ Преображенскомъ набирались новые полки изъ дворянъ, самимъ государемъ дѣлались смотры недорослямъ, годнымъ на службу, производились солдатскія ученья, брили бороды, одѣвали въ нѣмецкіе кафтаны, и т. п.; все это придавало Преображенскому особый характеръ, не совсѣмъ любезный для лѣнивыхъ и преданныхъ старинѣ дворянъ. Сильно не нравился имъ новый порядокъ службы, не нравилась сама служба, за особую небывалую отчетливость и строгость; не нравились, вообще, заморскія новости, и было памятно имъ Преображенское, въ которомъ рѣшалась судьба не только боро-
но нерѣдко—и цѣлой жизни. Такимъ образомъ, Преобра-

женское во многихъ отношеніяхъ замѣнило Кремль и сдѣлалось главнымъ сборнымъ мѣстомъ для дворянства, и для знатныхъ особенно. Окрестность оживилась постояннымъ приливомъ сюда городскаго населенія. Кромѣ того, всѣ петровскія увеселенія — а они были такъ же часты, какъ и строгіе суды и взысканія — происходили, большею частію въ этихъ же мѣстахъ. Мы уже сказали о его юношескихъ играхъ, о потѣшныхъ городкахъ, которые государь бралъ приступомъ и почти всегда оканчивалъ дѣло раздольнымъ пиромъ. Весьма часто къ этимъ потѣхамъ присоединялись фейерверки, ракеты, гранаты, до которыхъ Петръ былъ великій охотникъ, и нерѣдко самъ приготовлялъ ихъ и всегда самъ ихъ устраивалъ. Такъ, на масляницѣ, въ 1697 г., въ субботу, «у Краснаго села на Красномъ прудѣ, сдѣланъ былъ городъ Азовъ; башни и ворота и каланчи были нарядныя (отъ чего, быть можетъ, и близь лежащее поле, теперь застроенное желѣзною дорогою, стало называться *каланчевскимъ*), и потѣхи были изрядныя, и государь изволилъ тѣшится.» Черезъ два года, подобная же потѣха повторилась въ именины государя, 1699 г. іюня 29-го. Желябужскій записалъ подъ этимъ числомъ: «Была на Красномъ прудѣ потѣха: сдѣлано было три городка на водѣ, и съ тѣхъ городковъ была пальба, также и пушечная стрѣльба, также и пѣхотная изъ мелкова ружья, а кругомъ пруда была потѣха, а около тово пруда были шатры государевы, и въ тѣхъ шатрахъ были столы, и въ тѣхъ шатрахъ В. Государь изволилъ кушать и бояре и всѣ полатные люди [1]).» Самые тріумфальные въѣзды въ Москву совершались уже не въ Кремль, а большею частію въ Преображенское. Въ тамошнемъ дворцѣ или въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Лефорта происходило обыкновенно и *тріумфованіе*,

---

[1]) Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 105, 144.

торжественное пиршество. Памятникомъ тріумфальныхъ петровскихъ въѣздовъ въ Преображенское остаются до сихъ поръ *Красные ворота,* которые первоначально построены были деревянные на *магистратское иждивеніе*, т. е., на счетъ купцовъ и посадскихъ. Купечество, при каждомъ такомъ случаѣ, возобновляло и укрѣпляло ихъ, и потомъ выстроило каменные. Въ послѣдній разъ, они возобновлены были, также на счетъ купечества, къ коронаціи Елисаветы Петровны. Это заставило, естественнымъ образомъ, просить именитыхъ горожанъ, чтобъ ворота, въ память ихъ усердія, именовались *красными купеческими*, на что̀ и послѣдовалъ высочайшій указъ. Но въ народѣ до сихъ поръ сохранилось только первое ихъ названіе. Во время Петра, они назывались *трехвальными*, т. е., тріумфальными.

Иногда, во время тріумфальнаго въѣзда, государь отъ Красныхъ воротъ отправлялся въ церемоніальномъ порядкѣ прямо въ слободу (Нѣмецкую), наприм., 1702 г. декабря 4, въ тріумфъ по случаю взятія Шлиссельбурга. Не говоримъ о частной жизни Петра, которая въ Москвѣ проводилась въ Преображенскомъ и въ Нѣмецкой слободѣ, какъ въ мѣстахъ, гдѣ жила вся его компанія, всѣ его друзья, гдѣ онъ чувствовалъ себя наиболѣе свободнымъ. Упомянемъ объ извѣстномъ Рожественскомъ *славленьи*, процессіи и церемоніи котораго совершались, въ теченіе праздника, преимущественно въ Нѣмецкой слободѣ [1]).

---

[1]) Въ 1737 г., изъ *славленыхъ вещей* въ казнѣ еще сохранялись: „Евангеліе, въ немъ шесть склянницъ стеклянныхъ, четыре жестяныя, ветхи. Апостолъ, въ немъ, въ верхнемъ ярусѣ 52, въ нижнемъ 25 склянницъ, въ томъ числѣ одна разбита — ветхъ и гнилъ. Три шапки жестяныя славленыя, изняты и изоржавѣли. Два подсвѣчника деревянные, трубки жестяные съ крышки, изломаны. Чашка мѣдная въ деревѣ, въ которой пили вино. Кресла съ верхомъ, въ чемъ во время Славленья по-

Какъ часть города, къ которой, въ замѣнъ Кремля, болѣе всего приливала въ то время общественная жизнь, слобода съ каждымъ годомъ приходила въ лучшій видъ, обстроивалась, украшалась и распространялась. Русскіе вельможи, сподвижники Петра, селились также или въ самой слободѣ или вблизи ея: дворецъ Меншикова находился въ ближайшемъ селѣ Семеновскомъ; домъ Головина — противъ самой слободы за Яузою; въ слободѣ былъ домъ Лефорта, построенный въ итальянскомъ вкусѣ и убранный весьма великолѣпно. По смерти Лефорта, домъ этотъ перешелъ къ государю и получилъ значеніе царскаго дворца. Въ послѣдствіи, Петръ увеличилъ его новыми постройками, что видно изъ его письма въ Москву, во время шведской войны, въ 1707 г., когда начавшееся укрѣпленіе Москвы произвело въ жителяхъ не малый страхъ. Лефортовскій домъ былъ первымъ основаніемъ здѣшнихъ, яузскихъ, императорскихъ дворцовъ. Точно также къ государю перешелъ и головинскій дворецъ за Яузою, стоявшій противъ лефортовскаго. Государь купилъ его у наслѣдниковъ въ 1723 г., и повелѣлъ выстроить тамъ деревянный дворецъ и развести по берегу Яузы садъ. Въ то же время, здѣсь были вырыты пруды и подлѣ Яузы каналы, а садъ разбитъ (садовникомъ Брантгофтомъ или Брантовымъ, какъ его звали по русски) до самой рѣки, такъ-что соединился съ садомъ Лефортовскимъ. Въ 1724 г., Петръ самъ лично осматривалъ этотъ садъ и приказалъ воду въ Яузѣ и каналахъ «со-

---

сили князь-папу, обиты кожею, всѣ изломаны. (Вѣдомости 1737 г. о томъ, что сгорѣло и что осталось послѣ пожара.) Въ Оружейной Палатѣ до сихъ поръ сохраняется большой деревянный, рѣзной, золоченный ящикъ, устроенный въ видѣ книги съ разгороженными мѣстами внутри для сулиницъ и съ изображеніемъ, на исподней сторонѣ кровли, пьяной вечери (быть можетъ портретно), а на наружной, рѣзнаго золоченаго Бахуса на бочкѣ.

держать по препорціи съ брусьями (т. е. бревенчатыми берегами) на́-ровень», для чего дана была мѣра и наказъ содержателю яузской площильной мельницы, Мезру. По всему замѣтно, что память о Лефортѣ и Головинѣ не остывала у государя и, можетъ быть, потому самому ихъ домы, гдѣ въ первое время онъ такъ часто посѣщалъ своихъ любимцевъ, перешли въ царскую собственность. Послѣ Петра, и головинскій и лефортовскій домы сдѣлались постояннымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности, для исторіи Москвы очень любопытныя, и скажемъ вообще, что съ Петра эта мѣстность получила очень важное значеніе въ общественной жизни Москвы. Въ послѣдствіи, головинскій дворецъ сдѣлался главнымъ императорскимъ дворцомъ въ Москвѣ. Во время высочайшихъ пріѣздовъ, въ немъ и во дворцѣ лефортовскомъ всегда останавливался дворъ, а это было очень важно для окружныхъ мѣстъ, для Нѣмецкой слободы особенно, и даже для тѣхъ улицъ, которыя вели сюда изъ центра города. Само собою разумѣется, что всѣ знатныя фамиліи того времени, по необходимости, селились въ этой сторонѣ, въ сосѣдствѣ дворца, или въ Нѣмецкой слободѣ или на пути къ Яузѣ, по улицамъ Мясницкой, Покровкѣ, Старой и Новой Басманнымъ, на Разгуляѣ, на Гороховомъ полѣ, и проч. Отъ того, можетъ быть, ни въ одномъ кварталѣ Москвы вы не замѣтите въ постройкахъ такого барскаго характера, который виденъ здѣсь почти на каждомъ шагу. Огромные каменные дома, съ широкими дворами, неизмѣримыми садами, прудами и т. п., поступившіе теперь или подъ учебныя и другія заведенія, или въ руки купечества до сихъ поръ еще остаются краснорѣчивыми свидѣтелями прежняго барскаго широкаго житья, прежняго цвѣтущаго состоянія этой московской мѣстности, нѣкогда шумной и оживленной, а нынѣ, большею частью, безмолвной, подобно дру-

гимъ удаленнымъ мѣстамъ: здѣсь жили Салтыковы у Салтыкова моста, въ послѣдствіи домъ архіерейскій; Бестужевы — подлѣ лефортовскаго дворца; Головины—на Басманной у Петра и Павла; Остерманы—у Красныхъ воротъ; Разумовскіе—на Гороховомъ полѣ; Мусины-Пушкины — на Разгуляѣ; Демидовы — на Гороховомъ полѣ и въ новой Басманной; Куракины—на обѣихъ Басманныхъ; въ Нѣмецкой слободѣ: Брюсъ, Чеглоковы, графы Орловы, графы Ефимовскіе, Апраксины, Скавронскіе, Безбородко, Нарышкины; на Покровкѣ—Румянцовы-Задунайскіе, и проч. Постоянное пребываніе въ этихъ мѣстахъ «столькихъ знатныхъ персонъ» придавало особый оттѣнокъ и остальному населенію. Здѣсь, по преимуществу, жило высшее, лучшее, образованное общество Москвы; слѣдовательно, здѣсь же мы должны искать и все то, что̀ должно было отвѣчать потребностямъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ по преимуществу сосредоточивались въ то время всѣ заведенія, лавки, магазины иностранцевъ, посвящавшихъ свои знанія и занятія на пользу или удовольствіе московскихъ баръ. Въ теченіе бо̀льшей половины XVIII вѣка, Нѣмецкая слобода была для Москвы тѣмъ же, чѣмъ съ конца XVIII столѣтія и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія сталъ Кузнецкій мостъ, — это уже французская колонія, явившаяся на смѣну нѣмецкой, явившаяся вообще выраженіемъ французскаго вліянія на нашу общественность, смѣнившаго вліяніе нѣмецкое или, правильнѣе—голландско-остзейское.

Но такой исторіи авторы не касаются въ своей книгѣ. Они ведутъ усердно только исторію перечневую, по этому ограничимся сказаннымъ, ибо, для характеристики остальнаго въ трудѣ нашихъ авторовъ, полагаемъ, будетъ весьма достаточно изложенныхъ выше указаній. Дальше идутъ страницы, на которыхъ такимъ же образомъ пересказываются, вообще, свѣдѣнія о событіяхъ, указахъ, разныхъ случаяхъ,

безъ всякой общей мысли, безъ всякаго единства въ изложеніи, такъ-что очень трудно и даже совсѣмъ невозможно усвоить себѣ изъ всего этого матеріала какое-либо цѣльное, сколько-нибудь связное представленіе объ исторіи Москвы въ XVIII столѣтіи, о томъ, какъ она постепенно измѣняла свой древній видъ, свою внутреннюю городскую жизнь, свой старый порядокъ жизни, свой нравъ и обычай. Авторы заключаютъ повѣствованіе, сравнительно, чрезвычайно обширнымъ разсказомъ о 12-мъ годѣ.

Разысканія о московскихъ урочищахъ авторы начинаютъ съ Библіи, и даже съ книги Бытія. Оказывается, что «участки земли, запечатлѣнные особеннымъ прозваніемъ, составляли (?) урочища». Это простое и вѣрное объясненіе загромождается, однакожь, послѣдующими разсужденіями такъ, что въ концѣ мы получаемъ объ урочищѣ понятіе самое сбивчивое. Филологическое разсужденіе (стр. 3) указываетъ, что «отъ *урока* произошло и *урочище*, что нарощеніе этого окончанія выражаетъ что-либо бывшее на какомъ-либо мѣстѣ, урочище,— значитъ, гдѣ *былъ урокъ*, какимъ обложено было (?) самое мѣсто». Но что такое былъ этотъ *урокъ*, авторы не объясняютъ, а вмѣсто того, разсказываютъ, что въ Сибири урочище именуется *урѣчищемъ*, отъ того, что обыкновенною межей, предѣломъ служатъ рѣки, производя, такимъ образомъ, это слово отъ рѣки, и забывая, что приведенное ими же, нѣсколько строкъ выше, областное слово *уречь* значитъ околотокъ, приходъ,—что, стало быть, уречище скорѣе всего можетъ происходить отъ этого *уречь*. Дальше, авторы говорятъ, что у южныхъ Славянъ урочищами называютъ городи-

ща, у Болгаръ — мѣста, гдѣ нѣкогда была церковь, что это послѣднее значеніе урочища сближается и съ нашимъ, потому-что у насъ большая часть церквей пріурочивается къ извѣстнымъ мѣстностямъ (т. е., по просту, онѣ стоятъ на извѣстныхъ урочищахъ). Затѣмъ слѣдуетъ довольно смутное объясненіе, что̀ значило урочище въ русскомъ мірѣ. «Въ книгѣ Большаго чертежа мѣста̀ въ городахъ и поляхъ обозначаются по ихъ признакамъ и именамъ *призначными* и *именными* (?). Поэтому, собственно, урочище въ русскомъ мірѣ почти то же, что̀ *прозвище какого-либо участка земли* и *самый участокъ*. Въ такомъ прозвищѣ часто заключается глубокій смыслъ, отголосокъ доисторическихъ и печать историческихъ временъ, точное опредѣленіе мѣстности. Какъ съ правомъ обладанія неразлучны и обязанности, то въ нареченіи имени участкамъ земли видно не одно опредѣленіе, но и *обязательная сторона*». О чемъ хотѣли сказать авторы словами, обозначенными здѣсь курсивомъ, трудно объяснить. Затѣмъ урочища дѣлятся на *естественныя* и *искусственныя*, на *уѣздныя*, входящія въ *объемъ* уѣзда, и *городскія*, заключающіяся въ *объемѣ* города. Раздѣленіе странное! Подъ естественными авторы разумѣютъ собственно *живыя* урочища, которыя такъ бы слѣдовало и назвать; подъ искусственными: «ровъ, городище, валъ, острожекъ, просѣкъ, наконецъ, значительные по чему-либо *дворы* и *домы* (!) и образовавшіеся изъ урочищныхъ мѣстъ улицы, переулки и тупики. Урочище, какъ родовое понятіе, подчиняетъ себѣ происшедшія отъ него улицы съ крестцами и площадями, слободы, также *географическія* и *статистическія* данныя» (стр. 5). Не можемъ понять, что̀ хотѣли сказать авторы, указывая эти *данныя*. Дальше: уѣздныя урочища «принимались въ значеніи мѣстъ, какъ видно изъ книги (какой?) царя Ивана Вас. 1571 г., гдѣ отмѣчено, что въ урочищахъ на по-

лѣ стояли на сторожахъ станичные головы, вожи и станичники на крымскихъ и ногайскихъ сонмахъ (чит. сакмахъ)». Но какія же урочища принимаются не въ значеніи мѣстъ. Сами авторы уже рѣшили, кажется, что урочище —мѣсто, запечатлѣнное особеннымъ прозваніемъ. Степныя или *полскія* урочища, извѣстныя по сторожевой и станичной, пограничной, службѣ, лучше всего это и подтверждаютъ, и странно видѣть, что объ нихъ-то именно и упомянуто какъ-то вскользь, тогда какъ сколько-нибудь внимательное обозначеніе ихъ смысла могло бы принести большую пользу въ разрѣшеніи вопроса—что должны мы признавать урочищемъ въ собственномъ смыслѣ? Такая темнота и сбивчивость понятій объ урочищѣ приводитъ авторовъ къ тому, что они смѣшиваютъ собственно урочище съ церковью, которая стоитъ на урочищѣ, такъ что, вмѣсто урочищъ, предметомъ ихъ разысканій становятся уже церкви. Они говорятъ: «Городскія урочища, подобно уѣзднымъ, не имѣютъ опредѣленной величины, ограничиваются или *одною только церковью съ ея погостомъ*, такъ-называемымъ *монастыремъ*, или всѣмъ ея приходомъ, или *особою мѣстностью* безъ церкви на ней» (стр. 6). Но эта особая мѣстность, въ сущности, самое урочище, все-таки непонятна для авторовъ безъ отношенія къ церкви. Они спѣшатъ объяснить (не слишкомъ складно), что «на особенныхъ участкахъ земли въ городѣ, отмѣченныхъ особеннымъ названіемъ, хотя уже и нѣтъ пріуроченныхъ къ нимъ церквей, но они входятъ въ объемъ одного изъ шести сороковъ, напр. *Моховая*, *Балчугъ*, *Болото*, *Балканъ*», и проч. Чтожъ изъ того, что урочища входятъ въ составъ церковныхъ округовъ или сороковъ? Они вѣдь
ъ и въ составъ частей города по древнему его распре-
ı (Кремль, Китай, Бѣлый, Земляной), и въ составъ
мскихъ частей по нынѣшнему распредѣленію. Но дѣло
ı какъ бы не представляютъ себѣ возмо-

жности, что урочище существовало само по себѣ, само для себя; они, повидимому, думаютъ, что церковь только и даетъ смыслъ урочищу, что она-то и есть ядро урочища. Вообще должно замѣтить, что во всемъ разсужденіи объ урочищахъ, мысль о церквахъ господствуетъ надъ мыслью собственно объ урочищахъ, и приводитъ къ нѣкоторымъ несообразностямъ, какъ увидимъ ниже.

Говоря объ урочищахъ, но думая о церквахъ, авторы продолжаютъ: «Какъ въ одномъ урочищѣ иногда заключается по нѣскольку церквей, такъ и къ одной церкви принадлежитъ по нѣскольку урочищъ. Сколько храмовъ найдете въ *объемѣ* урочищъ Арбатъ, Остожье — нынѣ Остоженка, Черторье — нынѣ Пречистенка, Кисловка, Кулижки, Сущово, Срѣтенка съ урочищемъ Пушкари, къ коему присвоиваются двѣ церкви: Спаса Преображенія и преп. Сергія. Къ Козихѣ, или Козьему болоту, въ XVII вѣкѣ приписывались три церкви, въ не маломъ, одна отъ другой, разстояніи: св. Спиридонія, Ермолая и Власія (?)». Но чтожъ изъ этого? Вѣдь, то же можно сказать и объ улицахъ. Однимъ словомъ, какое значеніе для урочища имѣетъ та или другая церковь, что̀ выясняетъ церковь въ отношеніи урочища? Она, какъ памятникъ, болѣе другихъ долговѣчный, сохраняетъ только долгое время память объ имени урочища. Она своимъ именемъ даетъ иногда имя мѣсту, стало быть, даетъ этому мѣсту значеніе урочища. Вотъ отношеніе церкви къ урочищу. Но, во всякомъ случаѣ, урочище существуетъ независимо отъ церкви, существуетъ само по себѣ, на что̀, намъ кажется, и слѣдовало обратить вниманіе. На урочищѣ можетъ стоять и церковь и нѣсколько церквей, и ворота, и башня, и т. д., можетъ стоять всякій памятникъ. Но всѣ такіе памятники будутъ предметами побочными, сторонними; главнымъ же, о которомъ должна идти рѣчь, останется все-таки урочище. Такимъ об-

разомъ, было бы соотвѣтственнѣе съ дѣломъ, вмѣсто церквей, поставить на первый планъ самыя урочища и не задвигать ихъ разсужденіями, собственно о нахожденіи церквей на такихъ или другихъ урочищахъ, не ставить урочища какимъ-то придаткомъ только однѣхъ церквей. Но мы уже упомянули, что авторы, говоря объ урочищахъ, постоянно думаютъ только о церквахъ. Очевидное тому доказательство они предлагаютъ въ одномъ изъ общихъ своихъ замѣчаній объ урочищахъ, именно въ § 6 (стр. 11). «Смотря по тому, говорятъ они, *находится ли урочище на возвышеніи или въ углубленіи*, имя его сочиняется съ предлогами *на, въ* и *подъ*, напр.: *на* Бору и *подъ* Боромъ, *на* Псковской горѣ и *въ* Лужникахъ, *на* Пескахъ и *въ* Садѣхъ. Впрочемъ, употребляется и безразлично: *на* и *въ* Хлыновѣ, *на* Поляхъ и *въ* Поляхъ, даже *у* Поль, *въ* Столпахъ, *на* Столпѣ». Здѣсь, вмѣсто слова: *урочище*, слѣдуетъ поставить слово—*церковь*, и тогда все объяснится надлежащимъ образомъ. Извѣстно, что имя урочища никогда не требуетъ для своего прямаго указанія какого либо предлога. Оно выговаривается просто: Боръ, Псковская гора, Лужники, Пески, Сады, Поле, Поля и т. д. Но, разумѣется, когда потребуется обозначить мѣстность церкви, или жилища, то являются, по необходимости, и предлоги. Такъ-какъ авторы разсуждаютъ главнымъ образомъ о церквахъ, а не объ урочищахъ, то и понятно, что они сочиняютъ ихъ имена съ предлогами даже и въ § 5 своихъ общихъ заключеній, стр. 10, гдѣ указывается, что «названія многихъ урочищъ, *прежде* употреблявшіяся въ единственномъ числѣ, *нынѣ* употребляются во множественномъ.... Спасъ *на Глинищѣ*, на Глинищахъ, Всѣхъ Святыхъ *на Кулижкѣ*, на Кулижкахъ, ц. св. Николая, *на Столпѣ*, *въ Столпѣ*, *у Столпа* — въ *Столпахъ*, на *Столпахъ*», и т. д. Нельзя только ограничивать такое употребленіе обозначеніемъ

прежде и *нынѣ*; равнымъ образомъ и въ свое время, урочища нерѣдко обозначались и единственнымъ и множественнымъ числомъ.

Не отдѣливъ понятія объ урочищѣ отъ понятія о церкви, стоящей на урочищѣ, авторы, естественно, должны были причислить къ урочищамъ всякій памятникъ, всякое зданіе, служившее простымъ обозначеніемъ, т. е., указаніемъ мѣста. «Въ значеніи урочищъ, говорятъ они, нерѣдко *принимаются* (кѣмъ и гдѣ?) не одна только поимянная мѣстность, не одинъ участокъ земли, *какъ основаніе всѣхъ отношеній владѣльца къ общинѣ* (рѣшительно недоумѣваемъ, для чего здѣсь эта фраза, и что̀ она хочетъ объяснить), но и самыя замѣчательнѣйшія зданія и даже мѣста, кои прежде они занимали, служатъ пріурочкою другимъ, съ ними смежнымъ (стр. 9). Къ числу послѣднихъ отнести должно въ Москвѣ: городскія ворота, башни, мосты, старыя и бражныя тюрьмы, бывшія въ Китаѣ и Бѣломъ городахъ, Кремлевскіе застѣнки, Лобное мѣсто, осадные дворы, подворья монастырскія и купеческія, убогіе домы, богадѣльни, бани торговыя, кружала, или кружечныя избы, кабаки и истеріи. Однѣ изъ нихъ донынѣ существуютъ, другія извѣстны по названіямъ, какъ урочищныя мѣста». Съ этой точки зрѣнія, каждый домъ, носящій имя своего владѣльца, будетъ урочищнымъ мѣстомъ, каждая постройка или другой какой предметъ во дворѣ каждаго дома будетъ также урочищнымъ мѣстомъ; выраженія: у воротъ, въ саду, у колодца и т. п., развѣ это не урочищныя обозначенія, развѣ это не одно и то же, что у бражныхъ тюремъ, у Колымажнаго двора, у Сухаревой башни, у Суконныхъ бань, и т. д.? При означеніи мѣста церквей упоминаются нерѣдко дворы, мосты, тюрьмы, подворья, богадѣльни и т. п. Но развѣ эти дворы, мосты и проч.—все урочища? Такимъ образомъ, потерявъ изъ виду настоящее значеніе, настоящій смыслъ

урочища, авторы стали почитать урочищемъ всякое собственное имя, какое только встрѣчали въ извѣстіяхъ о мѣстоположеніи или о прозваніи церкви и, какъ упомянуто, вмѣсто изслѣдованія объ урочищахъ, ведутъ изслѣдованіе, собственно, о церквахъ. Это очевиднѣе всего раскрывается въ собранномъ *текстѣ* урочищъ или въ ихъ спискѣ, которому авторы даютъ заглавіе: *«Московскія урочища въ хронологическомъ отношеніи»*, и дѣлятъ его на два отдѣла, помѣщая въ первомъ отдѣлѣ *древнія урочища*, до XVII ст., а во второмъ—*старыя и новыя, отъ XVII до XVIII вѣка*. Первый отдѣлъ разбивается, сверхъ того, на XII параграфовъ, по раздѣленію города на Кремль, Китай, Бѣлый, Земляной, за Землянымъ, Заяузье, Замоскворѣчье. Второй отдѣлъ также разбивается на семь частей: Кремль и шесть сороковъ церквей.

Въ Кремлѣ авторы насчитываютъ 18 урочищъ древнихъ, до XVII ст., да 14 старыхъ и новыхъ, отъ XVII ст. Пространство Кремля извѣстно, и мы думаемъ, что каждый, кто бывалъ въ немъ, очень подивится такому числу кремлевскихъ урочищъ. Если урочище происходитъ отъ слова *урокъ* и означаетъ уреченное, названное, обозначенное, указанное мѣсто, если оно въ нарощеніи своего окончанія: *ище*, заключаетъ смыслъ или понятіе не о вмѣстимости или совокупности предметовъ или о чемъ-либо бывшемъ на какомъ-либо мѣстѣ, какъ толкуютъ авторы (стр. 3), а вообще о *пространствѣ*, какъ городище, пожарище, становище, усадище и проч., то сколько же такихъ пространствъ, отличенныхъ особымъ именемъ, можетъ существовать по всей площади Кремля? Простое разумѣніе можетъ остановиться на урочищѣ *Боръ* (Спасъ на Бору, Боровицкія ворота), можетъ припомнить древнѣйшее имя этого урочища *Московъ*, рекше *Кучково*, которое, однакожь, не попадаетъ у авторовъ въ число урочищъ. Про-

стое разумѣніе можетъ, пожалуй, причислить къ урочищамъ мѣстности Кремля, № 2, *подъ горою*, *подолъ*, площадь посреди Кремля, №№ 3, 4, 6, 8; но оно едва ли съумѣетъ объяснить себѣ такія урочища, какъ Ярославовъ дворъ (котораго не было, а былъ *Ярославичскій дворъ*), № 4; приказы, верхнія Тайницкія ворота (что относится уже къ XVII вѣку), № 5; государевъ дворъ, царскія сѣни, царскую казну, казенный дворъ, № 6; митрополичій дворъ, дворъ святителя Петра, № 7; подъ колоколами, т. е. собственно въ зданіи колокольни, № 8; дворецъ, сѣни, № 9, 10; Фроловскія ворота, Кирилловское подворье, Вознесенскій монастырь, дьячьи палаты, № 11; симоновскій дворъ, № 12; троицкій дворъ, подворье, старый Борисовъ дворъ (Годунова), № 13; Угрѣшскій дворъ, городъ (какъ стѣна), № 14; патріаршій дворъ, сѣни царицы Натальи Кириловны (XVII ст.), № 15; Ховринъ дворъ, № 16; труба каменная для стока нечистой воды, № 17; наконецъ, Чудовъ монастырь, № 18. Вотъ, текстъ древнихъ урочищъ Кремля. Разсудительный читатель можетъ спросить, почему же въ этотъ счетъ не попали другія древнія урочища, т. е., имена дворовъ, зданій, которые существовали въ Кремлѣ въ тѣ же времена, напр.: Свиблова стрѣльница (1488 г.), безъ сомнѣнія, подлѣ двора боярина *Свибло*, Беклемишева стрѣльница (1487 г.) у двора Беклемишева, гдѣ сидѣлъ въ оковахъ Тривизанъ въ 1473 г.; Гавшинъ дворъ (1368), дворъ Юрья Патрекѣевича (1446 г.), дворъ Шемякинъ, дворъ Поповкѣнъ (1446 г.), Носовъ дворъ (1470 г.) Тимоѳеевскія ворота (1476 г.), Чишковы ворота. А сколько дворовъ и мѣстъ упомянуто въ духовныхъ граматахъ князей XIII — XV ст.! Почему же всѣ *такія* урочища не собраны сюда же? Отвѣтъ одинъ: потому, что эти урочища не обозначаютъ своими именами мѣстности какой-либо церкви, потому, что для авторовъ вопросъ о церквахъ — вопросъ преимущественный.

Урочища, хотя бы домы и дворы, важны для нихъ только, какъ придатокъ церкви. Но и съ этой точки зрѣнія, ихъ списокъ древнихъ урочищъ оказывается также неполнымъ. Они пропустили: церковь Николы *Льняного*, Гостунскаго, церковь Георгія, что у *Фроловскихъ воротъ* (каменная построена въ 1527 г.); ц. Воскресенія *на площади* (1532 г.); ц. Рождества Христова у *Мстиславскаго двора* (1552 г.), Вознесенія Христова (монаст.), что въ *Старомъ въ Большомъ городѣ у Фроловскихъ воротъ* (1584 г.); также монастырь Чудовъ, на мѣстѣ Ханскаго конюшеннаго двора. Кромѣ того, не вездѣ полонъ текстъ урочищъ или мѣстныхъ указаній и при обозначенныхъ церквахъ. Такъ, Спасъ на Бору, обозначался еще: *на Дворцѣ, что на Большомъ дворцѣ* (1584 г.); цер. Рождества Іоанна Предтечи, № 7, обозначалась: *что за Дворцомъ у старыхъ конюшенъ, у стараго конюшеннаго двора, у конюшенъ за дворцомъ у Боровицкихъ воротъ* (1584 г.), *противъ Аргамачьей конюшни, у Государевой большой конюшни*, и т. п.; ц. Аѳанасія и Кирилла, № 11, *что у Мстиславскаго двора* (1584 г.); церковь Введенія, № 12 — *что на Князь Юрьевскомъ дворѣ* (1584 г.).

Но послѣдуемъ за авторами къ старымъ и новымъ урочищамъ Кремля, т. е., извѣстнымъ съ XVII столѣтія. Здѣсь первымъ урочищемъ является церковь Рождества Христова *въ горахъ* у Ивановской колокольни. Авторы не одинъ разъ упоминаютъ въ своей книгѣ, что мѣстность Кремля значительно измѣнилась въ теченіе вѣковъ, что, первое его будто бы *планированіе* началось еще въ концѣ XV вѣка (стр. 88). Стало быть, извѣстіе *о горахъ* на кремлевской возвышенности скорѣе всего можно было бы встрѣтить въ спискѣ *древнихъ* урочищъ до XVII столѣтія. Какъ же случилось, что горы явились у Ивановской колокольни въ половинѣ XVII столѣтія, между тѣмъ,

какъ въ предъидущіе вѣка на этомъ именно мѣстѣ значится *площадь* (Іоанна Лѣствичника на площади)? Ссылка указываетъ на рисунки къ Путешествію Мейерберга въ 1661—1662 годахъ, гдѣ на планѣ Москвы обозначена эта церковь цифрою *3*, помѣщенною на самомъ зданіи, такъ-называемой, Филаретовской пристройки къ Ивановской колокольнѣ, гдѣ висятъ самые большіе колокола. Въ 1661 году, эта церковь именовалась *Рожество подъ колоколы* и находилась въ самомъ зданіи этой колокольни. Помѣщеніе этой церкви *подъ колоколами* относится къ 1555 году. Дѣло было такъ: въ 1532 году, была заложена церковь Воскресенія возлѣ «Иванъ Святый подъ колоколы». Въ 1552 году, ее додѣлали окончательно. Это было основаніемъ, такъ-называемой въ послѣдствіи, Филаретовской пристройки къ Ивану Великому. Въ 1555 году, царь и митрополитъ въ ту же церковь (Воскресенія) перенесли Рождество Христово *отъ Мстиславскаго двора* (см. выше), и соборъ уставили. (И. Г. Р., т. VIII, пр. 153). Въ XVII столѣтіи, этотъ соборъ именовался еще Воскресенскимъ, что̀ подъ колоколами (1669 года). Почему Мейербергъ обозначилъ ее *въ горахъ*—не извѣстно; быть можетъ, это ошибка, описка писца или переводчика. Требовалось все-таки сдѣлать какое-либо разысканіе. Дворъ Мстиславскаго стоялъ на окраинѣ нынѣшняго плацъ-парада, надъ горою; такимъ образомъ, церковь у этого двора могла стоять въ горѣ и, перенесенная на новое мѣсто, могла сохранить свое старое обозначеніе; но это все только предположенія, требующія фактическаго утвержденія. Второе урочище: Рождество Богородицы *на каменной трубѣ*, обозначено было уже, хотя и не на своемъ мѣстѣ, въ числѣ древнихъ, № 17, съ ссылкою на тотъ же источникъ: Строильц. кн. 1626 года. Мы можемъ сообщить авторамъ, что объ этой церкви съ придѣломъ Сергія чудотворца упоминается, въ 1616 году, съ

обозначеніемъ: *позади Николы Гостунскаго*, а въ 1626 году: позади Николы Гостунскаго, *что на боярскомъ, на Василья Петровича Морозова дворѣ*. За тѣмъ идутъ урочища: на патріаршемъ дворѣ, № 3; на дворѣ Милославскаго, на Потѣшномъ дворѣ, въ Потѣшномъ домѣ, № 4; на сѣняхъ за золотою рѣшеткою, № 5; на сѣняхъ вверху у царевенъ, *противъ* Потѣшнаго дворца [1]), № 6; на сѣняхъ, № 7, 8; на дворѣ кн. Трубецкаго, № 9; у государева новаго запаснаго дворца, у Троицкаго подворья, № 10; у Чудова монастыря, противъ стараго Борисова двора, № 11; у Чудова за конюшеннымъ дворомъ, № 12; на житномъ дворѣ у Благовѣщенскихъ воротъ, № 13; противъ Одоевскаго двора у Никольскихъ воротъ, № 14.

Такимъ образомъ, всѣ эти древнія, старыя и новыя урочища, въ сущности, суть только указанія мѣстности церквей. Послѣдуемъ въ Китай-городъ, въ которомъ авторы обозначаютъ 19 урочищъ древнихъ и 23 урочища старыхъ, т. е., съ XVII столѣтія. Древнѣйшими урочищами Китай-города съ сѣверной стороны были *Пески* (Спасъ старый, Заиконоспасск. м.). За тѣмъ, къ Бѣлому городу — *Кучково поле* (Троица старыхъ поль); къ востоку — *Глинище* (Грузинская Богородица); къ югу, къ Москвѣ-рѣкѣ—*Болото*, также *Мокрое* (Зарядье), надъ которымъ возвышается взгорье (гора Псковская). Въ послѣдствіи, разселившійся здѣсь посадъ образовалъ, къ юговостоку, *острый конецъ*, перемѣнившій это имя на *уголъ*, когда выстроены были городовыя стѣны. Съ запада, *торгъ* отдѣленъ былъ отъ Кремля *Красною площадью* и

---

[1]) Церкви Спаса и Успенія никогда не стояли *противъ* Потѣшнаго дворца. Онѣ стояли близъ дворцовыхъ Куретныхъ воротъ, почти противъ Троицкихъ Кремлевскихъ воротъ. Откуда авторы взяли это обозначеніе— неизвѣстно.

рвомъ, получившимъ значеніе урочища, обозначавшаго мѣстность церквей; онъ былъ проведенъ изъ Неглинной въ Москву-рѣку, вдоль кремлевской стѣны. Подлѣ него стояло нѣсколько церквей, *на рву*, и въ томъ числѣ Василій Блаженный (Троица, Покровъ) на рву, но никакъ не *подъ горою*, какъ отмѣтили авторы. Всякому видно, что Василій Блаженный стоитъ на горѣ, служащей продолженіемъ горы Кремлевской, и никогда не обозначался: *подъ горою*. Подъ горою обозначались тѣ мѣста подлѣ этой церкви, которыя дѣйствительно и были подъ горою, ниже ея, къ Москвѣ-рѣкѣ. Покровъ обозначался: на рву по конецъ Фроловскаго мосту, на рву у Фроловскихъ воротъ (1584 г.).

Крестцы или уличные перекрестки Никольскіе, Ильинскіе, Варварскіе также дали свое обозначеніе нѣсколькимъ церквамъ, стоявшимъ подлѣ нихъ: №№ 3, 6, 7, 9, 10, а также №№ 11 и 12, церкви Воскресенія и Максима, которыя обозначались: что на Варварскомъ крестцѣ, о чемъ авторы не упоминаютъ. Такое же обозначеніе мѣстности церквей дали: *торгъ* (ряды), № 6; панской дворъ —въ Панѣхъ, въ Паньѣ, № 13 и № 12, 14; Гостинный дворъ, Кокчинъ дворъ, Микитниковъ дворъ и подворья разныхъ монастырей, № 14—22 (стр. 42). Самыя церкви имѣли нерѣдко прозванія: Никола старый, Большая голова, Спасъ старый, Никола большой крестъ, Красный звонъ, Красные колокола, и т. п. Всѣ такія прозвища должно ли принимать за урочища? Другое дѣло, если прозвище церкви переходитъ въ прозвище всей окружной мѣстности, напримѣръ, Пятница Божедомка, и т. д.; тогда эта мѣстность, по необходимости, принимаетъ смыслъ урочища, является уреченною мѣстностью. Но подобныя прозвища цѣлыхъ мѣстностей происходили гораздо чаще не отъ церквей, а напр., отъ фартинъ, или подревнему—кружалъ, а по-новому питейныхъ домовъ; таковы: Разгуляй, Плющиха, Варгуни-

ха, Козиха, Зацѣпа, Щипокъ, Подвязки, Подберезки, и т. д. Нельзя же и въ самомъ дѣлѣ принимать за урочища—обозначенія: у воротъ, у тюремъ, у золотой фабрики, у двора, противъ воротъ, за биржею, въ переулкѣ, на подворьѣ, у моста, у стѣны, подъ вязомъ, подъ горою, и т. п., и даже на *вымлѣ*, № 8 — слово, настоящее значеніе котораго авторы недостаточно выяснили. Они, стр. 96, толкуютъ его *вымоиною*. Указаніе городской мѣстности: *вымлѣ*, изъ одного корня со словомъ: *вымя*,—означало, вообще, выдвинувшуюся, выдавшуюся на улицу или на площадь часть построекъ, напримѣръ, рядовъ или домовъ, или вообще, выдавшуюся часть уличной межи. При большой неправильности въ расположеніи старинныхъ московскихъ строеній и улицъ, подобныхъ *вымловъ* на каждой улицѣ могло быть довольно, а особенно ихъ было много въ торговыхъ рядахъ Китай-города. При обозначеніи мѣстъ тамошнихъ лавокъ, это слово часто употреблялось, напримѣръ: *лавка на вымлѣ* на оба лица, на четыре затвора, по конецъ кафтаннаго ряду; *лавка на вымлѣ* серебряннаго ряду, и т. п. (Окладныя книги земскаго приказу 202 и 207 г.). Или объ улицахъ: въ Кадашовѣ у Воскресенья Христова въ приходѣ, въ Алымовѣ переулкѣ *съ вымла* отъ Ордынскіе улицы. (1631 г.). Въ томъ же самомъ смыслѣ слово *вымолъ* употребляетъ Русская Правда въ статьѣ «о городскихъ мостѣхъ» (мостовыхъ), гдѣ она распредѣляетъ поплату за мостовыя: «отъ нѣмецкаго вымола нѣмцемъ до Иваня вымола, отъ Иваня вымола Готамъ до Гелардова вымола до задняго, отъ Гелардова вымола огнищанамъ до Будитина вымола, ильинцамъ до Матеева вымола...» Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о такихъ признакахъ улицъ, которые служили наиболѣе виднымъ указаніемъ границы мостовыхъ, а такою границею въ дѣйствительности представлялась выпускная, выдающаяся часть уличныхъ построекъ, *вымя* или *вымлѣ*, обо-

какъ, будто бы, значится въ межевой граматѣ 1504 года; но въ граматѣ этого не значится. Тамъ сказано: «да къ изгороде *на вымолъ* въ Водомѣровской деревнѣ, къ Радонежской, да изгородою по Ямамъ....» С. Г. Гр., т. I. № 138;— или въ другой граматѣ, № 140: «да поперекъ болота поросникомъ *къ вымлу* по ямамъ къ изгородѣ, да изгородою въ каменой врагъ...» Здѣсь понятіе о вымоинѣ можетъ явиться лишь изъ нѣкотораго сходства словъ: вымолъ и вымоина, ибо смыслъ текста ничего опредѣленнаго не даетъ, а указываетъ только на соотношеніе вымла съ изгородою, которая, какъ пограничная черта, всегда могла образовывать и вымолъ. Вымлъ, значитъ, какъ объяснено выше, вообще — выпускъ строенія или улицы, выдавшуюся часть чего-либо, а стало быть, и выдавшуюся часть межевой границы двухъ земель, которую описываютъ приведенные тексты межевыхъ граматъ.

Замѣтимъ кстати нѣкоторые недосмотры: въ № 9 (стр. 19) повторены церкви, обозначенныя каждая особо въ №№ 10 и 12. Въ № 16 обозначено о церкви Николы, *гдѣ крестъ цѣлуютъ*, неправильно, ибо у этой церкви судебнаго крестоцѣлованья никогда не было, о чемъ ниже скажемъ подробнѣе. Въ № 19, въ обозначеніи: на синодальномъ *осадномъ* дворѣ, надо сказать также и на патріаршемъ, какъ сказано и на митрополичьемъ, ибо этотъ осадный дворъ существовалъ, безъ сомнѣнія, еще и въ то время, когда не было стѣнъ Бѣлаго-города, и когда, во время осады, митрополичьи, а въ послѣдствіи патріарши люди собирались на этотъ китайгородскій дворъ изъ подгородныхъ посадовъ и селъ. Обозначеніе: на синодальномъ—позднѣйшее.

Въ № 2, обозначеніе Никольскаго греческаго монастыря: у *большаго креста*—сомнительно; ибо такъ обозначалась только церковь Николы у Ильинскихъ воротъ, хотя авторы и

ссылаются на какіе-то акты, стр. 41, но ихъ не указываютъ. Наконецъ, въ числѣ древнихъ урочищъ, не была означена церковь Введенія, что *за Торгомъ*, Введеніе Златоверхая, построенная въ 1514 году. Авторы исправляютъ этотъ пропускъ въ означеніи ошибокъ и дополненій стр. 198, но приводятъ при ней позднѣйшее обозначеніе ея мѣстности, *у гостинаго ряду* (правильнѣе—*у гостинаго двора*.)

Затѣмъ, въ № 23 старыхъ урочищъ Китая, обозначена церковь Воскресенія, которая помѣщена уже въ древнихъ № 11, безъ объясненія, что это та же самая.

Въ Бѣломъ-городѣ, одно изъ древнѣйшихъ урочищъ было Кучково поле (1379 года), начинавшееся тотчасъ у Никольскихъ воротъ Китай-города отъ церкви Троицы, что у *старыхъ поль*. Оно занимало мѣстность Лубянки, съ площадью, и все пространство по Срѣтенкѣ, на востокъ до Мясницкой, гдѣ начинался *боръ* (церковь Гребенскія Богородицы или *Грибневскія*, какъ она обозначена въ 1584 году). Отъ Кучкова, поля на западъ, и на югъ тянулось *Занеглименье*, по правому берегу Неглинной. Здѣсь находились урочища: *Высокое* — взгорье петровскаго монастыря, *Высокое* — взгорье на Тверской, *Красная горка* (близь охотнаго ряда) и *Островъ* (Воздвиженскій монастырь), *Старое Ваганково* (гдѣ теперь Музей), съ *Моховою* у береговъ Неглинной. За этими взгорьями, за Ваганковомъ и Островомъ — *Арбатъ*; отъ Ваганкова къ югу, къ берегу Москвы-рѣки, *Черторья*, которая переходила и за Земляной-городъ и прозывалась отъ ручья Черторыя, отдѣлявшаго, впослѣдствіи, Бѣлый-городъ отъ Землянаго. Отъ Кучкова поля, на востокъ, возвышенность была покрыта *боромъ* отъ церкви Гребневскія Богородицы *на бору* до Ивановскаго монастыря *подъ* боромъ, стоящей на южномъ взгорьѣ этой возвышенности, которая здѣсь оканчивалась *садами* в. князя, а прямо на

югъ, къ Москвѣ-рѣкѣ, *Кулижкою* или *Кулижками*, низменнымъ, болотнымъ мѣстомъ, отъ слова: кулига—лужа, и обширнымъ *Васильевскимъ лугомъ*, а, впослѣдствіи, *садомъ* (гдѣ теперь Воспитательный домъ).

Вотъ главнѣйшія урочища Бѣлаго-города. Требовалось показать текстами и годами, съ какого времени они становятся извѣстными въ письменныхъ памятникахъ, а обозначеніемъ церквей опредѣлить пространство или мѣстоположеніе каждаго урочища. Въ такомъ случаѣ, церкви служили бы только указателями урочищъ. Но у авторовъ, на оборотъ, урочища служатъ указателями церквей и потому нѣсколько разъ повторяются, безъ мысли о ихъ границахъ: см. №№ 4 и 5; 12, 15 и 16; 18, 19 и 20; 21 и 22. При этомъ, въ № 25 неправильно обозначена церковь Флора и Лавра въ Мясникахъ (на Мясницкой) еще: *у конюшенъ*. *У конюшенъ* великаго князя, находившихся у Николы Подкопаева, подъ воронцовскимъ велико-княжескимъ дворомъ, стояла другая церковь Флора и Лавра, не упомянутая авторами, сгорѣвшая въ пожаръ 1547 года, изъ описанія котораго и авторы черпаютъ свое свидѣтельство, неправильно относимое ими къ церкви на Мясницкой (Царств. кн., стр. 139; сравн. также П. С. Р. Л. VIII, 227). Затѣмъ въ № 28, стр. 25, ошибочно приведенъ годъ 1452, вмѣсто 1389.

Въ Земляномъ-городѣ, отдѣляя отъ него Заяузье и Замоскворѣчье, авторы насчитываютъ древнихъ урочищъ до XVII столѣтія всего 4, и въ томъ числѣ помѣщаютъ одно подъ № 3, изъ Бѣлаго-города — это Спасъ на *Глинищѣ*, на *Коневой площадкѣ*, находящееся противъ китай-городскихъ Ильинскихъ воротъ и упоминаемое лѣтописью подъ 1547 годомъ (Цар. кн., 140). Этотъ недосмотръ, впрочемъ, два раза оговоренъ на стр. 81 и 198. Остаются Бараши (слобода), *Воронцово поле*, гдѣ былъ великокняжескій загородный дворъ,

и *Драчи* или *Грачи* (Никола въ грачахъ). Но въ Земляномъ-городѣ, начиная отъ Москвы-рѣки, съ запада отъ Кремля были еще древнія урочища: *Черторья*, *Семчинское* село, *Остожье*, которое авторы помѣщаютъ за Землянымъ-городомъ подъ № 7, *Козья* Борода, *Могилицы* (церковь Успенія), которое авторы также помѣщаютъ за Землянмъ подъ № 12; *Арбатъ*, *Козье болото*, *Ольховецъ*, *Дербь* и друг., извѣстность которыхъ должна восходить раньше XVII столѣтія.

Въ числѣ 14 древнихъ урочищъ за Землянымъ-городомъ, мы находимъ первые пять №№, принадлежащихъ *Заяузью*, для котораго авторы уже отдѣлили особую главу VI; № 6, находящійся въ Замоскворѣчьѣ, для котораго тоже отдѣлена глава VII. Въ числѣ остальныхъ №№ 7, 12 и 14, принадлежать Земляному-городу. Пять урочищъ №№ 8, 9, 10, 11, и 13, которыя затѣмъ остаются, конечно, составляютъ только долю того, что можно было отмѣтить о древнихъ подгородныхъ урочищахъ Москвы. Здѣсь могли быть помѣщены еще слѣдующія урочища: *Три горы*, гдѣ былъ загородный дворъ князя Владиміра Андреевича съ церковью; *Большое Кудрино*, *Сущово*: *Напрудское*, *Хвостовское*, *Красное село подъ великимъ прудомъ у города* (1423, 1462), *Луцинское*, съ мельницею и псарнею, слободка *Ромодановская*, и др.

Обозрѣніе Заяузья, какъ мы видѣли, разбито на двѣ части: пять нумеровъ урочищъ помѣщено въ главѣ за Землянымъ-городомъ, валомъ. Послѣ того можно было думать, что въ главѣ, собственно Заяузье, авторы обозрятъ урочища, находившіяся только въ чертѣ Землянаго-города; однакожь и здѣсь они помѣщаютъ два урочища, № 5 и 6, лежащія за Землянымъ. Само собою разумѣется, что слѣдовало обозрѣть все Заяузье въ одномъ мѣстѣ, безъ раздѣла.

Въ [illegible] Замоскворѣцкихъ [illegible] урочищъ [illegible] очень [illegible] урочище *Мореновое*, [illegible] Спасовъ *съ лугу* (1431 г.[1]), [illegible] *Мостовщина* [illegible] (вѣроятно [illegible] [illegible]) и *Кобыльи* [illegible] [illegible] Мореновскаго слободы, [illegible] въ 1649 году. были построены [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]

предѣлить ихъ. Но тогда было бы соотвѣтственнѣе ихъ цѣли, было бы послѣдовательнѣе озаглавить весь собранный текстъ *таковыхъ* урочищъ въ этомъ же смыслѣ, и вмѣсто: *урочища Москвы* или *московскія урочища въ хронологическомъ ихъ отношеніи*, слѣдовало бы сказать: *московскія урочища* по отношенію ихъ къ церквамъ, или *московскія церковныя урочища*, какъ авторы принуждены были выразиться, распредѣляя урочища по церковнымъ *сорокамъ*, что̀ разумѣется, даже и имъ представлялось не слишкомъ сообразнымъ. Тогда нельзя было бы придавать этому частному, спеціальному вопросу, собственно объ урочищахъ церковныхъ, смыслъ вопроса общаго, вообще объ урочищахъ Москвы въ ихъ прямомъ и непосредственномъ значеніи, какъ то дѣлаютъ авторы въ своихъ трехъ предисловіяхъ (стр. 1, 13, 33) къ собранному ими тексту урочищъ. Отъ сліянія этихъ двухъ понятій объ урочищѣ, самомъ по себѣ, и объ урочищѣ только *церковномъ*, произошли всѣ несообразности, на которыя мы уже указывали; произошло то, что со смысломъ урочища явилось всякое простое обозначеніе, указаніе извѣстной мѣстности, всякое зданіе, всякое прозваніе этого зданія, и т. п.; произошло совершенное затемнѣніе очень простаго, непосредственнаго понятія объ урочищѣ, которое авторами было извлечено изъ библейскаго текста и высказано въ началѣ статьи. Послѣдовавшій вскорѣ рѣшительный перевѣсъ только къ церковному значенію урочищъ отвлекъ авторовъ отъ разысканій объ урочищахъ въ собственномъ смыслѣ, заставилъ ихъ надѣлать много пропусковъ и заслонилъ отъ ихъ вниманія цѣлый отдѣлъ урочищъ, получившихъ свои имена, напр., отъ питейныхъ домовъ. Да и церковныя урочища собраны и размѣщены, даже въ тѣхъ же сорока̀хъ, безъ всякой системы, безъ всякаго порядка, въ разбивку. Авторы переносятся съ своими обозначеніями уро-

[illegible] 25, 50, 77, 78 [illegible] в этомъ [illegible] [illegible] [illegible]

шутъ, что «въ старинныхъ описяхъ (въ какихъ—не говорится) урочища церквей Ермолая и *Власія* именовались также *на Козьемъ болотѣ*. Положимъ, что, дѣйствительно, въ какихъ-нибудь описяхъ церковь Власія обозначена Козихою, въ чемъ мы крѣпко сомнѣваемся; но въ ученомъ трудѣ развѣ возможно было оставлять безъ оцѣнки, безъ разысканія и объясненія такую несообразность? Легко было, по крайней мѣрѣ, оговорить сомнѣніемъ въ этомъ указаніи, а не утверждать его повтореніемъ того же на дальнѣйшей страницѣ. Дальше, церковь Николы Явленнаго обозначена: *на Арбатѣ, на Пречистенкѣ*, на большой Смоленской улицѣ, за Смоленскими, Арбатскими воротами. Пречистенка и Арбатская улица разстоянія имѣютъ другъ отъ друга около версты. Какъ же разумѣть это церковное несообразное урочище? Дѣло въ томъ, что здѣсь смѣшаны въ одно двѣ различныя церкви. Одна Николы *Явленнаго въ Пречистенской улицѣ*, иначе: Никола, *что въ Башмаковѣ*; также Похвалы Богородицы, да въ придѣлѣ Николы, *что у Водяныхъ воротъ, въ Чертольѣ*; также Похвалы Богородицы *Старые прощи*, въ отличіе отъ *Новой прощи* [1]) —церкви Николы же Явленнаго, *что за Арбатскими вороты*. Авторы обозначили ц. Николы въ Башмаковѣ подъ № 11, стр. 45, не приведя (какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ) полнаго текста урочищныхъ обозначеній, какія здѣсь нами указаны, а отъ того, неизбѣжно, и должны были принять двѣ церкви за одну.

Еще: церковь Спаса на Пескахъ № 27, стр. 47, смѣшана съ церк. Покрова на Пескахъ, въ Стрѣлецкомъ Приказѣ Коковинскаго, иначе, по придѣлу, Николы на Пескахъ; и придѣлы этой послѣдней отнесены къ Спасской: Николы и Трехъ

---

[1]) Арх. Ор. Пал. Кн. №№ 882 и 743.

Святителей. Покрова или Николы на Пескахъ, доселѣ существующая, вовсе не обозначена въ этомъ сорокѣ [1]).

Еще: въ число древнихъ урочищъ за Землянымъ-городомъ попала церковь Св. Николая *за Никитскими воротами въ Псаряхъ*, во *Псаренной слободѣ* съ ссылкою на книгу 7179 г. (стр. 28, № 13). Та же церковь, съ тѣмъ же обозначеніемъ урочища, помѣщена и въ Пречистенскомъ сорокѣ, № 45, стр. 50, съ указаніемъ книги 1657 г. Та же церковь, съ обозначеніемъ *на Новомъ Ваганьковѣ, за Прѣснею*, помѣщена и въ Никитскомъ сорокѣ, № 46, стр. 58. О той же церкви говорится на стр. 155, что она прежде стояла за Прѣсненскою заставою на Черногрязкѣ, потомъ переставлена на Три-горы, когда — не обозначено; впереди рѣчь идетъ о 1696 г. Наконецъ, о той же церкви упоминается *въ замѣченныхъ ошибкахъ и дополненіяхъ*, стр. 199—съ ссылкою на указъ 1683 г., однакожъ, безъ объясненія, что это одна и та же церковь, указанная въ разныхъ мѣстахъ выше.

Вообще, должно замѣтить, что изслѣдовательность, критика собираемыхъ свѣдѣній очень мало руководила авторами въ ихъ выпискахъ о церквахъ и урочищахъ Москвы. Они ставили рядомъ самыя несообразныя показанія безъ всякаго отзыва о томъ, чему наиболѣе долженъ вѣрить читатель.

Замѣтимъ еще: въ Никитскомъ сорокѣ № 25, стр. 55, они обозначаютъ церковь Спаса на *Житной площадкѣ у Охотнаго ряду*, присовокупляя, что у Мичурина на планѣ и у Рубана, она означена по урочищу *въ Китаѣ*, и указывая, что эта церковь была извѣстна по придѣлу подъ названіемъ *Анастасіи Узорѣшительницы*. Но у Мичурина церковь Спаса въ Китаѣ означена на планѣ, № 63, отдѣльно отъ церкви Анастасіи (означенной тамъ подъ № 60). Въ *Китаѣ*—

Библіоѳ. XI, 292. г. Хавскій, § 241 и 242.

явная ошибка у Мичурина; должно быть въ *Копьѣ*—церковь Спаса, которую указываютъ авторы подъ № 26. Въ топографическомъ смыслѣ это то же, что на *Стрѣлкѣ*, а быть можетъ, то же, что и на *Козьей бородѣ*, какъ обозначена церковь Благовѣщенья въ Черторьѣ, въ 1508 году. Церковь Настасьи Вмч., что на *Житной площадкѣ*, *у Поль* (упом. 1616 года), была въ послѣдствіи извѣстна подъ именемъ Спаса, что у *Мучнаго ряда* (противъ теперешней гостинницы Барсова, на площади). Спасъ въ *Копьѣ*, или у Мичурина — въ Китаѣ, находился между теперешнимъ Большимъ театромъ и Георгіевскимъ монастыремъ.

Всѣ такіе недосмотры и ошибки могли произойдти, главнымъ образомъ, отъ того, что авторы не потрудились составить текстъ урочищъ тѣмъ простымъ способомъ, какой принятъ наукою, какъ единственно-вѣрный и основательный. Слѣдовало взять какъ основу, старѣйшій списокъ или роспись церквей, напр., по книгамъ Патріаршаго Казеннаго приказа за 1625 г., или еще ранній, если такой есть. Затѣмъ, сличая этотъ списокъ съ послѣдующими, вносить варіанты или новыя церкви и новыя обозначенія ихъ мѣстъ или урочищъ съ отмѣтками самыхъ росписей и ихъ годовъ. Тогда составился бы точный и, безъ сомнѣнія, полный сводъ церковныхъ урочищъ за XVII столѣтіе. Провѣривъ его съ росписями XVIII столѣтія, авторы получили бы вѣрное и основательное исчисленіе церквей съ ихъ урочищами. Само собою разумѣется, что собираемые тексты должны быть приводимы съ великою точностью и вовсе не такъ, какъ это сдѣлано теперь, т. е. смѣшано и спутано древнее съ новымъ, или предшествовавшее съ позднѣйшимъ. Напр., церковь Успенія № 21, стр. 47 означена: на *Остоженкѣ*, въ *Семчевскомъ сельцѣ*, *близъ Остоженскаго конюшеннаго двора* — три обозначенія разнаго времени; какое изъ нихъ древнѣе, какое позднѣе —

[illegible] вопроса и предложить [illegible] основаніи [illegible] собственныя [illegible], урочищы [illegible]. [illegible] случаѣ, [illegible] историю урочищъ и [illegible] Большой Кольцы и [illegible] в Пушкинѣ в [illegible] Фоборовъ, за Золотою [illegible] стр. [illegible] или стр. [illegible] в старомъ Ветошномъ в новой [illegible] или стр. [illegible] в [illegible] в Балашихѣ в Балашихѣ; или стр. [illegible] № 1[illegible] в Ивановѣ в Хлыновѣ, въ Романовѣ или в стр. [illegible] № [illegible] в Большой, в Кабановѣ, в Ивановой слободѣ, в Большой слободѣ, и пр. и [illegible] в большей части, разнообразныя [illegible] [illegible], безъ [illegible] [illegible] [illegible] в [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

напальный, на Ильинкѣ у Юшкова переулка, указываетъ на существовавшій *Санапальный* рядъ (отъ самопалъ, ружье), такъ-какъ *Замочный*, у Варварскихъ воротъ, *Котельники*, въ Зарядьѣ, указываютъ мѣста торговли замками и котлами; *Истерія*, въ рядахъ, близъ Никольской, сохраняетъ память о существовавшей при Петрѣ въ этой мѣстности истеріи (австеріи); *Черкасскій*, на Толкунѣ, *Корунинскій*, *Волхонка* у Ильинскихъ воротъ, напоминаютъ фамиліи бывшихъ тамошнихъ домовладѣльцевъ; *Кобыльскій* на Подолѣ, въ Зарядьѣ и другой у Варварки обозначаютъ, можетъ быть, своимъ именемъ даже какую-либо старинную топографическую черту тамошней мѣстности, подобно церковнымъ урочищамъ: Никола въ Кобыльскомъ, или названіямъ деревень: Кобылья лужа, Кобылій врагъ. Въ топографическомъ смыслѣ, это, по всему вѣроятію, должно означать мѣстность, покрытую лужами, рѣдко просыхаемыми и оттого дававшими особую характеристику мѣстности.

Въ Бѣломъ-городѣ, въ Охотномъ ряду, *Помѣрный*, на Неглинной, указываетъ на существовавшую здѣсь, въ XVII столѣтіи, *Помѣрную избу*; *Стеклянный* — на торговый стеклянный рядъ. *Старо-Панкратьевскій*,—на Дербеновкѣ, въ Стрѣлецкомъ переулкѣ, указываетъ на старую Панкратьевскую слободу, такъ-какъ *Старые кожевники* — въ Кажевнической улицѣ, *Старая Таганка*—въ Таганкѣ. *Староконный*, на болотѣ за Москвою-рѣкою, указываетъ на *Старую конную* торговую *площадь*, какъ *Ново-конный* — на теперешнюю, за Серпуховскими воротами. *Коковинка* на Смоленскомъ рынкѣ сохраняетъ своимъ названіемъ память о Стрѣлецкой слободѣ въ Приказѣ стрѣлецкаго головы Степана *Коковинскаго*, котораго фамиліей обозначалась и находившаяся въ слободѣ церковь Трехъ Святителей (стр. 47, № 27, въ Коковинкѣ); такъ, какъ Троица—въ *Зубовѣ* (при-

казѣ) сохраняетъ въ своемъ обозначеніи фамилію стрѣлецкаго головы Ивана *Зубова*, Покрова въ *Левшинѣ*, Николы въ *Пыжовѣ*. Фартина *Малороссіянка* дала имя улицѣ *Маросейкѣ*; *Волхонка*, близъ Каменнаго моста — Волхонкѣ; *Солянка*—Солянкѣ; *Гавриковъ*, давшій имя переулку. *Разгуляй* обозначилъ своимъ именемъ цѣлую мѣстность, какъ *Тишина*—въ Грузинахъ; *Ладога*—въ Нѣмецкой слободѣ; *Плющиха*—близъ Дѣвичьяго поля; *Козиха*—на древнемъ Козьемъ болотѣ; *Заяѣна* и *Щивокъ*—за Москвою-рѣкою, въ Коломенской-яиской.

Многіе до сихъ поръ сохраняютъ или имена своихъ старинныхъ-хозяевъ, или собственную характеристику, данную имъ мѣстными обывателями. Напр., *Татьянка* — на Софійкѣ; *Агашка* — на Дѣвичьемъ полѣ; *Варгуниха* — у Срѣтенскихъ воротъ; *Варгуниха* — у Дорогомиловскаго моста; *Ѳеколка* — въ Семеновскомъ; *Архаровскій* — на Пречистенкѣ; *Бригадирскій*—близъ Головинскаго дворца, сведенный оттуда еще въ 1753 г. Затѣмъ, *Веселуха*—въ Больш. Садовникахъ; *Хива* — у Андроньева мон. (отъ пребыванія будто бы хивинскаго посольства, стр. 116); *Палиха* — въ Сущовской ул. за Подвязками; *Красилка* — въ Дорогомиловской слободѣ; *Казенка*—у казеннаго виннаго двора; *Лѣнивка*—на Пятницкой (сравн. *Лѣнивый торжокъ*, бывшій въ Бѣломъ городѣ, противъ каменнаго москворецкаго моста).

Другіе указываютъ различные топографическіе признаки или примѣты своихъ мѣстностей: *Катокъ*, существовавшій вначалѣ XVIII ст. въ Кремлѣ, у приказовъ, на взгорьѣ; *Скачекъ*—на Неглинной, у Охотнаго ряда, недалеко отъ По-[illegible]наго; *Тычекъ*—у Краснаго пруда; *Стрѣлка* — на Зе-[illegible]мъ валу, въ Садовой, у Спиридоновки; *Пролетка* — [illegible]частнаго монастыря; *Стремянка* — у Серпуховскихъ [illegible]ъ; *Подберезки*—на большой Прѣсненской улицѣ; *Под-*

вязки—въ Сущовѣ; *Роушки*—за Москворѣцкимъ мостомъ; *Устье*—у устья Яузы; *Пометный врагъ*—у Благовѣщенія на Бережкахъ; *Ольховецъ* — у Землянаго-города, въ Левшинскомъ переулкѣ; *Полянка* — на Полянкѣ; *Высокопятницкій* — на Пятницкой, у канавы; *Крутояръ*—у Андроньева монастыря.

Стоявшіе у городскихъ воротъ назывались именами тѣхъ воротъ; у заставъ—именами заставъ, а иногда—*розстанями*, напр., *Тверскія розстани* — у Тверской заставы. Стоявшіе между воротами и заставою назывались *Серединою*, съ именемъ улицы, на которой находились. Такъ существовали: *Тверская середина* (у Леонтьевскаго переулка), *Калужская середина*; а питейный домъ *Мѣщанская середина* далъ имя *Серединкѣ*, среднему перекрестку первой Мѣщанской улицы.

Большая часть всѣхъ этихъ именъ, давшихъ свои прозванія улицамъ и цѣлымъ мѣстностямъ, появилась, однакожь, не раньше XVIII ст., и именно первой его половины, когда устроены были по городу *фартины* (штофныя) винныхъ компанейщиковъ (фарта, фартина значитъ кварта, штофъ).

Составивши текстъ московскихъ урочищъ, авторы распредѣляютъ ихъ еще по *содержанію* (?) на: «1) Естественныя или топографическія, означающія наружный видъ или характеръ мѣстности, какъ-то: горки, крутицы, поля, и пр. 2) Этнографическія, заимствовавшія свое названіе отъ разноплеменныхъ и разноземельныхъ насельниковъ и переселенцевъ, напр., Ордынка, Крымскій дворъ, и проч. Сюда же относятся урочища, усвоившія себѣ имена храмосоздателей и первоначальныхъ или послѣдовавшихъ за ними собственниковъ. 3) Относящіяся къ *городскому устройству* и, вообще, свидѣтельствующія о прежнемъ *юридическомъ бытѣ*, напр., трети, сотни, служилыя слободы, площади, поля, въ значеніи

казѣ) сохраняетъ въ своемъ обозначеніи фамилію стрѣлецкаго головы Ивана *Зубова*, Покрова въ *Левшинѣ*, Николы въ *Пыжовѣ*. Фартина *Малороссіянка* дала имя улицѣ *Маросѣйкѣ*; *Волхонка*, близъ Каменнаго моста — Волхонкѣ; *Солянка*—Солянкѣ; *Гавриковъ*, давшій имя переулку. *Разгуляй* обозначилъ своимъ именемъ цѣлую мѣстность, какъ *Тишина*—въ Грузинахъ; *Ладога*—въ Нѣмецкой слободѣ; *Плющиха*—близь Дѣвичьяго поля; *Козиха*—на древнемъ Козьемъ болотѣ; *Заяѣна* и *Щипокъ*—за Москвою-рѣкою, въ Коломенской-ямской.

Многіе до сихъ поръ сохраняютъ или имена своихъ старинныхъ-хозяевъ, или собственную характеристику, данную имъ мѣстными обывателями. Напр., *Татьянка* — на Софійкѣ; *Аѣашка* — на Дѣвичьемъ полѣ; *Варгуниха* — у Срѣтенскихъ воротъ; *Варгуниха* — у Дорогомиловскаго моста; *Ѳеколка* — въ Семеновскомъ; *Архаровскій* — на Пречистенкѣ; *Брегадирскій*—близъ Головинскаго дворца, сведенный оттуда еще въ 1753 г. Затѣмъ, *Веселуха*—въ Больш. Садовникахъ; *Хива* — у Андроньева мон. (отъ пребыванія будто бы хивинскаго посольства, стр. 116); *Палиха* — въ Сущовской ул. за Подвязками; *Красилка* — въ Дорогомиловской слободѣ; *Казенка*—у казеннаго виннаго двора; *Лѣнивка*—на Пятницкой (сравн. *Лѣнивый торжокъ*, бывшій въ Бѣломъ городѣ, противъ каменнаго москворецкаго моста).

Другіе указываютъ различные топографическіе признаки или примѣты своихъ мѣстностей: *Катокъ*, существовавшій вначалѣ XVIII ст. въ Кремлѣ, у приказовъ, на взгорьѣ; *Скачекъ*—на Неглинной, у Охотнаго ряда, недалеко отъ Помѣрнаго; *Тычекъ*—у Краснаго пруда; *Стрѣлка* — на Земляномъ валу, въ Садовой, у Спиридоновки; *Пролетка* — у Страстнаго монастыря; *Стремянка* — у Серпуховскихъ воротъ; *Подберезки*—на большой Прѣсненской улицѣ; *Под-*

вязки—въ Сущовѣ; *Роушки*—за Москворѣцкимъ мостомъ; *Устье*—у устья Яузы; *Пометный врагъ*—у Благовѣщенія на Бережкахъ; *Ольховецъ* — у Землянаго-города, въ Левшинскомъ переулкѣ; *Полянка* — на Полянкѣ; *Высокопятницкій* — на Пятницкой, у канавы; *Крутояръ*—у Андроньева монастыря.

Стоявшіе у городскихъ воротъ назывались именами тѣхъ воротъ; у заставъ—именами заставъ, а иногда—*розстанями*, напр., *Тверскія розстани* — у Тверской заставы. Стоявшіе между воротами и заставою назывались *Серединою*, съ именемъ улицы, на которой находились. Такъ существовали: *Тверская середина* (у Леонтьевскаго переулка), *Калужская середина*; а питейный домъ *Мѣщанская середина* далъ имя *Серединкѣ*, среднему перекрестку первой Мѣщанской улицы.

Большая часть всѣхъ этихъ именъ, давшихъ свои прозванія улицамъ и цѣлымъ мѣстностямъ, появилась, однакожь, не раньше XVIII ст., и именно первой его половины, когда устроены были по городу *фартины* (штофныя) винныхъ компанейщиковъ (фарта, фартина значитъ кварта, штофъ).

Составивши текстъ московскихъ урочищъ, авторы распредѣляютъ ихъ еще по *содержанію* (?) на: «1) Естественныя или топографическія, означающія наружный видъ или характеръ мѣстности, какъ-то: горки, крутицы, поля, и пр. 2) Этнографическія, заимствовавшія свое названіе отъ разноплеменныхъ и разноземельныхъ насельниковъ и переселенцевъ, напр., Ордынка, Крымскій дворъ, и проч. Сюда же относятся урочища, усвоившія себѣ имена храмосоздателей и первоначальныхъ или послѣдовавшихъ за ними собственниковъ. 3) Относящіяся къ *городскому устройству* и, вообще, свидѣтельствующія о прежнемъ *юридическомъ бытѣ*, напр., трети, сотни, служилыя слободы, площади, поля, въ значеніи

казѣ) сохраняетъ въ своемъ обозначеніи фамилію стрѣлецкаго головы Ивана *Зубова*, Покрова въ *Левшинѣ*, Николы въ *Пыжовѣ*. Фартина *Малороссіянка* дала имя улицѣ *Маросѣйкѣ*; *Волхонка*, близъ Каменнаго моста — Волхонкѣ; *Солянка*—Солянкѣ; *Гавриковъ*, давшій имя переулку. *Разгуляй* обозначилъ своимъ именемъ цѣлую мѣстность, какъ *Тишина*—въ Грузинахъ; *Ладога*—въ Нѣмецкой слободѣ; *Плющиха*—близь Дѣвичьяго поля; *Козиха*—на древнемъ Козьемъ болотѣ; *Заяѣпа* и *Щипокъ*—за Москвою-рѣкою, въ Коломенской-яиской.

Многіе до сихъ поръ сохраняютъ или имена своихъ старинныхъ-хозяевъ, или собственную характеристику, данную имъ мѣстными обывателями. Напр., *Татьянка* — на Софійкѣ; *Агашка* — на Дѣвичьемъ полѣ; *Варгуниха* — у Срѣтенскихъ воротъ; *Варгуниха* — у Дорогомиловскаго моста; *Ѳеколка* — въ Семеновскомъ; *Архаровскій* — на Пречистенкѣ; *Бригадирскій*—близъ Головинскаго дворца, сведенный оттуда еще въ 1753 г. Затѣмъ, *Веселуха*—въ Больш. Садовникахъ; *Хива* — у Андроньева мон. (отъ пребыванія будто бы хивинскаго посольства, стр. 116); *Палиха* — въ Сущовской ул. за Подвязками; *Красилка* — въ Дорогомиловской слободѣ; *Казенка*—у казеннаго виннаго двора; *Лѣнивка*—на Пятницкой (сравн. *Лѣнивый торжокъ*, бывшій въ Бѣломъ городѣ, противъ каменнаго москворецкаго моста).

Другіе указываютъ различные топографическіе признаки или примѣты своихъ мѣстностей: *Катокъ*, существовавшій вначалѣ XVIII ст. въ Кремлѣ, у приказовъ, на взгорьѣ; *Скачекъ*—на Неглинной, у Охотнаго ряда, недалеко отъ Помѣрнаго; *Тычекъ*—у Краснаго пруда; *Стрѣлка* — на Земляномъ валу, въ Садовой, у Спиридоновки; *Пролетка* — у Страстнаго монастыря; *Стремянка* — у Серпуховскихъ воротъ; *Подберезки*—на большой Прѣсненской улицѣ; *Под-*

вязки—въ Сущовѣ; *Роушки*—за Москворѣцкимъ мостомъ; *Устье*—у устья Яузы; *Пометный врагъ*—у Благовѣщенія на Бережкахъ; *Ольховецъ* — у Землянаго-города, въ Левшинскомъ переулкѣ; *Полянка* — на Полянкѣ; *Высокопятницкій* — на Пятницкой, у канавы; *Крутояръ*—у Андроньева монастыря.

Стоявшіе у городскихъ воротъ назывались именами тѣхъ воротъ; у заставъ—именами заставъ, а иногда—*розстанями*, напр., *Тверскія розстани* — у Тверской заставы. Стоявшіе между воротами и заставою назывались *Серединою*, съ именемъ улицы, на которой находились. Такъ существовали: *Тверская середина* (у Леонтьевскаго переулка), *Калужская середина*; а питейный домъ *Мѣщанская середина* далъ имя *Серединкѣ*, среднему перекрестку первой Мѣщанской улицы.

Большая часть всѣхъ этихъ именъ, давшихъ свои прозванія улицамъ и цѣлымъ мѣстностямъ, появилась, однакожь, не раньше XVIII ст., и именно первой его половины, когда устроены были по городу *фартины* (штофныя) винныхъ компанейщиковъ (фарта, фартина значитъ кварта, штофъ).

Составивши текстъ московскихъ урочищъ, авторы распредѣляютъ ихъ еще по *содержанію* (?) на: «1) Естественныя или топографическія, означающія наружный видъ или характеръ мѣстности, какъ-то: горки, крутицы, поля, и пр. 2) Этнографическія, заимствовавшія свое названіе отъ разноплеменныхъ и разноземельныхъ насельниковъ и переселенцевъ, напр., Ордынка, Крымскій дворъ, и проч. Сюда же относятся урочища, усвоившія себѣ имена храмосоздателей и первоначальныхъ или послѣдовавшихъ за ними собственниковъ. 3) Относящіяся къ *городскому устройству* и, вообще, свидѣтельствующія о прежнемъ *юридическомъ бытѣ*, напр., трети, сотни, служилыя слободы, площади, поля, въ значеніи

судебныхъ поединковъ и пр. 4) Историческія *въ тѣсномъ смыслѣ*, происшедшія *отъ какого-либо особеннаго событія* въ московскомъ мірѣ, таковы: Кучково поле, Лобное мѣсто, Убогіе домы, Бабій городокъ, Балвановка, Капельки, Наливки», и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ распредѣленіи урочищъ по *содержанію*, которое не менѣе странно въ своихъ отдѣлахъ, какъ и раздѣленіе урочищъ по церковнымъ сорокамъ, и займемся прямо урочищами топографическими.

Можно было полагать и даже иначе нельзя было и думать, что топографическія урочища Москвы дадутъ авторамъ не скудный матеріалъ для нагляднаго очерка ея древней топографіи. Топографическія урочища должны возстановить намъ древній образъ Москвы, ея топографическій обликъ. Для этого, конечно, необходимо взглянуть на топографическія урочища древней Москвы не въ розбить, а въ ихъ топографической же совокупности. Для этого необходимо хорошее знакомство съ топографическою физіономіею современной Москвы, потому что, какъ ни измѣнился ея видъ въ теченіе вѣковъ, но главныя, основныя формы ея мѣсторасположенія все-таки остались прежнія. Намъ кажется, что авторы имѣютъ самое смутное и сбивчивое понятіе не только о древней, но даже и о современной московской топографіи. Весь смыслъ ихъ статьи о топографическихъ урочищахъ заключается въ томъ, что въ Москвѣ *были*, въ извѣстныхъ мѣстахъ, горы, лѣса, пески, глинища, овраги, сады, рѣчки, и т. д. Съ этою цѣлью, авторы сводятъ въ одно мѣсто урочищныя имена горъ, лѣсовъ, садовъ, рѣчекъ, прудовъ, болотъ, грязей, овраговъ и ямъ, рвовъ,

яровъ, песковъ и глинищъ, полей, вспольевъ, луговъ, площадей, и тѣмъ оканчиваютъ (стр. 89—99). Мы не думаемъ, чтобы изъ такого перечисленія урочищъ образовалось въ умѣ читателя сколько-нибудь понятное представленіе о топографическомъ видѣ древней Москвы. Мы думаемъ, что читатель, бывавшій въ Москвѣ, слыхавшій приходскія названія ея урочищъ, и безъ того знаетъ, что все это было, а для кореннаго москвича это былое даже и теперь въ иныхъ случаяхъ дѣлается очевиднымъ, какъ, напр., Черторый у Пречистенскихъ воротъ, отъ котораго вся мѣстность называлась нѣкогда Черторьею, и теперь очень нерѣдко весною или въ сильные дожди своимъ разливомъ вовсе прекращаетъ пѣшеходное сообщеніе на этой улицѣ. И теперь иной разъ должно прибѣгать къ помощи извощика, чтобъ перебраться на другую сторону этого потока грязной уличной воды. Легко вообразить, что̀ же *было*, когда *не было* каменныхъ мостовыхъ. Москвичамъ старыя урочища ихъ очень хорошо извѣстны; они каждый день называютъ ихъ по именамъ, дѣлая адресы на письмахъ или нанимая извощиковъ, такъ-что, для москвичей, печатное перечисленіе московскихъ урочищъ ничего новаго не даетъ. Но москвичу было бы очень любопытно узнать именно топографическій древній видъ своего роднаго города. Для этого недостаточно свести или собрать въ одно мѣсто тѣ или другія урочищныя имена. Надо положить ихъ рѣзкими чертами въ общемъ очеркѣ древней физіономіи Москвы, надо дать имъ одинъ цѣльный, понятный строй и порядокъ, какой будетъ указывать характеръ самой мѣстности. Для выполненія такой задачи, конечно, требуется очень хорошее знакомство вообще съ топографіею города. «Какъ Москва составляетъ—говорятъ авторы — такую *котловину*, коей *дно усѣяно холмами* съ ихъ пригорками, покрытыми, по большой части, лѣсомъ, то ея населеніе, *подобно первоначальному населенію древ-*

нью міра послѣ потопа, вѣроятно, началось на горахъ и холмистыхъ мѣстахъ, обросшихъ лѣсомъ» (стр. 86). Совершенно справедливо, что вначалѣ никому въ голову не могло придти селиться на болотахъ, когда было можно жить, если не на высокомъ, то на сухомъ мѣстѣ. Но съ какой же точки зрѣнія Москва представляетъ *котловину*? Гдѣ края или берега этой котловины? Сами же авторы, въ противорѣчіе себѣ, тотчасъ же приводятъ слова Ломоносова, который говорилъ, что Москва «стоитъ на многихъ горахъ и долинахъ». Сами же авторы, вслѣдъ затѣмъ, разсуждаютъ о пресловутыхъ *седми* холмахъ и находятъ ихъ, не обозначая только того *дна* котловины, гдѣ эти холмы расположены. Это разсужденіе о седми холмахъ вполнѣ и обнаруживаетъ малое знакомство вообще съ топографіею города, съ основнымъ его топографическимъ расположеніемъ. Понятіе о холмахъ предполагаетъ ровную мѣстность, надъ которою господствуютъ эти холмы. Но если эта ровная мѣстность промыта и прорыта въ разныхъ направленіяхъ рѣками, рѣчками и ручьями, вообще притоками Москвы-рѣки, если такія промоины представляютъ во многихъ мѣстахъ низины, болота, луга, то правильно ли принимать за ровную мѣстность такое дно котловины, напр., именно эти низины и луга, и разсматривать основную равнину какъ рядъ холмовъ? Мы не думаемъ, чтобы такой взглядъ, такая точка зрѣнія могла дать точное опредѣленіе топографіи города. Москва, дѣйствительно, лежитъ «на горахъ и долинахъ»; но эти горы и долины образовались собственно отъ потоковъ ея рѣкъ и рѣчекъ. Въ сущности же, въ общемъ очертаніи, Москва большею частію занимаетъ ровную мѣстность, что замѣчали и иностранные путешественники еще въ XVI ст. Въ ея чертѣ нѣтъ даже такихъ переваловъ, какіе находятся, напр., въ ея ближайшихъ окрестностяхъ подъ именемъ «Поклонныхъ горъ». Горы и холмы Москвы суть высо-

кіе берега ея рѣкъ; долины и болота — низменные, луговые ихъ берега; такимъ образомъ, эти горы будутъ горами только въ относительномъ смыслѣ. Кремль — гора въ отношеніи къ Замоскворѣчью, такъ какъ мѣстность Ильинки или Варварки—гора въ отношеніи къ низменному Зарядью; но и Кремль, и Ильинка суть ровныя мѣста въ отношеніи къ Срѣтенкѣ, Мясницкой, и т. д. Потокъ Москвы-рѣки, какъ и всѣхъ почти мелкихъ рѣкъ московской области, въ своемъ извилистомъ теченіи, безпрестанно поворачивая въ разныхъ направленіяхъ, образуетъ почти при каждомъ болѣе или менѣе значительномъ поворотѣ обширные луга, долины, которые нерѣдко, своимъ общимъ видомъ, окруженные высокими берегами, представляютъ дѣйствительныя котловины. Въ отношеніи такихъ-то котловинъ высокіе берега, разумѣется, становятся горами. Мѣсторасположеніе Москвы и состоитъ изъ такихъ горъ и долинъ; въ этомъ и заключается общая характеристика ея топографіи; но это же самое не даетъ точнаго основанія представлять мѣстность Москвы — «котловиною, усѣянною на ея днѣ холмами».

Ровная мѣстность, на которой, главнымъ образомъ, расположена Москва, бѣжитъ къ Москвѣ-рѣкѣ съ сѣвера отъ троицкой (ярославской) дороги. Оттуда же, съ сѣвера, отъ боровой лѣсистой стороны, къ югу, въ Москву-рѣку, текутъ Неглинная, посрединѣ; къ востоку отъ нея—Яуза, а къ западу — рѣчка Прѣсня. Приближаясь къ городу, эта ровная мѣстность начинаетъ распредѣляться указанными потоками Яузы, Неглинной и Прѣсни на нѣсколько возвышеній, то есть возвышеній лишь относительно русла этихъ потоковъ, относительно тѣхъ небольшихъ долинъ, которыя ими промыты. Главная, такъ сказать, становая возвышенность, направляется отъ троицкой заставы, сначала по теченію рѣчки Напрудной (Самотека), а потомъ Неглинной, прямо въ Кремль; проходитъ Мѣщанскими

черезъ Сухареву башню (наиболѣе высокій пунктъ), идетъ по Срѣтенкѣ и Лубянкѣ (древнимъ Кучковымъ полемъ) и вступаетъ между Никольскими и Ильинскими воротами — въ Китай-городъ, а между Никольскими и Спасскими воротами— въ Кремль, въ которомъ, поворачивая нѣсколько къ юго-западу, образуетъ, при впаденіи въ Москву-рѣку Неглинной, *Боровицкій мысъ*, срединную точку Москвы и древнѣйшее ея городище, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшней Оружейной палаты, противъ разобранной церкви Рождества Іоанна Предтечи на Бору, первой на Москвѣ, были найдены даже *курганныя* серебряныя вещи: два витыя шейныя кольца (гривны) и двѣ серьги, что разумѣется, служитъ свидѣтельствомъ о незапамятномъ поселеніи на этомъ же Боровицкомъ мысу, или острогѣ.

Съ восточной стороны, эта продольная возвышенность, образуя по срединѣ, въ Земляномъ городѣ, между Сухаревой башней и Красными воротами или между Срѣтенкою и Мясницкою *Дебрь* или Дербь (Никола Дербенскій) съ ручьемъ Ольховцемъ, постепенно скатывается къ Яузѣ, сходя въ иныхъ мѣстахъ въ верхней, сѣверной части, почти *на-нѣтъ*, а въ иныхъ, по нижнему теченію Яузы, образуя довольно значительныя взгорья, особенно подлѣ Маросѣйки въ Бѣломъ-городѣ и подлѣ Зарядья въ Китай-городѣ, и выпуская отъ себя въ Яузу, въ верхней части, нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ прежде *Рыбенку* (на планѣ 1805 г. — Синичку), текущую черезъ сокольничье поле, потомъ *Чечеру*, на которой *Красный прудъ*, съ ручьями *Ольховцемъ* и *Кокуемъ*, теперь уже забытымъ, текущимъ въ Чечеру съ сѣвера изъ Елохова (Ольхова) и, наконецъ, ручей — Рачку (на которомъ *Чистый прудъ*), текущій чрезъ Кулижки и впадающій въ Москву—рѣку подлѣ устья Яузы (планъ 1805 г.).

По сторонамъ этого ручья Рачки, вызвышенность образуетъ въ Земляномъ-городѣ береговое взгорье: Воронцово, Воробино, Гостину гору, а въ Бѣломъ—взгорья древняго урочища Боръ и Сады, впереди которыхъ къ Яузѣ лежитъ обширная низменность Кулижка и Васильевскій лугъ (гдѣ Воспитательный домъ). Въ Китай-городѣ та же возвышенность образуетъ Псковскую гору, по которой идетъ улица Варварка съ низменностью урочищъ: *Мокрое*, *Болото* (Зарядье). Затѣмъ возвышенность съ той же стороны дѣлаетъ по Москвѣ-рѣкѣ Кремлевское береговое взгорье съ низиною впереди къ рѣкѣ или Кремлевскимъ *Подоломъ*.

Другая часть той же сѣверной ровной мѣстности идетъ въ городъ отъ сѣверо-запада, отъ дорогъ дмитровской и тверской, почти параллельно правому берегу Неглинной, который спускается къ рѣкѣ, вообще, довольно покато. Съ западной стороны этой возвышенности, также отъ сѣвера, течетъ *Прѣсня*, съ ручьями, опуская мѣстность постепенно къ своимъ берегамъ или Прѣсненскимъ прудамъ.

Та же мѣстность, приближаясь съ западной стороны къ Москвѣ-рѣкѣ по сю сторону Прѣсни, образуетъ крутые берега въ Дорогомиловѣ (горы Варгуниха, Дорогомиловская, Бережки), которые, идя дальше, постепенно понижаются къ Дѣвичьему монастырю. За Прѣснею тѣ же берега дѣлаютъ урочище *Три горы*, съ новымъ Ваганьковымъ.

Проходя по *Занеглименью*, эта же возвышенность дѣлится у Бѣлаго-города на двѣ вѣтви Сивцевымъ вражкомъ и Черторьею (по Пречистенскому бульвару). Одна вѣтвь, восточная, въ Бѣломъ-городѣ образуетъ урочище Островъ (Воздвиженка) и, при впаденіи въ Москву-рѣку Черторьи—мысъ, гдѣ теперь новый храмъ Спасителя; другая, западная вѣтвь, въ Земляномъ городѣ, образуетъ возвышенность Пречистенки и Остоженки, за которыми на юго-западъ уходитъ въ

Дѣвичье поле и въ Москворѣцкіе луга за Дѣвичьимъ монастыремъ къ Воробьевымъ горамъ.

Лѣвый восточный берегъ Яузы, вообще довольно возвышенный, оканчивается у Москвы-рѣки мысомъ же съ горками Лыщиковою и Вшивою, отъ которыхъ береговое взгорье идетъ и по Москвѣ-рѣкѣ, образуя Красный холмъ, Крутицы, Симоново.

Замоскворѣчье представляетъ луговую низменность, гдѣ по берегу противъ Кремля и Китая находился великокняжескій *великій лугъ* и *Садовники*. Въ срединѣ, ближе къ западу, на Полянкѣ эта низменность имѣла также Дебрь или Дербь (церковь Григорія Неокесарійскаго, *что въ Дербицахъ* [1]), а къ Москвѣ-рѣкѣ, съ той же западной стороны, оканчивается береговыми взгорьями — урочищами: *Бибьимъ городкомъ*, *Васильевскимъ* (Нескучное), *Плѣницами* [2]) (Андреевскій монастырь), проходя такими же взгорьями къ Воробьевымъ горамъ.

Такова общая характеристика мѣсторасположенія Москвы; ею могутъ опредѣляться и всѣ ея частности. Этими-то частностями можно было бы характеризовать каждую мѣстность отдѣльно, что̀, еще яснѣе изобразило бы и положеніе, и состояніе древней Москвы, а затѣмъ, рельефнѣе выдвинуло бы наружу ея основной топографическій скелетъ, если можно такъ выразиться. Такой характеристики требуютъ Кремль,

---

[1]) У авторовъ, это урочище не обозначено.

[2]) *Плѣницами* и въ Москвѣ и на югѣ, напр. на нижнемъ Днѣпрѣ, называютъ связки плотовъ или, собственно, плоты всякаго лѣса, прогоняемаго по весенней водѣ до назначеннаго мѣста. Московское урочище *Плѣницы* оттого и получило свое имя, что въ этой мѣстности всегда собирались шедшіе съ верху рѣки плоты-плѣницы, пригоняемые для городскаго потребленія. Книжное толкованіе этого прозванія плѣнниками и т. п. — не выдерживаетъ критики.

Китай, Занеглименье или западная часть Бѣлаго-города и отдѣльно, восточная его часть, начиная съ Кучкова поля отъ Срѣтенки и оканчивая Кулижкою и Васильевскимъ лугомъ. На такіе же два отдѣла можетъ раздѣлиться и Земляной городъ, потомъ слѣдуютъ Зарѣчье, Заяузье, Прѣсня, верхнее теченье Неглинной съ Напрудною, верхнее теченье Яузы, сторона Преображенская, Покровское-Рубцово съ слободою Нѣмецкою (Кокуй въ XVII ст.), сторона Краснопрудская, и. т. д.

Самая характерная черта древней Москвы, какъ города, заключалась въ великомъ множествѣ *полей* и *всполій*, луговъ, находившихся внутри города и отдѣлявшихъ другъ отъ друга его слободы, отдѣлявшихъ, вообще, постройки отъ его стѣнъ, и оставившихъ по себѣ память въ урочищныхъ обозначеніяхъ многихъ церквей. Поля и всполья, разумѣется, способствовали образованію *грязей* въ однихъ мѣстахъ, или *песковъ* — въ другихъ. Затѣмъ, къ полевымъ пространствамъ должно отнести *болота*, *мхи*, *ольхи* [1]) или ольховцы, вообще, мѣста *мокрыя* (Никола Мокрый). Въ древнее время существовали подлѣ города (и въ самомъ Кремлѣ) *боры*, а впослѣдствіи, съ распространеніемъ населенія, явилось великое множество *садовъ*. Все это придавало Москвѣ типъ чи-

---

[1]) *Ольхи* значитъ собственно — мокрыя, болотистыя мѣста, и въ этомъ смыслѣ, а не въ значеніи лѣса, служатъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Москвы. Ольховецъ-ручей, протекавшій Дербью-Дебрью (Дербеновка, съ церк. Николы), въ сѣверо-востоку отъ Бѣлаго-города, и дающій до сихъ поръ, близъ Краснаго села, ложе нѣсколькимъ прудамъ. „На рѣкѣ, на Соснѣ перелазовъ (переправъ) нѣтъ. Рѣка Сосна идетъ самыми крѣпкими мѣсты и приходятъ *ржавцы* и *ольхи* великія и до устья до самого, до Дону рѣки“ — такъ обозначали болотныя мѣста на степныхъ сторожахъ въ XVII ст.... „Крѣпости на немъ (на Вязовскомъ перелазѣ) зашли *болота* и *займища* великия.... и *ржавцы* больш и...“ (Чтенія О. И. и Д. Р. 1846 г., № 4, стр. 55).

ето деревенскій. По улицамъ, почти у каждаго пятаго дома, можно было встрѣтить часовню (Олеарій); по улицамъ же, для спасенія отъ пожаровъ, отъ каждыхъ 10 дворовъ устроивался колодезь.

Недостаточное знакомс тво съ общимъ характеромъ мѣстораположенія Москвы, собственно съ ея топографіею, вводитъ авторовъ въ большія неточности и даже невѣрности при описаніи нѣкоторыхъ мѣстностей. Такъ, описывая холмъ, стр. 86, на которомъ *положена основа селенію*, они говорятъ, что онъ *обтекаемъ Москвою рѣкою съ одной стороны и Яузою съ другой, что его одна часть выступаетъ изподъ западной стѣны Кремля на берега Неглинной*.... Но въ томъ и дѣло, что холмъ омывается съ этой другой стороны Неглинною и у него нѣтъ еще другой стороны, которая омывалась бы рѣкою, а тѣмъ болѣе Яузою, которой устье отстоитъ на версту отъ него. Далѣе: «*на гребнѣ этого холма, отдѣленнаго длиннымъ оврагомъ или черторыемъ отъ другаго*, покрытаго боромъ, стояла.... первая церковь Рождества Предтечи....» (стр. 87). Трудно понять, что́ хотѣли сказать авторы. Длинный оврагъ есть опять та же Неглинная, и никакого другого черторыя подлѣ этого мѣста но существовало и нѣтъ.

Далѣе, стр. 89: «въ сѣверозападной (чит. въ югозападной) части Бѣлаго города находимъ *холмистый* островъ» (Воздвиженка), который вовсе не холмистъ, а самъ собою представляетъ только бо́льшую противъ окрестныхъ мѣстъ возвышенность, почему и названъ *островомъ*. Слѣдуя далѣе отъ

этого острова къ сѣверовостоку, встрѣтимъ за Неглинною *Красную горку*....» Какимъ же образомъ за Неглинною, когда Красная горка есть продолженіе той же возвышенности острова, которая вся находится за Неглинною отъ Кремля? «Въ восточной части Бѣлаго города на Рождественкѣ и на Покровкѣ *простираются* безъимянныя высоты и горки съ ихъ пригорками.... безъимянная возвышенность (въ Земляномъ городѣ) отъ Самотеки и Трубы къ Сухаревой башнѣ, идущая къ Рождественскому монастырю и Лубянкѣ, потомъ къ востоку *Гостина* или *Гостиныя горы*, также Воробино....» (стр. 89) Такъ сбивчиво описана главная возвышенная мѣстность, кончающаяся у Москвы-рѣки Кремлевскимъ взгорьемъ. Авторы, видимо, не имѣютъ о ней отчетливаго, вѣрнаго представленія, и слѣдятъ собственно не за нею, а указываютъ ея скаты, принимая ихъ какъ особенныя *высоты и горки* и сопоставляя ихъ, вслѣдствіе этого, въ рядъ и съ Тремя горами и съ Воробьевыми горами, и съ горами Заяузья, и даже съ Поклонною горою, лежащею въ нѣсколькихъ верстахъ за Дорогомиловскою заставою.

Стр. 90: «Къ западу *Кремлевскій боръ* оканчивался обрывами съ одной стороны въ Бѣломъ городѣ у церкви св. Николая Стрѣлецкаго, а съ другой оврагами и бакалдинами [1]) (черторыями), близъ церкви Покрова Б. М. у Пречистенскихъ воротъ. Кто не знакомъ съ мѣстностью, для того со-

---

[1]) Слово это часто употребляютъ авторы; но оно не часто употребляется въ Москвѣ и есть слово степное, приволжское, значитъ глухой заливецъ, ямину съ стоячею водой, а въ московской сторонѣ — ямину, замору на дорогѣ въ распутицу. Объяснять же бакалдину черторыемъ, означающимъ вообще—быстрый, сильный потокъ, *роющій* свое ложе, думаемъ, будетъ не совсѣмъ основательно. Сами авторы производятъ это слово не отъ *черты* вопреки Ходаковскому, а отъ *чёрта*, чѣмъ и обозначаютъ настоящій смыслъ черторыя.

всѣмъ невозможно понять это топографическое указаніе. Дѣло въ томъ, что къ западу, Кремлевскій боръ омывался Неглинною, противоположный, т. е., правый, западный берегъ которой у Николы Стрѣлецкаго не могъ и въ древности имѣть обрывовъ, а имѣетъ довольно отлогую высоту, которая продолжается, еще болѣе возвышаясь, уже по берегу Москвы-рѣки, далѣе къ западу, по Волхонкѣ и Лѣнивкѣ и оканчивается у Пречистенскихъ воротъ черторьею, дѣлая у впаденія этой черторьи въ Москву-рѣку крутой мысъ, на которомъ стоялъ Алексѣевскій монастырь, а теперь воздвигнутъ храмъ Спаса. Такимъ образомъ, эта другая сторона Кремлевскаго бора есть не что иное, какъ сторона Москворѣцкаго Заноглименья.

Стр. 94: «Въ западной части Кремля изъ-за Боровицкихъ воротъ *выступала* давно уже засыпанная *котловина*, образовавшая оврагъ или черторье, о коемъ выше сказано». Опять нѣтъ возможности понять, о чемъ здѣсь говорится: объ устьѣ Неглинной у Боровицкихъ воротъ, или объ упомянутой черторьи ? Пречистенскихъ воротъ; но, во всякомъ случаѣ, ни тамъ, ни здѣсь котловины нѣтъ, а есть ложе потока. Далѣе: «Переступивъ съ запада на востокъ, въ Китай-городѣ встрѣчаемъ на *холмистой* Варваркѣ урочище церкви Покрова Б. М. *Мокрое*, которое такъ слыло отъ вымоины или болотины». Варварку нельзя назвать холмистою, ибо она сама по себѣ есть только ровное береговое взгорье Китай-города, Псковская гора. Покрова Б. М. *Мокрое* — есть тотъ же Никола *Мокрый* въ Зачатской улицѣ, т. е., на подолѣ Китай-города, въ Зарядьѣ, на *болотѣ*, у самаго низменнаго берега Москвы-рѣки, а не на Варваркѣ, т. е., не на высотѣ этого берега.

Упомянемъ еще нѣсколько мелкихъ топографическихъ неточностей. На 95 стр., авторы смѣшиваютъ Чертольское урочище: на *Козьей Бородѣ*, съ Козьимъ болотомъ или Кози-

хою, лежащею версты на двѣ отъ Чертолья. На стр. 96, *Заразы* объясняютъ *ущельями*, *тѣснинами*, тогда-какъ это—отвѣсныя кручи, обрывы (Воробьевскія *заразы*, Кунцовскія *заразы*). На стр. 98, въ числѣ полей помѣщаютъ *Ширяево* поле, находящееся уже въ рощѣ Сокольникахъ, т. е. далеко за чертою города. На стр. 99-й говорятъ, что у Семчинскаго села, на Стоженкѣ, находились *Ходынскій* и Самсоновскій луга, тогда-какъ Ходынскій лугъ находился у рѣчки Ходынки, выше Прѣсни, впадающей въ Москву-рѣку, слѣдовательно, далеко за чертою города и отъ Семченскаго. Тутъ же, въ числѣ городскихъ площадей помѣщаютъ *боярскую площадку*, т. е.—дворцовое крыльцо!

Въ главѣ: *Этнографическія урочища*, авторы помѣщаютъ такъ-названныя ими, *народовыя* урочища и *родовыя* или *фамильныя* (отъ личныхъ прозвищъ), т. е., собственно мѣста, а чаще зданія (дворы, подворья), получавшія въ разное время свои имена отъ тѣхъ или другихъ пріѣзжихъ иногородныхъ, а отчасти, иноземныхъ обывателей древней Москвы, и мѣста и дворы, получавшіе свое имя по фамиліи или прозвищу владѣльца. Какъ это относится къ этнографіи, и почему такія урочища должны называться этнографическими, мы судить не станемъ. Намъ кажется, что всѣ такія имена гораздо больше принадлежатъ исторіи города, чѣмъ этнографіи. По нимъ, прежде всего, мы узнаемъ исторію самаго урочища, откуда оно произошло, чѣмъ его этнографію. Вся этнографія тутъ заключается въ имени Псковичи, Хлыново, Англійскій дворъ, Нѣмецкая слобода, Панскій дворъ, Крымскій дворъ, Ордынка, Татарская,

Греческая слобода, Арбатъ, Больчугъ, Таганка, и т. п. Но если иногородный и иноземческій элементъ населенія, дававшій свои имена дворамъ, слободамъ и мѣстамъ, можетъ присвоить своимъ урочищамъ раздѣлъ урочищъ этнографическихъ, то все-таки непонятно, какимъ образомъ, къ тому же раздѣлу должны принадлежать и личныя прозвища, напр., всѣ боярскія и, вообще, дворянскія фамиліи, жившія обыкновенно въ Москвѣ и владѣвшія дворами. Между тѣмъ, глава почти на половину наполнена только этими именами, да притомъ и не именами урочищъ, а фамиліями домовладѣльцевъ. Насколько носятъ въ себѣ этнографическій смыслъ Буйносовы, Хворостинины, Телятевскіе, и т. д., или, напр., имена монастырскихъ подворій, стр. 111? Вообще, этотъ отдѣлъ главы еще болѣе подтверждаетъ высказанное нами выше замѣчаніе, что въ глазахъ авторовъ, всякій дворъ, стр. 107, и всякій огородъ, стр. 109, съ именемъ владѣльца получаетъ значеніе урочища. Настоящія же урочищныя мѣста, улицы, переулки, принявшіе названіе отъ жившихъ тамъ домовладѣльцевъ, вовсе не описаны, а личныя имена только и важны въ этомъ смыслѣ, если вопросъ долженъ идти объ урочищахъ, а не о томъ, на какой улицѣ какіе были княжескіе и боярскіе дворы, о чемъ было бы складнѣе говорить въ особомъ отдѣлѣ — о характерѣ населенія города.

Необходимо было ожидать покрайней мѣрѣ, точнаго опредѣленія мѣстностей, на которыхъ жило пришлое иногородное и иноземческое населеніе, напр., сотни иногородцевъ: Новгородская Устюжская, Ростовская, и т. п. или ихъ слободы и слободы иноземцевъ; но ничего этого нѣтъ, а сказывается объ этомъ частицами, какъ-то случайно, мимоходомъ и вовсе не поставляется на первый планъ, на главное подобающее мѣсто. Вы слушаете какого-то разсказчика, свободно и безо всякаго отчета для себя переносящагося въ своихъ указаніяхъ съ мѣста на

мѣсто, и вовсе не видите ученаго описателя, который дорожитъ основательностью, опредѣленностью, точностью и ясностью своихъ указаній, цѣльностью своего изслѣдованія.

Между прочимъ, авторы входятъ въ сличеніе названій московскихъ урочищъ съ иногородными, и какъ бы удивляются осязательному сходству и буквальному тождеству между ними. «Въ росписи селъ, деревень, погостовъ и пустошей, разсѣянныхъ по великой, малой и бѣлой Россіи, сколько представляется соименныхъ московскимъ урочищамъ!» — восклицаютъ авторы, стр. 112. Они выводятъ изъ своихъ сличеній, что Москва имѣла взаимное сближеніе съ другими областями Россіи. «Подобное сходство — свидѣтельствуютъ они — могло быть *заимствованнымъ* и *случайнымъ*. Еслибъ извѣстно было историческое значеніе каждаго изъ такихъ урочищъ, тогда можно было бы опредѣлить происхожденіе тождества названій и придти къ новымъ заключеніямъ», стр. 113. Изъ всего этого видно, что авторы въ самомъ дѣлѣ не представляютъ себѣ возможности одному и тому же народу, говорящему однимъ и тѣмъ же языкомъ, жившему подъ одними и тѣми же условіями природы, исторіи, всего своего развитія, — не представляютъ возможности такому народу называть и обозначать мѣста своихъ жилищъ, занятій и т. д., одними и тѣми же словами на всемъ пространствѣ его земли. Трудно понять, что̀ удивительнаго и мудренаго въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ мы найдемъ и Николы Кобыльскіе, и Хохловки, и Красныя горки, Красные холмы, Сущовы, Кудрины, Драчовы, Новинскіе и пр., и пр. Сто̀итъ почитать, напр., старинную опись любаго великорусскаго города, чтобы подумать, не о Москвѣ ли идетъ дѣло. Возьмемъ, напр., Сотную на Муромскій посадъ (Акты Юрид., № 229), на которую ссылались авторы. Читаемъ: «на посадѣ въ *Ильинской* улицѣ *во рву*.... у Успенія Пречистой ко *всполью*.... въ Спасской слободѣ.... улицею отъ Николы

Чудотворца *Мокрого*.... по той же улицѣ отъ *государева двора*.... со *всполья* отъ Димитрія святого.... въ *большомъ ряду* отъ *площади* идучи къ *Гостину двору*.... на *ряду* Лубеники.... на право на *вымлѣ* къ *рыбному ряду*....» Этотъ предметъ и при неизвѣстности историческаго значенія каждаго урочища, подавалъ поводъ идти къ любопытнымъ и новымъ заключеніямъ въ раскрытіи общихъ условій и, такъ сказать, общихъ законовъ быта и понятій, заставлявшихъ нашихъ предковъ называть и обозначать одними и тѣми же именами одни и тѣ же, повсюду существующіе предметы и топографическія черты мѣстности.

Глава: *Урочища историческія*, заключаетъ въ себѣ сказанія или собственно, воспоминанія о Кучковомъ полѣ, Лобномъ мѣстѣ, Божедомкѣ, Крестѣ, Москворѣцкихъ воротахъ, Подберезкахъ на Прѣснѣ, Кулижкахъ, Капелькахъ, Ваганковѣ, Гороховомъ полѣ, Берсеневкѣ, *Каиновой горѣ*, Болвановкѣ, Бабьемъ городкѣ, Кукуѣ, Наливкахъ, Ендовѣ. Частію, здѣсь собраны историческія данныя, частію преданія и даже басни, сложенныя въ позднѣйшее время, по образцу Макаровскихъ (Русскія Преданія), каковы Капельки, Горохово поле, Бабій городокъ. Но, неужели только и есть въ Москвѣ урочищъ, которыя должны именоваться историческими? Неужели Каинова гора, Москворѣцкіе ворота, Ендова—остроги, Берсеневка и пр. имѣютъ больше историческаго значенія, чѣмъ, напр., Воронцово, Плѣницы, Крутицы, самая Прѣсня, Подберезки, не въ качествѣ питейнаго дома, а въ качествѣ прямаго урочища, особенно Преображенское, Семеновское, Рубцово-

Покровское, Лефортово и мног. друг., о которыхъ гораздо больше можно сказать историческаго, чѣмъ объ упомянутыхъ; да и сами авторы, въ разныхъ мѣстахъ своей книги, указываютъ иной разъ столько же историческаго объ иныхъ урочищахъ, которыя, однакожь, не помѣщаютъ въ число историческихъ. Неужели историческое только то, о чемъ можно разсказать нѣкоторыя басенки, въ родѣ басенки о Гороховомъ полѣ, стр. 155?

Исторію Лобнаго мѣста авторы разсказываютъ *слитно* съ исторіей Красной площади, отчего въ умѣ читателя остается все-таки довольно смутное понятіе собственно о Лобномъ мѣстѣ. Сравнивъ его съ Іерусалимской Голгофой, и приведя свидѣтельство иностранцевъ, которые единогласно утверждаютъ, что Лобное мѣсто служило амвономъ, чертогомъ для царскаго моленія и всенароднаго объявленія указовъ, авторы, ни съ того ни съ сего, вдругъ заключаютъ, стр. 122: «Изъ такого объясненія открывается, что подъ словомъ *Лобное мѣсто* разумѣли не только описанное зданіе (а именно это-то и разумѣли иноземные путешественники), но и занимаемое имъ пространство (конечно) или площадь Лобную (это уже не Лобное мѣсто), гдѣ совершались казни: «площадь для казней». Нѣтъ, этого не говорятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ свидѣтельства, которыя привели авторы. Такое смѣшеніе двухъ различныхъ предметовъ принадлежитъ самимъ авторамъ, которые въ разныхъ мѣстахъ своей книги проводятъ это смѣшеніе до полнаго затмѣнія истины. Сравнивая съ Іерусалимскою Голгофою, и даже положительно говоря, что она послужила образцомъ и для Московской (т. е. Голгофы), они тѣмъ самымъ утверждаютъ путаницу своихъ свидѣтельствъ и представленій объ этомъ памятникѣ. Мы не станемъ подробно раскрывать эту путаницу, и замѣтимъ только, что въ концѣ концовъ выходитъ, что кровавыя казни

происходили не то на Лобномъ мѣстѣ или у самаго мѣста, не то на Красной площади, ибо *«предъ ступенями его казнили преступниковъ»*, говорятъ авторы, стр. XVI и XXIII; «тамъ, на Красной площади, *у Лобнаго мѣста*, только никогда на Лобномъ (спѣшатъ оговориться авторы), преступниковъ сѣкли кнутомъ и плѣтьми, вѣшали, обезглавливали, четвертовали, колесовали, живыхъ сожигали, и т. п.» стр. XXXV; далѣе отмѣчаютъ: «несправедливо почитаемое за позорище казней», стр. LVII; за тѣмъ указываютъ, что «казнили между Лобнымъ мѣстомъ и Спасскимъ мостомъ», стр. 123; дальше указываютъ, «что Лобное мѣсто обставлено было головами, воткнутыми на рожны (при Петрѣ, во время стрѣлецкихъ казней, но этого не было [1]), стр. 130.» Надо вообще, замѣтить, что и на Красной-то площади, собственно на ея срединѣ, казни происходили только въ очень важныхъ случаяхъ. Казнили обыкновенно »на Болотѣ», за Москворѣкою, а прежде—на Кучковѣ полѣ (Лубянка).

Какъ бы то ни было, но нѣтъ и малѣйшей возможности *сливать*, въ этомъ отношеніи, Лобное мѣсто съ Красною площадью, которая весьма обширна, и на которую смотрятъ, кромѣ Лобнаго мѣста, и весь *Торгъ*, соборы Казанскій и Покровскій, слѣдовательно, и о нихъ съ тою же основательностью можно говорить, что и о Лобномъ мѣстѣ. Но авторы вѣрны себѣ. Во II т. стр. 16, они говорятъ слѣдующее: «До 1685 года, въ Кремлѣ совершались казни надъ преступни-

---

1) Извѣстно только, что въ 1697 году, во время казней стрѣльцовъ *на Красной площади* былъ выстроенъ каменный столбъ, и „на томъ столбу пять рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень.“ Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 111.—На площадь къ Лобному мѣсту народъ обыкновенно вытаскивалъ *свои* жертвы. Такъ, въ 1682 г., были сюда выволочены, побитые стрѣльцами въ Кремлѣ, сторонники и родные малолѣтнаго Петра.

ками; но въ этомъ году отмѣнена тамъ казнь и велѣно производить ее предъ Спасскими воротами на Лобномъ рынкѣ». Изъ этихъ словъ можно заключить, что дѣло идетъ о смертной казни, чего въ Кремлѣ не бывало. Въ указѣ, на который сдѣлана ссылка, говорится о торговой казни—кнутомъ, исполнявшейся въ Кремлѣ передъ Московскимъ суднымъ приказомъ, неподалеку отъ Спасскихъ воротъ, на окраинѣ горы собственно на подолѣ Кремля. Въ этомъ году велѣно «чинить такую казнь, бить кнутомъ за Спасскими вороты, въ Китаѣ на площади (Красной, а не Лобной, и не передъ Спасскими воротами) противъ рядовъ».

«На площади, противъ рядовъ» — вотъ, гдѣ совершались кровавыя казни XVI и XVII столѣтій. Площадь противъ рядовъ есть та именно мѣстность, во главѣ которой теперь стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому.

Въ XVI столѣтіи, это пространство, между Спасскими и Никольскими воротами Кремля, отдѣленное въ то время отъ кремлевской стѣны широкимъ рвомъ, обозначалось просто *полымъ мѣстомъ*, а также *пожаромъ*, т. е., пожарищемъ, что̀ также означало полое мѣсто, оставшееся послѣ пожара, безъ сомнѣнія, еще со временъ Ивана Васильевича III, который, именно отъ пожаровъ, оградилъ весь Кремль такими полыми мѣстами и сносилъ для этого даже существовавшія подлѣ него постройки и самыя церкви (напр., за Москвою-рѣкою и Неглинною). Въ 1570 году, по случаю казней за новгородскую измѣну, царь Иванъ Васильевичъ и царевичъ Иванъ Ивановичъ церемоніально «выѣзжали въ Китай-городъ на полое мѣсто сами и велѣли измѣнникомъ вины ихъ вычести передъ собою и ихъ казнить». (Карамз. IX, пр. 299).

Съ именемъ *Пожара*, это полое мѣсто оставалось до половины XVII столѣтія, такъ-что выстроенная въ его сѣ-

веровосточномъ углу, въ 1636 году, церковь Казанской Богородицы обозначалась также: *что на Пожарѣ*. Съ 1662 года, имѣемъ уже оффиціальное свидѣтельство, называющее этотъ «пожаръ» *Красною площадью*, а церковь— что̀ на Красной площади у Стараго Земскаго Двора. (Теперь зданіе, въ которомъ помѣщалась, тоже *старая* уже, шестигласная дума и помѣщаются другія присутственныя мѣста.) Но если сѣверовосточный уголъ этой мѣстности слылъ, какъ и вся площадь, подъ именемъ Пожара, то юговосточный ея уголъ, гдѣ находится Лобное мѣсто, никогда не причислялся къ этому Пожару, т. е., къ площади, и никогда не обозначался выраженіемъ: что на пожарѣ или на площади. Ясно, что это былъ уголъ отдѣльный, это былъ Ильинскій крестецъ, на которомъ, противъ Спасскихъ воротъ и прямо противъ улицы Ильинки, и стояло Лобное мѣсто, быть можетъ — *вѣчевая степень* древней, еще княжеской Москвы, вѣчевая степень не въ смыслѣ новгородскомъ, а въ смыслѣ вотчинномъ, московскомъ, гдѣ московскіе первые князья или ихъ тысяцкіе могли судить объ общихъ дѣлахъ съ людьми своего города, особенно съ торговыми людьми. Въ этомъ смыслѣ вѣче не умирало ни въ одномъ русскомъ городѣ.

Лобное мѣсто, названное такъ отъ взлобья или взгорья улицы, на которой оно стояло, отдѣлялось, въ XVI и XVII столѣтіи, отъ пожара-площади *мостомъ*, т. е., деревянною мостовою изъ Спасскихъ воротъ на Ильинку. Эта-то «мостовая» черта и служила границею Пожара, давая углу Лобнаго мѣста отдѣльное отъ площади положеніе и, стало быть, отдѣльный свой смыслъ и значеніе. Поляки, въ своихъ запискахъ 1606 года, называютъ этотъ именно уголъ *Лобнымъ рынкомъ*, а наши авторы неправильно распространяютъ это

обозначеніе на всю Красную площадь (см. выше), и называютъ ее даже «лобною».

Мѣстность Лобнаго мѣста и его отношеніе къ Красной площади, въ актахъ XVII столѣтія, обозначены слѣдующимъ образомъ: въ 1674 году, въ Вербное воскресеніе, при торжественномъ выходѣ, государь «изволилъ притти на Лобное мѣсто... бояре и окольничіе и думные и ближніе люди стояли по близку Лобнаго мѣста, а стольники и стряпчіе и дворяне стояли въ надолобахъ (родъ забора) отъ Лобнаго мѣста къ Спасскому мосту (Кремлевскихъ воротъ) на лѣвой сторонѣ; а дьяки и гости стояли *противъ Лобнаго мѣста къ надолобамъ, по конецъ большаго мосту* (мостовой) *къ Красной площади*.... Свейскіе послы для смотрѣнія поставлены были по конецъ Спасскаго мосту, за *каменнымъ перломъ*, на *писчей площадной избушкѣ*... гдѣ площадные подъячіе сидятъ» и пишутъ всякіе акты и сдѣлки (Дворц. разр., т. III, 945—948). Ясно, что Красная площадь и Лобное мѣсто были раздѣльны и понимались въ то время раздѣльно, какъ двѣ особыя, независимыя другъ отъ друга, мѣстности, отдѣленныя надолобами, перилами, вообще—перегородками, заборами.

Мы упомянули, что древній Пожаръ или площадь отдѣлялась также и отъ стѣны Кремля между Спасскими и Никольскими воротами широкимъ рвомъ, черезъ который изъ воротъ тянулись каменные мосты. У этого рва собственно и происходили казни; по его линіи стояли и церкви, числомъ 15, сооруженныя надъ самыми мѣстами кроворазлитія: «Казни царь Иванъ Васильевичъ на Москвѣ многихъ людей *на площади*, гостей и торговыхъ людей, и воинскихъ, *на пожарѣ*, идѣ же нынѣ стоятъ храмы по рву на костехъ казненныхъ и убіенныхъ и на крови поставлены» (Карамз. IX, пр. 309). Эти грозныя казни грознаго и кровожаднаго царя не могли не оставить особаго

впечатлѣнія въ памяти народа. Существуетъ легенда, рисующая, вѣроятно, упомянутое же событіе, и которая, кромѣ разсказовъ и записокъ современниковъ, можетъ достаточно характеризовать страшную мѣстность этого пожара-площади во времена Грознаго.

Легенда разсказываетъ: «Царь уразумѣ, что смерть царевичу Ивану (котораго онъ самъ зашибъ) учинилась отъ злыхъ измѣнниковъ, повелѣлъ *на пожаръ*, среди Москвы, уготовить 300 плахъ, а въ нихъ 300 топоровъ, и 300 палачей стояли у плахъ. Московскіе князья и бояре и гости, всякаго чину люди, зряще такую належащую бѣду, страхомъ одержими быша... Съ утра, въ 3 часѣ дни, царь выѣхалъ на площадь въ черномъ платьѣ и на черномъ кони съ сотники и съ стрѣльцы и повелѣ палачамъ имать по человѣку изъ бояръ, изъ окольничихъ, изъ стольниковъ, изъ гостей и изъ гостинной сотни, по росписи, именитыхъ людей... Взяли прежде изъ гостиныя сотни семь человѣкъ и казнили ихъ... Взяли, осмаго, именемъ *Харитона Бѣлеуленева* и не могоша на плаху склонити; былъ великъ ростомъ и очень силенъ. И вскричалъ онъ къ царю съ грубостью: «почто царь великій неповинную нашу кровь проливаешь?» Многіе псари стали помогать палачамъ и едва могли приклонить его на плаху; отсѣкли ему голову, но отрубленная голова изспрянула изъ ихъ рукъ на землю и тамъ, сѣмо и овамо спрядывая, глаголала несвѣдомая... трунъ же его скочилъ на ноги свои и началъ трястися на всѣ стороны, обливая кровью вокругъ стоящихъ... многіе палачи сбивали съ ногъ тѣло и никакъ не могли его уронить.... а падающая съ него кровь, гдѣ упадала, тамъ еще больше свѣтлѣлась и играла красно вельми, какъ живая, и неотмывалась.... Все видѣвшій царь пришелъ въ смущеніе и страхъ и отъиде въ свои палаты. Палачи тоже остались недвижимы. Въ 6 часъ дни отъ царя пришелъ вѣстникъ и объявилъ всѣмъ помилованіе. Площадь

опустѣла, убраны были плахи и топоры; но трупъ Белеуленева трясся весь день и во 2 часъ ночи упалъ самъ на землю. На утро по царскому повелѣнію тѣла казненныхъ погребли ихъ сродники.» Легенда, разумѣется, ошибочно относитъ это страшное событіе къ 7082 (1574) году. Итакъ казни совершались на Пожарѣ, на площади, противъ рядовъ у рва, между Спасскими и Никольскими воротами, на довольномъ разстояніи отъ Лобнаго мѣста, которое стояло противъ Ильинской улицы, на ея крестцѣ, отдѣльно отъ площади. Сказанія о казняхъ на этой площади, XVIII вѣкъ, скоро забывшій старину, отнесъ къ Лобному мѣсту потому, что, забывъ о его настоящемъ назначеніи, видѣлъ въ немъ только оригинальный и не совсѣмъ понятный монументъ старой исторіи. Карамзинъ, не обративъ должнаго вниманія на это обстоятельство, закрѣпилъ своимъ авторитетомъ соображенія своихъ современниковъ, а мы, по привычкѣ, безъ всякой повѣрки, слѣдуемъ укоренившемуся ошибочному представленію, толкуя его даже народнымъ преданіемъ. Все это можетъ служить весьма яркою характеристикою того, какимъ путемъ созидаются наши мѣстныя преданія. Мы еще встрѣтимъ въ этой книгѣ столько же яркія черты такой характеристики, указывающей, вообще, съ какою великою осторожностью, съ какимъ строгимъ критическимъ разборомъ должно поступать въ разработкѣ всякихъ даже и мелочныхъ фактовъ мѣстной исторіи.

Описывая Ваганьково, которыхъ было два, Старое въ Бѣломъ и Новое за Землянымъ городомъ, авторы говорятъ, что Старое показано въ лѣтописи подъ 1508 г. на урочищѣ *Козьей Бородѣ*, стр. 153, (которое, напротивъ, въ лѣтописи показано въ Черторьи за Бѣлымъ городомъ), что это, вѣроятно, *бродъ* или *болото*, ибо «на старомъ Ваганьковѣ могло быть *болото* отъ дождей въ весеннее время»; что «на

этомъ самомъ «Козьемъ болотѣ» стояли нѣмецкіе острожки, отбитые въ 1610 году русскими». Такова смѣсь свидѣтельствъ о мѣстахъ совершенно различныхъ, ибо послѣднее, «Козье болото» (1610 г.), есть уже не Ваганьково, а именно *Козиха*, какъ можно вполнѣ убѣдиться изъ лѣтописнаго разсказа (Лѣт. о мятеж., 221). Не смотря на то, дальше авторы положительно говорятъ, что въ 1508 году тамъ, на Ваганьковѣ, стояла церковь Благовѣщенія съ придѣломъ Николы, тогда-какъ придѣлъ былъ во имя Троицы, а во имя Николы была тамъ особая церковь, которой придѣлы авторы относятъ къ Благовѣщенской же, стр. 154. О новомъ Ваганьковѣ авторы ничего почти не говорятъ, а оно не менѣе стараго важно въ историческомъ отношеніи. Они дополняютъ, въ концѣ книги, стр. 199, что тамъ, 1683 года, былъ потѣшный звѣриный и псаренный дворы, а въ текстѣ указываютъ, что «съ умноженіемъ населенія на старомъ Ваганьковѣ отведено было мѣсто на новомъ для церкви и кладбища въ 1696 году». Выше мы говорили о Ваганьковѣ новомъ, подлѣ котораго въ это время находилось новое село Воскресенское съ государевымъ дворомъ.

Переходимъ къ главѣ: *Урочища юридическаго и административнаго* быта. Вначалѣ сдѣлано короткое, «поверхностное обозрѣніе», какъ сознаются авторы, довольно сбивчивое, отрывочное, разныхъ урочищъ, указывающихъ, вообще, или на городскую жизнь древней Москвы или на мѣста ея управленія. Между тѣмъ, послѣ вступленія, стр. 169, позволительно было ожидать, если не полнаго, то болѣе обстоятельнаго очерка внутренней московской жизни. Къ сожалѣнію, авторы думаютъ, что только по однимъ именамъ урочищъ можно возстановить эту жизнь, забывая вовсе, что

для этого предмета существуютъ неоглядныя груды матеріаловъ въ тѣхъ же архивахъ, въ которыхъ, къ великому сожалѣнію, они съ такою заботливостію отыскивали лишь одни имена урочищъ. Но и самыя имена урочищъ, съ точки зрѣнія этого вопроса представляютъ тоже добрый матеріалъ. Стоило только обратить на него вниманіе, посмотрѣть на него окомъ ученаго изыскателя, а не простаго разсказчика, гдѣ что̀ было. Стоило только распредѣлить эти имена по отдѣламъ, оглавленія которыхъ указывали бы различныя стороны городскаго быта древней Москвы, напримѣръ: судъ, управленіе, торговля, ремесла, промыслы, даже увеселенія, и т. д. Подъ всѣ подобныя заглавія можно поставить ряды урочищныхъ именъ. Одна такая роспись уже наглядно ознакомила бы съ условіями и силами этого быта. Такая роспись съ бо̀льшею пользою могла бы замѣнить отрывочное вступленіе къ этой главѣ, единственный смыслъ которой заключается именно въ раскрытіи древняго московскаго городскаго быта. Мы полагаемъ, что и самый текстъ урочищъ полезнѣе было бы, вмѣсто церковныхъ *сороковъ*, распредѣлить именно по такимъ рубрикамъ, если топографическое ихъ распредѣленіе оказалось почему-то ненадобнымъ. Но возвратимся къ тому, что̀ сдѣлано авторами.

За вступленіемъ слѣдуютъ статьи: урочища — Ивановская площадь, Московскіе крестцы; Поля, какъ судебные поединки, Толмачи — и только! Непонятно, почему въ этотъ же отдѣлъ не попала Божедомка, помѣщенная въ урочищахъ историческихъ. Само собою разумѣется, что всякое урочище — прежде всего историческое, о чемъ, впрочемъ, авторы, кажется, мало думали; а затѣмъ оно же можетъ выражать и какое-либо бытовое явленіе или условіе, по которому и относится въ область городскаго быта. Божедомка — замѣча-

тельное явленіе общественной жизни, столько же урочище историческое, сколько *административное* или *юридическое*, ибо ея цѣлью и заботою было призрѣніе убогихъ мертвыхъ.

Въ статьѣ: *Московскіе крестцы* — авторы не даютъ отчетливаго понятія о томъ, что̀ такое крестцы. Сначала они говорятъ, что это *перекрестки*, *распутія*, стр. 176; затѣмъ, вдругъ оказывается, стр. 178, что изъ трехъ китай-городскихъ крестцовъ одинъ, сохранившій донынѣ свое названіе, Варварскій, простирается *по всей почти* Варварской улицѣ; что «Никольскій крестецъ, стр. 181, заключаетъ *почти всю* Никольскую улицу съ средоточіемъ у монастыря Николы стараго» (греч. мон.); что «Ильинскій крестецъ, стр. 185, заключенъ въ предѣлахъ Ильинской улицы съ ея Ильинскимъ торговищемъ; что на такомъ незначительномъ пространствѣ, каковъ Ильинскій крестецъ *сосредоточивалось* столько замѣчательныхъ памятниковъ городской жизни и административнаго быта, т. е.: Лобное мѣсто, Лобная, нынѣ Красная площадь, Тіунская или Поповская изба» (находившаяся, однакожь, у Василія Блаженнаго, ближе къ Варваркѣ). Такимъ образомъ, крестецъ, изъ простаго перекрестка переходитъ ужъ въ самое неопредѣленное пространство: то — *почти вся* улица, то—улица и съ торговищемъ и съ Красною площадью.... Съ какимъ же понятіемъ о крестцѣ остается соображеніе читателя? Неужели и въ самомъ дѣлѣ цѣлыя улицы носили имя и имѣли значеніе крестцовъ, т. е., въ сущности, все-таки перекрестковъ, Если это было такъ, то было необходимо объяснить и причину, почему такъ было. Дѣйствительно, напримѣръ, церкви Варвары, Максима Испов., Воскресенья (даже «на Пяти улицахъ»), Іоанна Предтечи, Георгія («подлѣ Варварскаго крестца, къ тюрьмамъ»), стоявшія по Варваркѣ, обознача-

лись, что на Варварскомъ крестцѣ или *у*, *подлѣ* Варварскаго крестца. Но эти церкви стояли именно на перекресткахъ улицы и ея переулковъ, такъ-какъ стояли на перекресткахъ Ильинки церковь Пророка Ильи, Дмитрія Селунскаго; на Никольской: Казанской Богородицы, Женъ-мироносицъ (у Печатнаго двора), также обозначавшіяся: *что на крестцѣ*. Тѣ же церкви, которыя стояли не на перекресткахъ, не обозначались выраженіемъ: что на крестцѣ, напримѣръ, на Ильинкѣ — Никола большой крестъ, на Никольской—Спасъ старый, церковь Владимірской Богородицы. Изъ этого очевидно, что нѣсколько уличныхъ перекрестковъ носили одно имя своей улицы и другъ отъ друга никакимъ другимъ обозначеніемъ не отличались; стало быть, крестцомъ прозывался собственно только перекрестокъ улицы, главнымъ образомъ — площадь этого перекрестка, или же, вообще, та мѣстность улицы, которая лежала въ предѣлахъ такихъ перекрестковъ. Если изрѣдка, при обозначеніяхъ мѣстности, и протяженіе всей улицы неопредѣленно именовалось крестцомъ, отъ преобладающаго значенія на ней перекрестковъ, то, намъ кажется, эта неопредѣленность не могла служить характеристикою при выясненіи существеннаго смысла уличнаго крестца. Въ наукѣ необходимо распутывать, а не запутывать еще болѣе подобные узлы. Крестецъ, вообще, и особенно въ Китай-городѣ, до сихъ поръ носящемъ имя *города* въ исключительномъ смыслѣ по преимуществу торговой части Москвы, по естественной причинѣ былъ самымъ бойкимъ мѣстомъ, мѣстомъ многолюдья, которое толпилось тутъ за разными надобностями съ утра до вечера. Поэтому, *крестецъ*, какъ вообще *всегдашній* торгъ, всегдашній базаръ, являлся необходимымъ мѣстомъ для цѣлей старинной правительственной публичности, гласности. На *торгу*, на торговой площади, объявлялись указы и всякія распоряженія го-

сударственнаго и городскаго управленія. Очень понятно, почему и Лобное мѣсто, эта государева трибуна, находится у торгу, у Ильинскаго крестца. Крестцомъ, однакожь, вовсе не условливалось *цѣлованіе креста* (присяга), какъ можно заключить изъ описанія Никольскаго крестца, куда авторы сближаютъ и это цѣлованіе. Между крестцомъ и цѣлованіемъ креста никакого соотношенія не было. Цѣловали крестъ у Николы стараго, но этотъ монастырь вовсе не былъ *средоточіемъ* Никольскаго крестца, хотя и стоялъ у перекрестка улицы. Кстати, по поводу цѣлованія креста, отмѣтимъ слѣдующее: на стр. XXIII авторы пишутъ: «Тогда (при царѣ Михаилѣ) у Троицы въ Старыхъ поляхъ уже прекратились судебные поединки, ихъ замѣнило крестное цѣлованье въ тяжебныхъ дѣлахъ на Никольскомъ Крестцѣ и *въ Зарядьѣ у церкви св. Николая*». За тѣмъ на стр. 185 авторы дополняютъ: «Вѣроятно и урочище церкви свят. Николая близь Ильинскаго крестца, названо у *большаго креста*, также потому, что и здѣсь приводили къ крестному цѣлованью. Въ описи Китай-города 1629 года значится близь городовыя стѣны на югъ, у Кузьмодемьяновскихъ (бывшихъ тогда) воротъ *церковь святителя Николая, гдѣ крестъ цѣлуютъ*. Такимъ образомъ, заключаютъ авторы, при случавшихся нерѣдко спорахъ, въ этомъ средоточіи торговли и промышленности, *при трехъ храмахъ Николая Чудотворца*, приводили тяжущихся къ крестному цѣлованью». Для довѣрчиваго читателя, конечно, всего этого достаточно. Онъ будетъ знать, что судебная присяга въ XVII ст. совершалась при *трехъ* храмахъ Николы Чудотворца. О третьемъ храмѣ приведенъ подлинный текстъ, указанъ источникъ. Чего же больше. Не справляться же самому о всякой строкѣ. Но если читатель, съ цѣлью узнать подробнѣе это свидѣтельство,

развернетъ указанный источникъ, онъ къ сожалѣнію узнаетъ, что у Кузмодемьянскихъ бывшихъ воротъ, хотя и существовала церковь св. Николая, которую тогда, въ 1629 г., еще только сооружали, но вовсе не та церковь обозначена выраженіемъ: *гдѣ крестъ цѣлуютъ*, а обозначенъ такъ дворъ владѣльца Ив. Костина, *подьячаго отъ Николы, гдѣ крестъ цѣлуютъ*, т. е. который состоялъ на службѣ у крестнаго цѣлованья. Никола же, гдѣ крестъ цѣлуютъ, въ томъ же источникѣ (Акты Ист. III, стр. 91, 94) названъ: «*Никола Старый*.... въ искѣхъ велѣти срочити къ крестному цѣлованью, къ Николѣ Старому, по утрамъ... и для обереженья велѣно быти у крестнаго цѣлованья дворянину да *подьячему* да съ ними съ сотенъ цѣловальникамъ... у крестнаго цѣлованья у Николы Стараго цѣловати крестъ, который крестъ будетъ написанъ съ Распятіемъ и съ Дѣяньемъ». Подьячій, состоявшій на службѣ при этомъ крестномъ цѣлованьи жилъ и имѣлъ дворъ не въ Китаѣ, а за Китай-городскою стѣною, близь Кузмодемьянскихъ воротъ. Повсему вѣроятію крестъ цѣловали не у трехъ Николъ, а у одного только Николы Стараго, на Никольской, въ монастырѣ. Очень естественно, что два—три подобныхъ объясненія наведутъ на читателя большое сомнѣніе въ вѣрности и многихъ другихъ показаній этой книги.

Остановимся еще на статьѣ: *Поля, какъ судебные поединки*. «О такихъ Поляхъ—говорятъ авторы—напоминаетъ намъ урочище церкви Троицы на Никольской въ *старыхъ поляхъ*, у *старыхъ поль*, теперь: *въ поляхъ*, «гдѣ, въ XVI вѣкѣ, ся поля били». Въ Бѣломъ-городѣ, урочище церкви св. Пятницы Парасковеи (Бѣлогритскіе, что позадь Житнаго ряду) въ Охотномъ ряду, въ актахъ 1631 года обозначено у *поль* и у *старыхъ поль*. (Припомнимъ тутъ же

недалеко стоявшую церковь Великомученицы Анастасіи, на Житной площадкѣ, у *поль*.) Татищевъ *указываетъ* мѣста судебныхъ поединковъ при церкви св. Георгія Побѣдоносца, по урочищу, въ *поляхъ* и на *вспольѣ*, а Голиковъ — около того мѣста, гдѣ нынѣ храмъ Покрова Божіей Матери въ Кудрйнѣ, который въ рукописяхъ XVII вѣка называется Покровскій на *полѣ* и на *полянѣ*. Изъ этого можно заключить — оканчиваютъ авторы—что судебныя битвы, дозволенныя закономъ, происходили не въ одномъ Китай-городѣ, но и въ другихъ частяхъ Москвы», стр. 189.

А намъ *изъ этого* позволительно заключить, что, при всѣхъ упомянутыхъ церквахъ, никакихъ *судебныхъ поль* не бывало, что это все позднѣйшія басни, соображенія, основанныя на сходствѣ, на сближеніи словъ, что церкви обозначали только поля, всполья въ собственномъ смыслѣ, и прежде всего китайгородская *Троица старыхъ поль*, или у старыхъ поль, стоявшая первоначально по конецъ посада, а потомъ города Китая, *у Кучкова поля*, гдѣ еще и въ концѣ XVI ст. существовало *полое мѣсто*. (Кар. XI, пр. 34.) Когда поле застроилось, церковь стала обозначаться у *стараго поля* или у *старыхъ поль*, у полей, по общему обычному употребленію урочищныхъ именъ и во множественномъ числѣ, какъ отмѣчаютъ и авторы на стр. 11, § 6. Сравн. также Замоскворѣцкую улицу и площадь Полянку; урочище *Полянки* въ Бѣломъ городѣ близь Знаменки, гдѣ стояла нѣкогда церковь Ев. Луки на *Полянкахъ*.

Гдѣ несомнѣнное, прямое, фактическое указаніе по которому возможно было бы связывать съ этою церковью у обыкновеннаго поля и мѣсто судебнаго поля? Если оно существуетъ, то необходимо выставить это впереди всего. Ни Татищевъ, ни Голиковъ не знаютъ его и указываютъ свои цер-

кви единственно по сходству словъ. Алексѣевъ, въ Церковномъ Словарѣ, указываетъ свое поле у Троицы въ поляхъ въ Китай-городѣ, и разсказываетъ объ этомъ древнее преданіе, присовокупляя слово *яко-бы* и выражая тѣмъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣроятности преданія. Намъ кажется, что это преданіе, какъ и очень многія другія, сочинено въ его время. Если Татищевъ долженъ былъ прибѣгнуть къ соображенію о «Георгіѣ въ поляхъ» (Егорья на Всполье), то понятно, что Троица въ поляхъ подавала еще бо́льшій поводъ къ сочиненію преданія, находясь вблизи Кремля и, слѣдовательно, вблизи суда [1]). Алексѣевъ такъ разсказываетъ: «Есть древнее преданіе, что въ городѣ Китаѣ, что̀ въ Москвѣ близь Никольскихъ воротъ, напредь сего были три полянки съ нарочною канавою, у которой по сторонамъ ставши соперники, и наклонивши головы, хватали другъ друга за волосы, и кто кого перетянетъ, тотъ и былъ правъ, отчего *якобы* до днесь осталось урочищу прозваніе у «*Троицы въ поляхъ*» (Церк. Словарь, ч. III, Спб. 1818).

Авторы прибавляютъ къ этому, стр. 193: «Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на своихъ плечахъ черезъ Неглинную. Предъ такимъ поединкомъ иногда предлагали соперникамъ и мировую, о чемъ напоминаетъ намъ старая

---

[1]) Однако наше сомнѣніе объ урочищѣ Троицы въ поляхъ опровергается свидѣтельствомъ Лѣтописи, Карамз. VIII, пр. 64, въ которой о постройкѣ Китай города въ 1534 г. говорится между прочимъ: „В. князь велѣлъ городъ Китай дѣлати и торги всѣ ввести въ городъ, отъ Никольскихъ (кремлевскихъ) воротъ по Неглинѣ вверхъ *къ Троицѣ, гдѣ ся поля били*, да по Ивановъ дворъ Челяднина“ и пр. Авторы, какъ видѣли, приводятъ эти слова, но не даютъ имъ надлежащаго вѣса и ставятъ ихъ въ рядъ съ полемъ въ обычномъ смыслѣ, что необходимо и приводитъ къ сомнѣнію, которое во всякомъ случаѣ не будетъ безполезно, ибо возбуждаетъ требованіе точнѣе и отчетливѣе отдѣлить въ названіи урочищъ поле судебное отъ поля топографическаго.

пословица: *Подавайся по рукамъ! легче будетъ волосамъ*! Въ противномъ случаѣ, они хватались, какъ говорится, за *святые волосы*». Но пословица не значитъ: подавать руки на миръ, бить по рукамъ, какъ думаютъ, авторы, а значитъ, что когда дерутъ за волосы—подавайся по рукамъ, куда тянутъ руки, будетъ легче волосамъ. Такимъ способомъ, складывалъ многія преданія покойный Макаровъ (Русскія преданія. М. 1838—1840). Вотъ, напр., что разсказываетъ онъ о *Прѣснѣ*: «Гостепріимная Россія имѣла въ старину свои обычаи для своихъ гостей. Гости новгородскіе, смоленскіе, нѣмцы, люди отъ свейскаго народа не имѣли въ Москвѣ *мѣстъ безъ договора*. Безъ осуды святительской, безъ приговора князя Великаго не ступали *нежданные* по землямъ города Русскаго!... Для гостей заѣзжихъ была слобода *пріѣздная*, и въ этой *пріѣзднѣ* отбирали у гостя показаніе по крестному цѣлованью: какъ, зачѣмъ и по какому дѣлу пріѣхалъ онъ на Русь православную. Въ позднѣйшее время, слобода *пріѣздная*, со всѣми ея приселками поступила во власть и дань царевичей грузинскихъ—усердныхъ слугъ государей московскихъ; и вотъ, *пріѣздня* скоро изъ пріѣздни преобразовалась въ *пріѣстню* и въ Прѣсню!..» Разсказъ почти вѣроподобный, хотя и нельзя ручаться за историческую достовѣрность — оговаривается авторъ этого разсказа, взятаго имъ (будто бы) изъ рукописи своего родственника Кропотова. «При этомъ къ мѣсту будетъ замѣтить—продолжаетъ авторъ — что и въ другихъ нашихъ городахъ есть еще слободы *въѣздныя* и *выѣздныя*. Это сколокъ, можетъ быть, съ родоваго обычая». Мы полагаемъ, что основаніемъ этой сказкѣ-складкѣ послужило сближеніе словъ: *въѣздныя* слободы и *пріѣздныя*, которыхъ, если и не было на самомъ дѣлѣ, такъ онѣ должны были явиться вслѣдствіе указаннаго соображенія. Очень жаль, что авто-

ры, во многихъ мѣстахъ своей книги, слѣдуютъ и теперь этому застарѣлому, вовсе не научному пріему объяснять наши древности, который въ такомъ ходу былъ въ первыя времена нашей исторической и археологической науки, именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

ПО ПОВОДУ СЕМИСОТЛѢТІЯ МОСКВЫ ВЪ 1847 Г.

«Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ.»

Такъ Суздальскій Князь Юрій Владиміровичь звалъ къ себѣ на пиръ Сѣверскаго Князя Святослава Ольговича и такъ *впервые* записано въ лѣтописи имя Москвы.

Это случилось въ 1147 году.

«Святославъ же ѣха ..... и тако любезно цѣловастася въ день пятокъ на Похвалу Святей Богородици, говоритъ лѣтопись, и тако быша весели. На утрій же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ и створи честь велику. ....[1])

Итакъ, Князья съѣхались въ Москвѣ въ пятницу на пятой недѣлѣ Великаго Поста, — день, который принимается первымъ въ историческомъ существованіи Москвы.

Исторіографъ, исправивъ ошибку Татищева, который отнесъ этотъ день къ 28-му іюля, сказалъ, что «сей день въ 1147 году былъ 28-го марта» [2]).

Въ лѣтописяхъ не встрѣчается ни мѣсяца, ни числа при этомъ событіи.

Не знаемъ откуда заимствовалъ исторіографъ это показаніе, чѣмъ руководствовался при вычисленіи этого дня, но зна-

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей Т. II стр. 29.

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р. изд. 2, т. II. стр. 216, прим. 301.

емъ, что, при нашихъ теперешнихъ печатныхъ средствахъ, мы можемъ опредѣлить время этого событія вѣрнѣе, отчетливѣе, нисколько не оскорбляя памяти великаго писателя.

Развернемъ небольшую, но весьма полезную и вѣроятно извѣстную всѣмъ занимающимся Русскою Исторіею книжку, изданную г. Тромонинымъ въ 1842 году подъ заглавіемъ: «Легчайшее руководство для узнанія, въ каждомъ изъ прошедшихъ и будущихъ годовъ, числъ Пасхи Христовой и переходящихъ праздниковъ и постовъ, малыхъ Индиктовъ, числъ недѣльныхъ, дней новаго года и пр. и пр. необходимыхъ при повѣркѣ лѣтописей и другихъ Славяно-Русскихъ памятниковъ древности.»

Въ этой книжкѣ, на 10 страницѣ указано что Пасха въ 6655 (1147) году была 20-го апрѣля, слѣдовательно пятница на пятой недѣлѣ Великаго поста была 4-го апрѣля же.

И. М. Снегиревъ, въ своемъ Обозрѣніи Москвы, напечатанномъ въ 1844 г. въ Моск. Вѣд., замѣтилъ уже эту ошибку и сказалъ, едвали не въ первый разъ, что съѣздъ Князей въ Москвѣ былъ 4-го апрѣля, а не 25-го марта.

Но можетъ быть кто усомнится въ этомъ и потребуетъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ лѣтописей.

Хронологія нашихъ лѣтописей во многихъ мѣстахъ до того запутана, что приводитъ въ тупикъ самаго трудолюбиваго изслѣдователя и ожидаетъ еще дѣлателя, котораго труды также необходимы теперь, какъ было необходимо издать и самыя лѣтописи.

На той страницѣ лѣтописи, гдѣ въ первый разъ промолвлено о Москвѣ, хронологическое показаніе оказывается очень вѣрнымъ, точнымъ и подтверждаетъ Легчайшее руководство г. Тромонина.

Такъ — при описаніи событій 6654 года, лѣтопись между прочимъ говоритъ: «въ тоже время преставися Иванко Гюр-

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить слѣдующее: хотя Комитетомъ, учрежденнымъ 13 марта 1835 г. для составленія описанія Архивовъ и было предложено правило: при переводѣ лѣтъ, считаемыхъ отъ С. М., въ годы, считаемые отъ Р. Х., вычитать изъ числа лѣтъ отъ С. М. 5508, если напр. актъ января или февраля,—и 5509, когда актъ другихъ мѣсяцевъ; однако внимательное чтеніе лѣтописей показало намъ, а приведенные нами факты подтвердили, что при переведеніи лѣтъ, считаемыхъ отъ созданія міра съ 1-го марта на наше лѣтосчисленіе отъ Р. Х., должно руководствоваться вычитаніемъ не 5509, а 5508, если событіе относится къ мѣсяцамъ съ марта по январь—и 5507, если происшествіе случилось въ январѣ или февралѣ. Приведемъ еще примѣръ: Батыево нашествіе на Русь случилось зимою 6745 года. Въ недѣлю мясопустную (воскресенье) 7 февраля онъ осадилъ Владиміръ; затѣмъ: взяша городовъ 14, опрочь слободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяцъ февраль, *кончевающюся 45-му лѣту*, ибо за февралемъ 6745 г. слѣдовалъ мартъ—новый годъ—6746-й. Чѣмъ же будемъ руководиться, дабы вѣрно перевести эти указанія на наше лѣтосчисленіе? Мясопустъ (воскресенье) на 7 февраля приходился въ 1238 г., между тѣмъ по указанному правилу, при вычетѣ для февраля 5508, это 7 февраля окажется принадлежащимъ къ 1237 году, когда Мясопустъ былъ 22 февраля. Ясно, что при мартовскихъ годахъ требуется вычетъ, на январь и февраль, 5507, а для остальныхъ, т. е. предъидущихъ мѣсяцевъ — 5508. Въ такомъ только случаѣ дни недѣли и числа мѣсяца размѣщаются въ годахъ въ надлежащемъ пасхальномъ порядкѣ.

ТРИ НЕИЗВѢСТНЫЯ ГРОБНИЦЫ

въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, древней Царской усыпальницѣ, въ сѣверозападномъ углу, рядомъ съ надгробницею Царя Василія Ивановича Шуйскаго, есть три неизвѣстныя гробницы безъ надписей, безъ преданія о томъ, кто въ нихъ погребенъ.

Нѣкоторые описатели собора приписывали ихъ разнымъ лицамъ, основываясь большею частію на однихъ предположеніяхъ. Одни думали, что въ двухъ изъ нихъ погребены братья Царя Василья Ивановича Шуйскаго, котораго прахъ, какъ мы упомянули, покоится тутъ же; а въ третьей Кн. В. В. Голицынъ, сотоварищъ Филарета Никитича по посольству и плѣну въ Польшѣ, умершій тамъ вмѣстѣ съ Шуйскими *. Такое предположеніе основано единственно на томъ, что подлѣ сихъ гробницъ находится гробница Царя Василья Шуйскаго, прахъ котораго, покоившійся 23 года въ Варшавѣ, вывезенъ въ Москву по желанію Царя Михаила Ѳедоровича въ 1635 году и, какъ прахъ Помазанника, занялъ принадлежавшее ему мѣсто на общемъ царственномъ кладбищѣ. Но уже это одно обстоятельство уничтожаетъ всякое вѣроятіе о погребеніи

---

*чая Бесѣда Т. II, статьи: Архангельскій Соборъ.

рядомъ съ несчастнымъ Царемъ его братьевъ. Ни братья Шуйскаго, ни Кн. Василій Голицынъ (умершіе также въ Польшѣ) въ это время, въ 1635 году, не могли быть положены въ соборѣ, рядомъ съ лицами царскаго рода, потому особенно, что значеніе собора, какъ родовой царской усыпальницы, было священно, неприкосновенно и ни въ какомъ случаѣ не допустило бы такого отступленія въ пользу лицъ, вовсе непринадлежавшихъ къ царскому дому, какъ Кн. Голицынъ, или принадлежавшихъ, но къ династіи, которая угасла. Если гробница Скопина-Шуйскаго, находящаяся впрочемъ въ придѣлѣ собора, и указываетъ на подобное отступленіе, то въ этомъ случаѣ нужно припомнить, что Скопинъ, племянникъ Царя Василья, былъ погребенъ еще при жизни сего Государя. Говорятъ еще, что въ двухъ гробницахъ схоронены Князь Андрей Ивановичъ, дядя Грознаго, и Василій, младенецъ, сынъ Грознаго, умершій въ 1563 г. Это мнѣніе, отчасти достовѣрное, можетъ по крайней мѣрѣ утвердиться на томъ, что, по указанію лѣтописей, помянутыя лица дѣйствительно были погребены въ Архангельскомъ Соборѣ.

Впрочемъ всѣ эти предположенія высказаны только по поводу общаго обозрѣнія достопримѣчательностей сего собора. Поэтому мы должны обратиться къ труду чисто спеціальному въ этомъ отношеніи, именно къ „Памятникамъ Московской Древности", Снегирева, которые по времени своего появленія (1842—1845 г.) представляютъ итогъ всего, что̀ было сдѣлано въ этомъ отношеніи прежде.

Тамъ, между прочимъ, говорится: подлѣ сей гробницы (Царя Василья Шуйскаго) находятся еще три сомнительныя, безъ надписей; но *по нѣкоторымъ лѣтописямъ оказывается:*

1) *XXIII гробница*, Великаго Князя Юрья Даніиловича Московскаго, который былъ на великомъ княженіи девять лѣтъ,

убитъ въ ордѣ отъ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго, въ 1326 году: тѣло его по повелѣнію Царя Азбяка Ординскаго привезено въ Москву и погребено въ церкви Святаго Архангела Михаила, Петромъ Митрополитомъ, въ первую субботу Великаго поста, того жъ года".

2) *XXIV гробница*, Князя Ивана Ивановича *Малаго*. О семъ князѣ въ *письменномъ Хронографѣ* находится слѣдующее: „Въ лѣто 6872 (1364) преставись Князь Иванъ Ивановичъ, глаголемый *малый*, братъ Князя Димитрія Ивановича и положенъ бысть на Москвѣ, въ церкви Архангела Михаила на площади". Свидѣтельство сіе подтверждаетъ изображеніе на стѣнѣ ангела его Св. Іоанна Богослова.

3) *XXV гробница*. Какъ между Князьями удѣльными, погребенными въ семъ соборѣ, не находится Галицкаго Князя Димитрія, по свидѣтельству лѣтописи положеннаго здѣсь въ 1441 году; то, вѣроятно, крайняя къ стѣнѣ гробница покрываетъ его тѣло; предъ нею на стѣнѣ изображенъ въ схимѣ Князь Димитрій Александровичь [1])".

Въ отношеніи гробницы В. К. Юрія Даниловича, самъ авторъ въ примѣчаніи говоритъ, что по другимъ свидѣтельствамъ она находится въ Успенскомъ Соборѣ, при описаніи котораго [2]), онъ и помѣстилъ ее въ придѣлѣ Св. Великомученика Димитрія. Слѣдовательно авторъ предполагаетъ гробницу В. К. Юрія въ двухъ соборахъ и повидимому болѣе вѣроятія даетъ погребенію Великаго Князя въ Архангельскомъ соборѣ, потому что вноситъ его гробницу въ общій счетъ Великокняжескихъ и Царскихъ надгробій сего собора.

---

[1]) Пам. Моск. Др. стр. 70.
[2]) Тамъ же, стр. 9.

О мѣстѣ погребенія В. К. Юрія Даниловича лѣтописи говорятъ различно. Софійскій Временникъ, [1]) Продолжатель Нестора. [2]) Древній Лѣтописецъ, [3]) повѣствуютъ объ этомъ такъ: „и привезоша его (Кн. Юрія) на Москву и положиша у Архангела Михаила въ церкви на десной странѣ, въ первую субботу поста". А другіе—Русской Временникъ, Лѣтописецъ, изданный Львовымъ [4]), напротивъ говорятъ (и справедливо, какъ увидимъ ниже), что Кн. Юрій „положенъ бысть въ церкви Св. Великомученика Димитрія, у Пречистыя Богородицы соборныя въ придѣлѣ, на правой странѣ". Это послѣднее свидѣтельство подтверждается вполнѣ послѣдующими событіями.

Въ 1472 году, во время перестройки новаго Успенскаго Собора, когда старый былъ разобранъ, мощи В. К. Юрія были взяты и въ 1479 году положены на уготованномъ мѣстѣ въ новомъ, тогда уже отстроенномъ, соборѣ. Съ этимъ согласенъ даже и тотъ лѣтописецъ, который сказалъ, какъ видѣли выше, что Князь Юрій погребенъ былъ въ Архангельскомъ Соборѣ. Вотъ его слова: „тогоже мѣсяца (Августа 1479) въ 28 день пренесеніе бысть пресвященныхъ митрополитъ Кипреяна и Фотея и Іоны чудотворца, и Ѳеогнаста и *Князя Юрія Даниловича* и пресвященнаго митрополита Филипа".... [5]). Но особенно подробное и обстоятельное описаніе этого событія находимъ въ Русскомъ Временникѣ: „егдаже разбишась церковь", говоритъ эта лѣтопись, „и тогда выняша изъ стѣны въ церкви святаго Великомученика Димитрія, мощи

---

[1]) Софійскій Временникъ, М. 1820 I, стр. 315.

[2]) Лѣтописецъ отъ 1206—до 1534, М. 1784. стр. 79.

[3]) Древній Лѣтописецъ, Спб. 1774. I, стр. 115.

[4]) Русс. Вр. М. 1790. I, 163. Лѣтописецъ Русской, Спб. 1792, II, 83.

[5]) Лѣтописецъ, отъ 1206 до 1534 лѣта, который служитъ продолженіемъ Несторову Лѣтописцу, М. 1784 стр. 293.

убитъ въ ордѣ отъ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго, въ 1326 году: тѣло его по повелѣнію Царя Азбяка Ординскаго привезено въ Москву и погребено въ церкви Святаго Архангела Михаила, Петромъ Митрополитомъ, въ первую субботу Великаго поста, того жъ года".

2) *XXIV гробница*, Князя Ивана Ивановича *Малаго*. О семъ князѣ въ *письменномъ Хронографѣ* находится слѣдующее: „Въ лѣто 6872 (1364) преставись Князь Иванъ Ивановичъ, глаголемый *малый*, братъ Князя Димитрія Ивановича и положенъ бысть на Москвѣ, въ церкви Архангела Михаила на площади". Свидѣтельство сіе подтверждаетъ изображеніе на стѣнѣ ангела его Св. Іоанна Богослова.

3) *XXV гробница*. Какъ между Князьями удѣльными, погребенными въ семъ соборѣ, не находится Галицкаго Князя Димитрія, по свидѣтельству лѣтописи положеннаго здѣсь въ 1441 году; то, вѣроятно, крайняя къ стѣнѣ гробница покрываетъ его тѣло; предъ нею на стѣнѣ изображенъ въ схимѣ Князь Димитрій Александровичъ [1])".

Въ отношеніи гробницы В. К. Юрія Даниловича, самъ авторъ въ примѣчаніи говоритъ, что по другимъ свидѣтельствамъ она находится въ Успенскомъ Соборѣ, при описаніи котораго [2]), онъ и помѣстилъ ее въ придѣлѣ Св. Великомученика Димитрія. Слѣдовательно авторъ предполагаетъ гробницу В. К. Юрія въ двухъ соборахъ и повидимому болѣе вѣроятія даетъ погребенію Великаго Князя въ Архангельскомъ соборѣ, потому что вноситъ его гробницу въ общій счетъ Великокняжескихъ и Царскихъ надгробій сего собора.

---

[1]) Пам. Моск. Др. стр. 70.
[2]) Тамъ же, стр. 9.

О мѣстѣ погребенія В. К. Юрія Даниловича лѣтописи говорятъ различно. Софійскій Временникъ, [1]) Продолжатель Нестора. [2]) Древній Лѣтописецъ, [3]) повѣствуютъ объ этомъ такъ: „и привезоша его (Кн. Юрія) на Москву и положиша у Архангела Михаила въ церкви на десной странѣ, въ первую субботу поста". А другіе—Русской Временникъ, Лѣтописецъ, изданный Львовымъ [4]), напротивъ говорятъ (и справедливо, какъ увидимъ ниже), что Кн. Юрій „положенъ бысть въ церкви Св. Великомученика Димитрія, у Пречистыя Богородицы соборныя въ придѣлѣ, на правой странѣ". Это послѣднее свидѣтельство подтверждается вполнѣ послѣдующими событіями.

Въ 1472 году, во время перестройки новаго Успенскаго Собора, когда старый былъ разобранъ, мощи В. К. Юрія были взяты и въ 1479 году положены на уготованномъ мѣстѣ въ новомъ, тогда уже отстроенномъ, соборѣ. Съ этимъ согласенъ даже и тотъ лѣтописецъ, который сказалъ, какъ видѣли выше, что Князь Юрій погребенъ былъ въ Архангельскомъ Соборѣ. Вотъ его слова: „тогоже мѣсяца (Августа 1479) въ 28 день пренесеніе бысть пресвященныхъ митрополитъ Кипреяна и Фотея и Іоны чудотворца, и Ѳеогнаста и *Князя Юрія Даниловича* и пресвященнаго митрополита Филипа".... [5]). Но особенно подробное и обстоятельное описаніе этого событія находимъ въ Русскомъ Временникѣ: „егдаже разбишась церковь", говоритъ эта лѣтопись, „и тогда выняша изъ стѣны въ церкви святаго Великомученика Димитрія, мощи

---

[1]) Софійскій Временникъ, М. 1820 I, стр. 315.

[2]) Лѣтописецъ отъ 1206—до 1534, М. 1784. стр. 79.

[3]) Древній Лѣтописецъ, Спб. 1774. I, стр. 115.

[4]) Русс. Вр. М. 1790. I, 163. Лѣтописецъ Русской, Спб. 1792, II, 83.

[5]) Лѣтописецъ, отъ 1206 до 1534 лѣта, который служитъ продолженіемъ Несторову Лѣтописцу, М. 1784 стр. 293.

княжъ Георгіевы Даниловича, Великого Князя Московскаго, и вложивше въ раку древяну, и поставиша на гробѣ Ѳеогноста Митрополита, идѣже была церковь поклоненіе честныхъ веригъ Святаго Апостала Петра; и егда зиждущіи церковь уготоваша мѣсто въ той же церкви Святаго Великомученика Димитрія, и вложше мощи Великого князя Георгія въ стѣнѣ на той же южной странѣ, отпѣвше надгробная". Дальше лѣтопись повторяетъ: „Потомъ же и великаго князя Георгія Даниловича мощи въ древянѣ гробѣ вземше и положиша въ церкви святаго Димитрія, въ *застѣнкѣ*, въ землю, съ мостомъ ровно, и учиниша надъ нимъ гробницу.... И потомъ начаша вечерню, и потомъ панихиду по всѣхъ митрополитѣхъ и по великомъ князѣ Георгіѣ Даниловичѣ" [1]). Мы думаемъ, что послѣ такого положительнаго свидѣтельства едва ли можно сомнѣваться, что Князь Юрій погребенъ не въ Успенскомъ Соборѣ, и напрасно отыскивать его гробницу въ соборѣ Архангельскомъ.

Слѣдующую гробницу, № XXIV, Памятники приписываютъ Князю Ивану Ивановичу Малаго (6872—1364), ссылаясь на письменный хронографъ. Не знаемъ, нужно ли дѣлать ссылку на письменный хронографъ, немногимъ извѣстный и, главное, неизвѣстно гдѣ находящійся, когда и Карамзинъ [2]) и нѣкоторые изъ лѣтописей единогласно говорятъ о погребеніи сего Князя въ Архангельскомъ Соборѣ [3]). Да притомъ слова хронографа находятся и въ „Путеводителѣ къ Древностямъ и Достопамятностямъ Московскимъ" [4]) отъ слова до слова, о преставленіи Кн. Ивана Ивановича Малаго

---

[1]) Русскій Временникъ II. стр. 77 и 124.

[2]) И. Г. Р. т. V, прим. 3.

[3]) Напр. Львовская 2, 132, Древній Лѣтописецъ, 239.

[4]) Путеводитель къ Древн. и Достоп. Московскимъ, М. 1792, ч. II, стр. 177.

и погребеніи его въ Архангельскомъ Соборѣ. Какъ бы то ни было, но изъ этого указанія нельзя еще заключить, что Князь сей погребенъ именно въ назначаемой авторомъ гробницѣ. Лѣтописи указываютъ и на другихъ Князей, также погребенныхъ въ соборѣ, хотя гробницъ ихъ мы вовсе тамъ не находимъ. Напримѣръ, Кн. Василій Владиміровичъ, умершій въ 1427 году, положенъ былъ также „во Архангелѣ“ [1]). Кромѣ того извѣстно также, что въ Архангельскомъ Соборѣ погребенъ Царевичъ Василій, сынъ Грознаго, умершій въ 1563 г. [2]).

Въ XXV гробницѣ авторъ Памятниковъ полагаетъ Князя Галицкаго Димитрія, на томъ основаніи, что его гробницы будто бы не находится въ соборѣ, между тѣмъ какъ Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что онъ былъ тамъ погребенъ въ 1441 году. Но какой же это Галицкій Князь? Въ Софійскомъ Временникѣ, на который ссылается авторъ, записано: „6949—1440 г. Сентября 22, преставися благовѣрный Князь Дмитрій въ Галичѣ и положенъ въ Архангелѣ на площади“.

Князь этотъ не кто иной, какъ Дмитрій Юрьевичь Красный, гробница котораго находится подъ однимъ надгробіемъ съ его отцомъ Юрьемъ и братомъ Васильемъ (Косымъ) и означена въ Памятникахъ Московской Древности подъ № XXII. Слѣдовательно одно и тоже лице предполагается погребеннымъ въ двухъ гробницахъ, и такимъ образомъ, „*сомнительныя*“ гробницы остаются по прежнему сомнительными и неизвѣстными.

Слишкомъ за полвѣка назадъ было напечатано нѣсколько лѣтописцевъ, въ которыхъ находятся довольно ясныя указа-

---

[1]) Карамз. Т. V пр. 258.
[2]) Карамз. Т. IX пр. 74.

нія объ этомъ предметѣ. Царственная Книга [1]), говоря о смерти Старицкаго Князя Андрея Ивановича, дяди Грознаго, присовокупляетъ: „и положенъ бысть въ Архангелѣ на лѣвой (сѣверной) сторонѣ въ головахъ у брата своего у Князя Юрья Ивановича". О погребеніи Кн. Андрея Ивановича въ Архангельскомъ Соборѣ упомянуто и у Карамзина [2]). Слѣдовательно одна изъ неизвѣстныхъ гробницъ, первая отъ сѣверной стѣны, именно въ головахъ у Князя Юрья Ивановича, принадлежитъ Князю Андрею Старицкому. Противъ нея этотъ Князь изображенъ даже и на стѣнѣ.

При перестройкѣ собора, въ 1505 году, останки Великихъ и Удѣльныхъ Князей были вынесены и потомъ съ особеннымъ торжествомъ перенесены въ новопостроенный храмъ. Лѣтописи по этому случаю подробно описываютъ новое размѣщеніе княжескихъ гробницъ. Позднѣйшія къ этому присовокупляютъ и тѣ гробницы, которыя внесены были въ соборъ въ ихъ время. Такъ Русскій Временникъ, описавъ упомянутое размѣщеніе древнихъ гробницъ, говоритъ: „А на лѣвой (сѣверной) странѣ, вшедъ въ церковь, отъ площади на правѣ, Князь Андрей Васильевичъ большой, Углецкой, а у него въ головахъ Князь Георгій Ивановичъ Дмитровской, а у Князя Георгія въ головахъ братъ его Князь Андрей Старицкой..... А послѣ того", продолжаетъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія въ позднѣйшей припискѣ: „въ Архангелѣ жъ погребены: Князь Великій Василей Ивановичъ всея Руссіи, во иноцѣхъ Варлаамъ, погребенъ на уготованномъ отъ него ему мѣстѣ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, во иноцѣхъ Іона, Царевичъ Князь Иванъ Ивановичъ всея Русіи, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи, Князь Георгій

---

[1]) Царственная Книга, Спб. 1769. Стр. 73.
[2]) И. Г. Р. VIII. стр. 12.

Васильевичъ Московской, Царевичъ Александръ Казанскій, Князь Георгій Ивановичъ Дмитровской, Князь Андрей Ивановичъ *Старицкой, сынъ его Князь Володимеръ Андреевичъ, Княже Володимеровъ сынъ Андреевича сынъ его Князь Василей*; страстотерпецъ Царевичъ Дмитрій Ивановичъ Московскій и всея Русіи чудотворецъ" [1]).

Такъ какъ гробницы всѣхъ упомянутыхъ лицъ, за исключеніемъ сына и внука Старицкаго Князя Андрея Ивановича, извѣстны, и какъ по древнему обычаю дѣти полагались всегда подлѣ родителей, сынъ подлѣ отца: то опредѣлить мѣста гробницъ Князя Владиміра Андреевича и сына его Василія будетъ весьма легко: они лежатъ подлѣ родителя — Князя Андрея Ивановича.

Это печатное указаніе вполнѣ подтверждается такимъ же рукописнымъ, относящимся къ XVII столѣтію. Въ одномъ сборникѣ, принадлежавшемъ Древлехранилищу г. Погодина, а нынѣ Императорской публичной библіотекѣ, находится небольшая статья: „Роспись Царскихъ гробовъ" въ Архангельскомъ Соборѣ, въ которой между прочимъ отмѣчено: „А подлѣ Царя Василья (Шуйскаго), въ уголъ, 3 гробницы:

„Гробница благовѣрнаго Князя Владимера Андреевича.

„Гробница благовѣрнаго Князя Василья Владимеровича.

„Подлѣ стѣны въ углу гробница Великаго Князя Андрея Ивановича Старицкого".

---

[1]) Русскій Временникъ, стр. 213—214.

МОСКОВСКІЕ САДЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ [1]).

Нужно ли дѣлать разысканія и доказывать, что сады существуютъ въ Россіи съ глубокой древности, что садоводство, наравнѣ съ другими занятіями осѣдлаго быта, принадлежало къ древнѣйшимъ и необходимымъ потребностямъ русской жизни и особенно жизни городской, посадской? Русскій народъ съ незапамятныхъ временъ поетъ про *зеленый садъ*. Пѣсни указываютъ на особенное, поэтическое, значеніе этого сада. Въ зеленомъ саду любила *ходить-гулять* красная дѣвица. Съ зеленымъ садомъ неразлучны ея лучшія впечатлѣнія, ея лучшія воспоминанія: отъ того такъ часто и упоминается зеленый садъ въ пѣсняхъ и особенно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, выразилось положеніе русской дѣвицы въ тогдашнемъ обществѣ, которая такъ скорбно оплакиваетъ молодую жизнь, дѣвичью долю. Чтобы понять, какое, въ самомъ дѣлѣ, важное значеніе имѣлъ въ старой русской жизни и особенно въ жизни русской женщины зеленый садъ, стóитъ только припомнить исключенный, замкнутый въ теремѣ бытъ русской дѣвицы. Въ сущности садъ былъ для нея другимъ теремомъ. Но это теремъ не родительскій, это не четыре стѣны съ своими однообразными и тѣсными впечатлѣніями... Это теремъ Божій, въ которомъ пробуждались и питались другія впечатлѣнія, пробуж-

---

[1]) Въ настоящемъ изданіи эта статья пополнена новыми свѣдѣніями и

далось и питалось чувство къ красотамъ природы, чувство вѣчное, доступное человѣку при всякихъ условіяхъ жизни, подъ всѣми градусами широты и долготы. Должно и еще припомнить, что все, чѣмъ украшается общежитіе настоящаго времени, всѣ эти удовольствія и развлеченія, принесенныя образованностію— для русской дѣвицы стараго русскаго вѣка еще не существовали. Жизнь ея замкнутая, сосредоточенная въ теремѣ, безъ всякаго сомнѣнія находила несравненно бо̀льшій просторъ въ саду, который въ этомъ отношеніи представлялъ почти единственный уголокъ тогдашняго быта, восполнявшій для женщины отсутствіе всѣхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій. Вотъ почему русская дѣвица такъ любитъ зеленый садъ, такъ часто поетъ про него, и въ пѣсняхъ такъ часто находитъ уподобленія своей участи, своихъ сердечныхъ движеній или съ самимъ садомъ, или съ тѣмъ, что росло въ немъ, съ яблонею, грушею, съ цвѣтомъ алымъ, лазоревымъ. Пѣсни засвидѣтельствовали, что уходъ за деревьями и цвѣтами составлялъ не малую заботу русской дѣвицы, что она горевала и плакала, когда, выходя замужъ, разставалась съ дорогимъ любимымъ садомъ.

Во полѣ лебедушка кликала,
Во теремѣ Хавроньюшка плакала:
Богъ суди родимаго батюшку,
Молоду въ чужи люди отдаетъ!"
Остается зеленъ садъ безъ мени,
Завинутъ всѣ цвѣточки во саду:
Аленькій мой, бѣленькій цвѣтокъ,
Голубой, лазоревый василекъ,
Наказу своему батюшкѣ родному:
Вставай ты, мой батюшка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарею.

МОСКОВСКІЕ САДЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ [1]).

Нужно ли дѣлать разысканія и доказывать, что сады существуютъ въ Россіи съ глубокой древности, что садоводство, наравнѣ съ другими занятіями осѣдлаго быта, принадлежало къ древнѣйшимъ и необходимымъ потребностямъ русской жизни и особенно жизни городской, посадской? Русскій народъ съ незапамятныхъ временъ поетъ про *зеленый садъ*. Пѣсни указываютъ на особенное, поэтическое, значеніе этого сада. Въ зеленомъ саду любила *ходить-гулять* красная дѣвица. Съ зеленымъ садомъ неразлучны ея лучшія впечатлѣнія, ея лучшія воспоминанія: отъ того такъ часто и упоминается зеленый садъ въ пѣсняхъ и особенно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, выразилось положеніе русской дѣвицы въ тогдашнемъ обществѣ, которая такъ скорбно оплакиваетъ молодую жизнь, дѣвичью долю. Чтобы понять, какое, въ самомъ дѣлѣ, важное значеніе имѣлъ въ старой русской жизни и особенно въ жизни русской женщины зеленый садъ, стòитъ только припомнить исключенный, замкнутый въ теремѣ бытъ русской дѣвицы. Въ сущности садъ былъ для нея другимъ теремомъ. Но это теремъ не родительскій, это не четыре стѣны съ своими однообразными и тѣсными впечатлѣніями... Это теремъ Божій, въ которомъ пробуждались и питались другія впечатлѣнія, пробуж-

---

[1]) Въ настоящемъ изданіи эта статья пополнена новыми свѣдѣніями и матеріалами.

далось и питалось чувство къ красотамъ природы, чувство вѣчное, доступное человѣку при всякихъ условіяхъ жизни, подъ всѣми градусами широты и долготы. Должно и еще припомнить, что все, чѣмъ украшается общежитіе настоящаго времени, всѣ эти удовольствія и развлеченія, принесенныя образованностію— для русской дѣвицы стараго русскаго вѣка еще не существовали. Жизнь ея замкнутая, сосредоточенная въ теремѣ, безъ всякаго сомнѣнія находила несравненно бо̀льшій просторъ въ саду, который въ этомъ отношеніи представлялъ почти единственный уголокъ тогдашняго быта, восполнявшій для женщины отсутствіе всѣхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій. Вотъ почему русская дѣвица такъ любитъ зеленый садъ, такъ часто поетъ про него, и въ пѣсняхъ такъ часто находитъ уподобленія своей участи, своихъ сердечныхъ движеній или съ самимъ садомъ, или съ тѣмъ, что росло въ немъ, съ яблонею, грушею, съ цвѣтомъ алымъ, лазоревымъ. Пѣсни засвидѣтельствовали, что уходъ за деревьями и цвѣтами составлялъ не малую заботу русской дѣвицы, что она горевала и плакала, когда, выходя замужъ, разставалась съ дорогимъ любимымъ садомъ.

Во полѣ лебедушка кликала,
Во теремѣ Хавроньюшка плакала:
Богъ суди родимаго батюшку,
Молоду въ чужи люди отдаетъ!
Остается зеленъ садъ безъ меня,
Завянутъ всѣ цвѣточки во саду:
Аленькій мой, бѣленькій цвѣтокъ,
Голубой, лазоревый василекъ,
Наказу своему батюшкѣ родному:
Вставай ты, мой батюшка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарею.

Яблонка моя, яблонка,
Яблонка моя, зеленая,
Не цвѣти теперешней весной,
Не плоди сладкихъ яблочковъ!
Я скажу моему батюшкѣ,
Я скажу моей матушкѣ,
Что ты худо поливана,
Что ты худо лелѣяна,
Оттого и яблочковъ нѣтъ;
Что сама я стану поливати,
Сама корешокъ обчищати,
Сама червячковъ обметати.
Авось либо батюшка и сжалится,
Авось либо матушка и умилуется,
Не отдадутъ меня нынѣшній годъ
На чужу дальную сторону....

Цвѣти, моя грушица,
Цвѣти моя зеленая,
Зеленымъ зеленехонько!
Скоро тебя, моя грушица,
Скоро тебя, моя зеленая,
Станетъ поливати Катенька,
Катенька Егоровна,
Изъ своихъ рукъ изъ бѣлыхъ
Изъ чиста мѣдна ковшичка...
Умъ она ли у батюшки
Во саду во зеленомъ
Всему хорошо выучена:
И цвѣтики сажать
И яблонки поливать.... [1]).

Мы не думаемъ, чтобъ можно было оспорить такое поэтическое значеніе сада въ старой русской жизни и преимущественно въ жизни русской женщины. По крайней мѣрѣ свидѣтель-

---

[1]) Сказанія Русскаго народа, *Сахарова*. Свадебныя пѣсни № 119, 170, 60.

ства на-лице: любой сборникъ пѣсенъ, и особенно свадебныхъ, вполнѣ можетъ подтвердить наши слова.

Приведенныя выше пѣсни отчасти уже обозначили характеръ нашего древняго садоводства. Въ зеленомъ саду росла яблоня кудрявая-наливчата, груша зеленая, вишенье, калина, малина, черная ягода смородина, — кусточки частые, цвѣты алые, лазоревые.... Слѣдовательно русскіе древніе сады были по преимуществу плодовые. Иначе и быть не могло. Въ древнее время садъ прежде всего былъ заведеніемъ хозяйственнымъ. Это былъ тотъ же огородъ и только плодовые деревья и кусты давали ему названіе сада. Очень естественно, что и самое устройство нашихъ древнихъ садовъ малымъ чѣмъ отличалось отъ устройства обыкновенныхъ огородовъ и мы едвали много ошибемся, если скажемъ, что древніе сады совершенно походили на теперешніе крестьянскіе сады въ подмосковныхъ селахъ и деревняхъ, что сады селъ Воробьева, Троицкаго-Голенищева, Коломенскаго и многихъ другихъ, лежащихъ большею частію къ юго-западу отъ Москвы, могутъ служить живыми памятниками нашего древняго садоводства.

Въ древнемъ русскомъ домоводствѣ сады составляли почти неизбѣжную потребность каждаго, сколько нибудь зажиточнаго домохозяина. Встарину важнѣйшая забота всякаго домовитаго человѣка состояла въ томъ, чтобъ все было *припасено* у себя дома. Покупать по мелочамъ, смотря по нуждѣ, на рынкахъ, для домовитаго хозяина почиталось чѣмъ-то слишкомъ зависимымъ, унизительнымъ, чѣмъ-то такимъ, въ чемъ, по тогдашнимъ понятіямъ, совѣстно было признаться. Такая покупка обличала разстройство дома, худое положеніе домашнихъ дѣлъ. На рынкахъ, *на торгу*, поку-

пали только люди бѣдные, нуждающіеся, бездомные. Полный годовой запасъ во всемъ, полное свое заведеніе по разнымъ частямъ хозяйства — вотъ главная цѣль, идеалъ стариннаго *добраго* домохозяина. Благосостояніе признавалось только въ возможности удовлетворять своимъ потребностямъ единственно изъ своего домашняго хозяйства. Отсюда неимовѣрная многочисленность дворни у бояръ и у всѣхъ, кто имѣлъ средства жить *прохладно*, какъ тогда выражались, обозначая этимъ словомъ полный комфортъ своего времени. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ старинной жизни садоводство было необходимою статьею въ каждомъ мало-мальски домовитомъ хозяйствѣ. Это былъ источникъ многихъ *прохладъ*, а потому садъ во дворѣ не только у богатыхъ, но и у бѣдныхъ, составлялъ такую же необходимость, какъ напр. колодезь, какъ разныя домовыя службы. Безъ сада или огорода и дворъ не былъ дворомъ. Павелъ Іовій, пріѣзжавшій въ Москву въ началѣ XVI столѣтія, говоритъ въ описаніи своего путешествія, что въ Москвѣ — „при каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ“ [1]). Это свидѣтельство вполнѣ подтверждается купчими, данными и другими актами на дворы, какъ XVI такъ и XVII столѣтій, изъ которыхъ видно, что дѣйствительно при каждомъ дворѣ, исключая можетъ быть самыхъ бѣдныхъ, бобыльскихъ дворовъ, если не было сада, то былъ огородъ съ двумя тремя плодовыми деревьями и кустами [2]).

---

[1]) Библіотека Иностр. Писателей о Россіи Спб. 1836. стр. 33.

[2]) Вотъ указанія купчихъ, относящихся къ концу XVII ст.: Дворъ тяглеца барашской слободы Ивана Воронова — *въ огородѣ колодезь, яблонней и грушъ 37 деревъ*.... Дворъ барана Василья Мордвинова — садъ — *три яблони да груша*.... Дворъ гостиной сотни Еремѣя Цыпбаль-

Хозяйственный взглядъ на садоводство еще яснѣе выражается въ тѣхъ немногихъ и потому особенно любопытныхъ замѣткахъ объ уходѣ за садомъ, которыя сохранила намъ старина въ извѣстномъ Домостроѣ XVI вѣка. Здѣсь садоводство является въ первобытномъ своемъ видѣ, почти нераздѣльно съ огородничествомъ. Домострой отнесъ эти замѣтки въ особую статью съ заглавіемъ: ***Огородъ и садъ какъ водити.***

„А у котораго человѣка огородецъ есть, и кто пашетъ огородъ,— самъ ли государь (домохозяинъ) дозираетъ или государыня, или кому приказано: — первое, городьба (съ весны) перекрепити, чтобы въ огородъ собаки, ни свиньи, — ни куромъ, ни гусемъ, ни уткамъ, и всякой животинѣ, — взойти нельзя, ни съ чюжево двора, ни съ своего: ино яблонямъ и всякому плоду пакости нѣтъ, а съ сусѣды остуды.... а огородъ всегды бы былъ замкнутъ; да кому приказано, тотъ бы его всегды берегъ, и день и ночь, и въ немъ всегда дозиралъ. Да какъ гряды копати веснѣ и навозъ класти; а навозъ зимѣ запасати, и къ ***садиломъ*** на дыни варовые (паровые) гряды готовить и всякіе сѣмена водить у себя. И посадивъ или посѣевъ всякіе сѣмена, и всякое обиліе, въ пору поливати и укрывати и отъ морозы всегды беречи; и яблони подчищати и ***суша*** вытирати (вырѣзывать), и почки разсаживати, и пенки и почки прививати; и гряды, всякое обиліе, полоти, и капуста отъ черьвя и отъ блохи беречи: и обирати и оттрясывати. А возлѣ ты-

---

щикова—*огородъ, въ огородѣ садъ — яблони и груши и вишни и малина и смородина да шатрикъ на четырехъ столбахъ (бесѣдка) да колодезь....*

Впрочемъ иуячія большею частью не обозначали садовыхъ растеній, а писали просто, что дворъ продается съ огородомъ, а въ огородѣ садъ, или съ садомъ и со всякимъ садовымъ деревьемъ, а иногда и вовсе не упоминали объ огородѣ или незначительномъ садѣ, означая только огородное и садовое мѣсто въ общемъ исчисленіи количества дворовой земли.

на, около всего огорода, борщу сѣеть,—гдѣ кропива ростетъ, — и съ весны его варить про себя много; и того въ торгу не купить.... А какъ насадитъ капусты и свеклы и поспѣетъ, — листье капустное варить; и какъ учнетъ витися въ клубъ, и только часта,—ино, изрѣдка, сѣкучи, варити; а листья обламываючи, животина кормить. А въ ту пору, и до осени, борщъ, рѣжучи, сушить и пленицы плести: ино всегда пригодится, и въ годъ, и въ даль; и капусту все лѣто варить и свеклу; а въ осень капусту солити, а свеколной росолъ ставить, а огурцы солить же; а лѣтомъ (домохозяинъ) *прохлождаетца*: ѣстъ дыни, стручье (горохъ), морковь, огурцы и всякой овощь....

„А садъ разводити про себя: ино прививка, отъ древа до древа, по три сажени и больши;—ино яблони ростутъ велики; обилью и всякимъ овощемъ не помѣшаетъ рости; а какъ будетъ густо, отъ вѣтья подъ деревьемъ не растетъ ништо: ино борщу насѣяти, — ино всегды плодъ. А падушокъ яблочныхъ, и што поспѣло: огурцы и дыни, и всякой овощь, — въ пору бы обирати: што про себя съѣсть, или поблюсть, или въ годъ что поставить, или что осолить, или въ квасы ставить, яблока и груши; или въ патокѣ, и ягодный и вишневой морсъ.... А сѣмена бы всякіе у себя водить: ино велика прибыль—въ торгу тово не купишь; а будетъ слишкомъ, и ты и продашъ."... [1]).

Вотъ древнѣйшее, записанное, руководство къ огородничеству и садоводству. Оно тѣмъ драгоцѣннѣе, что въ нашей древней письменности памятниковъ подобнаго рода совершенно не встрѣчается: въ то время русскій человѣкъ еще не думалъ записывать своихъ хозяйственныхъ опытовъ и наблюденій; онъ считалъ такой трудъ не на столько важнымъ, чтобъ предавать

---

[1]) Домострой гл. XLV, стр. 78.

его письму, занятію серьезному, дѣльному. Съ другой стороны не было и нужды въ запискахъ: ихъ вполнѣ замѣняла опытность, навыкъ съ малолѣтства, который условливался обширнымъ, повсемѣстнымъ распространеніемъ огородничества и садоводства.

Само собою разумѣется, что при хозяйственномъ взглядѣ на садоводство, предки наши не могли еще помышлять о садахъ общественныхъ, о садахъ называемыхъ увеселительными, разводимыхъ единственно только для удовольствія. Сады царскіе при загородныхъ дворцахъ, не смотря на ихъ обширность, имѣли тоже значеніе и такое же устройство, какъ и сады частныхъ лицъ. Но разумѣется мысль объ устройствѣ увеселительныхъ садовъ или по крайней мѣрѣ о внесеніи въ прежнее, чисто хозяйственное садоводство, нѣкоторыхъ предметовъ, служившихъ собственно для удовольствія и украшенія сада—такая мысль прежде всего должна была явиться во дворцѣ. Къ сожалѣнію положительныя указанія по этому предмету относятся только ко второй половинѣ XVII ст.; однакожь нельзя думать, чтобы подобныя нововведенія и улучшенія въ дворцовыхъ садахъ не существовали гораздо раньше, напр. съ XVI стол., или съ тѣхъ поръ, какъ начались частыя и близкія сношенія съ Западомъ Европы, откуда первыя свѣдѣнія объ увеселительныхъ садахъ, вообще объ *искусствѣ* разводить сады, могли быть принесены выѣзжими *нѣмцами*, т. е. вообще иностранцами и даже нашими послами. Петрей, описывая Москву въ началѣ XVII ст., свидѣтельствуетъ, что въ самомъ городѣ находились большіе луга, порожнія мѣста, много деревьевъ и увеселительныхъ садовъ, занимающихъ довольно мѣста; что самъ государь имѣлъ три большихъ прекрасныхъ сада съ разными деревьями и травами и большой лугъ въ городѣ возлѣ самаго дворца (Царицынъ Лугъ за рѣкою, противъ Кремля), дающій ему каждый годъ до 600 во-

зовъ сѣна. Петрей опровергаетъ даже укоренившееся на западѣ мнѣніе, что старая наша Русь была дикою пустынею, въ которой ничего даже и рости не могло. „Нѣкоторые думаютъ и пишутъ, говоритъ онъ, что въ Россіи не растутъ ни плодовитыя деревья, ни зелень: они грубо ошибаются и находятся въ заблужденіи, потому что тамъ не только разводятся разныя деревья, но и сѣются всякія сѣмена, такъ что въ Россіи легче достать плодовъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, таковы, напр. яблоки, сливы, вишни, маленькія сливы, крыжовникъ, смородина, дыни, морковь, свекла, петрушка, хрѣнъ, рѣдька, редиска, тыква, огурцы, сѣрая и бѣлая капуста, лукъ, чеснокъ, шалфей, ноготки, разныхъ цвѣтовъ фіалки, мирра, гвоздика, иссопъ, маіоранъ, тимьянъ, базилика, перецъ и другіе подобные плоды, о которыхъ не считаю необходимымъ здѣсь разсказывать“.

Въ началѣ XVII ст. самые обширные сады въ Москвѣ принадлежали дворцу. Одинъ—Аптекарскій—разведенный безъ сомнѣнія въ одно время съ учрежденіемъ Царской Аптеки въ XVI ст., находился противъ Кремля, на правомъ берегу Неглинной, между Троицкими и Боровицкими воротами, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь садъ Кремлевскій. Другой—также противъ Кремля, за Москвою рѣкою, на набережной, разведенный В. К. Іоанномъ Васильевичемъ въ 1495 году, вѣроятно съ цѣлію предохранить Кремль и самый дворецъ отъ частыхъ пожаровъ, которымъ такъ благопріятствовали тѣсныя деревянныя постройки Замоскворѣчья. Пожаръ 1493 года, начавшійся именно въ этомъ мѣстѣ, истребилъ почти всю Москву. Это можетъ быть и заставило Великаго Князя

снести здѣсь всѣ дворы и церкви и на мѣстѣ ихъ устроить садъ [1]).

Садъ *Воронцовскій*, на Воронцовскомъ полѣ, на Яузѣ, при загородномъ дворцѣ В. К. Іоанна Васильевича—можетъ быть одинъ изъ древнѣйшихъ Московскихъ садовъ, — въ XVII ст. кажется уже не существовалъ, да и вообще послѣ такъ называемой Московской *розрухи* при Самозванцахъ, когда царствующій градъ былъ почти весь выжженъ и разоренъ, едвали что могло напоминать прежнее благоустройство Москвы.

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Московское садоводство, какъ и самый городъ, требовали особенной дѣятельности для приведенія ихъ въ надлежащій видъ; не улучшенія, не распространенія были нужны, необходимо было только возстановить, возобновить разрушенное и разоренное. Устроивая городъ и дворецъ, Царь Михаилъ необходимо долженъ былъ коснуться и садоводства. При дворцѣ въ Кремлѣ издавна существовали сады, называвшіеся *верховыми*, т. е. комнатными и *красными*, въ смыслѣ особенно хорошихъ, прекрасныхъ. Два изъ нихъ въ XVII ст. назывались по своему мѣстоположенію, съ набережной стороны дворца—*набережными*, одинъ верхнимъ, другой нижнимъ. Верхній набережный красный садъ расположенъ былъ на сводахъ большаго каменнаго зданія, фасадъ котораго, къ Москвѣ рѣкѣ, опускался до подошвы кремлевской горы.

Разведеніе этихъ садовъ можно отнести къ началу XVII ст. Къ сожалѣнію собранныя нами свѣдѣнія не указываютъ прямо на тотъ или другой садъ, а говорятъ вообще о садахъ *верховыхъ*; верховые же сады нерѣдко устроивались при самыхъ комнатахъ, внутри дворца или двора Государева. Такимъ образомъ, приводя здѣсь нѣсколько указаній по этому

---

[1]) Русскій Временникъ, М. 1790. Ч. II. стр. 169, 175.

предмету, мы не беремся пока рѣшить, когда именно, въ какомъ году, были разведены Красные Набережные сады, весьма замѣчательные по своему устройству въ концѣ XVII столѣтія. Еще въ 1623 году садовникъ Назаръ Ивановъ, *уряжая* по царскому указу верховой садъ, *выбиралъ* и *выискивалъ* по всѣмъ садамъ Москвы лучшія яблони и груши, и высадилъ сюда изъ собственнаго своего сада—*три яблони большія наливу да грушу царскую.* [1]) По всему вѣроятію это извѣстіе относится къ одному изъ садовъ набережныхъ. Лѣтъ черезъ двѣнадцать, въ 1635 году, въ одно время съ постройкой Теремнаго Дворца для дѣтей Царя Михаила, Алексѣя и Ивана Михайловичей, устроены были, можетъ быть подлѣ этого зданія, новые верховые сады. *Строили* ихъ садовники Иванъ Телятевскій да Титъ Андреевъ. Есть указаніе, что одинъ изъ этихъ садовъ принадлежалъ пятилѣтнему царевичу Алексѣю и слѣдовательно находился при его хоромахъ. Въ апрѣлѣ этого года садовникъ Никита Родіоновъ поднесъ, „челомъ ударилъ", Государю и Царевичу въ ихъ государевы сады яблонии и грушами, за что и получилъ четыре аршина сукна вишневаго, на кафтанъ. Въ тоже время упомянутые садовники развели садъ и на Цареборисовскомъ дворѣ, бывшемъ домѣ Царя Бориса Годунова. Но царское садоводство не ограничилось однимъ Кремлемъ. Въ томъ же 1635 году Царь Михаилъ Ѳедоровичь развелъ большой садъ въ любимомъ своемъ селѣ Рубцовѣ, названномъ въ послѣдствіи Покровскимъ по соборной церкви Покрова, построенной въ память отраженія отъ стѣнъ Москвы Королевича Владислава въ 1619 году. Этотъ садъ *наводили* Садовой слободы староста Денисъ Матвѣевъ и садовники Иванъ Коверинъ, Авдѣй Романовъ, Кирила Сергѣевъ, Сергѣй Ивановъ [2]).

---

[1]) См. его челобитную въ приложеніи къ этой статьѣ.

[2]) Расх. книга Казеннаго Приказа 7143 года.

Спустя шесть лѣтъ, въ 1641 году, Покровскій садъ вновь *строилъ царскій дохтуръ Виндилинусъ Сибилистъ.* Къ сожалѣнью неизвѣстны подробности этого *садоваго строенья*, которымъ управлялъ Нѣмецъ, безъ сомнѣнія и призванный для того, чтобъ внести въ наше старинное садоводство заморскія улучшенія, насадить новыя деревья, новые цвѣты и полезныя травы. Съ этого времени Покровскій садъ занялъ первое мѣсто среди всѣхъ садовъ Московскихъ, городскихъ и загородныхъ. Должно полагать, что Олеарій, въ запискахъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, упоминаетъ именно о Покровскомъ садѣ и разсказываетъ, что царь, желая хорошо устроить этотъ садъ и украсить его дорогими и рѣдкими растеніями и цвѣтами, не жалѣлъ никакихъ издержекъ. Въ это время, по свидѣтельству Олеарія, появились у насъ и садовыя или махровыя розы, вывезенныя въ Москву нѣмецкимъ купцомъ Петромъ Марселіусомъ изъ Готторпскихъ садовъ герцога Голштинскаго. Прежде въ садахъ нашихъ разводился только шиповникъ. Доказательствомъ особенныхъ заботъ царя Михаила Ѳедоровича о Покровскомъ садѣ можетъ служить и щедрая по времени награда доктору Сибилисту: 1641 года 3 апрѣля ему выданъ серебряный, золоченый кубокъ вѣсомъ въ 3 фунта 12 зол., десять аршинъ атласу червленаго, десять аршинъ камки алой, сорокъ соболей въ 50 рублей, всего на 86 рублей [1]).

Цвѣтущее состояніе этого сада поддерживалось особенно тѣмъ, что Покровское при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ было однимъ изъ самыхъ любимыхъ загородныхъ мѣстъ, гдѣ царское семейство почти постоянно проводило лѣто; а постоянное пребываніе или, по крайней мѣрѣ, частые пріѣзды царскаго семейства вызывали постоянныя заботы объ устройствѣ и под-

---

[1]) Книга Расх. Казеннаго Приказа 7149 года.

держкѣ сада. Однимъ словомъ, Покровскій садъ при Михаилѣ для Москвы имѣлъ такое же значеніе, какое Измайловскій при Алексѣѣ, Преображенскій въ первое время Петра и *Слободской* или Дворцовый въ XVIII столѣтіи. По смерти царя Михаила село Покровское, съ дворцомъ и садомъ, поступило въ собственность дочери его, царевны Ирины Михайловны, умершей въ 1679 году, а въ началѣ XVIII ст. оно было собственностію цесаревны Елисаветы Петровны. Въ теченіе всего этого времени садъ Покровскій постоянно поддерживался и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ снова приведенъ былъ въ цвѣтущее состояніе, остатки котораго еще до сихъ поръ памятны Московскимъ и особенно Покровскимъ старожиламъ.

Ко времени царя Михаила Ѳедоровича можно отнести основаніе сада на рѣчкѣ Прѣснѣ. Въ 1633 году на этой рѣчкѣ была сдѣлана, вмѣсто деревянной, каменная плотина мастеромъ плотинныхъ дѣлъ Петромъ Фефиловымъ—вотъ начало, знаменитыхъ въ свое время для Москвы, Прѣсненскихъ прудовъ. Можно было бы отнести къ началу XVII ст. и разведеніе *Васильевскаго сада*, на Васильевскомъ лугу, гдѣ теперь Воспитательный Домъ, — но мы не имѣемъ на это положительныхъ свѣдѣній. На планахъ Москвы первой половины XVII вѣка этотъ садъ не обозначенъ; онъ является только на планахъ времени царя Алексѣя Михаиловича, напр. у Мейерберга. Впрочемъ въ этой части Москвы издревле существовали сады: не подалеку отъ Васильевскаго сада находятся церкви Св. Владиміра и Троицы (на Хохловкѣ), именуемыя *въ садѣхъ*, *въ старыхъ садѣхъ*. При церкви Св. Владиміра, въ началѣ XV столѣтія, былъ загородный дворъ В. К. Василія Дмитріевича, который безъ сомнѣнія и развелъ здѣсь первые сады. Можетъ быть Васильевскій садъ принадлежалъ къ остаткамъ древняго садоводства на этомъ мѣстѣ и такъ названъ по имени великаго князя.

Кромѣ дворцовыхъ большихъ садовъ въ Москвѣ поселены были особыя слободы, Огородная и Садовая, также принадлежавшія дворцу. Мѣсто первой обозначается приходомъ Св. Харитонія въ Огородникахъ, который былъ центромъ слободы и окружавшихъ ее огородовъ. Слобода Садовая находилась за Москвою рѣкою, на берегу, противъ Воспитательнаго Дома и устья Яузы; все это мѣсто называлось вообще *Набережными Садовниками*. Теперь здѣсь существуетъ приходъ Козмы и Демьяна въ Садовникахъ, улица Садовники и городскія слободы Большая Садовая и Набережная Садовая. Берсеневка также была покрыта садами.

Садовая и Огородная Слободы могли быть заведены очень рано, еще при первыхъ Московскихъ Князьяхъ, потому что цѣль ихъ заведенія была хозяйственная: слобожане должны были ставить во дворецъ, въ видѣ оброка, всякій огородный *овощь* и садовое *слѣтье* т. е. плоды. Съ XVI вѣка слободы эти существуютъ уже на упомянутыхъ мѣстахъ. Сверхъ обыкновеннаго оброка староста Садовой слободы, всегда искуснѣйшій садовникъ, каждогодно подносилъ государю *новь* или *нови*—раннія дыни, огурцы, рѣдьку, морковь, рѣпу и проч. За каждую такую *новь* онъ получалъ отъ государя четыре аршина сукна на кафтанъ. Дыни подавались къ первымъ числамъ августа, а огурцы къ первымъ числамъ іюня [1]).

Иностранцы, жившіе въ Москвѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о великомъ изобиліи овощей и садовыхъ плодовъ. Маржеретъ говоритъ, „что дыни бываютъ такъ огромны и вкусны, что подобныхъ онъ нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того много огурцовъ, яблокъ, вишенъ;—сливъ

---

[1]) Сказанія Современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, изд. г. Устряловымъ. III. стр. 13.

и грушъ мало *)"..... Это свидѣтельство относится къ первымъ годамъ XVII столѣтія. Вотъ что говоритъ Адольфъ Лизекъ, бывшій въ Москвѣ секретаремъ Цесарскаго (Австрійскаго) Посольства въ 1675 году: смородины, вишенъ яблокъ и сливъ, огурцовъ, арбузовъ и дынь родится (въ Москвѣ) множество, отмѣнной доброты и необыкновенной величины. Намъ подавали дыни вѣсомъ больше 20 фунтовъ и люди, заслуживающіе полное довѣріе, утверждали, что бываютъ дыни въ 30 и даже 40 фунтовъ. Лизекъ къ этому присовокупляетъ любопытную замѣтку о тогдашнемъ уходѣ за дынями. „Посадивши дыни, Русскіе ухаживаютъ за ними слѣдующимъ образомъ: каждый садовникъ имѣетъ двѣ верхнія одежды для себя, и двѣ покрышки для дынь. Въ огородъ онъ выходитъ въ одномъ исподнемъ платьѣ. Если чувствуетъ холодъ, то надѣваетъ на себя верхнюю одежду, а покрышкою прикрываетъ дыни. Если стужа увеличивается, то надѣваетъ и другую одежду, и въ тоже время дыни прикрываетъ другою покрышкой. А съ наступленіемъ тепла, снимая съ себя верхнія одежды, поступаетъ также и съ дынями."

Въ отношеніи садоводства у частныхъ лицъ мы уже замѣтили, что въ Москвѣ почти при каждомъ дворѣ былъ садъ или огородъ. Но чѣмъ ближе къ Кремлю, тѣмъ тѣснѣе было населеніе и тѣмъ, слѣдовательно, меньше было садовъ; по крайней мѣрѣ сады эти не могли быть значительны; такъ напр. въ Китай-городѣ ихъ было весьма мало.... Очень естественно, что широкое житье бояръ и другихъ высшихъ сановниковъ, жившихъ отчасти въ Китаѣ и преимущественно въ Бѣломъ городѣ, не могло удовлетворяться малымъ пространствомъ земли, какое оставалось во дворахъ для разведенія сада или ого-

---

*) При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ старостами Садовой Слободы были Иванъ Дмитріевъ, Авдей Романовъ, Титъ Андреевъ и др.

рода. По этому всѣ знатные и богатые люди по необходимости должны были устроивать себѣ *сады* и *огороды загородные*, съ особыми дворами, нѣчто въ родѣ теперешнихъ дачь, съ тою только разницею, что мы устроиваемъ дачи или живемъ на дачѣ прежде всего для удовольствія, а въ старину здѣсь первое мѣсто занимала цѣль хозяйственная—удовольствіе подразумѣвалось.

Само собою разумѣется, что число этихъ *загородныхъ дворовъ* постоянно увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа знатныхъ чиновниковъ. Къ половинѣ XVII ст. ихъ загородные дворы заняли почти все пространство, ближайшее къ земляному валу, тогдашней чертѣ города, по ту и по сю сторону. Многіе изъ бояръ завели подлѣ своихъ дворовъ даже пашню и населили здѣсь цѣлыя крѣпостныя слободы. Сначала, когда около Москвы было много пустыхъ, свободныхъ мѣстъ, загородные боярскіе дворы не могли стѣснять посадскаго или собственно городскаго населенія; но въ сказанное время посадскіе и мелкое дворянство очень хорошо поняли, что отъ распространенія боярскихъ дачь они лишились весьма важной статьи въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, именно *животинныхъ выпусковъ*, выгоновъ для скота. Въ 1648 году тѣ и другіе подали государю челобитныя съ объясненіемъ, что „изстари-де, до Московскаго и послѣ Московскаго раззоренья, около Москвы, за Землянымъ городомъ, были животинные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три и по четыре, и по пяти *), а нынѣ около Москвы животинныхъ выпусковъ не стало, потому, иззаняли бояре и ближніе люди и

*) „По Тверской дорогѣ по Ходынку, по Троицкой дорогѣ по Яузу, по Коломенской дорогѣ по Грановоры, по Серпуховской дорогѣ по Котелъ, по Можайской дорогѣ по Поклонную гору.» А. А. Э. т. IV. N 32.

Московскіе дворяне и дьяки подъ загородные дворы и огороды, а монастыри и ямщики тѣ животинные выпуски распахали въ пашню, и въ лѣсы выѣзда по дрова не стало.... и Великій Государь указалъ бы животинные выпуски около Москвы и въ лѣсы для дровъ выѣздъ устроить по прежнему". Съ этого времени правительство ограничило чрезмѣрное и большою частію неправильное распространеніе загородныхъ дворовъ, назначивъ для каждаго лица, смотря по его служебному значенію, извѣстную мѣру земли: за Землянымъ городомъ боярамъ 100 саж. длиннику и 50 поперекъ, Окольничимъ 80 дл. и 40 попер., Думнымъ 60 дл. и 30 попер., Стольникамъ дл. 35, попер. 17½., Стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ дл. 30, попер. 15 и самымъ младшимъ — подьячимъ длин. 6, попер. 3 саж.; въ Земляномъ же городѣ всѣмъ вполовину.

Упомянемъ загородные дворы нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ въ XVII ст.: боярина Бориса Ивановича Морозова, дядьки Царя Алексѣя Михаиловича — у Іакова Апостола въ Казенной слободѣ, на берегу Яузы; Никиты Ивановича Романова—у Егорья на Всполье за Никитскими воротами; Василія Ивановича Стрешнева—у Николы въ Плотникахъ; Никиты Ивановича Одоевскаго—у Рожества въ Старыхъ Полачахъ, (теперь называется въ Палашахъ); князей Черкасскихъ—гдѣ теперь Шереметьевскій Страннопріимный домъ и пр.

Обозрѣніе Московскаго садоводства въ первой половинѣ XVII столѣтія мы должны заключить двумя статьями X главы Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, которыя служатъ памятникомъ особенной заботливости правительства о садоводствѣ и огородничествѣ, какъ части хозяйства весьма важной въ домашнемъ быту и весьма распространенной въ древней Москвѣ. Одна 221 ст. Уложенья касается садовъ, а другая 222—огородовъ: „А будетъ кто у кого въ саду съ яблоней яблока ощиплетъ насильствомъ или ночью покрадетъ, и въ

томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда сыщется про то допряма, и на немъ взяти истцу убытки по его сказкѣ. А будетъ кто у кого въ саду какое дерево ссѣчетъ насильствомъ или украдетъ, а съ суда про то сыщется допряма, и на немъ за всякое дерево доправити по три рубли."

„А будетъ кто у кого въ огородѣ какой овощь насильствомъ пограбитъ или покрадетъ, а сыщетца про то допряма, и на немъ за такой овощъ велѣти истцу доправити денги, смѣтя по овощю; да ему же за насильство или за кражу учинити наказаніе, смотря по дѣлу."

Ни одинъ изъ древнихъ нашихъ царей, въ домашнемъ своемъ быту, не занимался съ такое страстью сельскимъ хозяйствомъ, какъ царь Алексѣй Михайловичь. Нужно впрочемъ замѣтить, что, по живости своего характера, онъ всякому дѣлу предавался съ особенною горячностію, и любилъ доводить всякое дѣло до полнаго, по тогдашнимъ средствамъ, *благочинія* и *устроенія*. Здѣсь не мѣсто указывать на тѣ части домашняго и государственнаго устройства, которыя, по близкому непосредственному отношенію къ нимъ государя, получили новый видъ, новое *уряженіе*. Замѣтимъ только, что въ стремленіи дать это уряженіе домашнихъ средствъ весьма часто недоставало и государь по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ иностранцамъ. Оттого въ его царствованіе ни одного почти дѣла не было предпринято безъ участія и руководства спеціалистовъ, призванныхъ съ запада, а иногда и съ востока, смотря по характеру и ближайшимъ нуждамъ предпріятія. Потребность улучшеній во всѣхъ сферахъ жизни почувствована была царемъ въ полной мѣрѣ; на это вызывала настоятельная почти вседневно представлявшаяся необходимость. Но дойти до яснаго, твердаго пониманія и сознанія этой

потребности онъ еще не могъ, ибо въ полной же мѣрѣ опутанъ былъ стариною, которой уставы, обряды, преданія хранилъ какъ святыню, уважалъ съ горячностію, искренно, чистосердечно, что̀ также условливалось его живою, страстною натурою, неумѣвшею останавливаться на успокоительномъ равнодушіи. Однимъ словомъ въ характерѣ царя Алексѣя были черты, которыя во многомъ напоминаютъ его Великаго сына.

Вступивъ на престолъ въ молодыхъ лѣтахъ (16 лѣтъ), царь Алексѣй Михайловичь въ первое время своего царствованія не могъ еще обращать особеннаго вниманія не только на свое домашнее хозяйство, но и вообще на дѣла, требовавшія серьезныхъ занятій. Въ это время любимымъ развлеченіемъ его въ домашней жизни была охота, особенно же *красная* и *славная* птичья охота—соколиная, которою царь потѣшался съ рѣдкимъ увлеченіемъ. Особенная любовь его къ этой полевой потѣхѣ выразилась въ его письмахъ, гдѣ благодушный государь со всею наивностью страстнаго охотника подробно описываетъ свои удачи и неудачи, и потомъ въ Сокольничьемъ Урядникѣ, новомъ уложеніи и устроеніи Сокольничьяго пути или чина, составленномъ по всему вѣроятію подъ редакціею самого царя, въ 1656 году *).

Съ такою же любовью и страстью, съ половины своего царствованія, Алексѣй Михайловичь, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Но само собою разумѣется, что старое царское хозяйство, существовавшее при загородныхъ дворцахъ въ Покровскомъ (Рубцовѣ), Коломенскомъ, Воробьевѣ и др., не могло удовлетворить его живой дѣятельности и новымъ требованіямъ, которыя явились въ тоже время, какъ только государь обратилъ вниманіе на этотъ предметъ. Тамъ самая мѣстность не

---

*) См. въ первомъ томѣ нашихъ опытовъ статью: Царь Алексѣй Михайловичь.

давала того простора, какой былъ нуженъ предпріимчивому хозяину. Задумавъ устроить хозяйственный хуторъ въ обширныхъ размѣрахъ, царь избралъ село Измайлово, съ приселками и пустошами, старинную вотчину родственника своего, боярина Никиты Ивановича Романова, по смерти котораго она поступила вѣроятно въ дворцовое вѣдомство. Въ хозяйственномъ отношеніи выбрать мѣсто лучше было нельзя: здѣсь представлялись всѣ удобства, по всѣмъ частямъ хозяйства, также и для садоводства, которое въ послѣдствіи заняло въ Измайловскомъ хозяйствѣ весьма видное мѣсто. Таннеръ, описавшій пребываніе въ Москвѣ, въ 1678 году, Польскаго Посольства, говоритъ, что „обширная измайловская равнина такъ понравилась царю, что онъ завелъ на ней два сада, одинъ на манеръ итальянскій, а въ другомъ построилъ огромное зданіе (дворецъ) съ тремя стами малыхъ со шпицами башенъ. Это мѣсто такъ нравится царю, что онъ постановилъ себѣ правиломъ бывать въ немъ покрайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы посмотрѣть, не надо ли еще чего прибавить для его украшенія". Рейтенфельсъ также упоминаетъ объ Измайловѣ, какъ объ одномъ изъ любимыхъ загородныхъ царскихъ мѣстъ, въ которомъ, говоритъ онъ, былъ огромный садъ и *лабиринтъ*, по русски называвшійся *Вавилономъ*; это былъ садъ же, состоявшій изъ дорожекъ, кои своими *вавилонами*, колѣнами, извилинами, приводили путника въ тупикъ и въ прямомъ и во всякомъ смыслѣ. Рейтенфельсъ разсказываетъ, что въ большой садъ вели четверо высокихъ воротъ, что при немъ были устроены обширный звѣринецъ или лучше лѣсъ, обнесенный заборомъ и наполненный разными животными, и весьма красивая аптека съ ботаническимъ садомъ *). Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ главный предметъ нашъ—Садо-

*) Ж. М. Н. Пр. 1839 Іюль.

водство, то мы и остановимся на немъ. Упомянемъ только, что запашка Измайловскаго хутора заключала „государевой десятинной пашни" въ четырехъ поляхъ по 400 десятинъ въ каждомъ, въ пятомъ полѣ 293 десятины, да въ гречишномъ полѣ 34 десятины. Въ рабочую пору каждый день на хуторѣ работало вольнонаемныхъ работниковъ по 1000 и по 1500 человѣкъ.

Еще до разведенія своихъ Измайловскихъ садовъ, царь Алексѣй видимо старался устроить дворцовое садоводство по европейскимъ образцамъ или покрайней мѣрѣ завести и въ кремлевскихъ, т. е. въ своихъ комнатныхъ садахъ рѣдкія заграничныя растенія. Встрѣчаемъ извѣстіе, что по его порученію иноземцы, гость Андрей Виніюсъ да Иванъ Марсовъ въ 1654 г. августа 22 привезли къ Архангельскому городу вмѣстѣ съ различными военными припасами, какъ то: свинцомъ, латами (рейтарскими и пѣхотными), ружьями, пистолями, шпагами, съ сукномъ разныхъ цвѣтовъ (84 кипы) и *девятнадцать деревъ садовыхъ заморскихъ овощей* да четыре птицы попугаевъ. Привезенныя покупки въ свое время были отправлены къ Москвѣ, а деревья и птицъ иноземцы 6 сентября повезли въ Москву сами. Деревья были слѣдующія: „2 дерева оранжеевыхъ яблокъ, 2 дерева лимонныхъ, 2 дерева винныхъ ягодъ, 4 дерева перзиковыхъ сливъ, 2 дерева априкозовыхъ яблокъ, 3 дерева шпанскихъ вишенъ мореллeнъ, 2 дерева миндальныхъ ядеръ, 2 дерева большихъ сливы". Во время ихъ путешествія на Двинѣ одинъ изъ попугаевъ, „маленькой попугайчикъ, словетъ *паракита*, кой данъ 12 яфимковъ, занемогъ и померъ". Пріѣхавъ въ октябрѣ въ Вологду, путешественники принуждены были здѣсь оставаться до указу, ибо по случаю распространившагося въ то время мороваго повѣтрія, всѣ дороги къ Москвѣ были оцѣплены заставами и проѣздъ былъ строго воспрещенъ. Не-

извѣстно, какая судьба постигла заморскія деревья; но во всякомъ случаѣ выписка ихъ служитъ доказательствомъ, что въ Московскомъ дворцѣ помышляли уже о разведеніи у себя и заморскихъ растеній. О заграничномъ садоводствѣ царь Алексѣй Мих. могъ имѣть весьма достаточныя свѣдѣнія не только отъ тѣхъ же иноземцевъ, но особенно изъ разсказовъ нашихъ посланниковъ въ чужія земли, которые, въ добавокъ, можетъ быть по его же приказанію, вносили въ свои путевые журналы довольно подробныя описанія видѣнныхъ ими садовъ. Такъ посланникъ Лихачовъ, ѣздившій въ 1659 году во Флоренцію, описываетъ тамошніе сады слѣдующимъ образомъ: „На княжомъ дворѣ садъ (садокъ) рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, и устроенъ іорданъ (водоемъ), и выше іордана, сажени съ двѣ вверхъ, безпрестанно вода прыгаетъ, на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь. А около княжова двора древа кедровыя и кипарисныя и благоуханіе веліе; а о Крещеніи жары великіе: у насъ на Руси таково и о Ивановѣ дни. Яблока великіе и лимоны родятся, по дважды годомъ; а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца". Но у Флоренскаго Князя было много садовъ и въ городѣ и за городомъ и посланникъ цѣлую недѣлю, по вся дни, любовался этими садами, удивлялся тамошнимъ диковинкамъ. „А въ садахъ красота и благоуханіе ароматное, восклицаетъ онъ,—древа всѣ кедровыя и кипарисныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ плоды зрѣютъ: яблока предивныя и лимоны двои — одни величествомъ по шапкѣ, и виноградъ двойной, бѣлый да вишневый, и анисъ. А питья — вино церковное свѣлее и бѣлое французское и малвазія, и аликантъ; а водокъ нѣтъ никакихъ, только лишь яковитка; пуще, тройнаго вина.... А ягодъ винныхъ и изюму нѣтъ, а иныхъ овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иныхъ именъ не знаю... А красоту въ садахъ нельзя описать — потому что не быва-

етъ у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ (садковъ) много же, а рыбы дикія, безчешуйныя. А за тѣмъ и игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много, а иные люди (статуи) сами играютъ въ органы, а никто ими не движетъ; а иного описать неумѣть: потому—кто чего не видалъ, тому и въ умъ непрійдетъ".

Потемкинъ, бывшій въ Испаніи и Франціи въ 1667 году, замѣчаетъ о садѣ въ Севилліи, что „въ томъ саду воды взводныя (фонтаны) и травы сажены разными образцы, по ихъ извычаю". Въ Мадритѣ онъ видѣлъ королевскій дворецъ и садъ. „Около всѣхъ палатъ сады и воды взводныя и травы узорами устроены разными; потому что зимы у нихъ и большихъ морозовъ никогда не бываетъ... Въ большомъ королевскомъ саду яблоки, груши, дули; вишни, ядра миндальныя, ягоды винныя, виноградъ, лимоны, померанцы, орѣхи грецкіе, кипарисы, финичныя древа. А вода въ томъ саду приведена за двадцать верстъ—и устроены пруды, плотины каменныя... Въ Фаледолидѣ (Валладолидѣ) на королевскомъ дворѣ палаты многія, въ саду воды взводныя, травы сажены узорами; винограда и всякихъ деревъ много, на которыхъ родятся винныя ягоды, миндальныя ядра, гранаты, яблоки, груши, лимоны, аранцы, оливки, цитроны, орѣхи грецкіе, вишни, и финичныя деревья; кипариса множество"...

Живые разсказы о заграничномъ садоводствѣ конечно были полнѣе этихъ замѣтокъ. Они-то можетъ быть и возбуждали предпріимчивость царя Алексѣя и вызывали разныя нововведенія и улучшенія въ старинномъ нашемъ садоводствѣ, особенно въ отношеніи садовъ увеселительныхъ.

Къ устройству садовъ и всякаго хозяйства въ Измайловѣ государь приступилъ въ 1663 году по плану весьма обширному, въ который между прочимъ входило и разведеніе винограда, шелковицы, хлопчатой бумаги, травы марины (марены)

и т. п. Такъ какъ Астрахань въ то время славилась всякими подобными произрастеніями, то первая ихъ выписка оттуда и послѣдовала 30 августа 1665 г.; астраханецъ Василій Микитинъ, вѣроятно садовникъ, привезъ къ государю въ Москву первые виноградные кусты и сѣмена арбузныя, дынныя и *бумажныя*. Затѣмъ 21 октября того же года отправленъ былъ въ Синбирскъ за *тутовымъ деревьемъ* сокольникъ Димитрій Раковъ, которому выдано на расходы 50 р. и въ видѣ награды 5 р. Каковъ былъ результатъ этой посылки, найдено ли въ Синбирскихъ мѣстахъ тутовое деревье или сокольникъ ѣздилъ на первый разъ только для справки—неизвѣстно. Зимою 28 января 1666 г. въ Синбирскъ снова былъ посланъ уже за *черенками* тутоваго деревья сокольникъ Елисей Батоговъ, а Дмитрій Раковъ отправленъ въ Кіевъ за плодовыми деревьями. Весною послѣдній привезъ оттуда „деревья съ кореньемъ венгерскихъ дуль и сливъ и орѣховыхъ и виноградные кусты". 23 апрѣля изъ привезенныхъ растеній государь указалъ отослать: во Дворецъ, т. е. въ Кремлевскіе сады, 10 кустовъ винограду съ кореньемъ, по 5 деревъ съ кореньемъ бросвины, орѣховъ волоскихъ, дерени, черешни; 50 черенковъ черешнижъ, 8 деревъ венгерскихъ сливъ съ кореньемъ, 20 черенковъ грушъ венгерскихъ, 20 черенковъ дуль венгерскихъ. Въ Измайлово, въ сады: 20 кустовъ винограду съ кореньемъ, по 15 деревъ съ кореньемъ бросвины, орѣховъ волоскихъ, дерени, черешни; 22 дерева сливъ съ кореньемъ венгерскихъ, 4 дерева грушъ венгерскихъ, 2 дерева дуль венгерскихъ съ кореньемъ. Съ этими древесами изъ Кіева былъ присланъ виноградный садовникъ Межигорскаго монастыря старецъ Филаретъ, который и былъ главнымъ руководителемъ въ уходѣ за черенками. Жить ему было опредѣлено въ Чудовѣ монастырѣ, а въ Измайлово въ сады ѣздить

етъ у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ (садковъ) много же, а рыбы дикія, безчешуйныя. А за тѣмъ и игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много, а иные люди (статуи) сами играютъ въ органы, а никто ими не движетъ; а много описать неумѣть: потому—кто чего не видалъ, тому и въ умъ непрійдетъ".

Потемкинъ, бывшій въ Испаніи и Франціи въ 1667 году, замѣчаетъ о садѣ въ Севилліи, что „въ томъ саду воды взводныя (фонтаны) и травы сажены разными образцы, по ихъ извычаю". Въ Мадритѣ онъ видѣлъ королевскій дворецъ и садъ. „Около всѣхъ палатъ сады и воды взводныя и травы узорами устроены разными; потому что зимы у нихъ и большихъ морозовъ никогда не бываетъ... Въ большомъ королевскомъ саду яблоки, груши, дули, вишни, ядра миндальныя, ягоды винныя, виноградъ, лимоны, померанцы, орѣхи грецкіе, кипарисы, финичныя древа. А вода въ томъ саду приведена за двадцать верстъ—и устроены пруды, плотины каменныя... Въ Фаледолидѣ (Валладолидѣ) на королевскомъ дворѣ палаты многія, въ саду воды взводныя, травы сажены узорами; винограда и всякихъ деревъ много, на которыхъ родятся винныя ягоды, миндальныя ядра, гранаты, яблоки, груши, лимоны, аранцы, оливки, цитроны, орѣхи грецкіе, вишни, и финичныя деревья; кипариса множество"...

Живые разсказы о заграничномъ садоводствѣ конечно были полнѣе этихъ замѣтокъ. Они-то можетъ быть и возбуждали предпріимчивость царя Алексѣя и вызывали разныя нововведенія и улучшенія въ старинномъ нашемъ садоводствѣ, особенно въ отношеніи садовъ увеселительныхъ.

Къ устройству садовъ и всякаго хозяйства въ Измайловѣ государь приступилъ въ 1663 году по плану весьма обширному, въ который между прочимъ входило и разведеніе винограда, шелковицы, хлопчатой бумаги, травы марины (марены)

и т. п. Такъ какъ Астрахань въ то время славилась всякими подобными произрастеніями, то первая ихъ выписка оттуда и послѣдовала 30 августа 1665 г.; астраханецъ Василій Микитинъ, вѣроятно садовникъ, привезъ къ государю въ Москву первые виноградные кусты и сѣмена арбузныя, дынныя и *бумажныя*. Затѣмъ 21 октября того же года отправленъ былъ въ Синбирскъ за *тутовымъ деревьемъ* сокольникъ Димитрій Раковъ, которому выдано на расходы 50 р. и въ видѣ награды 5 р. Каковъ былъ результатъ этой посылки, найдено ли въ Синбирскихъ мѣстахъ тутовое деревье или сокольникъ ѣздилъ на первый разъ только для справки—неизвѣстно. Зимою 28 января 1666 г. въ Синбирскъ снова былъ посланъ уже за *черенками* тутоваго деревья сокольникъ Елисей Батоговъ, а Дмитрій Раковъ отправленъ въ Кіевъ за плодовыми деревьями. Весною послѣдній привезъ оттуда „деревья съ кореньемъ венгерскихъ дуль и сливъ и орѣховыхъ и виноградные кусты". 23 апрѣля изъ привезенныхъ растеній государь указалъ отослать: во Дворецъ, т. е. въ Кремлевскіе сады, 10 кустовъ винограду съ кореньемъ, по 5 деревъ съ кореньемъ бросвины, орѣховъ волоскихъ, дерени, черешни; 50 черенковъ черешнижъ, 8 деревъ венгерскихъ сливъ съ кореньемъ, 20 черенковъ грушъ венгерскихъ, 20 черенковъ дуль венгерскихъ. Въ Измайлово, въ сады: 20 кустовъ винограду съ кореньемъ, по 15 деревъ съ кореньемъ бросвины, орѣховъ волоскихъ, дерени, черешни; 22 дерева сливъ съ кореньемъ венгерскихъ, 4 дерева грушъ венгерскихъ, 2 дерева дуль венгерскихъ съ кореньемъ. Съ этими древесами изъ Кіева былъ присланъ виноградный садовникъ Межигорскаго монастыря старецъ Филаретъ, который и былъ главнымъ руководителемъ въ уходѣ за черенками. Жить ему было опредѣлено въ Чудовѣ монастырѣ, а въ Измайлово въ сады ѣздить

съ полковникомъ и головою стрѣлецкимъ, знаменитымъ въ послѣдствіи Артемономъ Матвеевымъ.

Въ тоже время (28 января 1666 г.) отправленъ въ Астрахань тамошній садовникъ Ларіонъ Льговъ съ порученіемъ вывезть оттуда „травы марины, сѣмени шолковыхъ червей и хлопчатой бумаги, по скольку пудъ доведетца, да двѣ тысячи черенковъ виноградныхъ". Ему дано вмѣсто жалованья 10 р., да 20 р. на путевыя издержки. Въ началѣ апрѣля все это было доставлено въ Москву и кромѣ того Льговъ привезъ съ собою разныхъ садовыхъ мастеровъ, приглашенныхъ вѣроятно по царскому же указу: шелковаго дѣла заводчика Жебреима Бархадарова съ ученикомъ Петрушкою Потаповымъ, тутоваго дѣла черенковаго заводчика, который зналъ также красильное искусство, Григорья Давыдова, виноградныхъ садовниковъ Василья Ларіонова, Ѳедора Гарасимова, Ѳедора Иванова. За пріѣздъ имъ выдано въ награду по 5 р. каждому. Въ 1667 г. марта 14 тотъ же Ларіонъ Льговъ писалъ изъ Астрахани, что накупилъ онъ тамъ всякихъ сѣменъ: арбузныхъ, виноградныхъ, огурешныхъ заморскихъ и пшенишныхъ цареградскихъ, всего 4 пуда 3 гривенки на 4 рубля 29 алтынъ, которыя потомъ привезъ въ Москву и сдалъ по слѣдующей росписи: пудъ 10 гривенокъ виноградного сѣмени, полфунта 6 золотниковъ *Запоставва* дерева, 15 золотн. миндальныхъ ядеръ, фунтъ сѣмени огурешнаго кизылбашскаго, полфунта сѣмени глотошново, фунтъ безъ чети сѣмени дыннаго трухменскаго, фунтъ сѣмени дыннаго бухарскаго и трухменскагожъ, фунтъ сѣмени финикова дерева, пудъ пшеницы цареградской, 16 гривенокъ сѣмени арбузнаго шемахинскаго, 18 гривенокъ сѣмени арбузнаго астраханскаго, три тыквы долгошеи съ сѣменемъ, 24 золотника ягодъ *инде*, полфунта сѣмени перешнаго астраханскаго, 12 золотниковъ сѣмени бумажнаго, 8 золотниковъ ядеръ кизиловыхъ. Въ

томъ же году 25 марта новый садовникъ старецъ Филаретъ привезъ изъ Кіева 16 деревъ черешенъ, 2 дерева грушъ, 94 дерева сливъ венгерскихъ, 10 кустовъ винограду, 2 дерева орѣховъ, 30 орѣховъ волоскихъ съ ростками, 6 деревъ тутовыхъ, 1 дерево морели, 3 дерева дерени; всѣ растенія посланы съ старцомъ-садовникомъ тогда же въ Измайлово.

Лѣтомъ 6 іюля послана грамота въ Синбирскъ къ воеводѣ кн. Ив. Ив. Дашкову, „а велѣно ему изъ Синбирска на рѣку Сокъ и на иныя рѣки послать человѣка добраго, кого пригоже, и по тѣмъ рѣкамъ искать молодаго тутоваго деревья. А по которой рѣкѣ сколько въ которыхъ мѣстахъ тутоваго деревья сыщутъ и въ колькихъ верстахъ отъ Синбирска и то велѣно писать на роспись именно".

Затѣмъ осенью тогоже 1667 года сентября 18 астраханскій садовникъ Ларіонъ Льговъ отпущенъ былъ въ Астрахань съ новыми порученіями, которыя все дальше и шире охватывали поле Измайловскихъ хозяйственныхъ предпріятій и замысловъ. На этотъ разъ велѣно ему призвать къ Москвѣ мастеровыхъ людей: 1) Кто бы бязи дѣлалъ. 2) Чтобы краски зналъ въ травахъ и красить умѣлъ киндяки. Да развѣдать подлинно, чѣмъ красятъ Кизылбаши и гдѣ емлютъ краски, покупаютъ ли, или изъ травъ и изъ какихъ травъ дѣлаютъ; и имена провѣдать и образцы привезть травамъ. 3) Также привезть конатнаго мастера, ктобы дѣлалъ изъ травы плакуна. И иныхъ такихъ же травъ довѣдываться тайно, изъ которыхъ бы были конаты и иные прядены. 4) Привезти такова человѣка, кто бывалъ въ Трухменехъ, и въ Хивѣ и въ Балхѣ, и въ Бухарехъ. 5) Да привезть сѣмянъ всякихъ по росписи.

Въ то время, когда происходили эти посылки и поѣздки и вывозъ растеній и садовниковъ, для постоянныхъ занятій по устройству Измайловскихъ садовъ выбрано было 15 человѣкъ опытныхъ садовниковъ изъ Москвичей, именно изъ стрѣльцовъ,

которые, какъ извѣстно, жили въ Москвѣ особыми слободами и между разными другими промыслами, занимались также и садоводствомъ. Они должны были *строить всякія деревья*, т. е. садить и ухаживать за ними; но прежде, еще раннею весною 1666 года, ихъ отправили по разнымъ городамъ, славившимся своими садами, для выбора въ новый царскій садъ лучшихъ деревьевъ яблоновыхъ, грушевыхъ и дульныхъ. Порученіе было исполнено въ точности и въ свое время привезено и посажено множество отличныхъ деревьевъ. Подмосковные сады дворцовыхъ крестьянъ и частныхъ лицъ также по мѣрѣ надобности доставляли въ Измайлово лучшіе свои деревья и кусты, обыкновенно посредствомъ покупки. Такъ въ апрѣлѣ тогоже года было куплено въ селѣ Ясеневѣ сто сливъ за 12 р. 25 алтынъ.

Между тѣмъ въ теченіи всего февраля и марта тогоже 1666 г. безпрестанно возили въ новый садъ навозъ съ Государева *Остожья* или Остоженнаго двора, на берегу Москвы рѣки, гдѣ нынѣ улица Остоженка и гдѣ прежде существовала большая царская конюшня и стояло стогами множество сѣна.

Садъ, въ которомъ посажены были виноградные черенки и всѣ другія плодовыя деревья, названъ былъ *виноградным*. Лѣтомъ въ него провели изъ пруда воду машиною, по модели, сдѣланной часовникомъ Моисеемъ Терентьевымъ.

Тутовые черенки посажены были на пустошѣ Максимовкѣ. Въ концѣ апрѣля, когда началось *тутовое сажанье*, при немъ на работѣ было триста человѣкъ солдатъ выборнаго государева полка Матвея Кравкова. Для посадки, чѣмъ заваливать тутовые черенки, куплено воску и смолы на 40 р.

Посадка виноградныхъ и тутовыхъ черенковъ производилась въ грядахъ или *творилахъ*, обнесенныхъ тесомъ. Для сохраненія ихъ накрывали рогожами—ценовками.

Кромѣ черенковъ, тутъ и виноградъ разводили также и сѣмянами; въ апрѣлѣ 1668 г. приготовлены были гряды подъ *виноградное сѣмя* и въ тоже время въ тутовомъ саду *коренной* и *сѣмянной тутъ* подрядился раскрывать крестьянинъ села Ивановскаго Матюшка Кузнецъ за 9 р. 50 к. Въ какомъ состояніи находилось уже въ это время разведеніе тутоваго деревья, можемъ судить по садовой росписи, поданной государю 10 октября тогоже 1668 года.

„Роспись тутовому деревью, которое принялось: перваго Синбирскаго привозу 900 деревъ: другаго Синбирскаго привозу 1700 деревъ. Да прошлаго года сѣяного 20 грядъ по 35 сажень съ полусаженью, 15 грядъ по 25 сажень. Да тогожъ молодаго почешнаго деревья принялось 900 деревъ. Да нынѣшняго году о Покровѣ посажено для опыту 300 деревъ, сѣменнаго почешнаго. Да тогожъ почешнаго деревья оставлено для опыту не покрыто 200 деревъ. Да Синбирскаго привозу 5 деревъ оставлено не покрытожъ. Да нынѣшняго года сѣменнаго туту 2 гряды по 25 сажень.“

На другой годъ по разведеніи сада, въ 1667 г. выписаны были и иноземные садовники Индрикъ Кашпиръ и Григорій Хутъ или Годъ съ толмачомъ Дирикомъ Детерсомъ. Имъ давали кормовыхъ денегъ по 12 р. въ мѣсяцъ, а толмачу 4 р. 50 к. Въ 1668 г. Индрика Кашпира замѣнилъ Фалентинъ Давицъ, на томъ же содержаніи.

Григорій Хутъ, *огородный стройщикъ*, развелъ по пріѣздѣ обширный огородъ на пустоши Просяномъ и строилъ тамъ всякія травы и овощи въ грядахъ и творилахъ. За копанье грядъ работникамъ выдавали по 2 алтына по 2 денги отъ гряды.

Фалентинъ Давицъ занимался виноградным садомъ, гдѣ строилъ также всякіе нѣмецкіе травы и цвѣты. Разведеніе

винограда поддерживалось и распространялось выпискою изъ Астрахани новыхъ черенковъ: въ 1668 г. туда снова были посланы для виноградного деревья садовники Василій Ларіоновъ и Өедоръ Ивановъ. Въ 1670 г. вмѣсто садовника старца Филарета, который вѣроятно былъ отпущенъ на родину, выписаны Лубенскаго Мгарскаго монастыря старцы Генадій и Анофрій. Ихъ вскорѣ (съ іюля) замѣнилъ Григорій Карповъ, прибывшій изъ Камарицкихъ волостей.

Мы видѣли, что сѣмяна хлопчатой бумаги были вывезены изъ Астрахани. Разведеніемъ ея занимался бумажнаго дѣла мастеръ Өедоръ Григорьевъ Амосовъ съ Терека, который въ концѣ сентября 1679 года снова посланъ на Терекъ для покупки и привозу къ Москвѣ *бумажнаго новаго сѣмени*. Въ началѣ апрѣля 1670 г, онъ возвратился и привезъ бумажныхъ сѣмянъ и травы марены.

Какъ велики были успѣхи въ разведеніи этихъ привозныхъ растеній—неизвѣстно; но по всему вѣроятію, не смотря на всѣ старанія и издержки, они были незначительны. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти царя Алексѣя Михаиловича въ виноградномъ саду оставалось винограда только девять кустовъ.

Какъ бы то ни было, дѣятельность царя Алексѣя Михайловича была неутомима. Въ 1670 г. разведенъ былъ *Круглый огородъ*, назначенный для аптекарскихъ растеній, прозванный *аптекарскимъ*. Въ этотъ Круглый огородъ привезено было изъ Симбирска въ 1673 г. окт. 23 свѣжихъ пеньковъ и корней для посадки: 1100 пенковъ сверобаринника, 800 кореней лилеи пестрой, 550 чижова глазу, 500 кропу дикопольнаго, 150 игирю, 100 арингіумъ, 500 бедренцова, 93 корнефилату, 100 касатцу, 70 агримони, 100 святаго Яна зелья, 250 цыхорія, 180 целидоніи, 180 шалвеи, 24 девесилу, 500 кол-

салиды, 60 шпарагу, 70 пижмы, 50 головички, 30 малвы *). Въ 1674 г. іюля 18, царь снова послалъ за море для покупки *заморскихъ сѣменъ, деревъ и травъ* астраханца Ивана Савельева. На эту покупку ему выдано товаровъ: 100 пудъ мѣди дощатой по 5 р. съ полтиною пудъ, 4 пуда рыбьихъ (моржовыхъ) костей по 40 р. пудъ, соболей семь сороковъ на 485 р. Да взаймы ему дано вмѣсто государева жалованья 300 золотыхъ червонныхъ, безъ сомнѣнія для его собственныхъ оборотовъ.

Не должно полагать однакожь, чтобы Измайловское садоводство ограничивалось исключительно только хозяйственною

---

*) Изъ Синбирска вообще поставлялись въ то время для царской аптеки всякіе лекарственные цвѣты, травы, коренья и даже воды. Вмѣстѣ съ свѣжими кореньями тогда же было привезено цвѣтовъ: шалвейнова бочка 7 ведръ намочено виномъ, буквишново цвѣту 7 ведръ въ бочкѣ намочено виномъ же. Травъ сушеныхъ въ пучкахъ: звѣробою 220 пучковъ, целидоніи 100, изопу польнаго 160, пижмы 230, чечуйной 220, игирю 140, чижева глазу 150, бедренцу 300, цыноженой травы 180, шпарагу 280, калсалиды 260, святаго Яна зелья 66, ерынгіумъ 86, малвы 140, арингіумовы 160, ирону диконольнаго 140, цыхоріи 180, каменной мяты 130, полыни бѣлой 300, огримоніи 180, скобіозы 120, другой скобіозы 100, главички 100, кирісфилятовы 80, кансалиды 115, цвѣту шалвейнаго. Кореньи сушенаго: шпарагова 11 гривенокъ, святаго Яна 5 грив., девясильнаго 2 пуда 20 грив., касатцова пудъ, бедренцова 15 грив., цыхоріи 11 грив., каріофилата полпуда, целидоніи 5 грив., лилеи пестрые 5 пудъ, каменной мяты 7 грив., мелилотнаго 7 грив., кансалидываго 24 грив.

Въ 1666 г. іюля съ 5 августа по 9 число въ Синбирскѣ изготовлено было разныхъ водокъ 18 бочекъ, а въ нихъ 249 ведръ, да 8 коробей лубяныхъ съ разными лекарственными травами. Въ 1667 г. іюля по 22 число тамъ же было изготовлено гуляфной водки (розовой воды) 50 ведръ, да водки изъ разныхъ травъ 118 ведръ. Въ томъ же году сент. 25 присланы были изъ Синбирска и овощи съ садовникомъ Ив. Разкащиковымъ новаго саду заморскихъ свѣжихъ огурцовъ 700 зеленыхъ, 100 желтыхъ сѣменныхъ, которые, тоже поступили на Измайловскіе огороды.

цѣлью. Государь, сказавшій при составленіи Сокольничьяго Урядника, что *дѣлу время* и *потѣхѣ часъ*, т. е. что всему свое время, и дѣлу и потѣхѣ,—любилъ веселиться и потому Измайловскіе сады были въ тоже время и садами увеселительными. Въ виноградномъ саду стояли три терема или бесѣдки, украшенныя рѣзбою и расписанныя красками. Около теремовъ были гулбища или галлереи, также украшенныя. Въ Просянскомъ саду также строились два *чердака* или терема. Въ томъ и другомъ саду стояли сверхъ того *перспективы*—картины, писанныя состоявшимъ при Измайловѣ живописцемъ *преоспективнаго дѣла мастеромъ* Петромъ Энглесомъ. Избравъ лучшее мѣсто посреди этихъ садовъ и всѣхъ хозяйственныхъ заведеній, царь выстроилъ себѣ усадьбу—дворецъ и въ 1667 г. обвелъ это мѣсто широкимъ каналомъ, какъ бы озеромъ, такъ что изъ усадьбы образовался Островъ, получившій названіе Измайловскаго. Устройство этого острова началось 3 августа, когда состоялось слѣдующее повелѣніе: „Около острова учинить озеро; для нынѣшней осенней воды, копать ровъ отъ острова 5 саж. круто отваломъ, а глубина 2 саж., подшвы 5 саж. Отъ подшвы на полевую сторону отваломъ 10 саж. Всего будетъ отъ берегу до берегу, межъ береговъ, 20 саж.; а около острова берегу будетъ 180 саж.; а съ полевую сторону берегу будетъ 300 саж.; а дробныхъ будетъ того копанья 5600 саж.“.

Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича въ садовомъ штатѣ Измайлова находились: главный садовникъ Григорій Хутъ (Годъ), другой—Фалентинъ Давицъ, получавшіе жалованья по 100 р. въ годъ; Просянскаго саду садовникъ Никита Ермолаевъ, Новаго саду садовникъ Антонъ Дорофеевъ, получавшіе по 10 р.; Винограднаго саду Григорій Карповъ получ. 9 р.; Шелковые мастеры Алексѣй Потаповъ, Ѳедоръ Ивановъ по 9 р.; Новаго *сада*, *на острову*, садовникъ Ѳедоръ Антоновъ 5

р.; Хлопчатобумажнаго дѣла мастеръ Ѳедоръ Аносовъ 10 р.; Виноградныхъ и Арбузныхъ садовъ садовники Савка Леонтьевъ, Ѳедко Исаковъ по 10 р., Родіонъ Гольскій 5 р. Тутовымъ садомъ занимался по прежнему заводчикъ его Ларіонъ Льговъ, получавшій годоваго жалованья 50 р. Въ 1674 г. въ помощь къ нему выписаны были новые тутовые заводчики иноземцы Касимъ Аджаевъ да Мамтегей Замановъ, получавшіе жалов. по 45 р. въ годъ. Разведеніе шелковицы поддерживалось безъ сомнѣнія выпискою новыхъ сѣмянъ. Въ декабрѣ 1672 года государю челомъ ударилъ Персидскія земли армянинъ Григорій Лусиковъ „шкатункою съ червями, отъ которыхъ шелкъ родится“ и которые 30 апрѣля 1673 г. въ особомъ туезкѣ (буракѣ) сданы были изъ комнатъ государя въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія удалось намъ собрать о замѣчательныхъ по времени предпріятіяхъ царственнаго садовода въ его любимомъ Измайловскомъ хуторѣ. Пожалѣемъ вмѣстѣ съ читателями, что свѣдѣнія эти по своей скудости не могутъ знакомить съ главнымъ, т. е. съ самыми пріемами старинныхъ садоводовъ въ разведеніи растеній и уходѣ за ними и со всѣмъ тѣмъ, что должно было бы характеризовать старинное садоводство.

Чтобы познакомиться съ внѣшнимъ устройствомъ Измайловскихъ садовъ и съ тѣмъ, въ какомъ количествѣ разведены были тамъ плодовыя деревья, представляемъ описаніе этихъ садовъ, сдѣланное въ 1689 году, спустя четырнадцать лѣтъ по смерти царя Алексѣя Михайловича, слѣд. въ то время, когда многое изъ его начинаній было уже совершенно оставлено.

„Виноградный Садъ, огороженъ кругомъ заборы въ столбы, а въ заборѣ четверы ворота съ калитками, крыты тесомъ, верхи у воротъ шатровые. А по мѣрѣ того саду шестнадцать

десятинъ. А въ саду яблони, вишни, груши, сливы, дули, малина, смородина, земляница, клубница и розные всякіе травы съ цвѣтами; девять кустовъ винограду, одиннадцать кустовъ орѣховъ грецкихъ. А среди саду три терема со всходы и съ красными окнами, кругомъ ихъ перила; около теремовъ пути, межъ путей столбцы точеные. Теремы, столбцы и грядки писаны красками. Въ томъ же саду *Средина* длиннику 210 саж. поперечнику 190 саж., а огорожена заборы четвероугольно, 383 прясла заборовъ. А въ ней четверы ворота съ калитками, крыто тесомъ и скалою. Въ виноградномъ же саду *грушевой садъ* и *дули*, длиною и шириною по 80 саж., огороженъ заборы, въ садъ ворота створчатые съ калиткою крыты тесомъ. Въ томъ же саду *сливной садъ* длиною и шириною по 100 саж. Въ томъ же саду *два сада вишневыхъ*, одинъ длиною и шириною по 100 саж., другой садъ длиною 150 саж. въ ширину 45 саж. Въ томъ же саду *два пруда*, плотины кладены дерномъ, сливные мосты дубовые."

„*Просянской садъ*, а въ немъ 142 яблони, да въ немъ же два чердака, одинъ несовершенъ да *переспективо*, писаны красками. Межъ *творилъ* столбы и къ нимъ прибиваны *грядки*, писаны красками. Межъ столбовъ и межъ грядокъ барбарисъ и крыжевникъ, малина и смородина. А творила обиваны тесомъ; а въ садъ шестеры ворота и въ томъ числѣ двои ворота съ вышками, крыты тесомъ; однѣ писаны красками, на верху три яблока золоченыхъ; четверы ворота крыты шатрами тесомъ. Да въ томъ же саду *смотрильня* да прудъ. Земли подъ тѣмъ садомъ 8 десятинъ съ третью. Да около того Просянскаго саду *огородъ*—садятъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы астраханскіе, капусту и всякіе лѣтніе овощи. Земли подъ огородомъ двѣ десятины съ полудесятиною. Около того жъ саду два колодезя, надъ ними подъ кровлями колеса. Ледникъ, надъ нимъ анбаръ..."

„*Садъ, что на острову*, не въ додѣлкѣ, огороженъ заборы, а въ него ворота съ калиткою, посажено кругомъ смородина и малина. Земли подъ садомъ полде сятины. Землепишникъ и роща землянишная, огорожены заборы, подъ ними земли полдесятины.“

По смерти царя Алексѣя Михайловича, всѣ его предпріятія по разведенію винограда, шелковицы, хлопчатой бумаги, марены были оставлены. Ѳедоръ Алексѣевичъ, вступившій на царство также въ молодыхъ лѣтахъ, по слабости здоровья, едва ли могъ съ такою же энергіею вести это дѣло дальше, и тѣмъ болѣе, что положительные успѣхи были весьма сомнительны. Возращеніе винограда, грецкаго орѣха и т. п. растеній сдѣлалось уже принадлежностью садовъ увеселительныхъ, въ Кремлѣ и въ Преображенскомъ.

Домашнее, плодовое садоводство составляло все-таки главную цѣль садоваго хозяйства и потому старательно поддерживалось и по мѣрѣ надобности распространялось въ разныхъ мѣстахъ Москвы и даже въ увеселительныхъ Кремлевскихъ садахъ.

Кремлевскіе Набережные сады, Верхній и Нижній, при царѣ Алексѣѣ и его дѣтяхъ, приведены были въ самое цвѣтущее состояніе. Верхній садъ, какъ мы уже сказали, расположенъ былъ на сводахъ обширнаго каменнаго зданія, спускавшагося фасадомъ до подошвы кремлевской горы. Онъ былъ обнесенъ каменной оградой съ частыми окнами, которая составляла собственно стѣны зданія, гдѣ помѣщался садъ. Изъ оконъ, украшенныхъ рѣзными, раскрашенными рѣшетками, открывался обширный видъ на Замоскворѣчье. Въ такомъ видѣ этотъ садъ изображенъ на панорамѣ Москвы, изданной въ Голландіи при Петрѣ Великомъ *).

---

*) Достопамятности Моск. Кремля, г. Вельтмана.

Среди сада находился прудъ, въ который вода проведена была съ Москвы рѣки, посредствомъ водовзводной машины, устроенной въ угольной Кремлевской башнѣ, получившей отъ того названіе Водовзводной. Подлѣ сада стояла другая такая же водовзводная башня, построенная въ 1687 году. Верхъ ея украшался часами, а въ срединѣ помѣщалась машина, наполнявшая прудъ водою. Въ прудѣ и въ разныхъ мѣстахъ сада били фонтаны или водометы, называвшіеся также *водяными взводами*. Въ углахъ сада, съ набережной стороны, стояли два *чердака* или терема, украшенные рѣзбою и расписанные узорочно красками. Это были бесѣдки. На прудѣ этого верхняго сада малолѣтный Петръ Алексѣевичъ плавалъ въ лодкахъ, въ потѣшныхъ маленькихъ *карбусахъ* и *ошнякахъ* (шнекахъ), украшаемыхъ обыкновенно рѣзбою и красками *).

Нижній Набережный Красный садъ расположенъ былъ подлѣ Набережной Палаты, у Благовѣщенскаго Собора. Онъ разведенъ кажется при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1683 г. его перестроили. Дабы имѣть понятіе, что̀ именно садили и сѣяли въ этихъ садахъ, приводимъ современную записку о разныхъ предметахъ, которые были сюда доставлены 20 апрѣля 1683 года.—„По росписи за помѣтою дьяка Семена Комсина велѣно дать въ новый набережный Красный садъ изъ Московскихъ садовъ: 11 яблоней, 40 кустовъ смородины красной доброй, три лотка да корыто, три ушата, пять шаекъ, пучекъ мочалъ, 20 лубовъ москворѣцкихъ, 2 фунта анису, гороху грецкого, бобовъ по фунту, полфунта моркови, фунтъ сѣмени огурешнаго, два заступа, топоръ, да сѣмянъ—шафеи, темьяну, марьяну по полу-фунта, лейку жестяную, двѣ пилы, 10 гривенокъ (фунтовъ) вару, три фунта воску, фунтъ тыков-

*) См. Домашній Бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст. Ч. I, изд. 2, стр. 77.

наго сѣмени, 200 гвоздей двоетесныхъ, десять метелъ, вѣниковъ тожъ, да перемѣнить три лейки,—сто кустовъ гвоздики."

Въ 1681 году въ апрѣлѣ поступилъ къ Набережнымъ садамъ въ садовники взятый изъ Танбова садовникъ Степанъ Мушаковъ, который съ этого времени и завѣдывалъ здѣсь садовымъ строеньемъ. Въ нижнемъ Набережномъ саду находился также чердакъ или бесѣдка, рѣзная и расписанная красками. Въ 1684 году перспективный мастеръ Петръ Энглесъ украсилъ и этотъ садъ *перспективнымъ письмомъ*.

Что же касается *верховыхъ* или собственно *комнатныхъ* садовъ, то ихъ было нѣсколько и опредѣлить ихъ мѣстность совершенно невозможно. Какъ въ частномъ быту садъ составлялъ необходимую принадлежность почти каждаго двора, такъ и въ быту царей, почти каждое отдѣленіе дворца имѣло свой собственный, отдѣльный садикъ, который, соотвѣтственно мѣстности самыхъ хоромъ, устроивался обыкновенно на сводахъ какого либо хозяйственнаго зданія, надъ погребами, подвалами и т. п. Мы видѣли, что въ началѣ XVII ст. верховые сады были устроены при хоромахъ государя и царевича Алексѣя. Комнатный садъ Михаила Ѳедоровича поддерживался и старательно украшался и при Алексѣѣ. Въ 1668 г. въ этомъ саду поставлено было *царское мѣсто*, великолѣпно украшенное живописью. Перила и двери сада были также расписаны красками. Но съ особенною заботливостью этимъ садомъ занимался Ѳедоръ Алексѣевичъ. Въ 1680 г. по его указу, здѣсь поставленъ рѣзной деревянный чердакъ или бесѣдка, расписанная красками и сдѣланная по образцу такого же чердака, находившагося въ Аптекарскомъ саду на Неглинной. Въ тоже время садъ былъ обнесенъ оградою, украшенною 137-ю деревянными столбами; изъ нихъ сто были круглые, а остальные четвероугольные, всѣ рѣзные и раскрашенные красками.

Въ 1685 г. при хоромахъ царицы Наталіи Кириловны и тринадцатилѣтняго царя Петра Алексѣевича устроенъ новый верховый садъ, также на каменныхъ сводахъ, длиною 10 саж., поперегъ 4 саж. На покрытіе площади для сада вышло 639 1/2 пудовъ свинцу, изъ котораго водовзводнаго дѣла мастеръ Галактіонъ Никитинъ лилъ доски, покрывалъ ими своды и прочно ихъ запаивалъ. Въ апрѣлѣ въ это свинцовое вмѣстилище наносили хорошо просѣянной земли, глубиною на аршинъ съ четвертью. И въ этомъ саду стоялъ также разукрашенный теремъ или бесѣдка. Въ 1687 г. здѣсь устроенъ небольшой прудокъ, въ который вода была проведена посредствомъ свинцовыхъ трубъ. Подобнымъ же образомъ безъ сомнѣнія были устроены описанные выше и всѣ другіе *верховые* сады. Послѣ пожара въ 1737 г. изъ пруда въ Верхнемъ Набережномъ саду вынуто обгорѣлаго свинца 176 пудъ 10 ф.

Были еще верховые сады, одинъ подлѣ Столовой палаты, у алтарей Спасскаго Собора на Бору, другой на Потѣшномъ Дворѣ (нынѣ домъ Комменданта), на верхнихъ хоромахъ.

Набережные и верховые сады были разбиты на нѣсколько цвѣтниковъ и грядъ, между которыми шли дорожки для прогулокъ, обложенныя не дерномъ, а тесомъ, такъ что цвѣтники и гряды находились собственно въ ящикахъ. Кромѣ того дорожки между кустами отдѣлялись столбиками, въ которыхъ утверждены были грядки, поперечныя жерди, раскрашенныя, какъ и столбики, разными красками. Черная земля во всѣ сады привозилась изъ-замоскворѣцкихъ Берсеневскихъ садовъ и даже съ мостовъ, т. е. съ тогдашнихъ деревянныхъ, бревенчатыхъ мостовыхъ, на которыхъ накоплялось довольно грязи, доставлявшей отличный навозъ.

Во всѣхъ садахъ висѣли клѣтки съ канарейками, рокетками и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка). Въ 1667

году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ комнатномъ саду висѣло нѣсколько клѣтокъ съ пелепелками; сѣтки у этихъ клѣтокъ были шелковыя.

Въ концѣ XVII стол. особенно дѣятельно разводился садъ на Прѣснѣ, въ селѣ Новомъ Воскресенскомъ, гдѣ былъ построенъ и царскій дворецъ. Въ апрѣлѣ 1681 г. велѣно дать на Прѣсню въ государевъ садъ для прививки къ пенкамъ двѣсти черенковъ яблонныхъ. Въ тоже время разводился садъ на Дѣвичьемъ полѣ. Въ 1682 г. 7 октября велѣно дать въ садъ, что́ на Дѣвичьѣ полѣ, на весну сѣмянъ: пять фунтовъ дынныхъ, полпуда анису, кишнецу тожъ, десять фунтовъ сѣмянъ арбузныхъ. Весною 1683 г. туда отпущено для прививки яблоней десять фунтовъ смолы, 4 фунта воску. Этотъ садъ отличался впрочемъ весьма обширнымъ разведеніемъ дынь и арбузовъ. Но несравненно замѣчательнѣе было разведеніе садовъ въ селѣ Преображенскомъ, при дворцѣ царя Петра, гдѣ онъ имѣлъ почти постоянное пребываніе, особенно въ первые годы царствованія, до отъѣзда въ Петербургъ. Тамъ было разведено три сада и по мѣрѣ того, какъ садоводство упадало въ Измайловѣ, оно возраждалось и распространялось въ Преображенскомъ, такъ что Преображенскіе сады вскорѣ заняли первое мѣсто между всѣми садами Москвы. Ниже, изъ общаго описанія всѣхъ дворцовыхъ садовъ, мы увидимъ въ какомъ состояніи были эти сады и что́ въ нихъ разводилось. Нужно замѣтить, что съ разведеніемъ Преображенскихъ садовъ, окончилось и старинное царское садоводство, по преимуществу хозяйственное, а въ отношеніи цвѣтовъ—аптекарское. Въ началѣ XVIII ст. царскіе сады принимаютъ иной характеръ, становятся садами болѣе увеселительными, нежели хозяйственными, и первый садъ, разведенный совершенно по иностраннымъ, западнымъ образцамъ, былъ Головинскій или,

какъ его называли въ послѣдствіи, Слободской, о которомъ свѣдѣнія помѣщаемъ ниже, въ дополненіяхъ къ этой статьѣ.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ собственно садоваго *строенья*. *Строить* садъ, *строить* цвѣты и всякія травы значило вообще растить и ухаживать за растеніями. Мы уже видѣли, что привозныя растенія были посажены въ *творилахъ* и *грядахъ*, обитыхъ тесомъ. Рощеніе арбузныхъ сѣмянъ производилось въ коробахъ. 1683 г. марта 12, въ Набережный садъ для этого рощенія куплено два короба. На ночь и въ холодное время растенія покрывали рогожами, рядными и цеповками. 1670 г. авг. 7. въ Измайловскій виноградный садъ для покрыванья винограда взято 20 рогожъ цеповокъ. 21 мая 1694 г. въ Нижній Набережный садъ для крышки дынеи и арбузовъ отпущено 60 рогожъ. На зиму растенія укутывали сѣномъ, рогожами и войлоками, а надъ ними строили амбары. 1682 г. 16 октября въ Красные Набережные сады, въ Верхній и Нижній, отпущено для крышки винограда и арбузныхъ сѣмянъ возъ сѣна. Въ 1686 г. 28 сентября въ верховой садъ царя Петра Алексѣевича на покрышку цареградскаго орѣха и сереборинниковъ выдано 10 рогожъ рядныхъ, на покрышку грецкихъ орѣховъ войлокъ. Въ 1690 г. въ концѣ сентября въ верхнемъ Набережномъ саду выстроенъ амбаръ для грецкаго орѣха.

Цвѣты и всякія аптекарскія травы сѣялись также въ творилахъ и ящикахъ. Въ 1670 г. 19 іюня, плотники дѣлали въ Измайловскомъ виноградномъ саду въ срединѣ, гдѣ цвѣты и нѣмецкія травы, творило и гряды обивали тесомъ, во всѣ стороны по шестнадцати сажень, да четверть творила такого жъ, гряды обивали тесомъ же. Туда же въ 1692 году потребовано на обивку грядъ 500 досокъ сосновыхъ трехсаженныхъ москворѣцкихъ.

1681 г. мая 2, въ Нижній Набережный садъ потребовано на *творила* 200 тесницъ. 1688 г. мая 14 въ Набережные сады на дѣло около цвѣтовъ ящиковъ дано 300 гвоздей двоетесныхъ.

Кустовыя растенія малина, смородина, барбарисъ и пр. огораживали *грядками*, т. е. жердями, укрѣпленными въ столбахъ. Эти загородки расписывали красками.

Растенія подвязывали мочалами и лыками, очищали ножницами, отъ птицъ покрывали неводными сѣтями, а иногда и проволочными сѣтками. 1683 г. марта 12 въ Набережной садъ на крышку всякихъ травъ отъ птицъ взято 10 сажень сѣтей неводныхъ ветхихъ. 1686 г. іюня 18 въ Коломенское для крышки вишенъ отъ птицъ купленъ неводъ ветхой.

Поливка производилась изъ жестяныхъ леекъ, также шайками, а воду приносили въ ушатахъ. 1685 г. апрѣля 29, въ Верховые и Набережные сады на дѣло десяти леекъ отпущено 68 листовъ желѣза бѣлаго, 3 фунта сала медвѣжья, $1^1/_4$ ф. нашатырю, $^1/_4$ ф. проволоки желѣзной, 2 четверти уголья, $3^1/_2$ фунта олова.

Въ Измайловскихъ садахъ всѣ садовыя работы производились вольнонаемными людьми, которые получали въ 1678 г. по рублю 10 коп. въ мѣсяцъ, кромѣ корму, на который выдавалось по 30 алтынъ человѣку въ мѣсяцъ; но большею частью кормъ рабочихъ сдавался на подрядъ; подрядчики получали туже цѣну съ человѣка по 30 алтынъ. Кромѣ разныхъ другихъ работъ, наемные работники вычищали дороги и пололи нѣмецкіе травы и цвѣты и готовили въ гряды землю.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ представляемъ современныя записки о матеріалахъ, которые въ разное время требовались для садоваго дѣла. 1683 г. марта 12 въ Измайловскіе сады Виноградный, Просянской и Новый садъ, что на

острову, отпущено 200 ставиковъ въ полторы кружки, 300 ставиковъ по кружкѣ, 300 ставиковъ по полукружкѣ, для подаванья въ нихъ въ царскіе хоромы разныхъ ягодъ, малины, земляники, клубники, вишенъ и пр.; сто лопатъ, пятдесятъ пучковъ лыкъ, по 100 лыкъ въ пучкѣ, сорокъ пучковъ мочалъ большихъ, 50 рогожъ рядныхъ, большой руки, 30 лопатокъ желѣзныхъ, пудъ сѣры красной, полпуда сѣмени огурешнаго, полфунта сѣмени дыннаго, полпуда сѣмени росаднаго.

1685 г. мая 10, туда же велѣно купить 10 ф. сѣмени росаднаго, 10 ф. огурешнаго, 2 ф. дыннаго, 50 рогожъ рядныхъ большой руки, 30 лопатокъ желѣзныхъ, 50 ужищъ лычныхъ, 300 кульковъ денежныхъ, 2000 ставиковъ въ кружку и въ полкружки, липовыхъ; 10 пучковъ лыкъ, въ пучкѣ по 200 лыкъ, 10 пучковъ мочалъ, да для прививки яблоней и всякихъ деревъ 2 пуда сѣры елевой, 10 фунтовъ воску.

1686 года апрѣля 25, въ село Преображенское въ сады и въ огороды: пилу, чѣмъ яблони подчищать, одноручную, въ желѣзныхъ станкахъ; три гривенки (фунта) съ третью вару, фунтъ сѣмени огурешнаго, треть четверти четверика гороху волоскаго, треть получетверика бобовъ, фунтъ сѣмени свекольнаго, треть фунта маку нѣмецкаго, треть фунта сѣмени редечнаго, четверикъ луку, 333 чесноковицы добрыхъ, фунтъ безъ трети сѣмени рѣпнаго, фунтъ сѣмени морковнаго, треть полуфунта салату чернаго, рѣдьки нѣмецкой тожъ, треть фунта сѣмени капустнаго, фунтъ безъ трети бобовъ нѣмецкихъ, треть четверти четверика гороху грецкаго.

1691 г. апрѣля 22, въ село Преображенское въ государскіе сады куплено сѣменнаго ряду у Елисея Васильева полчетверика гороху грецкаго, дано 6 алтынъ 4 денги, полчетверика волошскаго 13 алт. 2 д., четверть четверика бобовъ 5 алт., 2 ф. сѣмени огуречнаго 6 алт., фунтъ сѣмени редковнаго, фунтъ сѣмени свекольнаго 4 алт., 2 ф. сѣмени мор-

ковнаго 4 алт., фунтъ сѣмени рѣпнаго 2 алт., полосмины луку 6 алт. 2 д., 500 чесноку 5 алт. 4 д., да для крышки грецкихъ орѣховъ и винограду и кипарисного куста 5 рогожъ рядныхъ 9 алт. 2 д., да для поливки овощу три ушата, три ведра, три шайки 6 алт. 4 д., лопатка желѣзная тульскаго дѣла 4 алт. 2 д., два заступа 4 алт. 4 д., пять лопатъ 10 д., 20 гривенокъ сѣры 6 алт. 4 д., 10 гривенокъ воску 30 алт.

О садахъ у частныхъ лицъ, къ тому, что уже сказано выше, за скудостію свѣдѣній, мы едва ли что можемъ присовокупить. Впрочемъ забыли мы упомянуть о весьма важной принадлежности старинныхъ садовъ, особенно боярскихъ, именно о прудахъ, которые прудили и копали также съ цѣлями чисто хозяйственными. Если садъ существовалъ прежде всего для плодовъ, то и прудъ существовалъ прежде всего для рыбы, а затѣмъ уже можетъ быть и для удовольствія покататься на лодкѣ. Оттого пруды не рѣдко называются *садами*, *садками*, *сажалками*. Въ нихъ разводилась или *сажалась* и береглась для стола всякая рыба. „Сажалки, говоритъ Бруинъ, суть самое большое украшеніе деревенскихъ домовъ и такихъ сажалокъ бываетъ иногда около четырехъ вокругъ дома; лишь только являются гости, то хозяинъ и велитъ забросить, при нихъ же, неводъ, и вытянутую рыбу, на ихъ счастье, подаютъ на столъ, безъ чего, по мнѣнію русскихъ, обѣдъ былъ бы не въ обѣдъ, угощеніе не въ угощеніе.“

О садахъ боярскихъ съ прудами упоминается еще въ актахъ XVI столѣтія. У Печатника царя Ивана Васильевича Ивана Мих. Висковатаго, въ его переяславской вотчинѣ,

былъ „дворъ боярскій съ садомъ и съ прудами“ *). Само собою разумѣется, что какъ необходимая принадлежность стараго хозяйства, пруды существовали гораздо раньше и устройство ихъ въ садахъ началось съ того же времени, какъ стали разводить и самые сады.

Основываясь на общихъ потребностяхъ и любви къ садоводству, можемъ замѣтить, что въ XVII ст. и сады частныхъ лицъ разводились старательно. Нововведенія и улучшенія въ царскомъ садоводствѣ, особенно въ Измайловѣ, кажется не должны были остаться безъ вліянія и на частное садоводство, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ бояръ и другихъ богатыхъ сановниковъ. Притомъ выѣхавшіе въ Москву иностранные садовники могли и между боярствомъ разнести свѣдѣнія и понятія о садоводствѣ, какое существовало на Западѣ. Такія свѣдѣнія привозили изъ-заграницы, какъ видѣли выше, и наши посланники, ѣздившіе туда не одинъ разъ, особенно въ концѣ XVII ст. Но кромѣ разсказовъ привозимы были даже книги и эстампы о садовомъ строеніи. У боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева въ числѣ картинъ и рисунковъ, описанныхъ по случаю его ссылки въ 1677 году,—находилось *три большихъ листа садоваго строенья да девять маленькихъ*, привезенные по всему вѣроятію изъ-за границы. Такимъ образомъ въ это время существовали уже рисунки и планы увеселительныхъ садовъ и можетъ быть были уже примѣры разведенія ихъ по иностраннымъ образцамъ и у частныхъ лицъ. Вообще во второй половинѣ XVII ст. явно обозначаются стремленія и попытки дать русскому старинному садоводству новое европейское устройство.

---

*) Акты Историч. I, стр. 342.

Но такъ какъ совершенствованіе и улучшеніе экономическаго быта идетъ объ руку съ успѣхами просвѣщенія, съ развитіемъ понятій и вкусовъ народа, то сказанныя стремленія и попытки представляли въ до-Петровской жизни явленія исключительныя, уединенныя, возникавшія случайно и также случайно и безслѣдно изчезавшія. Они не въ силахъ были измѣнить общаго теченія дѣлъ, которое, въ отношеніи садоводства, какъ и во всемъ другомъ, все еще оставалось вѣрнымъ своему старинному, привычному взгляду, и въ нововведеніяхъ и улучшеніяхъ видѣло только прихоть, роскошь и ни малѣйшей *прохлады*, т. е. тѣхъ благъ, которыя услаждали физическое существованіе нашихъ прадѣдовъ. Эстетическія потребности народа еще спали мертвымъ сномъ. Не одни разсказы посланниковъ, указанія иностранцевъ, или небывалыя дотолѣ диковинки, появлявшіяся въ царскихъ садахъ, разносили новыя свѣдѣнія между тогдашними садоводами и давали имъ образцы и примѣры для подражанія; несравненно болѣе въ этомъ отношеніи могла содѣйствовать Нѣмецкая Слобода на Яузѣ, цѣлая колонія иностранцевъ, которые въ теченіи пятидесяти лѣтъ, со времени поселенія въ слободѣ, разводили свои сады и ходили за ними по своимъ обычаямъ, т. е. во многомъ лучше и старательнѣе русскихъ, по правиламъ и способамъ, которыми руководило стремленіе совершенствовать дѣло, а не привычка вести его такъ, какъ вели отцы и дѣды, съ боязнью отступить хотя на шагъ отъ ихъ указаній, неизмѣнныхъ, освященныхъ вѣковою давностью. Но какой же результатъ вышелъ отъ того, что, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, подъ бокомъ существовало садоводство, управляемое Нѣмцами? Въ отвѣтъ на это приводимъ нѣсколько замѣтокъ о нашихъ старинныхъ садахъ путешественника Де Бруина, бывшаго въ Москвѣ въ 1702 году.

„Въ садахъ говоритъ онъ, много орѣховъ, но большею частію мелкихъ, яблоки хороши и вкусны; мнѣ случалось видѣть столь прозрачныя, что сѣмячки насквозь виднѣлись. Грушъ мало, онѣ не вкусны и очень мелки. Сливы и вишни также ничего не стоютъ въ сравненіи съ тѣми, какія ростутъ въ нѣмецкихъ садахъ. Нѣмецкіе сады ведутся весьма чисто; въ нихъ много плодовыхъ деревъ и хорошихъ ягодъ; множество различныхъ цвѣтовъ, которые они выписываютъ изъ-за границы. Напротивъ того русскіе сады запущены, заглохли, ведутся безъ искусства и безъ всякихъ украшеній. Фонтаны и водопады здѣсь неизвѣстны, хотя воды вдоволь и очень легко было бы все это устроить. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи замѣтны также нѣкоторыя перемѣны со времени пріѣзда царя изъ-за границы. Князь Данила Григорьевичъ Черкасскій, приказалъ разбить садъ въ голландскомъ вкусѣ, близь своей деревни, Sietjove *), въ 13 верстахъ отъ Москвы, для чего выписалъ садовника изъ Голландіи. Садъ обширенъ, очень изященъ, и по своему отличному устройству и убранству безъ сомнѣнія единственный въ Россіи. Такъ какъ эта страна не производитъ хорошихъ цвѣтовъ, а тѣ, которые растутъ въ поляхъ, весьма посредственны, то русскимъ, когда они бываютъ въ нѣмецкихъ садахъ, нельзя сдѣлать пріятнѣе подарка, какъ поднести букетъ цвѣтовъ. Впрочемъ теперь и изъ нихъ нѣкоторые любители, особенно изъ зажиточныхъ, стараются разводить хорошіе цвѣты.“

Объ огородныхъ овощахъ Бруинъ разсказываетъ, что въ большомъ употребленіи была капуста, составлявшая почти единственную пищу бѣдныхъ, которые ѣли ее по два раза въ день, вѣроятно во щахъ. „Огурцы также были очень любимы, ихъ

*) Мы не могли узнать, какую мѣстность обозначилъ авторъ этимъ *Sietjove*.

ѣли какъ яблоки и груши, и во множествѣ заготовляли въ прокъ, особенно люди зажиточные. Много также росло чесноку, этой необходимой и весьма любимой приправы въ старинныхъ кушаньяхъ. Въ обиліи росъ хрѣнъ, изъ котораго дѣлали хорошую приправу къ мяснымъ и рыбнымъ яствамъ. Рѣпа разныхъ сортовъ, красная и цвѣтная капуста, морковь, пастернакъ, свекла, разведены иностранцами съ давняго времени. Есть спаржа и артишоки, которые впрочемъ употребляются въ пищу только иностранцами. Саладъ и селлерей были также здѣсь неизвѣстны и разведены иностранцами. Есть арбузы огромной величины, но весьма водянистые и похожіе на наши огурцы."

Въ заключеніе представляемъ хозяйственное описаніе всѣхъ дворцовыхъ садовъ, составленное въ 1701 году. Оно послужитъ въ нѣкоторомъ отношеніи офиціальнымъ отчетомъ стариннаго садоводства въ самыхъ широкихъ его размѣрахъ, какіе могъ поддерживать только царскій Дворецъ.

ПЕРЕПИСЬ ДВОРЦОВЫХЪ САДОВЪ 1701 ГОДА.

Верхній Красный Набережный садъ, длиною межъ стѣнъ 62 саж., шириною въ одномъ концѣ 8 саж. съ аршиномъ, въ другомъ 8 саж. безъ аршина. А въ немъ садоваго строенія, 130 яблоней наливу, скруту, аркату; 25 грушъ сарскихъ, волоскихъ; 8 кустовъ винограду, одинъ кустъ байбарису, 23 куста сереборинника, краснаго и бѣлаго; 410 кустовъ смородины красной, 6 кустовъ піони красныхъ, девять ящиковъ гвоздики.

Нижній Красный садъ, длиною 24 саж. шириною 14 саж. А въ немъ садоваго строенія: 6 кустовъ стараго винограду, 13 кустовъ сереборинника краснаго, 12 кустовъ бѣлаго, 10

кустовъ красной смородины, малины 10 кустовъ да 8 грядъ, 20 кустовъ смородины черной, 1000 тюлпановъ цвѣтныхъ, 3000 среднихъ и мелкихъ, 80 кронъ цвѣтныхъ, 70 нарсисъ, 82 куста лилей желтыхъ, 2 ящика шалфеи, 2 ящика руты, 60 кустовъ зори, ящикъ красной и бѣлой рожицы, 5 ящиковъ гвоздики. У тѣхъ садовъ садовники Левъ Ивановъ, Павелъ Семеновъ. Окладъ имъ денегъ по 7 рублевъ, хлѣба по 9 четв. ржи, овса потому жъ. А что въ тѣхъ садахъ родится какихъ овощей и тѣ овощи бываютъ въ расходѣ въ государево пришествіе и изъ хоромъ берутъ.

Оптекарскій садъ длиною, по большой улицѣ, 140 саж., отъ Неглинны по воловей дворъ 131 саж., поперечнику въ одномъ концѣ отъ переднихъ воротъ 40 саж. въ заднемъ концѣ 49 саж. А въ немъ садоваго деревья: 1113 яблоней старыхъ, среднихъ и молодыхъ, почешныхъ и прививковъ; 121 дерево грушъ сарскихъ, волоскихъ; почекъ: 11 грядъ яблонныхъ, 1 гряда грушевыхъ; 300 вишенъ, 112 грядъ смородины красной, 100 кустовъ крыжу, 50 кустовъ сливъ, 5 кустовъ байбарису, 1500 пеньковъ яблонныхъ, 4 гряды малины сѣяной. Садовники Евсевей да Ѳедоръ Михайловы; окладъ имъ денегъ по 5 р., хлѣба по 7 четвертей ржи и овса. Изъ того саду садовое слѣтье подаютъ про государевъ обиходъ въ кушанье, на Москвѣ и въ походы.

Васильевскій садъ, въ Бѣломъ городѣ, у Яузскихъ воротъ длиною по Китаю городу 135 саж., по Бѣлому городу 160 саж.; поперечнику отъ Китая по Бѣлому городу 118 саж. у въ другомъ концѣ отъ Китая жъ къ Яузскимъ воротамъ 295 саж. А въ немъ на пяти подѣляхъ садоваго строенія 10,199 деревъ, да въ грядахъ 2837 деревъ, почекъ и прививковъ 850, да три гряды пенковъ, 349 деревъ грушъ сарскихъ и волоскихъ, 750 прививковъ въ грядахъ, 9 грядъ почекъ; 194 куста вишенъ, 42 куста сливъ, 57 грядъ малины, 54 гряды да

246 кустовъ смородины красной, 41 гряда черной. Въ томъ саду садовниковъ на пяти подѣляхъ пять человѣкъ, денежными и хлѣбными оклады не верстаны, а садятъ они въ томъ саду про себя сверхъ садоваго строенья и на продажу капусту, огурцы и иной всякой лѣтней овощъ. Изъ того саду ягоды смородина, малина, подается на Москвѣ и въ походахъ про государевъ обиходъ, за кушанье, по вся дни. Въ продажѣ изъ того саду садоваго слѣтья въ 1700 году на 274 рубли, яблокъ и грушъ, кромѣ малины и смородины.

Въ Набережныхъ Садовникахъ по описнымъ книгамъ 195 (1687) года 77 дворовъ, въ томъ числѣ 23 двора бѣломѣстцовъ. Въ садахъ садоваго строенья: яблоней 469 рослыхъ, 602 почешныхъ, разсажены 1718 почекъ да 11 грядъ, 62 прививка, 50 деревъ вишенъ; смородины 4 гряды, 3 куста красной, 23 гряды да 24 куста черной, 11 грядъ малины, 3 куста байбарису. У бѣломѣстцовъ садоваго строенья яблоней 180 рослыхъ, 462 почешныхъ и прививковъ, 13 вишенъ, 150 сливъ, 23 груши, смородины 3 куста красной, 82 черной, три гряды малины.

Въ Воскресенскомъ на Прѣснѣ садъ длиною 417 саж., поперегъ 334 саж. А въ томъ саду садоваго строенья: 2400 яблоней, по мѣстамъ на грядахъ; 560 прививковъ, 34 гряды почекъ, 2500 кустовъ вишнягу, 112 грядъ смородины красной. У того саду садовниковъ 13 человѣкъ, денежнымъ и хлѣбнымъ окладомъ не верстаны, а садятъ въ томъ саду капусту, огурцы и иной лѣтней овощъ про себя и на продажу. Изъ того саду въ 1700 году въ продажѣ садоваго слѣтья на 25 рублевъ.

Въ селѣ Преображенскомъ три сада, въ томъ числѣ, на государевѣ дворѣ у переднихъ воротъ, садъ длиною 46, поперегъ, въ переднемъ концѣ $11\frac{1}{3}$ саж., въ заднемъ $16\frac{1}{2}$ саж. А въ немъ 20 яблоней прививошныхъ, 11 вишенъ, 100 ку-

стовъ смородины черной, 8 кустовъ байбарису, 5 кустовъ крыжу, 20 кустовъ малины, 400 кустовъ смородины красной, 50 кустовъ смородины бѣлой, 8 грядъ ягодъ клубники. Малый садъ, длиннику и поперечнику по 8 саж. А въ немъ: два орѣха грецкихъ, кустъ кипарису, три куста винограду, 13 яблоней, 2 груши, одна слива, 17 кустовъ сереборонику бѣлаго, два куста божья дерева, 15 кустовъ байбарису, 15 кустовъ смородины красной, 10 кустовъ смородины черной, 8 кустовъ піони морховатой, 18 кустовъ піони сѣмянной, 10 корунъ желтыхъ; цвѣтовъ: 50 тюлпановъ, два куста цвѣтовъ вѣнцовъ, 5 лилей бѣлыхъ, 20 кустовъ нарчицы бѣлой, 20 кустовъ лилей желтыхъ, 3 куста рожъ алыхъ, 13 кустовъ мырнсу, 15 кустовъ орлику, 50 кустовъ гвоздики душистой, 30 кустовъ гвоздики репейчатой, 5 кустовъ филорожъ, грядка мяты, 100 кустовъ касатису, 150 кустовъ калуферу, 10 кустовъ дѣвичьи красоты, 5 кустовъ руты, 8 фіялокъ лазоревыхъ, 4 фіялки желтыхъ, 4 грядки клубники, 3 куста пижмы, 5 кустовъ иссопу.

Другой малый садъ, длиною 5 саж., поперегъ 7 саж. А въ немъ 4 яблони, 3 вишни, слива, черносливъ, 30 кустовъ малины красной, 20 кустовъ смородины красной, 10 кустовъ смородины бѣлой, 3 куста сереборинику бѣлаго, 4 куста піонь кудрявыхъ, 5 кустовъ піонь сѣмянныхъ, 10 кустовъ иссопу, 10 тюлпановъ, 20 кустовъ косатику, 4 короны, 3 куста лилей бѣлыхъ, кустъ цвѣтовъ вѣнцовъ, кустъ желтыхъ лилей, 4 куста нарчицы бѣлой, 10 кустовъ дѣвичьи красоты, 50 кустовъ гвоздики душистой, 20 кустовъ гвоздики репейчатой, 7 кустовъ рожъ травныхъ, 30 кустовъ калуферу, 10 кустовъ руты, 3 куста пижмы, 2 грядки мяты нѣмецкой, 3 грядки клубники, гряда земляницы. У тѣхъ садовъ садовникъ Василій Митрофановъ, окладъ ему денегъ 10 р. хлѣба 10 четвертей ржи и овса тожъ.

Въ селѣ Покровскомъ три сада, земли подъ ними двѣ десятины; а въ тѣхъ садахъ 374 яблони старыхъ, 130 молодыхъ, 300 кустовъ да 6 грядъ, по 16 сажень, смородины красной, 3 куста терну, гряда смородины черной, на 60 саженяхъ малины. Садовникъ Андрей Гавриловъ, окладъ ему 5 р.

Въ селѣ Измайловѣ три сада да огородъ, въ томъ числѣ:

На Острову подлѣ государева двора садъ длиною 97 саж. шириною въ одномъ концѣ отъ рощи 54, въ другомъ концѣ отъ башни 24 саж. А въ немъ 496 деревъ яблонныхъ, 81 груша, 164 вишни, на 257 саж. смородины красной, на 200 саж. бѣлой, на 200 саж. черной, на 428 саж. малины красной, на 92 саженяхъ крыжу берсеню.

Виноградной садъ по мѣрѣ длиною 210, поперегъ 190, кругомъ 800 сажень. А въ немъ 5893 яблони почешныхъ и прививковъ, 290 пенковъ, 50 вишенъ, 117 грушъ, 50 деревъ черносливу, на 863 саженяхъ смородины черной, на 326 саж. крыжу берсеню, на 64 саж. байбарису, на 296 саж. сереборинника нѣмецкаго, на 287 саж. сереборинника русскаго. За садомъ у переднихъ воротъ деревье грецкихъ орѣховъ, два дерева.

Садъ Просянской, длиною 138 саж. поперегъ 135 саж. кругомъ 520 саж. А въ немъ 815 яблоней, 130 пеньковъ, 18 деревъ сливъ, 467 грушъ, 1550 вишенъ, на 236 саж. смородины красной, на 111 саж. бѣлой, на 208 саж. байбарису, городокъ крыжу, длиною и шириною по 15 саж., 74 куста сереборинника бѣлаго, 160 краснаго нѣмецкаго. У того саду огородъ, а въ немъ садятъ дыни, огурцы, капусту и всякіе лѣтніе овощи. Да въ томъ же огородѣ 17 грядъ смородины красной, гряда бѣлой, на 74 саж. смородины черной, дерево грецкихъ орѣховъ. У тѣхъ садовъ садовниковъ семь человѣкъ, окладъ имъ по 5 р. и по 4 р.

Въ селѣ Коломенскомъ 6 садовъ, и въ томъ числѣ на государевѣ дворѣ у заднихъ воротъ садъ Красной, подъ нимъ земли четверть десятины. А въ немъ 67 деревъ яблоновыхъ, 9 грушъ, 10 сливъ, 70 кустовъ смородины красной, 20 кустовъ крыжу, на 20 саженяхъ малины.

Позади церкви Казанскія Богородицы, противъ государевыхъ хоромъ, садъ, земли подъ нимъ полчети десятины, а въ немъ 11 кустовъ вишенъ.

Садъ Старой большой, что посторонь государева двора, въ длину 230 саж. поперегъ 215 саж., а въ немъ 1850 деревъ яблоновыхъ, 36 грушъ, 7 деревъ кедру, одна дуля, одна пихта, 2 куста черносливу, два дерева черешнику, 30 кустовъ бѣлыхъ вишенъ, на дву десятинахъ безъ чети красныхъ вишенъ, 200 кустовъ смородины красной, на трехъ полуосминникахъ малины и смородины красной и черной, да 20 грядъ малинныхъ.

Садъ за церковью Казанскія Богородицы, въ длину 129 саж. поперегъ 122½ саж. А въ немъ 912 деревъ яблоновыхъ, 82 груши и дули, старыхъ и молодыхъ и прививковъ, 13 кустовъ вишенъ бѣлыхъ, четверть и пол-полчетверти красныхъ, по пути 110 кустовъ вишенъ красныхъ, 50 кустовъ крыжу, 110 кустовъ смородины красной и черной, 50 деревъ сливъ, два дерева орѣховъ грецкихъ, одно дерево кедру, одно дерево пихта, 14 грядъ малины. У тѣхъ садовъ садовниковъ 16 человѣкъ.

Изъ тѣхъ садовъ садоваго слѣтья въ продажѣ не было, а обираютъ про государевъ обиходъ въ подачу въ хоромы и на Сытной дворецъ въ патоку и въ квасы.

Новый садъ противъ государева двора у заднихъ воротъ, въ длину 310 саж. поперегъ 270 саж. А въ немъ 4032 яблони старыхъ и молодыхъ, 25 дуль, кругомъ саду подлѣ заборовъ 1006 вишенъ красныхъ, по мѣстамъ малины, смородины черной, бороздами, на 500 саженяхъ. У того саду садов-

никовъ 12 человѣкъ. Изъ того саду садоваго слѣтья въ продажѣ было въ 206 (1698) году на 151 руб., а въ 207 и въ 1700 годѣхъ садоваго слѣтья родилось малое число и отобрано на государевъ обиходъ на Сытный дворецъ.

Въ селѣ Воробьевѣ два сада, въ томъ числѣ: у государева двора Красный садъ, земли подъ нимъ двѣ десятины. А въ немъ 230 яблоней, 120 пенковъ привито, 9 грушъ, три куста сливъ, 12 кустовъ смородины черной, на полуосминѣ вишнягу, гряда почекъ. Нижній садъ, земли подъ нимъ десятина, а въ немъ 419 яблоней старыхъ почешныхъ и прививковъ, сто кустовъ сливъ. У тѣхъ садовъ садовниковъ два человѣка. Изъ тѣхъ садовъ садоваго слѣтья въ продажѣ въ 1700 г. на 19 рублевъ.

Кромѣ того дворцовые плодовые сады были въ подмосковныхъ селахъ и деревняхъ: въ приселкѣ Дьяковскомъ, въ деревнѣ Новозаборьѣ на Чертановкѣ, въ приселкѣ Борисовѣ, въ селѣ Бесѣдахъ, въ селѣ Островѣ, въ селѣ Богородицкомъ, что слыветъ Черная грязь, въ приселкѣ Орининскомъ, въ селѣ Котельникахъ, въ деревнѣ Деревлевѣ, въ приселкѣ Ромашковѣ, въ селѣ Пахринѣ, въ селѣ Митропольѣ, въ Ермолинѣ, въ Павловскомъ, въ Александровѣ Слободѣ и въ городахъ: въ Новгородѣ семь садовъ, въ Брянскѣ два, въ Можайскѣ 1, въ Вязмѣ 1, въ Володимірѣ 1.

Всего: 52 сада, да огородъ, да Набережные садовники. Въ нихъ садоваго строенья: 46,694 дерева яблонныхъ, 480 почекъ и прививковъ, 53 $^1/_2$ гряды прививковъ и почешныхъ молодыхъ, 2550 да двѣ гряды пеньковъ, 1565 деревъ грушъ, 42 дерева дуль, 9136 деревъ да 24,282 куста да семь десятинъ безъ чети да двѣ чети и полполчети вишенъ, 107 грядъ да на 1048 саженяхъ да 50 кустовъ малины, 17 кустовъ винограду, 582 дерева сливъ, 325 грядъ да 4 гряды длиною

113 саженъ да на 493 саженяхъ да 1471 кустъ смородины красной, 60 кустовъ да на 311 саженяхъ да три гряды смородины бѣлой; 101 гряда да 13 грядъ длиною 139 саженъ да на 1137 саженяхъ да 112 кустовъ смородины черной; на трехъ полуосминникахъ да на 500 саженяхъ бороздами малины и смородины красной и черной; 23 куста да на 262 саж. байбарису; 85 кустовъ да на 438 саж. да городокъ длиною и шириною по 15 сажень крыжу; 15 грядъ клубницы, 254 куста да на 583 саженяхъ сереборинника краснаго и бѣлаго; семь деревъ орѣховъ грецкихъ, кустъ кипарису, 23 дерева черносливу; три куста терну, 8 деревъ кедру, два дерева пихты, два дерева черешнику.

Садовниковъ у тѣхъ садовъ 67 человѣкъ. Въ прошлыхъ годѣхъ въ продажѣ было садоваго слѣтья изъ 33 садовъ на 982 р. 8 алтынъ 2 денги, а въ иныхъ годѣхъ больши и меньши. Изъ 19 садовъ садовое слѣтье, да изъ огорода, да изъ Набережныхъ Садовниковъ подаютъ про государевъ обиходъ, на Москвѣ и въ походахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Челобитье царю Михаилу Ѳеодоровичу садовника Назара Иванова *).

Царю государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Назарко

*) Помѣщаемъ здѣсь этотъ любопытный актъ какъ дополненіе къ предыдущей статьѣ. Челобитная разсказываетъ старинным простымъ складомъ о

Ивановъ сынъ. По твоему государеву указу взятъ я, холопъ твой, изъ барашей къ твоему государеву садовому дѣлу въ Аптекарской садъ и велѣно мнѣ, холопу твоему, тотъ садъ дозрить и переписать и надъ садовники досматривать. И я, холопъ твой, въ томъ Аптекарскомъ саду дозиралъ и переписалъ, что̀ въ немъ есть, и надъ садовники досматривалъ и приказывалъ имъ, чтобъ онѣ о твоемъ государевѣ саду радѣли; а у нихъ государь прежъ того о твоемъ государевѣ саду радѣнія никакова не было. И въ тѣ поры я, холопъ твой, въ томъ Аптекарскомъ саду выбралъ грушныхъ пеньковъ, всего сто восемьдесятъ, и по твоему государеву указу взято у меня, холопа твоего, къ тѣмъ пенькомъ изъ моего садишка въ тотъ Аптекарской садъ и въ иные сады триста черенковъ грушныхъ царскихъ и волоскихъ; да у меняжъ, холопа твоего, взято къ тебѣ, государю, въ Верхъ, въ садъ три яблони большіе наливу, да груша царская. Да я же, холопъ твой, тебѣ, государю, служилъ и радѣлъ, выбиралъ по твоему государеву указу и выискивалъ по всякимъ садомъ яблони лутчіе къ тебѣ, государю, въ Верхъ, въ садъ, которые яблони тебѣ, государю, годны. Да я жъ, холопъ твой, былъ въ селѣ Рубцовѣ, а велѣно мнѣ, холопу твоему, въ селѣ Рубцовѣ садъ урядить. И я, холопъ твой, по твоей царской милости въ селѣ Рубцовѣ садъ урядилъ и тебѣ государю работалъ; и привилъ я въ томъ саду въ селѣ Рубцовѣ своего садишку царской и волоской гру-

---

замѣчательной по времени дѣятельности одного изъ искуснѣйшихъ, безъ сомнѣнія, и опытнѣйшихъ садоводовъ начала XVII столѣтія. По роду жизни онъ принадлежалъ къ *барашамъ*, тягло, повинность которыхъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобъ, во время царскихъ загородныхъ выѣздовъ и походовъ, возить за государемъ, на своихъ подводахъ, *шатерную казну* т. е. шатры и ставни со всѣмъ приборомъ, которые раскидывались въ полѣ, когда государь останавливался для отдыха. Бараши жили особою слободою; мѣсто этой слободы до сихъ поръ обозначается урочищемъ церкви Воскресенія въ Барашахъ, на Покровкѣ.

ши сорокъ черенковъ, и тѣ, государь, прививки всѣ пошли до одново; да я же, холопъ твой привилъ въ томъ же саду двѣстѣ десять черенковъ наливу и скруту и бѣли кузминской и любской своегожъ садишка; и тѣхъ, государь, черенковъ пошло въ томъ саду полтораста; а прививалъ я, холопъ твой, тѣ черенки, выбираючи изъ своего садишка лутчіе, радѣя тебѣ, государю, и проча, которые тебѣ, государю царю, годны. Да я же, холопъ твой въ томъ же саду пересадилъ сорокъ вишенъ, и тѣ, государь, вишни всѣ пошли. А которые, государь, старые яблони поуныли и я тѣ яблони поразсадилъ и повычистилъ, и тѣ, государь, яблони всѣжъ пошли; а которые, государь, яблони кроты подъѣли, и я тѣхъ кротовъ повыгналъ. И будучи я, холопъ твой, у твоего государева садоваго дѣла промыслишку своего отбылъ и тебѣ государю о твоемъ царскомъ жалованьѣ и о поденномъ корму небивалъ челомъ. А взятъ я, холопъ твой, по твоему государеву указу къ твоему государеву садовому дѣлу изъ барашей. А нынѣча, государь, меня холопа твоего опять тащатъ въ бараши и велятъ мнѣ въ барашахъ твою царскую службу служить и тягло тянуть по прежнему съ собою поровну; а меня, холопа, твоего съ двѣ службы не будетъ, что человѣкъ одинокой. А будучи у твоего государева садоваго дѣла, мнѣ, холопу твоему отойти немочно, потому что я, холопъ твой, тебѣ, государю, радѣю и своею головою промышляю за всѣхъ садовниковъ. Милосердый государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всея Русіи! пожалуй меня холопа своего за мое службишко и за работишко своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милосердому государю царю Богъ извѣститъ, и вели, государь, мнѣ, холопу своему у одного дѣла быть, въ барашахъ или у своего государева садоваго дѣла; а буде я, холопъ твой, годенъ къ твоему государеву садовому дѣлу, пожалуй меня, холопа сво-

его, вели государь дворишко мой въ Барашахъ обѣлить. Царь государь смилуйся, пожалуй!

Челобитная относится къ 7132 (1623 — 1624) году, писана на одномъ листкѣ столбцемъ. На оборотѣ помѣта: Указалъ государь быти ему въ барашехъ въ тяглѣ по прежнему, а садовое дѣло временное. А будетъ впередъ къ садовому дѣлу пригодишься, и въ тѣ поры о тяглѣ и гдѣ быть и указъ будетъ. А за работу и за службу пожаловалъ государь, велѣлъ дать камку да сукно доброе. А прежъ того подписана таковажъ челобитная и та де утерялась.

СВѢДѢНІЯ О МОСКОВСКИХЪ И ПОДМОСКОВНЫХЪ САДАХЪ ВЪ XVIII И XIX СТ.

Коренья, сѣмяна и деревья, выписанные въ Головинскій садъ въ 1730 году *).

Реестръ о кореньѣ цвѣтамъ, что надлежитъ выписать изъ Голандіи, а именно:

Тюлпанъ: 50 дукъ фантолъ, 20 бизартъ-плазамтъ. 20 пренцеранжіи-бонтъловъ, 20 гевламде-схортинъ-вегаръ, 200 геленъ-энъротъ-гудмакаръ, 200 гель-кронъ, 100 гель-кронъ-метъ бонтъ-лоеъ 10, парагонъ-фанвининъ, 20 дюбелдь-артъ, 20 дюбель-троумотъ-блекенъ, 20 дюбель-кармузеннъ, 20 дюбель бланеборде, 20 дюбель-флатуромъ, 20 дюбель-бизартъ-дебруксаль, 20 дюбель-борды-яуне, 20 дюбель-колеръ-дюфе, 20 дюбель-піоны, 20 дюбель-треквеме.

---

*) Головинскій или Дворцовый садъ, находившійся при Головинскомъ дворцѣ, разведенъ первоначально при Петрѣ I. Разводилъ его и завѣдывалъ имъ садовникъ голландецъ Тимоѳей Брантгофъ. Въ 1730 году императрица Анна Ивановна повелѣла выстроить подлѣ Головинскаго дома деревянный дворецъ, названный Линингофомъ и развести при немъ садъ, который потомъ соединился съ Головинскимъ и образовалъ такъ называемый Дворцовый садъ. По этому-то случаю и представлены были садовникомъ Брантгофомъ предлагаемые здѣсь реестры сѣмянъ и кореньевъ, какіе нужно было писать изъ Голландіи, и деревьевъ, какія должны быть взяты изъ петерскихъ садовъ.

СВѢДѢНІЯ О МОСКОВСКИХЪ И ПОДМОСКОВНЫХЪ САДАХЪ ВЪ XVIII И XIX СТ.

Коренья, сѣмяна и деревья, выписанные въ Головинскій садъ въ 1730 году *).

Реестръ о кореньѣ цвѣтамъ, что надлежитъ выписать изъ Голандіи, а именно:

Тюлпанъ: 50 дукъ фантолъ, 20 бизартъ-плазамтъ. 20 пренцеранжіи-бонтъловъ, 20 гевламде-схортинъ-вегаръ, 200 геленъ-энъротъ-гудмакаръ, 200 гель-кронъ, 100 гель-кронъметъ бонтъ-лоеъ 10, парагонъ-фанвининъ, 20 дюбелдь-артъ, 20 дюбель-троумотъ-блекенъ, 20 дюбель-кармузеинъ, 20 дюбель бланеборде, 20 дюбель-флатуромъ, 20 дюбель-бизартъ-дебруксаль, 20 дюбель-борды-яуне, 20 дюбель-колеръ-дюфе, 20 дюбель-піоны, 20 дюбель-трекверме.

---

*) Головинскій или Дворцовый садъ, находившійся при Головинскомъ дворцѣ, разведенъ первоначально при Петрѣ I. Разводилъ его и завѣдывалъ имъ садовникъ голландецъ Тимоѳей Брантгофъ. Въ 1730 году императрица Анна Ивановна повелѣла выстроить подлѣ Головинскаго дома деревянный дворецъ, названный Анинингофомъ и развести при немъ садъ, который потомъ соединился съ Головинскимъ и образовалъ такъ называемый Дворцовый садъ. По этому-то случаю и представлены были садовникомъ Брантгофомъ предлагаемые здѣсь реестры сѣмянъ и кореньевъ, какіе нужно было выписать изъ Голландіи, и деревьевъ, какія должны быть взяты изъ петербургскихъ садовъ.

Іанцентенъ: 10 безхолъ-фанменстеръ, 10 блегофъ, 100 брюмалисъ, 50 брюнблавохинрунцы, 20 бел-антесы, 20 куныеинъ, 10 крюлболъ, 10 крон-фандартъ, 20 дюбелда-порсылеинъ-стандаръ, 20 дюбелдь-юнкаръ, 50 дюбелдь-беменде, 50 дюбелдь-пренцесторъ, 30 дюбелдь-каписинъ, 50 дюбелдь-селестеинъ, 100 дюбелдь-пилхра, 100 дюбелдь-ванфанмарисъ, 20 дюбелдь-ливде, 20 дюбелдь-конгенъ-фангродъ-бретаньеенъ.

Ранукулсъ: 500 дюбелдь-разныхъ коренья.

Анемусъ: 300 дюбелдь разныхъ коренья, 200 колшикомъ разныхъ, 200 крукусъ разныхъ, 200 дюбелдь юнквилисъ разныхъ, 200 ирисъ англика разныхъ, 50 ирисъ испаника разныхъ.

Ѳриттыларія: 50 апольблюсемъ, 50 аквитаника, 50 дюбель, 50 зварты, 50 вита, 10 кроненпреяль-роддюбелда, 10 хелле добелда, 10 кронъ опькронъ, 100 секламанъ разныхъ, 20 матагунъ-канадензысъ-маюръ, 20 конштантинополь, 20 дюбелдъ-пуръпуръ, 20 дюбелдъ-вите, 20 вите-хиспрентъ, 50 витъ-энъ-блаудреифъ-исента, 20 акупитомъ винтеръ-блюиндехель, 500 тросъ-нарсысанъ разныхъ, 50 лилиумъ-перзикомъ-флюрнигра, 50 лилиумъ-флоръ-албу-плену, 100 моліомъ-индекомъ разныхъ, 20 сатыріомъ-флуръ-одрату.

Реестръ цвѣтамъ семена. Флосъ-адунисъ половину лота, Аурикла-англика разныхъ четверть лота, Антирніумъ разныхъ поллота, Атрильлексъ бакъсифера поллота, Борагу кретика поллота, Балсамина маскалинъ осмая доль лота, Балсамина фемина поллота, Картамусъ одинъ лотъ, Карюфилисъ артензысъ разныхъ два лота, Колютея ферзекарія четверть лота, Кокдрѣля разные четверть лота, Сіянусъ турчикомъ разныхъ одинъ лотъ, Кониза африкана разныхъ четверть лота, Флогулисъ-флоръ-плену разныхъ одинъ лотъ, Гпафъ-фаліомъ разныхъ поллота, Арбафива 6 семечковъ, Гедизоромъ-

флоръ ются поллота, Гесперусъ одрату четверть лота. Якубея четверть лота, Лотусъ-флоръ-руборо одинъ лотъ, Латрусъ-флоръ-одрату одинъ лотъ, Люпинусъ-маэръ-флюръ-карніо два лота, Крызантиномъ-флюръ-плено разныхъ одинъ лотъ, Кукумисъ-асыніосъ поллота, Малва руза флюръ плено разныхъ 4 лота, Папавра флюръ-плена разныхъ поллота, Сабіюза флюръ албо фаригату разныхъ 1 лотъ, Суланомъ разныхъ поллота, Таксіосъ одинъ фунтъ, Пума-аморисъ разныхъ поллота, Премлаверисъ разныхъ четверть лота, Флосъ-африканусъ флюръ плену разныхъ поллота, Белесъ-спинуоза флоръ арбо четверть лота, Блитомъ рубрумъ осмая доль лота, Кукурбита-маломъ-овранціомъ одинъ лотъ, Пепрендекомъ разныхъ поллота, Трифуліомъ битюминозомѣ флоръ серуліосъ четвертая доля лота, Настурціомъ гендикомъ разныхъ 4 лота.

Реестръ объ деревье, что надлежитъ взять изъ Петербурха.

1 абратанномъ масъ, 1 атота силяника, 1 алетернусъ-филія-албофарагату, алвы всякаго по 2 дерева, 20 ананасъ, 1 апосиномъ-африканомъ, 1 грифуліомъ-фулія-лютео-фарегату, 1 грифиліомъ-фуліо-албофаріогату, 1 арборъ-бенцунифора-фиргиніана, 1 арборъ лактисенсъ-логрифуліо, 6 большихъ лавровыхъ, 6 большихъ помаранцовъ, 4 апилсина, 2 большихъ лимоновъ, 1 арбутусъ, 1 серазусъ-оттенъ-тоттуромъ, сереусъ отъ всякихъ разныхъ деревъ по 2, 1 систусъ, секламенъ отъ всякихъ разныхъ по 1, 1 экинумелу каптусъ; фикундусъ отъ всякихъ разныхъ по 2 горшка, 2 фикусъ амрикана минима, 1 гидра анбирея, 1 ординомъ-африканомъ, 1 илексъ-фулія агрифули-синамономъ, 1 лаврусъ-амрикана, 1 лаврусъ-филія-сирту-бакъсифира, 1 лаврусъ-сирту-номъ одоръ, 1 лентескусъ, 1 ліонурусъ африкана, 4 мертусъ мини-

мусъ, 1 уліандра бѣлый, 1 уліандра красной, 1 уліа, 1 портюляка африканамъ, 2 салфія фулія форигату, 2 седомъ-африканомъ фулія орбикуляту, 2 стакужъ-африкату, тетимлюсъ отъ всякихъ разныхъ по 2 дерева, 1 фибурнумъ-амриканомъ-одорату, 1 фитексъ, 2 іока глоріоза.

А на вышеписанные семена и коренья цвѣтамъ надобно денежная сумма напримѣръ сто пятдесятъ рублевъ. Маія 16 дня 1730 году.

ОПИСЬ АННИНГОФСКАГО САДА 1733 ГОДА.

Реестръ ваморскимъ деревьямъ разнымъ званіемъ и цвѣтамъ.

Алатурнусу 2, Лавриновъ малыхъ и большихъ 25, Мертусовъ малыхъ и большихъ 25, Лоурусъ омерикана 30, Капцикомъ арборисенцъ 20, Граньямъ офрикана фол (флоръ) кармезина 28, Аликва (силиква) идульсисъ 6, Ѳикусъ арборъ 26, Апрекузовъ непрививошныхъ 11, Перзиковъ непрививошныхъ 3,—прививошныхъ 4, Апрекузовъ прививошныхъ 2, Кетмея африкана пополфунья 2, Енесты 23, Есеминовъ бѣлый цвѣтъ 33, Есеминовъ желтый цвѣтъ 14, Буксіюсъ 12, Флосъ потсіенусъ 26, Размарину 28, Гранату малаго и большаго 6, Калютіѣ арборисенцъ 2, Мурусъ или шелковецъ 6, Молбѣру чернаго 1, Миспелю 2, Сипросу 2, Ѳіюля лютія 30, Левкою 30, Каруфилусъ артендусъ 80, Розону 10, Помаранцовъ и лимоновъ прививошныхъ 170, Идизаромъ 10, Ветронту (Вепронту) 4, Лавендилю 10, Урыкулы 10, Премлафирусу 4, Андалусу 6, Галига 1, Сику ламану 34, Дадалу 6, Ананусу 16, Алое американа 4, Фику зендукусъ медья 7, Фику зендикусъ максинусъ 1.

Въ саду яблонь, грушъ, сливъ, вишни, а именно; большихъ яблонь въ Аннингофскомъ и въ Лафертовскихъ садахъ 775, молодыхъ яблонь въ Аннингофскомъ саду 320, грушъ въ Аннингофскомъ и въ Лефортовскомъ садѣхъ деревъ 77, сливъ 130, вишней 120.

Да въ вышеописанномъ же Аннингофскомъ саду прудовъ съ рыбою девять, въ томъ числѣ по угламъ большаго пруда, что возлѣ полатъ статуй каменныхъ бѣлыхъ 4. Плотина каменная съ рѣзбою на ней балясы деревянные, въ оной плотинѣ статуй каменная *венусъ*. Подъ плотиной купидоновъ каменныхъ золоченыхъ 2, горшковъ каменныхъ золоченыхъ 4. Вверху онаго пруда плотинка малая каменная, на ней балясы.

У Крестоваго пруда плотина каменная съ рѣзбою, во оной плотинѣ статуя каменная *Самсонъ*, подъ плотиною свинксовъ каменныхъ золоченыхъ 2. Вверху оной плотины статуй каменныхъ бѣлыхъ 4; около онаго пруда балясы деревянныя; близь тогожъ пруда на каменной лесницѣ орловъ каменныхъ золоченыхъ 2.

Около *обвалнаго* пруда перила съ чюланами крашеныя, гдѣ водиться птицамъ, а въ перилахъ рѣшетки проволошныя крашеныя.

Въ саду малыхъ бесѣдокъ, ветхіе 4, покрыты холстомъ и выкрашены синей краской. Малыхъ же дощатыхъ ветхихъ бесѣдокъ 3, покрыты тесомъ. На большомъ острову большая бесѣдка деревянная рѣшетчатая покрыта тесомъ, а сверхъ тесу холстомъ и выкрашена синей краской. На верху оной бесѣдки статуя деревянная вызолочена. На большомъ прудѣ, что возлѣ Яузы, на островахъ 2 бесѣдки ветхіе, одна дощатая, а другая рѣшетчатая и около оной заборъ дощатой зеленой ветхой.

На осмигранномъ острову бесѣдка дощатая, въ ней въ четырехъ углахъ проволошные тонкіе рѣшетки, гдѣ сажаютъ всякихъ мелкихъ птицъ, потолокъ подбитъ холстомъ и выбѣленъ, покрыта тесомъ. На ономъ же острову каменныхъ статуй бѣлыхъ 2. Въ садужъ голубня дощатая крашеная.

Крытыхъ дорогъ ветхихъ 3, которые обсажены липнягомъ. 3 лестницы большіе окованы желѣзомъ, съ которыхъ подрубаютъ всякой лѣсъ. Въ саду имѣются каналы, чрезъ оные каналы поворотныхъ мостовъ 5, ветхіе.

Возлѣ онагожъ Аннингофскаго саду къ рѣкѣ Яузѣ Лефортовской садъ, въ немъ прудъ одинъ съ рыбою; отъ того саду чрезъ рѣку Яузу въ Лефортовской домъ мостовыхъ плотовъ 4; за Яузою возлѣ Лефортовскаго дому садъ, въ томъ саду прудъ; у того саду отъ полатъ до Яузы одна сторона забрана рѣшетками брущатыми и выкрашены.

Около Аннингофскаго саду отъ мосту отъ рѣки Яузы до новаго каналу дощатой заборъ крашеной, да противъ лошадиной школы отъ угла къ сараю, что стоятъ суда, дощатой же крашеной заборъ.

За Лафертовской слободой прудъ одинъ съ рыбою. Оной прудъ пронесло водою и воды осталось въ немъ малое число.

Азіатскія деревья, выписанныя въ Аннингофскій садъ изъ Персіи въ 1732 году.

Въ 1732 году ко Двору Ея Величества въ Аннингофской садъ въ Москвѣ были посланы изъ Персіи, изъ Гиляни, разныхъ родовъ азіатскія деревья: „лимонныхъ шесть,

помаранцовыхъ четыре, кофейное одно, кипарисное одно, гаранату три, перешное одно," которыя однакожь, по случаю смерти сопровождавшаго ихъ садовника, можетъ-быть отъ худаго присмотра, всѣ погибли, не прибывъ еще въ Москву. Растенія были отправлены въ Москву „водянымъ путемъ" подъ надзоромъ толмача Иностранной Коллегіи и садовника армянина Назара Артемьева. 14 октября деревья прибыли въ Касимовъ, гдѣ, за опасеніемъ зимняго времени, садовникъ предложилъ остановиться и для сбереженія помѣстилъ деревья въ теплой черной избѣ. Между тѣмъ извѣстіе о посылкѣ пришло и въ Москву, откуда 15 ноября былъ отправленъ на встрѣчу лейбъ-гвардіи капралъ Кобылинъ съ такою инструкціею: „гдѣ онъ тѣ деревья наѣдетъ, то для зимняго времени оныя остановить и для того сдѣлать мшоной амбаръ, а въ немъ печь, дабы деревья до весны могли безъ поврежденія соблюдены быть; а какъ весна наступитъ, то оныя по прежнему везть въ Москву". Капралъ наѣхалъ растенія въ Касимовѣ, гдѣ, какъ упомянуто, они остановились зимовать. Осмотрѣвъ помѣщеніе, онъ не распорядился о постройкѣ мшонаго амбара, убѣжденный, можетъ быть, садовникомъ, что растенія будутъ сохранены и въ черной избѣ. Въ Февралѣ 1733 года садовникъ умеръ. Донося объ этомъ въ Москву, Касимовская Воеводская канцелярія присовокупляла свое опасеніе: „чтобъ деревьямъ безъ садовника не учинилось какого поврежденія". Тогда же посланъ туда для смотрѣнія и привозу деревьевъ весною въ Москву Аннингофскаго саду садовый ученикъ Никита Дубовицкій, который нашелъ, что деревья поставлены въ кадкахъ въ черной избѣ и всѣ посохли, „только одно кофейное еще не пуще высохло, — коренья всѣ вымокли отъ поливанья, для того что на кадкахъ проверчено не было и вода стояла въ тѣхъ кадкахъ".

Въ Касимовѣ это событіе надѣлало много хлопотъ; назначено было слѣдствіе: какимъ несмотрѣніемъ оныя деревья посохли и для чего поставлены были въ избѣ, а не въ мшонникѣ? Такъ какъ квартиру для растеній отводила Городская Ратуша, то къ слѣдствію и допросамъ потянули бургомистра, сотника, десятскаго, которые вмѣстѣ съ толмачомъ единогласно объявили, что анбара не выстроили потому, что садовникъ, да и присланный капралъ того не требовали.

Въ іюнѣ 1733 года посохшія деревья привезены въ Москву и сданы въ Аннингофскій садъ садовнику Брантгофу, который и донесъ по начальству, что „деревья привезены всѣ сухи и въ садку негодны".

Записка о покупкѣ растеній.

Въ 1732 г. сентября 20 аннингофскаго садовника Дениса Брокета въ поданномъ доношеніи написано: въ аннинговской садъ для посаженья въ нынѣшнемъ сентябрѣ мѣсяцѣ надлежитъ купить цвѣтовъ, а именно: тулпановъ 3000 по 30 коп. сто, нарцовъ 3000 по 30 коп. сто, малтагонъ 200 корней по 10 коп. корень, лилей желтыхъ 200 по 3 коп. корень, серебориннику красного 200 штукъ по 20 коп. штука, серебориннику бѣлаго 100 штукъ по 20 коп. штука, а оные цвѣты въ продажѣ имѣются въ Нѣмецкой слободѣ у жителей.

Реестръ сѣмянамъ купленнымъ въ 1733 году для аннингофскаго сада садовникомъ Брантгофомъ.

40 золотниковъ артышекинъ, золотникъ по 5 к.; 24 бѣлыхъ огурцовъ, золот. по 5 коп.; 10 малыхъ базыликъ, золот.

исторіи, которыхъ воспитала и выдвинула на историческое поприще благодатная Петровская реформа. Съ смертію великаго преобразователя многіе изъ нихъ унесены были потокомъ новыхъ событій. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны Ивановны Дмитрій Михайловичъ былъ удаленъ отъ государственныхъ дѣлъ, а въ апрѣлѣ 1738 г. онъ скончался въ Шлиссельбургской крѣпости.

Во время опалы онъ жилъ въ своихъ подмосковныхъ вотчинахъ, въ селѣ Архангельскомъ, на Москвѣ рѣкѣ, и въ Богородскомъ, на Пахрѣ. Первое было его родовою вотчиною, а второе родовою вотчиною его жены, кн. Анны Яковл. Одоевской. Въ Архангельскомъ онъ собралъ весьма замѣчательную по времени библіотеку и музей, которые своимъ богатствомъ уступали въ то время только библіотекѣ и музею графа Брюса. Большая часть рукописей изъ Архангельскаго перешла потомъ въ собраніе графа Толстаго и теперь принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Но лучшія были расхищены при описи имѣнія; ими попользовался, какъ говоритъ Татищевъ, даже герцогъ Курляндскій, Биронъ. Любитель наукъ, князь немало вниманія обращалъ и на садоводство, свѣдѣнія о которомъ тѣмъ для насъ интереснѣе, что они должны характеризовать первыя попытки разведенія и содержанія въ Россіи разныхъ иноземныхъ растеній. Любопытно прослѣдить постепенность, съ какою эти растенія такъ сказать водворялись у насъ. Многое, на что́ теперь садоводы не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, сто лѣтъ назадъ, представляло если не особенную рѣдкость, то по крайней мѣрѣ новость, которою дорожили и заботливо сберегали ее. Вообще, мы думаемъ, не безполезно обращаться къ прошедшему на всѣхъ путяхъ знанія: это даетъ силу, ясность и отчетливость настоящему нашему взгляду на изучаемое дѣло.

по 5 к.; 20 большой базыликъ, золот. по 3 коп.; 75 цвѣтной капусты, зол. по 6 к.; 80 кудрявой капусты, зол. по 3 к.; 48 мунтре-салатъ, золот. по 7 к.; 47 лейсе (лесей) кропенъ, золот. по 4 к.; 48 зеленаго кочаннаго салату, зол. по 4 к.; 48 андивы широкой листъ, зол. по 4 к.; 48 андивы кудрявой листъ, зол. по 4 к.; 96 сафоковой капусты, зол. по 3 к.; 96 красной кочанной капусты, зол. по 3 к.; 96 маеарану, зол. по 4 к.; 48 тиміану, зол. по 3 к.; 96 красной родисъ всякой, зол. по 2 к.; 96 круглой родисъ, зол. по 3 к.; 48 селдерей, зол. по 2 к.; 10 размарину, зол. по 4 к.; 20 кулряби, которой растетъ поверхъ земли, зол. по 3 к.; 20 взелъ ростетъ, зол. по 3 к.; 48 портуликъ, зол. по 4 к.; 96 золотниковъ шалфей, зол. по 2 к.; 48 долгой нѣмецкой рѣпы, зол. по 2 к.; 48 ранъ нѣмецка рѣпы всякой, зол. по 2 к.; 48 желтой нѣмецкой рѣпы, зол. 2 к.; 96 пустарнаку, зол. по 2 к.; 96 нѣмецкой моркови, зол. по 2 к.; 48 пору, зол. по 3 к.; 3 фунта рускихъ огурцовъ, фунтъ по 10 к.; 2 керсалатъ, ф. по 10 к.; 2 фунта спинаржи, ф. по 20 к.; 2 латука, ф. по 45 к.; 2 свеклы, ф. по 10 к.; 20 нѣмецкаго сахарнаго гороху, ф. по 20 к.; 20 нѣмецкихъ большихъ бобовъ, ф. по 10 к.; 1 большой капусты, 20 к.; 2 бобовъ турецкихъ, ф. по 20 к.; всего 61 р. 20 к.

ОРАНЖЕРЕИ И САДЫ ПОДМОСКОВНЫХЪ ВОТЧИНЪ КН. ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛИЦЫНА ВЪ 1737 ГОДУ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ людей своего времени, принадлежалъ къ тому поколѣнію благородныхъ дѣятелей нашей

исторіи, которыхъ воспитала и выдвинула на историческое поприще благодатная Петровская реформа. Съ смертію великаго преобразователя многіе изъ нихъ унесены были потокомъ новыхъ событій. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны Ивановны Дмитрій Михайловичъ былъ удаленъ отъ государственныхъ дѣлъ, а въ апрѣлѣ 1738 г. онъ скончался въ Шлиссельбургской крѣпости.

Во время опалы онъ жилъ въ своихъ подмосковныхъ вотчинахъ, въ селѣ Архангельскомъ, на Москвѣ рѣкѣ, и въ Богородскомъ, на Пахрѣ. Первое было его родовою вотчиною, а второе родовою вотчиною его жены, кн. Анны Яковл. Одоевской. Въ Архангельскомъ онъ собралъ весьма замѣчательную по времени библіотеку и музей, которые своимъ богатствомъ уступали въ то время только библіотекѣ и музею графа Брюса. Большая часть рукописей изъ Архангельскаго перешла потомъ въ собраніе графа Толстаго и теперь принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Но лучшія были расхищены при описи имѣнія; ими попользовался, какъ говоритъ Татищевъ, даже герцогъ Курляндскій, Биронъ. Любитель наукъ, князь немало вниманія обращалъ и на садоводство, свѣдѣнія о которомъ тѣмъ для насъ интереснѣе, что они должны характеризовать первыя попытки разведенія и содержанія въ Россіи разныхъ иноземныхъ растеній. Любопытно прослѣдить постепенность, съ какою эти растенія такъ сказать водворялись у насъ. Многое, на что́ теперь садоводы не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, сто лѣтъ назадъ, представляло если не особенную рѣдкость, то по крайней мѣрѣ новость, которою дорожили и заботливо сберегали ее. Вообще, мы думаемъ, не безполезно обращаться къ прошедшему на всѣхъ путяхъ знанія: это даетъ силу, ясность и отчетливость настоящему нашему взгляду на изучаемое дѣло.

Село *Архангельское*, *Уполозы* тожъ, расположено на высокомъ берегу Москвы рѣки, въ 18 верстахъ отъ столицы, по Звенигородской дорогѣ. Съ начала нынѣшняго столѣтія оно принадлежитъ князьямъ-Юсуповымъ и особенно славилось своими великолѣпными зданіями, произведеніями живописи и ваянія, садами, оранжереями, павильонами и пр. въ двадцатыхъ годахъ, при кн. Н. Б. Юсуповѣ. Весьма многое отъ прежняго великолѣпія уцѣлѣло еще и теперь, а прекрасное мѣстоположеніе, рощи и сады, всегда ставили Архангельское въ ряду самыхъ любимыхъ загородныхъ мѣстъ для Москвичей. Но мы намѣрены говорить не о настоящемъ, а о старинѣ, хотя и въ настоящемъ оно заслуживало бы дѣльнаго описанія.

Въ 1737 г. въ Архангельскомъ стояла таже церковь каменная во имя Архангела Михаила, основанная вѣроятно еще въ XVII ст. отцомъ кн. Дмитрія Михаиловича, бояриномъ Михайломъ Андреевичемъ Голицынымъ. Недалеко отъ церкви расположенъ былъ старый *дворъ помѣщиковъ*, деревянныя хоромы, состоявшія изъ трехъ небольшихъ *свѣтлицъ*, собственно избъ, осми-аршинныхъ, соединенныхъ сѣнями. Внутреннее убранство ихъ было просто. Въ переднихъ углахъ иконы, у стѣнъ лавки, печки изъ желтыхъ изразцовъ, въ одной свѣтлицѣ было два окна, въ другой четыре, въ третьей пять; въ окнахъ стекла были еще по старинному въ свинцовыхъ переплетахъ или рамахъ; столы дубовые, четыре кожаныхъ стула, еловая кровать съ периною и подушкою въ пестрединныхъ и выбойчатыхъ наволокахъ и т. п. При свѣтлицахъ была баня, а на дворѣ, огороженномъ рѣшетчатымъ заборомъ, разныя *службы*, поварня, погребъ, ледникъ, анбаръ и житницы съ хозяйскими запасами и пр.

Все это напоминало старинное деревенское житье бояръ. Но простотѣ и незатѣйливости помѣщичьяго двора вовсе не соот-

вѣтствовали двѣ *аранжереи* — заведеніе по тому времени не весьма обыкновенное въ помѣщичьемъ быту. Одна аранжерея тянулась на восемь сажень длины и была четырехъ сажень въ ширину, такъ что равнялась величиною хоромамъ помѣщика. Другая длиною была 4 саж., шириною 2 саж. Одна покрыта тесомъ, другая гонтомъ; окончины были стеклянныя, тридцать шесть въ деревянныхъ переплетахъ и двѣ въ свинцѣ, всѣ съ деревянными ставнями; восемь дверей, въ томъ числѣ двѣ створчатыя; три печи изъ гладкихъ изразцовъ; потолки дощатые, а въ большой и полъ дощатый. Кромѣ того на верху большой аранжереи было *сушило*, а въ сушилѣ хранился разный садовый *заводъ*: 150 простыхъ глиняныхъ горшковъ, 10 парниковыхъ окончинъ въ свинцѣ, 6 виноградныхъ, въ деревянномъ переплетѣ; шпалерныхъ 2 косы желѣзныхъ съ укладомъ, трое ножницъ садовыхъ, 10 заступовъ, трое вилъ навозныхъ желѣзныхъ, три копальницы, скрябокъ—что дороги чистятъ двѣ, и двѣ лейки жестяныя. Въ той же оранжереѣ висѣли стѣнные желѣзные часы.

Въ оранжереяхъ зимовали слѣдующія заморскія деревья и травы.

Деревья: лавровое маленькое одно, лорусъ тинусъ одно, лорусъ цезаріусъ восемь, ноксъ малобарика три, мертусъ четырехлѣтокъ пять, черенковыхъ мертусъ двадцать, алеандеръ одно, купресенъ черенковыхъ шесть, катміа серіака одно, амонумъ плинія двадцать, фиговыхъ большихъ десять, желтаго и бѣлаго ясмину 25, персиковъ 1, гиниста гишпаника семенныхъ 10, колутеа физикаріа семенныхъ же 10, поморанцовыхъ и лимонныхъ прививковъ малыхъ 50, почешныхъ лимоновъ и поморанцовъ сорокъ три горшка и три ящика.

Травы: флосъ пасіонисъ 10, фіоль двойныхъ черенковыхъ 10, фіоль простыхъ 6, размарину 12, гераніумъ индикумъ

12, индѣйскихъ травъ разныхъ сортовъ 200, марховой гвоздики 10.

Около тѣхъ же оранжерей огороженъ малой огородецъ рѣшеткою, а въ немъ на грядахъ посѣяно марховой гвоздики одна грядка, пиковъ гвоздики одна грядка, лихнисъ киренарія одна грядка, катезеръ гвоздики одна грядка, лихнисъ калцедоника одна грядка, изопу одна грядка.

Противъ оранжерей былъ расположенъ садъ длиною 61 саж., шириною 52 саж., огороженный на половину заборомъ а на половину плетнемъ.

Въ саду было посажено деревья: самбукусъ 5, каштановъ 4, шелковицы 18, серенгіи 2, грецкихъ орѣховъ 14, божія дерева маленькая линія, его жъ восемь кустовъ большихъ. Яблоней по мѣстамъ 37, прививковъ яблонныхъ на грядѣ 30, почешныхъ одна гряда, вишенъ простыхъ 10, смородины красной 15 линій; крыжовнику 8 линій, малины двѣ линіи, черной смородины 2 линіи, почешныхъ сливъ 10, бузыни три куста. На грядахъ касатику синяго одна гряда, желтаго касатику одна гряда, ирисовъ разныхъ 32 куста, тюлпановъ одна гряда, калуферу одна гряда, шпанской камышь одна гряда, изопу одна гряда. Въ томъ же саду было и двѣ колоды со пчелами.

За садомъ смотрѣлъ садовый мастеръ Ѳедоръ Тяжеловъ съ помощникомъ и съ четырьмя учениками. Онъ получалъ въ годъ 6 р. 25 к. жалованья, отсыпной хлѣбъ, мяса по 2 фунта на день въ каждый мясоѣдъ, шубу и кафтанъ на два года.

Мы не станемъ говорить о разныхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, которыми было застроено Архангельское. Кромѣ скотнаго и конюшеннаго дворовъ, ткацкихъ избъ, пивоварни и пр. здѣсь была также и пильная мельница.

Но безсомнѣнія старыя дѣдовскія хоромы становились уже тѣсны, да и мало соотвѣтствовали новому быту помѣщиковъ, принявшихъ съ преобразованіемъ европейскіе обычаи и новыя формы жизни. Требовалось другое, болѣе обширное помѣщеніе и потому кн. Дмитрій Михайловичъ застроилъ новыя хоромы, по старинному, изъ брусчатаго сосноваго лѣса, въ длину на 13 саж. слишкомъ, а въ ширину на 6 саж., съ тринадцатью покоями, въ числѣ которыхъ посрединѣ находилась зала съ комлемъ или каминомъ. Внутренняя уборка хоромъ не была окончена можетъ быть за удаленіемъ князя въ Шлиссельбургъ, но должно полагать что она представила бы въ полной мѣрѣ вкусъ и великолѣпіе, съ какимъ украшались тогда деревенскіе помѣщичьи дома. Между прочимъ въ комнатахъ были двѣ печи китайской работы, т. е. изъ китайскихъ изразцовъ, двѣ печи изъ живописныхъ изразцовъ и четыре изъ простыхъ желтыхъ. Для стѣнъ приготовлены были дубовыя рѣзныя панели и нѣсколько штукъ живописныхъ шпалеръ, писанныхъ по холсту разными красками. Противъ хоромъ вновь заведенъ былъ садъ въ длину на 190 саж., въ ширину 150 саж. съ *прешпективыми* дорогами, по которымъ было высажено кленомъ и липою и штамбовымъ деревьемъ. Кромѣ того по *партирамъ* посажено было въ одной половинѣ по мѣстамъ молодыхъ яблоновыхъ деревъ 150, грушь 20; около двухъ партиръ обсажено барбарисомъ. Но устройство этого сада также не было окончено, даже не былъ еще поставленъ рѣшетчатый заборъ изъ пильныхъ брусьевъ.

Другое село, Богородское *), на рѣкѣ Пахрѣ (Подольскаго уѣзда), въ 30 верстахъ отъ Москвы, представляло также много остатковъ стариннаго дѣдовскаго быта. Старыя по-

*) По церкви во имя Казанской Божіей Матери оно называется Богородскимъ-Казанскимъ.

мѣщичьи хоромы заключались въ трехъ свѣтлицахъ пятистѣнныхъ поземныхъ съ сѣнями. На всемъ строеніи деревянная крышка сведена была *епанчою*, т. е. въ видѣ островерхаго зонта. Это одно уже достаточно свидѣтельствовало объ оригинальной старинѣ. Но и здѣсь, также какъ и въ Архангельскомъ, Петровскій человѣкъ не находилъ уже себѣ простора; новыя потребности быта ставили его въ необходимость подлѣ дѣдовскихъ низменныхъ клѣтей строить обширныя палаты. Въ Богородскомъ кн. Дмитрій Михайловичъ развелъ огромный садъ, а въ саду выстроилъ каменныя палаты о двухъ жильяхъ, т. е. этажахъ, на 22 саж. въ длину и на 5 саж. въ ширину. Садъ огородилъ каменною стѣною, а частію деревяннымъ заборомъ; передняя стѣна сада простиралась на 283 саж., задняя на 295, поперегъ въ одномъ концѣ на 95 саж., въ другомъ на 67 саж., въ томъ числѣ каменной стѣны было 444 саж., почти верста. Передняя стѣна была украшена каменными воротами и четырьмя каменными статуями. Кромѣ того въ саду выстроена была каменная квадратная въ 6 саж. палата — родъ павильона, съ погребомъ внизу и съ *чульбищемъ* наверху, о двухъ ярусахъ. Это было нѣчто въ родѣ бесѣдки.

Инжерея была деревянная, 8 саж. длиною и $2^1/_2$ саж. шириною, съ 24 окончинами и 2 печами; въ ней стояли горшки съ разными заморскими травами, цвѣтами и деревьями, а именно: размарину 29 горшковъ, мараяну 13, гвоздики 35, левкою 6, леванды 1, темьяну 26, мерели 2, фиги 3 дерева, лотусу краснаго 9 горшковъ, тростей шпанскихъ 8 горшковъ, руты 5 гор., еранику двухъ плодовъ 15 гор., турецкихъ подсолнешниковъ 3 гор., шалфеи 60 гор., седому 8 гор., алвеи разныхъ плодовъ 58 гор., лимоновъ дикихъ 110 гор., въ

томъ числѣ привитые два помаранца, фіоли желтой 6 гор., календулы 5 гор., китайскихъ деревъ двадцать четыре дерева.

Въ саду: *цвѣтниковъ разныхъ родовъ*: корунъ царскихъ гряда, тюльпановъ 58 грядъ, мохнатой нарчицы 11 грядъ, нарчицы голой 5 грядъ, кисарю 3 гряды, кудрей царскихъ 2 гряды, руты гряда, урукули 3 гряды, ирису двуплодовъ 10 грядъ, драгуну гряда, серебариннику брусничнаго цвѣту 93 куста, піони мохровой по городцамъ 56 кустовъ, піони королькової 210 кустовъ.

Въ саду же росло: въ грядѣ орѣховъ грецкихъ 26 деревъ, шелковыхъ 20 деревъ, вишенъ заморскихъ 100 деревъ, черешни 5 деревъ, сливъ 25 деревъ, каштановъ 5 деревъ, церилныхъ 6 деревъ. Да яблоновыхъ деревъ по мѣстамъ 1588 деревъ, грушь и дуль разныхъ плодовъ 335 деревъ; прививковъ въ грядахъ 1400 деревъ, грушныхъ прививковъ 90.

Кромѣ того плодовыхъ кустовъ: смородины красной и бѣлой 1290 кустовъ, крыжу (крыжовнику) простаго 80 кустовъ, крыжу махнатаго 20 кустовъ, крыжу краснаго 20 кустовъ, банбарису 665 кустовъ. Вообще садъ былъ засаженъ деревьемъ часто и глухо, такъ что смородины, крыжовнику и банбарису съ плодомъ было малое число. Вѣроятно въ это время, за отсутствіемъ хозяина, онъ былъ уже запущенъ.

За садомъ, по оврагамъ, росъ дубовый и осиновый лѣсъ, примѣрно на десяти десятинахъ. Богородское сверхъ того примѣчательно было еще и тѣмъ, что въ немъ, на Пахрѣ стояла *бумажная мельница*, устроенная также кн. Д. М. Голицынымъ.

ОПИСИ ОРАНЖЕРЕЙ И САДОВЪ ПРИ СЛОБОДСКОМЪ ДВОРЦѢ И ВЪ СЕЛѢ ЦАРИЦЫНѢ, 1814—1825 г.

Опись оранжерейнымъ деревьямъ, разнымъ растеніямъ и цвѣтамъ въ Слободскихъ оранжереяхъ и садѣ въ 1815 году.

Померанцевыхъ деревъ большихъ 43, померанцевыхъ молодыхъ 14, померанцевыхъ 110, померанцевыхъ вновь разведенныхъ 126, попельмосовыхъ молодыхъ 5, апельсинныхъ большихъ 6, апельсинныхъ молодыхъ 7, лимонныхъ старыхъ 7, лимонныхъ молодыхъ 14, лимонныхъ молодыхъ же 6, лавровыхъ большихъ 10, персиковыхъ деревъ старыхъ 20, персиковыхъ молодыхъ 224, абрикосныхъ молодыхъ 73, абрикосовыхъ въ большомъ грунтѣ 9, персиковыхъ 13, сливъ въ двухъ грунтахъ 15, въ персиковомъ грунтѣ молодыхъ деревъ 5, абрикосныхъ деревъ въ трехъ грунтахъ 19, вишневыхъ деревъ старыхъ 18, молодыхъ 127, вишневыхъ деревъ въ двухъ грунтахъ 49, вишневой дичи 150, грушевыхъ деревъ большихъ 100, въ горшкахъ 138, грушевыхъ молодыхъ 100, бонкретели крупной 55, яблонныхъ деревъ французскихъ 103, сливныхъ деревъ большихъ 245, миртусовыхъ 3, бужбоновъ молодыхъ 50, вибурновыхъ молодыхъ 20, алатернусовое 1, лаврусъ серазіусъ 2, молодыхъ 20, шелковицъ или молберъ большихъ 5, лаврусъ тинусъ 1, сиреніи минотаріи 59, арболита 2, аливковыхъ деревъ молодыхъ 7, винограду 200, винограду въ грунту 9, ананасныхъ плантовъ 80, ананасныхъ же плантовъ 435, однолѣтнихъ 150, жасмину бѣлаго и желтаго 40, гвоздики двойной и разной 80, каприфоліумъ 14, розону китайскаго молодаго 19, розону злаго центифоліеваго 200. Въ грядахъ: фенинъ руты 10, лиліевъ бѣлыхъ высаженныхъ въ грунту 100,

въ горшкахъ 44, розану желтаго въ грунту 2, земляники мѣсячной 169, земляники мексиканской въ горшкахъ 156, шалфеи разной въ горшкахъ 10, сливной дичи 150, кактусъ перуанусъ 5, пальмы въ горшкахъ 1, кактусъ грандефлерусъ 5, кринумъ американумъ 10, густиція амазота 10, кактусъ флагели формусъ 5, алое спирались 1, амарелисъ формозисима 64, редина 27, роза семпефліоренсъ 1, алое макулато 3, розону мѣсячнаго 77.

Опись вновь разведеннымъ (въ слободскихъ оранжереяхъ) съ 1815 года деревьямъ, растеніямъ и цвѣтамъ и нынѣ на лицо къ 1825 году состоящимъ.

Гранатовое дерево старое 1, отъ него молодыхъ разведено 18, каприсовыхъ деревъ 7, лотусовъ 30, флосъ разпаспонусовъ 17, генестровъ 2, лимонной дичи 400, гортензіи 100, фіоли 400, левкою махроваго 200.

Въ теплицѣ въ грунту въ двухъ палаткахъ малины 30 кустовъ; въ оной же теплицѣ: розовой и черной смородины 30 кустовъ, піоновъ въ горшкахъ 15 кустовъ, жонкиліи въ горшкахъ 20, флоксовъ разныхъ родовъ 20, георгины 30, бульденежу привитаго и кустоваго 67, розоновъ англійскихъ кустовыхъ 240, леандровъ старыхъ и молодыхъ 100, санталины душистой 40, размарину молодыхъ и старыхъ 50, иліотропіумъ 120, урыкулей 65, редисканціи 50, аграстемы 50, каразинумъ 30, акуба японикoвъ 4, кетміи 9, винъ каразеи 40, крымаловъ 20, агапантусовъ 30, цириліи 5, грѣцкой орѣхъ дерево 1, акаціи розовой 2, грушной дичи 200, лавровыхъ деревъ молодыхъ 15, империкумъ 10, волкамеріи 30, алое сухатрина 12.

или флосъ посіонусъ 2, жиловскихъ вишенъ 10, фіоли махровой 60, фіоли простой 30, урыкулей 50, султанчиковъ 10, травы руты 3, шалфею 25, размарину 25, лаврусъ тинусъ 15, бульденежу привитаго на калинѣ 150, лиліевъ бѣлыхъ 240, рододендровъ понтикумъ 2, даисъ катенифаліо 2, гротерія ригенсъ 8, лаумбусъ камфара 1, магнолія грандифлора 2, митросидеросъ цитрина 6, митропленумъ подоса 1, флоксъ овато 3, халеотропіумъ 50, эсприсъ махровой 1, олія фрагрансъ 1, клетра арбореа 1, лихнисъ короната 5, зофора тетрактера 1, зофора макрофила 1, конвонвулюсъ кнеорумъ 1, роза мошкоза 15, роза бургондика 5, пеларгоніумъ эхинатумъ 3, каприфоліи 20. Розоны пурпурея 4, (тоже) марморея 2, (тоже) загвинея 5, ерани 80, примула маргината 13, лихнисъ махровой 6, кальта полустрисъ 3, пуника нана 2, мертусъ макрофила 5, альстромерія перегрина 2, цистусъ ладониферусъ 1, (тоже) лаурифоліусъ 1, (тоже) грандифлора 2, додскатіонъ медіа 2, фуксія лицкондесъ 2, воздушныхъ жесминовъ въ горшкахъ 10, гинка билоба 1, французская зимняя банкротель 10, самбукусъ пестрой 3. *Деревъ* персиковыхъ въ грунтахъ разнаго сорта 20.

Вторая виноградная новая оранжерея длиною на 12 саж. Въ ней посажано винограду разнаго рода деревъ 40. ***Третія ананасная*** длиною на 13 саж. Въ ней: ананасныхъ планковъ большихъ двух-лѣтковъ 150, молодыхъ планковъ 140, выписныхъ англинскихъ разныхъ родовъ двухъ-лѣтковъ 64, молодыхъ 120. Выписныя растенія: акуба японика 2, нерумъ оліандеръ флореплено 10, пасифлора алита 1, штапелія артикулата 4, жесминовъ 30, амарилисъ 4, (тоже) регина 31, (тоже) витата 3, кринумъ азіатикумъ 2, агапантусъ умбелатусъ 13, хемантусъ кокцинеусъ 1, алестрисъ фрагрансъ 2, химерокалисъ кордато флоре альбо 3, нерумъ коронатумъ 60, кактузъ грандифлора 20, цистусъ размаринофоліусъ 1, хибис-

кусъ полустрисъ 2, (тоже) церулео плено 6, ксилофилумъ ангустофоліумъ 1, гарденія флорида 25. Винограду разныхъ родовъ въ грунту 15. *Четвертая виноградная* старая длиною на 12 саж.; въ ней: винограду въ грунтахъ разнаго роду 45, въ горшкахъ 60. *Пятая* длиною на 54 саженяхъ; въ ней: въ 1-й комнатѣ абрикосный грунтъ изъ пяти деревъ 5, въ средней комнатѣ въ грунту молодыхъ сливныхъ деревъ 6, въ задней комнатѣ въ грунту персиковыхъ деревъ 6, левкою разнаго цвѣту махроваго горшковъ 500. *Шестая ранняя* на 54 саженяхъ; въ ней: сливныхъ деревъ въ грунту 12. Клубники шпанской въ горшкахъ 300. *Седьмая боковая* длиною на 22 саженяхъ: въ ней сливныхъ деревъ въ грунту 8. *Осьмая жъ боковая* длиною на 22 саженяхъ: въ ней молодыхъ персиковыхъ деревъ 8, персиковъ въ горшкахъ 560, (тоже) молодыхъ 220, абрикосовъ въ горшкахъ и молодыхъ 98, сливъ въ горшкахъ 400, молодыхъ 70, вишень въ горшкахъ 220, въ грядахъ 250, грушъ въ горшкахъ 1430, въ кадкахъ 38, розану на шиповникѣ разнаго колеру 250, горшечнаго кустоваго 300, привитаго глазками 120. Въ грядахъ кустовъ: розану 550, каштановъ 30, бульденежу 220, сирени англинской 15, (тоже) красной 12, (тоже) бѣлой 90, воздушнаго жесмину 40, бобовнику или дикой персикъ 170. Въ грядахъ кедровъ 65, флоксовъ 10, лилеевъ бѣлыхъ 1, піоновъ 40, лиственницы деревъ 10. Земляники американской горшковъ 115, ананасной 150, мѣсячной 460, дичи сливной 800, вишневой 450. *Грунтовыхъ сараевъ* два, длиною каждый на 22-хъ саженяхъ: въ 1-мъ вишневыхъ деревъ 19, во 2-мъ грунтовыхъ деревъ большихъ 10, молодыхъ 55. Подлѣ трехъ каменныхъ стѣнъ посажено молодыхъ вишневыхъ деревъ 70. *Воздушныхъ садовъ два*: 1-й Старый, въ немъ яблонныхъ деревъ отъ мороза ненадежныхъ 1000; 2-й Молодой, въ немъ яблонныхъ деревъ отъ мороза ненадежныхъ 2000; въ ономъ

же саду крыжовнику росписнаго восемь грядъ длиною сорокъ сажень махроваго грядъ 4, смородины черной англинской 3, красной и розовой 12, брусковой 19, малины англинской красной 2, желтой 2. Сверхъ сего имѣются въ ананасной оранжереѣ вымѣненныя въ Санктпетербургѣ на деревья растенія, а именно: камелія японика красная махровая 1, амарелисъ атрея 5, (тоже) эквестрисъ 7, панкратіумъ гагантеумъ 5. Сверхъ сего имѣется въ старомъ воздушномъ саду въ школахъ грядъ съ разными кустарниками: бамбарису грядъ 4, акаціи пяти лѣтъ 30, тополовъ бальзамическихъ 7, корнусовъ 3, спирей разной 5, татарики 5, неклону 2, потентиллы 1, малины цвѣтной 2, сирени 4, акаціи трехъ лѣтъ 32, бобовнику кустовъ 70, еще молодаго грядъ 4. *Въ молодомъ воздушномъ саду*: акаціи разсадной грядъ короткихъ 29, сквозь всего саду грядъ 6, таковая жъ пяти лѣтъ разсажена 1, крушины короткихъ грядъ 2.

Опись вновь разведеннымъ въ Царицынскихъ оранжереяхъ съ 1814 года деревьямъ растеніямъ и цвѣтамъ, нынѣ къ 1825 году на лицо состоящимъ:

Кедровъ ливанскихъ 2, жесминовъ арапскихъ разнаго роста 5, едера или ифой 5, рускусъ акуніатусъ 8, артельюсовъ 25, каколія клинія 1, хинерикумъ цетрозенумъ 10, вакхедорфія терсифлера 3, сааксифрагра красифолія 10, розоновъ китайскихъ однолистныхъ 8, юка ацироль 3, пликсъ агинфолія 1, латусовъ 2, алвія сухаприна 10, орѣховъ грецкихъ 16, акаціи англинской 9, люнецеры татарики 4, царьградскихъ рожковъ 6, флоксовъ осеннихъ разныхъ 14, вешнихъ разныхъ 100, шелковицъ 2, маку зимующаго 90, потентилумъ 12, спиріи двухъ родовъ 15, шиповнику двуличневаго 7, берескрету кустовъ въ грядахъ 6, пихтовъ въ гря-

дахъ 40, самбуку гряда 1, вишневой дичи молодой гряда 1, земляники ананасной грядъ 2, мексиканской 3, мѣсячной 2, шпанской 10, шиповнику у забору борозда 1, сирени сибирской гряда 1, голандскаго розану гряда 1, вишневой дичи гряда 1, зимующихъ разныхъ цвѣтовъ грядъ 2.

Опись состоящему въ селѣ Царицынѣ аглинскому саду, въ немъ строеніямъ и разнымъ къ нимъ принадлежностямъ, 1825 года.

Примѣчаніе. Г. Свиньинъ, описывая Царицынскій садъ, (въ 1822 г.) замѣчаетъ между прочимъ, что „нѣсколько бесѣдокъ приготовлено въ такомъ видѣ, что пріѣзжающіе сюда для гулянья могутъ располагаться въ нихъ даже нѣкоторымъ хозяйствомъ. При каждой есть особая небольшая кухня. Лучшая изъ бесѣдокъ, *Миловида*, каменная; сквозная арка ее, составляющая залу, украшена довольно хорошими мраморными бюстами. Есть преданіе, что счастливое наименованіе бесѣдки сей Миловидою, дано самою Екатериною. По истинѣ ни откуда не представляются виды миловиднѣе, какъ отсюда. Прочія —*Хижина*, *Езопка* и т. п. названы П. С. Валуевымъ, бывшимъ начальникомъ дворцовъ и садовъ въ Москвѣ. Онъ далъ прозвища даже многимъ дорожкамъ и аллеямъ, напримѣръ: назвавъ глухую аллею *Несторовою* и т. д., Езопка сдѣлана изъ березовыхъ бревенъ съ корою и представляется отъ того весьма красивою (Отеч. Зап. 1822 г. № 30). Извѣстно, что Валуевъ въ лѣтнее время (1801 — 1813 гг.) постоянно жи-

арицынѣ на дачѣ.

Аглинской садъ въ большемъ видѣ съ расположенными въ немъ дорожками:

При входѣ въ оный отъ плотины мостикъ чрезъ канаву съ рѣшетками желѣзными и двумя тумбами дикаго камня, къ колиткѣ, у коей столбы таковаго жъ камня и на верху ихъ шары; двери створчатыя желѣзныя рѣшетчатыя съ засовомъ; по бокамъ оной калитки два дельфина на плитахъ. По обѣ стороны дворца заборы, каждый изъ двухъ звенъ, каменные съ рѣшетками и воротами рѣшетчетыми желѣзными въ готическомъ видѣ. При входѣ на *утреннiю дорожку* чрезъ канаву мостикъ съ поручнями рѣшетчатами деревянными къ калиткѣ, у коей столбы изъ бѣлаго камня; двери створчатыя рѣшетчатыя деревянныя и выкрашены. Отъ поля въ большой березовой прошпектъ вороты, у коихъ столбы большiе каменные, на нихъ вазы съ деревянными полями, внутри съ просвѣтомъ, на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ съ накладкою и пробоемъ желѣзными. Въ концѣ его отъ *храму* по *орѣховской прудокъ* заборъ изъ стоячихъ бревенъ съ дощатыми воротами на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ.

Внутри онаго саду строенiи: 1) *оперной домъ* каменной въ готическомъ видѣ, въ коемъ печей изъ поливныхъ изразцевъ большихъ 6, небольшихъ 4, на коемъ бывшая деревянная крыша отъ ветхости упала. 2) фигурные вороты каменные на коихъ вазъ четыре, собакъ двѣ, купидоновъ два. 3) *Галлерея Миловида* каменная съ наддѣлкою въ верху деревянною оштукатуренною, крытая желѣзомъ; на верху ея статуевъ три, бюстовъ четыре, вазъ двѣ, свинксовъ два, у крыльца дельфиновъ два; внутри ея колонъ большихъ шестнадцать, небольшихъ восемь, оштукатуренныхъ по дереву; по бокамъ по двѣ комнаты съ дубовыми створчатыми дверями съ задвижками, и въ каждой по два окошка съ желузями подъ

краскою; въ срединѣ ея на четырехъ тумбахъ бѣлаго камня большія бюсты бѣлаго мрамора на таковыхъ же шелестальхъ. Въ вышеозначенной галлереи *Миловидъ* ступьевъ съ точеными ножками подъ краскою съ плетеными сидѣньями изъ веревокъ, покрытыя желтою краскою 18: таковыхъ же подъ дикою краскою съ сидѣньями плетеными изъ конопли 8; столовъ дубовыхъ большихъ складныхъ три. 4) Отъ оной галлереи въ глухомъ березовомъ большомъ прошпектѣ бревенчатой *амшеникъ*, крытой тесомъ на одинъ скатъ, подъ краскою, впереди его щитъ изъ тесу, на которомъ живописный ландшафтъ. 5) *Руина* изъ разнаго камня, внизу убрана разнаго цвѣту мохомъ и на столбѣ деревянномъ дикаго камня круглой столъ. 6) Противъ ея внизу внутри горы *ниша* изъ гротескаго камня, у которой сводъ убранъ цвѣтными раковинами. 7) *Галлерея Перастанкина* каменная о четырехъ колоннахъ бѣлаго камня, съ двумя окошками, въ нихъ желуза подъ краскою; крытая тесомъ, а куполъ желѣзной; у передней стѣны въ двухъ впадинахъ по статуѣ и двѣ вазы бѣлаго камня точеныя; въ ней столовъ деревянныхъ круглыхъ подъ краскою два; скамьевъ рѣшетчатыхъ съ задками полукруглыхъ составныхъ подъ краскою 2; креселъ рѣшетчетыхъ подъ краскою 8. Не подалеку отъ нея *очагъ* съ крышкою изъ тесу, въ коемъ прогоновъ желѣзныхъ два. 8) *Храмъ Цереры* о осьми колонахъ бѣлаго камня, на коемъ куполъ крытой желѣзомъ съ такимъ же болюстратомъ подъ краскою; въ срединѣ онаго снопъ жестяной раскрашенъ, колосья и протчія мѣста вызолочены; внутри онаго площадка и двѣ ступени бѣлаго камня; по срединѣ онаго на тумбѣ дикаго камня статуя одна. Противъ онаго у подсадки статуя бѣлаго камня, во кругъ коей деревянная рѣшетка. 9) Въ сторонѣ большаго березоваго прошпекта *избушка* изъ березоваго лѣсу, крытая тесомъ подъ краскою на фундаментѣ съ двумя каменными крыльцами, у коей пять

окошекъ съ дубовыми рамами и стеклами; внутри коей сѣни и три комнаты, изъ коихъ въ одной очагъ, въ немъ два желѣзныхъ прогона и скамья деревянная; въ большой комнатѣ столъ складной большой липовой; скамьевъ рѣшетчетыхъ вѣтхихъ 2, дверей дубовыхъ створчетыхъ глухихъ 3. Изъ сѣней лѣстница въ свѣтелку деревянная подшита тесомъ; при входѣ въ свѣтелку дверь дубовая съ просвѣтомъ и таковаяжъ на балконѣ со стеклами. Предъ сей избушкой столъ изъ тесу и двѣ скамейки дощатые подъ краскою; впереди заборчикъ стойнячкомъ бревенчатый и таковая жъ калитка, выкрашенные; предъ входомъ, къ ней мостикъ деревянный съ поручнями изъ дубовыхъ сучьевъ. 10) Между сего прошпекта и галлереи Миловиды *хижина* изъ березоваго лѣсу, крытая тесомъ подъ краскою, у коей дверей наружныхъ дубовыхъ съ просвѣтомъ и стеклами двѣ, и двѣ глухихъ дубовыя выкрашенныя; окошекъ съ дубовыми рамами и стеклами 4; внутри ея три комнаты и четвертая кухня; въ ней очагъ, въ коемъ два желѣзныя прогона; при входѣ въ свѣтелку на столбѣ дикаго камня круглый столъ; въ свѣтелкѣ дверей дубовыхъ глухихъ три, а на балконъ въ полукруглой рамѣ дверь со стеклами; у оной хижины въ фронтонѣ трехъ угольная рама съ проволочною рѣшеткою; противъ сей хижины между *кургановъ* статуя бѣлаго камня. 11) Неподалеку отъ *руины* деревянная кухня, обшитая и крытая тесомъ, у коей стѣны и крыша выкрашены; съ каменнымъ крыльцемъ, дубовою дверью съ щеколдою; внутри ея очагъ съ двумя желѣзными прогонами; лавка и полки дощатые, два окошка съ дубовыми рамами и стеклами. 12) На утренней дорожкѣ *бесѣдка* изъ тесу ветхая. Въ *курганахъ* статуя бѣлаго камня одна и противъ бѣлагожъ камня точеная урна одна. Подходя къ мостикамъ отъ галлереи *Нерастанкиной* чрезъ большой оврагъ въ лѣвой сторонѣ на тумбѣ статуя одна. Въ липовой алеи внутри четырехъ ротондовъ столовъ овальныхъ 8, скаме-

екъ съ рѣшетчетыми задками 8. Въ длину всего прешпекта по обѣ стороны рѣшеточка изъ тесу съ точеными столбиками подъ краскою. 13) Чрезъ большой оврагъ три каменные моста, изъ коихъ у большаго перапетъ изъ гротескаго камня, а у двухъ тумбы изъ цѣльнаго бѣлаго камня, въ томъ числѣ у одного круглыя съ шариками на верху съ деревянными рѣшетками, выкрышенными краскою. 14) По *береговой дорожкѣ* три каменные мостика съ перапетами изъ гротескаго камня. 15) На *глухой дорожкѣ* нишь каменная съ гротескимъ и протчими каменьями; на верху и кругомъ осажена разными деревьями и кустарниками, внутри коей статуя на тумбѣ за рѣшеткою деревянною. 16) Проходя ея чрезъ оврагъ —каменной мостъ съ перапетомъ гротескаго камня. 17) На береговой дорогѣ внутри горы *пещеры*, въ коихъ двѣ ниши открытыя, изъ коихъ одна при входѣ убрана кореньями, въ ней статуя на тумбѣ съ деревянною рѣшеткою. Другая выкладена каменьями разными. Выходовъ три, два темныхъ, въ коихъ стѣны и верхъ убраны бѣлымъ мохомъ, а у третьяго стѣны выкладены камнемъ; подлѣ онаго *шелашъ* крытой осокой, внутри убранъ бѣлымъ мохомъ, съ окномъ и въ немъ рама дубовая со стеклами, на площадкѣ столъ и скамьи деревянныя выкрашенныя двѣ. 18) На сей же дорогѣ *пристань* дикаго камня съ поручнями на коей вазъ двѣ, львовъ два, и двѣ деревянные скамьи подъ краскою. 19) Противъ онаго ветхая деревянная бесѣдка. 20) А противъ сей на горѣ шатеръ съ деревянною крышкою подъ краскою, внутри столъ и двѣ скамьи. На газонѣ подъ большими двумя липами и дубомъ столъ и скамья деревянные подъ краскою.

На другую сторону за аглинскимъ прудомъ, перешедъ Орѣховскую плотину, на лѣво: 21) Чрезъ оврагъ мостъ бѣлаго камня съ тумбами. 22) Проходя его къ лѣсу между валу

у коей два столба цѣльные бѣлаго камня, а впереди

ихъ чрезъ канаву каменной мостикъ. 23) Отъ оной калитки въ гору противъ караульной избушки вороты, у коихъ столбы бѣлаго камня. 24) Идучи отъ Орѣховской плотины, на право по береговой дорожкѣ въ лѣвой рукѣ сарай бревенчатой съ двумя воротами дощатыми на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ, крытый тесомъ, подъ краскою; впереди его щитъ изъ тесу, на которомъ живописной ланшафтъ. 25) Противъ *Лешавой* (sic) дороги чрезъ протокъ мостъ каменной съ перапетомъ гротескаго камня. 26) Въ концѣ оной дороги бесѣдка изъ корней, внутри коей потолокъ и стѣны обиты разноцвѣтнымъ мохомъ; въ ней два стола и скамьи обиты берестой, а назадъ дверь, къ верху съ рамою желуза. 27) Идучи по береговой дорогѣ на холму галлерея каменная съ гротескимъ камнемъ и двумя колонами съ фронтономъ бѣлаго камня, крытая желѣзомъ и выкрашена внутри, работою неконченная. 28) Проходя отъ нее чрезъ оврагъ каменной мостъ. 29) Перешедъ *Лазареву плотину* въ лѣво *Турецкая палатка* изъ тесу, выкрашенная разными красками, внутри потолокъ подбитъ разноцвѣтною бумажною матеріею; въ ней вокругъ столба столъ деревянной и восемь скамеекъ подъ краскою. 30) Не подалеку отъ нея на лугу сарай бревенчатой, впереди коего восемь дубовыхъ столбовъ, крытый соломой съ двумя деревянными воротами на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ.

Внутри онаго саду на большомъ газонѣ овальныхъ клумбъ съ разными цвѣтами и вокругъ ихъ рѣшетками подъ краскою тринадцать. По дорожкамъ для сидѣнія скамеекъ дощатыхъ на столбахъ двадцать шесть. 31) На островахъ аглинскаго пруда, на одномъ, противъ галлереи *Нерастанкиной*, арка каменная, вокругъ коея разныя деревья и гора убрана бѣлымъ камнемъ; на другомъ противъ Миловиды круглый птичникъ съ проволочною рѣшеткою, крытый желѣзомъ подъ краскою. 32) Вокругъ берега онаго пруда и островов пристаней, кромѣ

[illegible] [illegible] [illegible] [

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ МОСКВѢ

СЪ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Очеркъ внѣшняго устройства Москвы въ половинѣ XVIII столѣтія. Старина, сохранявшаяся въ народномъ быту. Народныя гулянья, увеселенія и зрѣлища. Хроника зрѣлищъ и пріѣздовъ иностранныхъ штукмейстеровъ, эквилибристовъ, балансеровъ, позитурныхъ мастеровъ, комедіантовъ и проч.

Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Москвѣ многое еще напоминало времена царя Алексѣя Михаиловича. Старина сохранялась не только во внѣшнемъ устройствѣ города, но и въ общественномъ и семейномъ быту москвичей, въ образѣ ихъ жизни и привычкахъ. Самыя преобразованія Петра Великаго, какъ ни были они дѣятельны въ отношеніи Москвы, особенно въ началѣ, не могли, однакожь, слишкомъ измѣнить ея древнюю физіономію. Москва почти триста лѣтъ жила самостоятельною своею жизнью, собрала всю Русь въ одно цѣлое, „рядила и судила“ всю землю, трудомъ и потомъ выработала себѣ извѣстныя формы и успѣла окрѣпнуть въ нихъ, усвоивъ себѣ названіе „первопрестольнаго царствующаго великаго

града". Линіи, по которымъ она застроилась, проведены были не цѣпью или циркулемъ, а самою жизнью, свободно и привольно. Поэтому желаніе Петра В. придать древней своей столицѣ европейскую внѣшность встрѣчало здѣсь препятствія почти на каждомъ шагу....

Если въ сравненіи съ Петербургомъ она и теперь представляетъ много своеобразнаго, привольнаго, даже сельскаго, то легко вообразить, что́ было за сто лѣтъ назадъ. Это былъ городъ по преимуществу „деревенскій", городъ, въ которомъ не только самая большая часть домовъ, но даже и многія мостовыя были еще деревянныя. Улицы были неправильны, гдѣ слишкомъ широки, такъ что походили на площадь, гдѣ слишкомъ узкія, такъ что трудно было разъѣхаться. Было много также *тупиковъ*, т. е. переулковъ, которые преграждались строеніями. Значительнѣйшая часть домовъ состояла изъ обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ, большихъ и малыхъ, которыя не только не были ничѣмъ окрашены, но нерѣдко были *курныя*, *черныя*, или съ деревянными трубами, крытыя тесомъ и дранью, а въ ямскихъ слободахъ и вообще на краю города — даже соломою, что̀ строго запрещено было только въ 1753 году *). Подъ окнами такихъ домиковъ и избъ почти всегда можно было найти *завалинку* или *лавочку*, которыя занимали не послѣднее мѣсто въ общественномъ быту москвичей низшаго разряда. По праздникамъ они выходили обыкновенно погулять за ворота „на улицу", сидѣли и то̀лковали съ сосѣдями на завалинкахъ, грызли орѣхи, смотрѣли на проходящихъ и такимъ образомъ довольно пріятно проводили время. По многимъ далекимъ мѣстамъ Москвы все это сохраняется и теперь. Такіе домики и избы выходили обыкновенно на улицу, какъ въ деревняхъ, и стояли въ иныхъ мѣстахъ до-

*) Полн. Собр. Зак. № 10,096.

вольно тѣсно; напротивъ того, всѣ болѣе или менѣе значительныя постройки, т. е. дома зажиточныхъ и богатыхъ людей, прятались въ глубинѣ дворовъ, такъ что по инымъ улицамъ тянулись безконечные заборы, прерываемые изрѣдка воротами, которые сохраняли еще свою древнюю архитектуру, т. е. были покрыты небольшими двускатными кровлями, подъ которыми, на воротахъ, почти всегда можно было встрѣтить небольшую икону или мѣдный крестъ. Массу строеній раздѣляли иногда огромныя пустыя пространства, занятыя садами, огородами, пустырями, лугами, прудами и т. п.; все это огораживалось иногда просто кольями и даже плетнемъ, а иныя мѣста и вовсе оставались безъ городьбы, такъ что иногда надобно было принимать довольно крутыя мѣры, чтобы заставить владѣльцевъ загородить свои земли: такія мѣста отписывались въ казну. Въ другихъ мѣстахъ даже въ срединѣ города по всему теченію Неглинной, гдѣ теперь Трубный бульваръ, Кузнецкій мостъ, прекрасная Театральная площадь и Кремлевскій садъ, существовали еще „великія", почти непроходимыя грязи и болота, всегда наполненныя соромъ, всякимъ пометомъ и нечистотою. Тоже должно сказать о рвахъ подлѣ Кремля и о мѣстностяхъ подлѣ стѣнъ Китая-города. Все это помнятъ даже и теперь многіе старожилы, жившіе въ Москвѣ до двѣнадцатаго года. На самыхъ улицахъ, особенно въ отдаленныхъ частяхъ города, стояли вѣчныя лужи, гдѣ постоянно жили гуси и утки и вообще домашнія животныя. Однѣ только большія *проѣзжія* улицы были вымощены камнемъ, многія были мощены еще по старому бревнами или фашинникомъ, а бо̀льшая часть оставалась вовсе немощеною. Вообще грязь московскихъ улицъ, превращаясь отъ времени въ тучный черноземъ, еще въ XVII ст. составляла отличное удобреніе для садовъ; въ царскіе сады того времени каждый годъ возили съ мостовыхъ удобреніе по нѣскольку

сотъ возовъ. Нужно много читать указовъ и разнаго рода постановленій по этому предмету, чтобы вполнѣ повѣрить, какихъ усилій и постоянныхъ заботъ стòило правительству содержать возможную чистоту въ городѣ. Все это взятое вмѣстѣ дѣйствительно представляло довольно живописную сельскую картину, которая вообще очень мало напоминала то, въ чемъ мы привыкли узнавать городъ. Мы не говорили еще о каменныхъ зданіяхъ; но за исключеніемъ церквей, и то не всѣхъ, потому что было еще нѣсколько и деревянныхъ, и за исключеніемъ городовыхъ стѣнъ съ башнями, каменныхъ построекъ въ эту эпоху было вообще очень немного. Всѣ онѣ принадлежали или казнѣ, или знатнымъ и богатымъ лицамъ и стояли обыкновенно въ глубинѣ широкихъ дворовъ, подъ которыми бывало нерѣдко отъ 1 до 5 десятинъ земли, занятой „службами", садомъ и разными другими принадлежностями широкаго барскаго житья. Дома эти въ отношеніи къ окружавшимъ ихъ мелкимъ *поземнымъ* деревяннымъ постройкамъ дѣлали видъ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбъ среди сельскаго населенія, такъ что въ этомъ случаѣ Москва представляла нѣсколько сплошныхъ селъ и деревень. И дѣйствительно, даже по оффиціальному свидѣтельству „Описанія Моровой Язвы 1770 — 1772 года", въ Москвѣ въ то время было „много такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностію, великимъ и лишнимъ числомъ служителей составляли не домъ въ городѣ приличный, но *цѣлое селеніе*, по разному ремеслу и званію людей собственное мѣщанское общество составляющее; или такой домъ, который только въ однихъ деревняхъ обширностію своею и многолюдствомъ общей тягости не дѣлаетъ" [1]). Подтвержденіемъ

---

[1]) Описаніе Моровой Язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ, стр. VI.

такому по преимуществу деревенскому характеру старинныхъ московскихъ построекъ можетъ служить и число домовъ въ Москвѣ, взятое за разное время. Такъ на одномъ и томъ же пространствѣ въ 1701 году частнымъ лицамъ принадлежало 16,357 дворовъ; до моровой язвы, т. е. въ 1770 году, было 12,538 дворовъ, а предъ нашествіемъ непріятеля въ 1812 году только 9,158. Ясно, что цыфра эта увеличивалась отъ мелкихъ деревянныхъ построекъ, избъ и клѣтей, потому что пустыхъ, незастроенныхъ мѣстъ въ послѣднее время было еще меньше, нежели въ началѣ XVIII столѣтія.

Имя города Москвѣ давали только каменныя стѣны вокругъ Кремля, Китая и Бѣлаго города; послѣднія въ эту эпоху уже разрушались, а теперь на ихъ мѣстѣ разведены бульвары. Земляной городъ, т. е. *валъ*, насыпанный еще при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, также въ это время во многихъ мѣстахъ осыпался почти въ уровень съ улицами. Въ замѣнъ его Москва сначала была обнесена, въ 1731 году, *надолбами*, т. е. бревенчатымъ заборомъ, а потомъ въ 1742 году землянымъ же валомъ, не для безопасности жителей, а собственно для прекращенія ввоза корчемнаго вина и сохраненія интересовъ тогдашнихъ *компанейщиковъ*, или откупщиковъ, такъ что и самый валъ, хотя и построенный отъ Камеръ-Коллегіи, въ народѣ назывался бо̀льшею частію *Компанейскимъ*, а позднѣе Камеръ-Коллежскимъ.

Въ полицейскомъ отношеніи Москва прежде раздѣлялась на 12 командъ, а въ послѣдствіи на 14 частей. Каждая команда дѣлилась также на сотни, по числу дворовъ; каждая сотня—на десятки. Охраненіе безопасности и вообще наблюденіе порядка лежало на самихъ обывателяхъ, изъ которыхъ сотскіе и десятскіе отвѣчали за всѣ безпорядки въ ихъ сотняхъ и десяткахъ. На ночь по концамъ большихъ улицъ

Москва запиралась *рогатками*, у которыхъ сторожами были также обыватели, по очереди изъ каждаго дома. *Рогатки* были тоже, что́ и рѣшотки въ XVII столѣтіи и точно также затворялись и отворялись, когда пробивалъ набатъ на городскихъ башняхъ, означавшій „указные" часы для городской дѣятельности. Вечеромъ рогатки запирались въ 10 часовъ, а утромъ отворялись за часъ до свѣта. Сторожа при рогаткахъ стояли иные съ оружіемъ, но бо́льшая часть съ палками, или „грановитыми дубинами", и въ опасныхъ случаяхъ били въ *трещотки*. На этотъ трещеточный бой тутошніе жители всѣ должны были собираться на помогу. Трещотки во время пожаровъ памятны еще московскимъ старожиламъ.

Кромѣ того о пожарахъ давалось знать общимъ набатомъ на всѣхъ колокольняхъ. Когда горѣлъ въ 1753 году Головинскій дворецъ, то, по свидѣтельству Нащокина, „при томъ прискорбномъ и весьма сожалительномъ состояніи, ужасный во всѣхъ церквахъ Москвы былъ тревожный въ колокола звонъ, какъ обыкновенно бьютъ въ набатъ" [1]). Пожары наблюдала полиція изъ *лантерновъ*, или небольшихъ башенокъ, которыя устроивались надъ мезонинами *съѣзжихъ* дворовъ. Лѣтомъ, для безопасности отъ пожаровъ, всѣмъ обывателямъ, гдѣ были деревянныя постройки, запрещалось топить, для чего и самыя печи полиція запечатывала, т. е. къ печнымъ устьямъ привѣшивала восковыя печати и по временамъ осматривала ихъ. Топить, конечно, было нельзя, потому что печать тотчасъ бы растаяла.

Въ глухія ночи Москва освѣщалась фонарями, но только по самымъ большимъ улицамъ. Фонари въ первый разъ зажжены были осенью въ 1730 году, по случаю присутствія въ Москвѣ Двора; тогда велѣно было „для зимнихъ ночей" по

---

[1]) Записки В. А. Нащокина, изд. Языковымъ.

большимъ улицамъ поставить стеклянные или слюдяные фонари на столбахъ, одинъ отъ другого по 10 саженъ, всѣ въ одну мѣру, линейно, и отдать для содержанія обывателямъ, которые обязывались зажигать ихъ, впрочемъ, въ тѣ только ночи, когда будетъ приказъ чрезъ полицію отъ Императорскаго Двора. Тѣмъ обывателямъ, у которыхъ дома выходили на улицу, дозволялось вмѣсто фонарей ставить на окнахъ свѣчи, по три и по четыре, смотря по числу оконъ, и, однакожь, не меньше двухъ. Фонари и свѣчи должны были горѣть до окончанія полуночи. Такимъ образомъ освѣщеніе московскихъ улицъ началось случайно, отъ присутствія въ столицѣ Императорскаго Двора, и нисколько не было настоятельною потребностію самихъ жителей; по старинѣ, всякій изъ нихъ ходилъ, если хотѣлъ, съ своимъ собственнымъ фонаремъ и обыкновенно самъ себѣ освѣщалъ дорогу. Ночью безъ фонаря даже никого не пропускали чрезъ уличныя рогатки, и ходить съ фонарями запрещалось только лѣтомъ съ мая по августъ, для безопасности отъ пожаровъ [1]). Употребленіе такихъ домашнихъ фонарей оставалось и послѣ долгое время, потому что общественные фонари, какъ мы сказали, стояли только по самымъ значительнымъ улицамъ. Въ 1766 году число фонарей на столбахъ простиралось до 600; столбы были выкрашены синею и бѣлою краскою [2]). Въ 1782 году фонарей было уже 3,500, а въ 1800 г. къ этому числу прибавлено еще 3,059, что́ и составляло 6,559.

Вообще потребности москвичей въ это время были такъ еще просты и неприхотливы, что, напримѣръ, и самые извощичьи экипажи лѣтомъ состояли въ однихъ только *роспускахъ*, или *волочкахъ*, въ родѣ ломовыхъ дрогъ, съ фарту-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6778. Указъ 1735 года.

[2]) Моск. Вѣд. 1766, № 103.

ками для завѣшиванія ногъ отъ грязи. Уже послѣ изъ такихъ дрогъ образовались постепенно теперешнія дрожки. Зимою санки были также самаго первоначальнаго древняго устройства, что̀ можно видѣть даже на рисункахъ того времени *). Кромѣ этихъ волочковъ и санокъ, ни кареты и никакого порядочнаго экипажа нельзя было добыть для найма во всемъ городѣ.

Въ такомъ видѣ была Москва въ половинѣ XVIII столѣтія. Между тѣмъ извѣстно, съ какою энергическою дѣятельностію занимался ея устройствомъ Петръ Великій. Если читать одни его указы по этому предмету, то легко можно усомниться во многомъ, что̀ было сказано нами выше. Но дѣло въ томъ, что не всѣ постановленія въ этомъ случаѣ были надлежащимъ образомъ выполняемы. Это мы сейчасъ увидимъ.

Побывавъ за границей въ лучшихъ городахъ Европы, въ Парижѣ, Лондонѣ, Амстердамѣ и проч., и видѣвъ тамошнее городское устройство, Петръ Великій, любившій всякое пріобрѣтенное знаніе прикладывать къ дѣлу, не могъ не обратить особеннаго дѣятельнаго вниманія и на Москву. Притомъ частые пожары и безъ того внушали мысль о новомъ, возможно лучшемъ устройствѣ города. Вскорѣ по возвращеніи изъ за границы въ началѣ 1701 года, послѣ пожара, Петръ Великій повелѣлъ на погорѣлыхъ мѣстахъ строить богатымъ людямъ каменные домы, а недостаточнымъ — мазанки, и потомъ съ 1704 года, каждый годъ, по городскимъ воротамъ Москвы объявлялись съ барабаннымъ боемъ и прибивались на листахъ новые указы о томъ, чтобы „деревяннаго строенія отнюдь не строить, а строить не отмѣнно каменные домы, или по крайней мѣрѣ мазанки; и строиться не среди дворовъ, какъ было встарину, а линейно по улицамъ и переулкамъ

*) Виды Москвы, изд. въ 1799 году московскимъ купцемъ Валеронъ.

для высокаго Его Царскаго Величества интереса и лучшаго въ томъ способа и противъ строеній другихъ Европейскихъ Государствъ *). Кромѣ того, всѣ постройки должны были производиться съ дозволенія полиціи и по чертежу архитектора. Въ концѣ указовъ предлагались всегда сильныя побудительныя мѣры къ ихъ точному, безотлагательному выполненію, именно: отнятіе мѣста и всего строенія у тѣхъ, кто не хотѣлъ или не въ силахъ былъ выстроить каменное, въ назначенныхъ мѣстахъ, и отдача этихъ мѣстъ людямъ, имѣвшимъ возможность строиться съ точнымъ исполненіемъ указовъ. При всемъ томъ къ улучшенію устройства Москвы представлялись непреодолимыя препятствія, какъ мы уже замѣтили: требовалось по новому плану и по новымъ образцамъ перестроить всю Москву, а для этого нужны были капиталы, которые могли тотчасъ же возрасти до невѣроятныхъ цыфръ, при общемъ недостаткѣ нужныхъ матеріяловъ и рабочихъ. Имѣя это въ виду, Петръ Великій повелѣлъ обстроивать каменными зданіями сначала одинъ только Китай-городъ, допуская въ Бѣломъ, а тѣмъ болѣе въ Земляномъ городѣ, мазанки и вообще деревянныя постройки. Рѣзкимъ примѣромъ безуспѣшности многихъ мѣръ по устройству Москвы можетъ служить каменная мостовая, исторія которой весьма любопытна и достопамятна.

Еще въ 1692 г. велѣно было мостить улицы камнемъ. Потомъ, въ 1705 г., Петръ Великій издалъ указъ, которымъ повинность мостить камнемъ московскія улицы разложена была на все государство. Сборъ дикаго камня распредѣленъ былъ по всей землѣ: съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и со всѣхъ вотчинъ служилаго сословія, по числу крестьянскихъ дворовъ, съ десяти дворовъ одинъ камень,

*) Полн. Собр. Зак., № 2548.

мѣрою въ аршинъ, съ другого десятка — въ четверть, съ третьяго — два камня по полу-аршину, наконецъ съ четвертаго десятка крестьянскихъ дворовъ, мелкаго камня, чтобъ не было меньше гусинаго яйца, мѣрою — квадратный аршинъ. Съ гостей и вообще торговыхъ людей эта повинность разложена была по ихъ промысламъ.

Сверхъ того, всѣ крестьяне, въ извозѣ или такъ пріѣзжавшіе въ Москву, должны были въ городскихъ воротахъ представлять по три камня ручныхъ, но чтобъ меньше гусинаго яйца не было. Долго ли сбирался такимъ образомъ камень, неизвѣстно; но, несмотря на то, въ половинѣ XVIII столѣтія, т. е. спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого указа, каменныя мостовыя въ Москвѣ были только по самымъ большимъ *проѣзжимъ* улицамъ, деревянныя же сохранялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до французовъ, не говоря уже о многихъ отдаленныхъ переулкахъ. Кромѣ того новому устройству Москвы подъ конецъ помѣшалъ и Петербургъ. Въ 1714 г. запрещено было каменное строеніе во всей Имперіи для того, что въ Санктпетербургѣ „каменное строеніе зѣло медленно строится и каменщиковъ и прочихъ художниковъ того дѣла достать трудно и за довольную цѣну.“ Запрещеніе это продолжалось до 1728 года. Наконецъ въ томъ же году, при Петрѣ II, указомъ апрѣля 10, московскіе обыватели были совершенно освобождены отъ предшествовавшихъ по сему предмету постановленій. Дозволены были строенія, какія кто похочетъ, каменныя и деревянныя, не требуя ни дозволенія отъ полиціи, ни рисунковъ отъ архитектора, и не только въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ, но даже въ Китаѣ и въ самомъ Кремлѣ. Крыть позволялось гонтомъ или тесомъ, а въ Земляномъ городѣ и за городомъ—даже драныо, но только безъ *скалы*, т. е. бересты, для бо̀льшей безопасности отъ пожаровъ. Въ избахъ запрещены были только *волоковыя окна*;

впрочемъ, строить избы дозволялось кому какія удобны. Дворовую городьбу въ городѣ можно было дѣлать заборомъ, рѣшеткою, тыномъ, кромѣ кольевъ и плетней, которые оставлялись на волю только за Землянымъ городомъ, въ слободахъ. А въ заключеніе велѣно было возвратить прежнимъ владѣльцамъ и тѣ дворовыя мѣста, которыя были отняты у нихъ, затѣмъ, „что каменнаго строенія не дѣлали". Такимъ образомъ, мѣры Петра Великаго подъ конецъ были совершенно ослаблены и Москва по прежнему стала обстроиваться съ полною свободою, выступая на средину улицъ или прячась въ глубинѣ дворовъ, застроивая площади и даже самый городской валъ, и предпочитая вообще деревянныя постройки каменнымъ. Въ 1763 году, при учрежденіи коммиссіи о лучшемъ устройствѣ Петербурга, опять обращено было вниманіе на Москву, причемъ замѣчено, что „по древности строенія своего она и по нынѣ въ надлежащій порядокъ не пришла и отъ того безпорядочнаго и тѣснаго деревяннаго строенія, отъ частыхъ пожаровъ въ бо́льшее раззореніе живущихъ вводитъ" *). Но, несмотря ни на какія заботы и старанія правительства, древняя столица оставалась почти въ прежнемъ положеніи до знаменитаго двѣнадцатаго года, когда общій, страшный пожаръ совершенно истребилъ самую большую ея часть и преимущественно деревянныя постройки; изъ 9,158 домовъ уцѣлѣло только 2,626, и то бо́льшею частію въ предмѣстіяхъ города. Послѣ этого страшнаго событія начинается новая эпоха въ устройствѣ Москвы.... „Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью" — хотя въ этомъ случаѣ, конечно, очень много способствовали уже иныя потребности самого общества и иная дѣятельность правительства, потому что были и прежде частые и страшные пожары, напримѣръ,

*) Моск. Вѣд. 1763 г.

въ 1737 году, послѣ которыхъ въ устройствѣ города все оставалось по прежнему.

Сохраняя еще много старины во внѣшнемъ устройствѣ, какъ можно было замѣтить изъ предъидущаго, Москва половины XVIII столѣтія тѣмъ самымъ доказывала, что въ ней сильна еще была старина и въ общественномъ и частномъ быту москвичей, въ домашней ихъ жизни, которая въ массѣ почти не измѣнилась въ теченіе пятидесяти лѣтъ, т. е. со времени преобразованія. Домашній бытъ русскаго общества нелегко и нескоро принималъ въ себя нововведенія, тѣмъ болѣе, что преобразованіе дѣйствовало только въ кругу служащаго сословія, на которое болѣе всего и распространялись указы Петра Великаго. Притомъ нововведенія по преимуществу касались внѣшности, формы, которая и была принята довольно скоро. Русскій человѣкъ сбрилъ бороду, надѣлъ нѣмецкій кафтанъ, принялъ всю внѣшность европейца; но это сдѣлать было легко, по крайней мѣрѣ не въ примѣръ легче того, чтобъ измѣнить прежній образъ жизни, прежніе привычки и вкусы, которые оставались въ полной силѣ. Мы говоримъ о массѣ. Само собою разумѣется, что высшій кругъ общества въ это время, т. е. при императрицѣ Елисаветѣ, стоялъ совершенно на европейской и притомъ на французской ногѣ. Вся блестящая обстановка жизни французскаго общества была здѣсь усвоена въ такой степени, что ни мало не уступала своему первообразу. Придворные балы временъ Елисаветы Петровны славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ бо́льшею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи [1]). Французскія моды, французскій

---

[1]) Русская Старина, на 1825 годъ. Спб.

вкусъ и въ отношеніи нравовъ и во внѣшней обстановкѣ тогдашней общественной жизни господствовали во всей силѣ и съ каждымъ днемъ измѣняли русскаго человѣка.

„Мы сперва были просты — говорятъ тогдашніе сатирики нравовъ, нападая, разумѣется, на злоупотребленія французской образованности — были просты, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ Французовъ, которые завели у насъ *петиметровъ*, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперьва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ же сего мы пудримся и опрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лучше ли мы нашихъ прадѣдовъ? Конечно всякой бы глубокомыслящій человѣкъ, и самъ бы Аристотъ удивился нашему превращенію. Я думаю, что не легко было господамъ Французамъ передѣлать насъ на свой образецъ: мы много походили на грубыхъ древнихъ Римлянъ и почитали Катоновы добродѣтели. Но славу Богу для нашего счастья они свое дѣло окончили, и можемъ сказать безъ хвастовства, что мы имъ ни въ чемъ не уступаемъ. Вѣрно, мы превосходимъ всѣхъ людей на свѣтѣ, и такихъ совершенныхъ, каковы мы и наши учители Французы еще свѣтъ не производилъ, да сомнительно, чтобъ и впредь могъ произвесть“ [1]).

Но какъ бы то ни было, современники этой эпохи могли весьма справедливо говорить, что

Великій Петръ къ намъ ввелъ *науки*,
А дщерь его ввела къ намъ *вкусъ*....

Подобно тому, какъ стихотворцы же писали о Екатеринѣ II:

---

[1]) Смѣсь, еженедѣльное изданіе 1769 года.

Петръ далъ вамъ бытіе, Екатерина душу [1]).

Дѣйствительно, направленіе, данное Петромъ В. нашему общежитію, было по преимуществу практическое, серьёзное нѣмецкое и голландское. Государь часто говаривалъ, напр., что „голландскій языкъ потребенъ намъ на морѣ, а нѣмецкій на сухомъ пути; французскій же совсѣмъ не нуженъ, ибо мы съ французами никакого дѣла не имѣемъ“ [2]). Но характеръ нѣмца или голландца, столько уважаемый Петромъ В., смотрѣвшимъ на этотъ предметъ со стороны хозяйственнаго, экономическаго, полезнаго примѣненія, никогда не могъ соотвѣтствовать природѣ русскаго человѣка, вовсе неспособнаго подчиниться сухой чопорности и педантически-мелочной опрятности въ общежитіи. Поэтому европейскія формы общественной жизни, введенныя Петромъ Великимъ, были все-таки сухи, холодны и въ этомъ отношеніи напоминали еще кое-что изъ до-петровскаго быта. Сдѣлано было только главное: въ бесѣды мужчинъ допущены были женщины. Но еще полной свободы общежитія не наставало; въ обращеніи было еще много натянутаго, церемоннаго. Да и всѣ общественныя увеселенія того времени, напримѣръ: балы, маскарады, въ сущности были не что иное, какъ церемоніалы, которыми при Петрѣ Великомъ ознаменовывалось почти каждое болѣе или менѣе замѣчательное событіе въ государствѣ. На ассамблеи и балы съѣзжались бо́льшею частію, какъ на извѣстную церемонію, которая иной разъ больше утомляла, нежели веселила. Въ танцахъ первое мѣсто принадлежало также танцамъ церемоніяльнымъ, и когда они оканчивались, тогда только и можно было свободно танцовать кому и съ

---

[1]) Собесѣдникъ любителей Росс. Слова. I, 27; Всякая Всячина на 1769 годъ, стр. 139.

[2]) Анекдоты, собр. Штелинымъ.

кѣмъ угодно. Но и въ этомъ случаѣ не обходилось безъ особенныхъ церемоній. Приличіе требовало, напр., чтобъ „мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, тогда объявлялъ свою благодарность, поцѣловавъ ей руку". Вообще участіе женщинъ въ этихъ первоначальныхъ нашихъ обществахъ не представляло еще той свободы, которая должна была явиться въ послѣдствіи. „Одѣтыя въ европейскія платья, выученныя танцовать и говорить по Нѣмецки, онѣ перестали замѣнять природный румянецъ поддѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались бо̀льшей свободѣ; но не смотря на всѣ старанія Государя, по привычкѣ или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую *застѣнчивость*, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чтобъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ и если можно не болѣе какъ *да-съ* и *нѣтъ-съ*; не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ" [1]). Все это, конечно, было довольно тяжело и, безъ сомнѣнія, очень скучно. Степенная нѣмецкая или голландская общественность не могла развязать руки нашимъ прапрадѣдамъ, которые сами въ то время только-что оторвались чуть не отъ десяти тысячь церемоній и живо памятовали еще старинный боярскій взглядъ и на самые танцы.... Несмотря на свободныя постановленія ассамблей, въ нихъ, повторимъ снова, было гораздо болѣе чинности, нежели откры-

---

[1]) Русская Старина, 165.

той, живой веселости. Преобразователь не могъ этого не замѣтить. Онъ любилъ свободное обращеніе, безъ чиновъ, особенно когда нужно было веселиться; поэтому, можетъ быть, желая придать установленнымъ имъ ассамблеямъ болѣе живости и веселья, онъ ввелъ особенный танецъ на манеръ нѣмецкаго гросфатера, въ которомъ все собраніе, мужчины и женщины, подъ звукъ медленнаго, почти похороннаго марша, также медленно двигалось по комнатамъ; вдругъ, по знаку маршальскаго жезла, даваемому обыкновенно *маршаломъ бала*, „музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, брали новыхъ между не танцовавшими; кавалеры ловили дамъ, или искали другихъ; поднималась ужасная кутерьма, толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ, какъ будто играли въ жмурки; даже лица Царской Фамиліи не освобождали себя отъ этого: за ними бѣгали, гонялись какъ и за всѣми другими, сами ловили другихъ; наконецъ по новому сигналу маршала, все опять приходило въ прежній порядокъ, и тѣ, кои оставались безъ дамъ, подвергались наказанію: осушить *большаго* или *малаго орла*. Этотъ орелъ былъ кубокъ, который обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ, и отъ осушенія онаго виновный не освобождался ни какими причинами или оправданіями“.

Но какъ бы то ни было, русской общественности первыхъ лѣтъ многаго еще недоставало.

Вотъ почему, когда мы только что познакомились съ французскою *manière de vivre*, какъ выражались тогда, все обратилось къ Парижу, французскіе обычаи сдѣлались образцемъ для нашего общества и надолго оставались въ немъ законодателями. Общественность быстро измѣнилась, принявъ болѣе легкія и болѣе изящныя формы. Но нужно помнить, что мы говоримъ все это объ одномъ только высшемъ кругѣ,

который ограничивался дворомъ и вообще лицами, имѣвшими туда доступъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не обошлось безъ крайностей, но во всякомъ случаѣ истые приверженцы французской образованности, хотя и представленные тогдашними сатириками въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, могли съ своей стороны справедливо говорить, что „....Нѣмцы, Голандцы и Англичане никогда бы нравовъ нашихъ не просвѣтили. Французамъ по преимущеетву честь сія предоставлена была.... Безъ Французовъ умѣли ли мы порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ нихъ не знали бы мы, что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ пріятнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь? Нынѣ женщинъ въ заперти и подъ покрывалами ихъ лицъ не держатъ: всѣ онѣ наружѣ. Чтожъ бы мы сошедшись въ женское собраніе говорить стали? Развѣ о курахъ да цыплятахъ разговаривать бы стали..... Отъ обхожденія нашего съ Французами, переняли мы ихъ тонкость, живость и гибкость, такъ что я нѣсколько часовъ могу разговаривать съ женщиною и вѣрно знаю, что ей не будетъ скучно....“ [1])

Съ извѣстной точки зрѣнія, т. е. со стороны разныхъ общественныхъ крайностей, которыя были порождены у насъ французскимъ вліяніемъ, этой сатирѣ нельзя не сочувствовать, но нельзя также и спорить, что въ этихъ словахъ есть

---

[1]) *Кошелекъ*, еженедѣльное сочиненіе 1774 года.

Россіи Marchandes de mode, французскіе обойщики, швейцары и наконецъ, о дивное дѣло! что установлена и лоттерея.... Тогда танцмейстеры, французскіе учители или *мадамы* по ихъ мнѣнію все воспитаніе совершали.... Нерѣдко случалось слышать, особливо въ Замоскворѣцкихъ съѣздахъ, или бесѣдахъ, какъ-то: на родинахъ, имянинахъ или крестинахъ: Что ты матушка своей манзели даешь? — Дарага проклятая, дарага! да что дѣлать; хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: сто восемьдесятъ рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И матушка! Я такъ своей больше плачу: двѣсти пятдесятъ рублей на годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моетъ кружево мое и чепчики мнѣ шьетъ; да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Ныньче матушка ужъ и замужъ дочери не выдашь, коли по Французски она говорить не умѣетъ; а постричь ее вить нельзя же. Какъ быть! да я и сама таки люблю Французское благородство, и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ неударитъ!" [1])

Объ этихъ-то кружкахъ, гдѣ такъ разсуждали, мы и говоримъ, что въ нихъ сохранялось еще много старины.... Преобразованіе, т. е. просвѣщеніе, не слишкомъ легко и скоро водворялось въ русскомъ обществѣ, которое въ частномъ быту рядомъ съ нѣкоторыми заимствованными обыкновеніями и манерами сберегало еще во многомъ старинный образъ жизни и старинныя привычки. Мы вообще мало имѣемъ записокъ (мемуаровъ) объ этомъ любопытнѣйшемъ времени, когда борьба невѣжества съ просвѣщеніемъ была нагляднѣе, ярко выступала и съ той и съ другой стороны, доходя иногда и до высокихъ комическихъ положеній и до безмолвнаго трагиче-

[1]) Собесѣдникъ Люб. Росс. Слова. II, 14.

скаго героизма. Впрочемъ и то, что намъ извѣстно изъ домашнихъ записокъ современниковъ этой эпохи, какъ, напримѣръ, Данилова, Болотова и другихъ, можетъ уже служить весьма достаточнымъ основаніемъ для сказаннаго нами выше. Но мы имѣемъ богатые матеріялы по этому предмету въ литературѣ того времени, благородные представители которой были одними изъ сильнѣйшихъ поборниковъ просвѣщенія и ревностнѣйшими гонителями невѣжества во всѣхъ его сферахъ и явленіяхъ. Тогдашнія комедіи и вообще сатирическія сочиненія во всѣхъ родахъ представили довольно полную и живую картину нравственныхъ уклоненій общества, возникавшихъ единственно только изъ грубаго невѣжества, которое упорно отстаивало свое спокойное существованіе. Чтобы показать пеструю смѣсь худо понятой старины и еще хуже понятыхъ нововведенныхъ обычаевъ, мы представляемъ здѣсь нѣсколько замѣтокъ тогдашнихъ сатириковъ, — замѣтокъ, которыя, по своему интересу, столько же драгоцѣнны для насъ, какъ и самыя записки современниковъ.

„Какъ нынѣ святая недѣля — говоритъ одинъ старинный еженедѣльникъ „Всякая Всячина", отъ имени своей сотрудницы Антониды Вершкисхватовой — то и должно всякій день обскакивать цѣлую Москву. Я будучи въ мѣстахъ пяти, и не заставши никого дома, вздумала заѣхать ко праправнучатной моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточный человѣкъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Сія госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму недѣли на двѣ, для продажи суконъ, понитковъ, холстовъ, веревокъ, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ ягодъ, и также, какъ говорила она, чтобы дочери ея переняли Московскія моды.

„Я спросила у моего кучера, можетъ ли онъ сыскати домъ сей моей родни? на что онъ сказалъ, что его знаетъ: ибо де не давно купилъ въ семъ домѣ роднѣ своей въ деревню ко-

кошникъ. Мы, проѣхавъ множество переулковъ, остановились передъ одними воротами, которыя были съ обѣихъ сторонъ подперты подставками. Въ которое время слуга, стоящій назади кареты, прибѣжалъ отворять дверцы у оной,—я спросила у него, для чего онъ отворяетъ? велѣлъ бы ѣхать прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что сего учинить никакимъ образомъ не можно; ибо де дворъ ихъ наполненъ пріѣхавшими для покупки сѣна роспусками, которое самъ мой высокопочтенный дядюшка изволитъ вѣсить. И такъ я принуждена была выйти изъ кареты и обмакнуть въ грязи свои башмаки: ибо, не знавши сего случая, не взяла съ собою другихъ.

„Когда вошла я на дворъ, то стоящій въ разодранномъ тулупѣ любезный мой дядюшка не удостоилъ меня, чтобы съ нимъ поцѣловаться, по той причинѣ, что не было у него краснаго яйца; а приказалъ босому и въ одномъ пониточномъ камзолѣ слугѣ проводить меня къ тетушкѣ. Двери у передней комнаты столь были низки, что я зацѣпясь принуждена была спехнуть весь головный уборъ. Тутъ сей босоногій просилъ меня садиться на скамейку, а самъ пошелъ докладывать къ тетушкѣ; почему я и осталась одна, кляня себя за сей пріѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ не дождавшись тетушки. Наконецъ изволила она выплыть, и похристосовавшись (по ихъ выговору) со мною съ красненькимъ яичкомъ, повела меня въ другую комнату, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣлогрѣяхъ и въ связкахъ; а изъ нихъ одна домывала полъ, а другая оправливала постелю.

„Дородная моя тетушка посадила меня на скамью и велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А какъ посланная за ними дѣвка сказала, что они опочиваютъ, то лѣпообразная моя тетушка встала тотчасъ и пошла въ комнатку (такъ называла она стоящій въ боку вымазанный хлѣвъ — чуланъ), въ коей разда-

вался великій вопль. Дверь у ней не очень плотно была притворена; а сродное женщинамъ любопытство и побудило меня посмотрѣть, что дѣлается въ семъ чертогѣ. Тамъ увидѣла я, что большія изъ ея дочерей убирались, а маленькія дѣтки, коимъ было лѣтъ по 10 и больше, производили играючи въ куклы и въ кубаря ужасный визгъ; на печи же сидѣлъ слуга и плелъ лапти, а подъ печкою сидѣли на яйцахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ грезетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосахъ дочекъ. Они были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и насурмлены; имѣли волосы, завитые по мужскому, и назади приколотыя многочисленныя косы, а сверхъ всего того на головахъ изъ серебрянаго флера лопасти. Они поцѣловались со мною такъ же съ лицами, просили, чтобы я ихъ жаловала. И когда, по разнообразнымъ комплементамъ всѣ мы усѣлись, то любезная моя тетушка приказала подать на харитончикѣ моченыхъ яблокъ и брусницы. А какъ сказала я, что ничего того не хочу, то примолвила она: „такъ не изволишь ли племянушка съ дочками „моими покачаться и поскакать на доскѣ“? Я ей отвѣтствовала, что качаться и скакать боюсь; а она сказала на то съ сердцемъ: „куда, какъ ты, свѣтъ мой, великатна! что тебѣ „уже съ нашими дочерьми невмѣстно и кампанью водить; а въ „этомъ нѣтъ никакова художества“. Мнѣ надобно было извиниться какъ можно лучше; почему и сказала я, что не нѣжусь, а боюсь очень сего упражненія. „Радасть, сестрица, „сказала большая ея дочь, ты вся па модѣ; да у тебя же и ка„расе въ головѣ“. Я спросила съ удивленіемъ: что бы такое значило харитончикъ и карасе? А меньшая ея дочь на то и отвѣтствовала мнѣ такимъ образомъ: „Пално издѣваться, ма„тушка! ты ужа Французкую грамоту знаешь; а не разумѣ„ешь, что это значитъ“. Вотъ ета, сказала она, указавъ на мой полумѣсяцъ, называется карасеемъ; а харитончикъ я те-

бѣ тотчасъ покажу. Потомъ кликнула она своего босоногаго лакея и велѣла принести харитончикъ. Почему я и думала, что принесутъ какого нибудь мальчика, называемаго Харитономъ. Но разсудите о моемъ удивленіи: ибо въ то время увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, на которомъ было около пальца толщиною грязи и пыли. Наконецъ, будучи принуждена выпить чашку микстуры, что называли они чаемъ, выѣхала изъ сего дома заклявшися, никогда къ такой модной роднѣ не ѣздить."

Въ другой разъ, подъ заглавіемъ: „Привычка есть второе естество", умная „Всякая Всячина" изобразила на своихъ страницахъ слѣдующую картинку:

„На сихъ дняхъ, любезный читатель, вамъ въ угодность съѣздилъ я къ теткѣ своей, барынѣ лѣтъ семидесяти, прощаться, у коей не случилося мнѣ быть лѣтъ съ десять. Не успѣлъ я войти въ двери, и ей поклониться, какъ она закричала на меня: бусурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестишся? Я извинялся, говоря, что я столь спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся. Она всегда смотритъ нахмурившись: и такъ я разглядѣть не могъ, какъ мое извиненіе было принято. Я старался подойти поближе къ кравате, на коей она сидѣла, чтобъ поцѣловать у нее руку; но почти непреоборимыя препятствія между нами находились и лишали меня долго сего удовольствія. У самой двери направо стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамѣечекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода сидѣла на землѣ рядомъ слѣпая между двѣмя карлицами, и двѣ богодѣльницы. Передъ ними ближе ко кравате лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; одна нѣкая странница; двѣ внуки ея родныя, дѣвушки невѣсты; да дура. Странница да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что они лежали на перинахъ; у кравати занавѣски

были открыты; знатно отъ духоты; ибо тетушки были одѣты очень тепло: сверхъ сорочки они имѣли лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, шпирая рукою руку, а сею щёку. Ихъ недосуги живо изображали разтрепанное убранство ихъ головъ и вымачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы сказать можно было, что у нее въ комнатѣ нѣтъ порожняго мѣста. Какъ я служилъ въ Артиллеріи и учился брать дистанціи, мнѣ пришло въ голову, что если мнѣ удастся перескочить черезъ слѣпую, то попаду въ уголъ; а оттудова примѣтилъ я узкій проходъ возлѣ стѣнки ко кроватѣ тетки моей. Я отвѣдалъ своего щастія; но скоча не разбѣжавшись, попалъ я одною ногою на карманъ весьма мягкій, поскользнулся, и на силу въ углѣ удержался; а концемъ шпаги зацѣпилъ одну карлицу за тряпицу, коею обверчена была ея голова, и утащилъ ее за собою. Изъ сего приключенія родился крикъ и визгъ необычайный карлицы. Я еще не успѣлъ отцѣпить, какъ услышалъ, что слѣпая возопила дикимъ голосомъ: ахъ проклятый раздавилъ мои пироги, и весь карманъ мой замаслилъ. Тетушка очень осердилася на меня, и сказала: что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить! во Франціи у васъ, что ли, такій манеръ? на слѣпую напалъ. Бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ; и сколько имъ укладыванья было! а дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы все ломать въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ: Лиса поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣ обѣда не спала. Тутъ Лиса, ея большая внучка, впала ей въ рѣчь, и съ ужимкою молвила: ушъ ужесть бабушка, сударыня, какъ я испугалася! а сестрица чуть жива. Груша на то сказала: „ахъ, радость, мочи нѣтъ, умаришь; не могу вздумать, какъ онъ на всѣмъ, на всѣмъ: нѣтъ ушъ

сестрица; какъ онъ не важенъ; права ужесть, какъ не важенъ просимъ оставить въ покоѣ". Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то на одну, то на другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородкою, сидя при томъ очень прямо. Я же еще не терялъ надежды приближиться ко кравати теткиной; но стоя въ углу извинялся, какъ могъ, и ожидалъ, чтобъ миновалася громовая туча, не представляя себѣ, какъ-то вонъ будетъ ити! Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кравати, гдѣ я подошелъ, наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столикъ съ изломленою ножкою, на которомъ закуски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кравать. Здѣсь дѣвки прибѣжали: одна зацѣпила лампаду изъ передъ образовъ занавѣскою. Тутъ монахиня прогласила: аминь, аминь, аминь, разсыпся. Тетушка вышла изъ терпѣнія, и закричала: подай плѣтей! Какъ я услышалъ сіе, ударился бѣжать и скакать черезо всѣхъ, не знавъ для кого плѣтей — для дѣвки, для меня, или для тѣсноты, коя болѣе меня была всему сему причиною. Сѣвши въ карету велѣлъ скакати, сколько мочи было лошадямъ: и ни висьа я болѣе тогда взпотѣлъ, или нынѣ, описавъ сіе посѣщеніе для читателя, у коего подобной тетки нѣту."

Если можно было встрѣтиться съ такимъ бытомъ въ среднихъ кружкахъ тогдашняго общества, то, безъ сомнѣнія, спускаясь нѣсколько ниже, можно было найти и такія еще обыкновенія, которыя въ наше время принадлежатъ уже только простолюдинамъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожаются.

Въ другомъ сатирическомъ еженедѣльникѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ названіемъ: „И то и сё", находимъ слѣдующія любопытныя замѣтки, чрезвычайно живо изобразившія

были открыты; знатно отъ духоты; ибо тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щёку. Ихъ недосуги живо изображали разтрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы сказать можно было, что у нее въ комнатѣ нѣтъ порожняго мѣста. Какъ я служилъ въ Артиллеріи и учился брать дистанціи, мнѣ пришло въ голову, что если мнѣ удастся перескочить черезъ слѣпую, то попаду въ уголъ; а оттудова примѣтилъ я узкій проходъ возлѣ стѣнки ко кроватѣ тетки моей. Я отвѣдалъ своего щастія; но скоча не разбѣжавшись, попалъ я одною ногою на карманъ весьма мягкій, поскользнулся, и на силу въ углѣ удержался; а концемъ шпаги зацѣпилъ одну карлицу за тряпицу, коею обверчена была ея голова, и утащилъ ее за собою. Изъ сего приключенія родился крикъ и визгъ необычайный карлицы. Я еще не успѣлъ отцѣпить, какъ услышалъ, что слѣпая возопила дикимъ голосомъ: ахъ проклятый раздавилъ мои пироги, и весь карманъ мой замаслилъ. Тетушка очень осердилася на меня, и сказала: что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить! во Франціи у васъ, что ли, такій манеръ? на слѣпую напалъ. Бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ; и сколько имъ укладыванья было! а дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы все ломать въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ: Лиса поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣ обѣда не спала. Тутъ Лиса, ея большая внучка, впала ей въ рѣчь, и съ ужимкою молвила: ушъ ужесть бабушка, сударыня, какъ я изпугалася! а сестрица чуть жива.

ма-то сказала: „ахъ, радость, мочи нѣтъ, умаришь;

нѣтъ, какъ онъ на всѣмъ, на всѣмъ: нѣтъ ушъ

сестрица; какъ онъ не важенъ; права ужесть, какъ не важенъ просимъ оставить въ покоѣ". Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то на одну, то на другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородкою, сидя при томъ очень прямо. Я же еще не терялъ надежды приближиться ко кравати теткиной; но стоя въ углу извинялся, какъ могъ, и ожидалъ, чтобъ миновалася громовая туча, не представляя себѣ, какъ-то вонъ будетъ ити! Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кравати, гдѣ я подошелъ, наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столикъ съ изломленою ножкою, на которомъ закуски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кравать. Здѣсь дѣвки прибѣжали: одна зацѣпила лампаду изъ передъ образовъ занавѣскою. Тутъ монахиня прогласила: аминь, аминь, аминь, разсыпся. Тетушка вышла изъ терпѣнія, и закричала: подай плѣтей! Какъ я услышалъ сіе, ударился бѣжать и скакать черезо всѣхъ, не знавъ для кого плѣтей — для дѣвки, для меня, или для тѣсноты, коя болѣе меня была всему сему причиною. Сѣвши въ карету велѣлъ скакати, сколько мочи было лошадямъ: и ни вись я болѣе тогда взпотѣлъ, или нынѣ, описавъ сіе посѣщеніе для читателя, у коего подобной тетки нѣту."

Если можно было встрѣтиться съ такимъ бытомъ въ среднихъ кружкахъ тогдашняго общества, то, безъ сомнѣнія, спускаясь нѣсколько ниже, можно было найти и такія еще обыкновенія, которыя въ наше время принадлежатъ уже только простолюдинамъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожаются.

Въ другомъ сатирическомъ еженедѣльникѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ названіемъ: „И то и сё", находимъ слѣдующія любопытныя замѣтки, чрезвычайно живо изобразившія

тогдашнія сватьбы и крестины у дворянъ *мелкой сошки* [1]), какъ тогда выражались, и вообще въ низшемъ „благородномъ" кружкѣ, отличавшемъ себя этимъ прилагательнымъ отъ подлаго чернаго, простаго народа.

„На прошедшей недѣлѣ—говоритъ издатель еженедѣльника — свершился бракъ у моего знакомца. Я былъ на ономъ первымъ гостемъ и пишу оное для тово, чтобы научились люди производить свадебные обряды. По восходѣ солнца въ субботу пришелъ ко мнѣ мой знакомецъ и началъ кланяться мнѣ гораздо ниже обыкновеннаго; а какъ послѣ я о томъ узналъ, то должны кланяться такъ женихи. Онъ просилъ меня на дѣвишникъ, которой долженъ былъ совершиться того дня въ вечеру. По знакомству нашему не хотѣлося мнѣ ему отказать, и такъ безъ отговорокъ на оное я согласился и далъ ему мое слово.

„Въ вечеру долженъ былъ я пріѣхать къ нему, а какъ я прибылъ, то просили меня, чтобы поклалъ я въ ящикъ порядочно новыя вещи; то есть башмаки, чулки, опахало и другія потребности, которыя должно было везти къ невѣстѣ, я и отъ сего не отговорился и здѣлалъ то по прозьбѣ многихъ. Потомъ

---

[1]) *Соха* — мѣра земли, съ которой платили подать. Величина сохи была неодинакова и условливалась качествомъ земли и вообще разными финансовыми соображеніями. Въ соху полагалось, напр., помѣстной земли: хорошей или доброй 400 десятинъ, середней—500, худой—600 и т. п. Примѣнительно къ городскому населенію сохою же обозначалось количество обывательскихъ тяглыхъ дворовъ, которые для платежа недатей разверстывались тоже на лучшіе, т. е. болѣе достаточные, средніе, младшіе и самые худые. Лучшихъ или богатыхъ дворовъ въ соху, напр.. полагалось 13, среднихъ 30, младшихъ или бѣдныхъ 70, а самыхъ бѣдныхъ—100 дворовъ. По такому распоряду назначаемая одна и таже цифра подати съ сохи и дѣлилась на указанныя доли: богатый дворъ платилъ 13-ю долю, а самый бѣдный—сотую. *Мелкая сошка* обозначала мелкую долю плательщика подати или вообще людей малодостаточныхъ.

всѣ люди присѣли на часокъ и, вставши, помолилися Богу и поѣхали къ невѣстѣ. Вопервыхъ, какъ отворили намъ ворота, то увидѣли мы старика и старуху стоящихъ на дворѣ, одинъ держалъ образъ, а другая ржаной хлѣбъ вѣсомъ въ полпуда, на которомъ видна была деревянная солонка, сдѣланная уткою. Вошедши въ горницу, велѣли жениху невѣсту взять за руку, и потомъ молилися они оба тому образу, которой держалъ старикъ; поклонившися въ землю три раза, къ образу приложились, а со старикомъ поцѣловались, также и со старухою. Наконецъ женихъ и невѣста наклонились, а старикъ положилъ имъ на головы хлѣбъ и съ солонкою, выговоря сіи слова: *дай Богъ совѣтъ да любовь*; а старуха примолвила къ тому: *живите да богатѣйте*. Женихъ и невѣста не много спотыкнулись, понеже тяжелой хлѣбъ нагнулъ имъ съ лишкомъ головы; однако предстоящіе тутъ поддержали ихъ не много. По окончаніи сего посадили жениха и невѣсту подъ иконы, отца и мать посажоныхъ подлѣ ихъ, а меня, какъ перваго гостя, первымъ по нихъ; и такъ далѣе. Посаженой отецъ былъ отставной офицеръ, служащій въ гарнизонѣ лѣтъ сорокъ или болѣ, слѣдовательно былъ онъ человѣкъ старинной и зналъ совершенно всѣ оные обряды. Вопервыхъ сказалъ онъ жениху, что бы оной во весь столъ держалъ за руку невѣсту и не покидалъ бы ее ни на часъ, увѣряя его и всѣхъ гостей, что отъ опущенія руки случается часто великое несогласіе между мужа и женою, а для лучшаго прикрылъ ихъ руки салфеткою. Онъ же былъ раздавателемъ кушанья, а я ни принимался за то, опасаяся, что можетъ быть по обыкновенію ихъ ошибуся въ чемъ нибудь, и не сдѣлаю имъ тѣмъ угожденія; да и правду сказать то бы я ошибся. Когда подали курицу по ихъ названію въ похлебкѣ, то посаженой отецъ вытащилъ ее къ себѣ на тарелку, и безъ помощи вилки искрошивъ ее въ мелкіе кусочки, вывалилъ онъ въ чашу и приказывалъ всѣмъ

таскать ее ложками; это де будетъ безъ дальняго труда; а я бы такъ не сдѣлалъ, слѣдовательно, можетъ быть, было бы и не угодно. Всякаго кушанья бралъ онъ на вилку, и подавая жениху, приказывалъ потчивать невѣсту, которой не велѣлъ брать въ руки вилку, а принимать изъ жениховыхъ рукъ устнами, сказывая, что и въ этомъ есть нѣкоторая задача. Чего бы я сдѣлать также не догадался.

„Во все сіе время припѣвали къ намъ дѣвушки пѣсни, а мы посылали къ нимъ по стакану пива, въ которой опускали сваха по гривнѣ и больше мѣдной монеты, которые стаканы онѣ выпивали, не смотря на то, что деньги въ нихъ оныя лись.

„По окончаніи стола вышереченная и вышеобъявленная старуха, мать невѣстина, приполнила по чаркѣ водки, а дочерѣ своей подала тарелку съ овощами и съ подаркомъ. Начали всѣхъ дарить, и меня не обошли, выпивъ я рюмку, и взявши у невѣсты платокъ, кланялся ей много и положилъ его въ карманъ; но отецъ посаженой, выговорился мнѣ, что я подарокъ принялъ не такъ, а должно, взявши съ тарелки, обтереть имъ губы; за что приневолили меня, чтобы я выпилъ другую рюмку и обтеръ устнѣ мои подаркомъ.

„Историкъ долженъ быть справедливъ и описывать всякую вещь дѣйствительно, что наблюдать и мнѣ непремѣнно должно. Овощей насыпали мнѣ въ карманъ; а оные состояли изъ двухъ кусковъ вяземской ковришки, изъ тферскихъ пряничныхъ орѣховъ, изъ нѣсколькихъ изюминъ, винныхъ ягодъ и черносливу, между которыми проскакивали гвоздички и маленькія куски корицы для лучшаго запаху.

„Въ срединѣ стола, какъ выпивалъ отецъ посаженой стаканъ пива, то прихлебнувъ изъ него поставилъ и сказалъ: не очень братъ сладко. То тотчасъ женихъ поцѣловалъ невѣсту, а отецъ прихлебнувъ еще, поворотилъ несладость, женихъ поцѣловалъ опять. И такъ продолжалось оное съ полчаса или

больше; а послѣ тово дѣлали оное и всѣ, выключая меня. Послѣ всего этова сказалъ отецъ посаженой: „*время уже хлѣбъ соль величать*“; я думалъ что надобно пѣть; а у нихъ значитъ оное вставать изъ за стола. Всѣ отвѣчали ему: воля ваша, мы уже довольны; и такъ онъ первой всталъ, а за нимъ уже и всѣ.

„Когда уже мы со всѣми простилися и при многихъ чаркахъ и стаканахъ хотѣли выходить вонъ, то дѣвушки пѣвицы запѣли особливую пѣсенку, въ которой, называя невѣсту именемъ, говорили: возми у своего сокола ключи. Невѣста остановила жениха и просила у него ключа, а какова, объ этомъ я прежде не зналъ и для тово то казалось мнѣ сіе весьма чудно, а наконецъ провѣдалъ, что отъ тово ларчика, въ который клалъ я по порядку купленные женихомъ невѣстѣ подарки. Посаженой отецъ присудилъ жениху отдать тотъ ключь, но не меньше какъ за пятьдесятъ поцѣлуевъ; въ семъ случаѣ надобно было отдать дамѣ преимущество, но отецъ посаженой не взиралъ на нынѣшнія обряды, и велѣлъ невѣстѣ цаловать жениха. Они цаловались, отецъ считалъ, а мы стояли; а чтобы не пропустить времени напрасно, то подмигивала мнѣ сваха и склоняла къ себѣ въ любовь, которая, правду сказать, была молода и не дурна.

„Наконецъ вышли мы за вороты при громогласномъ пѣніи дѣвицъ и при великомъ присутствіи различныхъ должностей народа. Отецъ посаженой, какъ человѣкъ не молодой и къ тому же слишкомъ подгулялой, садяся въ сани, перекувырнулся черезъ нихъ въ верьхъ ногами, чѣмъ произвелъ ужасной смѣхъ между зрителями, а какъ небыло въ немъ больше силы бодрствовать, то положили его поперегъ саней и повезли домой. Такимъ вступленіемъ гостины наши кончились, и мы пріѣхали домой всѣ въ добромъ здоровьѣ, выключая отца посажонова, по причинѣ той, что онъ больше всѣхъ заботился;

а особливо въ приказываніи, чтобъ подносили вино и пиво почаще.

„Наступившее утро принесло намъ больше увеселенія, ибо и я приглашенъ былъ къ свадебному столу. Отобранные къ тому люди поѣхали за невѣстою и, купивъ за гривну ее косу, привезли невѣсту въ церькву, тутъ обвѣнчались и прибыли домой. Съ хлѣбомъ и съ солью принимали уже жениховы родители и послѣ посадили жениха и невѣсту въ передъ на двѣ овчинныя и весьма косматыя шубы, а сіе значило, чтобъ жить имъ богато. Во весь столъ подкладывали жениху и невѣстѣ премножество кушанья, однако они и за ложку не принимались, понеже у нихъ такое обыкновеніе, а кормятъ ихъ тогда и то тайкомъ когда поведутъ на подклѣтъ: тамъ, сказываютъ, ядятъ они больше обыкновеннаго. Въ срединѣ стола, или ко окончанію онаго, подошли ко мнѣ съ подносомъ, на которомъ поставлено было стаканъ меду, стаканъ пива, и рюмка водки. Я, взявши медъ, выпилъ и поставилъ пустой стаканъ, но привязались ко мнѣ просить, чтобы я выпилъ ихъ всѣ, это де просятъ князья молодые, однако я отговаривался, что и для старыхъ здѣлать мнѣ сего не можно. Изъ почтенія ко мнѣ они отъ меня отвязались, а другихъ приневолили всякаго выпить тройку. По окончаніи стола ѣздили бабы на кулькахъ, играли шемелою, скакали, прыгали и всячески рѣзвились на подобіе древнихъ Бахановъ или еще удалѣе. Далѣе я говорить не буду, чтобъ не подать добрымъ людямъ соблазну...

„Въ гостяхъ быть во всякихъ хорошо и весело, но свадьба имѣетъ передо всѣми преимущество: тутъ бываютъ люди въ двое веселѣе, нежели на родинахъ, на крестинахъ и на именинахъ, понеже тратится болѣе во время ее денегъ, и для того усердные гости дни по три или четыре позабываютъ свои должности и, можно сказать, лишаются стройнаго теченія своихъ мыслей, что разумѣется (бываетъ) у простолюдиновъ.

„Послѣ пированія моево на свадьбѣ, позванъ я былъ на крестины къ нѣкоторому приказному человѣку, знакомцу моему и хлѣбосолу. Вопервыхъ разумѣлъ я это точно, что къ приказному человѣку рѣдко ходятъ безъ денегъ; а въ такое время носятъ деньги и не къ приказному. И такъ завернулъ я полтинникъ въ бумажку и изготовилъ ево положить родильницѣ на зубокъ, по древнему между нами обыкновенію, и притомъ взявши съ собою мѣлкихъ двадцать пять копѣекъ бабушкѣ на кашу, пошелъ праздновать на крестины.

„Въ воротахъ дома моево хлѣбосола увидѣлъ я стоящаго человѣка, который былъ хотя и не въ раздранномъ рубищѣ, однако имѣлъ на себѣ платье похожее на то, то есть, поношеное до диръ. Кафтанъ былъ на немъ французской малиноваго цвѣта, который отъ строгости здѣшней суровой погоды, отъ частыхъ дождей и снѣговъ, и отъ неумѣреннаго солнечнаго сіянія, весьма много полинялъ и казался двуличневымъ. Камзолъ не немъ былъ зеленаго сукна, а штаны изъ синей канфы, скворцовые гарусные чулки, и въ поношеныхъ башмакахъ видны были розные пряшки. Снявши съ себя картузъ, говорилъ онъ мнѣ такъ: „милостивѣйшій государь! не просительное ли дѣло имѣете вы до хозяина сего дома, то съ честію вамъ объявляю, что сего числа оной вышерѣченной хозяинъ не имѣетъ производить никакихъ судебныхъ дѣлъ, хотя бы оные и къ рѣшенію подлежали, понеже онъ судьями уволенъ и секретаремъ отпущенъ, и оное ево небытіе въ приказѣ помѣчено протоколистомъ, и въ дневномъ журналѣ объяснено добропорядочно, понеже сего дня имѣются быть у него крестины, и соблаговолятъ собираться въ компанію къ нему матроны, чего ради во извѣстіе вамъ репортую, чтобы вы втунѣ трудовъ своихъ не прилагали, а я имѣюся быть въ повытьѣ ево милосердія первымъ копіистомъ“. Я ему отвѣчалъ что иду въ гости, и былъ впущенъ наконецъ въ покои.

„Родильница лежала тогда въ постелѣ, охала съ довольною пріятностію, и была набѣлена и нарумянина негораздо слегка. Я съ ней поцѣловался и сказалъ въ поздравленіе слова съ два-три, а складно или не складно, то и самъ тово не понимаю и подсунулъ подъ подушку обернутой въ бумажку полтинникъ, по общему всѣхъ обыкновенію.

„Въ скоромъ времени прибыли изъ церкви кумъ и кума съ окрещенымъ младенцемъ, и ни мало немедля, зачали садиться за столъ кушать, а попросту обѣдать. Народу было много а приборовъ напротивъ тово не весьма довольно, и такъ я видѣлъ самъ, что въ концѣ стола попрашивали ножей и вилокъ другъ у друга на подержанье, а хлебали двое и трое часто одною ложкою; но правду выговорить, всѣ были довольны, а хозяинъ повторялъ часто сіи слова: кушайте государи мои, хлѣбъ соль на столѣ. А чтобы болѣе имѣли гости охоты къ кушанью, то весьма часто подносилъ онъ разные напитки, то есть, секретарямъ водку, канцеляристамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ вино простое, а дамамъ всѣмъ вообще мартовское пиво, и домашнюю сдѣланную изъ пшена брагу, до которой иные дамы такія были охотницы, что каждую минуту выпивали оной по доброму стакану, проговаривая къ тому, что это де не хмѣльное.

„За столомъ ни одна дама не пила ни водки ни вина простова, не смотря на то, что всѣ кавалеры, каждую чарку до дна осушали, и нѣкоторые изъ усердія къ хозяину, выпивъ все до капли, опрокидывали чарки къ себѣ на головы, изъявляя тѣмъ, что выпито все, и что они любятъ хозяина отъ искренняго сердца, для чево ни капли и не оставляютъ, а другіе опрокидывали випитые чарки къ хозяину на подносъ.

„Какъ дамы, такъ и кавалеры говорили обо-всемъ вдругъ и всякой всѣми силами старался заглушать другова. Нѣкоторые говорили о войнѣ, другіе о продажѣ товаровъ, третьи о

дѣлахъ приказныхъ; а четвертые негодовали на то, что рано стала зима; ибо не имѣли они у себя ни шубъ, ни епанечь. Дамы напротивъ тово разговаривали совсѣмъ о другомъ. Одна предлагала, чтобъ искоренить рабронты и карнеты, а ввести въ моду куньи шапки и чепчики съ шишами; другая на то не соглашалась и говорила, что всякая женщина фигурнѣе можетъ быть въ *разлетаѣ*, повязанномъ платкомъ италіанскимъ, и чтобы тотъ платокъ былъ синяго цвѣта съ зелеными каймами. Третья, какъ будто по реестру, прокрикивала своихъ соперницъ, всѣми силами старалася ихъ опорочить и привести въ безславіе, и наконецъ пришедъ въ театральную пассію, бранила ихъ безъ милосердія; словомъ сказать, въ короткое время сіе собраніе людей начало походить совсѣмъ на безпорядочную школу, въ которой за ученическимъ крикомъ не слышно учителя, а за учительскимъ толкомъ, не слышно учениковъ.

„Наконецъ на бабушкиныхъ рукахъ въѣхала каша, которая весьма много походила на кутью; ибо изготовлена она была изъ сорочинскаго пшена и съ изюмомъ. Въ сіе время приказано было выступить хозяину изъ комнаты, а по выходѣ его принялась одна свѣтская дама за ложку, положила въ нее половину соли, третью часть кутьи той или каши, а четвертую толченаго сахару и перемѣшавши все оное прикрыла тремя изюминами и приказала вступить хозяину. По повелѣнію всѣхъ гостей, выключая одного меня, принужденъ онъ смѣсь сію кушать; но глотая ее, поперхнулся, и получилъ за сіе туза два три самыхъ добрыхъ отъ усерднаго гостя, чтобъ лучше та каша прошла ему въ горло. Потомъ бабушка подносила всѣмъ, всѣ выпивали рюмки и клали ей на подносъ мелкія деньги, каждой по своей силѣ, напримѣръ, иной пять копѣекъ, другой двѣ копѣйки, нѣкоторые по деньгѣ и такъ далѣе, однако совсѣмъ тѣмъ накопилося у ней съ рубль мѣсто и по больше.

„Послѣ стола началася музыка; а на какомъ инструментѣ, онаго я сперва не разобралъ, а какъ сталъ всматриваться далѣе, то и увидѣлъ, что въ тысяща седмьсотъ шестьдесятъ осмомъ или девятомъ году привезенныя изъ Украйны рыле передѣланы были въ скрипку, на которой натянуты три струны и шипѣли весьма не согласно; однако дамы наши стали танцовать въ четыре пары бычка и голубца. Согласіе нашей чудоскрипки умножилося тогда, когда кавалеры начали притопывать ногами, а дамы притянули къ ней различными голосами.

„До одинадцатаго часа по полудни продолжалося веселіе наше безъ помѣшательства; а съ сего времени началъ я усматривать, что въ разныхъ углахъ различные люди задремали на стульяхъ. Иной человѣкъ неосторожной падалъ на полъ, а другой и по неволѣ ложился потому, что ноги ему болѣе не служили, а голова не держалася на плечахъ.“

Если въ такомъ характерѣ проводились въ старину семейные праздники, сватьбы, крестины и проч., то весьма будетъ понятно, что и общественная жизнь старой Москвы, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ея населенія, представляла тѣже самыя черты, напоминавшія во многомъ бытъ до-петровскій. Такъ какъ общественная жизнь нагляднѣе всего представляется въ общественныхъ увеселеніяхъ и забавахъ, которыя сосредоточивались бо̀льшею частью на гуляньяхъ, то мы съ нихъ и начнемъ нашъ обзоръ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія всѣ публичныя гулянья въ Москвѣ происходили на тѣхъ же мѣстахъ и бо̀льшею частію въ томъ же характерѣ, какъ они происходили еще въ XVII столѣтіи. Всѣ они пріурочивались къ церковнымъ приходскимъ храмовымъ праздникамъ, и преимущественно къ тѣмъ мѣстамъ,

или, лучше сказать, храмамъ и монастырямъ, въ которые совершались крестные ходы, въ память замѣчательныхъ политическихъ и религіозныхъ событій. Начало этихъ гульбищъ относится къ началу тѣхъ же мѣстныхъ приходскихъ праздниковъ; самое происхожденіе ихъ объясняется весьма просто. Въ древности приходскій праздникъ составлялъ важнѣйшее событіе въ околодкѣ и чествовался прихожанами преимущественно предъ другими церковными праздниками. Припомнимъ древнія *братчины*, *ссыпчины*, *никольщины* и т. п., которыя до сихъ поръ остаются еще въ сельскомъ быту и отправляются всегда въ дни приходскихъ деревенскихъ праздниковъ. Въ эти дни, по свидѣтельству г. Терещенко, поселяне ставятъ общимъ міромъ въ церкви большую свѣчу и служатъ празднику молебенъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего околотка; остатки отъ стола раздаютъ нищимъ. Къ этимъ днямъ варилось также и *общее пиво*. Такія братчины и пиры, продолжавшіеся иногда по нѣскольку дней, безъ сомнѣнія и были первымъ поводомъ къ происхожденію народныхъ гуляній.

На приходскій праздникъ не только изъ околотка, но и изъ другихъ отдаленныхъ сторонъ собирались во множествѣ богомольцы, отчего мѣстный праздникъ дѣлался во многихъ случаяхъ общимъ. Самое братчинское пиво и хлѣбъ-соль, по обычаю древности, становились общимъ достояніемъ. По крайней мѣрѣ на это указываетъ рядъ древнихъ льготныхъ грамотъ, освобождавшихъ извѣстные праздники, пиры и братчины отъ незваныхъ гостей, которые, основываясь, вѣроятно, на какомъ либо древнемъ обычаѣ, въѣзжали въ эти пиры силою [1]). Тоже значеніе приходскій праздникъ имѣлъ и въ

[1]) Акты Арх. Эксп. I. 37, 52 и мн. др.

городахъ, гдѣ обычай „честно“ отправлять этотъ день былъ такъ силенъ, что послѣ него осталась даже извѣстная пословица: *и на нашей улицѣ праздникъ*. Но намъ не встрѣчалось указаній, чтобъ здѣсь, подобно какъ въ деревняхъ совершались приходскіе братчины и пиры. Остался одинъ только обычай, живо напоминающій древность: это—сборъ на свѣчу празднику, что́ дѣлается и теперь въ Москвѣ церковными старостами, которые ходятъ съ этимъ сборомъ по прихожанамъ наканунѣ.

Въ Москвѣ на этихъ праздникахъ многолюдство увеличивалось еще и оттого, что при совершеніи важнѣйшихъ празднествъ, именно тѣхъ, которыя влекли за собою и народныя гульбища, присутствовали и наши древніе цари. Обыкновенно, они дѣлали *выходъ* къ литургіи, а если празднество было съ крестнымъ ходомъ, то шествовали въ ходу, окруженные боярами и всѣмъ блескомъ царскаго сана. Такимъ образомъ, къ празднеству присоединялось еще и благочестивое зрѣлище царскаго богомольнаго шествія, на которое народъ стекался въ несмѣтномъ множествѣ. По совершеніи церковной службы „всенародное множество“, какъ выражались въ старину, бо́льшею частію оставалось на мѣстѣ, у монастыря или храма, гдѣ былъ праздникъ, потому что бо́льшая часть народа, какъ мы уже замѣтили, приходила издалека: послѣ богомолья нужно было отдохнуть и подкрѣпить себя пищею. Если въ Москвѣ не существовали уже братчины, то неизбѣжная потребность далекаго пути въ городѣ легко удовлетворялась разнаго рода торговцами, которые собирались также на праздникъ во множествѣ и устроивали даже особыя помѣщенія для своихъ продуктовъ, заключавшихся преимущественно въ разныхъ закускахъ, питьяхъ и лакомствахъ. Такимъ образомъ, составлялось нѣчто въ родѣ ярмарки, гдѣ впослѣдствіи, кромѣ съѣстнаго, стали торговать и другими произве-

деніями городской и сельской промышленности, такъ что и самое начало и существованіе бо́льшей части нашихъ ярмарокъ тѣсно связано съ приходскими и монастырскими годовыми празднествами. Въ Москвѣ до сихъ поръ, напримѣръ, у Ивановскаго упраздненнаго монастыря, въ день храмоваго праздника, августа 29, производится торгъ холстами, нитками и краснымъ товаромъ.

При многолюдствѣ, эти празднества неизбѣжно влекли за собою и народныя гульбища, съ различными увеселеніями и забавами, которыя, впрочемъ, дозволялись только по окончаніи церковной службы. Петръ Великій, указомъ 27 сентября 1722 года, запрещая при монастыряхъ и знатныхъ приходахъ въ храмовые праздники до совершенія литургіи и возвращенія крестнаго хожденія, питейную продажу, повелѣлъ также, что „хотя притомъ и нѣкоторыя народныя забавы бываютъ, и то чинится по окончаніи церковныя службы *для народнаго полированія*, а не для какого безобразія; а до окончанія церковныя службы и крестнаго хожденія оное чинить запретить".

Въ Москвѣ подобныя гулянья бывали почти на каждой значительной улицѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до сихъ поръ, но совершенно утратили свой прежній характеръ; другія же совсѣмъ оставлены.

Представляемъ здѣсь календарь московскихъ народныхъ гуляній въ XVIII вѣкѣ.

Самое раннее весеннее гулянье бывало *подъ вербою*, въ Лазареву субботу, у Лобнаго мѣста. Это гулянье было ничто иное, какъ небольшая ярмарка, на которой продавалась верба, для наступающаго праздника недѣли Вaій, или Входа во Іерусалимъ; придѣльный храмовой праздникъ этого дня

былъ въ Покровскомъ соборѣ, извѣстномъ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго.

На Святой *качели* устроивались подъ Новинскимъ монастыремъ, въ Покровскомъ на Ладугѣ и въ Елоховѣ у Богоявленья.

Въ пятницу Святой недѣли, въ день Живоноснаго источника, былъ храмовой праздникъ и гульбище подъ Дѣвичьимъ монастыремъ.

Въ *Семикъ*—на Новыхъ убогихъ домахъ, что́ на Лазаревомъ кладбищѣ, близь Марьиной рощи.

Троицынъ и Духовъ день — у Москворецкаго моста, гдѣ бросали въ рѣку вѣнки; за Дорогомиловскимъ мостомъ, на полѣ, и на Калапчевскомъ полѣ, близь Краснаго пруда. Въ Троицынъ день знать и благородные гуляли обыкновенно въ Дворцовомъ саду на Яузѣ.

Въ день Вознесенія — у Вознесенія, въ селѣ Коломенскомъ и у Вознесенія на Гороховомъ полѣ; также въ Дворцовомъ саду на Яузѣ.

Мая 1—на Нѣмецкихъ станахъ въ Сокольникахъ.

Мая 13—подъ Дѣвичьимъ. Въ этотъ день былъ крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь и около монастыря.

Мая 21—у Срѣтенскаго монастыря, когда бываетъ туда крестный ходъ, въ память избавленія отъ нашествія на Москву татаръ въ 1521 году.

Іюня 23—также у Срѣтенскаго монастыря, куда крестный ходъ совершался въ этотъ день, въ память избавленія отъ нашествія царя Ахмата въ 1480 году.

Іюня 24—на Трехъ Горахъ, получившее начало, вѣроятно, также по случаю храмоваго праздника, при церкви Рождества Іоанна Предтечи.

Іюля 20—въ день Ильи Пророка, при церкви Ильи Пророка, что́ на Воронцовомъ полѣ.

Іюля 28 — подъ Дѣвичьимъ, съ крестнымъ ходомъ въ храмовой праздникъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія Одигитріи.

Августа 1 — подъ Симоновымъ монастыремъ, въ храмовой праздникъ, и на Трубѣ.

Августа 6—у Спаса на Новомъ и въ Преображенскомъ.

Августа 15 и 16—подъ Андроньевымъ монастыремъ.

Августа 15—на Остоженкѣ, у церкви Успенія.

Августа 19—подъ Донскимъ монастыремъ.

Августа 26 — у церкви Адріана и Наталіи, близь Сухаревой башни, по случаю крестнаго хода въ память срѣтенія чудотворной иконы Владимірской Богородицы, въ 1395 г.

Августа 29—у Ивановскаго монастыря.

Сентября 1—подъ Даниловскимъ монастыремъ.

Сентября 8, въ день Рождества Богородицы, у Зачатейскаго монастыря и на Бутыркахъ, въ храмовые праздники.

Сентября 14 — въ Красномъ Селѣ, въ храмовой праздникъ Воздвиженія.

Октября 1—въ Покровскомъ, у Покрова.

Въ зимнее время на Масляницѣ горы ставились на Москвѣрѣкѣ и на Неглинной въ разныхъ мѣстахъ; но главное гулянье бывало въ Покровскомъ.

Такимъ образомъ изъ этого календаря уже можно замѣтить, что бо́льшая часть народныхъ гуляній, какъ мы сказали, была пріурочена къ храмовымъ, приходскимъ или монастырскимъ праздникамъ.

Не всѣ гулянья были многолюдны, но всѣ отличались болѣе или менѣе общимъ характеромъ, который обнаруживался и во внѣшнемъ устройствѣ каждаго гулянья и въ народныхъ увеселеніяхъ. Вообще гулянья этого времени во многомъ еще сохраняли тѣ первобытныя черты, въ которыхъ вполнѣ отражалась старинная жизнь со всѣми особенностями и оттѣнка-

ми. Съ полною свободою и полнымъ разгуломъ народъ предавался своимъ роднымъ забавамъ и увеселеніямъ... Въ 1722 г. іюня 24 на гулянье на Трехъ Горахъ полюбопытствовалъ взглянуть даже Герцогъ Голштинскій и ѣздилъ туда по рѣкѣ, на лодкѣ. Запоздавши, онъ могъ наблюдать только главныя черты народныхъ увеселеній: пьянство, пляски и кулачные бои, которые показались ему отвратительными. Шумные крики и запахъ водки издалека разносились по окрестности.

Съ внѣшней стороны тогдашнія гулянья походили во многомъ на нынѣшнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нововведеній и улучшеній. Тогда они были проще, привольнѣе, а слѣдовательно и безпорядочнѣе, но зато несравненно живѣе, шумнѣе и игривѣе. Однимъ изъ самыхъ наглядныхъ признаковъ каждаго гулянья были шатры, палатки, разнаго рода шалаши, крытые даже рогожами и лубкомъ. Замѣтнѣе другихъ былъ высокій шатеръ, извѣстный въ народѣ до сихъ поръ подъ именемъ *колокола*. Изъ гуляющихъ рѣдкій проходилъ мимо этого знакомаго и завѣтнаго шатра-колокола, верхъ котораго украшался обыкновенно небольшимъ флагомъ и зеленою кудрявою елкою, а внизу изъ подъ полъ выглядывали *стойки* съ боченками и разною питейною посудою, въ числѣ которой употребительнѣйшая называлась *плошкою* и *крючкомъ*. Это была особая мѣра, въ которой продавалось вино въ разливку, и потому въ старину не просили *на водку*, а просили обыкновенно *на крючокъ*. Кромѣ шатра-колокола раскидывались небольшія палатки, въ которыхъ устроивали свои временныя помѣщенія герберги, трактиры, цыгане и проч., а также и торговцы разными лакомствами и преимущественно орѣхами, цареградскими стручками и пряниками разныхъ сортовъ. Потомъ разнощики и мелкіе продавцы наполняли каждое гулянье въ такомъ количествѣ, что съ залишкомъ удовлетворяли всѣмъ прихотямъ и незатѣйливому вкусу гуляющаго народа.

Здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ занимали сбитеньщики и *бузники*, продававшіе на особыхъ столахъ хмѣльную бузу и ароматный сбитень, вполнѣ замѣнявшій въ то время чай.

За исключеніемъ бузы все это, какъ извѣстно, существуетъ и теперь, съ тою только разницею, что старина не могла еще представить той внѣшней чистоты и опрятности и того порядка, которые наблюдаются въ наше время.

Народныя забавы и разнаго рода увеселенія, составляющія другую сторону гулянья, отличались отъ теперешнихъ бо́льшимъ разнообразіемъ и бо́льшимъ разгуломъ. Въ старину общее веселье поддерживалось и общимъ участіемъ москвичей, большинство которыхъ не успѣло еще поставить себя выше народныхъ обыкновеній и не только не чуждалось ихъ, но, напротивъ, принимало самое живое, личное участіе во многихъ забавахъ простаго народа.

Самымъ обыкновеннымъ увеселеніемъ народа почти на всѣхъ гуляньяхъ были качели, *круглыя*, которыя дѣлаются и теперь [1]), и прямыя — на веревкахъ. Въ старину круглыя качели приводились въ движеніе, т. е. повертывались, посредствомъ особаго механизма, состоявшаго изъ шестерни и нѣсколькихъ зубчатыхъ колесъ [2]). Въ это время появились и *карусели*, или, какъ ихъ теперь называютъ, *коньки*.

Въ половинѣ XVIII столѣтія на гуляньяхъ давались уже и драматическія представленія, комедіи, интермедіи и фарсы, получившія отъ помѣщенія ихъ въ лубочныхъ шалашахъ и балаганахъ названіе *лубочныхъ*. Комедіи эти давались обыкно-

---

[1]) Въ древности—*колыски*, отъ колыхаться.
[2]) Виды Москвы, изд. 1799 Валзеромъ.

вено на Святой—подъ Новинскимъ и на Масленицѣ на Москвѣ-рѣкѣ. Репертуаръ былъ довольно разнообразенъ, но не всегда приличенъ, потому что сообразовался со вкусомъ и самихъ актеровъ и зрителей, платившихъ за входъ обыкновенно копеекъ по пяти на тогдашнія деньги. Актерами были мастеровые, фабричные, господскіе люди и вообще лица подобныхъ же разрядовъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствующихъ лицъ былъ конечно *дуракъ*, *шутъ*, паяцъ, доставлявшій своими фарсами столько удовольствія публикѣ.

Пріѣзжали нерѣдко въ Москву и разные нѣмецкіе кунштмейстеры, эквелибристы, позитурные мастера, великаны и проч., которые *оказывали свои куншты* или показывали себя и на гуляньяхъ. Напримѣръ, въ 1765 году, 13 мая, на гуляньѣ подъ Дѣвичьимъ показывалъ себя великанъ Бернардъ Жилли, ростомъ въ 3½ аршина.

О пріѣздѣ въ Москву этихъ иностранныхъ чудодѣевъ мы помѣщаемъ въ концѣ этой статьи особую хронику. Многое у нихъ съ успѣхомъ перенимали и русскіе; особенно *кукольныя комедіи* и *райки* были усвоены какъ нельзя лучше. Послѣдніе же, т. е. *райки*, такъ обрусѣли, что по всей справедливости заслуживали бы особаго подробнаго описанія. Нигдѣ, можетъ быть, не высказывался русскій человѣкъ такъ мѣтко и съ такимъ юморомъ, какъ въ этихъ объясненіяхъ и поясненіяхъ раечныхъ картинокъ, которыя сами по себѣ большею частію не имѣютъ никакого значенія, но получаютъ совершенно неожиданныя краски при бойкомъ, мѣткомъ, а иногда и весьма остроумномъ поясненіи.

Изъ древнихъ чисто народныхъ забавъ нельзя забыть также *медвѣдя съ козою*, являвшихся на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ. Эта забава относится къ глубокой древности и запрещалась еще указами царя Алексѣя Михаиловича. Здѣсь

кстати можно замѣтить, что нѣкоторые изъ москвичей, особенно богатые и знатные, были такіе охотники до медвѣдей, что держали ихъ даже въ городѣ на своихъ дворахъ. Но, безъ сомнѣнія, медвѣди иногда срывались съ своихъ привязей и причиняли большое безпокойство въ городѣ; поэтому указомъ 1744 года строго было подтверждено, чтобъ обыватели держали медвѣдей на крѣпкихъ привязяхъ и взаперти, и только въ 1752 году новымъ указомъ эта охота была совсѣмъ запрещена въ столицахъ.

Кромѣ ученыхъ медвѣдей на старинныхъ гуляньяхъ можно было также встрѣтить и ученыхъ собакъ. Но этимъ послѣднимъ „художествомъ", по преимуществу нѣмецкимъ, изъ русскихъ занимались немногіе. Здѣсь требовались особенные тонкіе пріемы, не слишкомъ доступные русскому досужеству, которое въ этомъ случаѣ могло скорѣе справиться съ медвѣдемъ, нежели съ собаченкою. Зато въ другомъ въ чемъ русскій человѣкъ превосходилъ всякаго нѣмца. Таковы, напримѣръ, были *птичьи высвисты*, гдѣ онъ доходилъ до изумительнаго совершенства. На старинныхъ гуляньяхъ простые мужички составляли иногда цѣлые хоры самыхъ разнообразныхъ птичьихъ голосовъ, начиная съ соловья и до малиновки. Особенно славились этимъ тверскіе ямщики, которые еще въ 1740 году, бывши въ поѣзжанахъ на извѣстной шутовской свадьбѣ князя Квасника въ Ледяномъ Домѣ, *оказывали весну разными высвисты по птичью* [1]).

Здѣсь мы желали указать только наиболѣе замѣтныя черты старинныхъ гуляній, полную картину которыхъ за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній представить довольно трудно. Разнообразіе ея условливалось и временемъ, и мѣстомъ, и

---

[1]) Записки Нащокина, стр. 65.

чрезвычайное множество народу; ибо въ тотъ день такая пріятная погода была, какой лучше желать не можно. Равнымъ образомъ по той же причинѣ многочисленное собраніе было вчерашняго числа на Новомъ Убогомъ Дому."

„Въ Москвѣ. Іюня 27 дня 1757 г.

„На сей недѣли во вторникъ, т. е. сего мѣсяца 24 числа, на гульбищѣ, что на Трехъ Горахъ, было такое множество народу, какого рѣдко въ прежніе годы запомнятъ. Такъ что напослѣдокъ къ находящемуся тамъ извѣстному Князя Гагарина дому, за множествомъ каретъ въ близость подъѣхать, а по прудамъ за тѣснотою разойтись едва возможно было. При чемъ, что въ здѣшней Императорской столицѣ ни есть знатное и богатое, прекрасное и великолѣпное, то все можно было тутъ увидѣть."

Весьма многолюдны бывали также троицкія гульбища, которыя не входили въ разрядъ приходскихъ и проводились обыкновенно на мѣстахъ, представлявшихъ болѣе или менѣе выгодныя и необходимыя условія для извѣстныхъ народныхъ обрядовъ въ эти дни. Такъ, завивая вѣнки въ Семикъ, въ Марьиной рощѣ, развивали ихъ и, загадывая, бросали въ воду у Живого, т. е. Москворѣцкаго моста, гдѣ по этому случаю и было гульбище. „Въ день праздника Пятидесятницы — говоритъ одинъ авторъ — у Москворѣцкихъ воротъ на Живомъ мосту собиралось множество дѣвицъ и женщинъ, которыя по древнему обыкновенію, ходя съ березками, пѣли пѣсни, плясали, и бросали съ головъ своихъ въ Москву рѣку вѣнки; чего ради для смотрѣнія сего позорища собиралось тамъ не малое число всякаго званія народу." Безъ сомнѣнія, съ тою же цѣлью установились въ этотъ день гулянья и на другихъ концахъ города, за Дорогомиловскимъ мостомъ также подлѣ рѣки, которое существуетъ до сихъ поръ, но только уже за

[illegible] и [illegible] на Калиновскомъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] назывался въ старину *Русальскимъ*.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [

Вина не пьетъ она, однако пляшетъ
И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ;
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ неперевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь,
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая въ мигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать весьма искусно знаетъ:
Танцуетъ *голупца*, танцуетъ и *бычка*....
Въ Семикъ, въ почтенный день, на рынокъ я ходилъ
И тамъ противные обряды находилъ,
Лишь только хмѣль одинъ согласенъ былъ съ собою
И баба всякая пила своей рукою.
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу,
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я;
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки,
И можно такъ сказать всѣ праздничны излишки.
Баханки таковы попляшутъ, покричатъ,
Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ
Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.... [1])

Общимъ, повсемѣстнымъ весельемъ и подобнымъ же разгуломъ отличались также Святки, Масляница и отчасти Свѣт-

---

[1]) Еженедѣльникъ 1769 г.—*И то и сё.*

заставою и называется еще *тюльпою*, и потомъ на Калинчевскомъ полѣ, близь Краснаго пруда, который, по свидѣтельству г. Снегирева, назывался въ старину *Русальскимъ*.

На этихъ гуляньяхъ по преимуществу собирались большіе хороводы, гдѣ въ то время участвовало даже и купечество, не говоря уже о посадскихъ.

Впрочемъ, троицкія и семицкія гулянья сопровождались общимъ, повсемѣстнымъ весельемъ, и пѣсни березкѣ можно было встрѣтить почти на каждой улицѣ. Чтобы дать понятіе о народномъ весельѣ и обрядахъ въ эти дни, мы представляемъ здѣсь современное ихъ описаніе, даже въ стихахъ:

„Да чтожъ за крикъ такой народы затѣваютъ?
Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣваютъ!
Вить только что теперь во градѣ разсвѣло
И солнце изъ за горъ недавно какъ взошло,
Я чаю многіе отъ сна непробудились,
Которые вчерась по рощамъ веселились.
Трактирщики теперь еще ложаться спать,
Хоть цѣловальникамъ вы дайте встать,
Постойте, дѣвушки: вить рано забавляться.
Позвольте съ разумомъ и мнѣ друзья собраться.
Не слушаете вы, крича, разинувъ ротъ,
И вижу васъ идетъ ужасный короводъ;
Да что же личики ужь ваши покраснѣли
Конечно отъ того, что рано вы запѣли.
Однако осмотрясь прощенія прошу
И извиненіе дѣвицамъ приношу,
Я бабъ почелъ за нихъ, незная въ этомъ моды,
Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы.
Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ.

Вина не пьетъ она, однако пляшетъ
И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ;
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ неперевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь,
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая въ мигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать весьма искусно знаетъ:
Танцуетъ *голупца*, танцуетъ и *бычка*....
Въ Семикъ, въ почтенный день, на рынокъ я ходилъ
И тамъ противные обряды находилъ,
Лишь только хмѣль одинъ согласенъ былъ съ собою
И баба всякая пила своей рукою.
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу,
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я;
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки,
И можно такъ сказать всѣ праздничны излишки.
Баханки таковы попляшутъ, покричатъ,
Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ
Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.... [1])

Общимъ, повсемѣстнымъ весельемъ и подобнымъ же разгуломъ отличались также Святки, Масляница и отчасти Свѣт-

---

[1]) Еженедѣльникъ 1769 г.—*И то и сё.*

заставою и называется еще *тюльпою*, и потомъ на Калачевскомъ полѣ, близь Краснаго пруда, который, по свидѣтельству г. Снегирева, назывался въ старину *Русальскимъ*.

На этихъ гуляньяхъ по преимуществу собирались большіе хороводы, гдѣ въ то время участвовало даже и купечество, не говоря уже о посадскихъ.

Впрочемъ, троицкія и семицкія гулянья сопровождались общимъ, повсемѣстнымъ весельемъ, и пѣсни березкѣ можно было встрѣтить почти на каждой улицѣ. Чтобы дать понятіе о народномъ весельѣ и обрядахъ въ эти дни, мы представляемъ здѣсь современное ихъ описаніе, даже въ стихахъ:

„Да чтожъ за крикъ такой народы затѣваютъ?
Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣваютъ!
Вить только что теперь во градѣ разсвѣло
И солнце изъ за горъ недавно какъ взошло,
Я чаю многіе отъ сна непробудились,
Которые вчерась по рощамъ веселились.
Трактирщики теперь еще ложаться спать,
Хоть цѣловальникамъ вы дайте встать,
Постойте, дѣвушки: вить рано забавляться.
Позвольте съ разумомъ и мнѣ друзья собраться.
Не слушаете вы, крича, разинувъ ротъ,
И вижу васъ идетъ ужасный короводъ;
Да что же личики ужь ваши покраснѣли
Конечно отъ того, что рано вы запѣли.
Однако осмотрясь прощенія прошу
И извиненіе дѣвицамъ приношу,
Я бабъ почелъ за нихъ, незная въ этомъ моды,
Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы.
Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ.

Вина не пьетъ она, однако пляшетъ
И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ;
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ неперевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь,
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая въ мигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать весьма искусно знаетъ:
Танцуетъ *голупца*, танцуетъ и *бычка*....
Въ Семикъ, въ почтенный день, на рынокъ я ходилъ
И тамъ противные обряды находилъ,
Лишь только хмѣль одинъ согласенъ былъ съ собою
И баба всякая пила своей рукою.
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу,
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я;
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки,
И можно такъ сказать всѣ праздничны излишки.
Бахапки таковы попляшутъ, покричатъ,
Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ
Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.... [1])

Общимъ, повсемѣстнымъ весельемъ и подобнымъ же разгуломъ отличались также Святки, Масляница и отчасти Свѣт-

---

[1]) Еженедѣльникъ 1769 г.—*И то и сѣ.*

[illegible] не были необходимы мѣстными [illegible] в [illegible] условиямъ хотя [illegible] въ каждомъ домѣ были [illegible] гости гуляли, пр[illegible] [illegible] времени. Такъ какъ [illegible] не были, то въ нѣкоторыхъ [illegible] [illegible] въ 1750 [illegible] запрещен[illegible] [illegible] [illegible] и не [illegible] [1]).

[illegible] сопровождались [illegible] [illegible] Масляни[illegible] [illegible] въ каждомъ [illegible] [illegible] кеневое и [illegible] [illegible] Горы катали изъ [illegible] и укрѣплялись [illegible] [illegible] поставленныхъ въ сонки. [illegible] [illegible] былъ слы[illegible] [illegible] и горы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] такими [illegible] [illegible] и [illegible] въ раз[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] и въ другомъ [illegible] [illegible] *Гаяцкаго*—переходящій [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

въ это время бывало въ Покровскомъ, гдѣ устроивались и общественныя горы. Особенно сдѣлалось извѣстнымъ это гулянье съ тѣхъ поръ, какъ при Покровскомъ дворцѣ, въ 1763 году, построены были великолѣпная катальная гора, качели, карусели и разныя игры, отданныя потомъ на откупъ для общественнаго увеселенія. Однакожъ, простой народъ туда не допускался. Для него, кромѣ Покровскаго, строились горы и въ другихъ мѣстахъ города: на Москвѣ-рѣкѣ и особенно на Неглинной, гдѣ теперь фонтанъ передъ Кремлевскимъ садомъ, и потомъ еще за Кузнецкимъ мостомъ — на Трубѣ. Лѣтомъ здѣсь текла Неглинная и было непроходимое болото, а зимой это мѣсто, какъ широкая площадь, доставляло большія удобства для народныхъ забавъ, для масляничныхъ горъ и кулачныхъ боевъ, безъ которыхъ въ старинной Москвѣ не проходило ни одного зимняго праздника, а Масляница для нихъ была урочнымъ временемъ.

Вмѣстѣ съ западнымъ образованіемъ, тамошними обычаями, модами и пр. не замедлили появиться у насъ и нѣмецкіе *штукмейстеры*, англійскіе *шпрингеры*, *балансёры*, *эквилибристы*, путешествующіе французскіе комедіанты и тому подобныя лица, удивлявшія своимъ дотолѣ невиданнымъ искусствомъ русскихъ людей, платившихъ за ихъ шутки и экзерциціи полновѣсными старинными рублями. Несмотря на заботы о народномъ „полированіи“, введеніе ассамблей, маскарадовъ и театральныхъ представленій, Петръ В., однакожъ не слишкомъ уважалъ артистовъ этого разряда, и когда одна труппа балансёровъ прибыла между прочимъ и въ новопостроенный Петербургъ, государь принялъ ихъ съ неудовольствіемъ. Для народа онъ приказалъ имъ показывать свое искусство даромъ, а для богатыхъ назначилъ таксу—не больше гривны съ каждаго зѣваки, и потомъ велѣлъ труппу вы-

проводить вонъ изъ города, замѣтивъ, что здѣсь, т. е. въ Петербургѣ, „надобны художники, а не фигляры.... пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣхъ". Но зато послѣ Петра Великаго эти шатуны стали появляться довольно часто какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и даже по отдаленнымъ провинціямъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ любопытномъ предметѣ ограничиваются однѣми только „забытыми" газетами, которыя притомъ не слишкомъ щедры на подробности.

Въ 1757 году, раннею весною на Святой, *вновь* прибылъ въ Москву англійскій эквилибристъ *Штуардъ*, который давалъ свои представленія въ новопостроенномъ комедіяльномъ домѣ, подлѣ земляпаго вала, между Красными и Покровскими воротами, гдѣ былъ тогда лѣсной рядъ. Въ тогдашнихъ газетахъ онъ напечаталъ слѣдующее объявленіе:

„Апрѣля 3 дня сего 1757 года, въ Москвѣ между Мясницкими и Покровскими воротами, въ новопостроенномъ комедіальномъ домѣ, что у Лѣснаго ряду, будетъ искусство свое показывать, вновь прибывшій сюда Агличанинъ, эквилибристъ, Михайла Штуардъ, въ чрезвычайномъ и здѣсь еще невиданномъ, весьма достойномъ зрѣнія, удивительномъ, въ многихъ разныхъ штукахъ, балансированіи. Начинаться будетъ какъ сего Апрѣля 3, такъ и впредь, въ назначенные дни, ровно въ пять часовъ по полудни; зрители платить будутъ за первое мѣсто по 1 рублю, за второе по 50, за третье по 25 копѣекъ съ персоны. Господскіе служители безъ платежа денегъ впущены не будутъ."

Представленія сначала давались каждый день, кромѣ субботъ, а потомъ по однимъ только воскресеньямъ, при чемъ и театръ былъ перемѣненъ. Въ началѣ 1758 г. пріѣхалъ другой англичанинъ „Шпрингенъ и позитурный мастеръ Бержъ

съ находящимися при немъ француженками, который всѣмъ опытнымъ зрителямъ искусство свое сталъ показывать въ построенномъ близъ Покровскихъ воротъ, въ Лѣсномъ ряду, особливомъ домѣ. Передъ Святой въ 1758 году онъ снова напечаталъ объявленіе:

„Чрезъ сіе объявляется, что находящійся здѣсь аглинской *шпрингеръ* и *позитурный мастеръ*, свой театръ будетъ растворять о Святой недѣлѣ, на третій и на четвертый день праздника, то есть 21 и 22 чиселъ апрѣля мѣсяца и будетъ показывать свои экзерциціи, а потомъ комедіи станетъ представлять по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ неотмѣнно. А ежели кто пожелаетъ въ будни его экзерциціи въ довольной компаніи видѣть: то надлежитъ о томъ его увѣдомить на дому, ввечеру или поутру за день напередъ.“ Въ концѣ мая, 22 числа, онъ уже объявлялъ: „извѣстной Шпрингеръ и позитурной мастеръ Бержъ будетъ свое искусство еще показывать въ воскресенье (24 мая) въ послѣдній разъ.“

Въ 1759 году прибылъ французскій механистъ Петръ Дюмолинъ съ различными курьёзными машинами, которыя онъ показывалъ публикѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ дѣвицы Нагетъ, противъ дома графа Апраксина, каждый день отъ 4 до 9 часовъ. Въ первый разъ, февраля 2, онъ объявилъ „слѣдующія куріозныя самодѣйствующія машины: 1) Маленькая берпская крестьянка, которая 6 лентъ вдругъ тчетъ, такъ что оныхъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куранты. 2) Машинка, сдѣланная кинарейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая. 3) Разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма курьезныя и чрезвычайныя картины. Къ чему впредъ отъ времени до времени прибавляться будутъ еще разныя штучки.“ За входъ онъ бралъ по рублю съ персоны. Передъ Святой онъ сдѣлалъ въ своемъ кабинетѣ многія прибавленія и объявилъ въ газетахъ:

проводить вонъ изъ города, замѣтивъ, что зд
Петербургѣ, „надобны художники, а не фигляры
цамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣ
послѣ Петра Великаго эти шатуны стали появл
но часто какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москв
отдаленнымъ провинціямъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣ
этомъ любопытномъ предметѣ ограничиваются од
„забытыми" газетами, которыя притомъ не слиш
на подробности.

Въ 1757 году, раннею весною на Святой, *вне*
въ Москву англійскій эквилибристъ *Штуардъ*,
валъ свои представленія въ новопостроенномъ ко
домѣ, подлѣ землянаго вала, между Красными и П
воротами, гдѣ былъ тогда лѣсной рядъ. Въ тогда
тахъ онъ напечаталъ слѣдующее объявленіе:

„Апрѣля 3 дня сего 1757 года, въ Москвѣ меж
кими и Покровскими воротами, въ новопостроен
діальномъ домѣ, что у Лѣснаго ряду, будетъ иску
показывать, вновь прибывшій сюда Агличанинъ, экв
Михайла Штуардъ, въ чрезвычайномъ и здѣсь ен
номъ, весьма достойномъ зрѣнія, удивительномъ,
разныхъ штукахъ, балансированіи. Начинаться б
сего Апрѣля 3, такъ и впредь, въ назначенные
въ пять часовъ по полудни; зрители платить буду
вое мѣсто по 1 рублю, за второе по 50, за тре
копѣекъ съ персоны. Господскіе служители безъ п
негъ впущены не будутъ."

Представленія сначала давались каждый день, и
ботъ, а потомъ по однимъ только воскресеньямъ,
театръ былъ перемѣненъ. Въ началѣ 1758 г. при
гой англичанинъ „Ширингенъ и позитурный масте

съ находящимися при немъ француженками, который всѣмъ опытнымъ зрителямъ искусство свое сталъ показывать въ построенномъ близъ Покровскихъ воротъ, въ Лѣсномъ ряду, особливомъ домѣ. Передъ Святой въ 1758 году онъ снова напечаталъ объявленіе:

„Чрезъ сіе объявляется, что находящійся здѣсь аглинской *шпрингеръ* и *позитурный мастеръ*, свой театръ будетъ растворять о Святой недѣлѣ, на третій и на четвертый день праздника, то есть 21 и 22 чиселъ апрѣля мѣсяца и будетъ показывать свои экзерциціи, а потомъ комедіи станетъ представлять по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ неотмѣнно. А ежели кто пожелаетъ въ будни его экзерциціи въ довольной компаніи видѣть: то надлежитъ о томъ его увѣдомить на дому, ввечеру или поутру за день напередъ.“ Въ концѣ мая, 22 числа, онъ уже объявлялъ: „извѣстной Шпрингеръ и позитурной мастеръ Бержъ будетъ свое искусство еще показывать въ воскресенье (24 мая) въ послѣдній разъ.“

Въ 1759 году прибылъ французскій механистъ Петръ Дюмолинъ съ различными курьёзными машинами, которыя онъ показывалъ публикѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ дѣвицы Нагетъ, противъ дома графа Апраксина, каждый день отъ 4 до 9 часовъ. Въ первый разъ, февраля 2, онъ объявилъ „слѣдующія куріозныя самодѣйствующія машины: 1) Маленькая бернская крестьянка, которая 6 лентъ вдругъ тчетъ, такъ что оныхъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куранты. 2) Машинка, сдѣланная кинарейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая. 3) Разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма курьезныя и чрезвычайныя картины. Къ чему впредъ отъ времени до времени прибавляться будутъ еще разныя штучки.“ За входъ онъ бралъ по рублю съ персоны. Передъ Святой онъ сдѣлалъ въ своемъ кабинетѣ многія прибавленія и объявилъ въ газетахъ:

„Французской механистъ Дюмолинъ, о которомъ прежде сего публиковано было, что онъ показывалъ удивительную машину, которая однимъ разомъ шесть лентъ тчетъ, и самодѣльную кинарейку, которая поетъ разныя аріи, объявляетъ чрезъ сіе, что въ его кабинетѣ прибавлены еще слѣдующія штуки, а именно: Великолѣпная электрическая машина, которою онъ будетъ дѣлать разные и весьма куріозные експерименты.

„Картина, представляющая ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ многія движущіяся изображенія дорожныхъ людей и возовъ, и многіе работные люди, которые упражняются въ разныхъ вещахъ такъ натурально, какъ бы живые; другая картина представляетъ голову, движущуюся, которой дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ.

„Русской мужикъ, который голову и глаза движетъ такъ совершенно, что можно его почесть живымъ. Движущійся китаецъ, которой такъ хорошо здѣланъ, что не можно вообразить, чтобъ то была машина. Сіи послѣднія двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную.

„Онъ также недавно окончилъ лягушку движущуюся, надъ которой онъ долгое время трудился. Сія лягушка знаетъ время на часахъ и показываетъ оное плавая въ суднѣ. Сія машина есть самая совершеннѣйшая, какую только можетъ искусство произвесть.“

Въ томъ же домѣ, гдѣ это все показывалось, одинъ нѣмецъ, „съ платежемъ по полтинѣ съ персоны“, показывалъ великолѣпное строеніе славной римской церкви св. Апостола Петра, сдѣланное съ модели.

Въ 1760 году *вновь*, кажется, никто не пріѣзжалъ; по крайней мѣрѣ намъ не встрѣтилось никакихъ объявленій этого рода. За то въ 1761 году публичныя зрѣлища получили болѣе разнообразія и веселости, появились *голландскія*

куншты, *веселыя комедіи*, *итальянскіе маріонеты* и проч. Еще въ началѣ года, февраля 9, было объявлено, что „Голландской кунштмастеръ, Іозефъ Заргеръ, въ домѣ Грузинскаго Царевича, что у Охотнаго ряду, будетъ представлять всѣ свои куншты, всякой день, во всю недѣлю Масленичную, то есть голову Цицеронову, также и всѣ Голландскіе куншты. Также будетъ танцовать по веревкѣ, прыгать и балансировать; послѣ того будутъ веселыя комедіи; а наконецъ будетъ также представлять лошадь свои дѣйствія.“

Чрезъ мѣсяцъ, марта 6, Заргеръ увѣдомлялъ московскую публику, что онъ „намѣренъ только три недѣли здѣсь остаться; чего ради, если кто пожелаетъ еще Цицеронову голову и съ другими Голландскими куншты и эксерциціями его видѣть, оные могутъ когда угодно, по утру прислать сказать, почему онъ за 15 рублевъ въ ихъ компаніи свои куншты и экзерциціи показывать будетъ. Будежъ компанія пожелаетъ пріѣхать къ нему въ домъ, то станетъ онъ играть за 10 рублевъ; только должно ему о томъ сказать по утру. А жительство его имѣется на Чистомъ прудѣ въ домѣ Колтовской.“ При этомъ объявлялось, что и ученая лошадь его разъиграна будетъ въ лоттерею по 6 рублей за каждый лотъ, или билетъ. Выигравшаго кунштмейстеръ обязывался выучить какъ съ оною лошадью дѣйствовать, т. е. чтобъ она становилась на колѣни, когда нужно было на нее садиться. Но лоттерея, кажется, не состоялась, и самъ Заргеръ чрезъ три недѣли изъ Москвы не уѣхалъ, а напротивъ того, чрезъ два мѣсяца, 1 іюня, снова было объявлено всѣмъ любопытнымъ, что въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Чоглоковомъ домѣ, маленькой человѣкъ 2 футовъ и 5 дюймовъ особливые куншты представлять имѣетъ; такожде и Голландской кунштмейстеръ свои штуки показывать будетъ. Оныя представленія въ каждую недѣлю по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ и четвер-

„Французской механистъ Дюмолинъ, о которомъ прежде сего публиковано было, что онъ показывалъ удивительную машину, которая однимъ разомъ шесть лентъ тчетъ, и самодѣльную кинарейку, которая поетъ разныя аріи, объявляетъ чрезъ сіе, что въ его кабинетѣ прибавлены еще слѣдующія штуки, а именно: Великолѣпная электрическая машина, которою онъ будетъ дѣлать разные и весьма куріозные експерименты.

„Картина, представляющая ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ многія движущіяся изображенія дорожныхъ людей и возовъ, и многіе работные люди, которые упражняются въ разныхъ вещахъ такъ натурально, какъ бы живые; другая картина представляетъ голову, движущуюся, которой дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ.

„Русской мужикъ, который голову и глаза движетъ такъ совершенно, что можно его почесть живымъ. Движущійся китаецъ, которой такъ хорошо здѣланъ, что не можно вообразить, чтобъ то была машина. Сіи послѣднія двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную.

„Онъ также недавно окончилъ лягушку движущуюся, надъ которой онъ долгое время трудился. Сія лягушка знаетъ время на часахъ и показываетъ оное плавая въ суднѣ. Сія машина есть самая совершеннѣйшая, какую только можетъ искусство произвесть.“

Въ томъ же домѣ, гдѣ это все показывалось, одинъ нѣмецъ, „съ платежемъ по полтинѣ съ персоны“, показывалъ великолѣпное строеніе славной римской церкви св. Апостола Петра, сдѣланное съ модели.

Въ 1760 году *вновь*, кажется, никто не пріѣзжалъ; по крайней мѣрѣ намъ не встрѣтилось никакихъ объявленій этого рода. За то въ 1761 году публичныя зрѣлища получили болѣе разнообразія и веселости, появились *голландскія*

куншты, *веселыя комедіи*, *итальянскіе маріонеты* и проч. Еще въ вачалѣ года, февраля 9, было объявлено, что „Голландской кунштмастеръ, Іозефъ Заргеръ, въ домѣ Грузинскаго Царевича, что у Охотнаго ряду, будетъ представлять всѣ свои куншты, всякой день, во всю недѣлю Масленичную, то есть голову Цицеронову, также и всѣ Голландскіе куншты. Также будетъ танцовать по веревкѣ, прыгать и балансировать; послѣ того будутъ веселыя комедіи; а наконецъ будетъ также представлять лошадь свои дѣйствія.“

Чрезъ мѣсяцъ, марта 6, Заргеръ увѣдомлялъ московскую публику, что онъ „намѣренъ только три недѣли здѣсь остаться; чего ради, если кто пожелаетъ еще Цицеронову голову и съ другими Голландскими куншты и эксерциціями его видѣть, оные могутъ когда угодно, по утру прислать сказать, почему онъ за 15 рублевъ въ ихъ компаніи свои куншты и экзерциціи показывать будетъ. Будежъ компанія пожелаетъ пріѣхать къ нему въ домъ, то станетъ онъ играть за 10 рублевъ; только должно ему о томъ сказать по утру. А жительство его имѣется на Чистомъ прудѣ въ домѣ Колтовской.“ При этомъ объявлялось, что и ученая лошадь его разъиграна будетъ въ лоттерею по 6 рублей за каждый лотъ, или билетъ. Выигравшаго кунштмейстеръ обязывался выучить какъ съ оною лошадью дѣйствовать, т. е. чтобъ она становилась на колѣни, когда нужно было на нее садиться. Но лоттерея, кажется, не состоялась, и самъ Заргеръ чрезъ три недѣли изъ Москвы не уѣхалъ, а напротивъ того, чрезъ два мѣсяца, 1 іюня, снова было объявлено всѣмъ любопытнымъ, что въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Чоглоковомъ домѣ, маленькой человѣкъ 2 футовъ и 5 дюймовъ особливые куншты представлять имѣетъ; такожде и Голландской кунштмейстеръ свои штуки показывать будетъ. Оныя представленія въ каждую недѣлю по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ и четвер-

камъ производиться будутъ, въ каждой день съ перемѣною по полудни точно въ семь часовъ. Платежъ имѣетъ быть за первое мѣсто по 50, за второе по 25 коп." Представленія этого кунштмейстера продолжались во весь годъ, и въ сентябрѣ онъ снова печаталъ: „Голландской кунштмейстеръ Сергеръ чрезъ сіе объявляетъ, что онъ только одинъ мѣсяцъ здѣсь пробудетъ и между тѣмъ по прежнему въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Чоглоковомъ домѣ, ежедневно кромѣ субботы, штуки свои съ Цицероновою головою и другія новыя показывать будетъ, если хотя 10 или 12 человѣкъ зрителей будетъ. — Сверхъ же того будутъ у него представляемы разныя комедіи, напр. о *Докторѣ Фавстѣ* и пр., большими итальянскими двухъ-аршинными куклами, которыя будутъ разговаривать и проч. Такожъ и ученая его лошадь будетъ по прежнему дѣйствовать."

Въ концѣ этого года, предъ Рождествомъ, можетъ быть, тотъ же Сергеръ, не объявляя только своего имени, увѣдомлялъ публику, что въ домѣ Трубникова, на Дмитровкѣ, между Тверскою и Петровскою улицами, „начнется *новая комедія*, которая будетъ состоять изъ большихъ итальянскихъ маріонетовъ, или куколъ, длиною въ два аршина, которыя по театру свободно ходить и такъ искусно представлять себя будутъ, какъ почти живыя. Комедія, которая съ куклами представлена быть имѣетъ, называется *храбрая и славная Юдоѳа*".

Въ томъ же 1761 г. въ Москвѣ находился еще Венгерскій кунштмейстеръ Іоганъ Георгъ Ругатцъ, жившій близъ Егорьевскаго монастыря, въ домѣ Стрѣшнева.

Въ 1762 году вновь пріѣхали два курсаксонскіе рудокопа съ курьезною и удивительною машиною, которая показывала статуями въ движеніи, такъ какъ натуральные люди работа-

ютъ въ горахъ, подкопахъ и ямахъ для сысканія руды серебряной и золотой. Машина эта показывалась всѣмъ „желательнымъ зрителямъ“ въ Старой Басманной, противъ Разгуляя, въ домѣ парикмахера Карла Шлаха. За смотрѣніе опредѣленной цѣны не назначалось.

Въ томъ же году на Кисловкѣ, близь Никитскаго монастыря, въ домѣ купца Телепнева показывался „маленькій безногій человѣкъ и его искусство съ разными удивительными штуками“, а въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ француза Марміона, можно было видѣть „весьма достойную любопытства машину, называемую *оракулъ*, которая на разные предлагаемые ей вопросы отвѣтъ даетъ“. За входъ платили по одному рублю. Машина эта даже и продавалась.

Въ 1764 году весною Москва съѣзжалась на *рыстанія* англійскаго берейтора Батеса, а осенью смотрѣла на Тверской африканскую птицу, называемую *струсъ*. О ристаніяхъ Батесъ увѣдомилъ публику даже особою афишею, въ которой значилось:

„По Высочайшему позволенію.

Недавно пріѣхавшій сюда славный аглинской берейторъ Батесъ, которой чрезъ долговременную науку, до нынѣшняго совершенства въ берейтерскомъ искусствѣ дошолъ, такъ что ни въ Англіи и ни гдѣ еще никто не видалъ, будетъ здѣсь въ Москвѣ показывать охотникамъ слѣдующее свое искусство:

1) Ѣздитъ онъ верхомъ на двухъ лошадяхъ на открытомъ полѣ нѣсколько разъ кругомъ во всю прыть.

2) Ѣздитъ вдругъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть; переметывается между тѣмъ съ одной на другую удивительнымъ образомъ.

3) Ѣздитъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть, стоя ногами на обѣихъ боковыхъ лошадяхъ; двухъ отпускаетъ и скачетъ на третью, не препятствуя лошадямъ въ бѣгу.

4) Ѣдучи на одной лошади во всю прыть соскакиваетъ съ оной и опять вскакиваетъ съ удивительнымъ проворствомъ и чрезъ ея прыгаетъ.

Мѣсто на которомъ сіе рысканіе будетъ происходить, обстоитъ на Красномъ прудѣ, за Локателліевымъ опернымъ домомъ. Въ первой разъ начнется сіе рысканіе въ понедѣльникъ апрѣля 26 дня, по полудни. Ворота будутъ отперты въ 4 часу, а въ 5 начнется дѣйствіе. Кто неизволитъ при входѣ билетовъ ждать, тотъ можетъ за ними послать на Тверскую улицу въ домъ князя Черкасскаго, къ французскому трактирщику.

Онъ (Батесъ) проситъ притомъ, чтобъ зрители никакихъ собакъ не приводили, дабы ему въ ѣздѣ не здѣлалось помѣшательства. Съ каждаго человѣка брано будетъ по 1 рублю."

Объ африканской птицѣ *струсѣ*, или страусѣ, объявлялось, что она „больше всѣхъ птицъ на свѣтѣ и притомъ чрезвычайно скоро бѣгаетъ, распустя крылья, и особливую имѣетъ силу въ кохтяхъ, которыми на бѣгу можетъ схватить камень и такъ сильно онымъ ударить, какъ бы изъ пистолета выстрѣлено было; оная жъ птица ѣстъ сталь, желѣзо, разнаго роду деньги и горящіе уголья. „При этомъ увѣдомляли, что „вышеупомянутая птица увезена будетъ въ Санктпетербургъ по первому зимнему пути и только за неспособною еще погодою остается здѣсь на малое время. За смотрѣніе оной каждой изъ благородныхъ можетъ заплатить по своему изволенію, а съ купечества брано будетъ по 25 копѣекъ. Простому же народу будетъ при самомъ входѣ цѣна объявлена. Время смотрѣнія будетъ продолжаться каждой день съ утра до вечера."

Въ 1765 году прибылъ въ Москву знаменитый въ то время *великанъ* Бернардъ Жилли, уроженецъ города Тридента. Необыкновенный его ростъ, въ 3½ аршина, такъ удивлялъ москвичей, что явилась даже лубочная картина, изображавшая великана, когда онъ показывалъ себя подъ Дѣвичьимъ на гуляньѣ 13 мая. Въ началѣ іюня великанъ Жилли напечаталъ въ вѣдомостяхъ объявленіе:

„Симъ объявляется, что сюда прибылъ великанъ именемъ Бернардъ Жилли, уроженецъ города Тридента, ростомъ въ три аршина съ половиною, во всемъ съ пропорціональными членами и такой величины, что не найдено еще человѣка, который бы ему свободно не могъ подходить подъ руку. Достопамятно, что онъ на десятомъ году не былъ ростомъ больше, какъ прочіе въ его лѣтахъ отроки; а послѣ того началъ столь чрезвычайно рости, да и нынѣ къ удивленію тѣхъ людей, кои при немъ неотлучно находятся, все еще его росту прибавляется. По отъѣздѣ изъ своего отечества имѣлъ онъ честь представленъ быть 13 государямъ, а именно: іюня 13 дня 1763 году обоимъ Римско-Императорскимъ Величествамъ и всему двору въ Лаксенбургѣ; потомъ Ихъ Величествамъ Королю Сардинскому, Французскому, Великобританскому, Гишпанскимъ: Фердинанду и Карлу III, Королевско-Гишпанскому Инфанту Донъ Филиппу; февраля 6 дня Папѣ Римскому Клименту XIII, мая 5 дня Королю обѣихъ Сицилій; Апрѣля 21 дня Курфирсту Баварскому, потомъ Курфирсту Саксонскому въ Дрезденѣ; Его Величеству Королю Прусскому въ Потсдамѣ, Его Величеству Королю Польскому въ Варшавѣ; а 21 Апрѣля сего 1765 году удостоился щастія представленъ быть и Ея Императорскому Величеству въ Сарскомъ Селѣ, неупоминая многихъ другихъ въ Европѣ владѣющихъ князей и знатнѣйшихъ особъ. Всякъ увѣренъ быть можетъ,

что никто еще не видывалъ человѣка такого чрезвычайнаго росту, и что такого здѣсь еще никогда небывало. Сей великанъ квартиру свою имѣетъ въ Нѣмецкой Слободѣ, подлѣ Католицкой церкви, въ домѣ Господина Ознобишина, а смотрѣть его можно поутру съ 11 по 2 часъ, а по полудни съ 4 по 9 часъ. Каждая персона имѣетъ платить по 40 копѣекъ; знатнымъ же особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ соизволеніе, сколько кто пожаловать заблагоразсудитъ. Въ томъ же домѣ продается его портретъ вырѣзанный на мѣди." Черезъ мѣсяцъ великанъ извѣщалъ публику, что онъ неотмѣнно выѣдетъ изъ Москвы іюля 11 въ Петербургъ, и что желающіе его видѣть могутъ пріѣзжать каждый день по утру съ 10 часовъ до 1 часу, а послѣ полудня—отъ 3 до 8 часовъ. При чемъ цѣну за входъ онъ убавилъ въ половину—по 20 коп. съ персоны, знатнымъ же особамъ по прежнему предоставлялъ на ихъ заблагоразсужденіе.

Въ 1766 году пріѣхалъ итальянецъ Іозефъ-Юліанъ Швейцеръ, „съ нѣкоторымъ числомъ большихъ и малыхъ собакъ, пріученныхъ къ разнымъ удивительнымъ дѣйствіямъ", которыя онъ и показывалъ любопытствующимъ персонамъ въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ графа Скавронскаго, повседневно, кромѣ воскресенья и четверга. Въ каждый день давалось по три представленія: первое начиналось въ четвертомъ, второе въ шестомъ, третье въ осьмомъ часу. За смотрѣніе „оныхъ дѣйствій" цѣна назначена была по рублю съ персоны. Но публикѣ, вѣроятно, показалось это очень дорого. Смотрѣть ученыхъ собакъ почти никто не являлся, такъ что чрезъ мѣсяцъ Іозефъ-Юліанъ Швейцеръ долженъ былъ уменьшить цѣну, объявивъ, что „за смотрѣніе привезенныхъ собакъ, которыя представляютъ разныя дѣйствія, съ господъ брано будетъ по 50, а съ *подлаго* народа по 10 копѣекъ съ человѣка. О чемъ чрезъ сіе въ послѣдній разъ объявляется."

Въ концѣ 1766 года прибыло „собраніе разныхъ искусниковъ, танцующихъ по веревкѣ, прыгающихъ, ломающихся и представляющихъ *Пантомиму*.“ Собраніе это начало оказывать свои дѣйствія 31 декабря, въ воскресенье, на придворномъ театрѣ, при Головинскомъ дворцѣ.

Въ 1767 году явился г. Тезіе, французскій механикъ, съ новою физическою оптическою машиною, которая во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно заслуживала полнаго любопытства москвичей. Вотъ газетное объявленіе г. Тезіе:

„Симъ объявляется, что господинъ Тезіе, бывшій Королевской Французской механикъ, побывавъ въ знатнѣйшихъ городахъ, нынѣ сюда прибылъ, которой по довольномъ странствованіи въ чужихъ земляхъ, неусыпнымъ своимъ стараніемъ изобрѣлъ новую физическую оптическую машину, посредствомъ которой онъ удивительнымъ перспективымъ представленіемъ по правиламъ архитектуры показываетъ города, замки, церкви сады, гавани, тріумфальныя ворота и прочія, любопытства достойныя, вещи, которыя зрителей довольно приводятъ въ удивленіе. При чемъ также представляетъ онъ разныя въ Парижѣ и Версаліи при выздоровленіи Французскаго и при бракосочетаніи Римскаго Короля въ Вѣнѣ бывшія иллюминаціи. Сіе показываетъ онъ завсегда такъ натурально, какъ оное въ самое то время происходило. А кто сіе видѣть пожелаетъ, тому сія машина и въ домъ принесена будетъ, сверхъ же того показываетъ и мореплаваніе кораблей, которое потомъ къ удивленію всѣхъ превращается въ прекрасную изъ свѣтлыхъ колеровъ состоящую живопись, а наконецъ въ пріятные сады плоды, цвѣты и проч. Онъ же даетъ наставленіе, какъ рисовать, такъ и мѣшать краски, и то обученіе оканчиваетъ въ 8 дней. Также дѣлаетъ и продаетъ разныхъ маперовъ и величины оптическія представленія, какія каждый по величинѣ объектовъ имѣть пожелаетъ. Еще же показываетъ онъ ко-

рабль, разбившійся по причинѣ жестокой бури при островѣ Мартиникѣ объ скалу, на которую человѣкъ изъ помянутаго корабля былъ выброшенъ, которой три мѣсяца питался камушками проглатывая разные каменья, данные ему для ѣствы. Желающіе сіе видѣть, сыскать помянутаго механика могутъ у Красныхъ Воротъ въ домѣ Его Сіятельства Князя Трубецкаго, у Французскаго трактирщика М. Оттона. При чемъ съ каждой персоны брано будетъ по 25 коп., а знатнымъ особамъ ничего не предписывается, но паче оставляется на ихъ щедрость, сколько каждая по своему соизволенію пожаловать соизволитъ."

Читатели, вѣроятно, могли замѣтить и въ предъидущихъ объявленіяхъ это оригинальное предложеніе знатнымъ и богатымъ платить за входъ сколько они „пожаловать соизволятъ". Щедрость русскаго барина, особенно когда что нибудь льстило его самолюбію, была очень хорошо извѣстна въ Европѣ, и преимущественно во Франціи. На такую щедрость расчитывали и всѣ подобныя объявленія иностранцевъ.

Иногда отъ нѣмцевъ не отставали и русскіе и тоже появлялись съ какимъ либо неслыханнымъ дивомъ. Въ январѣ 1766 года Московскія Вѣдомости объявляли, что „въ домѣ большаго Успенскаго собора протодьякона Петра Андреева, состоящемъ въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ, у малороссіянина Василья Иванова сына Репкова, дочь ево Александра, которой только три года отъ роду, играетъ на гусляхъ 12 штукъ сама собою безъ всякаго при томъ другихъ указыванія. Любопытные могутъ оную видѣть въ означенномъ домѣ, платя по 25 коп. съ персоны, также и въ домъ къ себѣ брать за особливую плату."

II.

Нѣмецкая Слобода и ея значеніе въ общественной жизни Москвы въ XVIII ст. Начальная исторія императорскихъ дворцовъ и садовъ на Яузѣ. Очеркъ исторіи театра въ Москвѣ въ первой половинѣ XVIII ст. Оперный Домъ, при Головинскомъ дворцѣ и у Красныхъ воротъ. Катальныя горы и другія придворныя и публичныя увеселенія. Покровская катальная гора. Мѣста публичныхъ увеселеній у частныхъ лицъ.

Изъ нѣсколькихъ газетныхъ объявленій, помѣщенныхъ выше, можно было замѣтить, что большая часть зрѣлищъ и большая часть пріѣзжавшихъ въ Москву кунштмейстеровъ показывались въ Нѣмецкой Слободѣ или на пути къ ней изъ центра города, напр. у Красныхъ воротъ, на Басманной, на Разгуляѣ и пр.

Въ XVIII ст. Нѣмецкая Слобода въ отношеніи остальной Москвы была нѣкотораго рода Петербургомъ, новою столицею, гдѣ около императорской резиденціи на Яузѣ сосредоточивалось все знатное и богатое, все владѣющее и управляющее, все просвѣщенное и цивилизованное, и главнымъ образомъ все иностранное, которое въ то время, по этому одному, что оно иностранное, почиталось во всѣхъ случаяхъ высотою и образцомъ и для частной и для общественной жизни. За это время въ Нѣмецкой Слободѣ господствовала Европа, притягивая къ себѣ всю новую общественность Москвы, подобно тому, какъ прежде въ другой мѣстности столицы, въ Кремлѣ, господствовала старая Русь и тянула туда всѣ общественныя отправленія стараго города. Въ Нѣмецкой Слободѣ теперь господствовало новое общество, для новыхъ потребностей котораго здѣсь же или въ окрестныхъ мѣстностяхъ и на пути сюда заводились, устроивались, процвѣтали всякія промышленныя, ремесленныя, торговыя, художническія, образовательныя, воспитательныя и вообще всякія цивилизующія статьи городской жизни и исключительно сосредоточивались всякія европейскія

потребы, новости и роскоши, чѣмъ Слобода особенно и красилась преимущественно передъ другими частями города, жившими еще по старому.

Заселеніе Нѣмецкой Слободы началось еще въ половинѣ XVI столѣтія. Нѣмецкіе ремесленники и художники, вызванные въ Москву на службу, были первыми поселенцами этихъ мѣстъ, весьма удаленныхъ въ то время отъ города. Здѣсь на берегу Яузы, между рѣкою и ручьемъ Кукуемъ, который впадалъ въ рѣчку Чечору, текущую въ Яузу отъ Краснаго Пруда, выстроены были для нихъ на счетъ казны домы и отведена земля подъ сады и огороды. Отъ ручья Кукуя и Слобода долгое время называлась *Кукуемъ* или *Кокуемъ*. Въ народѣ это названіе обратилось даже въ бранное слово: русскіе дразнили живущихъ здѣсь нѣмцевъ *Кокуемъ*. Объясняя это слово, Олеарій повѣствуетъ, что прозваніе Кукуй произошло по слѣдующему поводу. „Жены проживавшихъ здѣсь нѣмецкихъ солдатъ, завидѣвъ русскихъ, которые иногда заглядывали въ эти мѣста, обыкновенно говаривали другъ другу: „Kuck, Kuck hie“ т. е. „смотри, смотри сюда“, что русскіе обратили въ бранное слово.“ Нѣмцы очень обижались и жаловались даже царю, что ни за что, ни про что ихъ обносятъ на улицахъ разнаго рода ругательствами и сквернословіями, къ числу которыхъ вѣроятно принадлежало и слово: *кукуй*. обозначавшее должно быть извѣстнаго рода *кукишъ*. Въ областномъ языкѣ *куккуемъ* называется свадебный мясной пирогъ, а *кокуемъ* кокошникъ и даже праздникъ Ивана Купалы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это слово встрѣчается и въ топографической старинной номенклатурѣ, неизвѣстно только съ какимъ значеніемъ. Быть можетъ оно получило бранное значеніе лишь потому, что относилось къ мѣсту жительства нѣмцевъ. Впрочемъ не всѣ иностранцы, остававшіеся въ Москвѣ селились въ этой слободѣ. Въ XVII столѣтіи многіе и особен-

но люди торговые и военные, жили въ разныхъ частяхъ Бѣлаго и Землянаго города, откупали тамъ лучшія мѣста, строили большіе каменные домы и подконецъ обратили вниманіе приходскаго духовенства, которое жаловалось, что приходы наполняются иновѣрцами, чуждыми православію, и оттого причетъ лишается доходовъ. Къ этому присоединилось новое обстоятельство. Сначало всѣ иностранцы служилые и торговые жившіе въ Москвѣ, носили обыкновенно русское платье съ тою даже цѣлью, дабы охранить себя отъ оскорбленій со стороны народа, который всегда издѣвался надъ иноземнымъ костюмомъ. Но однажды, во время какой-то церковной процессіи, гдѣ присутствовалъ патріархъ, и гдѣ между народомъ толпились и нѣмцы, они на всенародныя благословенія патріарха не отвѣтили обычнымъ русскимъ челобитьемъ. Это обратило вниманіе іерарха, который, узнавъ что то были нѣмцы, изъявилъ свое неудовольствіе, что по незнанію благословляетъ недостойныхъ людей и что нѣтъ возможности различить православнаго отъ иновѣрнаго. Вскорѣ послѣдовалъ царскій указъ, чтобы всѣ иноземцы тотчасъ сняли русское платье и одѣвались бы по своему въ свое иноземское платье. Вмѣстѣ съ тѣмъ строго-настрого было запрещено жить нѣмцамъ въ городѣ съ повелѣніемъ всѣмъ имъ переселиться на Кокуй, на берега ручья Кокуя и Яузы, гдѣ въ 1652 году и устроена была Новая Иноземская Слобода, отмѣнившая и названіе Кокуя. Земля для постройки дворовъ въ этой Слободѣ роздана была въ то время соотвѣтственно значенію лицъ: служилымъ нѣмцамъ первой статьи, генераламъ, полковникамъ, маіорамъ, докторамъ и пр. отводили вдоль по 40, поперекъ по 20 сажень; второй статьи, къ которой кромѣ военныхъ офицеровъ принадлежали также аптекари и всѣ художники и ремесленники, вдоль по 30, поперекъ по 15 сажень; третьей статьи: вдоль по 15, поперекъ по 10, а всякихъ мелкихъ чиновъ служилымъ

нѣмцамъ вдоль по 10, поперекъ по 8 саженъ. Такимъ образомъ нѣмецкое населеніе Москвы совершенно отдѣлилось отъ русскаго, образовало особый маленькій городокъ. Храбрые офицеры, честные ремесленники, богатые купцы жили здѣсь свободно и независимо, не мѣшаясь съ русскими и въ полицейскомъ отношеніи управлялись сами собою, подобно всѣмъ остальнымъ слободамъ Москвы; они выстроили двѣ лютеранскія и двѣ реформатскія (англійскую и голландскую) церкви и основали даже школу, первоначальную гимназію.

Но, показываясь въ городѣ, нѣмцы и всѣ иностранцы, отличенные своею заморскою одеждою, по прежнему испытывали всяческія оскорбленія: мальчишки бѣгали за ними по улицамъ, бранили ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. По свидѣтельству Матвѣева такъ дразнили, напр., Датскаго резидента, который любилъ подгуливать на пирахъ у бояръ и нерѣдко возвращался въ Слободу почти безъ чувствъ. Ребятишки провожали его крикомъ „пьяница, пьяница, шинъ (тебѣ) на! Кокуй!“ Между тѣмъ въ это время существовалъ уже строгій указъ, грозившій даже кнутомъ за оскорбленіе иноземцевъ. Олеарій разсказываетъ, что нѣмцы подавали царю челобитье, прося защиты, обороны и покровительства отъ наглости русскихъ, что по этому челобитью и изданъ былъ упомянутый указъ съ повелѣніемъ именовать Кокуй Иноземскою Слободою, что были даже и случаи наказанья русскихъ кнутомъ за ругательство надъ нѣмцами. Несмотря однакожь на царскій указъ, сцены съ мальчишками и даже съ кучерами и извощиками и ругательныя преслѣдованія иноземцевъ повторялись до временъ Петра и вызывали новыя запрещенія, чтобъ „нѣмцамъ и иныхъ народовъ иноземцамъ никакихъ грубныхъ поносныхъ словъ не говорить и ни чѣмъ ихъ не дразнить.“

Весьма понятно, что въ эпоху преобразованія Нѣмецкая Слобода пріобрѣла совершенно иное значеніе и изъ потѣшной

нѣмечины, надъ которой, русскій простолюдинъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, почиталъ за необходимое посмѣяться и потѣшиться, она выросла необоримою силою, сдѣлалась учителемъ и повелителемъ не одной Москвы, но и всего государства.

Въ Нѣмецкой Слободѣ, какъ извѣстно, жили всѣ близкіе люди Петра, учитель Тиммерманъ, другъ Лефортъ и много другихъ иностранцевъ, первыхъ учителей и сработниковъ въ дѣлѣ преобразованія старой Руси на европейскій образецъ. Нѣмецкая Слобода была *первою школою*, гдѣ Петръ впервые познакомился съ Европой, съ европейскими науками, обычаями и учрежденіями и со всѣми удовольствіями европейскаго общежитія. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, подъ вліяніемъ иностранныхъ друзей, впервые зародилась, постоянно созрѣвала и укрѣплялась и самая мысль о государственномъ и общественномъ переустройствѣ.

Близкія отношенія Петра къ Нѣмецкой Слободѣ установились еще въ отроческихъ его лѣтахъ, когда, по смерти отца, царя Алексѣя, живя съ матерью по большой части въ Преображенскомъ, онъ весь отдался военнымъ играмъ и игрушкамъ, строилъ тамъ по правиламъ фортификаціи „потѣшные городки,“ бралъ ихъ съ бою приступомъ, устроивалъ на Яузѣ потѣшныя флотиліи изъ лодокъ и другихъ мелкихъ судовъ и безъ сомнѣнія не одинъ разъ подплывалъ и къ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ на самомъ берегу Яузы въ послѣдствіи стоялъ построенный государемъ же домъ Лефорта — наилучшаго царскаго друга. Въ этихъ воинскихъ потѣхахъ, относительно ихъ устройства, конечно, самое дѣятельное участіе принимали знающіе обыватели той же Слободы. Вотъ почему еще съ отроческихъ лѣтъ государя Слобода вошла въ самую тѣсную дружбу съ Преображенскимъ и эти двѣ мѣстности стали для него самыми привлекательными мѣстностями во всей

Москвѣ. Кремль со всѣмъ своимъ старымъ чиномъ жизни былъ совсѣмъ оставленъ и забытъ. Съ возрастомъ государя мало по малу составилась своя *компанія* изъ лицъ ему близкихъ, не по родству и не по придворнымъ отношеніямъ, а по способностямъ къ дѣлу, къ ученью, къ неутомимой работѣ. Поэтому сюда вошли люди разныхъ сословій и всякаго происхожденія, много русскихъ, довольно и иностранцевъ; но всѣ они въ глазахъ общаго дѣла были братья, друзья, равные другъ другу члены одной неразрывной компаніи, которая въ сущности представляла зародышъ новаго на Руси „общества", въ смыслѣ новыхъ началъ общежитія, новыхъ отношеній личности. Первое, на чемъ крѣпилась компанія, было именно то, что изъ нея были изгнаны всѣ „зѣльные чины" и всѣ отношенія лицъ поставлены на братскую ногу. Въ этомъ случаѣ Петръ шагнулъ дальше и самой Нѣмецкой Слободы, гдѣ своего рода чинопочитаніе никогда не выводилось. Конечно, это новое начало общежитія неиначе могло устроиться, какъ въ потѣшной увеселительной формѣ, почему и компанія со стороны своей общественности явилась каррикатурою, „всешутѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ", въ которомъ предсѣдательствовалъ князь—папа, Никита Зотовъ, „Всешутѣйшій отецъ Іоаникитъ, Пресбургскій, *Кокуйскій* и Всеязскій патріархъ". Этотъ титулъ ясно показываетъ, что исключительнымъ поприщемъ для увеселеній компаніи были старое Преображенское, гдѣ на Яузѣ, стояла крѣпостца Пресбургъ, первый потѣшный городокъ, взятый малолѣтнымъ Петромъ съ бою по правиламъ военной науки *), и потомъ старый Ко-

*) Вспоминая дѣтскіе годы, Петръ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1722 г., указомъ Сенату 8 іюня, повелѣлъ этотъ «деревянный городокъ построить вновь тѣмъ же манеромъ». Берхгольцъ видѣлъ его уже возобновленнымъ и говоритъ между прочимъ: «Тамъ по близости (въ Старомъ Преображенскомъ) устроена настоящая маленькая крѣпость, обнесенная съ трехъ сторонъ деревянными стѣнами, а съ четвертой, у входа, землею

куй—Нѣмецкая Слобода съ окрестными мѣстами Всеяузья, расположенными по берегамъ Яузы. Очень естественно, такимъ образомъ, что въ Петровское время наибольшее движеніе новой общественной жизни въ Москвѣ сосредоточивалось здѣсь на Яузѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ. Оттого сюда потянуло изъ города все, что тянуло слѣдомъ за преобразованіемъ; здѣсь стали селиться всѣ нововѣры, новые люди преобразованной Руси. Весьма также понятно, почему Нѣмецкую Слободу возненавидѣли всякіе староверы, такъ что въ одномъ изъ послѣднихъ стрѣлецкихъ заговоровъ положено было „Нѣмецкую Слободу разорить и нѣмцевъ всѣхъ порубить", какъ потомъ тоже намѣреніе высказалось въ 1708 г. въ бунтѣ Донцевъ-Булавинцевъ, говорившихъ, что имъ „дѣло только до нѣмцевъ". Но стрѣлецкіе мятежи, на той же Яузѣ, въ Преображенскомъ, были усмирены страшными казнями, а Нѣмецкая Слобода осталась здравствовать и сдѣлалась центромъ новаго общежитія Москвы.

Скоро государь и самъ сдѣлался слобожаниномъ, обывателемъ Нѣмецкой Слободы. По смерти Лефорта (1699 г.), онъ занялъ его домъ, увеличилъ его новыми пристройками и

въ видѣ вала, съ настоящимъ подъемнымъ мостомъ, и вся окруженная водою. Четыре маленькія башни замѣняютъ въ ней бастіоны, а въ срединѣ, противъ входа, сдѣланы еще большія ворота съ башнею на верху. Эта крѣпостца, находящаяся на маленькомъ острову, среди воды, стояла уже много лѣтъ, и теперь, послѣ отъѣзда императора, ее опять возобновили въ прежнемъ видѣ. Въ молодости государь часто потѣшался съ ней. Всѣ, кого онъ бралъ туда съ собою, должны бывали столько времени оставаться и пировать съ нимъ, сколько ему хотѣлось, потому что, какъ скоро снимали подъёмный мостъ, уйдти не было никакой возможности». (Дневникъ, 1722 г., перев., И. Аммона, стр. 306). Извѣстно, что и князь-кесарь Ромодановскій прозывался Пресбургскимъ королемъ. Дополнительныя подробности о значеніи и исторіи Всеяузья отъ временъ Петра см. выше стр. 187—193.

положилъ такимъ образомъ первое основаніе для императорской резиденціи въ этой московской мѣстности.

Въ 1707 г. въ Шведскую войну, по случаю общаго безпокойства, наведеннаго на Москву укрѣпленіемъ ея стѣнъ, государь писалъ 9 іюня: „Извѣстно намъ здѣсь учинилось, что у васъ на Москвѣ немалой страхъ произошелъ отъ того, стали крѣпить Московскіе городы. И то намъ зѣло дивно и смѣху достойно... извольте быть при помощи Божіей въ твердой надеждѣ... также извольте быть въ своей компаніи и веселитесь, при семъ насъ незабывайте. Особливо прошу васъ, извольте по часту на мой *Слободской* дворъ ѣздить и веселиться, и о томъ строителя просите, чтобы скорѣе совершилъ, чтобы къ нашему пріѣзду поспѣлъ, понеже мы надѣемся на милость Божію, что къ будущей зимѣ сія война счастливо окончается и съ тріумфомъ къ Москвѣ со всею арміею надѣемся приттить....."

Въ послѣдствіи къ Лефортовскому мѣсту былъ присоединенъ дворъ Головина, также государева друга, стоявшій на той сторонѣ Яузы, почти противъ Лефортовскаго дома. Въ 1722 г. Петръ купилъ этотъ дворъ у молодаго Головина, построилъ на томъ мѣстѣ деревянный дворецъ и велѣлъ развести обширный садъ съ прудами, каскадами, фонтанами и каналами, который былъ не только увеселительный, но и плодовой, а также аптекарскій и овощный.

Надзоръ за строеніемъ этихъ дворцовъ былъ порученъ тогдашнему оберъ-коменданту Москвы Измайлову, а разведеніе и устройство садовъ доктору Бидлоо, который тутъ же подлѣ сооружалъ генеральный гошпиталь. Впрочемъ вскорѣ главнымъ садовникомъ былъ назначенъ голландецъ Брантгофъ или, какъ называли его по русски, Брантовъ, Брантъ, которому отдано было въ ученье и нѣсколько русскихъ учениковъ. Въ 1724 году, осматривая новый садъ, Петръ обратилъ

особое вниманіе на каналы, устроенные въ соотвѣтствіе дорожкамъ для прогулокъ по водѣ, и повелѣлъ содержать въ нихъ воду съ береговыми брусьями на-ровень. Для этой цѣли хозяину площильной и сукноваляльной мельницы, стоявшей на Яузѣ ниже Салтыкова моста, нѣмцу Меэру, дано было наставленіе и указана мѣра, на какой высотѣ содержать воду на своей плотинѣ.

Послѣ Петра Головинскій и Лефортовскій или Слободской Старый домы остались въ теченіи всего XVIII ст. императорскими дворцами.

Въ пріѣздъ въ Москву Петра II, въ Головинскомъ домѣ помѣщался Дворъ, а въ Лефортовскомъ жилъ самъ государь и цесаревна Наталья Алексѣевна, которая здѣсь и скончалась. Государь по этому печальному случаю выѣхалъ было въ Кремль, но потомъ снова поселился здѣсь, вѣроятно потому, что Кремлевскій дворецъ, очень тѣсный для новой жизни и довольно обветшавшій, не представлялъ тѣхъ удобствъ, какія можно было имѣть во дворцѣ Лефортовскомъ, построенномъ совершенно по-европейски. Въ этомъ дворцѣ совершилось обрученіе Петра II съ княжною Долгорукою и здѣсь же онъ и скончался къ величайшей горести всего государства.

Императрица Анна, пріѣхавъ къ коронаціи въ Москву, остановилась сначала въ Кремлѣ, въ уютныхъ комнатахъ древняго Потѣшнаго дворца. Однако въ маѣ 1730 года она посѣтила и Головинскій домъ и дала въ тамошнемъ саду великолѣпный праздникъ съ баломъ и фейерверкомъ. На лѣто она уѣхала въ Измайлово—принадлежавшее ея матери царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и вообще роду царя Ивана Алексѣевича, ея отца. Между тѣмъ въ Кремлѣ, подлѣ арсенала, по ея повелѣнію строился новый дворецъ, деревянный, архитекторомъ котораго былъ извѣстный зодчій графъ де Растрелли. Къ осени дворецъ былъ построенъ очень красиво, по отзыву современниковъ, и убранъ

съ большимъ великолѣпіемъ. Въ честь императрицы онъ названъ былъ *Аннингофомъ*, именемъ, которое вполнѣ характеризовало даже полунѣмецкое или и совсѣмъ нѣмецкое направленіе и владычество ея царствованія. 28 октября императрица праздновала въ немъ свое новоселье.

Но Головинское мѣсто съ Петровскимъ садомъ такъ ей понравилось, что она задумала и здѣсь устроить себѣ постоянное жилище и повелѣла неподалеку отъ Головинскаго дома выстроить новый, тоже деревянный, Аннингофъ, который стараніями тогоже де-Растрелли былъ изготовленъ къ лѣту 1731 года, когда государыня и переселилась въ него на житье и оставалась тамъ и зимою до своего отъѣзда въ Петербургъ 7 января 1732 г. Послѣ того въ Москвѣ она уже не бывала. Однако ея заботы объ устройствѣ этого дворца не прекращались почти до конца ея царствованія. Особое вниманіе съ ея стороны было обращено на устройство здѣшнихъ садовъ. Еще въ годъ ея пріѣзда въ Москву, 16 мая 1730 г., состоявшій при садахъ главный Петровскій садовникъ Брантгофтъ подалъ длинный реестръ растеніямъ, какія слѣдовало выписать для болѣе роскошнаго устройства Головинскаго сада (см. выше, стр. 322). Но видимо услуги Брантгофта оказывались уже недостаточными и въ томъ же году 4 августа Головинскій садъ снова былъ отданъ въ главное завѣдываніе доктора Бидлы или Бидлоу съ слѣдующимъ указомъ: „Повелѣваемъ вамъ, чтобъ вы Головинской садъ имѣли въ своемъ смотрѣніи и что надлежитъ во ономъ починить и прибавить къ лучшему украшенію онаго саду приложить вамъ трудъ свой. Также въ селѣ Измайловѣ противъ дворца нашего къ рощѣ сдѣлать садъ новой и для того учинить вамъ планы, какъ оному саду быть заблагоразсудите.... и въ строеніи того саду имѣть вамъ свое стараніе, чтобъ какъ можно скорѣй оной сдѣланъ быть могъ“. Брантгофтъ остался на своемъ мѣстѣ, но

къ нему причисленъ въ товарищи или въ помощники новый садовый мастеръ, француженинъ Денисъ Брокетъ, обрѣтавшійся съ 1710 года у садовой работы въ петербургскихъ садахъ, въ Катерингофѣ и въ Стрѣлинѣ Мызѣ, и съ первыхъ чиселъ мая 1731 года поступившій на ту же работу въ Москву для болѣе широкаго устройства этого Головинскаго сада, который теперь сталъ называться уже Аннингофскимъ. Брантгофтъ получалъ жалованья 540 р., а Брокетъ 370 р. Въ прибавокъ къ старому Головинскому новый Аннингофскій садъ былъ раскинутъ выше, по горѣ, вблизи новаго дворца Аннингофа. Въ немъ также стали копать пруды и каналы. Марта 3 въ 1732 г. Денисъ Брокетъ доносилъ, что требуется въ Аннингофъ, въ новый садъ, для саженья деревьевъ: илму, вязу, клену, липы 400 деревъ, и что такія деревья взять можно изъ отписнаго сада кн. Алексѣя Долгорукаго, который близь Краснаго пруда и находится тоже подъ вѣдѣніемъ доктора Бидлоу. Въ сентябрѣ онъ подалъ роспись цвѣтовъ, надобныхъ для посадки, см. выше, стр. 329. Въ томъ же году выписывались сюда же изъ Персіи разныя деревья, см. выше, стр. 327. Между тѣмъ фонтанный мастеръ Поль Свалемъ занимался устройствомъ водяной садовой статьи, обдѣлывалъ каналы, бассейны и фонтаны, для чего было положено чугунныхъ трубъ 600 въ два фута въ діаметрѣ и 1500 въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ.

Въ 1733 г. садъ находился уже въ достаточномъ устройствѣ, и былъ описанъ для казеннаго свѣдѣнія, см. выше, стр. 325. За этотъ же годъ имѣемъ свѣдѣніе и о томъ, какими растеніями засѣвался и его огородъ, см. стр. 329.

Однако въ Петербургѣ, по видимому, очень заботились, чтобы новозастроенный садъ въ полной мѣрѣ соотвѣтствовалъ императорскому жилищу и новымъ потребностямъ Двора. Извѣстно, какъ нѣмцы любили садоводство, а они тогда всѣмъ

можнобъ было ѣздить коретами, наконецъ особый садъ *вавилонъ* или лабиринтъ.

На другой годъ, 17 марта 1736 г., императрица повелѣла перенести на Головинское мѣсто и свой первый кремлевскій Аннингофъ, который по выстройкѣ названъ былъ *зимнимъ*, а головинскій прежній—*лѣтнимъ*.

Всѣ постройки, какъ и планированіе сада, производились по инструкціямъ оберъ-архитектора графа де Растрелли. Однако въ отношеніи зданій капитальнаго ничего не было сдѣлано, по той причинѣ, что императрица постоянно жила въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, слѣдовательно, не было нужды строить болѣе помѣстительные и роскошные дворцы.

Всего въ это царствованіе на строеніе Аннингофскаго дома и сада въ разное время отпущено слишкомъ 130 тысячь и на починку большаго Слободскаго (Лефортовскаго) Дома около 89 тысячь.

При возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы, когда къ коронаціи въ Москву долженъ былъ пріѣхать весь Дворъ,— оказалось что во дворцахъ по ихъ неустройству жить было нельзя, почему и воспослѣдовалъ слѣдующій указъ, данный 1741 г. декабря 10 на имя графа Салтыкова: „Указъ нашему генералу графу Салтыкову. По полученіи сего, дворцы наши въ Москвѣ, Кремлевскій домъ, которой перенесенъ въ Аннингофъ и Лефортовской каменной домъ, имѣете вы привести въ совершенное состояніе, какъ можнобъ было намъ по прибытіи нашемъ въ Москву жить; для чего отправленъ отъ насъ архитекторъ нашъ Земцовъ, который будетъ надъ работами въ починкѣ смотрить и чего будетъ требовать, припасовъ и людей мастеровыхъ, то вы имѣете ему дать по его требованію. А о внутреннихъ уборахъ въ тѣ домы, кои есть на лицо въ Москвѣ, въ казенной, обоевъ, зеркалъ, картинъ, кроватей, столовъ, стульевъ и протчаго, что чего есть и ка-

Въ старомъ Головинскомъ саду, который прилегалъ къ самой Яузѣ, оставались прежніе девять прудовъ: пять *малыхъ прудковъ*, *большой прудъ съ двумя островками* и фонтанами, *овальный прудъ* съ каскадомъ, *крестовый прудъ*, тоже съ фонтанами, огороженный *париліею* или перилами изъ рѣзныхъ балясъ, *узкій каналъ* и *осмигранный каналъ*, около *осмиграннаго* большаго острова, на которомъ еще при Петрѣ Великомъ стояла большая бесѣдка, обтянутая проволокою для птицъ. На ней въ 1744 г., взамѣнъ прежней тесовой кровли, поставленъ куполъ, а на верху прежняя же деревянная золоченая статуя съ крыльями. Всѣхъ каналовъ въ этомъ саду было 1680 сажень. Въ новомъ Аннингофскомъ верхнемъ саду находился *верхній каналъ*, выкопанный передъ Аннингофскимъ дворцомъ и облегавшій его съ трехъ сторонъ; а нѣсколько ниже — *четырегранный прудъ*. Берега каналовъ и прудовъ были укрѣплены бревенчатыми обрубами на сваяхъ; берега же овальнаго пруда выложены камнемъ. Изъ верхняго канала въ овальный прудъ устроенъ былъ шлюзъ, то есть проведена труба, которая доставляла воду для игранія фонтановъ. Садъ былъ насаженъ, какъ уже видѣли, самыми разнообразными деревами: березами, липами, вязами, кленами, соснами, елками и различнымъ кустарникомъ. Вдоль каналовъ и прудовъ тянулись *першпективы*, *аллеи*; по сторонамъ и у прудовъ были насажены *боскеты*. Въ одномъ мѣстѣ разсаженъ былъ даже *лабиринтъ* или *вавилонъ*. Кромѣ того по удобнымъ мѣстамъ находились цѣлыя рощицы изъ яблонь, грушъ и вишенъ. Изъ плодовыхъ же кустарниковъ насажены были и *шпалеры*. Недалеко отъ дворца начиналась *крытая дорога*, украшенная живописью итальянскимъ мастеромъ Валеріани. Цвѣтники или партиры были обсажены брусничникомъ и *буксбаумомъ*. На видныхъ мѣстахъ красовались каменныя статуи, золоченые купидоны и

сфинксы, а другія бѣлыя Венусъ, Самсонъ и пр. Большіе цвѣточные горшки были также золоченые. Ранжереи были наполнены разными рѣдкими деревьями и цвѣтами. Садовникъ Брантгофтъ, для поддержки и улучшенія здѣшняго садоводства получавшій съ 1724 по 1735 года на покупку деревъ и семянъ по 60 рублей въ годъ, съ сороковыхъ годовъ довольствовался уже своими семянами. Изъ ранжерей и изъ саду фрукты нетолько отсылались ко Двору, даже въ Петербургъ, но за излишествомъ и продавались, напр. ананасы, персики, виноградъ, бѣлый и красный, заморскія груши *пуробланзи*, баргамоты, апельсины, цитроны, помаранцы, лавровый листъ и пр.; также огородныя овощи, огурцы, рѣдька, рѣпа, разные салаты, коренья и травы и *россійскія* ягоды, смородина малина и т. п.*) Вообще садъ былъ въ такомъ состояніи, что доставлялъ самую пріятнѣйшую прогулку для Двора и всѣхъ знатныхъ персонъ, которымъ однимъ и былъ туда свободный доступъ. По каналамъ и прудамъ посѣтители могли кататься въ *баржахъ*, *верейкахъ*, и другихъ садовыхъ гребныхъ судахъ, расписанныхъ красками и по мѣстамъ золоченыхъ. Весь садъ огороженъ былъ прекрасною высокою рѣшеткою; среди которой при въѣздѣ стояли тріумфальныя ворота, построенныя въ 1742 году для торжественнаго въѣзда императрицы Елисаветы и черезъ годъ, по случаю новаго пріѣзда въ Москву, возобновленныя, для чего изъ Петербурга были присла-

*) Въ 1756 г. въ августѣ къ столу Ея Величества доставлено перзиковъ 25, винограду бѣлаго 5 кистей, ананасъ 1; въ сентябрѣ перзиковъ 25, грушъ заморскихъ пуробланзи 20, винограду бѣлаго и краснаго 7 кистей. Въ 1765 г. сентября 12 Бецкій изъ Спб., далъ Гофъ Интендантской Конторѣ слѣдующее *предложеніе*: «Ея Императорскому Величеству приспѣвшія въ Головинскомъ саду сливы нѣмецкія желтыя угодны явились, того ради, какъ оныя, такъ, въ силу посланнаго отъ нея предъ симъ предложенія, баргамотовыя деревья какъ наивозможно стараться размножить».

ны живописцы, итальянецъ Тарсія и съ нимъ русскіе: Алексѣй Поспѣловъ съ ученикомъ Романомъ Никитинымъ и Ѳедоръ Алмазниковъ съ сыномъ.

Но несмотря на изящное по тому времени устройство сада, въ немъ было одно и для гуляющихъ очень важное неудобство, которое впрочемъ условливалось самымъ характеромъ мѣстности, большею частію низменной и сырой. Въ прудахъ и каналахъ, а также и въ Яузѣ было великое множество лягушекъ, которыя развелись здѣсь можетъ быть и потому, что пруды и каналы не были чищены надлежащимъ образомъ со временъ Петра Великаго и до 1751 года. Графъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что императрица Елисавета очень любила лягушечье кваканье и населяла лягушками пруды своихъ резиденцій. Есть также извѣстіе, что еще въ 1732 и 1733 годахъ лягушки сюда навезены были изъ разныхъ мѣстъ по особому повелѣнію.

Объ этомъ разсказываетъ одинъ сатирическій еженедѣльникъ, Всякая Всячина на 1769 годъ, описавшій выдуманный разговоръ здѣшнихъ лягушекъ въ обличеніе глупаго чванства знатныхъ особъ своего времени, помышлявшихъ больше всего о себѣ, а не объ общей пользѣ. Притча, вѣроятно, заключала въ себѣ много соли для тогдашнихъ придворныхъ отношеній, такъ какъ изданіемъ этого журнальца занималась сама императрица, Екатерина II.

„Любимая мысль моя, говоритъ авторъ, бываетъ та, будтобы всякое животное другъ друга разумѣетъ. Мнѣ кажется они разговариваютъ между собою и сообщаютъ одно другому свое мнѣніе или мысли. Статься можетъ, что воображеніе ихъ не столь обширно, какъ наше. Они имѣютъ менѣе нашего нуждъ, менѣе нашего можетъ быть словъ и выраженій имѣютъ; однако я очень люблю думать о семъ. Однажды весною я занятъ былъ сими мыслями. Живя на Москвѣ, поѣхалъ я

въ Головинской садъ. и сошелъ внизъ къ Яузѣ, дабы углубиться въ вышеписанныхъ мнѣ пріятныхъ мысляхъ. Какъ я, идучи, сравнялся противъ перилъ, кои около каменной отдѣлки, изъ которой бьютъ фонтаны, — то увидѣлъ я человѣка не менѣе меня въ мысляхъ. Онъ облокотясь на перила, почти перевисъ чрезъ оныя, и мнѣ казалось, будто онъ что то слушаетъ". Авторъ встрѣтилъ точно такого же испытателя природы, который усердно подслушивалъ лягушечьи разговоры и очень сожалѣлъ, что ему помѣшали. Онъ объяснялъ: „Давно я упражняюся въ мысляхъ тѣхъ, въ коихъ вы меня сегодня застали. Я всегда во звѣряхъ и животныхъ почиталъ быть болѣе чувства и смысла, нежели обыкновенно въ нихъ ищутъ: и для того я отмѣнно старался испытывать тѣхъ, кои болѣе другихъ употребляютъ свой голосъ, какъ то гуси и лягушки. Я весьма обрадовался когда повелѣніе воспослѣдовало въ 1732 и 1733 годѣ навезти изъ разныхъ сторонъ лягушекъ въ сей садъ. Съ того времени я часто очень сюда хожу; и отъ моего прилежанія сдѣлалося, что я нынѣ зачалъ хотя со трудомъ разумѣть ихъ разговоры." Затѣмъ разсказывается притча о большой надутой лягушкѣ, не хотѣвшей квакать за урядъ со всѣми другими.

Для насъ въ этомъ разсказѣ любопытна замѣтка, о которой мы уже говорили. Если годы не перемѣнены намѣренно, вмѣсто сороковыхъ, на тридцатые, то любительницею лягушечьяго кваканья, по замѣткѣ гр. Растопчина, оказывается не Елисавета, а императрица Анна Ивановна, которая впрочемъ, уѣхавъ изъ Москвы, именно въ 1732 г., ни разу потомъ не бывала въ древней столицѣ и въ своей Яузской резиденціи. Между тѣмъ оффиціально извѣстно, что въ 1744 году еще въ февралѣ, 8 числа, воспослѣдовалъ Высочайшій изустный указъ императрицы Елисаветы, „чтобъ какъ станетъ вода вскрываться, какъ въ старомъ Головинскомъ саду

въ прудахъ и каналахъ, такъ и въ новомъ саду въ каналахъ, лягушекъ неводами ловить и прочь ихъ отвозить, куда надлежитъ далѣе, чтобъ ихъ въ тѣхъ каналахъ и прудахъ небыло". Апрѣля 10 сдѣлана была объ этомъ публикація и съ торговъ купецъ Семеновъ объявилъ послѣднюю цѣну 480 рублей, съ обязательствомъ выловить всѣхъ лягушекъ въ Головинскомъ саду во всѣхъ прудахъ и каналахъ и при Лефортовскомъ домѣ въ прудахъ же и каналахъ и по Яузѣ по близости онаго саду по берегамъ, гдѣ имѣются болотныя мѣста, своими неводами и своими работными людьми, на своихъ лошадяхъ и въ своихъ кадкахъ. Цѣна однако была очень высока и потому по представленію садовника Брантгофта начальство рѣшило вылавливать лягушекъ собственными средствами и для того содержать при садахъ четырехъ рабочихъ, съ двумя неводами, двумя бродниками и двумя кадками. Впрочемъ, кромѣ лягушекъ, вóды дворцовыхъ садовъ при весеннихъ потокахъ и разливахъ Яузы много засаривались отъ окрестныхъ мѣстъ, такъ что настоятельно требовалась общая очистка и прудовъ и каналовъ, которая и произведена въ 1751 году. Съ того же времени являются постоянныя наблюденія за чистотою дворцовыхъ водъ и потомъ въ 1764 году строго было подтверждено чтобъ „всѣ способы употреблять дабы къ Головинскому дому и саду ближнія нечистоты какъ воздухомъ, такъ и водою быть не моглись".

Первоначально Головинскій садъ былъ совсѣмъ закрытъ для городской публики. Гофъ Интендантской конторѣ, которая завѣдывала имъ, приказано было „*смотрѣть накрѣпко*, чтобъ никого, кромѣ знатныхъ персонъ, въ садъ не пущать" (1742 г.). Запрещеніе это исполнялось самымъ строгимъ образомъ, такъ что садовникъ Брантгофтъ принужденъ былъ въ 1746 году жаловаться высшему начальству. Онъ писалъ, что Гофъ Интендантская контора, поступая въ отношеніи къ саду

во всѣхъ частяхъ *ослабительно*, „только имѣетъ одно запрещеніе, чтобъ въ Головинскій садъ для покупки всякой зелени и фруктовъ чрезъ Лефортовскій дворецъ и по мостамъ, которые имѣются чрезъ рѣку Яузу, какъ конные такъ и пѣшіе никто не ѣздилъ и не ходили и пропускать не велятъ; а во оный Головинскій садъ для покупки всякихъ фруктовъ и протчаго имѣютъ ѣздить генералитеты, штапы, оберъ и ундеръ офицеры и протчіе знатные особы и отъ нихъ посланные люди завсегда"... Контора отъ 18 іюня 1747 г. объяснила, что „черезъ Яузу рѣку изъ Нѣмецкой слободы къ Головинскому дому построенъ мостъ для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ присутствія, для ѣзды ко дворцу, которымъ нынѣ въ воскресные и въ праздничные дни ѣздили разныхъ чиновъ людей многое число для гулянья въ Головинской садъ колясками, цуками и парами, и тою ѣздою разбиваютъ мостъ и чинитца тому мосту немалое поврежденіе; къ томужъ по саду ходятъ многолюдно съ лакеями; и для того ѣздить запрещено, кромѣ знатныхъ персонъ, чего ради и надолбы поставлены; такожъ и чрезъ Лефортовской домъ и по мосту, который противъ онаго дому, для проѣзду въ Головинской садъ посторонним людямъ, которые поѣдутъ только для гулянья въ садъ, а не для покупки фруктовъ, на роспускахъ, и подлой народъ, крестьянства и бурлаковъ, какъ мужеска такъ женска половъ пропущать запрещаеможъ, для того, что отъ него Брантова въ прошлыхъ 743 декабря 31 и 744 годехъ февраля 24 чиселъ, доношеніями представлено было, которыми объявлялъ, что усмотрѣно де имъ, что чрезъ тотъ садъ отъ тріумфальныхъ воротъ ѣздятъ на лошадяхъ между яблонь и протчего деревья разныхъ чиновъ люди и прокладываютъ дороги; которыми (доношеніями) просилъ, чтобъ проѣзжающимъ разныхъ чиновъ людемъ ѣздить запретить, чтобъ саженымъ деревьямъ поврежденіе не учинилось. Да онъ же

Брантовъ и словесно неоднократно о запрещеніи предъявлялъ, чтобъ подлаго народу и другихъ незнатныхъ людей безъ дѣла пущать не повелѣно было. А проѣзжающимъ для покупки зелени и фруктовъ ѣздить запрещенія не имѣлось. А по которымъ мѣстамъ ѣздить и ходить запрещено, то и кромѣ тѣхъ мѣстъ имѣются чрезъ Яузу рѣку вольные мосты, вблизости подлѣ того саду къ Гофъ Шпитали разстояніемъ въ 50 или 60 саженяхъ, и по другую сторону изъ Нѣмецкой Слободы, который называется Салтыковской; и по тѣмъ мостамъ ѣздить всякихъ чиновъ людемъ не запрещено."

Изъ этой переписки вообще видно, что кромѣ знатныхъ персонъ садъ нерѣдко посѣщали и средовичи: растворялись кошельки, растворялись и ворота, тѣмъ болѣе, что въ самомъ саду производилась торговля фруктами и цвѣтами. Въ 1751 году Гофъ-Интендантская контора доносила: „Въ Головинскій садъ, а особливо въ лѣтнее время, ѣздя, гуляютъ разныя персоны и при нихъ бываютъ люди ихъ и между тѣмъ входятъ подлые многіе люди, отъ чего деревьямъ и цвѣтамъ не безъ поврежденія бываетъ, а особливо и кражи являются. „Однако въ томъ же году іюля 22 послѣдовало Высочайше повелѣніе: „въ Головинской садъ во время Высочайшаго Ея И. В. отсутствія для смотрѣнія допускать шляхетство и дворянство, тожъ изъ приказныхъ и изъ купечества, не подлыхъ, со объявленіемъ, дабы они въ томъ Ея И. В. саду ничего не ломали и не рвали, такожъ и трактированія не имѣли.... а во время Высочайшаго Ея И. В. въ Москвѣ присутствія безъ билетовъ изъ Придворной Конторы, кромѣ мастеровыхъ и работныхъ людей для работъ въ тѣхъ садахъ,—никого не пропускать." Надо замѣтить, что мастеровые и рабочіе сада ходили въ особыхъ мундирахъ по Высочайше утвержденному покрою.

При Императрицѣ Елисаветѣ къ числу дворцовыхъ зданій въ Головинской мѣстности на Яузѣ присоединился построен-

бокой ночи, увеселяясь при этомъ фейерверками и разными потѣшными огнями. Когда театръ былъ совсѣмъ готовъ и начались представленія по два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, то по Москвѣ обнародованъ былъ указъ, что „въ тѣ назначенные дни городовыя ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, въ ночное время до девятаго часа будутъ не заперты, и съ проѣзжихъ всякаго чина людей, съ русскихъ и иноземцевъ, проѣзжая указная пошлина брана не будетъ, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно“.

По отзыву одного современника (Бассевича), это былъ прекрасный и просторный театръ со всѣми удобствами для зрителей. Но труппа, по его же замѣчанію, вовсе не стоила такого зданія и всѣхъ хлопотъ, какія были употреблены для устройства этого дѣла. Тогда и въ самой Германіи театръ стоялъ еще на низменности средневѣковыхъ вкусовъ и порядковъ и потому не могъ, конечно, выслать къ намъ, для нашего обученія, ничего достойнаго. Вскорѣ обнаружилось, что труппа отличалась всѣми качествами разгульныхъ бродячихъ дружинъ.

Антрепренеръ перессорился съ своими актерами и жаловался, что они ведутъ разгульную жизнь, кутятъ и его не слушаютъ. Актеры жаловались на него, что роскоши имѣетъ многія, значитъ тоже кутитъ, безчеститъ ихъ напрасно бранными словами и дѣла имъ никакого не даетъ. Однако по мысли Петра къ осени того же 1702 г. рѣшено было отдать въ театральную науку тому же Куншту русскихъ людей, набранныхъ по большой части изъ молодыхъ подьячихъ.

Надо замѣтить, что въ то самое время, какъ нѣмцы дѣйствовали еще въ Лефортовскомъ домѣ, русскіе, по сказанію Бруина, сдѣлали попытку, въ подражаніе имъ, сами съиграть нѣсколько небольшихъ представленій, которыя впрочемъ ока-

ный въ 1742 г. на случай коронаціи для увеселенія Двора *Оперный Домъ*.

Для Москвы это былъ первый театръ, въ которомъ ея высшее общество ознакомилось съ театральнымъ искусствомъ, какого прежде невидывало, или по крайней мѣрѣ не имѣло о немъ надлежащаго понятія. Оперный домъ былъ устроенъ истинно по европейски и главное по французски и въ постановкѣ пьесъ не многимъ уступалъ даже инымъ заграничнымъ придворнымъ театрамъ.

Театральное искусство или собственно театральныя увеселенія въ Москвѣ, какъ извѣстно, гражданствовали еще со времени Петра Великаго, который употреблялъ не мало стараній, дабы водворить въ древней столицѣ и эту необходимую статью народнаго полированія. Въ 1701 г. онъ послалъ за границу нарочнаго, изъ комедіантовъ, Ягана Сповскаго, поручивъ ему собрать тамъ для Москвы театральную труппу. Былъ нанятъ Яганъ Кунштъ, нѣмецъ изъ Данцига, который по условію обязался за 5000 ефимковъ въ годъ угодить царскому величеству всѣми вымыслами, и потѣхами, и набралъ актеровъ— нѣмцевъ по всему вѣроятію изъ странствующей театральной дружины. Въ 1702 г. эта труппа состоявшая изъ девяти человѣкъ была уже въ Москвѣ. Комедіальная деревянная храмина длиною 20, въ ширину 15, а въ вышину 7 саж. была построена на Красной Площади близъ Николаевскихъ воротъ, а въ ней театрумъ, и хоры, и лавки..., а покамѣстъ храмина строилась для представленій въ теченіе зимы устроенъ былъ временной комедійной театрумъ съ хорами въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Лефорта, въ большой Палатѣ. Въ это самое время Петръ праздновалъ *первую* побѣду надъ Шведами, которыхъ тогда побилъ Шереметевъ подъ Ерестферомъ. Въ комедіальной новой храминѣ, которая для театра быть можетъ еще не совсѣмъ была готова, онъ давалъ банкетъ и пировалъ до глу-

бокой ночи, увеселяясь при этомъ фейерверками и разными потѣшными огнями. Когда театръ былъ совсѣмъ готовъ и начались представленія по два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, то по Москвѣ обнародованъ былъ указъ, что „въ тѣ назначенные дни городовыя ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, въ ночное время до девятаго часа будутъ не заперты, и съ проѣзжихъ всякаго чина людей, съ русскихъ и иноземцевъ, проѣзжая указная пошлина брана не будетъ, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно".

По отзыву одного современника (Бассевича), это былъ прекрасный и просторный театръ со всѣми удобствами для зрителей. Но труппа, по его же замѣчанію, вовсе не стоила такого зданія и всѣхъ хлопотъ, какія были употреблены для устройства этого дѣла. Тогда и въ самой Германіи театръ стоялъ еще на низменности средневѣковыхъ вкусовъ и порядковъ и потому не могъ, конечно, выслать къ намъ, для нашего обученія, ничего достойнаго. Вскорѣ обнаружилось, что труппа отличалась всѣми качествами разгульныхъ бродячихъ дружинъ.

Антрепренеръ перессорился съ своими актерами и жаловался, что они ведутъ разгульную жизнь, кутятъ и его не слушаютъ. Актеры жаловались на него, что роскоши имѣетъ многія, значитъ тоже кутитъ, безчеститъ ихъ напрасно бранными словами и дѣла имъ никакого не даетъ. Однако по мысли Петра къ осени того же 1702 г. рѣшено было отдать въ театральную науку тому же Куншту русскихъ людей, набранныхъ по большой части изъ молодыхъ подьячихъ.

Надо замѣтить, что въ то самое время, какъ нѣмцы дѣйствовали еще въ Лефортовскомъ домѣ, русскіе, по сказанію Бруина, сдѣлали попытку, въ подражаніе имъ, сами съиграть нѣсколько небольшихъ представленій, которыя впрочемъ ока-

зались довольно плохи, какъ и слѣдовало ожидать по первому началу. Но это показывало, что театръ царя Алексѣя Мих., заведенный въ Москвѣ въ самый годъ рожденія Петра, въ 1672 г., оставилъ по себѣ слѣдъ, сохранивъ, покрайней мѣрѣ посреди школьной и посадской молодежи охоту къ увеселеніямъ подобнаго рода. Выбрано было въ новую театральную школу 17 человѣкъ. Кунштъ обязался „учить ихъ всякимъ комедіямъ съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ". Ученики ходили къ нему учиться всякій день на-домъ, въ Нѣмецкую слободу, получая скудное содержаніе, и потому очень бѣдствовали. Въ 1703 г. Кунштъ померъ и на его мѣсто поступилъ другой нѣмецъ, Фюрштъ. Русская труппа, получившая въ комедіальной наукѣ уже достаточныя познанія, осталась недовольною новымъ директоромъ и просила, чтобы, для смотрѣнія за актерами, выбрать кого либо изъ русскихъ-же учениковъ, а иноземца отставить, указывая, что „которыя комедіи они, комедіянты выучили и тѣ комедіи, за нерадѣніемъ его Фюрштъ въ комплементахъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ, дѣйствуютъ не въ твердости, для того, что онъ иноземецъ, ихъ русскаго поведенія не знаетъ." Но если нѣмцы по незнанію языка плохо устроивали русское комедіальное ученье, за то ихъ нѣмецкая разгульная жизнь была усвоена русскими учениками въ полной мѣрѣ. Русскіе комедіанты, желая, вѣроятно отличить себя новымъ чиномъ, носили безъ указу шпаги, и многіе не въ поясахъ носили, а прямо въ рукахъ, и ходили непрестанно по гостямъ и пили, забирали въ рядахъ товары и денегъ не платили, чинили торговымъ и другимъ людямъ всякіе задоры, придираясь къ безчестью, чтобъ съ кого что взять нахально; инымъ торговымъ людямъ бороды рѣзали и, словомъ сказать, производили въ городѣ великое безчинство, давая, вѣроятно, чувствовать обывателямъ свой новый чинъ. Ихъ велѣно было унять батогами, но исключать изъ труппы не разрѣшалось.

При Фюрштѣ женскія роли исполняли двѣ нѣмки: жена генеральнаго доктора Паггенкампфа, въ русской передѣлкѣ Поганкина, и дѣвица фонъ-Велихъ, получавшія, первая 300 р., а вторая 150 р. въ годъ.

Дальнѣйшая исторія этой труппы намъ неизвѣстна. Но кажется лѣтъ черезъ пять ея уже не было въ Москвѣ. Въ 1709 г. самое зданіе театра находилось въ запустѣніи. За то въ теченіи того же времени устроился домашній театръ въ Преображенскомъ у царевны Наталіи Алексѣевны, куда, вѣроятно, поступали остававшіеся безъ дѣла русскіе актеры, а также въ Измайловѣ у вдовствующей царицы Прасковьи Ѳедоровны. Кромѣ того, представленія по праздникамъ особенно на масляницѣ давались учениками въ Славяно-греко-латинской Академіи (гдѣ шли главнымъ образомъ церковнокнижныя мистеріи или же *діалегіи* т. е. разглагольствія въ лицахъ), и въ Госпиталѣ на Яузѣ, гдѣ ученики медицины давали только свѣтскія комедіи.

Изъ пьесъ, которыя въ то время ставились на публичномъ театрѣ нѣмецкимъ директоромъ и на упомянутыхъ домашнихъ театрахъ, иныя принадлежали еще времени царя Алексѣя Михаиловича, другія были привезены нѣмцами и переведены по русски. По описи 1709 г. извѣстны комедіи:

1) Ѳранталпей Эпирскій и Мирандонъ сынъ его.

2) Честный измѣнникъ, въ ней первая персона Арцухъ Фридрихъ фонъ Поплей.

3) Донъ Педро и Аммарилисъ дочь его.

4) Прельщенный любящій.

5) Принцъ Пикель Гярингъ.

6) Крѣпость Грубстонъ, въ ней же первая персона Александръ Македонскій.

7) Сципій Африканскій и Софонизба.

8) Графиня Геновева.

9) Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.

10) Постоянный Папиньянусъ.

11) Порода Геркулесова, въ ней первая персона Юпитера.

12) Баязетъ и Тамерланъ.

13) Докторъ принужденный (Врачъ по неволѣ Мольера).

Если къ этимъ свѣтскимъ и нѣмецкимъ пьесамъ, въ числѣ которыхъ не мало было и шутовскихъ, присоединить репертуаръ церковно-книжныхъ мистерій, частію переводныхъ, а частію составленныхъ дома, подъ руководствомъ дидаскаловъ Славяно-греко-латинской Академіи, а отчасти и царевны Наталіи Алексѣевны, а потомъ еще особый репертуаръ пьесъ, сочиненныхъ для разныхъ политическихъ цѣлей, именно для внушенія народу истинныхъ или надобныхъ понятій о томъ или другомъ событіи, то театръ Петровскаго времени окажется весьма разнообразнымъ и довольно полно обнимавшимъ разныя стороны тогдашняго общественнаго движенія. Въ литературномъ отношеніи онъ вообще представляетъ много любопытнаго и заслуживаетъ особаго изслѣдованія. За то въ сценическомъ отношеніи этотъ театръ едвали превысилъ чѣмъ либо старинный театръ царя Алексѣя. Нѣмецкая труппа, хотя и была нѣмецкою, но и въ это новое преобразовательное время ничего новаго и болѣе искуснаго къ намъ не принесла и ничему новому насъ не научила. Мы остались съ тѣми же вкусами и пріемами, какіе были впервые занесены къ намъ нѣмцами XVII ст.. Яганъ Кунштъ, какъ видится, вовсе не былъ выше по искусству Ягана Годфрида, открывшаго въ Москвѣ комедійныя дѣйства еще въ 1672 г.

Довольно опредѣлительную характеристику театральныхъ представленій Петровскаго времени находимъ у Бассевича, который пишетъ: „Какъ ни велики были успѣхи, сдѣланные Россіей на пути просвѣщенія и нравственнаго развитія въ цар-

ствованіе Петра В., но они не коснулись еще преобразованія театра. Въ Москвѣ, въ то время, существовалъ театръ, но театръ варварскій, какой только можно себѣ вообразить, и посѣщаемый поэтому только простымъ народомъ и вообще людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на 12 дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на столько же явленій или сценъ, а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіи цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разъигрывали не болѣе третьей или четвертой ея части". Это, безсомнѣнія, говорится о всенародномъ театрѣ, существовавшемъ на Красной площади.

О школьномъ театрѣ въ Гошпиталѣ Берхгольцъ повѣствуетъ, что въ первый разъ, 29 декабря 1722 г., онъ туда не попалъ, по тому случаю, что ждали на представленіе самого императора и императрицу и никого стороннихъ не пускали. Черезъ нѣсколько дней, 4 января 1723 г., онъ былъ въ этой „русской комедіи". „Когда мы пріѣхали въ домъ, гдѣ назначался спектакль, говоритъ онъ, насъ провели въ какую-то конуру, не просторнѣе и не лучше балагана маріонетокъ въ Германіи; тамъ было только нѣсколько дамъ—иностранокъ и весьма немного порядочныхъ кавалеровъ. Комедію представляли молодые люди, которые учатся въ гошпиталѣ хирургіи и анатоміи у доктора Бидлоо, и которые, конечно, никогда не видали настоящей комедіи. Они разъигрывали въ лицахъ: „Исторію царя Александра и царя Дарія", раздѣленную ими на 18 дѣйствій, изъ которыхъ 9 давались въ первый день и 9 на слѣдующій. Послѣ каждаго дѣйствія слѣдовала веселая интермедія. Но всѣ эти интермедіи были изъ рукъ вонъ плохи и всегда оканчивались потасовкой. Комедія, сама по себѣ хоть и серьезная, разыгрывалась также какъ нельзя хуже; однимъ словомъ, все было дурно. Его высочество (герцогъ голштин-

скій, при которомъ находился Берхгольцъ) далъ молодымъ людямъ 20 рублей, а императоръ, какъ говорили, пожаловалъ имъ намедни 30".

О придворномъ домашнемъ театрѣ въ Измайловѣ, которымъ управляла сама царевна Екатерина Ивановна, дочь царицы Прасковьи Ѳедоровны и потомъ герцогиня Мекленбургская, Берхгольцъ разсказываетъ, что тамошній театръ устроенъ былъ весьма недурно, только костюмы не совсѣмъ были хороши, и пьеса въ первый разъ была длинна и изъ плохихъ, а въ другой разъ, при повтореніи, когда ее сократили, она показалась нѣсколько лучше. Занавѣсъ безпрерывно опускался и зрители оставались въ совершенныхъ потемкахъ, такъ что это сердило нѣмцевъ и одинъ изъ нихъ по этому случаю замѣтилъ: „какая же это, чортъ, комедія"! Нѣмцы въ это время сопровождали герцога Голштинскаго, который былъ дорогимъ гостемъ на этомъ представленіи. Царевна Екатерина Ив. такъ была рада его посѣщенію, что не знала какъ ласковѣе принять его. Впрочемъ, прежде, чѣмъ войдти въ залу представленія, она много извинялась за свой театръ и вообще говорила, что это не болѣе, какъ дѣтская игрушка, недостойная вниманія такого гостя. Шутя съ герцогомъ, она между прочимъ разсказала ему, что „актеръ, исполнявшій роль короля, вчера получилъ около 200 ударовъ батогами за то, что съ однимъ изъ своихъ товарищей вздумалъ безбожно разносить по городу афишки ея комедіи и собиралъ за нихъ какъ бы милостыню, что это было ей очень непріятно и она, наказавши обоихъ, товарища его совсѣмъ отставила отъ сцены. Берхгольцу дѣйствительно предъ тѣмъ возвращали какія то 30 или сколько-то копѣекъ, выпрошенныхъ комедіантами у графа Бонде, когда онъ садился въ карету. Но онъ не согласился ихъ принять. „Между тѣмъ для меня было странно, говоритъ Берхгольцъ, что человѣкъ, наказанный вчера бато-

гами, нынче опять играетъ съ княжнами и благородными дѣвицами: въ комедіи роль королевскаго генерала исполняла настоящая княжна, а супруга батогированнаго короля — родная дочь маршала вдовствующей царицы; но здѣсь это ни почемъ и считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ." Въ этомъ мелочномъ обстоятельствѣ обнаруживался смыслъ всей Русской Исторіи и ея полное различіе отъ исторіи западной; здѣсь вообще являлась полная деревенщина, вовсе не понимавшая еще феодальныхъ законовъ и порядковъ обхожденія и общежитія. Въ залѣ спектакля, свидѣтельствуетъ Берхгольцъ, они нашли большое общество русскихъ дамъ и кавалеровъ. Царевна Екатерина, хотя и сидѣла во время спектакля рядомъ съ герцогомъ, но очень часто уходила за кулисы, потому что безъ ея управленія пьеса часто останавливалась. Другая царевна Прасковья также очень заботилась о гостяхъ и въ первое представленіе сама усаживала ихъ, чтобъ можно было лучше видѣть спектакль. Возвращаясь въ то время домой, нѣмцы, въ троемъ, должны были, за тѣснотою помѣщенія, пройдти черезъ спальну царевны Прасковьи, гдѣ и встрѣтили ее въ кофтѣ и съ распущенными волосами. Однако она не сконфузилась, встала, какъ была, и протянула имъ свои руки для обычнаго цѣлованья. Берхгольцъ сверхъ того прибавляетъ, что на первомъ представленіи у него вытащили изъ камзола табакерку, а при повтореніи у двухъ его сопутниковъ вытащили изъ кармановъ по шелковому носовому платку.

По всему вѣроятію на домашнемъ Преображенскомъ театрѣ царевны Наталіи Алекс., любимой сестры Петра, бывало больше порядка и устройство представленій отличалось большею заботливостію, ибо царевна такъ любила театръ, что сама сочиняла трагедіи и комедіи, заимствуя сюжеты изъ библейской исторіи, изъ житій святыхъ или изъ обыкновен-

ныхъ житейскихъ приключеній. Въ Петербургѣ труппа ея состояла изъ 10 актеровъ и актрисъ, русскихъ, не видавшихъ ничего, кромѣ того, что видѣли на Руси, и потому работавшихъ, какъ наставлялъ свой умъ-разумъ. По всему вѣроятію здѣсь подражали во всемъ образцамъ прежней нѣмецкой труппы Кунштa, а изъ актеровъ иные могли быть даже его учениками.

Современники Петра свидѣтельствуютъ, что онъ не особенно былъ расположенъ къ театральнымъ зрѣлищамъ и почиталъ ихъ, какъ и охоту на птицу и звѣря, развлеченіемъ, которое доставляетъ вообще мало удовольствія. Между тѣмъ извѣстно, что всѣ свои домашнія увеселенія и даже политическія публичныя празднества, онъ всегда облекалъ въ *дѣйства*, походившія во многомъ на средневѣковыя мистеріи, т. е. на тѣже драматическія представленія. Таковы дѣйства всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора съ его избраніемъ членовъ, съ его каждогоднымъ славленьемъ; таковы свадьбы шутовъ и самые тріумфальные въѣзды въ столицу послѣ побѣдъ... Все это напротивъ показываетъ, что въ сущности Петръ былъ большой любитель всякихъ представленій или лучше сказать, по складу своихъ дарованій, былъ истинный художникъ, ибо не только въ увеселительной, но и во всѣхъ другихъ самыхъ важныхъ сферахъ своей дѣятельности повсюду стремился каждую свою мысль воплотить въ живой образъ, въ живое существо. Намъ кажется, что его холодность къ театральному искусству основывалась главнымъ образомъ на младенческомъ состояніи этого искусства, въ какомъ преобразователь засталъ его именно у нѣмцевъ, отъ которыхъ по преимуществу мы собирали всякіе плоды тогдашней цивилизаціи. Въ самой Германіи театръ стоялъ тогда еще, какъ мы замѣтили, на низменности средневѣковыхъ вкусовъ и уличной бродячей комедіи и представлялъ, по замѣча-

вію тѣхъ же современниковъ Петра, „сборище площадныхъ пошлыхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе или ловкая сатира погибали безъ слѣда въ безобразной и безтолковой смѣси чудовищныхъ трагедій, романическихъ невообразимыхъ чувствъ и разглагольствій героя съ шутовскими грубыми и сальными выходками Гаера-наперсника". А главное дѣло, что все это было очень скучно, глупо, безтолково и несносно для такого ума, какимъ обладалъ Петръ, искавшій во всякой забавѣ какого либо смысла. Однако воспитательное значеніе театра въ народной жизни онъ понималъ очень хорошо и, начавъ брить бороды, заводить школы, онъ въ тотъ же годъ основалъ и театръ; и вдобавокъ, ничего ни дѣлая только для себя, а все дѣлая только для народа, онъ основалъ театръ не крѣпостной придворный, вовсе недоступный толпѣ, какъ поступали въ этомъ отношеніи его отецъ и затѣмъ его преемники, а прямо, съ перваго же начала устроилъ театръ всенародный.

На этой мысли оставались и всѣ послѣдующія его заботы о водвореніи на Руси театральныхъ зрѣлищъ.

Московскій театръ по видимому не совсѣмъ удался, почему-то разстроился, покрайней мѣрѣ послѣ Отто Фиршта нѣтъ о немъ свѣдѣній. Онъ оставилъ только прочный слѣдъ въ Гошпиталѣ, между молодыми медиками и вообще въ увеселеніяхъ школы, а также въ кругу подьячихъ и подобныхъ чиновъ, которые сами собою устроивали зрѣлища. Петру именно одного только и желалось, чтобы театръ былъ русскій. Съ этой цѣлью въ 1720 г. онъ начинаетъ заграничную переписку съ своими агентами, приказывая имъ собрать именно въ Прагѣ новую „компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски". Нашлись нѣмцы, которые брались поставить 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 челов. обѣщались дѣйствовать на нѣмецкомъ и на богемскомъ языкѣ, и вся компанія обязывалась въ годъ времени въ богем-

скомъ языкѣ такъ искуситься, что на ономъ въ совершенствѣ дѣйствовать въ комедіяхъ будетъ, а если того не сдѣлаетъ, то просила только о свободномъ выѣздѣ въ Гамбургъ. Но компанія за свои дѣйства назначала очень дорогую цѣну, предлагая впрочемъ, что если театръ устроится и сборы съ приходящихъ будутъ достаточны, то „можно сей театръ и съ сборомъ сей компаніи отдать взамѣнъ договореннаго жалованья". Нѣмцы просили 150 р. въ недѣлю. Петру казалось это зѣло много и онъ указывалъ всячески „трудиться оныхъ комедіантовъ склонить, чтобъ за меньшую плату". Къ тому же компанія ставила все нѣмцевъ, еще не знавшихъ по чешски, обѣщая пріискать лишь 4 чеховъ да и то только для интермедій и ссылаясь на то, что изъ чешскаго народа въ главномъ дѣлѣ, въ самой комедіи, искусныхъ людей нѣтъ. Петръ приказывалъ искать, хотябъ до половины числа людей съ чешскимъ языкомъ. Эта переписка происходила уже въ началѣ 1721 г.; но чѣмъ переговоры окончились, неизвѣстно. Въ іюлѣ того же года нѣкто Яганъ Эренбергъ, быть можетъ принципалъ этой самой компаніи, писалъ къ государю, что по его повелѣнію (въ 1720 г.) онъ собралъ компанію комедіантовъ и мастеровъ, которые по веревкѣ танцуютъ, но теперь затрудняется перевезть ихъ въ Россію за неимѣніемъ средствъ и потому просилъ, если государь прежнее намѣреніе не оставилъ, указалъ бы выдать ему въ Гамбургѣ 2000 талеровъ, обѣщаясь къ Покрову (къ 1 окт.) пригнать съ ними въ Петербургъ.

Въ 1723 г. нѣмецкая труппа въ Петербургѣ давала уже представленія. Веберъ, говоря объ этомъ времени, свидѣтельствуетъ, что тогда было положено въ Петербургѣ начало оперѣ и театру.

Но преобразователь все таки не довольствовался тѣмъ, что ему представлялъ этотъ нѣмецкій театръ. Онъ скучалъ и та-

готился безконечными драмами, пошлою завязкою, даже шутовствомъ, которое по большой части было тоже глупо и пошло. Ознакомившись съ нѣмецкою комедіей, онъ и сюда хотѣлъ внести нѣкоторыя преобразованія и передѣлки къ лучшему.

Бассевичъ разсказываетъ, что царь „пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ пьесу, трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, и еще веселый фарсъ безъ шутовства. Разумѣется они плохо выполнили эту задачу, прибавляетъ авторъ; но чтобъ ихъ поощрить, государь велѣлъ выдать имъ обѣщанную сумму". О томъ же или о другомъ случаѣ свидѣтельствуетъ и Берхгольцъ, говоря, что въ январѣ 1724 г. царь приказалъ актерамъ съиграть такую пьесу, которая была бы только изъ трехъ актовъ и притомъ безъ любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забавная. За нею должна была слѣдовать комедія Жоржъ Данденъ Мольера.

Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, что Петръ, не бывши художникомъ—литераторомъ или эстетическимъ критикомъ, требовалъ отъ тогдашней драмы ея очистки отъ средневѣковаго чисто ремесленнаго мусора, который ничего художественнаго въ себѣ не заключалъ. Словомъ сказать, Петръ потому быть можетъ и не обращалъ особеннаго вниманія на театральныя зрѣлища, что стоялъ и въ этомъ отношеніи далеко впереди тогдашнихъ эстетическихъ и литературныхъ вкусовъ относительно всего комедіальнаго репертуара, въ усовершенствованіи котораго непосредственнаго участія принять не могъ за многими другими безотлагательными дѣлами преобразованія, а главное затѣмъ, что къ литературному дѣлу вовсе не имѣлъ склонности, не имѣлъ для того ни достаточныхъ познаній, ни достаточныхъ талантовъ, и никакихъ особенныхъ побужденій.

Послѣ знаменитой Полтавской баталіи резиденція императора окончательно утвердилась въ Петербургѣ, на устройство котораго употреблены принудительно силы и средства всего государства. Москва осталась какъ бы за штатомъ; ей до времени воспрещено было даже обстраиваться новыми и особенно-каменными домами. Она не превратилась въ пустыню единственно только потому, что крѣпка была не царскими велѣніями, а силою народной жизни, и на-перекоръ всѣмъ повелѣніямъ и всякимъ несчастіямъ разросталась все шире и полнѣе. Весьма естественно, что, съ отливомъ публичной жизни лучшаго общества въ Петербургъ, московская комедіальная храмина осталась пустою и до временъ императрицы Анны неизвѣстно, давались ли въ ней театральныя зрѣлища.

Пріѣзды Двора къ коронаціи доставляли всегда старинному городу большое и небывалое оживленіе, особливо въ отношеніи всякихъ увеселеній и представленій. Въ это время всегда устроивался и театръ. Въ пріѣздъ Анны въ 1730 г. Комедіантскій Домъ былъ возобновленъ, на что употреблено 5000 р. Польскій король тогда прислалъ прямо къ коронаціи нѣкоторыхъ славившихся за границею актеровъ, которые исполняли на театрѣ итальянскія интермедіи, пьесы шутовскія, до которыхъ императрица была великая охотница. Съ ними были также пѣвицы и музыканты, такъ что интермедіи по всему вѣроятію были оперныя. На устройство театра и на другой годъ было употреблено 1000 р., слѣдовательно представленія продолжались. Въ январѣ 1732 г. Дворъ уѣхалъ въ Петербургъ, но на строеніе Комидіанскаго Дому все таки было отпущено 2000 р., а потомъ въ 1733 году отпущено еще 1091 р. 70 к., причемъ назначалось, вмѣсто сосновыхъ свай, на которыхъ стояло зданіе, подвесть подъ него каменный фундаментъ. Такимъ образомъ видимъ, что и по отъѣздѣ Двора въ Петербургъ театръ на Красной Площади дѣйствовалъ. Архи-

тектурнымъ его устройствомъ занимался плотничій подмастерье Яганъ Индрихъ Эрихъ, вѣроятно по указаніямъ тогдашней архитектурной знаменитости, графа де Растрелли. Судя по тогдашнимъ цѣнамъ и по малому размѣру зданія, отпускаемыя суммы были довольно значительны. Но въ томъ же 1733 г. марта 27 послѣдовало повелѣніе: Комидіанскій Домъ больше не строить. Тѣмъ и оканчиваются наши свѣдѣнія по этому предмету. Съ отъѣзда въ Петербургъ въ 1732 импер. Анна уже ни разу не бывала въ Москвѣ. Знаемъ только, что ей очень полюбилась итальянская интермедія, почему въ 1735 г. въ Петербургъ была выписана труппа итальянцевъ для игранія комедій, съ которыми въ перемѣну, однажды въ недѣлю, представлялись итальянскія интермедіи съ балетомъ, гдѣ фигурантами бывали кадеты сухопутнаго корпуса, обучаемые ихъ танцмейстеромъ Ланде. Между ними, въ балетахъ, иные ни въ чемъ не уступали итальянцамъ. Особенно славился Чоглоковъ, въ послѣдствіе каммергеръ и знатное придворное лице. На другой годъ была выписана большая итальянская опера, которая съ 1737 г. уже постоянно давала свои представленія, но только для Двора. А такъ какъ императрица не знала ни по итальянски, ни по французски, а только по нѣмецки, то Биронъ постарался устроить для нея и нѣмецкую придворную комедію, пригласивъ изъ Лейпцига нѣкоего Нейбера съ труппою.

Тогда началась примѣчательная для насъ борьба, кому овладѣть вліяніемъ на развитіе русскаго вкуса, германскому или романскому племени. Левенвольдъ покровительствовалъ итальянцамъ и тайнымъ образомъ дѣлалъ всякія притѣсненія нѣмцамъ; Биронъ сильно стоялъ за нѣмцевъ. Однако со смертію Анны нѣмецкій театръ рушился; Левенвольдъ немилосердо прогналъ нѣмецкихъ комедіантовъ и приказалъ французскому балетмейстеру Ланде вызвать французскихъ комедіантовъ.

Вліяніе романское съ того времени утвердилось окончательно, что, конечно, было во всѣхъ отношеніяхъ лучше и по послѣдствіямъ значительнѣе и для русскаго образованія и полированія несравненно плодотворнѣе.

Съ воцареніемъ Елисаветы настала иная пора въ русскомъ развитіи. Русскіе люди вздохнули свободнѣе отъ нѣмецкаго гнета, пріободрились и уже добровольно отдались французскому вліянію, потому что въ дѣйствительности со стороны вкуса, гуманности и всего изящнаго въ общежитіи это было единственное въ свѣтѣ вліяніе, которое на западѣ увлекало за собою даже и нашихъ прежнихъ властителей—нѣмцевъ. Съ этого только времени русскій человѣкъ сталъ пріобрѣтать не одно уже европейское образованіе, но и европейскую наружную фигуру. Нашимъ просвѣтителемъ, образователемъ и устроителемъ на этомъ полѣ развитія по всей справедливости мы должны наименовать балетмейстера Ланде, который сначала старательно и-съ великимъ успѣхомъ обучалъ танцамъ Сухопутный кадетскій корпусъ, слѣд. все тогдашнее передовое дворянство, затѣмъ всѣхъ придворныхъ, а когда, въ 1738 г., поступилъ въ придворную службу балетмейстеромъ, то неболѣе, какъ въ два или три года, создалъ изъ однихъ русскихъ же такой превосходный балетъ, которому дивились даже и заѣзжіе придворные иноземцы. Изъ числа трехъ замѣчательныхъ его русскихъ ученицъ Аксиньи Сергѣевны, Елизаветы N и Авдотьи Тимофеевны, первая равнялась въ пріятности и знаніи даже первокласной тогдашней танцовщицѣ итальянкѣ Фузаннѣ, къ которой въ обученіе она перешла отъ Ланде. Балетмейстеръ обучалъ танцованію также Петра III и Екатерину II. Вообще при Елисаветѣ искусство танцованія въ въ русскомъ благородномъ обществѣ доведено было до такого совершенства, что этотъ Ланде, одинъ изъ первыхъ французскихъ балетмейстеровъ, публично, т. е. на всю Европу говари-

валъ; „кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и не принужденно *менуеты* танцовать надобно, тотъ долженъ пріѣхать къ императорскому Россійскому Двору. Сіе изрѣченіе, замѣчаетъ Штелинъ, конечно не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елисаветъ Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему Двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцованія, она также чрезвычайно хорошо танцовала и природные русскіе танцы, которые хотя вообще и не употребляются больше при Дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однакоже иногда, а особливо во время придворныхъ маскарадовъ ихъ танцуютъ".

Въ то время танецъ *русскій* почитали даже достойнымъ соперникомъ иноземныхъ европейскихъ танцевъ. При Дворѣ онъ получилъ права гражданства при Аннѣ Ивановнѣ, когда во Дворцѣ его танцовали нарочно для того избираемые гвардейскіе унтеръ-офицеры съ своими молодыми женами, между которыми бывали отличнѣйшія танцовщицы; съ ними иногда танцовали по русски и придворные кавалеры. Современники восхищались *русскимъ* и отзывались объ его достоинствахъ слѣдующимъ образомъ: „Всѣ роды *европейскихъ* танцевъ не могутъ сравниться съ природнымъ *русскимъ*, когда прекрасная русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ его танцуетъ; и смѣло сказать можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго танца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти *)".

Распространеніе и усовершенствованіе танцовальнаго искусства, конечно, требовало и домашнихъ и общественныхъ веселостей, баловъ и банкетовъ, маскарадовъ, балетовъ, комедій и т. д. Удовлетворяя собственнымъ вкусамъ и потреб-

*) Спб. Вѣстникъ 1779 г., ч. IV., стр. 245.

ностямъ Двора и высшаго общества, императрица Елисавета, въ виду коронаціи въ Москвѣ, повелѣла выстроить Оперный Домъ, на постройку котораго тотчасъ было отпущено 10,000 рублей.

Во время коронаціи въ первый разъ въ Оперномъ Домѣ была представлена большая итальянская опера *Титово Милосердіе* съ прологомъ: *Угнетенная и Утѣшенная Россія.* Въ Оперѣ кромѣ итальянцевъ оперистовъ и оперистокъ, нѣмыя роли играли обучавшіеся *въ* Сухаревой Башнѣ молодые дворяне, а хоры пѣли придворные пѣвчіе съ такимъ согласіемъ и пріятностію, что удивили иностранныхъ министровъ, которые признавались, что лучшихъ ни въ самой Италіи они не слыхивали. Декораціи писалъ Джероламо Бонъ.

Послѣ Оперы, Лапде поставилъ балеты съ старыми и новыми своими русскими учениками, дѣвочками и мальчиками, по большой части изъ дѣтей придворныхъ конюшенныхъ служителей. Старые ученики здѣсь имѣли случай вполнѣ обнаружить свое искусство и знаніе и заслужили отъ всего Двора великія похвалы. Новые также танцовали изрядно. Балеты, сочиненные вѣроятно самимъ же балетмейстеромъ, назывались: *Золотое яблоко на пиръ боговъ и судъ Парисовъ; Радость народа о явленіи Астреи на Росссійскомъ горизонтѣ и О возстановленіи златаго времени.*

Надо сказать, что въ тогдашнее время еще со временъ Петра не только на театрѣ, но и при всякихъ другихъ увеселительныхъ или торжественныхъ случаяхъ, очень любили обставлять предметъ или смыслъ торжества или празднества и всякаго увеселенія различными аллегоріями, живописуя ихъ въ картинахъ, въ фейерверкахъ, въ процессіяхъ, а равно и на сценѣ. Аллегорія была тогда въ такомъ ходу, что при Академіи находился даже особый профессоръ Аллегорій. Ею при всякомъ случаѣ пользовались для болѣе нагляднаго и такъ

сказать осязательнаго изображенія и выраженія, или надобныхъ политическихъ идей и текущихъ событій, или же придворной и всенародной похвалы и лести, и т. п.

Въ упомянутыхъ коронаціонныхъ представленіяхъ Оперпаго Дома придворное общество старалось выразить безмѣрную радость по случаю своего освобожденія отъ суроваго, мрачнаго и варварскаго нѣмецкаго гнета, который дотолѣ душилъ всю Русь во всѣхъ направленіяхъ ея жизни. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ тогда казалось, что со вступленіемъ на престолъ Елисаветы наставало наконецъ явленіе Астреи и съ нею Золотаго времени, что судъ Париса былъ справедливъ и спорное яблоко въ рукахъ трехъ богинь (Екатерины I-й, Анны, Елисаветы?) достается истинной красотѣ (Елисаветѣ), которая способна угнетенную Россію утѣшить добрымъ и кроткимъ управленіемъ. Въ отношеніи успѣховъ общественнаго развитія аллегорія не ошиблась. Съ этого времени дѣйствительно суровость и нѣмецкая чопорность нравовъ стала смѣняться французскою веселостью, легкостью и гуманностью обхожденія, а сказать въ общемъ смыслѣ, съ этого времени для русскаго общества, хотя бы, по началу, только придворнаго, въ самомъ дѣлѣ наставалъ свѣтлый праздникъ послѣ долгаго и суроваго рабочаго дня Петровской эпохи, послѣ того тяжелаго дня, который собственно и былъ непосредственнымъ угнетателемъ вольной жизни.

Нѣмецкій гнетъ и тираннія временъ Анны Ивановны были въ сущности только своевольнымъ хозяйничаньемъ оставшихся по уходѣ мастера рабочихъ, которые начали не только додѣлывать, но и совсѣмъ передѣлывать его мудрыя дѣла, вовсе не обладая его мастерствомъ и зная только одно его правило, что спѣшная, горячая работа требуетъ крутыхъ и подъ часъ жестокихъ мѣръ, дабы исполнена была удовлетворительно. Вотъ почему русская общественность въ это время носила въ себѣ тотъ грубый, неуклюжій рабочій характеръ, какой по явной необхо-

нечно, и помыслить было невозможно. И въ крупномъ, и въ мелкомъ, жизнь общества всегда точно выражаетъ свои основныя стремленія и помышленія.

Очевидно, что при такомъ общемъ направленіи умовъ къ удовольствіямъ всякаго рода должны были возродиться или пробудиться и всякаго рода искусства. Новый образъ получаетъ литературное художественное слово, новый видъ получаетъ Академія Художествъ, и быстро распространяется вкусъ къ театральному искусству во всѣхъ его видахъ, такъ что учреждается наконецъ и *россійскій* театръ.

Въ первые же годы царствованія Елисаветы придворныя театральныя зрѣлища были усилены вызовомъ къ итальянской оперѣ многихъ новыхъ искусниковъ и открытіемъ новаго и постояннаго французскаго театра, не говоря о балетѣ, который въ послѣдствіи былъ доведенъ до такого совершенства, что иностранные министры и тутошніе знатоки говаривали, что лучшаго и въ Европѣ видѣть нигдѣ нельзя и что нашъ балетъ ни въ чемъ не уступалъ славнымъ въ то время балетамъ итальянскому и парижскому.

Въ то время, какъ Дворъ восхищался итальянскою оперою, французскою комедіею и неизобразимою красотою своихъ балетовъ, въ нижнихъ слояхъ, общество довольствовалось „россійскими" зрѣлищами, которыя по видимому не прекращались со временъ Петра, но существовали сами собою, безъ всякой помощи и поддержки со стороны людей владѣющихъ, а напротивъ по большой части съ помѣхою и даже съ запрещеніемъ. Мы видѣли, что россійское зрѣлище тотчасъ по пріѣздѣ въ 1702 г. Куншта сдѣлало было попытку стать на собственныя ноги и представило нѣсколько піэсъ по русски. Это показываетъ, что и тогда въ обществѣ существовала уже значительная потребность въ театральныхъ представленіяхъ. Но и тогда и долго послѣ русскіе люди смотрѣли на эти предста-

димости образовался самъ собой, ибо сама эта общественность была вызвана къ жизни исключительно одними лишь рабочими, и отнюдь не придворными интересами. Но послѣ крутой работы по той же необходимости наставало время отдыха, наставало время праздника. Такимъ временемъ и было царствованіе Елисаветы, когда впервые русскій человѣкъ почувствовалъ, что сдѣлано много и скоро, что слѣдуетъ отдохнуть и въ восторгѣ отъ сдѣланнаго дѣла не только отдался всеобщему веселью, но запѣлъ восторженныя оды.

На праздникѣ, праздность и удовольствіе сдѣлались потребностью общества. Очевидно, поэтому, что должна была развиться придворная жизнь въ собственномъ ея смыслѣ и значеніи. Народилось племя людей, задачею которыхъ было „великолѣпно одѣться, быть на пиршествахъ, на куртагахъ и банкетахъ, въ маскарадахъ, въ балетахъ, въ комедіяхъ и т. д., танцовать, повсюду изобрѣтать новое препровожденіе времени и разныя забавы. „Если Петровскую эпоху можно справедливо назвать царствомъ мужчинъ и главное царствомъ рабочихъ, отчего это царство являлось довольно грубоватымъ и даже буйнымъ, то съ Елисаветы настаетъ царство женщинъ и собственно царство людей празднующихъ и торжествующихъ, отчего царство выходило довольно гуманнымъ и очень веселымъ. Какъ бы знаменіемъ времени этого послѣдняго царства учреждается даже маскарадъ называемый *метаморфозъ*, въ которомъ мужчины должны одѣваться въ женскія платья, а женщины въ мужскія, къ тому же безъ масокъ. Впервые такіе маскарады были устроены въ Москвѣ, въ 1744 г.

Затѣмъ, послѣ Елисаветинскаго праздника, какъ его неизбѣжное послѣдствіе, провозглашается вольность дворянства, завершившая праздникъ освобожденіемъ передоваго сословія отъ крѣпостной государственной работы, о чемъ при Петрѣ, ко-

нечно, и помыслить было невозможно. И въ крупномъ, и въ мелкомъ, жизнь общества всегда точно выражаетъ свои основныя стремленія и помышленія.

Очевидно, что при такомъ общемъ направленіи умовъ къ удовольствіямъ всякаго рода должны были возродиться или пробудиться и всякаго рода искусства. Новый образъ получаетъ литературное художественное слово, новый видъ получаетъ Академія Художествъ, и быстро распространяется вкусъ къ театральному искусству во всѣхъ его видахъ, такъ что учреждается наконецъ и *россійскій* театръ.

Въ первые же годы царствованія Елисаветы придворныя театральныя зрѣлища были усилены вызовомъ къ итальянской оперѣ многихъ новыхъ искусниковъ и открытіемъ новаго и постояннаго французскаго театра, не говоря о балетѣ, который въ послѣдствіи былъ доведенъ до такого совершенства, что иностранные министры и тутошніе знатоки говаривали, что лучшаго и въ Европѣ видѣть нигдѣ нельзя и что нашъ балетъ ни въ чемъ не уступалъ славнымъ въ то время балетамъ итальянскому и парижскому.

Въ то время, какъ Дворъ восхищался итальянскою оперою, французскою комедіею и неизобразимою красотою своихъ балетовъ, въ нижнихъ слояхъ, общество довольствовалось „россійскими" зрѣлищами, которыя по видимому не прекращались со временъ Петра, но существовали сами собою, безъ всякой помощи и поддержки со стороны людей владѣющихъ, а напротивъ по большой части съ помѣхою и даже съ запрещеніемъ. Мы видѣли, что россійское зрѣлище тотчасъ по пріѣздѣ въ 1702 г. Куншта сдѣлало было попытку стать на собственныя ноги и представило нѣсколько піэсъ по русски. Это показываетъ, что и тогда въ обществѣ существовала уже значительная потребность въ театральныхъ представленіяхъ. Но и тогда и долго послѣ русскіе люди смотрѣли на эти предста-

димости образовался самъ собой, ибо сама эта общественность была вызвана къ жизни исключительно одними лишь рабочими, и отнюдь не придворными интересами. Но послѣ крутой работы по той же необходимости наставало время отдыха, наставало время праздника. Такимъ временемъ и было царствованіе Елисаветы, когда впервые русскій человѣкъ почувствовалъ, что сдѣлано много и скоро, что слѣдуетъ отдохнуть и въ восторгѣ отъ сдѣланнаго дѣла не только отдался всеобщему веселью, но запѣлъ восторженныя оды.

На праздникѣ, праздность и удовольствіе сдѣлались потребностью общества. Очевидно, поэтому, что должна была развиться придворная жизнь въ собственномъ ея смыслѣ и значеніи. Народилось племя людей, задачею которыхъ было „великолѣпно одѣться, быть на пиршествахъ, на куртагахъ и банкетахъ, въ маскарадахъ, въ балетахъ, въ комедіяхъ и т. д., танцовать, повсюду изобрѣтать новое препровожденіе времени и разныя забавы. „Если Петровскую эпоху можно справедливо назвать царствомъ мужчинъ и главное царствомъ рабочихъ, отчего это царство являлось довольно грубоватымъ и даже буйнымъ, то съ Елисаветы настаетъ царство женщинъ и собственно царство людей празднующихъ и торжествующихъ, отчего царство выходило довольно гуманнымъ и очень веселымъ. Какъ бы знаменіемъ времени этого послѣдняго царства учреждается даже маскарадъ называемый *метаморфозъ*, въ которомъ мужчины должны одѣваться въ женскія платья, а женщины въ мужскія, къ тому же безъ масокъ. Впервые такіе маскарады были устроены въ Москвѣ, въ 1744 г.

Затѣмъ, послѣ Елисаветинскаго праздника, какъ его неизбѣжное послѣдствіе, провозглашается вольность дворянства, завершившая праздникъ освобожденіемъ передоваго сословія отъ крѣпостной государственной работы, о чемъ при Петрѣ, ко-

нечно, и помыслить было невозможно. И въ крупномъ, и въ мелкомъ, жизнь общества всегда точно выражаетъ свои основныя стремленія и помышленія.

Очевидно, что при такомъ общемъ направленіи умовъ къ удовольствіямъ всякаго рода должны были возродиться или пробудиться и всякаго рода искусства. Новый образъ получаетъ литературное художественное слово, новый видъ получаетъ Академія Художествъ, и быстро распространяется вкусъ къ театральному искусству во всѣхъ его видахъ, такъ что учреждается наконецъ и *россійскій* театръ.

Въ первые же годы царствованія Елисаветы придворныя театральныя зрѣлища были усилены вызовомъ къ итальянской оперѣ многихъ новыхъ искусниковъ и открытіемъ новаго и постояннаго французскаго театра, не говоря о балетѣ, который въ послѣдствіи былъ доведенъ до такого совершенства, что иностранные министры и тутошніе знатоки говаривали, что лучшаго и въ Европѣ видѣть нигдѣ нельзя и что нашъ балетъ ни въ чемъ не уступалъ славнымъ въ то время балетамъ итальянскому и парижскому.

Въ то время, какъ Дворъ восхищался итальянскою оперою, французскою комедіею и неизобразимою красотою своихъ балетовъ, въ нижнихъ слояхъ, общество довольствовалось „россійскими" зрѣлищами, которыя по видимому не прекращались со временъ Петра, но существовали сами собою, безъ всякой помощи и поддержки со стороны людей владѣющихъ, а напротивъ по большой части съ помѣхою и даже съ запрещеніемъ. Мы видѣли, что россійское зрѣлище тотчасъ по пріѣздѣ въ 1702 г. Куншта сдѣлало было попытку стать на собственныя ноги и представило нѣсколько піэсъ по русски. Это показываетъ, что и тогда въ обществѣ существовала уже значительная потребность въ театральныхъ представленіяхъ. Но и тогда и долго послѣ русскіе люди смотрѣли на эти предста-

вленія, какъ на дѣтскую только забаву и вовсе не усматривали въ нихъ никакого „художества“ даже въ смыслѣ простаго ремесла. Тѣмъ меньше они понимали, что это цѣлая область даже высшаго искусства, столько же достойнаго настоящей работы, какъ и всякое житейское дѣло. Оттого россійское театральное дѣло долгое время оставалось въ средѣ школьниковъ, молодыхъ подьячихъ и посадскихъ, вообще у грамотной молодежи низшихъ разрядовъ общества, то есть именно на Посадѣ, въ народѣ, и потому открывало свои дѣйствія только на святкахъ да на масляницѣ, то есть въ дни настоящихъ народныхъ посадскихъ праздниковъ. Вообще театральныя зрѣлища въ это время не имѣли другаго значенія какъ только обычной праздничной народной потѣхи и потому до временъ Елисаветы не были дозволяемы въ частныхъ домахъ въ кругу дворянства. По той же причинѣ они очень долго оставались въ кругу только старинныхъ мистерій, разныхъ діалегій или драмъ и интермедій петровскаго и даже царя-алексѣевскаго времени, съ которымъ въ этомъ отношеніи были связаны неразрывными родственными узами. Въ Москвѣ возрастные школьники и подъячіе на святкахъ и на масляницѣ нанимали домы и давали публичныя игрища, впуская зрителей за ничтожную плату. Они разыгрывали того же Александра Македонскаго, Соломона, Евдона и Берфу и тому подобныя піэсы, типомъ которыхъ, какъ серьезной драмы, былъ этотъ Александръ, а въ комическомъ, шутливомъ и веселомъ родѣ самою типичною пьэсою былъ Гаеръ, вполнѣ рисующій ту низменность, на которой по необходимости еще стояло это посадское комедіальное искусство.

Дворъ и высшее общество, развивавшіе и услаждавшіе свои вкусы на итальянскомъ и французскомъ театрѣ, конечно презирали Русскую посадскую комедію, какъ утѣху чернорабочихъ. Они совсѣмъ даже позабыли примѣръ Петра, учредив-

шаго было тотчасъ же театральную комедіальную школу изъ русскихъ. По балетной части и они образовали русскую школу, но драматическая часть для русскихъ понятій вѣроятно казалась неисполнимою, быть можетъ за неимѣніемъ учителя, а главное за скудостію достойныхъ пьесъ. Но все-таки, стóило только повелѣть и при Дворѣ устроился бы русскій драматическій театръ, и были бы переведены и даже сочинены подходящія пьесы. Сочиняли же по заказу оды и тому подобное. Тотъ же Тредьяковскій былъ бы очень полезенъ и въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что онъ при императрицѣ Аннѣ переводилъ съ французскаго для Двора „многія оперы, всѣ интермедіи и всѣ экстракты комедій", а это значитъ, что Дворъ или сама императрица весьма нуждались въ русскихъ рѣчахъ, дабы хорошо понимать представляемое. Но Петра уже не было и русскіе народные интересы ни до кого не касались. Въ высшемъ кругу на театръ смотрѣли, какъ на придворное увеселеніе, то есть точно также какъ смотрѣли на него въ посадѣ, какъ на святочную или масляничную потѣху для простаго народа. Воспитательный и образовательный смыслъ такихъ зрѣлищъ понятенъ былъ только одному Петру.

Первые десять лѣтъ царствованія Елисаветы употреблены были только на то, чтобы какъ можно блистательнѣе и роскошнѣе устроить итальянскія и французскія зрѣлища, которыя поэтому совсѣмъ вытѣснили отъ Двора даже и театръ нѣмецкій, ибо ему вовсе не подсилу было такое соперничество. Онъ занялъ свое мѣсто у мастеровыхъ и лакеевъ—иностранцевъ, то есть сравнялся по своему мѣстоположенію съ россійскими праздничными зрѣлищами.

Въ теченіи этого времени изъ Ярославскаго посада прибылъ въ Москву учиться нѣмецкому языку и музыкѣ молодой Волковъ. Вотчимъ его, ярославскій купецъ Полушкинъ, былъ въ своемъ городѣ заводчикомъ селитряныхъ и сѣрныхъ заво-

довъ и вѣроятно хотѣлъ употребить пасынка къ своему дѣлу взамѣнъ нѣмца, для нѣмецкой мудрости, весьма необходимой на подобныхъ заводахъ. Обученье же музыкѣ уже прямо указывало на собственную охоту Волкова, который рожденъ былъ вовсе не для заводскаго дѣла, а именно для искусства и самъ собою съ малолѣтства выучился рисованью, живописи, рѣзному художеству, скульптурѣ. Но особенная склонность въ немъ открылась къ театру. Праздничные московскіе спектакли въ средѣ школьниковъ и молодыхъ подьячихъ были, по всему вѣроятію, первымъ поприщемъ, гдѣ эта склонность получила окончательное направленіе. Новиковъ прямо и говоритъ, что Волковъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ упражнятся въ театральныхъ представленіяхъ съ приказными служителями. Весьма сомнительно, что Волковъ обучался будтобы въ Славяно-греко-латинской Академіи, какъ написалъ кн. Шаховской въ своей „Лѣтописи русскаго театра", наполненной вообще сомнительными указаніями. Съ студентами этой академіи онъ развѣ игралъ только на праздничныхъ представленіяхъ. По словамъ Новикова, изъ первыхъ, игранныхъ имъ комедій были сочиненія св. Дмитрія Ростовскаго, которыя по большой части и давались студентами академіи.

Въ 1746 г. Волковъ отправился по дѣламъ вотчима въ Петербургъ. Здѣсь Итальянскій оперный театръ совсѣмъ вскружилъ ему голову. Онъ перезнакомился съ итальянскими артистами, тщательно осмотрѣлъ самое зданіе, все его устройство, всѣ машины и украшенія, сдѣлалъ всему чертежи, рисунки и модели, и все это, разумѣется, для того, чтобы устроить нѣчто подобное дома, въ Ярославлѣ. На итальянской же сценѣ онъ впервые ознакомился съ декламаціей или вообще съ театральной игрой и такъ какъ здѣсь стояла опера, то, подражая речитативамъ, онъ усвоилъ себѣ игру на распѣвъ, что въ послѣдствіи почиталось въ его игрѣ значительнымъ недостаткомъ.

Ученый Штелинъ, конечно баснословитъ (въ пользу того нѣмецкаго убѣжденія, что все въ Россіи идетъ отъ нѣмцевъ), и не говоря ни слова о знакомствѣ Волкова съ итальянцами, пишетъ, что будто Волковъ въ Петербургѣ познакомился съ директоромъ нѣмецкаго театра Акерманомъ, всегда ходилъ въ нѣмецкую комедію и затѣмъ, возвратясь въ Ярославль, устроилъ дома театръ, слѣд. въ подражаніе только нѣмцамъ.

Безсомнѣнія Волковъ ходилъ и въ нѣмецкій театръ, который въ добавокъ былъ вольный и не пользовался никакою извѣстностью, такъ что, не упомяни объ этомъ Акерманѣ Штелинъ, то объ немъ не откуда было бы и узнать. Слава-же итальянскаго театра тогда гремѣла у насъ повсюду. Да и что въ этомъ нѣмецкомъ театрѣ могло обольстить молодаго человѣка, который, будучи художникомъ, искалъ, особенно на первый разъ, столько же и обстановки, сколько драматической игры.

Возвратившись въ Ярославль Волковъ открылъ театръ въ своей комнатѣ, и очень угодилъ своему вотчиму, смотрѣвшему на это дѣло все-таки какъ на дѣтскую игрушку. Но скоро число охотниковъ посмотрѣть комедію такъ умножилось, что комната стала тѣсна. Волковъ воспользовался развившеюся у Ярославцевъ охотою къ театральнымъ зрѣлищамъ и предложилъ имъ сборъ на постройку новаго театра. При помощи городскихъ властей и тузовъ изъ дворянства, сборъ состоялся; куплено въ 1750 г. пустое мѣсто въ городѣ и выстроенъ театръ, который могъ помѣщать 1000 человѣкъ. Волковъ самъ былъ архитекторомъ, машинистомъ, живописцемъ, самъ сталъ главнымъ его директоромъ и остался первымъ актеромъ. На новомъ театрѣ стали давать не нѣмецкія комедіи, чего по Штелину слѣдовало бы ожидать, въ подражаніе нѣмцамъ, а давали именно извѣстныя тогда итальянскія оперы въ русскомъ переводѣ: Титово Милосердіе, Евдоксію вѣнчанную.

Такимъ путемъ водворенная еще Петромъ русская Посадская комедія изъ грубой чернорабочей обстановки сама собою возродилась въ настоящій театръ, который могъ соперничать съ любою изъ тогдашнихъ пріѣзжихъ къ намъ нѣмецкихъ комедій.

Въ то самое время, какъ силами самого общества создавался театръ въ Ярославлѣ, русская школа, какъ бы по старой Петровской памяти, точно также заводила театральныя представленія и у себя. Это была высокая дворянская школа—Сухопутный Кадетскій корпусъ.—По этой причинѣ она начала съ французской пьесы, а за нею разучила и русскую—Сумароковскую трагедію, Хоревъ. Дворъ, интересуясь всякимъ новымъ удовольствіемъ, тотчасъ пожелалъ, какъ на новинку, посмотрѣть и на русскій спектакль, которому по этой причинѣ дали мѣсто на комнатномъ придворномъ театрѣ. Россійская трагедія очень понравилась самой Императрицѣ. Послѣ повторенныхъ удачныхъ опытовъ въ томъ же 1750 г. сентября 29 послѣдовало изустное Высочайшее повелѣніе: „чтобъ профессорамъ Академіи Наукъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи". А 21 декабря разрѣшено было играть русскія комедіи и въ частныхъ домахъ съ тѣмъ, чтобы „въ черническое и прочее касающееся до духовныхъ персонъ платье не наряжались и по улицамъ въ такомъ же и въ прочемъ, комедіальномъ платьѣ ни въ какомъ не ходили и не ѣздили".

Можно съ вѣроятностью предполагать, что до этого указа представленіе русскихъ комедій въ частномъ быту вовсе не разрѣшалось, почему и Ярославскій публичный театръ могъ возникнуть только на основаніи сдѣланнаго разрѣшенія и не раньше 1750 г.

Съ этого именно года и начинаются придворныя заботы собственно о россійскомъ театрѣ. Постоянно пишутся пьесы и разыгрываются время отъ времени частію тѣми-же кадетами,

а частію придворными. Въ 1752 г. дошелъ слухъ до императрицы и о Ярославскихъ комедіантахъ. Ярославцевъ тотчасъ выписали въ Петербургъ во всемъ составѣ ихъ труппы. Посадскіе артисты показали превеликія способности, добытыя собственными силами и потому не весьма украшенныя искусствомъ. Для этого ихъ всѣхъ отдали въ Кадетскій корпусъ въ науку, откуда по окончаніи курса они поступили на сцену уже въ учрежденный въ 1756 г. подъ дирекціею Сумарокова Россійскій Театръ съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Штелинъ пишетъ, что Волковъ съ равною силою игралъ трагическія и комическія роли, но настоящій его характеръ былъ „бѣшенаго". Другой славный актеръ Ярославской труппы, Дмитревскій, въ послѣдствіи былъ посланъ для образованія своего таланта въ Парижъ и Лондонъ и возвратясь доказалъ, что путешествіе было для него дѣйствительною школою. Онъ сталъ играть неподражаемо и вычистилъ тогдашнюю декламацію, которая до того времени исполнялась на распѣвъ.

Такова короткая первоначальная исторія нашего театра. Сначала школьная и посадская праздничная забава, которой Петръ намѣревался было дать правильное и постоянное устройство посредствомъ нѣмцевъ и завести у себя театръ прямо народный; потомъ забава придворная, изъ которой образовалось, какъ и изъ другихъ подобныхъ забавъ особое, но однако придворное же учрежденіе, какимъ считается и до сихъ поръ,—Русскій театръ все таки своимъ кореннымъ началомъ долженъ почитать починъ самого общества, именно починъ русской школьной и посадской молодежи, посреди которой выработался для этого дѣла своего рода Петръ Великій, преобразившій свою дѣтскую игрушку въ настоящее дѣльное дѣло драматическаго искусства. Волковъ, подобно Ломоносову, въ самомъ дѣлѣ обнаружилъ въ себѣ тѣже Петровскія стремленія настойчиво идти къ своей цѣли, настойчиво выработать для этой

цѣли самого себя, и изъ грубаго неустроеннаго матеріала создать стройное цѣлое, вдохнувъ въ него силы дальнѣйшаго развитія.

Но пока, такимъ образомъ нарождался русскій театръ, общество увеселялось зрѣлищами иноземными, которыя въ Петербургѣ, какъ упомянуто, имѣли великій успѣхъ, потому что сосредоточивались у Двора, для него собственно были заведимы и имъ вполнѣ обезпечивались; и еще потому, что Петербургъ, по происхожденію жителей, на половину былъ городъ иностранный, а по образованію и вкусамъ высшаго общества и совсѣмъ иностранный.

Другое дѣло было въ Москвѣ. Здѣсь иноземныя зрѣлища и театры находили мало успѣха и по большой части, удовлетворивъ на первый разъ потребности видѣть новое и небывалое, оставались потомъ безъ зрителей.

Есть извѣстіе, что въ 1753 г. на площади у Красныхъ воротъ находилась построенная отъ нѣмецкихъ комедіантовъ деревянная комедія, въ которой въ томъ году 26 декабря учинился пожаръ, отчего послѣ праздничныхъ представленій и велѣно было ее сломать и выстроить въ другомъ мѣстѣ *). „Понеже то мѣсто, говорилось въ указѣ, издревле находилось площадью для пріѣзжихъ изъ деревень съ сѣномъ и съ дровами.“

Новый комедіальный домъ былъ построенъ между Мясницкими и Покровскими воротами, у Лѣснаго ряда, близь Покровскихъ воротъ.

Весьма любопытно то обстоятельство, что знаменитый Ѳедоръ Волковъ съ братомъ Григорьемъ, при опредѣленіи по Высочайшему повелѣнію въ Кадетскій корпусъ для обученія

*) П. С. З. № 10,167.

наукамъ, куда они поступили въ 1754 г., Григорій съ 26 февраля, а Ѳедоръ съ 21 марта, названы при этомъ въ оффиціальной перепискѣ *Московскими комедіантами*, такъ какъ Дмитревскій и Поповъ, поступившіе туда 10 сент. 1752 г., названы *Ярославскими* комедіантами; одни слѣд. поступили прямо изъ Ярославля, другіе изъ Москвы.

Не значитъ-ли это, что Волковы, послѣ игры въ Петербургѣ, въ 1752 г., играли потомъ и въ Москвѣ до 1754 г. и быть можетъ именно въ упомянутой выше комедіи у Красныхъ воротъ.

Комедія была построена нѣмцами, но въ ней на праздникахъ могли быть и русскія представленія даже съ особаго разрѣшенія, чтобы ознакомить и Москву съ искусствомъ перваго народнаго актера. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ эти года съ 20 декабря 1752 г. и до половины мая 1754 г. въ Москвѣ жила сама императрица. Поэтому Волковы прежде всего должны были играть еще и на придворномъ Головинскомъ театрѣ или въ Оперномъ Домѣ и изъ Москвы, уже съ наступленіемъ поста, были отправлены, одинъ за другимъ, къ наукѣ въ корпусъ. Но такъ какъ при Дворѣ въ теченіи этого времени, и особенно лѣтомъ, по случаю выѣздовъ Императрицы изъ города, праздники не бывали часты, то по всему вѣроятію Волковы больше всего работали для Московскаго общества, и по всему вѣроятію въ единственной тогда публичной комедіи у Красныхъ Воротъ. По этой причинѣ, прибывъ въ корпусъ, они и были названы Московскими комедіантами.

Указъ объ учрежденіи русскаго для трагедій и комедій театра послѣдовалъ 30 августа 1756 г. и ограничивался въ этомъ случаѣ только однимъ Петербургомъ. Вскорѣ 19 апрѣля 1757 г. назначенъ былъ въ Москву директоромъ недавно же учрежденнаго Университета Ив. Ив. Мелиссино одинъ изъ бывшихъ актеровъ Кадетскаго корпуса. Это былъ человѣкъ, по-

добно Шувалову, основателю и куратору Университета, вполнѣ преданный наукѣ и искусству.

Шуваловъ не могъ избрать лучшаго сотрудника и единомысленника своимъ цѣлямъ и стремленіямъ. Мелиссино далъ не только Университету, но и всему обществу Москвы новую жизнь, поставивъ именно Университетъ центромъ общественнаго образованія, не только по наукѣ, но и по искусству.

Извѣстно, что Академія Художествъ впервые была учреждена при Московскомъ Университетѣ. Это было во всѣхъ отношеніяхъ великое дѣло, обѣщавшее неисчислимыя выгоды для русскаго просвѣщенія; но оно вскорѣ было испорчено и искусство, вовсе оторванное отъ науки, поселилось въ Петербургѣ, совсѣмъ особо отъ Университета, почему первыя шесть лѣтъ учрежденная Академія все таки числилась при Университетѣ въ Москвѣ. Въ Университетѣ, какъ бы фундаментомъ для Академіи, назначалась особая Гимназія разночинцевъ, въ которой поэтому кромѣ наукъ стали преподавать нѣкоторыя художества, необходимыя для общаго образованія артиста, какъ то: пѣніе, инструментальную музыку, рисованіе и механическія искусства. Въ этомъ числѣ не забыто было и драматическое искусство, такъ что Университетъ независимо отъ Двора полагалъ начало серьезной театральной школѣ. На женскія роли онъ приглашалъ желающихъ съ воли, объявивъ въ своей газетѣ 27 іюля 1757 г. „Женщинамъ и дѣвицамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, такожъ пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію Московскаго Императорскаго Университета.“ Объявленіе было повторено, 1, 4 и 8 іюля.

Какъ шло дѣло дальше, намъ неизвѣстно. Но Штелинъ говоритъ, что съ дозволенія Двора, въ 1759 г. заведенъ былъ и въ Москвѣ россійскій театръ, т. е. публичный, а Новиковъ прибавляетъ, что для его учрежденія пріѣзжалъ въ Москву

знаменитый Волковъ, который, устроивъ дѣло, въ томъ же году и возвратился въ Петербургъ. Устройство дѣла Волковымъ заключалось по всему вѣроятію уже въ окончательной установкѣ русской сцены, ибо актеры были уже приготовлены Университетомъ, что могло быть устроено самимъ Директоромъ Мелиссино, обучавшимъ въ Кадетскомъ корпусѣ декламаціи и самого Волкова. Мы видѣли, что Университетъ вызывалъ на театръ даже женщинъ и знаемъ, что по спискамъ 1760 г. изъ казенныхъ студентовъ четверо прямо назначали себя для театра, а изъ гимназистовъ разночинцевъ 18 человѣкъ составляли уже цѣлую труппу актеровъ русскаго театра. Безсомнѣнія и тѣ и другіе принадлежали къ драматической школѣ Университета еще съ 1757 года.

Очень также вѣроятно, что открытіе въ Москвѣ русскаго публичнаго театра представилось Университету необходимымъ по той причинѣ, что въ томъ году, еще въ началѣ года, была открыта въ Москвѣ Итальянская опера извѣстнымъ Локателли.

Знаменитый въ свое время оперистъ Локателли пріѣхалъ въ Петербургъ съ труппою отличныхъ артистовъ еще въ 1757 году. Его Итальянская опера-буффа производила постоянный восторгъ и при Дворѣ и въ обществѣ. Знатные люди платили ему щедро и сами по своему вкусу украшали ложи его театра. Остальныхъ охотниковъ также всегда бывало множество, тѣмъ болѣе, что къ этой оперѣ очень благоволила сама императрица. Прельщенный успѣхомъ своей оперы въ Петербургѣ, Локателли сообразилъ, что въ Москвѣ, въ городѣ многолюднѣйшемъ, зрителей, а слѣд. и выгодъ ему еще будетъ больше. Испросивъ Высочайшее разрѣшеніе, онъ въ исходѣ 1758 г. прибылъ въ Москву, чтобы устроить къ новому году большой оперный домъ, который находился по прежнему гдѣ то у Красныхъ Воротъ, такъ какъ въ то время Красныя Ворота были серединнымъ мѣстомъ Мос-

ковской общественной жизни, ибо стояли между старою Москвою и новою ея столицею, Нѣмецкою Слободою, гдѣ сосредоточивалась императорская резиденція со всею придворною знатью.

Особенно для Москвы Локателли выписалъ изъ Италіи и Германіи новыхъ оперистокъ и оперистовъ, музыкантовъ и танцоровъ, прекрасную пѣвицу Монтованину и лучшаго тогдашняго пѣвца кастрата Манфредини. Во вторникъ 19 января 1759 г. онъ объявилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: „Чрезъ сіе объявляется, что господинъ Оперистъ Локателли начнетъ свои представленія на будущей недѣлѣ, а день объявленъ будетъ особливыми печатными листами."

На первомъ представленіи зрителей было множество. Но въ февралѣ, т. е. не больше какъ черезъ мѣсяцъ, Оперистъ писалъ къ своимъ пріятелямъ въ Петербургъ, что „издержавъ знатную сумму денегъ на приведеніе въ порядокъ театра и на выписываніе людей, въ разсужденіи малаго числа зрителей, не имѣетъ почти надежды возвратить употребленный свой капиталъ, для чего и просилъ правительство дозволить ему давать маскерады". Разрѣшеніе было получено и осенью 19 октября Локателли объявилъ въ газетахъ: „По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, въ будущее воскресенье, то есть, сего октября 31 дня, въ здѣшнемъ Оперномъ театрѣ, подъ дирекціею господина Локателли, будетъ первой публичной маскарадъ; а для лучшаго всѣмъ знанія, за нѣсколько дней до того будутъ разношены и раздаваны особливыя обстоятельныя объ ономъ объявленія." Цѣну онъ назначилъ по тому времени очень высокую, по три рубля съ каждой маски, и нѣсколько было поправилъ свои дѣла.

Но равнодушіе московской публики, происходившее главнымъ образомъ, вѣроятно, отъ дороговизны цѣнъ за входъ на оперу и въ маскарады, не доставило ему надлежащихъ выгодъ и онъ въ 1762 г. объявилъ себя совершеннымъ банкротомъ.

Претерпѣвая затрудненія, Локателли, быть можетъ, съ великою охотою согласился открыть на своемъ оперномъ театрѣ и русскія представленія университетской труппы, которую взялъ на свое иждивеніе. Однако русскій театръ не совсѣмъ былъ въ его управленіи. Объявленія о пьесахъ и продажѣ мѣстъ производились отъ Университета.

Положительныхъ свѣдѣній о томъ, когда начались русскія публичныя представленія на Московскомъ театрѣ, мы не имѣемъ. Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1760 г. № 42 отъ 26 мая видно, что 21 мая въ воскресенье давалась комедія *Новопріѣзжіе* (въ 1 д. соч. ле Грана, перев. А. Волкова) и что она должна была идти и 28 мая въ воскресенье же при трагедіи Синавъ и Труворъ. Въ объявленіи объ ея продажѣ отъ 9 іюня печаталось, что на Россійскомъ театрѣ она нѣсколько разъ была представлена.

За тѣмъ въ пятницу 2 іюня при Вѣдомостяхъ было напечатано слѣдующее особо приложенное объявленіе: „Сего іюня 4 числа, то есть въ будущее воскресенье на оперномъ театрѣ представлена будетъ, переведенная на Россійской языкъ комедія, сочиненія господина Молліера, называемая *Скапиновы обманы*, послѣ которой такъ же будетъ малая комедія, называемая: *Криспинъ слуга, драгунъ и нотаріусъ*, при чемъ будутъ и балеты. Для происшедшаго жъ въ прошлое воскресенье непорядка, въ которымъ у нѣкоторыхъ откупленныхъ уже ложъ ключи отбивали и входили въ оныя насильно, учинено такое распоряженіе, что на ложи перваго и втораго этажей давано будетъ по прежнему по шести билетовъ съ платежемъ шести рублевъ за каждую ложу, кромѣ трехъ большихъ, во второмъ этажѣ находящихся, за которыя должно платить по 12 рублевъ; напротивъ чего и по 12 билетовъ, на оныя выдавано будетъ; при чемъ объявляется, что съ деньгами за то и для полученія билетовъ надлежитъ присылать заблаговре-

менно въ Университетскій домъ, что на Моховой, къ опредѣленному при семъ прапорщику господину Прыткову. Напротивъ сего ложи третьяго этажа будутъ отворены для всѣхъ, безъ опредѣленнаго числа, но кто которую занять успѣетъ, съ платежемъ только по полтинѣ съ персоны. Въ верхней галереѣ брано будетъ противъ прежняго по 25 копѣекъ. Въ разсужденіи господскихъ служителей поступаемо будетъ по прежнемужъ, и комедія начнется точно въ 6 часовъ."

Представленія давались только по воскресеньямъ. 11 іюня шла россійская трагедія. *Синавъ и Труворъ*, при ней малая комедія и два балета. 18 Іюня *по желанію многихъ* снова представлена трагедія Синавъ и Труворъ, при ней малая комедія: *Принужденная женидьба* и два балета. 16 іюля представлена россійская трагедія *Хоревъ*, при ней малая комедія и новые два балета. 30 іюля опять Хоревъ и при ней новая комедія, называемая *Рѣка Забвенія* и два балета. 27 августа объявлялось, что „представлена будетъ большая комедія *Жоржъ Дандинъ* или въ смятеніе приведенной и несправедливо обвиненной мужъ и при ней малая комедія Рѣка Забвенія; что комедія начнется въ 6 часовъ неотмѣнно, и что желающіе купить комедію Жоржъ Дандинъ (переводу господина Чаадаева) могутъ получить въ Университетской книжной лавкѣ и въ Оперномъ домѣ." Въ слѣдующее воскресенье, 3 сентября, давали опять комедію Жоржъ Дандинъ и при ней малую комедію *Обвороженной поясъ*, при чемъ шли два балета, изъ которыхъ одинъ новый, называемый *Ошиталь безумныхъ*.

Въ раздачѣ билетовъ соблюдался тотъ же порядокъ, съ объявленіемъ, чтобы для полученія нумеровъ и билетовъ присылали заблаговременно въ Университетскій домъ и что ключи отъ купленныхъ ложъ будутъ выдаваемы въ Оперномъ домѣ; но потомъ къ 16 іюля и за ключами приглашали приходить тоже въ Университетскій домъ къ прапорщику Прыткову.

8 Сентября, празднуя торжественнымъ публичнымъ собраніемъ тезоименитство императрицы, Университетъ, кромѣ того, ввечеру открылъ оперный театръ съ представленіемъ россійской трагедіи безденежно.

Публикаціи въ Вѣдомостяхъ о продажѣ пьесъ могутъ также свидѣтельствовать, какія изъ нихъ шли тогда и въ представленія. Первая продажа была объявлена 12 мая о Синавѣ и Труворѣ Сумарокова, продававшейся у публичнаго нотаріуса Портнова, цѣною по 50 коп. Потомъ въ Университетской книжной лавкѣ Школярія и Вевера, открытой только съ половины января, у Воскресенскихъ Иверскихъ воротъ, продавались комедіи: *Новопріѣзжіе*; августа 1—*Скупой* Моліера, перев. Кропотова 50 коп.; августа 11—*Школа мужей*, тоже перев. Кропотова; августа 18—*Граціи*, перев. Нартова; августа 25—Жоржъ Дандинъ, перев. Чаадаева; 10 октября—*Тартюфъ* или *Лицемѣръ*, перев. Кропотова.

Однако публичный русскій театръ въ Москвѣ просуществовалъ не долго, вѣроятно потому что, состоя на содержаніи оперистa Локателли и ничего не получая въ помогу отъ казны, онъ, съ разстройствомъ дѣлъ оперистa, тоже долженъ былъ разстроиться и совсѣмъ прекратить представленія. Лучшія его артистки Троепольская, и Пушкина были взяты въ петербургскую труппу, гдѣ первая наравнѣ съ Дмитревскимъ заняла первое же мѣсто. А быть можетъ московскій театръ потому и разстроился на первыхъ же порахъ, что изъ его труппы выбрано все лучшее для Петербурга, особенно даровитыя артистки, которыхъ въ то время недоставало въ Петербургѣ, да онѣ и вообще были еще рѣдкимъ явленіемъ на сценѣ. Какъ бы ни было, но послѣдующія свѣдѣнія о московскомъ театрѣ очень скудны.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II и по случаю ея пріѣзда въ Москву къ коронаціи, древняя

столица снова оживилась, однако неизвѣстно, что дѣлалъ въ это время публичный оперный домъ у Красныхъ Воротъ. При дворцахъ же на Яузѣ, начались возобновленія и новыя постройки. Съ самаго пріѣзда императрицы въ сентябрѣ и октябрѣ 1762 г. живописнаго дѣла мастеръ и театральный архитектъ Francesco Gradizziy готовилъ въ Оперномъ Головинскомъ домѣ съ русскими мастерами декораціи и всякія украшенія. Это показываетъ, что при Дворѣ по прежнему сталъ дѣйствовать Елисаветинскій Оперный Домъ. Но кромѣ того, декабря 3, Ея Величество изволила указать въ Головинскомъ Лѣтнемъ Дворцѣ сдѣлать *малый театръ*, который былъ устроенъ въ одной изъ обширныхъ залъ дворца при помощи театральнаго машиниста Фридриха Гелфердинга; онъ же былъ и знаменитый изъ Вѣны балетмейстеръ. Этотъ театръ, какъ придворный домашній, предназначался собственно для представленій придворнаго благороднаго общества. На Масляницѣ 1763 года здѣсь дана была Сумароковская трагедія *Семира* и какая-то Мольерова комедія по русски. Въ трагедіи роли дѣйствующихъ лицъ играли: графиня Брюсова, графъ Гр. Гр. Орловъ, графъ Андрей Петр. Шуваловъ, маіоръ лейбгвардіи измайловскаго полка Рославлевъ и Анна Никитична Нарышкина; въ комедіи: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, князь Гагаринъ и нѣкоторыя фрейлины. Тогда же, къ удивленію всѣхъ знатоковъ и самихъ иностранныхъ театральныхъ танцовщицъ и танцовщиковъ, былъ представленъ обществомъ знатныхъ новый балетъ: *Радостное возвращеніе къ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ богини весны*, который съ великимъ искусствомъ танцовали: графиня Сиверсова—дочь оберъ-гофмаршала, Марья Павловна Нарышкина, графиня Строгонова, урожденная графиня Воронцова, графъ Петръ Александр. Бутурлинъ и другіе. Весь оркестръ также состоялъ изъ знати.

Но императрица не забывала и объ увеселеніяхъ городскаго общества и народа. Съ декабря же 1762 г. передъ Головинскимъ домомъ сооружены были Катальныя горы и при нихъ качели, карусели, кегли и другія увеселенія и особый театръ. Все это помѣщалось гдѣ то за Опернымъ Домомъ. Въ тоже время выстроена особая, еще въ большихъ размѣрахъ, катальная гора съ разными увеселеніями въ Елисаветинскомъ селѣ Покровскомъ, объ устройствѣ которой подробнѣе будетъ говорено ниже.

Сначала Головинскія дворцовыя горы были открыты только для Двора и высшая публика быть можетъ допускалась только въ извѣстные дни по особому разрѣшенію; но съ окончаніемъ зимнихъ увеселеній при наступленіи весны, 2 мая 1763 года „Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила дозволить желающимъ всему Дворянству пріѣзжать кататься на Горы, что предъ Головинскимъ Ея Величества Дворцемъ на каждый день, а *подлымъ* въ свободные отъ работъ дни; также въ Головинскій садъ гулять всему Дворянству по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; лакеямъ за ними не входить, такъ какъ и всѣ подлые люди, худо одѣтые, и въ лаптяхъ пропущаемы не будутъ".

Горы готовились главнымъ образомъ къ Масляницѣ 1763 г. янв. 26—февр. 2; а между тѣмъ на рождественскихъ праздникахъ для московскаго общества назначены были маскарады въ Оперномъ домѣ у Красныхъ воротъ. 24 декабря Московскія Вѣдомости извѣщали: „Чрезъ сіе объявляется, что сего Декабря 26, 28 и 30, а въ будущемъ 1763 году, наступающаго генваря 2 и 4 чиселъ отправляться имѣютъ маскарады въ оперномъ домѣ, что у Красныхъ воротъ". Въ это время спѣшила также объявить въ газетахъ „танцовальщица *Ніоденъ*, что обучаетъ благородныхъ танцовать минаветы,

столица снова оживилась, однако неизвѣстно, что дѣлалъ въ это время публичный оперный домъ у Красныхъ Воротъ. При дворцахъ же на Яузѣ, начались возобновленія и новыя постройки. Съ самаго пріѣзда императрицы въ сентябрѣ и октябрѣ 1762 г. живописнаго дѣла мастеръ и театральный архитектъ Francesco Gradizziy готовилъ въ Оперномъ Головинскомъ домѣ съ русскими мастерами декораціи и всякія украшенія. Это показываетъ, что при Дворѣ по прежнему сталъ дѣйствовать Елисаветинскій Оперный Домъ. Но кромѣ того, декабря 3, Ея Величество изволила указать въ Головинскомъ Лѣтнемъ Дворцѣ сдѣлать *малый театръ*, который былъ устроенъ въ одной изъ обширныхъ залъ дворца при помощи театральнаго машиниста Фридриха Гелфердинга; онъ же былъ и знаменитый изъ Вѣны балетмейстеръ. Этотъ театръ, какъ придворный домашній, предназначался собственно для представленій придворнаго благороднаго общества. На Масляницѣ 1763 года здѣсь дана была Сумароковская трагедія *Семира* и какая-то Мольерова комедія по русски. Въ трагедіи роли дѣйствующихъ лицъ играли: графиня Брюсова, графъ Гр. Гр. Орловъ, графъ Андрей Петр. Шуваловъ, маіоръ лейбгвардіи измайловскаго полка Рославлевъ и Анна Никитична Нарышкина; въ комедіи: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, князь Гагаринъ и нѣкоторыя фрейлины. Тогда же, къ удивленію всѣхъ знатоковъ и самихъ иностранныхъ театральныхъ танцовщицъ и танцовщиковъ, былъ представленъ обществомъ знатныхъ новый балетъ: *Радостное возвращеніе къ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ богини весны*, который съ великимъ искусствомъ танцовали: графиня Сиверсова—дочь оберъ-гофмаршала, Марья Павловна Нарышкина, графиня Строгонова, урожденная графиня Воронцова, графъ Петръ Александр. Бутурлинъ и другіе. Весь оркестръ также состоялъ изъ знати.

Но императрица не забывала и объ увеселеніяхъ городскаго общества и народа. Съ декабря же 1762 г. передъ Головинскимъ домомъ сооружены были Катальныя горы и при нихъ качели, карусели, кегли и другія увеселенія и особый театръ. Все это помѣщалось гдѣ то за Оперным Домомъ. Въ тоже время выстроена особая, еще въ большихъ размѣрахъ, катальная гора съ разными увеселеніями въ Елисаветинскомъ селѣ Покровскомъ, объ устройствѣ которой подробнѣе будетъ говорено ниже.

Сначала Головинскія дворцовыя горы были открыты только для Двора и высшая публика быть можетъ допускалась только въ извѣстные дни по особому разрѣшенію; но съ окончаніемъ зимнихъ увеселеній при наступленіи весны, 2 мая 1763 года „Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила дозволить желающимъ всему Дворянству пріѣзжать кататься на Горы, что предъ Головинскимъ Ея Величества Дворцемъ на каждый день, а *подлымъ* въ свободные отъ работъ дни; также въ Головинскій садъ гулять всему Дворянству по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; лакеямъ за ними не входить, такъ какъ и всѣ подлые люди, худо одѣтые, и въ лаптяхъ пропущаемы не будутъ“.

Горы готовились главнымъ образомъ къ Масляницѣ 1763 г. янв. 26—февр. 2; а между тѣмъ на рождественскихъ праздникахъ для московскаго общества назначены были маскарады въ Оперномъ домѣ у Красныхъ воротъ. 24 декабря Московскія Вѣдомости извѣщали: „Чрезъ сіе объявляется, что сего Декабря 26, 28 и 30, а въ будущемъ 1763 году, наступающаго генваря 2 и 4 чиселъ отправляться имѣютъ маскарады въ оперномъ домѣ, что у Красныхъ воротъ“. Въ это время спѣшила также объявить въ газетахъ „танцовальщица *Ніоденъ*, что обучаетъ благородныхъ танцовать минаветы,

контратанцы и верхніе танцы, желающіе у нея учиться, могли сыскать ее въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Локателлія".

Этотъ публичный маскарадъ такъ и прозывался *Локателіевъ* или *Локателевъ*. Разорившійся оперистъ, съ пріѣздомъ въ Москву всего Двора къ коронаціи, вѣроятно снова пыталъ счастія въ своихъ маскарадахъ. Въ 1763 г. ихъ посѣщала и сама императрица, именно января 13 и апрѣля 11, пробывъ въ первый вечеръ съ девятаго, а во второй съ десятаго часа и до перваго по полуночи. Но по отъѣздѣ Двора въ Петербургъ угасъ и Локателевъ маскарадъ. Съ осени 1763 г. были открыты маскарады въ другомъ мѣстѣ и вѣроятно другимъ хозяиномъ. Въ Моск. Вѣдомостяхъ отъ 17 октября напечатано слѣдующее: „Чрезъ сіе объявляется, что для удовольствія знатнаго дворянства и прочихъ здѣшняго столичнаго города жителей, сего 1763 года октября съ 26 дня, то есть съ будущаго воскресенья, начнутся здѣсь вольные маскерады въ домѣ Ея Сіят. Княгини Натальи Александровны Голицыной, состоящемъ на Стрѣтенской улицѣ, въ приходѣ церкви Введенія Богородицы. Желающіе въ оные маскерады пріѣжжать имѣютъ платить съ каждой персоны за входъ по 1 рублю. Ктожъ пожелаетъ ужинать, также кофе, чаю и питья оное будутъ получать въ томъ же домѣ за особливую плату. Маскерады начинаться будутъ концертомъ, пока съѣдутся столько мазокъ, чтобъ балъ зачать можно было; и отъ сего времени съѣздъ въ маскерадъ имѣетъ быть всякое воскресенье въ 7 часу по полудни, а безъ маскераднаго платья, такожъ и подлые люди никто впущены не будутъ. Билеты жъ и маски всякаго сорту могутъ желающіе покупать въ томъ же домѣ отъ 8 часовъ утра до разъѣзду".

Въ воспоминаніяхъ Москвы зима 1762—63 годовъ, и особенно масляница, должна занять очень видное мѣсто. Это было

самое веселое, самое шумное время, какое едва ли случалось прежде, да кажется не повторилось и послѣ. Торжество коронаціи, совершившееся осенью, и слѣдовавшіе за тѣмъ во всю зиму непрерывные праздники и разнаго рода общественныя увеселенія тѣмъ особенно отличались отъ другихъ, что они были не однимъ только зрѣлищемъ для народа, но и его собственнымъ праздникомъ, что они затрогивали и удовлетворяли интересы всѣхъ классовъ тогдашняго московскаго общества. Народъ веселился отъ души, говорятъ очевидцы-современники. И это очень понятно: онъ давно не встрѣчалъ такого радушнаго вниманія сверху, такой даже заботливости о томъ, чтобъ сдѣлать парадное торжество праздникомъ вполнѣ народнымъ, наиболѣе веселымъ и гостепріимнымъ. Стоитъ припомнить только знаменитый масляничный *карнавалъ*, устроенный актеромъ Ѳ. Г. Волковымъ и три дня разъѣзжавшій по тогдашнимъ главнымъ улицамъ, чтобы представить себѣ весь разгулъ и широкую, вполнѣ свободную веселость, какой предавались въ то время москвичи *). При Головинскомъ дворцѣ, гдѣ жила Императрица, построены были на этотъ случай, какъ упомянуто, катальныя горы, качели, карусели и т. п. даже небольшой театръ, и все это было отдано на увеселеніе народа во всю масляницу. Всякій могъ туда „собираться, смотрѣть разныя игралища, пляски, комедіи кукольныя, гокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія и кататься съ горъ во всю недѣлю, съ утра и до ночи, въ маскѣ или безъ маски, кто какъ похочетъ всякаго званія люди“.

Къ числу разныхъ увеселительныхъ затѣй этого времени, принадлежитъ и постройка катальной горы при Покровскомъ дворцѣ въ селѣ Покровскомъ, куда императрица довольно ча-

*) Разсказывали, что въ поѣздѣ колесницъ было до 250; изъ нихъ нѣкоторыя были везены 12, другія 24 волами; дѣйствующихъ лицъ въ маскарадѣ находилось до 4,000 чел.

сто пріѣзжала веселиться съ избраннымъ обществомъ и с всѣмъ Дворомъ.

Еще въ ноябрѣ (23-го ч.) 1762 года императрица „именнымъ повелѣніемъ чрезъ ординарца отъ кавалергардіи Арсеньева, приказала въ при-московномъ селѣ Покровскомъ при дворцѣ сдѣлать, катательную гору", по образцу такой же горы, находившейся въ Царскомъ селѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, 28-го ноября, въ высочайшее присутствіе въ Головинскомъ домѣ, поднесенъ былъ „планъ Покровскому дворцу и при немъ старому и новому садамъ для опробаціи мѣста горѣ, гдѣ соизволитъ указать построить". Императрица назначила мѣсто въ новомъ саду, „гдѣ удобнѣе усмотритъ и разсудитъ генералъ-поручикъ дѣйствительный каммергеръ, надъ строеніями домовъ и садовъ главный директоръ Иванъ Ивановичъ Бецкой, и чтобъ гора въ готовности была къ масляницѣ (къ концу января 1763 г.) для катанія въ зиму и въ лѣто". Такъ какъ въ Москвѣ трудно было найдти знающихъ людей для этой постройки, то она и была поручена пріѣхавшему изъ Петербурга, архитектору Василію Неѣлову, какъ знатоку дѣла, который составилъ смѣту и завѣдывалъ строеніемъ. Въ тоже время выписанъ былъ изъ Царскаго села „знающій катанье, употреблявшійся для сего еще при императрицѣ Елисаветѣ, отставной канонеръ Иванъ Софоновъ, который по довольной опытности и дѣланіе горы показать могъ".

Съ половины декабря начались работы и для скорѣйшаго успѣха производились даже по ночамъ, часовъ до 10 и до 11, почему на освѣщеніе въ 25 дней января мѣсяца употреблено было 18,600 полуфунтовыхъ и фунтовыхъ плошекъ и 65 факеловъ.

По назначенію къ масляницѣ гора была готова, впрочемъ только для зимняго катанья. Выстроены были покои въ два этажа вышиною по кровлю 6 саж. и столько же въ квадрат-

номъ основаніи. Подъѣздное крыльцо устроено на колоннахъ съ рѣзными капителями. Крышка его со всѣхъ четырехъ сторонъ была украшена балюстрадомъ и фронтонами съ вензелями и коронами; на колоннахъ поставлены на тумбахъ точеныя вазы съ рѣзьбою. Отъ подъѣзднаго крыльца на право и на лѣво устроены на аркахъ *два въѣзда на лошадяхъ* и кромѣ того два *всхожія* крыльца съ перилами.

Въ верхнемъ покоѣ находилась зала съ четырьмя комнатами, стѣны были обиты войлоками и по нимъ обоями, въ залѣ кутневыми мелкополосными съ травочками, въ первой комнатѣ — камчатыми бѣлокосовыми съ красными травочками, во второй—зелеными соломенковыми, въ третьей — соломенковыми по желтой землѣ, въ четвертой—камчатыми голубыми. Полъ былъ устланъ шерстяными цвѣтными коврами. Дубовые столы, простые кожаные стулья, нѣсколько зеркалъ, по стѣнамъ мѣдные подсвѣчники—составляли будничную, обыкновенную меблировку этихъ покоевъ. Само собою разумѣется, что для высочайшаго пріѣзда они убирались великолѣпнѣе.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась *машина*, съ колесами и со всѣми инструментами, дѣйствовавшая посредствомъ лошадей; при ней канатъ чрезъ всю гору на четырехъ мѣдныхъ шкифахъ. Съ верхняго этажа спускался по лугу къ Яузѣ *форсъ* или скатъ изъ сосновыхъ брусьевъ, длиною на 186 сажень 1 аршинъ, шириною въ 4 сажени. Для зимняго катанья этотъ форсъ настилали льдомъ по снѣгу съ поливкою водою; льдины распиливали толщиною въ 3 или 4 вершка, клали ихъ плотно одну къ другой, и сверху также поливали водою, чтобъ было ровно и гладко. Съ одной стороны форса устроенъ былъ ящикъ или каналъ, шириною въ 4, глубиною въ 5 вершковъ, для „хожденія каната", которымъ обратно поднимали на верхъ санки и коляски. Зимою по бортамъ форса, прибивались для украшенія елки. Въ концѣ форса, куда скатывались, устро-

енъ былъ щитъ шириною въ 16½ саженъ: поставлены столбы и обрешечены досками. Къ веснѣ, къ маю, этотъ щитъ былъ украшенъ тридцатью *перспективными* картинами, въ столярныхъ рамахъ, вышиною въ 5 аршинъ и шириною въ 2 аршина, на фламскомъ полотнѣ. Кромѣ того посреди форса изъ такихъ же картинъ были устроены растворчатыя двери съ фронтономъ. Сначала для написанія этихъ картинъ обращались было съ заказомъ къ извѣстному въ то время театральному архитектору и живописнаго дѣла мастеру Франческу Градицію; но онъ запросилъ за работу 1,200 рублей. Это показалось очень дорого и заказъ былъ отданъ живописцамъ изъ господскихъ людей, Данилѣ Смирнову и Алексѣю Полтеву, которые всѣ и даже съ прибавкою нѣкоторыхъ штукъ написали за 212 руб. Все строеніе было убрано столярною работою, покои украшены архитравомъ, карнизомъ, круглыми фронтонами, вазами, пилястрами, колонками, плинтами, поясами и т. п., и вся эта работа раскрашена цвѣтными красками, такъ что гора представляла весьма красивое и узорчатое зданіе.

Для зимняго катанья употреблялось: 1) двадцать санокъ, изъ которыхъ 10 были обиты зеленымъ, а другія 10 краснымъ сукномъ; всѣ были на стальныхъ полозкахъ. 2) Двѣнадцать лодокъ, обитыхъ зеленымъ, и 3 краснымъ сукномъ съ желтою тесьмою и мѣдными гвоздями, также на стальныхъ полозкахъ. 3) Семь лодокъ лубяныхъ и 4) Двѣ лебеди бѣлыя съ крыльями, обиты холстомъ, на зимнемъ ходу, въ томъ числѣ одна съ рулемъ, а другая съ полозкомъ. Для зимняго катанія съ горы „во время присутствія Ея Императорскаго Величества“ употреблялись двои санки, украшенныя рѣзбою, раскрашенныя красками, вызолоченныя и обитыя, однѣ малиновымъ, а другія зеленымъ бархатомъ. На *головашкахъ* у однихъ кромѣ того было рѣзное изображеніе льва, а у другихъ лебедя. На горѣ стояли двѣ деревянныя рѣзныя статуи,

на которыя надѣвались бумажныя, крашеныя черною краскою головы, для сниманія ихъ копьями на лету во время катанья. Такихъ головъ при этихъ статуяхъ было десять и девять копій желѣзныхъ на деревянныхъ черенахъ съ рѣзными ручками, оклеенными зеленымъ сукномъ; въ томъ числѣ было два вызолоченныхъ, съ ручками, оклеенными сукномъ алымъ.

Таково было первоначальное устройство горы. Катанье открылось на масляницѣ и безъ сомнѣнія въ присутствіи самой императрицы и при ея участіи въ увеселеніи. Между прочимъ 2-го февраля (въ масляничное заговѣнье), бывши на горѣ, императрица изустно повелѣла: 1. „При катальной горѣ, за садомъ дворца для лѣтняго увеселенія сдѣлать въ пристойныхъ мѣстахъ разныхъ манеровъ качели, карусели и прочія увеселительныя вещи, такъ какъ въ Царскомъ Селѣ имѣются. Около той же горы мѣсто испланировать и учредить партеры, насадя разныя плодоносныя деревья. 2. Въ покояхъ Покровскаго дворца имѣть беліаръ со всѣми принадлежностями, карты, шахматы, кости, ломберные столики и другіе ко увеселенію потребности, такъ какъ въ Царскомъ селѣ". Прежде всего „для будущихъ присутствіевъ" приготовлены были эти послѣднія игры въ Покровскомъ дворцѣ, какъ-то: беліаръ, карты, марки, шашки съ досками, столы съ дамками, ломберные, банкъ, фаро, квинтичные, для чего и куплено шашекъ: костяныхъ три игры, первыя рѣзныя и другія гладкія моржевыя, третьи гладкія мамонтовыя; марокъ одинъ ящикъ большой мамонтовой, два ящика малой руки моржевые, въ каждомъ ящикѣ марокъ по 4 приза; двѣ игры дамокъ моржевыхъ, въ каждой щетомъ 12; столы беліарный, банковый, 6 ломберныхъ, два квинтичные, обиты зеленымъ сукномъ и тесьмою и и позументомъ.

За тѣмъ было приступлено къ устройству при горѣ лѣтнихъ увеселительныхъ игръ, т. е. каруселей, качелей и пр.,

для чего архитекторомъ Неѣловымъ составлены чертежи или профекты и смѣты, которые въ концѣ февраля (24-го числа) были утверждены Ив. Ив. Бецкимъ; въ началѣ марта начались работы и въ началѣ мая (8-го числа) все было окончено и передано архитекторомъ въ смотрѣніе машинному мастеру Іосифу Томасу. Игры эти заключались въ слѣдующемъ:

1. Карусель. Это отчасти тоже самое, что теперь на народныхъ гуляньяхъ зовется *конькамы*. Устройство карусели было слѣдующее: основаніемъ служилъ осмигранный помостъ, шести саженъ въ діаметрѣ, на который съ четырехъ сторонъ вели четыре лѣстницы; круглая средина помоста, 4 саженъ въ діаметрѣ, составляла *ходячій кругъ*, который ходилъ на валу, или толстомъ столбѣ, стоявшемъ въ центрѣ круга и слѣд. всего помоста. На этомъ ходячемъ кругу поставлены были двѣ *одноколки*, обитыя, одна алымъ, а другая зеленымъ тонкимъ сукномъ съ подкладкой изъ холста и волоса, а крылья, щитъ, подушки и кузовья черною кожею и мѣдными гвоздями, и четыре конька съ натуральными гривами и хвостами на желѣзныхъ подставахъ, безъ ногъ, съ сѣдлами изъ алаго сукна съ мѣднымъ приборомъ.

По сторонамъ ходячаго круга и этихъ коньковъ и одноколокъ, на помостѣ устроены были карусельныя игры: поставлено два глаголя или коромысла на столбахъ съ 15-ю на каждомъ крючками, на которыхъ висѣли мѣдныя кольца для снимания ихъ во время игры копьями и рапирами. Между этими глаголями стояли другіе два столба съ кругами, расписанными красками, изъ которыхъ на одномъ было изображено прорѣзное большое *сердце* „во что копья бросаютъ“ и номера, а въ другомъ была нитная сѣтка, „во что мячи кидаютъ“. При игрѣ находилось 4 копья, 4 лапиры и 12 кожаныхъ мечей, набитыхъ волосомъ. Помостъ и лѣстницы карусели обнесены были балюстрадомъ изъ точеныхъ балясъ съ вазами и шарами на тумбахъ.

2. Противъ карусели игра *воронъ*, или *птичка*. Между двухъ точеныхъ колоннъ или столбовъ, соединенныхъ вверху архитравомъ и карнизомъ, висѣла по срединѣ на шелковомъ шнуру птица-воронъ съ стальнымъ острымъ носомъ, которымъ она должна была втыкаться въ сердце, съ номерами, написанное на кругу, висѣвшемъ на особомъ столбѣ, который стоялъ противъ птички.

3. Позади карусели, слѣд. на другой противоположной сторонѣ отъ ворона, устроена была подобная же *игра кольцо*, гдѣ вмѣсто птички на шнуру висѣло желѣзное кольцо, а вмѣсто сердца на противоположномъ столбѣ, также въ крашеномъ кругу, укрѣпленъ былъ, крючекъ, на который во время игры слѣдовало надѣть кольцо.

4. По лѣвую сторону карусели была устроена подобнымъ же образомъ *игра кегельная* „на двухъ столбахъ съ рюстиками и фронтонами, сверху висѣлъ на шелковомъ зеленомъ шнуру шаръ“, а внизу на доскѣ стояло девять кеглей.

5. По правую сторону карусели *веревочная* обыкновенная *качель* изъ каната, обшитаго зеленымъ сукномъ съ дубовою доскою. Веревка, которою раскачивали, длиною 6 саженъ, была обшита алымъ сукномъ.

6. У самой горы въ линію съ форсомъ стояли три круглыя качели, каждая съ четырьмя бесѣдками; двѣ качели были обыкновеннаго устройства на валахъ, а одна, у которой бесѣдки были со стеклами, вертѣлась посредствомъ двухъ колесъ и двухъ шестерней на валу. Въ бесѣдки садились съ небольшихъ лѣсенокъ. Столбы качелей вышиною были въ 3 сажени.

По обѣимъ сторонамъ этихъ качелей находились еще двѣ *круглыя игры* на подобіе карусели. Здѣсь на помостѣ стоялъ валъ съ четырьмя ручками или коромыслами, къ которымъ прицѣплялись четыре коляски на деревянныхъ шкифахъ или колесцахъ; валъ ходилъ кругомъ и каталъ коляски въ

деревянныхъ брусяныхъ рельсахъ. По сторонамъ устроено было четыре коромысла или глаголя съ крючками для желѣзныхъ колецъ, которыя снимались копьями и рапирами во время катанья. Въ послѣдствіи изъ этихъ игръ сдѣланы обыкновенныя карусели или *коньки*.

7. *Игра кегельная* и *игра фортунная* одинаковаго устройства. Та и другая имѣла деревянный форсъ или скатъ длиною 13 саженъ, шириною 2 арш. и съ боку ящикъ для возвращенія шаровъ, шириною 6 вершковъ. При кегельной игрѣ было 9 кеглей и 8 большихъ шаровъ, а при фортунной—доска-фортуна, рѣзная, съ номерами, „крашеная, на ней три стоячія фигурки и три шарика да мѣдный колокольчикъ на крючкѣ и для игры малыхъ тридцать шаровъ.“ Наконецъ сдѣланы были для *сваешной игры* два квадратныхъ щита въ 3 аршина, на нихъ по 4 кольца съ винтами и, для игры, большихъ и малыхъ шесть сваекъ.

Кромѣ того устроена была и *доска для скаканья*.

Такимъ образомъ здѣсь соединились чисто-народныя русскія игры съ играми образованнаго тогдашняго общества, подражавшаго въ этомъ большею частію французскимъ увеселеніямъ.

Съ наступленіемъ весны преобразована была и самая гора. Ледъ стаялъ или былъ сколотъ и по форсу устроено (съ 19-го марта) *лѣтнее катанье* на коляскахъ: сдѣлано изъ сосновыхъ брусьевъ три форса для катанья и одинъ для подниманья колясокъ на гору; для каждаго хода положено по два бруса, а между брусьями, „гдѣ коляски ходятъ“, положены дубовые въ восемь линеекъ брусья, служившіе рельсами или колеями. Нѣкоторыя коляски отличались особеннымъ великолѣпіемъ. Коляска императрицы была рѣзная по дереву, вызолоченная и раскрашенная по серебру зеленою краскою; украшенная разными лентами съ мѣдными позолоченными колокольчиками. Внутри была обита малиновымъ бархатомъ и зо-

лотымъ позументомъ съ золотою же бахрамою. Кромѣ того коляску украшали два Китайца въ бѣломъ тафтяномъ платьѣ съ мѣдными колокольчиками, писанные мѣстами живописью: одинъ съ тафтянымъ зеленымъ съ золотыми кисточками зонтомъ въ рукахъ стоялъ на запяткахъ, другой съ такимъ же флагомъ въ рукахъ былъ впереди. Другія двѣ коляски были также вызолочены, расписаны по серебру зеленою краскою, и обиты, одна алымъ, другая зеленымъ сукномъ съ позументомъ; первая кромѣ того украшена была рѣзнымъ золоченымъ и посеребренымъ *львомъ*, а другая посеребряною *лебедью* съ распущенными крыльями.

Изъ остальныхъ иныя были рѣзныя золоченыя и раскрашенныя красками, другія простыя, обитыя краснымъ и зеленымъ сукномъ съ позументомъ или шелковою тесьмою. Почти всѣ имѣли запятки и у каждой на ходу было по 8 мѣдныхъ шкифъ или колесъ, а у четырехъ кромѣ того были стальныя полозки.

Апрѣля 4-го, въ присутствіи своемъ на горѣ, Императрица изустно повелѣла: „1) вокругъ горы насадить шпалерникъ липовымъ деревьемъ чаще; 2) въ концѣ форса у щита сдѣлать рамы съ картинами отворчатыми; 3) около горы насадить не одни лѣсныя, но и плодоносныя деревья, яблони, груши и другія; 4) для низости въ концѣ форса, чтобъ вода не затопляла, по обѣ стороны горы вырыть пруды и выемною землею низкія мѣста увысить.“

Мы видѣли, что еще 2-го февраля было высочайшее повелѣніе около горы мѣсто испланировать и насадить разныя плодоносныя деревья. Но 27-го февраля это перемѣнено и вмѣсто плодоносныхъ деревъ велѣно насадить разными лѣсными деревьями рощу, для чего было подряжено поставить къ посадкѣ березовыхъ, липовыхъ, кленовыхъ, вязовыхъ, дубовыхъ, рябиновыхъ, елевыхъ, черемховыхъ, по 200 деревъ;

орѣховыхъ и можжевеловыхъ кустовъ также по 200, всего 2,000, по подряду по 16 коп. за каждое дерево съ посадкою. 4-го апрѣля, какъ мы видѣли, снова назначена была посадка плодоносныхъ деревъ, которыя тоже были заподряжены у купца Карпова изъ собственнаго его сада. Вотъ названія яблоновыхъ и грушевыхъ деревъ, посаженныхъ въ это время у Покровской катальной горы: царскаго шипу, скруты полосатые, скруты росписные, скруты нѣмецкіе, смоленской наливъ крупной, полосатой наливъ крупной, желтой наливъ крупной, бабушкинъ наливъ, бель разная, лебяжья, рѣпчатая, соколовская росписная, сквозной наливъ, черное дерево, украинская зимнина, терентьевской наливъ, любшина крупная, хлопчатой наливъ, разныя аркаты крупные, плодовитые крупные рѣпчатые, зимнина руская, кривоспица, улита продолговатая, бокланы нѣмецкіе, груши и дули царскія, всего 670 деревъ по 14 копѣекъ дерево.

Въ тоже время (мая 1-го) императрица чрезъ Бецкаго повелѣла около горы, т. е. всѣхъ увеселительныхъ игръ, сдѣлать высокій заборъ и сверху на всѣхъ заборахъ набить желѣзныя спицы, дабы люди лазить не могли. Забору по окружности всего было 94 звена, по три сажени каждое звено; столбы его были украшены шарами.

Вообще Покровская катальная гора съ своими увеселительными играми обращала особенное вниманіе императрицы, принимавшей самое дѣятельное и непосредственное участіе въ ея устройствѣ. При Головинскомъ Дворцѣ, гдѣ имѣла пребываніе императрица, въ эту же зиму, какъ мы упомянули, сдѣланы были также катальныя горы, за опернымъ театромъ, съ качелями, каруселями и другими играми; но можетъ быть временное устройство ихъ, на случай только пребыванія въ Москвѣ Двора, не представляло никакихъ особенныхъ затѣй, было обыкновенно и не имѣло такихъ размѣровъ, какъ Покровскія

увеселенія, въ устройствѣ которыхъ нельзя не замѣтить намѣренія дать Москвѣ постоянное увеселительное мѣсто для Двора и публики, подобное тому, какое существовало въ Царскомъ Селѣ. Какъ бы то ни было, но Покровская катальная гора такъ интересовала императрицу, что еще 2-го февраля она повелѣла Бецкому „сдѣлать точную той горѣ деревянную модель, кою выкрасить и вызолотить по пристойнымъ мѣстамъ и сдѣлать въ ней машину и коляски такожъ и рисунокъ для посылки въ иностранныя государства, ко французскому королю".

Когда придворныя торжества и увеселенія прекратились, катальная Покровская гора открыта была по повелѣнію императрицы для публики, сначала разумѣется только для дворянъ, а потомъ, и для купечества. Еще „февраля 21-го дня Ея Императорское Величество, будучи на горѣ при Покровскомъ Дворцѣ, имяннымъ повелѣніемъ изустно соизволила указать: „по отсутствіи Ея Императорскаго Величества изъ Москвы въ С.-Петербургъ до будущаго присутствія отдать ту гору желающимъ изъ платежа въ казну и дозволить кататца лѣтомъ и зимою дворянству, купечеству и всякаго чина людемъ, кромѣ подлыхъ; а притомъ для народнаго довольствія имѣть трактиръ и въ немъ кушанье, чай, чекаладъ, кофей, водки гданскія и французскую, виноградныя питья, полпива, меды, и для постройки покоевъ, гдѣ содержателю жить и трактиръ имѣть, отвести пристойное мѣсто". Тогда же въ Собственной Вотчинной Канцеляріи опредѣлено было: „учинить публики, выставя въ пристойныхъ мѣстахъ листы объявленія съ барабаннымъ боемъ и въ Московскихъ Газетахъ припечатать". Въ 19-мъ № Московскихъ Вѣдомостей, отъ 7-го марта, было объявлено объ этомъ. Но само собою разумѣется, одной такой публикаціи по тому времени было недостаточно: многіе ли читали тогда Московскія Вѣдомости, особливо изъ лю-

орѣховыхъ и можжевеловыхъ кустовъ также по 200, всего 2,000, по подряду по 16 коп. за каждое дерево съ посадкою. 4-го апрѣля, какъ мы видѣли, снова назначена была посадка плодоносныхъ деревъ, которыя тоже были заподряжены у купца Карпова изъ собственнаго его сада. Вотъ названія яблоновыхъ и грушевыхъ деревъ, посаженныхъ въ это время у Покровской катальной горы: царскаго шипу, скруты полосатые, скруты росписные, скруты нѣмецкіе, смоленской наливъ крупной, полосатой наливъ крупной, желтой наливъ крупной, бабушкинъ наливъ, бель разная, лебяжья, рѣпчатая, соколовская росписная, сквозной наливъ, черное дерево, украинская зимнина, терентьевской наливъ, любшина крупная, хлопчатой наливъ, разныя аркаты крупные, плодовитые крупные рѣпчатые, зимнина руская, кривоспица, улита продолговатая, бокланы нѣмецкіе, груши и дули царскія, всего 670 деревъ по 14 копѣекъ дерево.

Въ тоже время (мая 1-го) императрица чрезъ Бецкаго повелѣла около горы, т. е. всѣхъ увеселительныхъ игръ, сдѣлать высокій заборъ и сверху на всѣхъ заборахъ набить желѣзныя спицы, дабы люди лазить не могли. Забору по окружности всего было 94 звена, по три сажени каждое звено; столбы его были украшены шарами.

Вообще Покровская катальная гора съ своими увеселительными играми обращала особенное вниманіе императрицы, принимавшей самое дѣятельное и непосредственное участіе въ ея устройствѣ. При Головинскомъ Дворцѣ, гдѣ имѣла пребываніе императрица, въ эту же зиму, какъ мы упомянули, сдѣланы были также катальныя горы, за опернымъ театромъ, съ качелями, каруселями и другими играми; но можетъ быть временное устройство ихъ, на случай только пребыванія въ Москвѣ Двора, не представляло никакихъ особенныхъ затѣй, было обыкновенно и не имѣло такихъ размѣровъ, какъ Покровскія

увеселенія, въ устройствѣ которыхъ нельзя не замѣтить намѣренія дать Москвѣ постоянное увеселительное мѣсто для Двора и публики, подобное тому, какое существовало въ Царскомъ Селѣ. Какъ бы то ни было, но Покровская катальная гора такъ интересовала императрицу, что еще 2-го февраля она повелѣла Бецкому „сдѣлать точную той горѣ деревянную модель, кою выкрасить и вызолотить по пристойнымъ мѣстамъ и сдѣлать въ ней машину и коляски такожъ и рисунокъ для посылки въ иностранныя государства, ко французскому королю“.

Когда придворныя торжества и увеселенія прекратились, катальная Покровская гора открыта была по повелѣнію императрицы для публики, сначала разумѣется только для дворянъ, а потомъ, и для купечества. Еще „февраля 21-го дня Ея Императорское Величество, будучи на горѣ при Покровскомъ Дворцѣ, имяннымъ повелѣніемъ изустно соизволила указать: „по отсутствіи Ея Императорскаго Величества изъ Москвы въ С.-Петербургъ до будущаго присутствія отдать ту гору желающимъ изъ платежа въ казну и дозволить кататца лѣтомъ и зимою дворянству, купечеству и всякаго чина людемъ, кромѣ подлыхъ; а притомъ для народнаго довольствія имѣть трактиръ и въ немъ кушанье, чай, чекаладъ, кофей, водки гданскія и французскую, виноградныя питья, полпива, меды, и для постройки покоевъ, гдѣ содержателю жить и трактиръ имѣть, отвести пристойное мѣсто“. Тогда же въ Собственной Вотчинной Канцеляріи опредѣлено было: „учинить публики, выставя въ пристойныхъ мѣстахъ листы объявленія съ барабаннымъ боемъ и въ Московскихъ Газетахъ припечатать“. Въ 19-мъ № Московскихъ Вѣдомостей, отъ 7-го марта, было объявлено объ этомъ. Но само собою разумѣется, одной такой публикаціи по тому времени было недостаточно: многіе ли читали тогда Московскія Вѣдомости, особливо изъ лю-

дей промышленныхъ? По этому въ тотъ же день произведена публика стариннымъ способомъ, употребительнымъ еще со временъ Петра, который состоялъ въ томъ, что въ многолюдныхъ торговыхъ мѣстахъ, на площадяхъ и перекресткахъ выставляли или прибивали объявленіе и барабаннымъ боемъ обращали на объявленіе вниманіе публики. Въ это время пробарабанили объявленіе у воротъ Собственной Вотчинной Канцеляріи и на площади у Спасскихъ воротъ, также у Воскресенскихъ, у Никольскихъ и у Казанской.—Желающихъ однакожь въ первое время не являлось, можетъ быть, потому что никто не хотѣлъ преждевременно идти на торгъ и объявлять цѣну, ибо дѣйствительный торгъ долженъ былъ состояться только по отъѣздѣ изъ Москвы Двора. Между тѣмъ съ наступленіемъ весны 2-го мая „Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила дозволить желающимъ всему дворянству ѣздить кататца къ Покровской горѣ въ воскресенье, вторникъ и четвертокъ, но чтобъ внутръ забора оной горы лакеи и протчіе подлые люди не входили". Къ катанью недозволено только употреблять колясочки, „кои слѣданы и опробованы лутчими и угодными для Ея Императорскаго Величества", а караульный оберъ - офицеръ и прислуга Покровскаго дворца обязаны были наблюдать, чтобъ веселиться пріѣзжало одно только дворянство, кромѣ господскихъ лакеевъ и другихъ подлыхъ людей. За тѣмъ 11-го іюня снова было дано повелѣніе: „Гору по прежнему отдать на откупъ, а до отдачи допускать кататца и увеселенія имѣть въ прежде назначенные три дни, воскресенье, вторникъ, четвертокъ дворянство, а въ протчіе купечество и за катаніе и увеселеніе брать въ казну плату по разсмотрѣнію". Плату назначено было брать по усмотрѣнію персонъ и продолженія времени въ катаніи и увеселеніи за одну только гору, и за увеселеніе на качеляхъ и каруселяхъ, кромѣ *птички*, *колечка*, *кеглей*, *фортуны* и сваешной

игры, которыя оставить безъ платы. На горѣ съ персоны брали по 10 копѣекъ, а съ коляски, т. е. съ двухъ персонъ, по 20 коп., за одинъ разъ. На карусели обернуть 20 разъ съ персоны по 10 к., на круглой качели обернуть 20 разъ также по 10 коп., а съ прочихъ игоръ: съ фортуны, съ кегельной игры, сваешной игры, съ висячаго шара, съ ворона, и съ веревочной качели и съ колечной игры платы не брали. Сборъ съ пріѣзжающихъ для катанья и увеселенья начался съ 19-го іюня и производился подъ смотрѣніемъ опредѣленнаго къ горѣ преміеръ-майора Богомолова въ особые запечатанные ящики, которые по наполненіи вскрывались въ присутствіи Вотчинной Канцеляріи.

Смотрителю Богомолову между прочимъ было также приказано въ особой инструкціи: „во время катанія и прочихъ забавъ все прилежно смотрѣть, дабы между собравшимися ссоръ и дракъ и другихъ непристойностей не происходило; также бы подлой народъ, яко боярскіе и фабричные люди, деревенскіе крестьяне и харчевники кромѣ промышленниковъ разнаго званія фруктами и коноетами, также кренделями и тому подобными закусками, каковыя веселящимся въ пищу бываютъ потребны, отнюдь никого не допускать; да и съ тѣми фруктами и закусками были бы въ одеждѣ и обуви опрятной, а не гнустной, для чести придворнаго мѣста, — и для онаго смотрѣнія въ пристойныхъ мѣстахъ имѣть солдатскіе караулы". Для внушенія надлежащаго порядка въ отношеніи *подлыхъ* людей, такихъ карауловъ конечно было достаточно; но стража была безсильна предъ дерзостью людей *благородныхъ*, которые, казалось бы, должны лучше понимать и уважать честь придворнаго мѣста. Такъ, въ одно изъ собраній, машинный мастеръ Томасъ былъ оскорбленъ офицеромъ, на благородную непристойность котораго мастеръ подалъ по начальству слѣдующее объясненіе:

„Въ Собственную Ея Императорскаго Величества Вотчинную Канцелярію доношеніе.

„Сего мая 8-го дня во время собранія былъ я, въ силу приказу на горѣ для смотрѣнія всѣхъ вещей и обереженія оныхъ. Пришедъ ко мнѣ его высокопревосходительства генералъ-фельдмаршала и кавалера Александра Борисовича Бутурлина адъютантъ господинъ Карауловъ и требовалъ, чтобъ для его приказать въ машину лошадей заложить, на что я ему отвѣтствовалъ, что безъ приказу господина совѣтника Андрѣя Володимеровича Удолова того сдѣлать не смѣю. И онъ отвѣтствовалъ гораздо строго; и потомъ пошелъ онъ Карауловъ на карусель; будучи тамъ, пришедъ съ великою озартностію, бранилъ всякими непотребными словами и уграживалъ бить кошками, причитая, что Нѣмчинъ и никакого удовольствія получить не могу, въ чемъ засвидѣтельствовать могутъ караульные солдаты и опредѣленные у той горы люди. Того ради собственную Ея Императорскаго Величества Вотчинную Канцелярію покорно прошу меня отъ такихъ напрасныхъ обидъ защитить и за такое надо мною учиненное отъ него господина Караулова позорство, мнѣ учинить удовольствіе. Мая дня 1763 года. Мастеръ Іосифъ Томасъ".

Между тѣмъ, по отъѣздѣ изъ Москвы Двора начался и откупной торгъ. Прежде всѣхъ объявили желаніе взять гору на аренду плотничныхъ и слюзныхъ дѣлъ мастеръ Осипъ Томасъ вмѣстѣ съ служителями Собственной Вочинной Канцеляріи Никифоромъ Медвѣдевымъ и Александромъ Бахтеиировымъ. Они брали на годъ и давали тысячу рублей. Вотчинная Канцелярія сдѣлала вновь двѣ публикаціи, 16-го и 30-го іюня, въ которыхъ объявляла, что желающіе даютъ по тысячѣ рублей, и чтобъ кто пожелаетъ взять гору на откупъ, тѣбъ къ торгу явились въ непродолжительномъ времени. Но ни въ 1763 г., ни въ 1764 г. не явился желающій, а въ ожиданіи такого первому-то же-

лающему, Томасу, гора все-таки не отдавалась. Не видно, чтобъ онъ жаловался на это, но не видно также, чтобъ онъ и отказался отъ своего предложенія.

По всему вѣроятію, распорядителю горы несравненно было выгоднѣе самому завѣдывать сборомъ, чѣмъ отдать этотъ сборъ откупщику и вообще въ чужія руки. Какъ бы то ни было, но вскорѣ по открытіи горы для публики потребовалось, въ выгодахъ же казеннаго интереса, завести при ней, по крайней мѣрѣ, кондитерскую, ибо необходимый при увеселеніяхъ питейный и съѣстной трактиръ могъ открыть только взявшій всю гору на откупъ. 21-го іюля кандитеръ Петръ Жировъ подалъ въ вотчинную контору слѣдующее доношеніе:

„Увѣдомился я, что при Покровской катательной горѣ во время собранія для увеселенія многія персоны требуютъ питья и всякихъ сортовъ закусокъ, а за неимѣніемъ того питейнаго употребленія принуждены съ тѣхъ увеселительныхъ игоръ многіе разъѣзжаться господа безъ тѣхъ напитковъ. Того ради—покорно прошу дабы повелѣно было мнѣ именованному во время собранія содержать разнаго холоднаго напитку, лимонадъ, лоржатъ, да и протчіе сдѣланные изъ ягодъ, такожъ полпиво и виноградные напитки, при томъ всякихъ конфектныхъ закусокъ, чрезъ чего охотниковъ для увеселенія при той катательной горѣ болѣе собранія быть и въ казну Ея Императорскаго Величества сбору денегъ не малой прибытокъ быть можетъ....“ За то содержаніе онъ обязывался платить въ каждый мѣсяцъ по пяти рублей съ тѣмъ, чтобъ на зимнее время для его заведенія поставлена была свѣтлица и при ней небольшой очагъ изъ казеннаго кошту. Но за такую мало объявленную цѣну, изъ чего никакого интересу приращенія не оказывалось,—ему отказано. Оффиціальные распорядители этими Покровскими увеселеніями употребляли по видимому всѣ средства, чтобъ гора не давала казнѣ никакого дохода.

Дѣйствительно сборъ былъ плохой и оффиціальная при свидѣтельствѣ присутствія Вотчинной Конторы—*высыпка* изъ ящиковъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе обнаруживала холодность ли въ самомъ дѣлѣ публики, или ловкія ошибки сборщиковъ, опускавшихъ можетъ быть деньги, вмѣсто ящиковъ, въ собственные карманы.

На первый разъ въ 1763 году съ 19-го іюня по 24-е іюля было собрано 159 р. 53 коп.*), съ 24-го іюля по 9-е октября всего 81 р. 98 к. Въ 1764 г. съ 21-го января по 5-е марта 117 р. 77 к., съ 5-го марта по 8-е іюня 176 р. 12 к. и червонецъ; съ 8-го іюня по 2-е августа 62 р. 40 к. и 2 червонца; со 2-го августа по 7-е сентября 8 р. 14 к., съ 7-го сентября по 4-е октября 4 руб. 35 к.—Всего съ 19-го іюня 1763 г. собрано въ казну въ годъ три мѣсяца и 16 дней 610 руб. 29 коп., да три червонца. За тѣмъ до конца ноября гора „состояла праздною, къ катанью и къ увеселенію какъ дворянство, такъ и купечество, уже и пріѣзду и збору денежнаго ничего но было". Это была осенняя погода, можетъ быть, по ненастью вовсе неблагопріятствовавшая увеселеніямъ. Но и зимою сборъ также былъ очень незначителенъ. 22-го февраля 1765 г. высыпали изъ ящика всего только 7 руб. 30 коп., собранныхъ за всю зиму.

Между тѣмъ явились наконецъ и охотники взять эти увеселенія на откупъ. Первымъ былъ иноземецъ Антонъ Ивановъ Берлиръ, который посулилъ сначала 500 руб., потомъ 580 руб. въ годъ на слѣдующихъ условіяхъ: „что беретъ онъ на два года съ тѣмъ, чтобъ гора была отдана ему въ содержаніе съ машинными 12-ю лошадьми и при оныхъ 4-мя конюхами и съ работными къ увеселенію семью человѣки; такожъ для

*) При чемъ собрано: съ горы 124 р. 17 к., съ каруселей 28 р. 76 к., съ качелей 6 р. 60 к.

содержанія при той горѣ трактира сдѣланы бъ были покои съ погребомъ на казенный коштъ и чтобъ содержаніе людей и лошадей и разныя по горѣ починки и поправки были бы также на казенный коштъ, а для присмотру въ пристойныхъ мѣстахъ приставленъ былъ бы пикетъ". Такое доношеніе Берлиръ подалъ 4-го февраля 1765 г. и требовалъ, чтобъ контрактъ съ нимъ былъ заключенъ на другой же день, 5-го февраля. Рѣшено было отдать ему гору, но „дабы оную отдачу учинить основательно", сдѣланы были еще публикаціи съ означеніемъ данной Берлиромъ цѣны.

Въ публикаціяхъ февраля 15, М. В. 1765 г. № 13, печаталось: „желающіе взять на откупъ при Покровскомъ дворцѣ катальную гору, со всѣми при ней увеселительными играми и съ содержаніемъ трактира, въ коемъ имѣть будутъ кушанье, чай, кофей, шоколатъ, гданскую и французскую водки, виноградныя напитки, меда и полпива, и дать болѣе 500 рублевъ въ годъ, для торгу и договору могутъ явиться въ собственной Е. И. В. Вотчинной Конторѣ".

Тотчасъ же явились и другіе охочіе люди торговаться. На торгахъ московскій купецъ Сергѣй Ивановъ объявилъ цѣну 620 руб., села Покровскаго крестьянинъ, записавшійся въ купечество, Антипъ Шкаринъ прибавилъ еще 80 руб., бѣлевскій купецъ Тимоѳей Ѳоминъ нанесъ еще 50 руб. Торгъ пошелъ дальше, такъ что иноземецъ Берлиръ дошелъ до 850 руб., Шкаринъ до 855 руб., а Ѳоминъ далъ 860 руб. За этимъ послѣднимъ цѣна и осталась на три года. Такъ какъ гора на казенномъ содержаніи въ годъ коштовала 505 руб. 86¾ коп., то изъ обѣщанной откупной суммы приходилось въ казну прибыли 354 руб. 13¼ коп. Контрактъ съ Ѳоминымъ былъ заключенъ 17-го марта 1765 г.; въ немъ между прочимъ значилось, что „катаніе на той горѣ и увеселеніе на играхъ позволить желающимъ кататься и веселиться

съ перваго пополудни до перваго пополуночи". Но вскорѣ откупщикъ Ѳоминъ по секретному дѣлу отосланъ былъ въ Правительствующій Сенатъ. Откупъ остался за Берлиромъ, который 21 іюня объявлялъ въ газетахъ: „Пріѣзжающіе господа къ Покровскимъ Горамъ и желающіе довольствоваться разными виноградными винами и прочимъ, получать все оное могутъ отъ содержателя тѣхъ горъ близь оныхъ живущаго иноземца Берлира".

Дальнѣйшая исторія Покровской горы и увеселительныхъ игръ заключается въ слѣдующемъ: въ томъ же 1765 году, по случаю присоединенія Собственной Вотчинной Канцеляріи къ Главной Дворцовой Канцеляріи, гора поступила въ дворцовое вѣдомство, которое въ февралѣ 1767 г. объявляло, „что на Покровскихъ катальныхъ горахъ будутъ увеселительныя забавы на круглыхъ и веревочныхъ качеляхъ, каруселяхъ, качальной и своечной фортуны. При которыхъ горахъ, въ трактирѣ для желающихъ будетъ содержаться кушанье, чай, кофе, шеколатъ, гданская и французская водки виноградныя питья, полпива и меды". О послѣдующемъ времени извѣстій не имѣемъ. Можно полагать только, что съ этого времени гора постепенно приходила въ упадокъ, а потомъ въ 1770—1772 гг. настала моровая язва, прекратившая всякія увеселенія, почему въ 1773 году гора уже разваливалась отъ ветхости; все находилось въ гнилости, зданіе покачнулось на бокъ, стекла въ покояхъ были выбиты, обои висѣли лоскутками; самая гора или форсъ и карусели даже и къ починкѣ не были годны; фортунная и кегельная игры совсѣмъ сгнили; за тѣмъ двѣ карусели, къ нимъ висячіе коньки на валахъ, три круглыя качели, игра, что называется воронъ, игра что называется кольцо на шнурѣ, игра кегельная и надъ ней шаръ на шнурѣ, веревочная качель были также ветхи, но ихъ еще можно было починкою исправить. Въ 1776 году изъ Главной Дворцовой Канцеляріи

предписано было: „гору карусели и прочія увеселительныя игры все сломать и годное употребить на починки дворцовыхъ строеній, а негодное на дрова въ казенное употребленіе". Любопытно, что разборка горы кончилась тѣмъ, что самая большая часть матеріала была неизвѣстно куда утрачена. Въ 1785 году началось было по этому поводу дѣло, но чрезъ полгода, въ 1786 г., Главная Дворцовая Канцелярія опредѣлила: „дѣло сіе слѣдствіемъ оставить; ибо изслѣдовать дѣйствительно никакой возможности нѣтъ, во первыхъ потому, что какъ гора, такъ и прочія увеселительныя игры долговременно были оставлены не только безъ караула, но и безъ присмотра, почему не только что желѣзнымъ припасамъ, но и дровянымъ могло быть великое расхищеніе". Смотритель между прочимъ объяснялъ, что иное изъ матеріаловъ отъ дождей и снѣговъ все погнило и мелкимъ кустарникомъ и травою заросло и къ набранію годныхъ дровъ ничего не оказалось. Виновные впрочемъ были подведены подъ всемилостивѣйшій манифестъ 1872 года августа 7-го.

Упомянемъ въ заключеніе, что на постройку горы со всѣми къ ней принадлежностями употреблено 18,072 руб. 65 коп.

Относительно катальныхъ горъ при Головинскомъ Дворцѣ, замѣтимъ, что и онѣ въ 1764 г., также отдавались публикѣ на откупъ о чемъ, января 9, въ газетахъ было объявлено: „Желающіе построенныя при Головинскихъ Дворцахъ въ прошломъ году катальныя горы, и при нихъ покои и галлереи, съ принадлежащими къ нимъ строеніями и съ дозволеніемъ о имѣніи герберга, или вольнаго дому, въ силу указовъ, взять на откупъ, съ содержаніемъ въ зимнее и лѣтнее время своимъ или казеннымъ коштомъ, явились немедленно въ московскую Е. И. В. Гофъ-Интендантскую контору съ надлежащими кондиціями".

нарочно напечатанныя объявленія публикѣ уже знать дано; да въ ономъ же саду по пруду будетъ плавать судно на подобіе корабля, которое разными огнями будетъ иллюминовано и на ономъ играна быть имѣетъ разная музыка, что зрителей не мало увеселять можетъ".

Со временъ Екатерины II съ особою веселостью стали праздновать царскіе дни особенно лѣтніе, 28 іюня, день вступленія на престолъ императрицы и 29 іюля, день тезоименитства государя Наслѣдника Павла Петровича. Въ эти дни послѣ соборнаго торжественнаго служенія литургіи и по окончаніи молебна производилась на Красной площади пальба изъ пушекъ, послѣ чего духовныя и свѣтскія знатныя персоны имѣли пріѣздъ въ домъ главнокомандующаго, гдѣ бывали трактованы обѣденнымъ кушаньемъ, во время котораго при питіи за высочайшее здравіе производилась опять пушечная пальба; ввечеру весь городъ бывалъ иллюминованъ. Въ первые годы генералъ-полиціймейстеръ, а потомъ московскій губернаторъ Ив. Ив. Юшковъ въ тотъ же вечеръ или въ другой ближайшій день давалъ дворянству балъ-маскарадъ и ужинъ въ своемъ загородномъ домѣ, (подъ Дѣвичьимъ) съ фейерверками и другими увеселеніями. Въ 1763 г., еще во время пребыванія въ Москвѣ самой императрицы, іюня 12, въ его загородномъ домѣ былъ маскарадъ для придворныхъ и избраннаго общества, на которомъ присутствовала и императрица; а послѣ ея отъѣзда въ Петербургъ, для царскаго дня онъ далъ публичный для дворянства маскарадъ 1 іюля.

„Сего іюля 1 дня, пишутъ Моск. Вѣдомости, для торжества благополучнаго Е. И. В. на всероссійскій престолъ восшествія у Тайн. Сов. Генералъ-Полиціймейстера и Кавалера Ив. Ив. Юшкова въ загородномъ его домѣ былъ балъ въ маскахъ на которомъ знатныхъ обоего пола до 400 персонъ находи-

лось; и при томъ былъ изрядный фейэрверкъ, представляющій тріумфальной обелискъ и на ономъ въ сіяющихъ лучахъ Всевысочайшее Е. И. В. вензловое имя, а надъ нимъ Императорская корона; внизу двѣ лежащія на фронтонѣ фамы; по сторонамъ обелиска въ порталахъ двѣ стоящія статуи, значащія, одна любовь къ Богу, другая къ Отечеству; причемъ и другихъ огненныхъ фигуръ и ракетъ было множество, и весь домъ и садъ иллюминованы. Послѣ того всѣ тѣ персоны трактованы были за разными столами; и по окончаніи стола; балъ паки продолжался до 5 часовъ по полуночи".

Въ 1764 г. такой же балъ у Юшкова былъ данъ въ самый день торжества, въ понедѣльникъ 28 іюня, „на которомъ обрѣтающихся въ Москвѣ обоего пола знатныхъ до 400 персонъ находилось; и при томъ представленъ былъ изъ разныхъ огней преизрядный фейэрверкъ, изображающій на большомъ убранномъ піедесталѣ высочайшее Е. И. В. вензловое имя подъ императорскою короною, по сторонамъ котораго находились статуи съ трубами; при чемъ и другихъ огненныхъ разныхъ фигуръ и большихъ ракетъ множество было, и весь домъ и садъ иллюминованы. Потомъ былъ ужинъ за разными столами, за кои садились по билетамъ; и послѣ того балъ паки продолжался до 5 часовъ по полуночи".

Праздникъ 29 числа въ этотъ годъ ограничился только однимъ обѣдомъ у главнокомандующаго графа Петра Сем. Салтыкова. Но въ слѣдующемъ 1765 году эти праздники растянулись на три дня, по той причинѣ, что въ нихъ принялъ участіе, князь Вас. Мих. Долгоруковъ (Крымскій), угощавшій московскую знать на славу тоже въ загородномъ своемъ домѣ, въ Васильевскомъ, на Москвѣ рѣкѣ, между Андреевскимъ монастыремъ и Воробьевыми горами (нынѣ дача Мамонова). Тогдашнія газеты говорятъ объ этомъ слѣдующее:

„Сверхъ же сего въ сихъ торжествахъ отмѣнное свое усер-
оказалъ его сіятельство господинъ генералъ-аншефъ и

ордена святаго Александра кавалеръ, князь Василей Михайловичь Долгоруковъ, у котораго въ загородномъ домѣ, называемомъ Васильевскомъ, въ оба оные дни, пріѣхавъ отъ молебна, по приглашенію чрезъ разосланные печатные билеты обрѣтающіеся здѣсь господа сенаторы, генералитетъ и прочія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя знатныя персоны, весьма великолѣпно и богато, съ крайнимъ порядкомъ и удовольствіемъ всѣхъ, трактованы были, какъ обѣденнымъ, такъ и вечернимъ кушаньемъ, за здѣланнымъ въ одной галлереѣ фигурнымъ столомъ на 150 кувертовъ, а сверхъ того и въ другихъ покояхъ за нѣсколькими столами, гдѣ при питіи за высочайшія Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества здравія, изъ поставленныхъ въ ономъ домѣ пушекъ производилась пальба. Въ оба жъ дни съ 5 часа по полудни начинался балъ, на которомъ, такъ какъ и за ужинными столами, по таковомужъ приглашенію отъ супруги Его Сіятельства княгини Настасьи Васильевны, присутствовали знатныя дамы и дѣвицы, и балъ, состоя персонахъ въ двухъ стахъ обоего пола, продолжался всегда до совершеннаго разсвѣта слѣдующаго дня; а между тѣмъ безпрестанно подаваемы были служащіе къ прохлажденію напитки и нынѣшняго времени фрукты и конфекты. При чемъ для смотрѣнія столовъ и бала впускаемы были также въ покои купечество и мѣщанство; а особливо для нихъ здѣланъ былъ *театръ*, на которомъ учрежденные отъ полиціи актеры представляли разныя комедіи, которыхъ бывшія у Его Сіятельства знатныя особы смотрѣли изъ галлереи. Какъ домъ Его Сіятельства, такъ и проѣзжая къ Москвѣ рѣкѣ дорога были иллюминованы. А 28 числа, въ 12 часу по полудни, зажженъ былъ фейерверкъ, изображающій на возвышенномъ многими ступенями и съ обѣихъ сторонъ трофеями украшенномъ мѣстѣ стоящую на піедесталѣ въ веселомъ видѣ Россію, возносящую вверхъ

Послѣ церковной службы, когда главнокомандующій и другія знатныя особы вышли изъ Успенскаго собора, то „чрезъ маіора полиціи сказано было народу, что сіе дается имъ въ знакъ несказанной радости о благополучномъ успѣхѣ въ привитіи Е. И. В. оспы, на что отъ собраннаго великаго множества на площади народа и стоящихъ на кровляхъ и разныхъ мѣстахъ слышно было радостное восклицаніе *ура*. Потомъ допущены были къ мясамъ и питью, въ которое время все произходило съ желаемымъ порядкомъ. Въ оный день продолжался во всемъ городѣ колокольный звонъ и ввечеру всѣ домы были иллюминованы; а у Е. С. графа П. С. Салтыкова былъ маскарадъ, для котораго роздано до 600 билетовъ". Онъ продолжался съ 6 часу по полудни до 5 часу по полуночи, при чемъ для всѣхъ былъ изготовленъ и ужинъ.

На другой день 7 ноября празднество совершено съ настоящимъ благоговеніемъ въ Воспитательномъ Домѣ. Тамъ послѣ церковной службы, чинена раздача нищимъ 2000 челов. каждому по 5 копѣекъ да по тюрьмамъ роздано 100 р. За тѣмъ былъ званый обѣдъ у Опекуна, кн. Сергѣя Вас. Гагарина. На третій день 8 числа „прошены были особы первыхъ шести классовъ, также и архіепископъ московскій Амвросій къ князю В. М. Долгорукову на обѣдъ, который былъ на сто кувертовъ; а дамы и дѣвицы въ 6 часу по полудни званы на балъ, продолжавшійся до 5 часу по полуночи, причемъ былъ и ужинъ на 150 кувертовъ. Предъ домомъ была иллюминація, описаніе которой сообщено публикѣ въ особо напечатанныхъ книжкахъ.

10 числа праздновалъ Университетъ, отъ котораго наканунѣ развезены были особыя программы, почему въ этотъ день съѣхалось знатное число сенаторовъ, генералитета и другихъ свѣтскихъ особъ. Былъ молебенъ, профессоръ Барсовъ читалъ рѣчь, а послѣ раздаваемы были стихи сочиненные для

торжества директоромъ Университета Херасковымъ. 11 числа—званый обѣдъ для знатныхъ особъ у тайн. сов. Мих. Гр. Собакина. Въ заключеніе, 13 числа, у губернатора Юшкова—маскарадъ, на которомъ было до 800 персонъ, ужинавшихъ потомъ за разными столами при пушечной пальбѣ, когда пили за высочайшее здравіе. Балъ продолжался также до 6 часу утра. Изготовленъ былъ и фейерверкъ, но по причинѣ сырой погоды зажечь оный было не можно.

На всѣ эти дворянскіе празднества и балы купечество и мѣщанство только смотрѣло. Но и оно устроило своего рода праздникъ въ воскресенье, 16 ноября, когда уже начался филипповскій постъ. „Московское первое и среднестатейное купечество, пишутъ тогдашнія газеты, по всеподданнѣйшему своему усердію согласилось Всевышнему Творцу за сохраненіе Е. И. В. въ вожделенномъ здравіи принесть особливое благодареніе“.

Почему въ тотъ день въ главныхъ трехъ соборахъ, во всѣхъ монастыряхъ и во всѣхъ приходскихъ и ружныхъ церквахъ отправлено было всенощное бдѣніе, а послѣ литургіи пѣтъ благодарственный со звономъ молебенъ, на которое торжество купцы употребили собственныхъ своихъ денегъ 3000 р. и изъ оныхъ произвели, въ дачу архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ и приходскимъ священно и церковно-служителямъ пристойное число, да въ Воспитательный Домъ 500 р., а достальныя за тѣмъ розданы были на искупленіе содержащихся въ тюрьмахъ за долги или доимки въ малыхъ суммахъ и бѣднымъ на милостыню.

Въ то время, не говоря о придворныхъ празднествахъ Петербурга, разныя торжества устроивались и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, конечно, по начину губернаторовъ или при помощи мѣстныхъ богачей, что почиталось какъ видѣли, выраженіемъ особаго вѣрноподданническаго усердія. Въ Новгородѣ

праздновалось тезоименитство императрицы 24 ноября великолѣпнымъ столомъ и маскарадомъ у губернатора Сиверса, а черезъ день по случаю выздоровленія императрицы отъ прививанія оспы у знатнѣйшихъ персонъ города были пиршества, заключившіяся многочисленнымъ маскарадомъ у губернатора, который чрезъ всю ночь продолжался съ особливымъ увеселеніемъ.

Въ Тулѣ по томуже случаю торжества устроились на три дня сряду, начиная съ 4 декабря; при чемъ разныя происходили увеселенія и для народнаго удовольствія тамошнимъ короннымъ повѣреннымъ (виннымъ откупщикомъ) Мѣщаниновымъ выставлены были большіе чаны съ виномъ, пивомъ и медомъ. Въ Архангельскѣ празднованіе продолжалось шесть дней, съ 1 по 6 декабря. Въ первый день у губернатора былъ обѣдъ для духовенства, знатныхъ чиновъ и россійскаго и иностраннаго купечества. Послѣ стола послѣдовалъ балъ и представлена изрядная иллюминація. 2 декабря магистратъ и купечество въ своихъ покояхъ угощали губернатора и всѣхъ тѣхъ же гостей, при чемъ потчивали гостей магистратскіе члены и первые купцы. „Ввечеру, по выставленнымъ за день на публичныхъ мѣстахъ для всѣхъ могущихъ благопристойно прибраться, созывнымъ билетамъ, съѣхались въ магистратскій домъ на балъ въ маскахъ до 200 персонъ (число по тамошнему малому мѣсту знатное), которыя всѣ въ продолженіи бала потчиваны вечернимъ столомъ и лучшими напитками; а передъ домомъ представлена иллюминація и фейерверкъ. Сей открытый маскерадъ продолжался до полнаго разсвѣту слѣдующаго дня, въ который маски въ пристойномъ маскарадномъ приборѣ ѣздили по городу". 3-го числа ввечеру маски опять собрались въ магистратскій домъ и продолжали балъ при такомъ же угощеніи до глубокой ночи. 4 числа полученъ былъ сенатскій указъ о сей же высокопочитаемой радости и празднество во-

зобновилось еще на три дни обѣдами, ужинами, балами и пусканіемъ ракетъ у губернатора, прокурора и капитана надъ портомъ, съ общимъ удовольствіемъ всѣхъ обывателей.

Въ Нижнемъ Новѣгородѣ такой же указъ былъ полученъ 2 декабря. „Почему въ доказательство искренней и должной благодарности за оказанную симъ мужественнымъ поступкомъ (привитіемъ императрицею оспы) для благоденствія всей Россіи высочайшую милость приказано было совершить церковное моленіе, а на другой день отъ губернатора прошены были къ обѣденному столу всѣ чины, благородное дворянство и знатнѣйшее купечество съ ихъ фамиліями, всего собралось 105 персонъ. По окончаніи стола въ 6 часу по полудни начался балъ и продолжался до 3 часу пополуночи. А чтобъ всякой по мѣрѣ своего состоянія для сего столь знаменитаго торжества не остался безъ удовольствія, то отъ г. губернатора выставлены были для народа бочки съ виномъ и пивомъ.

Извѣстно, что тогда же память этого событія Сенатъ установилъ праздновать постоянно въ столицахъ и во всѣхъ городахъ 21 ноября.

Но надо вообще замѣтить, что Екатерининское время отличалось именно особенною охотою всякое событіе даже и совсѣмъ рядовое, въ родѣ царскихъ каждогодныхъ дней, украшать веселыми и роскошными празднествами и пиршествами, преимущественно маскарадами и фейерверками. То, что въ былое время доступно было только Двору, теперь становилось общею потребностію и распространялось по всѣмъ угламъ государства. Придворное поколѣніе, воспитанное еще Елисаветинскими праздниками, операми, маскарадами, управлявшее теперь государствомъ, разносило повсюду свои вкусы и обыкновенія, и устраивало веселости на манеръ дворцовыхъ даже въ отдаленныхъ городахъ. Конечно, въ извѣстной и очень значительной степени въ этихъ случаяхъ руководителями бы-

вали лесть и подобострастіе губернаторовъ и другихъ владычествующихъ чиновъ, а также русское тщеславіе знатныхъ и богатыхъ, употреблявшихъ чрезвычайныя средства, чтобы только выставить и показать себя въ обществѣ первымъ и большимъ человѣкомъ.

Въ 1773 г. въ Казани, 21 числа апрѣля, всерадостнѣйшій день рожденія Е. И. В. былъ отпразднованъ такимъ образомъ, что Московскій Университетъ, въ разсужденіи состоявшихъ подъ его вѣдомствомъ тамошнихъ двухъ гимназій, въ которыхъ совершилось особое торжество по этому случаю,—за долгъ себѣ поставилъ съ надлежащимъ признаніемъ объявить чрезъ газеты и обнародовать достохвальный примѣръ благопріятствованія къ наукамъ и училищамъ, оказанный его высокопревосходительствомъ, д. т. с., кавалеромъ и казанскимъ губернаторомъ Фонъ-Брантомъ. Послѣ церковнаго моленія губернаторъ угощалъ обѣдомъ архіепископа, знатнѣйшее дворянство и мѣщанство съ пушечною пальбою при питіи за высочайшія здравія;—ввечеру былъ маскарадъ, а предъ домомъ горѣла за прозрачными картинами иллюминація.

На другой день празднованіе перенесено въ гимназіи, гдѣ сначала читались учителями рѣчи на латинскомъ и русскомъ языкахъ, учениками на разныхъ языкахъ сочененія о разныхъ матеріяхъ и напослѣдокъ—похвальная Е. И. В. ода.

„Наконецъ Его Высокопревосходительство г. Губернаторъ украсилъ торжество во всемъ на своемъ иждивеніи еще слѣдующимъ образомъ: Вблизи того мѣста, гдѣ читаны были рѣчи, явился престолъ изъ зеленаго штофа съ золотомъ и на [illegible]лахъ, такою же матеріею обитыхъ, находилось изображе- [illegible]вгустѣйшей Монархини, двумя щитодержателями, въ рим- [illegible]ланьѣ одѣтыми, поддерживаемое. Внизу на ступеняхъ [illegible] сидѣла въ обыкновенномъ своемъ уборѣ Минерва, [illegible]леніемъ на высочайшій портретъ устрем-

ляющая. Потомъ съ обѣихъ сторонъ престола вышли пять малолѣтныхъ благородныхъ юношей, и столько же малолѣтныхъ благородныхъ дѣвицъ въ пастушьей одеждѣ, и представляли при инструментальной и вокальной музыкѣ *балетъ*, въ срединѣ котораго двое изъ нихъ, вступивъ, на нижнюю ступень престола, обкладывали всевысочайшій портретъ фестонами, а прочіе пали на колѣни въ двѣ линіи предъ престоломъ, и при вставаніи осыпали окружность онаго изъ карзинокъ своихъ цвѣтами; послѣ чего сидящая на ступени престола Минерва вступила съ прочими въ рядъ и такимъ образомъ сія цвѣтущая юность, чрезъ разныя искусныя дѣйствія, а особливо чрезъ нѣкоторыя, приношеніе молитвъ изображающія движенія, аріи соотвѣтствующія,—сердца присутствующихъ наполняла радостнымъ и усерднѣйшимъ чувствованіемъ, которое чувствительнѣйшіе изъ зрителей изъясняли радостными слезами. Между тѣмъ благороднымъ юношествомъ, кое сей балетъ представляло, находились три малолѣтныя дочери господина Губернатора, изъ коихъ одна, будучи по четвертому году, въ разсужденіи ея лѣтъ, съ невинною пристойностію приводила публику въ пріятное удивленіе."

Извѣстіе объ этомъ праздникѣ было напечатано два раза, одинъ разъ изъ Казани, сокращенно, другой разъ отъ самого Университета съ прибавкою послѣднихъ подробностей.

Возвращаясь къ извѣстіямъ о московскихъ празднествахъ и увеселеніяхъ по случаю царскихъ дней, замѣтимъ, что въ 1769 году объ нихъ газеты вовсе не упоминаютъ. Тогда началась Турецкая война, а затѣмъ слѣдовали годы, 70—72, въ которые началась и опустошила Москву моровая язва.

Первое празднество послѣ всѣхъ этихъ затруднительныхъ и печальныхъ лѣтъ открылось въ подмосковномъ селѣ Кусковѣ, о чемъ газеты записали слѣдующее: „Высокоторжественные дни восшествія на престолъ и тезоименитство На-

слѣдника 28 и 29 іюня праздновалъ Его Сіятельство генералъ-аншефъ, оберъ камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ іюня 30 числа въ своемъ селѣ Кусковѣ, куда всѣ почти находящіяся въ Москвѣ обоего пола знатныя особы приглашены были на балъ, а множество прочихъ жителей и мѣщанства были зрителями сего праздника, такъ что вся долина, болѣе версты продолжающаяся, покрыта была каретами и разными экипажами, и садъ, крыльца и окна въ дому были наполнены людьми. Балъ начался въ 6 и продолжался до 11 часовъ вечера; всѣ аллеи по всему саду, эремитажъ, голландской домикъ и прочія бесѣдки, такъ какъ и прудъ освѣщены были плошками; а по окончаніи бала всѣ присутствующіе на ономъ прогуливались на изготовленныхъ линеяхъ и таратайкахъ по саду. Потомъ зажжена была предъ итальянскимъ домомъ изъ разновидныхъ огней изготовленная нарочно иллюминація и предъ гротомъ зажженъ жефейерверкъ. По окончаніи всего онаго приглашены были всѣ гости къ ужину. Три стола пріуготовлены были въ гротѣ на сто кувертовъ; во время ужина играла инструментальная и вокальная музыка съ хорами; послѣ ужина начался опять балъ, который продолжался уже до 5 часовъ утра. Все сіе было не только съ великолѣпіемъ, приличнымъ имуществу хозяина, но со особливымъ порядкомъ, означающимъ вкусъ, и вымысломъ онаго."

Едвали не съ этого времени Кусково становится публичнымъ мѣстомъ для увеселенія москвичей въ теченіе всѣхъ остальныхъ годовъ XVIII ст., покрайней мѣрѣ намъ неизвѣстно открывалось ли оно прежде для званыхъ и незваныхъ, для всѣхъ обывателей Москвы, которымъ растворялись не только сады и давались всякія зрѣлища, но въ большіе праздники, особенно въ день сельскаго Кусковскаго праздника 1 августа, предлагалось всегда и обильное угощеніе всему прибывшему

народу. Ласковый и гостепріимный господинъ села славился своимъ отмѣннымъ радушіемъ не въ одной Москвѣ, но и по всей Россіи. Высшему же знатному и придворному обществу Кусково было извѣстно еще со временъ Елисаветы, когда, напр. 9 мая 1754 г., послѣ охоты въ Перовскихъ рощахъ, императрица съ наслѣдникомъ престола и со всею свитою россійскихъ и чужестранныхъ особъ въ Кусковѣ кушали вечернее кушанье при изрядной иллюминаціи. За тѣмъ черезъ девять лѣтъ, 10 іюня 1763 года, въ этой славной подмосковной такимъ же образомъ провела вечеръ императрица Екатерина II, гуляла въ саду и „изволила въ прудѣ прогуливаться въ шлюпкѣ", а въ домѣ забавлялась картами и ужинала въ числѣ 29 персонъ, возвратясь въ Москву во 2 часу пополуночи.

Для характеристики общественныхъ веселостей и удовольствій, какими пользовались въ этомъ селѣ всѣ Москвичи, воспользуемся разсказомъ очевидца на одномъ изъ Кусковскихъ праздниковъ въ 1 день августа 1792 г., когда отцовское радушное хлѣбосольство перваго времени перешло по наслѣдству въ той же мѣрѣ и къ сыну, гр. Н. П. Шереметеву.

„Село Кусково, говоритъ Россійскій Магазинъ Туманскаго, ознаменовано неоднократными посѣщеніями вѣнценосныхъ особъ. Въ Москвѣ отъ стараго до малаго всякой его знаетъ, да думать должно, что и въ другихъ городахъ о всемъ томъ слыхали;—ибо, какъ говорятъ: *слухомъ земля полнится*".

Сельскій въ Кусковѣ праздникъ *Происхожденія Честныхъ Древъ*. Въ одиннадцатомъ часу началась обѣдня, которую совершалъ архіерей. По совершеніи литургіи архіерей слѣдовалъ со крестомъ, въ препровожденіи множества священниковъ, ко устроенному для водоосвященія мѣсту. При погруженіи креста производима была пушечная пальба и стоящая по срединѣ пруда яхта съ шестью судами вмигъ украше-

на стала разноцвѣтными флагами.—Въ разсужденіи воскреснаго дня и ясной погоды собралось туда съ самаго еще утра премножество простаго народа, для котораго передъ домомъ приготовлены были столы и не задолго до хозяйскаго обѣда поставлено было кушанье. Проголодавшіеся пѣшеходы такъ пристально кушали, что глядя на нихъ никому бы не понадобилось передъ обѣдомъ принимать апетитныхъ капель".

„Въ исходѣ третьяго часа гости позваны къ обѣду, которой приготовленъ былъ въ раззолоченной зеркальной галлереѣ на 100 кувертовъ. Убранство стола было очень великолѣпно и увеселяло зрѣніе разнообразными и богатыми на филе разставленными фигурами и всею вообще картиною, которая отъ зеркалъ со всѣхъ сторонъ въ двоякомъ видѣ представлялась. Слухъ прельщаемъ былъ мастерскою игрою концертовъ, на скрипкѣ *Г. Феера*, а на віолончелѣ *Г. Фауіуса* и пріятнымъ пѣніемъ италіанскихъ арій пѣвицами и пѣвцами. Ароматныя благоуханія отъ зрѣлыхъ плодовъ и отъ разбросанныхъ къ стати цвѣтовъ доставляли удовольствіе обонянію. Жемчужнопѣнящимися винами разлакомленный вкусъ услаждался сытными и роскошными яствами.—Самъ *Діогенъ* со всѣмъ своимъ къ богатству презрѣніемъ, которое можетъ быть отъ того происходило, что не могъ столько имѣть, сколько имѣть ему желалось, прельстился бы, взглянувъ на все это, оставилъ бы свою бочку и помирилсябъ съ пріятностями избыткомъ доставляемыми.—При питіи за здравіе Всемилостивѣйшія Государыни и всея Императорскія Фамиліи производилась неумолкно пушечная пальба при огромномъ хорѣ пѣвчихъ со всею музыкою.—Когда встали изъ за стола, то множество собравшагося народа въ саду и противъ дома новую представило картину. На лавочкахъ по проспекту къ оранжереѣ сидѣли особнякомъ Русскія пригожайки въ фатахъ; а нѣсколько поодаль мужья ихъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ,

подпоясанныхъ персидскими кушаками, пріятно между собою разговаривали. Вдоль по аллеямъ поминутно просверкивали чепцы, перья, шляпки и разряженные щеголи. Простой народъ толпился передъ домомъ и представлялъ изъ себя пріятную пестроту. Если списывать Кусково, то надлежало въ этотъ день. Это достойно было Рубенсовой кисти. Внимательность его нашла бы безчисленныя прелести.—Сожалительно, что не имѣемъ мы въ семъ родѣ вѣрныхъ картинъ, можетъ быть мало по малу и совсѣмъ истребится костюмъ нашихъ предковъ и другія особенности, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ обыкновенно становятся интересными для потомства.—Какъ скоро гости, вышли на балконъ, то вдругъ отдѣлилось отъ толпы нѣсколько пѣсенниковъ съ искуснымъ рожечникомъ, которые тотчасъ начали пѣть и плясать со всѣми ухватками и ужимками, свойственными народной нашей пляскѣ. Когда гости позабавились симъ зрѣлищемъ, то предложилъ хозяинъ итти въ садъ къ открытому оеатру, гдѣ играны были двѣ оперы: сперьва *Роза и Колосъ*, а послѣ *Говорящая Картина*. Простолюдимы при каждомъ забавномъ словѣ помирали со смѣха, всему давали свой толкъ, и чрезъ то представляли изъ себя другое очень занимательное зрѣлище.—Оттуда пошли въ настоящій оеатръ. Дѣйствіе началось переводною съ италіанскаго оперою, *Два Сильфа*. Какъ достоинство сея піесы составляла музыка, то пѣвцы и пѣвицы и имѣли случай оказать превосходныя дарованія свои въ пѣніи, а особливо перьвая пѣвица приводила всѣхъ въ восхищеніе: чистотою и пріятностію своего голоса. Послѣ оперы данъ былъ трагической балетъ, *Инесъ де Кастро* называемый. Основаніе онаго заимствовано изъ Португальской исторіи.... Перьвое появленіе на сценѣ балетмейстера *Г. Ченфаннелли* въ великолѣпной торжественной колесницѣ, везомой побѣжденными съ предшествующимъ и замыкающимъ отрядомъ воиновъ, поразительно въ

разсужденіи пышности и разпорядка, а отмѣнное его искусство въ танцованіи и въ пантоминѣ приобрѣли ему всеобщее одобреніе. *Гж. Ченфанелли* представлявшая и на ѳеатрѣ супругу его также много интересовала зрителей; а особливо, когда свидѣлась она въ темницѣ съ мужемъ.... Вообще сказать о всѣхъ танцовщикахъ и танцовщицахъ, что въ нихъ не примѣтно ни малѣйшаго принужденія; точность каданса и увѣренность въ своемъ искуствѣ одушевляютъ ихъ движенія. Великолѣпіе и пышность сего зрѣлища чрезвычайны, костюмъ соблюденъ во всемъ до самой малости, исправность въ перемѣнѣ декорацій невѣроятная. Не можно приписать довольно похвалъ живописцу *Г. Валедзини* за искусство его и вкусъ."

„По окончаніи спектакля новыя забавы ожидали гостей. Въ приготовленныхъ линейкахъ отправились всѣ въ домъ, гдѣ и начался балъ. Всѣ были веселы и непринужденны. Прелестныя дѣвицы и молодые кавалеры какъ зефиры летали въ кадансъ по англійскимъ контрадансамъ. Когда довольно танцовали, то хозяинъ позвалъ всѣхъ опять въ садъ, прекрасно освѣщенный для воксала. Въ тоже самое время съ другой стороны дома представлялся безподобный видъ отъ разноцвѣтныхъ фонарей, которыми весь большой прудъ, каналъ съ проспектомъ къ дальней церькви и островъ были убраны. Тихія струи, заимствуя отъ сихъ огней сверканіе рѣзвились по водной поверхности и пестрили ее изумрудными и яхонтовыми прозрачностями.—Гости переведены были въ аллею, изъ которой выходъ засаженъ былъ густыми деревьями; но деревья вдругъ раздвинулись и открыли глазамъ прекрасно иллюминованную декорацію".

„На семъ нечаянномъ ѳеатрѣ представлена была малая комедія *Оракулъ*, откуда слѣдовали въ близъ находящуюся оранжерею, снаружи и внутри иллюминованную. Въ сіе время поставленные въ рощѣ пѣвчіе и музыканты пѣли и играли

огромный хоръ, которой эхо разносило и повторяло въ далекѣ. Оранжерея наполнена уже была множествомъ гуляющихъ и танцующихъ. Убранство оной было прелестно. Зеркальной галлереѣ въ парадномъ домѣ должно было удивляться; а эта заставляла любить себя. Вотъ разность между ослѣпительною пышностію и пріятною простотою. Къ стати разставленныя картинки, бѣлизна стѣнъ и висячія отъ потолка гирланды изъ цвѣтовъ при множествѣ свѣчь занимали зрѣніе, не утруждая его. Правая со входа галлерея нѣсколько выше была намощена и чрезъ то казала видъ въ лѣвую, которая уставлена была прозрачными колоннами и въ которой приготовлено было для гуляющихъ нѣсколько столовъ съ кушаньемъ. Его не убавлялось, сколько ни ѣли; новое блюдо всегда заступало мѣсто опорожненнаго. Всѣмъ разносили чай, кофе, медъ и подчивали конфектами".

„Въ двѣнадцатомъ часу данъ былъ знакъ къ фейерверку и всѣ туда поспѣшно отправились. Щитъ и колеса поставлены были противъ самаго ѳеатра, откуда и смотрѣли на оной изъ окошекъ. Не только все пространство широкой улицы между садомъ и домами наполнено было зрителями, но даже и на большихъ деревьяхъ въ рощицѣ сидѣли люди. Тихая и одними звѣздами слабо освѣщаемая ночь придавала вящшее сіяніе въ яркомъ круженіи блистающимъ искрамъ. Тьма поминутно перемѣнялась въ свѣтъ, то день казался, то опять ночь наступала. Большой щитъ представилъ картину разновидныхъ огней, которые безпрестанно перебѣгая по растянутымъ огненнымъ жилкамъ, насыщали прихотливость зрѣнія. Когда сталъ прогорать щитъ, то пущено было вдругъ премножество ракетъ съ великимъ трескомъ. Падающія отъ нихъ безвредно на народъ искры волновали его, какъ вѣтръ рѣку. По окончаніи фейерверка гости позваны были опять въ большой домъ, гдѣ столъ для ужина совсѣмъ уже готовъ былъ. Въ продолженіе ужина

играли на рогахъ. *Музыка сія начало свое получила въ Россіи* и имѣетъ въ себѣ нѣчто величественное, а въ дали совершенно пріятна, но только не для играющихъ, а для слушающихъ. Что можетъ быть скучнѣе, какъ ждать каждое многовеніе своея очереди, чтобъ протрубить одну только ноту?—Какъ бы то ни было гармоническое расположеніе сихъ одноголосковыхъ сливаетъ ихъ въ одно цѣлое и выполняетъ цѣль музыки:—трогаетъ".

„Послѣ ужина, какъ всѣ гости стали разъѣзжаться, нѣкоторые, чтобъ переждать тѣсноту въ разъѣздѣ, пошли опять въ воксальную галлерею, гдѣ танцы продолжались самые интересные. Шпетныя щеголихи и размашистые щеголи надрывались, прыгая кондрадансъ и непринужденностію своею поддерживали веселость собранія.—Въ третьемъ часу по дорогѣ премножество еще было возвращающагося въ Москву народа пѣшкомъ и въ телѣгахъ, на каждой по осьми и по десяти человѣкъ.—Нѣсколько дней съ ряду ни о чемъ столько не говорили въ Москвѣ, какъ о великолѣпіи Кусковскаго праздника (полагаютъ что оной стоилъ около 25000 руб.), и всѣ единогласно почитаютъ первымъ украшеніемъ онаго благопріятство и ласковость хозяина".

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Размышленія о современныхъ задачахъ Русской исторіи и Древностей. (Отеч. Записки 1860 г. ноябрь) 1

Русская Археологія. (Отеч. Записки 1852 г. августъ) 72

Исторія и Древности Москвы. (Вѣстникъ Европы 1867 г. мартъ и іюнь) 107

По поводу семисотлѣтія Москвы въ 1847 г. (Моск. Вѣдомости 1846 г. № 56) 254

Три неизвѣстныя гробницы въ Моск. Архангельскомъ Соборѣ (Записки И. Археол. Общества т. V. Спб. 1853 г.). . . 258

Московскіе сады въ XVII ст. (Журналъ Садоводства, изд. Пикулинымъ, 1856 г. январь и августъ) 266

Свѣдѣнія о Московскихъ и подмосковныхъ садахъ въ XVIII и XIX ст.

Аннингоффскій садъ на Яузѣ. (Журн. Садов. 1857 г. декабрь, 1858 г. іюль, 1859 г. іюль) 322

Оранжереи и Сады кн. Д. М. Голицына (Журн. Садов. 1857 г. январь) 330

Садъ Слободскаго дворца 338

Садъ въ селѣ Царицынѣ 340

Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII ст. Статья 1. (Современникъ 1852 г. мартъ) 351

Статья II. (Катальная Покровская гора, стр. 468—487, Моск. Вѣдомости 1860 г. № 32) 411

Государств. Университет
Ленинград

3

Stanford University Libraries
3 6105 001 321 061

DK
5
Z34
v.2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 6 1975